

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

**ПИФК – 30 ЛЕТ
1994–2024**

4 (86)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2024
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2024
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

**PIFK – 30 YEARS
1994–2024**

4 (86)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK

2024

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 5–25
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 5–25
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-5–25

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА И ХРОНОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЯ «ПУСТЫННЫЙ БЕРЕГ III» В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

А.А. Масленников¹

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: iscander48@mail.ru

¹ ORCID: [0009-0005-2716-7374](https://orcid.org/0009-0005-2716-7374)

В статье подводятся итог археологических работ 2003–2005 гг. на поселении «Пустынный берег III» в Крымском Приазовье. Основные находки с памятника (черепица, амфорная тара, толстостенная и кухонная, чернолаковая и простая столовая посуда, расписная керамика и граффити) опубликованы и датируются IV – первой половиной III в. до н.э. Большая часть керамических клейм (40 экз.) впервые вводится в научный оборот. Эта коллекция включает оттиски на черепице, амфорные клейма Синопы, Фасоса, Гераклеи, Херсонеса, Коса, Икоса, Менды, одно клеймо неизвестного центра, а также клеймо на стенке тонкостенного сосуда. Анализ этого материала свидетельствует, что поселение «Пустынный берег III» возникло в первой половине IV в. до н.э., его расцвет приходится на вторую половину IV – начало III в. до н.э. Около 270 г. до н.э. памятник приходит в упадок и не позднее 230-х гг. до н.э. окончательно прекращает свое существование. Амфорные клейма подтверждают хозяйственно-административную связь поселения с местным центром – усадебным комплексом «Генеральское-Западное». Так, большая часть синопских, фасосских, а также херсонесское и косское клейма находят прямые аналогии среди находок оттуда.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Крымское Приазовье, поселение Пустынный берег III, амфорные клейма

Данные об авторе. Александр Александрович Масленников – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом полевых исследований ИА РАН; Анна Витальевна Ковальчук – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РНФ в рамках проекта № 23-28-01503 «Керамические клейма сельских поселений Крымского Приазовья IV–III вв. до н. э. как исторический источник».

Поселение «Пустынный берег III» находится в 3,5 км западнее усадебного комплекса «Генеральское-Западное» на довольно крутом западном склоне прибрежной скалистой гряды, вытянутой с севера на юг в крайне восточной части урочища Куль-Тепе. Памятник был обнаружен О.Д. Чевелевым в 2002 г. и раскопан ВКАЭ ИА РАН в 2003–2005 гг.¹ на площади около 1000м².

Какую роль играло это поселение в целой системе небольших населенных пунктов, в окрестностях упомянутого центра, неясно. Напомним, что время появления «Генеральского-Западного» определяется рубежом второй – третьей четвертей IV в. до н.э.² Оно сильно пострадало вследствие некоего военного конфликта в середине второй четверти следующего века³ и было покинуто в начале третьей четверти III в. до н.э. Одной из самых поздних категорий находок являются родоские клейма, около 245–235 гг. до н.э.⁴

Обращаясь к рассматриваемому памятнику, следует еще раз отметить его необычную топографию. Селиться на столь крутом склоне крайне неудобно даже с учетом того, что он закрывает от самых сильных и холодных в этих местах северо-восточных ветров. Это подтверждают и жалкие остатки выявленных здесь строений, которые, кстати, никак не «согласовывались» с необычным обилием черепичных обломков. Кроме того, сам характер культурных напластований более всего напоминает относительно долговременный сброс мусора, сползавшего по склону. Напрашивается предположение, что по аналогии с другим местным поселением (Полянка – эллинистического времени) существовавший тут небольшой населенный пункт со сторожевыми, хозяйственными или какими-то иными функциями оказался практически полностью уничтоженным в результате природной катастрофы, случившейся, по-видимому, уже после прекращения его функционирования⁵.

Возвращаясь же к хронологии рассматриваемого памятника, охарактеризуем основные категории находок, уделив главное внимание керамическим клеймам, собрание которых публикуется впервые. Работы на поселении велись по секторам (I, II, III, IV) в пределах одного раскопа, расширявшегося (раскопы А, Б, В) последовательно, по годам исследования. Это было обусловлено топографией (склон) и вытекающей отсюда особенностью стратиграфии, требовавших «локальных подходов».

Раскопы А и Б. Сектора I затронули совсем небольшие, относительно ровные «площадки» на вершине упомянутой скалистой гряды. Культурный слой здесь был настолько тонок (около 10 см), что исследования свелись в основном к зачистке материка.

Раскоп В находится на скале южнее. Этот участок отличался размерами (около 570 м²) и наличием строительных остатков. Здесь были открыты подпорные стены двух террас (стена № 1, 2), каждая из которых имела ширину около 5–6 м⁶ и сильно разрушенные кладки располагавшихся на них помещений (стены № 3, 4).

¹ Масленников 2010, 198–205.

² Масленников 2010, 97, 122–123; Федосеев 1988, 220.

³ Масленников 2010, 123.

⁴ Ковальчук 2024.

⁵ Напомним, что поселение, предшествовавшее собственно Полянке (вторая половина I в. до н.э.), прекратило свое существование на рубеже II–I вв. до н.э.

⁶ Масленников 2010, 201, рис. 180–183.

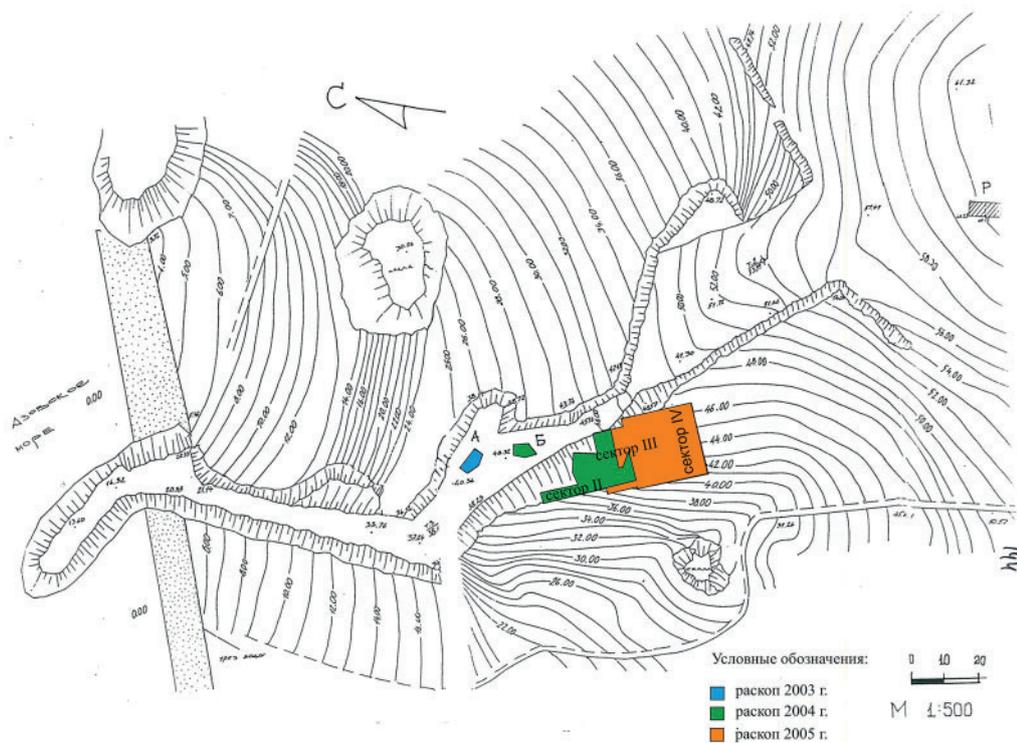

Рис. 1. Топографический план поселения «Пустынный берег III» с указанием раскопов
 Fig. 1. Topographic plan of the Pustynnyy Bereg III settlement with indication of excavation sites

На ЮЗ склоне спускающейся к морю скальной гряды в 130 м южнее участка Б располагался *сектор II* площадью 50 м². Строительные остатки тут отсутствовали, толщина культурного слоя достигала 15–25 см.

В *секторе III* археологические работы проводились в основном в юго-западной части памятника, где на небольшой площади (29 м²) было выявлено скопление зольного грунта, содержавшего фрагменты керамики и измельченных створок раковин мидий (мусорный сброс?). Его мощность достигала 0,85 м. Вероятно, это был некий единовременный сброс мусора.

Сектор IV (218 м²) находится в крайней южной части поселения на очень крутом участке склона с перепадом высот до 6,4 м.

Основные категории массового материала (черепица, амфорная тара, толсто-стенная, чернолаковая и простая столовая и кухонная посуда, а также расписная керамика, монеты и граффити) опубликованы⁷. Вся эта коллекция в процентном отношении выглядит следующим образом. Обломки амфор составляют 66%, посуды – 14%, керамид – 12%, пифосов – 8%⁸. В свою очередь посуда распадается на

⁷ Ковальчук 2012, 23–25; Ломтадзе 2015, 49–53; Масленников 2012б, 78; 2012а, 165–192.

⁸ Ломтадзе 2015, 53, рис. XII.

простую столовую и кухонную (65%), лепную (27%), чернолаковые сосуды (7%) и прочую (1%)⁹.

Амфорная тара представлена 663 профильными фрагментами и 6621 стенкой, из которых: Синопа – 32%, Гераклея – 16%, Хиос – 9%, Фасос – 8%, Кос – 3%, Пепарет II – 2%. На Менду, Пепарет I, Книд и типа Муригиоль приходится по 1%. Единичные обломки относятся к Колхиде, Херсонесу, Родосу, Лесбосу, неизвестные центры составляют 26%¹⁰. Отдельные экземпляры относились к первой четверти IV в. до н.э.¹¹. Это подтверждается и двумя клеймами (кат. № 22, 24). Но в подавляющем большинстве амфорная тара датируется второй четвертью IV – началом III вв. до н.э.¹²

Как уже отмечалось, «Пустынный берег III» выделяется среди соседних памятников большим количеством обломков керамид (1350 экз.)¹³ преимущественно пантикапейского производства, хотя встречаются отдельные – синопской глины. Анализ черепичных клейм¹⁴ позволяет говорить о единовременном завозе этого строительных материалов в начале последней четверти IV в. до н.э.

Чернолаковая посуда представлена канфарами, причем образцы с каннелированным туловом и декором в стиле «западного склона» отсутствуют. Кроме того, это миски, тарелки, рыбные блюда и фрагмент скифоса¹⁵. Их датировка «укладывается» в промежутке с 325 по 275/250 гг. до н.э.¹⁶

Расписная керамика ограничивается нижней частью тулова краснофигурного кратера¹⁷, относящегося к первой половине–середине IV в. до н.э.

С поселения происходят три владельческих граффито на столовой посуде и одно – цифровое на стенке красноглиняной амфоры¹⁸. Несколько пантикапейских монет относятся к концу IV в. до н.э.¹⁹

Коллекция клейм (40 экз.) включает оттиски на черепице (11 экз., кат. № 1–2, 31–39) и амфорные клейма Синопы (14 экз., кат. № 3–17), Фасоса (5 экз., кат. № 18–22), Гераклеи (3 экз., кат. № 24–26), Херсонеса (кат. № 23), Коса (кат. № 27), Икоса (кат. № 28), Менды (кат. № 29), неизвестного центра (кат. № 30), а также оттиск на стенке тонкостенного (мерного?) сосуда (кат. № 40).

Большинство оттисков на синопских изделиях (3 – на черепице) принадлежит астиномам II группы по Н. Коновичи (II–III МГ В.И. Каца) (10 экз.): Антимаху I; Эпиэллу I; Леокриту; Теарию, сыну Филона; Посидею, сыну Гефестодора; Полихарму (кат. № 1–2, 4–6, 8–12). Еще два штампа относятся к более позднему времени. Это клеймо астинома Дионисия сына Аполлодора (кат. № 3) магистрата IV группы, работавшего в 370-е гг. до н.э. И клеймо Геронима, сына Посидония (кат. № 7), которое датируется 230-ми гг. до н.э. И, если по времени к оттиску Ди-

⁹ Ломтадзе 2015, 53, рис. XIII.

¹⁰ Ломтадзе 2015, 52, табл. 20.

¹¹ Ломтадзе 2015, 53.

¹² Ломтадзе 2015, 49, табл. 18.

¹³ Ковальчук 2012, 23; Ломтадзе 2015, 53, рис. XII.

¹⁴ Ковальчук 2012, 24, рис. 29, 48; кат. № 1–2, 28–35.

¹⁵ Масленников 2012, 188–190.

¹⁶ Масленников 2012, 190, табл. 6.

¹⁷ Масленников 2012, 77–78, рис. 5, 6.

¹⁸ Сапрыкин, Масленников 2012, 207, 211, рис. 3, 40–43.

¹⁹ Масленников 2010, 201.

онисия близко также херсонесское клеймо и отдельные фрагменты столовой посуды, то второе клеймо вообще является самой поздней находкой на памятнике. Оно происходит из зольного заполнения углублений в скале, где также были найдены штампы кат. № 5–6, 7, 9, 12, 17, 20, 28 и материал второй половины IV – начала III в. до н.э. Характерно, что штамп Геронима происходит из нижнего горизонта. Вероятно, эта зольная засыпка, как уже писалось, представляла собой единовременный мусорный сброс, связанный с последним периодом жизни на памятнике.

Отдельно следует сказать о клейме с упоминанием должности эсимнета. Восстановление и интерпретация его легенды стали объектом длительной дискуссии²⁰, точку в которой поставил Н.Ф. Федосеев, пришедший к мнению, что в легенде фигурирует гончар Никострат, работавший при эсимнете Никии и астиноме Посидее, сыне Гефестодора²¹. Отметим неверное распределение легенды по строкам у Н.Ф. Федосеева и повторение этой ошибки В.И. Кацем²². В качестве эмблемы упоминается палица и лук, последний правильнее было бы назвать колчаном.

Легенды пяти клейм не удалось восстановить (кат. № 13–17).

Довольно компактную группу представляют оттиски Фасоса. Это клейма магистратов Алкида (кат. № 18–19) и Фасона (кат. № 20–21), деятельность которых приходится на 324–304 гг. до н.э.²³ Легенда одного клейма не восстановлена (кат. № 22), однако, оно, по-видимому, относится к более раннему времени.

Гераклейские клейма распадаются на две группы. Клеймо фабриканта Сотера I (кат. № 24) относится к ранней фабрикантской группе конца V – начала IV вв. до н.э.²⁴ Его находка, наряду с амфорным материалом и фрагментом расписной керамики, позволяет предположить, что поселение (или некий эпизод посещения) появилось, по крайней мере, еще в первой половине IV в. до н.э. Вторая группа представлена двумя клеймами (кат. № 25–26), которые по характеру легенды (имя в одну строку, в сокращенном варианте) можно отнести к концу IV – началу III вв. до н.э.²⁵

Первой четвертью III в. до н.э. датируется и херсонесское клеймо астинома Диоскурида.

Интересно клеймо Икоса (кат. № 28), наиболее близкая аналогия которому происходит из раскопок на ул. Циолковского в Керчи. Находки из комплекса датируются второй половиной IV – началом III в. до н.э.²⁶, хотя бытование амфор того же типа, что и керченское горло с клеймом Икоса (первый тип), определяется более ранним временем – второй четвертью – серединой IV в. до н.э.²⁷

Аналогия косскому клейму в виде монограммы известны с соседнего памятника «Генеральское-Западное». По-видимому, косские клейма в виде отдельных букв появляются еще во второй половине / конце IV в. до н.э.

²⁰ Федосеев 2014, 93–94.

²¹ Федосеев 2014, 94.

²² Федосеев 2014, 94; Кац 2017, 269, табл. 15, 10.

²³ Tzocher 2016, tabl. 2, Period IV.

²⁴ Кац 2007, 429, РФГ, № 48.

²⁵ Кац 2007, 430, ПФГ.

²⁶ Монахов, Федосеев 2013, 255.

²⁷ Монахов, Федосеев 2013, 259–260.

Определить центр производства ручки светло-розовой глины с бежевым ангобом не удалось. Клеймо отпечатано у ее нижнего корня: в круглый оттиск вписан круг, в центре которого находится монограмма из букв А, I, T (?) в лигатуре.

Черепичные клейма представлены оттисками на синопской (кат. № 1–2) и пантикапейской керамидах (кат. № 31–39). Большую часть их составляют клейма Фаномаха (кат. № 31–38), отпечатанные одним штампом. Упоминание этого имени в эпитафии из Керчи (КБН, 113), датируемой временем Перисада I (344–310 гг. до н.э.), а также ареал распространения находок черепиц с этим штампом в Пантикапее и ближайшей округе, позволяют предполагать, что речь в обоих случаях может идти об одном и том же человеке²⁸.

Отдельно рассмотрим четырехстрочное клеймо на тонкостенном закрытом сосуде (кувшин (?), кат. № 40). Глина черепка красно-розовая, с непрозрачными известняковыми включениями, напоминает изделия боспорского производства. Клеймо рельефное, рамка оттиска не пропечаталась, небольшой фрагмент (1 буква) слева и значительный кусок легенды справа (2–5 букв) отбиты. На поверхности видны следы гари. Все три восстановленных имени известны преимущественно в дорийских центрах. Название должности и другие указания на род деятельности отсутствуют. По характеру легенды наиболее близкая аналогия происходит с поселения «Крутой берег», где в легенде клейма приведены три имени также без дополнительных указаний²⁹ (<http://stampsofbosporus.ru/> № 194). Эмблемы тоже, вероятно, не было. Сумма известных на сегодняшний день данных позволяет видеть в перечисленных именах фабрикантов, изготовивших сосуд. Клеймо упомянуто в статье Н.Ф. Федосеева с ошибочным указанием происхождения с «Генеральского-Западного»³⁰

Подводя итог, отметим, что время существования поселения «Пустынный берег III» близко периоду функционирования только что упомянутого объекта. На обоих памятниках присутствует небольшое количество гераклеийских клейм конца V – начала IV вв. до н.э. Близка и датировка самого позднего материала. На «Генеральском-Западном» в небольшом количестве встречаются клейма синопских астиномов V группы, работавших в 240-х и первой половине 230-х гг. до н.э., в том числе 4 клейма Геронима сына Посидония, такого же штампа, что и находка с поселения «Пустынный берег III».

Итак, этот пункт возник в первой половине IV в. до н.э.; его активное функционирование приходится на вторую половину IV – начало III вв. до н.э. Около 270 г. до н.э. памятник приходит в упадок и не позднее 230-х гг. до н.э. прекращает существование.

Помимо хронологии, рассмотренные амфорные клейма подтверждают близкую хозяйственную связь двух упомянутых памятников. Так, большая часть синопских, фасосских, а также херсонесское и косское клейма «Пустынного берега III» находят прямую аналогию среди находок «Генеральского-Западного». Возможно, они принадлежат к одной торговой партии.

Наконец, керамические клейма свидетельствуют, что изначально поселение «Пустынный берег III» появилось на вершине скальной гряды (раскоп А и Б), а в

²⁸ Ковальчук 2012, 24–25.

²⁹ Федосеев 2016б, 488, рис. 4, 7.

³⁰ Федосеев 2016б, 488, рис. 4, 5.

последней четверти IV в. до н.э. сместилось к югу, где на двух террасах возникли помещения, крытые черепицей. Наиболее поздним объектом является зольно-мусорный сброс, датированный не позднее третьей четверти III в. до н.э.

КАТАЛОГ

Синопа

Αντίμαχος Ι

1 [Αντ]μάχου
ἀστυνό(μου)
Ἡρακλεί(δου)
προρα

2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 23 (ВКИМЗ, КП-159599; ККК-21869)
332 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 9]; к. 330-х – нач. 320-х гг. до н. э. [Conovici 1998, Па, № 24; Garland, Kara 2004, ПВ, № 24; Кац 2015, 8, № 1049–1052; 2007, 434, II МГ, № 9]
клеймо на черепице

2 Αντιμάχου
ἀστυνό(μου)
[Ν]ευμήν(ος)
голова Гермеса, кадучей

2004 г., сектор III, слой 2, оп. № 24 (ВКИМЗ, КП-159600; ККК-21870)
332 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 9]; к. 330-х – нач. 320-х гг. до н. э. [Conovici 1998, Па, № 24; Garland, Kara 2004, ПВ, № 24; Кац, 2015, 8, № 1049–1052; 2007, 434, II МГ, № 9]
Аналогии: IOSPE III № 1096; <http://stampsofbosphorus.ru/> № 1886 (Генеральское-Западное)
клеймо на черепице

Διονύσιος Ἀπολλοδώρου

- 3 [Φιλοκ]ράτης
[ἀστυ]νόμου
[Διονυ]σίου
канфар, неясная эмблема
(якорь?)

2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 30 (ВКИМЗ, КП-159606; ККК-21879)
295 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 40]; вт. пол. – к. 270-х гг. до н. э. [Conovici 1998, IV, № 79; Garland, Kara 2004, VA, № 81; Кац 2015, 26, № 1133; 2007, 435, V МГ, № 8]
Аналогии: IOSPE III № 2551-2552

Ἐπιέλτος I

- 4 Ἐπιέ[λτου]
ἀστ[υ]νό(μου)
Κα[λλισθέ]ς(νου)
[виноградная гроздь]

2004 г., сектор II, слой 3, оп. № 32 (ВКИМЗ, КП-159608, ККК-21881)
347 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 50]; вт. пол. 320-х гг. до н. э. [Conovici 1998, IIВ, № 30; Кац 2015, 31–32, № 1157–1163; 2007, 435, I МГ, № 19], пер. пол. 320-х гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ПС, № 31]
Аналогии: <http://stampsofbosphorus.ru/> № 1906 (Генеральское-Западное)
следы гари

- 5 Ἐπιέλ[του]
ἀστυνό(μου)
Ποσειδῶ[νι]ς(ου)
[виноградная гроздь, колос]

2005 г., сектор III, слой 3, оп. № 11 (ВКИМЗ, КП-162101; ККК-22635)
347 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 50]; вт. пол. 320-х гг. до н. э. [Conovici 1998, IIВ, № 30; Кац 2015, 31–32, № 1157–1163; 2007, 435, I МГ, № 19], пер. пол. 320-х гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ПС, № 31]
Аналогии: IOSPE III № 3126–3131; Conovici, 1998, 159, № 613; <http://stampsofbosphorus.ru/> № 1738 (Генеральское-Западное)

6 [Επιέλπ]ου
[ἀστυ]νό(μου)
[Πρυτά]νι(ος)
ραковина

2005 г., сектор III, слой 3, оп. № 13
347 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 50]; вт. пол. 320-х гг. до н. э. [Conovici 1998, ПБ, № 30; Кац, 2015, 31–32, № 1157–1163; 2007, 435, I МГ, № 19], пер. пол. 320-х гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ПС, № 31]
Аналогии: IOSPE III № 3133-3135; <http://stampsobosphorus.ru/> № 1623, 2370 (Генеральское-Западное)

Ἡρώνημος Ποσειδωνίου

7 [ἀστυνό]μου
[Ἡρώνη]μου τοῦ
[Ποσειδω]νίου
[Ἀλατούρι]ος
трофей

2005 г., сектор III, слой 3, скала, оп. № 14 (ВКИМЗ, КП-162103; ККК-22637)
274 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 67]; пер. пол. 230-х гг. до н. э. [Conovici 1998, Vc, № 119]; вт. пол. 230-х гг. до н. э. [Garlan, Kara2004, VIC2, № 122–128]; 230-е гг. до н. э. [Кац 2015, 40, № 1195–1196; 2007, 435, VI МГ, № 27]
Аналогии: IOSPE III № 3808; <http://stampsobosphorus.ru/> № 574, 1446 (Сьюрташ, Генеральское-Западное)

Θεαρίων Φίλωνος

8 Θε[αρίωνος]
ἀσ[τυνό(μου)]
Πο[σειδωνίω]
[виноградная гроздь, колос]

2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 33 (ВКИМЗ, КП-159609; ККК-21882)
321 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 71]; вт. пол. 310-х гг. до н. э. [Conovici 1998, ПС, № 41], конец IV в. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ПС, № 48; Кац 2015, 41–42, № 1199–1201; 2007, 434, III МГ, № 21]
Аналогии: IOSPE III № 3887-3891; <http://stampsobosphorus.ru/> № 1681 (Генеральское-Западное)
фотография отсутствует

Λεόκριτος

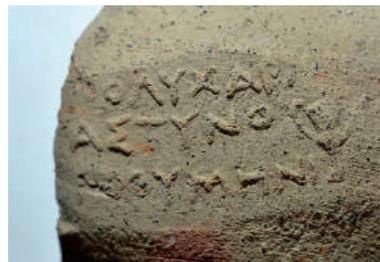
- 9 [Λεω]κρίτου
[ἀστ]υνό(μου)
[.....]ης
факел, ойнохоя

2005 г., сектор III, слой 3, оп. № 15 (ВКИМЗ, КП-162104; ККК-22638)
334 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 100]; вг. пол. 320-х гг. до н. э. [Conovici 1998, ΠВ, № 31], конец 320-х – пер. пол. 310-х гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ΠΑ, № 38; Кац 2015, 58, № 1271; 2007, 434, III МГ, № 7]

Πολύχαρμος

- 10 Πολυχάρ[μου]
ἀστυνό(μου)
Νουμηνί(ου) vacat [Πο]
канфар, виноградная
гроздь, колос

2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 31 (ВКИМЗ, КП-159607; ККК-21880)
326 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 132]; конец IV в. до н. э. [Conovici 1998, Πδ, № 52], начало III в. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ΠΙΔ, № 57; Кац 2015, 73, № 1330–1331; 2007, 434, III МГ, № 24]
Аналогии: IOSPE III № 6478-6479

Ποσίδειος Ἡφαιστοδώρου

- 11 палица [ἀστυνόμου]
[Ποσι]δείου τοῦ Ἡ-
[φαισ]τοδώρου

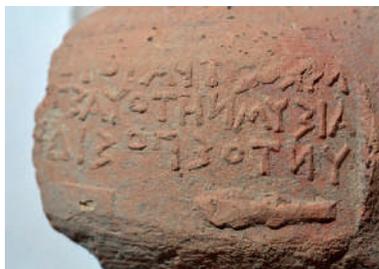

2005 г., сектор III, слой 3, оп. № 9 (ВКИМЗ, КП-162099; ККК-22633)
329 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 139]; к. 320-х - нач. 310-х гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ΠВ, № 45; Кац 2015, 63, № 1289–1294; 2007, 434, III МГ, № 13; Conovici 1998, Πс, № 46]

Аналогии: IOSPE III № 6850–6854

надпись ретроградная, эмблема в верхнем левом углу

- 12 Νικοστράτου. [ἐπί Νικία]
αἰσιμνήτου ἀστυ[νομο-]
ῶντος Ποσειδε[ίου]
колчан (?), палица

2005 г., сектор III, слой 3, оп. № 10 (ВКИМЗ, КП-162100; ККК-22634)
329 г. до н.э. [Fedoseev 1999, № 139]; к. 320-х - нач. 310-х гг. до н. э. [Garlan, Kara 2004, ПБВ, № 45; Кац 2015, 63, № 1289-1294; 2007, 434, III МГ, № 13; Conovici 1998, Пс, № 46]

Аналогии: IOSPE III № 25, Граков 1929, 134; Придик 1917, 94, № 681; Василенко 1972, 486, табл. XIII; Гаврилов 2011, № 521; Кац 2007, 270, рис. 61, 8, см. также Федосеев 2014, 93–94

надпись ретроградная, красная краска

Легенда не восстановлена

- 13 Κα[]
[]
[]

2003 г., участок А, слой 2, оп. № 97 (ВКИМЗ, КП-156850; ККК-21481)

большая часть клейма отбита

- 14 []
ἀστυνό(μου)
Ποσειδωνίο
канфар, виноградная
гроздь

2004 г., сектор III, слой 2, оп. № 34 (ВКИМЗ, КП-159610; ККК-21883)
фотография отсутствует

15 ἄσ[τυνο(--)]
 []
 Μ[]
 Κα[λλισθένου]

2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 36 (ВКИМЗ, КП-159611; ККК-21884)
 большая часть клейма справа отбита

16-17 []

16. 2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 35 (ВКИМЗ, НВФ); 17. 2005 г., подъемный материал, оп. № 12 (ВКИМЗ, НВФ)
 легенды сильно затерты, фотография отсутствует

Фасос

Ἀλκείδης

18 Θασίω[ν]
 кувшин←
 Ἀλκείδης

2005 г., сектор IV, слой 4, оп. № 17 (ВКИМЗ, КП-162106; ККК-22640)
 324–304 гг. до н. э. [Tzocher 2016, период IV]
 Аналогии: Tzocher (сайт), штамп 1379; <http://stampsofbosphorus.ru/> № 2289, 2293 (Генеральское-Западное)

19 [Θασί]ων
 пальметта←
 [A]λκείδ[ης]

2005 г., сектор IV, слой 2, оп. № 18 (ВКИМЗ, КП-162107; ККК-22641)
 324–304 гг. до н. э. [Tzocher 2016, период IV]

Θάσων I

20
 Θάσων
 собака→
 Θασίων

2005 г., сектор III, слой 3, оп. № 16 (ВКИКМЗ, КП-162105; ККК-22639)
 324–304 гг. до н. э. [Tzochev 2016, период IV]
 Аналогии: Генеральское-Западное, 1988, оп. № 306 (не опубликовано)

21
 Θ[ασίω]ν
 угорь←
 Θάσ[ων]

2005 г., сектор IV, слой 2, оп. № 19 (ВКИКМЗ, КП-162108; ККК-22642)
 324–304 гг. до н. э. [Tzochev 2016, период IV]
 Аналогии: Tzochev (сайт), штамп 1383; Debidour 1999, № 501; <http://stampsfbosphorus.ru/> № 2012 (Генеральское-Западное)

22
 голова льва или краб (?)
 []

2004 г., сектор II, слой 2, оп. № 38 (ВКИКМЗ, КП-159613; ККК-21886)

Херсонес

Διοσκουρίδας

23 [Διοσκ]ουρίδα {HPA}
[ἀστυ]νόμου

2004 г., сектор II, слой 3, оп. № 39 (ВКИКМЗ, КП-159614; ККК-21887)
300–285 гг. до н. э. [Кац 1994, группа 1B]
Аналогии: Кац 1994, 1–40, 6; Генеральское-Западное, 1994, оп. № 287

Гераклея

Σωτήρ I

24 Σω[τ-]
ήρ

2003 г., участок А, слой 2, оп. № 99 (ВКИКМЗ, КП-156852; ККК-21483)
конец V - начало IV в. до н. э. [Кац 2007, 429, РФГ, № 48]
Аналогии: IOSPE III № 1868–1890; Кац 2015, 2235–2236 (77-78); Balabanov, Garlan, Avram 2016, 152, № 126 (группа С); Федосеев 2016, 253, № 2500-2502
Публикация: Федосеев 2016, 253, № 2503
надпись ретроградная

Πα(---)

25 Πα[]

2005 г., сектор IV, слой 2, оп. № 22 (ВКИКМЗ, КП-162111; ККК-22645)
конец IV – начало III в. до н. э. [Кац, 2007, ПФГ]
Аналогии: новый штамп
Публикация: Федосеев 2016, 253, № 2503. Федосеев читает ПΔ[---]

Προ(μαθίων)

26 Про(μαθίων)

2005 г., сектор IV, слой 1, оп. № 23 (ВКИКМЗ, КП-162112; ККК-22646)
 конец IV – начало III в. до н. э. [Кац, 2007, ПФГ].
 Аналогии: IOSPE III № 1791–1792; Брашинский 1980, № 508; Федосеев 2016, 248,
 № 2423–2425
 надпись ретроградная

Кос

27 Δ

2004 г., сектор II, слой 1, оп. № 37 (ВКИКМЗ, КП-159612; ККК-21885)
 Аналогии: <http://stampsosfbosphorus.ru/> № 2143, 2148 (Генеральское-Западное)

Икос

28 [Γ]κίουν

2005 г., сектор 3, слой 3, оп. № 24 (ВКИКМЗ, КП-162113; ККК-22647)
 вторая-третья четверть IV в. до н. э. [Монахов, Федосеев 2013, 259]
 Аналогии: Придик 1917, 60, № 1–3 (штамп неясен); IOSPE III № 3–14, 16; Монахов, Федосеев 2013, 261, рис. 1, 6–7

Менда

29 вдавленный круг

2005 г., сектор 4, слой 2, оп. № 21 (ВКИКМЗ, КП-162110; ККК-22644)
анэпиграфное

Неизвестный центр

30 Αιτ (?)

2005 г., сектор 4, слой 3, оп. № 20 (ВКИКМЗ, КП-162109; ККК-22643)
монограмма, круглое клеймо с рамкой по краю

Пантикапей (черепица)

Φανόμαχος

31-37 Φανομά(χου)

31. 2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 25 (ВКИКМЗ, КП-159601; ККК-21871); 32. 2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 26 (ВКИКМЗ, КП-159602; ККК-21872); 33. 2004 г., сектор III, слой 1, оп. № 27 (ВКИКМЗ, КП-159603; ККК-21873); 34. 2004 г., сектор III, слой 1, оп. № 28 (ВКИКМЗ, КП-159604; ККК-21874); 35. 2004 г., сектор III, слой 3, оп. № 29 (ВКИКМЗ, КП-159605; ККК-21875); 36. 2003 г., сектор А, слой 2, оп. № 98 (ВКИКМЗ, КП-156851; ККК-21478); 37. 2003 г., сектор В, слой 1, оп. № 95 (ВКИКМЗ, НВФ)
380-370 гг. до н. э. [Анохин, 1999, 198]
Аналогии: IOSPE III № 1317; Анохин 1999, 198, № 120
Публикация: Ковальчук 2012, 24-25, № 2-8; Федосеев 2012, 88, № 2791-2796
ретроградно, красная краска

Λυ()

38 Λυ()

2005 г., сектор 4, слой 1, оп. № 8 (ВКИКМЗ, КП-162098; ККК-22594)
380-370 гг. до н. э. [Анохин, 1999, 194]

Аналогии: Гайдукевич 1934, 307, № 49; IOSPE III № 489-493; Анохин 1999, 194, № 75

Публикация: Ковальчук 2012, 24, № 1; Федосеев 2012, 59, № 1310
в лигатуре
фотография отсутствует

39 □
2003 г., сектор В, слой 1, оп. № 96 (ВКИКМЗ, НВФ)

не восстановлено, фотография отсутствует

Тонкостенный сосуд (кувшин)

40 [Τ]αρίσκ[ου]
Ἡρακώ[ντος]
Λυσίθ[έου]
[.]π[]

2004 г., сектор 3, слой 2, оп. № 17 (ВКИКМЗ, КП-159593; КМГ-3584)
Публикация: Федосеев 2016, 488, рис. 4, 5
рамка не отпечталась

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriiskogo [History of the Cimmerian Bosphorus]*. Kiev.
- Анохин, В.А. 1999: *История Боспора Киммерийского*. Киев.
- Balabanov, P., Garlan, Y., Avram, A., 2016: Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.). *Pontica XLVIII–XLIX. Suppl. IV*. Constanța.
- Brashinskiy, I.B. 1980: *Grecheskiy keramicheskii import na nizhnem Donu [Greek Ceramic Imports on the Lower Don]*. Leningrad.
- Брашинский, И.Б. 1980: *Греческий керамический импорт на нижнем Дону*. Л.
- Conovici, N. 1998: Les timbres amphoriques. 2. Sinope (Touilles timbrées comprises). *Histria VIII (Corpus international des timbres amphoriques. Fasc. 3)*.
- Fedoseev, N.F. 1988: Amfornye kleyma iz raskopok poseleniya General'skoe Zapadnoe. In: *Tezisy dokladov krymskoy nauchnoy konferentsii «Problemy antichnoy kul'tury», 19–24 sentyabrya 1988 [Abstracts of the Reports of the Crimean Scientific Conference "Problems of Ancient Culture", September 19-24, 1988]*. Simferopol, 220–221.

- Федосеев, Н.Ф. 1988: Амфорные клейма из раскопок поселения Генеральское Западное. В сб.: *Тезисы докладов крымской научной конференции «Проблемы античной культуры», 19–24 сентября 1988 г.* Симферополь, 220–221
- Fedoseev, N.F. 1999: Classification des timbres astynomiques de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence, 27–48.
- Fedoseev, N.F. 2012: *Keramicheskie kleyma. Bospor* [*Ceramic Stamps. Bosphorus*] (Из собрания Vostochno-krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Kolleksiya keramicheskikh kleym [From the Collection of the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Collection of Ceramic Stamps]. Vol. I). Kiev.
- Федосеев, Н.Ф. 2012: *Керамические клейма. Боспор* (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Коллекция керамических клейм). Т. I. Киев.
- Fedoseev, N.F. 2014: Iz istorii Sinopy. Keramicheskiy aspekt [From the History of Sinope. Ceramic Aspect]. *Tavrisheskie studii* [*Tauric Studies*] 6, 90–97.
- Федосеев, Н.Ф. 2014: Из истории Синопы. Керамический аспект. *Таврические студии*, 6, 90–97.
- Fedoseev, N.F. 2016a: *Keramicheskie kleyma. Gerakleya Pontiyskaya* [*Ceramic Stamps. Heraclia Pontica*] (Из собрания Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Kolleksiya keramicheskikh kleym [From the Collection of the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Collection of Ceramic Stamps]. Vol. II. Kerch.
- Федосеев, Н.Ф. 2016а: *Керамические клейма. Гераклея Понтийская* (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Коллекция керамических клейм). Т. II. Керчь.
- Fedoseev, N.F. 2016b: Eshche raz o pantikaпеiskikh agoranomakh [Once Again about the Panticapaean Agoranomoi]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 20, 483–490.
- Федосеев Н.Ф. 2016б: Еще раз о пантикапейских агораномах. *ДБ* 20, 483-490.
- Gaydukevich, V.F. 1934: Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora (bosporskie cherepitsy) [Building Ceramic Materials of the Bosphorus (Bosporan Tiles)]. *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury* [*Transactions of the State Academy for the History of Material Culture*] 104, 211–315.
- Гайдукевич, В.Ф. 1934: Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы). *ИГАИМК* 104, 211–315.
- Garlan, Y., Kara, H. 2004: *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue* (Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10). Paris.
- Gavrilov, A.V. 2011: *Amfornye kleyma okrugi antichnoy Feodosii (materialy k khronologii arkhеologicheskikh pamyatnikov)* [*Amphora Stamps from the Ancient Theodosia Area (Materials for the Chronology of Archaeological Sites)*] (Arkhеologicheskii al'manakh [Archaeological Almanac] 24).
- Гаврилов, А.В. 2011: *Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников)* (Археологический альманах 24). Донецк.
- Grakov, B.N. 1929: *Drevnegrecheskie keramicheskie kleyma s imenami astynomov* [*Ancient Greek Ceramic Stamps with the Names of Astynomoi*]. Moscow.
- Граков, Б.Н. 1929: *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М.
- Kats, V.I. 1994: *Keramicheskie kleyma KHersonesa Tavricheskogo* [*Ceramic Stamps of Chersonesus Taurica*]. Saratov.
- Кац, В.И. 1994: *Керамические клейма Херсонеса Таврического*. Саратов.
- Kats, V.I. 2007: *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)* [*Greek Ceramic Stamps of the Classical and Hellenistic Periods (An Attempt at a Comprehensive Study)*] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies] XVIII). Simferopol–Kerch.

- Кац, В.И. 2007: *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)* (БИ XVIII). Симферополь–Керчь.
- Kats, V.I. 2015: Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i ee khora, Semibratnee gorodishche [Ceramic Stamps of the Asiatic Bosphorus. Gorgippia and its chora, The Semibratnee Settlement]. Saratov.
- Кац, В.И. 2015: *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище*. Саратов.
- Kovalchuk, A.V. 2012: Keramicheskie stroitel'nye materialy, proiskhodyashchie s sel'skikh poseleniy Vostochnogo Kryma (IV – nachalo III v. do n.e.) [Ceramic Building Materials from Rural Settlements of Eastern Crimea (4th – early 3rd century BC)]. In: *Drevnosti Bospora. Suppl. III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)*. Т. 2. Individual'nye nakhodki i massovyyu arkheologicheskiiy material [Antiquities of the Bosphorus. Suppl. III. Vol. 2. Isolated Finds and Mass Archaeological Material]. Moscow, 19–59.
- Ковальчук, А.В. 2012: Керамические строительные материалы, происходящие с сельских поселений Восточного Крыма (IV – начало III в. до н.э.). В сб.: *ДБ Suppl. III/2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал*. М., 19–59.
- Kovalchuk, A.V. 2024: Rodoskie kleyma s poseleniya «General'skoe-Zapadnoe» [Rhodian Stamps from the Generalskoe-Zapadnoe Settlement]. *Stratum plus* 4 (Forthcoming).
- Ковальчук, А.В. 2024: Родосские клейма с поселения «Генеральское-Западное». *Stratum plus* 4 (в печати).
- Lomtadze, G.A. 2015: *Keramicheskaya tara iz raskopok poseleniy IV – pervoy trety III v. do n.e. «tsarskoy khory» Evropeyskogo Bospora* [Ceramic Containers from Excavations at Settlements of the 4th – First Third of the 3rd Century BC of the “Royal Chora” of the European Bosphorus] (Drevnosti Bospora. Suppl. III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e) [Antiquities of the Bosphorus. Suppl. III. Royal Chora of the Bosphorus (Based on Excavations at the Crimean Azov Region)], Vol. 3). Moscow.
- Ломтадзе, Г.А. 2015: *Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н.э. «царской хоры» Европейского Боспора* (ДБ Suppl. III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье. Т. 3). М.
- Maslennikov, A.A. 2010: *Arkhitekturno-stroitel'naya i arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov* [Royal Chora of the Bosphorus (Based on Excavations at the Crimean Azov Region). Vol. 1. Architectural, Construction and Archaeological Characteristics of Sites] (Drevnosti Bospora. Suppl. III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e) [Antiquities of the Bosphorus. Suppl. III. Royal Chora of the Bosphorus (Based on Excavations at the Crimean Azov Region)], Vol. 1.). Moscow.
- Масленников, А.А. 2010: *Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников* (ДБ Suppl. III/1). М.
- Maslennikov, A.A. 2012a: Chernolakovaya posuda s poseleniy «tsarskoy» khory evropeyskogo Bospora [Black-Glazed Ceramics from the Settlements of the “Royal” Chora of the European Bosphorus]. In: *Drevnosti Bospora. Suppl. III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)*. Т. 2. Individual'nye nakhodki i massovyyu arkheologicheskiiy material [Antiquities of the Bosphorus. Suppl. III. Vol. 2. Isolated Finds and Mass Archaeological Material]. Moscow, 165–199.
- Масленников, А.А. 2012a: Чернолаковая посуда с поселений «царской» хоры европейского Боспора. В сб.: *ДБ Suppl. III/2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал*. М., 165–199.
- Maslennikov, A.A. 2012b: Raspisnaya keramika s pamyatnikov «tsarskoy» khory Priazov'ya [Painted Ceramics from the Sites of the “Royal” Chora of the Azov Region.]. In: *Drevnosti Bospora. Suppl. III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)*. Т. 2. Individual'nye nakhodki i massovyyu arkheologicheskiiy material [Antiquities

- ties of the Bosporus. Suppl. III. Vol. 2. Isolated Finds and Mass Archaeological Material*]). Moscow, 60–82.
- Масленников, А.А. 2012: Расписная керамика с памятников «царской» хоры Приазовья. В сб.: *ДБ Suppl. III/2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал*. М., 60–82.
- Monakhov, S.Yu., Fedoseev, N.F. 2013: Zametki po lokalizatsii keramicheskoy tary. IV: amfory Ikosa [Notes on the Localization of Ceramic Containers. IV: Amphorae from Ikos]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Classical World and Archaeology]* 16, 255–266.
- Монахов, С.Ю., Федосеев, Н.Ф. 2013: Заметки по локализации керамической тары. IV: Амфоры Икоса. *АМА* 16, 255–266.
- Pridik, E.M. 1917: *Inventarnyy katalog kleym na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniya [Inventory Catalogue of Stamps on Handles and Necks of Amphoras and on Tiles in the Hermitage]*. Petrograd.
- Придик, Е.М. 1917: *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Петроград.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2012: Graffiti i dipinti s pamyatnikov «tsarskoy» khory evropeyskogo Bospora. Addenda I. In: *Drevnosti Bospora. Suppl. III. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)*. Т. 2. *Individual'nye nakhodki i massovyy arkheologicheskiy material [Antiquities of the Bosporus. Suppl. III. Vol. 2. Isolated Finds and Mass Archaeological Material]*. Moscow, 200–216.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 2012: Граффити и дипинти с памятников «царской» хоры европейского Боспора. Addenda I. В сб.: *ДБ Suppl. III/2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал*. М., 200–216
- Tzochev Ch. 2016: *Amphora Stamps from Thasos (The Athenian Agora 37)*.
- Vasilenko, B.A. 1972: *Keramicheskie kleyma iz antichnykh poseleniy na pobepzh'e Dnestrovskogo limana kak istochnik dlya izucheniya topgovykh svyazey Sevepo-Zapadnogo Prichernomor'ya s grecheskim миром (V–III vv. do n.e.). Rukopis' kandidatskoy dissertatsii [Ceramic Stamps from Ancient Settlements on the Coast of the Dniester Estuary as a Source for Studying Trade Relations of the North-Western Black Sea Region with the Greek World (5th–3rd cc. BC). Manuscript of PhD]*. Archive IA RAS. R-2. F. 2111.
- Василенко, Б.А. 1972: *Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V–III вв. до н.э.). Рукопись кандидатской диссертации*. Архив ИА РАН. Р-2. Д. 2111.

CERAMIC STAMPS AND CHRONOLOGY OF THE PUSTYNNY BEREG III SETTLEMENT, THE CRIMEAN AZOV REGION

Aleksandr A. Maslennikov¹

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ *E-mail: iscander48@mail.ru*

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-01503

The article summarizes the results of archaeological seasons 2003–2005 at the Pustynnyy Bereg III settlement (the Crimean Azov region). The bulk of finds from the site (roof tiles,

amphorae, thick-walled and kitchen, black-lacquer and ordinary tableware, painted ceramics and graffiti) dated from the 4th – first half of the 3rd century BC. Most of the ceramic stamps (40 pieces) are published for the first time. This collection includes stamps on roof tiles, amphorae from Sinope, Thasos, Heraclea Pontica, Chersonesus, Cos, Ikos, Mende, a stamp from an uncertain center, etc. Analysis of this material indicates that the Pustynny Bereg III settlement arose in the first half of the 4th century BC, its heyday falls on the second half of the 4th – beginning of the 3rd century BC. Around 270 BC the settlement falls into decay and no later than 230 BC it finally ceases to exist. Amphora stamps confirm the economic and administrative connection of the settlement with the local center – the estate complex “Generalskoye-Zapadnoye”. Direct analogies among the finds from there are the stamps from Sinope, Thasos, Chersonesus and Cos.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Crimean Azov region, Pustynny Bereg III settlement, amphora stamps

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-26–57

ТРАГЕДИЯ ЕВРИПИДА «ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

С.Ю. Сапрыкин

*Московский государственный университет М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: mithridates@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8300-2535

В статье исследуется трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» и ставится вопрос, можно ли использовать ее как источник по истории Херсонеса Таврического. Автор приходит к выводу, что Еврипид взял архаическую легенду о заклании дочери Агамемнона Ифигении ради возможности продвижения флота ахейцев к Трое и спасении ее Артемидой путем перенесения в Таврику к таврам в версии, которая сложилась к V в. до н.э. в аттическом храме Артемиды в Бравроне. Он соединил ее с гераклейско-делосской мифологической традицией, так как первооснователи колонии гераклеотов в Херсонесе Таврическом воспользовались данным мифом с целью превратить Артемиду Парфенос в легендарную основательницу и властительницу своей колонии, чтобы обосновать право на существование апойкии. На основе этой легенды усилилось сакральное значение Херсонеса как колонии, а затем полиса, в результате появилась основа для превращения Девы (Ифигении Парфенос и Артемиды Парфенос) в главу местного пантеона богов. Мифу о перенесении Ифигении на север Понта и спасении ее Артемидой путем превращения в бессмертную богиню Еврипид добавил фабулу о чудесном избавлении от жестокости тавров. Это выражало идею обретения бессмертия и чудесного спасения, так как при основании ранней колонии в Херсонесе она была заложена в основу культа херсонесской богини Девы. Этот культ объединил Артемиду и Ифигению, а чудеснейшее спасение Артемидой Ифигении – юной девы, ставшей богиней, наделило Деву бессмертием и силой спасения. Эта функция превратила ее в верховную властительницу, спасительницу и защитницу полиса. Благополучное возвращение Ифигении в Элладу, описанное Еврипидом и другими писателями и драматургами, отождествлялось со спасением ее Афиной как следствие влияния святилища Артемиды в Бравроне.

Ключевые слова: Еврипид, Ифигения, Артемиды, Браврон, Афина, Херсонес Таврический, Дева, Гераклея Понтийская, Артемиды Парфенос

Данные об авторе. Сергей Юрьевич Сапрыкин – доктор исторических наук, профессор, ведущий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

Трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» была поставлена в Афинах в 414/413 г. до н.э. (по новым данным ок. 426 г. до н.э.)¹. Это единственное драматическое произведение древнегреческой литературы, действие которого перенесено в Северное Причерноморье. При написании трагедии Еврипид использовал древний эллинский миф, связанный с Троянской войной. По легенде, когда ахейский флот направлялся к Трое и остановился в Авлиде, гавани в Беотии, так как не было попутного ветра, воспрепятствовавшая его плаванью богиня Артемида потребовала принести ей в жертву Ифигению, дочь предводителя ахейцев Агамемнона, поскольку он прогневал богиню оскорблением. Под давлением ахейцев Агамемнон вызвал дочь якобы для бракосочетания с Ахиллом, но когда ее положили на алтарь для принесения жертвы Артемиде, богиня похитила ее прямо с алтаря и, заменив ланью, перенесла в Таврику, где Ифигения стала жрицей в ее храме. Оресту, брату Ифигении, оракул Аполлона повелел прибыть вместе с его другом Пиладом в Таврику к таврам, которые обитали в Скифии, чтобы похитить у них ксоан (деревянный идол) почитаемой ими Артемиды. Оракул имел и потайной смысл – доставить в Грецию саму Ифигению, о пребывании которой в Таврике сам Орест даже не подозревал. По прибытии в Тавриду Орест и Пиллад были схвачены таврами и по существующему у них обычаю убивать чужеземцев для заклания богине их должны были принести в жертву Артемиде в ее святилище. Однако прислуживавшая богине в ее храме Ифигения узнала брата и помогла Оресту и Пилладу спастись, после чего вместе с ними вернулась в Элладу вместе с похищенным у тавров ксоаном Артемиды².

Произведение Еврипида – это классическая «трагедия интриги» или «трагедия спасения» (escape-tragedy)³. В ней отчетливо выражены внутренние чувства героев, роль божественного провидения и идея спасения из варварской страны, что связано с обретением бессмертия⁴. Исследователи искали возможность использовать ее в качестве исторического источника, определить границы между художественным вымыслом и исторической правдой, между мифом, положенным в основу трагедии, и исторической реальностью. Основной задачей ученых, которые рассматривали трагедию как исторический источник, было выявить связь ее главных персонажей Артемиды и Ифигении с божеством тавров и показать их роль в культе херсонесской богини Девы. В результате сложилась концепция, что Дева, верховная богиня Херсонеса, это местное таврское божество, ассоциировавшееся греками с эллинской Артемидой Парфенос – Ифигенией – Таврополой, поэтому херсонесцы приняли культ таврской богини, превратив ее в Деву-Парфенос⁵. Сюжет трагедии повторял греческую версию таврической легенды,

¹ Hall 2012, 11–13.

² Murray 1915; Webster 1967; из последних изданий см. Euripides Vol. IV. Trojan Women, Iphigenia among the Taurians (Loeb Classical Library 10). Harvard, 1999, 528 p.; русский текст: Еврипид. Трагедии. Т. 1. М., 1999. С. 499–563.

³ Тронский 1988, 147; Скржинская 1991, 122; Ярхо 1999, 567–590.

⁴ Wright 2005, 405 suiv.; Budelmann 2019, 289–304.

⁵ Neumann 1855, 426; Латышев 1909, 159: не связывал Деву-Парфенос с легендой об Ифигении; Толстой 1917, 129–183; 1918, 98–153: отстаивал связь Артемиды и Ифигении с Девой, а миф об Ифигении, Оресте и Пилладе – основу еврипидовой трагедии – соотносил не с Херсонесом, а с таврами и Таврикой; Жебелев 1953, 24.

впитавшей ее божественную и человеческую сущность⁶. Артемида, женское божество тавров, имела прямое отношение к Великой богине, популярной еще в доэллиническую эпоху, а Ифигения это одна из ее ипостасей⁷. Образ этой девы стал олицетворением изгнания, преодолением страха перед силами тьмы, мрака скал, негостеприимного моря и дикостью варваров, а ее бессмертие демонстрировало непреодолимое желание вернуться в Элладу⁸. Богиня Дева, в основе таврское божество, переняла ряд черт Артемиды Спасительницы⁹. П. Гулдагер Бильде, например, полагала, что «херсонесцы инкорпорировали местную могущественную богиню недавно отвоеванных земель тавров в свой собственный пантеон». Эпитет *ἑλαφοκτόνος* – «убивающая оленя», используемый Еврипидом применительно к Артемиде, возник из скифского звериного стиля и повлиял на монетное изображение Девы, закалявающей лань. Еврипид узнал об этом от тавров или скифов, так как это был элемент местного культа женской богини¹⁰.

Исследователи, которые отрицают таврское воздействие на культы Артемиды, Девы и на образ Ифигении, убеждены, что почитание херсонесской Девы возникло на основе греческого культа Артемиды¹¹. Теоним Парфенос = Дева являлся эпитетом Артемиды, а культ верховной херсонесской богини сложился не без влияния мифа об Артемиде и Ифигении, в чем трагедия Еврипида сыграла важную роль¹². М.В. Скржинская полагает, что быт тавров и храм Артемиды, где согласно легенде и трагедии служила Ифигения, соотнесены с образом жизни греков и их полисным устройством¹³. А.С. и М.В. Русяевы считают, что богиня Дева была одной из ипостасей Артемиды Парфенос, ставшей мифологическим ойкистом греческой колонии в Херсонесе. Она покровительствовала Херсонесу и защищала его в образе Сотейры (Спасительницы). Миф об Ифигении в Таврике сложился в VI в. до н.э. и совпал с датой основания Херсонеса ок. 528 г. до н.э., а после появления трагедии Еврипида херсонесцы вместо Артемиды Сотейры стали почитать Деву = Парфенос. Еврипид же использовал этот миф, чтобы выразить превосходство Афин над Мегарами и Спартой. Поэтому основным персонажем трагедии стала Артемида, кумир которой был похищен Ифигенией, Орестом и Пиладом и отвезен в Браврон и Халы, что послужило основанием для почитания Артемиды Таврополи во многих других частях греческого мира¹⁴. А.И. Иванчик отметил связь еврипидовской версии об Ифигении у тавров с храмовыми аттическими ле-

⁶ Flagg 1891, 7–15.

⁷ Ростовцев 1918, 177–197; Шауб 2007, 69–72, 263–267; Иванчик 2005, 87–90; Nelson 2022, 55–101.

⁸ England 1883, 20; Murray 1915, 1–10.

⁹ Пятыхева 1947, 216; Белов 1948, 32; Бабинов 1972, 31. См. Соломоник 1968, 155–157: слияние Артемиды с Девой и находка граффито ИФ подтверждает существование культа Ифигении в Херсонесе; ср. однако, НЭПХ II. 78: передача функций спасительницы от Артемиды к Деве это местное влияние.

¹⁰ Guldager Bilde 2003, 168–172; 2009, 303–332; ср. 2005, 210, 211: убийство лани – часть культа таврского божества, у Еврипида это элемент более древнего местного культа.

¹¹ Хирст 1908, 112–115.

¹² Орешников 1912, 9; Мещеряков 1979, 104–119; Пальцева 1979, 30–46; Зубарь 1997, 33; 2005а, 34.

¹³ Скржинская 1988, 176–190; 1991, 122–128.

¹⁴ Русяева А., Русяева М. 1999, 11–47сл.; ср. Русяева 2000, 75–78; Зубарь 2005б, 348. Похищение ксоана Артемиды Ифигенией и Орестом – художественный вымысел, что подтверждает сохранение в Херсонесе этого изваяния богини (Русяева 2005, 263).

гендами в святилищах Артемиды Таврополы в Халах и Бравроне, а также доеврипидовыми лемносскими легендами. По его мнению, афинский трагик соединил мифы доколониционной поры с легендой о почитании таврами богини Девы как Ифигении, ставшей ему известной от Геродота. Поэтому он рассказал о пребывании ее в Таврике и включил в трагедию тавров, так как эллины познакомились с ними после основания колоний в Северном Причерноморье. Трагедия Еврипида стала популярной из-за синтеза этих мифов¹⁵.

В последнее время Е. Холл поднимает вопросы об источниках Еврипида, о правде и вымысле, о человеческих жертвоприношениях у тавров и в храме Артемиды, местонахождении этого храма и связи его с храмом богини Парфенос (Парфения) в Херсонесе. Она отмечает, что храм и город у Еврипида могут ассоциироваться с Херсонесом Таврическим. По ее мнению, основная идея трагедии и мифа – спасение Ифигении, ее бессмертие, а легенда о прибытии ксоана Артемиды в Аттику появилась не ранее VI в. до н.э. в связи с возвышением Афин. Интересен ее вывод, что в культе Артемиды Спасительницы Ифигения заменила Артемиду как божество (ср. Strabo. VII. 4. 2), а ее имя – Парфенос – превратилось в эпитет Артемиды¹⁶. Д. Браунд полагает, что культ Девы тождествен культу Артемиды Парфенос. Культ Артемиды Таврополы (Артемиды и Ифигении у тавров по Еврипиду) вобрал в себя созданные Еврипидом образы Ифигении и богини Артемиды в Таврике, однако это происходило под воздействием почитавшегося таврами Верховного женского божества¹⁷.

Мы перечислили лишь работы, в которых фигурирует предположение о связи легенды об Ифигении у тавров с Херсонесом Таврическим. Дискуссионными остаются вопросы, какой из мифов об Ифигении был выбран Еврипидом для сюжета трагедии, какую роль могло сыграть его произведение при формировании культа херсонесской Девы и можно ли считать миф о спасении Ифигении Артемидой, как он разработан Еврипидом, сакральной легендой, призванной обосновать возникновение Херсонеса Таврического и культа его верховной богини. В области предположений остаются пока вопросы, имели ли Артемиды и ее жрица Ифигения какое-либо отношение к Херсонесу Таврическому, мог ли Еврипид под таврами и их городом понимать этот греческий полис и какова роль мифов об Ифигении и Артемиды в формировании херсонесского культа Девы.

Но прежде чем попытаться дать ответы на эти вопросы, обратимся к древним мифам об Ифигении и Артемиде. Легенда о требовании Артемиды принести в жертву Ифигению, дочь Агамемнона, в качестве искупления греха за убитую им священную лань использована Еврипидом в трагедии «Ифигения в Авлиде», поставленной в Афинах после 406 г. до н.э. позднее «Ифигении в Тавриде». Она еще с гомеровских времен и ранней архаики была связана с Троянской войной. Правда Гомер не говорит ни о заклании Ифигении ни о перенесении ее Артемидой с жертвенного алтаря, но упоминает сына Агамемнона Ореста и трех его дочерей – Хрисофемису, Лаодику и юную Ифианассу, одну из которых Агамемнон предлагал в супруги Ахиллу (Гомер. II. IX. 145–147). Гесиод сообщает, что у Пройта, сына Абанта, и Сфенебеи было три дочери – Лисиппа, Ифиноя, Ифианасса (Hes.

¹⁵ Иванчик 2005, 85–98.

¹⁶ Hall 1987, 127–133; 2012, 65–79; 2019, 289–304.

¹⁷ Braund 2018, 32–50.

Fr. 131 = Apollod. II. 2.2; fr. 129=Par. Ох. 2487). В «Каталоге женщин», который приписывали Гесиоду (в настоящее время он датируется серединой VI в. до н.э.), упоминается легенда, что у Агамемнона родились Ифимеда и Электра, причем Ифимеду ахейцы, плывшие на судах под Трою (Илион), положили на алтарь «златострелой» Артемиды. Но богиня унесла Деву, умастив ее священной амброзией, чтобы тело жертвы оставалось нетленным, обрело бессмертие и не старело. С тех пор она превратилась в спутницу метательницы стрел Артемиду Дорожную (Hes. Fr. 23a = Par. Ох. Fr. 2075, fr. 4,9; 2481, fr. 5; 2482). Павсаний, ссылаясь на тот же «Каталог женщин», утверждает, что Ифигения не умерла и по воле Артемиды стала Гекатой (Hes. Fr. 23b = Paus. I. 43. 1).

Автор «Каталога» первым говорит, что одну из дочерей Агамемнона положили на алтарь для заклания в жертву Артемиде, после чего ее, непорочную деву, богиня перенесла с алтаря и сделала бессмертной, превратив в свою спутницу. Ифимеда стала Артемидой, а Ифигения превратилась в Гекату – богиню тьмы, ночи и подземного царства. Это вызвано тем, что образы дев – Ифимеды, Ифигении, Артемиды – восходили к почитанию Великой женской богини. Поэтому у Гомера встречается имя Ифианассы – самой юной девы, дочери Агамемнона и Клитемнестры, сестры Ореста, а в одном из фрагментов Гесиода (Hes. Fr. 129 = Par. Ох. 2487/Lebel) она причислена к детям Пройта и Сфенебеи, тогда как дочерью Агамемнона Гесиод называет Ифимеду (ее нет у Гомера). Об Ифианассе и Лисиппе беотийский поэт говорит, что они впали в безумие за отказ участвовать в дионисийских таинствах. Из трех разных имен дочерей у Гомера и Гесиода совпадает лишь имя Ифианассы. При этом у автора «Каталога женщин» на алтарь в качестве жертвы Артемиде была положена Ифимеда, а у Павсания со ссылкой на тот же Гесиодов «Каталог» – Ифигения. Такая путаница вызвана тем, что греческая религия развивалась от примитивных форм к более высоким и ко времени Гесиода пантеон олимпийских богов постепенно вбирал в себя множество местных божеств, пока не сложилась единая система их почитания¹⁸. В эллинской мифологии сосуществовали противоречившие друг другу предания, в результате Ифигению называли то дочерью Агамемнона и Астиномы, дочери Хриса, то Тесея и Елены, но вскормленной и воспитанной Клитемнестрой, женой Агамемнона (Stesich. Fr. 86 F)¹⁹. Только к VI–V вв. до н.э. появилась версия, что Ифигения это дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ореста (Aeschyl. Agam. 1414–1418; Soph. Electra, 520–580; Eurip. Iph. Taur.; Iph. Aul.; Pind. Pyth. XI. 22–23). Поэтому в жертвоприношении ахейцев вначале фигурировала Ифимеда, а позднее Ифигения, которую стали отождествлять с Ифианассой. Пиндар намекает на легенду о заклании Ифигении, что могло повлиять на поведение ее матери, но ничего не упоминает ни о ее чудесном спасении, ни о таврах (Pind. Pyth. XI. 22–23). Не говорится о спасении Ифигении и в аттической драматургии – Эсхил, например, использует миф о принесении в жертву его дочери подобно жертвенной овечке и говорит, что Ифигения с улыбкой встретит отца в загробном мире (Aeschyl. Agam. 1538–1539). Софокл излагает версию мифа о задержке кораблей ахейцев в

¹⁸ Simon 1985, 10–13; Скржинская 1991, 32.

¹⁹ Finglass 2018, 19–37: принесение в жертву Ифигении связано с походом греков ради спасения Елены. Поэтому миф о заклании девы на алтаре и ее спасении отражал божественное спасение от смерти.

Авлиде, которая сводится к тому, что из-за гнева Артемиды на Агамемнона, который убил оленя в лесу богини, она якобы задержала ветер, поэтому отец принес ей в жертву свою дочь (*Soph. Electra*, 560–569). В этих мифах Ифигения смертна, о ее бессмертии и превращении в богиню нет и речи, ничего не говорится и о жестоких таврах. На алтарь богини была положена Ифимеда, и ее Артемида обессмертила, приравняв к божеству. По другой версии это была Ифигения, которая обрела новую жизнь в подземном мире, что послужило основанием для дальнейшей трансформации мифа.

Миф об Ифигении, по воле Артемиды ставшей богиней, которая по Гесиоду, Стасихору и, возможно, Симониду, была обращена в Гекату той же Артемидой²⁰, обессмертил ее образ. Появились мифы, что одну из дочерей Агамемнона (сначала Ифимеду, затем Ифигению) ахейцы решили принести в жертву Артемиде, но та спасла деву с алтаря и сделала ее бессмертной. Мотив жертвы и жертвенности, обретения девой бессмертия, появился в мифе об Ифигении в 750–650 гг. до н.э.²¹ Это стало основанием для превращения Ифигении в божество, тем более что ее прототипом была Ифианасса, имя которой указывает на функции владычицы (об этом ниже). Поэты Эвфорион Халкидский, Александр из Плеврона, а ранее Стесихор (VI в. до н.э.) приводят древнюю версию аргосского мифа, что Ифигения была дочерью Тесея и Елены. Последняя родила в Аргосе дочь и потому основала там храм Илитии (Помощницы в родах) (ср. *Tzetz. Schol. ad. Lycophr.* 183). Она отдала ее Клитемнестре, супруге Агамемнона, после чего вышла замуж за спартанского царя Менелая. Напротив храма Илитии стоял храм Гекаты (*Paus. II. 22. 7–8*). Эти мифы местного происхождения²², но они сохранили легенду о превращении Ифигении в помощницу Елены, ее связи с богами, в частности, с Гекатой. Следовательно миф о Елене, Агамемноне и Клитемнестре, которые воспитали Ифигению, дочь Елены, воспринимался как выражение бессмертия и спасения. Неслучайно Стесихор повторяет в «Орестее» гесиодову версию о превращении Ифигении в Гекату (*Stesich. Fr. 178DFinglass*)²³. Однако о стране тавров как месте обретения этого бессмертия речи еще не шло²⁴.

В «Киприях» – эпическом произведении, которое приписывают поэтам Гигеию, Гигисину, но, главным образом, Стасину Кипрскому (VII в. до н.э.)²⁵, говорится, что Артемида похитила Ифигению и перенесла к таврам, сделав бессмертной, а на алтарь положила лань (*Stasin. = Procl. Chr. 1: EpGrFr Kinkel*). Этот акт божественного спасения и бессмертия Ифигении у тавров упоминается в эпической поэзии впервые. Существует, правда, мнение, что, поскольку он сохранился только в хрестоматии Прокла IX в., то мог быть заимствован из трагедии Еврипида и не является надежным источником. Для столь ранней эпохи

²⁰ Nelson 2022, 55–101.

²¹ Bonnechère 1994, 26.

²² Превращение Ифигении в дочь афинского героя Тесея и Елены (*Paus. II. 22. 7–8; Tzetz. Schol. ad. Lycophr. 183; Nic. Fr. 58 Schneider*) – пропагандистская легенда, созданная в Афинах в период борьбы за гегемонию в Греции (Русяева А., Русяева М. 1999, 48). Однако по Павсанию она сложилась в Аргосе, противнике Спарты и Афин.

²³ Davies 1991.

²⁴ Иванчик 2005, 87.

²⁵ Burgess 2002, 234–246.

он лишен исторической конкретики²⁶. Действительно, в VIII в. до н.э. пределами географических знаний о Понте были реки Истр и Фасис, что показывают поэмы Гесиода (*Hes. Theog.* 337–345; *Schol. ad. Hes. Theog.* 338). Платон, опиравшийся на раннюю эллинскую традицию эпохи колонизации, утверждал, что греки живут на небольшом пространстве земли вокруг моря от Фасиса до Геракловых столбов (*Plato. Phaed.* 58). Аполлоний Родосский, александрийский поэт III в. до н.э., использовавший раннюю традицию о плавании аргонавтов в Колхиду, говорит, что греки плавали по Черному морю только до Фасиса (*Apol. Rhod. II.* 1253; ср. *Eustaph. Comm. ad. Dion. Perieg.* 687). Из этого следует, что до VII в. до н.э., когда первые колонисты появились в Северном Причерноморье, представления эллинов о припонтийских местностях ограничивались Истром (Дунаем) и Фасисом (Риони). Но в VII в. до н.э. греки уже достигали северного побережья Понта и ко второй половине столетия их географические представления расширились, о чем свидетельствует ионийская эпико-лирическая поэзия. Поэтому образ тавров в литературе этого времени реален, но мало конкретен. Однако не остается сомнений – миф о перенесении Ифигении в Таврику сложился ко времени освоения эллинами причерноморских берегов, постепенно перерабатывался и к V в. до н.э. приобрел реально конкретные черты. Софокл, помимо ранней версии мифа об Ифигении в Авлиде, которую он вложил в уста героев трагедии «Электра», использовал и позднюю версию о возвращении ее из Тавриды, о чем известно из фрагментов его недошедших трагедий «Хрис» и «Алет». В трагедии «Алет» разработан сюжет о похищении Ифигении и ее пребывании в Тавриде: Электра, сестра Ореста и Ифигении – детей Агамемнона, узнав о гибели Ореста и его спутника Пилада в Тавриде, решила запросить оракул в Дельфах, но встретила там Ореста и Ифигению. В трагедии «Хрис» рассказывается, что, высадившись на острове Хриса по пути из Тавриды, Орест, Пилад и Ифигения были настигнуты царем тавров Тоантом, который потребовал наказать их за похищение статуи богини Артемиды.

Таким образом к VI–V вв. до н.э. у эллинов сложились две версии легенды об Ифигении, связанные с троянским циклом. Первая восходит к древнему рассказу о жертвоприношении юной девы (Ифимеды, потом Ифианассы=Ифигении) и спасении ее Артемидой как смертной, а позднее как бессмертной богини. Эту версию Еврипид изложил в трагедии «Ифигения в Авлиде». В V в. до н.э. в Бравроне, аттическом святилище Артемиды, Ифигению уже почитали как Деву-Парфенос и паредра Артемиды, поскольку с эпохи архаики ее воспринимали как бессмертную деву. Под воздействием Браврона и легенды о заклании Ифигении в Авлиде, ставшей *ἱερὸς λόγος*, этот древний миф восприняли в Эгире, Гермione, Мегарах²⁷. Вторая версия, основанная на прежней легенде, связана со спасением Ифигении Артемидой путем похищения с алтаря и перенесения к таврам в Тавриду. Первым ее использовал Софокл: сюжеты двух его пьес об Ифигении, Оресте и Пиладе, о царе Тоанте на острове Хриса, включают два временных пласта – ранний восходит к эпическим поэтам VIII–VI вв. до н.э., а более поздний к V в. до н.э., когда греки уже познакомились с Тавридой и таврами. Поэтому утверждение, будто легенда о перенесении кумира Артемиды из Таврики в Элладу, конкретно в Ати-

²⁶ Hall 2012, 20–28; Иванчик 2005, 86.

²⁷ Bonnechère 1994, 26–28.

ку, относится к VI в. до н.э. вследствие подъема Афин при Писистратидах²⁸, не выдерживает критики. В лирико-эпической поэзии эпохи архаики о путешествии Ореста за кумиром Артемиды в Таврику и о возвращении Ифигении и Ореста с ним в Элладу ничего не говорилось. Этот сюжет начали разрабатывать аттические драматурги только в V в. до н.э.²⁹ Поэтому миф о перенесении Ифигении к таврам в Крым, о государстве царя тавров Тоанта, человеческих жертвоприношениях богине Артемиде при участии Ифигении, которую она сделала бессмертной, появился после греческой колонизации Северного Причерноморья. В том виде, в каком его изложил Еврипид, он оформился, когда эллины столкнулись в Таврике с местными племенами тавров³⁰. Эта версия древней легенды была им осмыслена, дополнена деталями и облечена в художественное произведение – трагедию «Ифигения в Тавриде»³¹. Следовательно эллинские мифы об Артемиде и Ифигении у тавров в окончательном виде сложились только к V в. до н.э.

Никандр из Колофона (II в. до н.э.) передает несколько иной вариант этого мифа. Ифигения, дочь Тесея и Елены, дочери Зевса, которую воспитывала Клитемнестра, сестра Елены, сообщила Агамемнону, что это она родила дочь. Ифигения предназначалась в жертву Артемиде в Авлиде в связи с задержкой ахейцев из-за отсутствия ветров и прорицания о благополучии плавания. Последние окажутся благоприятными для ахейцев, только если в жертву принесут Ифигению. По требованию ахейцев Агамемнон принес эту жертву, но Артемиды вместо Ифигении представила к алтарю теленка (не лань, как в другой версии мифа), а ее саму унесла в Понт к Тоанту, превратила в вечно юную Деву и сделала бессмертным божеством под именем Орсилохии (Nic. Fr. 58 Schneider = SC I, 2, p. 445). В этом рассказе отражены древняя легенда о жертвоприношении Агамемноном дочери в Авлиде и поздний ее пласт о превращении ее Артемидой в бессмертную вечно юную богиню. Аммиан Марцеллин рассказывает о таврах уже в духе еврипидовой трагедии и версии Никандра: они умиловывали богов человеческими жертвами, убивая иностранцев в жертву Диане (Артемиде), и вывешивали на стенах головы зарезанных; упоминает он и Орсилохию, указывая, что так Диану (Артемиду) именовали тавры (Amm. Marc. XXII. 8. 33). Овидий приводит рассказ об Ифигении, сюжет которого в деталях почти полностью совпадает с трагедией Еврипида. Он вкладывает его в уста местного старца, эллинизованного гета родом из Таврики, который подробно изложил миф об Ифигении в стране тавров, а со-

²⁸ Ср. Русяева А., Русяева М. 1999, 11–47сл.; Зубарь 2005б, 348; Hall 2012, 11–28.

²⁹ Стогр 2000, 31–66; Иванчик 2005, 89: Еврипид знал о храмовых легендах об Ифигении и Оресте, сложившихся в Аттике в святилищах Артемиды в Бравроне и Халах еще до Писистрата и разрабатывавшихся при Писистратидах, однако в них ничего не говорилось о кумире Артемиды в Тавриде и его перенесении в Элладу.

³⁰ Ср. однако, Вулих 1979, 74: легенда, изложенная Овидием, лишена местных элементов, а его рассказ не основан на реальных фактах (см. Русяева А., Русяева М. 1999, 52). Это утверждение опровергается достоверными сведениями о Таврике в Скифии, о храме богини, намеками на богиню-девственницу, под которой угадывается херсонесская заступница Дева, рассказом старца-гета. Последнее не случайно – на городищах Нижнего Днепра того времени представлена гетская культура (Былькова 2007а, 89–114; 2007б, 126), поэтому реальность его фигуры вполне правдоподобна. Хотя в целом фабула рассказа Овидия поэтический вымысел (см. Соболевский, Горнунг и др. 1946, 395).

³¹ Скржинская 1988, 176–190; 1991, 122–128; Wolf 1992, 308–334; Wright 2005, 350–400; Foley 2006, 465–469; появление трагедии об Ифигении в Тавриде Еврипида ранее трагедии об Ифигении в Авлиде объясняется его политическими воззрениями и внутривосточной жизнью Афин.

бытия в Авлиде упомянул мимоходом исключительно в русле «таврской» версии Еврипида³². Схолиаст к Овидию уточнил, что это рассказывают в Понте (Ovid. *Trist.* IV. 4. 55–88; *Ex Ponto* III. 2; *Schol. ad Ovid.* 384). Гай Юлий Гигин (I в. н.э.), полностью повторив миф об Ифигении в Таврике в версии еврипидовой трагедии, называет правившего там царя Тоанта отцом Гипсипилы, мифической правительницы Лемноса. Этот рассказ дополняется легендой о Хрисе, который вместе с братом Орестом убил Тоанта, после чего похитители кумира Артемиды благополучно прибыли в Микены (*Hug. Fab.* 120–121).

Таким образом популярность мифов об Ифигении в Тавриде, как они были разработаны Софоклом и Еврипидом, сохранялась до римской эпохи. Афинские трагики использовали поздний вариант мифа, в котором Тоант – царь тавров. Однако в нем сохранялись ранние пласты. Это обозначение Тоанта отцом Гипсипилы и появление в мифе острова Лемнос. Ведь до греческой колонизации существовала легенда, будто там правил царь Тоант (*Schol. ad Ovid.* 384)³³. Под влиянием Афин и святилища Артемиды в Бравроне возникли легенды о похищении афинянок и статуи Артемиды лемносцами (*Herod.* IV. 145; VI. 138; *Plut. Mul. Virt.* VIII. 247d)³⁴. В соответствии с легендами Браврона Еврипид ввел в трагедию об Ифигении в Тавриде афинских девушек – пленниц Тоанта, прислуживавших Ифигении в храме Артемиды у тавров. Очевидно, Еврипид не без политического подтекста перенес древние легенды в далекую Таврическую землю, чтобы трагедия стала понятна аттической публике. Ведь после освоения греками северного побережья Черного моря, экспедиции Перикла в Понт в 439–437 гг. до н.э. и распространения там афинского влияния³⁵, сказание о таврах, Артемиде и Ифигении в Таврике, похищении отсюда кумира Артемиды и возвращении его в Аттику не могло не взволновать афинян и других греков. Рассказы о Скифии и Тавриде, казавшие ранее диковинными, были переработаны логографами, после чего описание образа жизни тавров, включая поклонение женской богине, воспроизвел Геродот³⁶. «Отец истории» был хорошо знаком с Софоклом и Еврипидом (*Plut. Mor.* 785B), которые наверняка слышали его рассказы о таврах, Таврике и Скифии. В результате их представления о таврах и их землях расширились и обрастали конкретными деталями³⁷. Софокл и Еврипид могли узнать о Тавриде и от греков, которые в V в. до н.э. посещали Крым. У Геродота, Софокла, Еврипида упоминаются тавры, Таврика, Ифигения, царство Тоанта в Таврике исключительно в юго-западном Крыму, но ничего не говорится о Боспоре. Ведь Боспор как единое государство образовался не ранее конца V – первой половины IV в. до н.э., когда «История» Геродота уже появилась, а Софокл и Еврипид черпали свои знания о Тавриде именно из этого произведения.

Геродот посетил Ольвию в середине V в. до н.э., но в Таврике он не был, его познания о таврах основываются на устных рассказах и традиции логогра-

³² Интерес Овидия к трагедии Еврипида связан с идеей спасения и возвращения на родину, что было актуально для опального римского поэта (Dana 2011, 346).

³³ Толстой 1918, 127; Ростовцев 1918, 177–197; Русяева А., Русяева М. 1999, 18.

³⁴ Иванчик 2005, 92. Ср. Kyriakou 2006, 24–26, где выражается некоторый скептицизм по поводу этой версии.

³⁵ Mattingly 1996, 151–157; Braund 2005, 80–85.

³⁶ Ростовцев 1925, 20–23; Скржинская 1991, 80–82.

³⁷ Reinach 1915, 12; Wells 1970, 187; Скржинская 1985, 146, 147; Иванчик 2005, 87; Hall 2012, 65.

фов и мифологов. Явно со слов ольвиополитов или моряков, которые совершали плавание вдоль ее южных скалистых берегов³⁸, он пишет: «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве (Παρθένῳ) потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибывают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной» (Herod. IV. 103). Чуть выше историк говорит, что у тавров были цари (IV. 102, 119) и они занимают земли гористой страны в Скифии от Керкинитиды до Херсонеса Скалистого, который на востоке выступает в море (IV. 99)³⁹.

Рассказ Геродота имеет важнейшее значение для характеристики ряда деталей в трагедии об Ифигении в Тавриде. Легенда, положенная в ее основу, переносит зрителей в Таврику, которая, как уже знали греки, находилась в Скифии (Hecat. fr. 153 = Steph. Byz. s.v. Καρκινίτις; Herod. IV. 99). Основная идея трагедии выражается последовательно: спасение Ифигении от смерти путем переноса Артемидой в Тавриду, спасение Ореста и Пилада от принесения в жертву таврами, в чем принимала участие Ифигения, ставшая жрицей Артемиды, и спасение Ореста и Пилада от смерти в результате возвращения их вместе с Ифигенией с кумиром этой богини в Элладу. Эта сюжетная линия подчеркивала мысль автора – спасение эллинов, избежавших жестокой смерти от варваров в далекой стране⁴⁰, где, согласно ранее господствовавшим представлениям, обитают души умерших. У Еврипида эта идея выражена путем описания обрядов принесения в жертву людей. Тавры, согласно Геродоту, приносили в жертву моряков и путешественников – эллинов, но не сородичей⁴¹. На этом основан сюжет трагедии (см. сткк. 39, 72, 346–348, 584–587), что доказывает зависимость ее от Геродота. Обезглавливание врагов у тавров, как пишет Геродот, соответствует известному скифскому военному обычаю (Herod. IV. 64–65)⁴². Орест обращает внимание на отрубленные головы пришельцев на алтаре богини (стк. 72–75), что напрямую коррелирует со сведениями «отца истории». Правда некоторые исследователи оспаривают мнение, что при описании кровавых обычаев тавров Еврипид пользовался Геродотом⁴³. Однако такой подход вряд ли справедлив – уж больно близки в деталях обряды жертвоприношений у тавров в рассказе Геродота и трагедии

³⁸ Jегram 1890, 14–16.

³⁹ Скалистый Херсонес — это не Керченский полуостров (см. Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 338), который имеет равнинные берега. Это юго-западное и южное скалистое побережье Крыма (Hind 1990, 133), где проживали тавры (Бондаренко 2010, 3–5) и находился город Херсонес Таврический.

⁴⁰ Stern–Gillett 2001, 4–21; Kyriakou 2006, 3–20.

⁴¹ Starkey 2022, 103–129.

⁴² Кнауэр 2001, 201.

⁴³ Kyriakou 2006, 15–30.

Еврипида. Дж. Бреммер, например, увязывает кровавые жертвоприношения Артемиде у тавров с почитанием Артемиды Тавропопы у греков, не усматривая в этом варварской традиции. Древний обычай приносить людей в жертву на алтарь этой богини, хороший пример чему являет жертвоприношение Ифигении, существовал и у греков. Неслучайно Ифигения неоднократно говорит о попытке заколоть ее как жертву (стк. 18, 770, 852, 1084). Поэтому миф подразумевает реальную смерть Ифигении⁴⁴, что уводит читателя в мир эллинской старины, а варварский таврский обряд только художественный прием для его прикрытия. Это тем более вероятно, что у тавров в юго-западном и южном Крыму человеческие жертвоприношения не засвидетельствованы⁴⁵.

Геродот говорит, что получил известия о таврах и Деве «по их собственным словам», т.е. ему об этом рассказали тавры. Но тавры, особенно те, которые жили в Горном Крыму на южном его побережье, были враждебны грекам. Впрочем, среди них были и говорившие по-гречески, например, проживавшие в городах, как тавр Тихон (ср. КБН 114 – V в. до н.э., Пантикапей). Историк мог узнать об обычаях тавров от них или от тех, кто посещал Таврику, в частности, греков, которые приезжали в Ольвию. В историографии отмечалось, что в пьесе Еврипида тавры не осуждаются за кровавые жертвы, а их предводитель Тоант без колебаний согласился с богиней Афиной Палладой вернуть ксоан Артемиды в Аттику и прекратил преследование Ифигении, Ореста и Пилада⁴⁶. Снисходительно-доброе отношение к таврам у Еврипида связано с задачей показать роль эллинской женщины, прибывшей из Таврики со статуей греческой богини Артемиды. Описание Девы как Ифигении, отождествляемой греками с Артемидой, основано на эллинских источниках и восходит к культу Артемиды Ифигении, имевшей храмы в Бравроне и Авлиде, откуда Артемиды перенесла Ифигению в Таврику⁴⁷, поэтому у зрителей возникали ассоциации не с кровожадными таврами – убийцами-варварами, а с достаточно справедливыми эллинизованными их сородичами или же с эллинами, проживавшими на этой окраине Ойкумены. Здесь чувствуются отголоски древних мифов о мифических гиперборейцах, добрых и счастливых людях, пользовавшихся покровительством эллинских богов, прежде всего, Аполлона и Артемиды (Pind. Ol. III. 13-16). Неслучайно Ифигения говорит: «в страну чудес, за сказочный предел унесена я ...» (стк. 900-901). Среди действующих лиц пьесы фигурируют пастухи и стада скота (стк. 135-137, 240-280), так как еще Гомер (II. XIII. 1-7), Гесиод (Hes. Fr. 150), Пиндар и другие поэты воспринимали северопонтийские племена как скотоводов.

Есть основания предполагать, что Еврипид использовал недошедший до нас перипл Скилака (VI в. до н.э.), который знал Геродот. По сообщению автора перипла псевдо-Скилака IV в. до н.э., опиравшегося на этот ранний перипл, тавры жили «за скифской землей», «населяют мыс материка, который выдается в море», и там

⁴⁴ Platnauer 1938; Strachan 1976, 131, 140; Taddei 2009, 235–252.

⁴⁵ Новиченкова 1994, 59–86; Русяева А., Русяева М. 1999, 20–23. Человеческие костные останки найдены только в пещерных комплексах Горного Крыма и относятся к первой половине I тыс. до н.э. (Бондаренко 2010, 55).

⁴⁶ Kyriakou 2006, 5,6; ср. Rev.: Allan W. // CR 2008. 58, 1, 21–23; Sansone D. // Gnomon. 2008. 80, 5, 385–387.

⁴⁷ Jerram 1890, 14–16.

есть «мыс Таврики – Криуметопон» (Ps.-Scylax. 68)⁴⁸. Сведения перипла совпадают с географией тавров у Геродота, который упоминает утес, скалу и полуостров, выступающий в море, святилище богини на высоком утесе, которой приносят жертвы как Деве, отождествляемой с Ифигенией, дочерью Агамемнона. Это дало основание говорить о почитании Девы=Ифигении таврами. Если сравнить это сообщение со свидетельствами Помпония Мелы, что Херсонес был основан Дианой (Артемидой) (Mela II. 3), и псевдо-Скимна, что туда некогда прибыла Ифигения, похищенная из Авлиды (Ps. Scymn. 825; Anonym. PPE 79), то оно приобретает черты реальной эллинской легенды. Святилище (τὸ ἱερόν), по словам «отца истории», воздвигнуто на скале. Храм Артемиды у тавров по Еврипиду также располагался на высокой скале (стк. 1042, 1196, 1373, 1408). Орест приплыл к Таврике на корабле от проливов Босфор и Дарданеллы («сквозь сбегающиеся скалы Симплегады»), вдоль побережья Фракии («неусыпные Финеевы берега»), острова Левка («в изобилующую птицами землю, на белый берег»), мимо Ахиллова Дрома (Тендровской косы) «на негостеприимном Понте» (стк. 421–438). Черное море называли Понтом Аксинским, т.е. негостеприимным, до активной фазы греческой колонизации и основания апойкий на Понте или же на самом раннем этапе их развития в города. После начала регулярных плаваний греки стали именовать его Эвксинским Понтом – гостеприимным морем⁴⁹. Маршрут Ореста и Пилада – это путь плавания к северным берегам Понта греческих колонистов, чтобы достичь Ольвии, Херсонеса, Южного Крыма и Боспорского царства⁵⁰. Он был впервые описан в перипле Скилака⁵¹. С греческой колонизацией связан и оракул Аполлона, который предписал Оресту отплыть в Крым к таврам. Это напоминает оракулы, которые греческие колонисты во главе с ойкистами получали в Дельфах и Дидимах перед отправлением на новые земли для основания апойкий⁵². Ионийские колонисты почитали Аполлона как покровителя, поскольку обращались к нему за оракулом в Дидимах. Еврипид же говорит о дельфийском оракуле, который предписал Оресту и Пиладу «спасение» (стк. 76–95, 109, 710–716, 720–723, 944–980). Дорийские Гераклея Понтийская и ее колония Херсонес Таврический были основаны по прорицанию оракула Аполлона в Дельфах (Justin XVI. 3; Ps.Scymn. 822–930)⁵³. Из сказанного можно сделать вывод, что в трагедии об Ифигении в Тавриде сохранилась традиция времен греческой колонизации Понта. Корабль, на котором Орест и Пилад приплыли к скалистым берегам Тавриды, причалил к берегу в юго-западной ее части, где жили тавры. Неслучайно Еврипид вложил в уста хора слова: «иль парные весел еловых удары средь пенья и шума затем рас-секали волну, и парус затем надувался, и двигался быстрый корабль, чтоб после богатством чертоги одни пред другими кичились? Средь бедствий надежда мила, но жажда сердец неутешна у тех, кто, по волнам блуждая, и в варварский город

⁴⁸ Baschmakoff 1948, 22; Arnaud 1992, 60–62.

⁴⁹ West 2003, 151–167; King 2004, 12; Dan 2008, 165–168.

⁵⁰ Saprykin 2017, 345–361.

⁵¹ Hall 1987, 127–133. Ср. Braund 2018, 42: Орест и Пилад проплывали священный остров Ахилла –Левку, так как Еврипид хотел связать Ифигению с Ахиллом и семьей Агамемнона с целью подчеркнуть их родственные узы. Это мнение представляется надуманным, Еврипид еще не знает мифа о пребывании Ифигении на о. Левка вместе с Ахиллом.

⁵² Fontenrose 1981, 141–144; Ehrhardt 1983, 145–147; Tsetshladze 1994, 118.

⁵³ Saprykin 1997, 212, 227, 252.

(πόλεις τε βαρβάρους) заходит за грузом богатства и славой, кто суетой вечно влеком... есть люди, что грани не видят желаньям...» (стк. 408–420: пер. И. Анненского). В этом пассаже крайне интересно упоминание «города варваров».

Еврипид приписывает Ифигении слова о том, что, похитив ее у ахейцев, Артемида поселила ее в земле тавров, где правит (ἀνάσσει) над варварами варвар Тоант. Это соответствует рассказам Геродота, Помпония Мелы и псевдо-Скимна об Артемиде, Ифигении и Деве у тавров. Упоминание царей тавров (βασιλευσιν), которые могли получить известие о прибытии Ореста и Пилада (стк. 109), заимствовано у Геродота, который называет их среди царей других племен, собравшихся на совет в связи с вторжением Дария в Скифию (Herod. IV. 102). Этот факт контрастирует с положением Тоанта как единственного властителя полиса и тавров. Он назван Еврипидом τύραννος и ἄναξ (стк. 1020, 1335, 1435). Употребляя термин «анакт» (ср. также ἀνάσσει) применительно к Тоанту, драматург подражает эпическим поэтам. Этот древний термин имел тесную привязку к общине, городу и народу⁵⁴, применялся к греческим богам и героям, являлся титулом правителя, обозначал «хозяина» дома, участка и т.п. (LSJ. s.v. ἄναξ). По сюжету пьесы Тоант отвечал не за всю страну тавров, а за полис и его ближайшие окрестности. Этот мифический персонаж фигурировал в легендах острова Лемнос, когда там проживали синтии, пеласги, минийцы – потомки аргонавтов (Herod. IV. 145). По местному мифу он был спрятан дочерью, когда лемносские жительницы убили всех мужчин, но потом был убит. В «Илиаде» упоминается «священный город Тоанта на Лемносе», что отражало реалии гомеровской эпохи (Hom. II. 14. 230). Позднее там появились два полиса – Гефестия и Мирина, что, как и фраза Гомера, могло подвигнуть Еврипида воспроизвести лемносский «полис Тоанта» на земле тавров. Однако, скорее всего, он использовал легенду, согласно которой Тоант нашел спасение в Скифии, где его считали сыном реки Борисфен (Nic. Fr. 58 Schneider). Этот миф появился во времена эллинской колонизации не без влияния Ольвии, где река Борисфен была обожествлена (ср. Herod. IV. 5). Поэтому у Еврипида были причины превратить Тоанта во властителя греческого полиса в Таврике (Скифии). Применяя слова «анакт» и «тиран», драматург подразумевал не реалии тавров, весьма далекие от эллинских, а греческую общину, греческие институты власти, пусть и очень древние, но современные эллинской колонизации⁵⁵. Это может означать, что в художественном воображении Еврипида под таврами и «варварским городом» скрывался эллинский полис.

Ифигения заявляет, что по прежнему закону (νόμου) полиса (πόλει), она приносит в жертву всякого эллина, который прибывает в страну тавров, освящает жертву, а уже закланием жертвы в храме занимаются другие люди (стк. 28–41). Можно допустить, что понятия «полис» и «закон полиса» у автора трагедии лишены конкретного содержания и просто отнесены к варварам. Однако М. Хансен доказал, что греки всегда вкладывали в понятие «полис» социально-правовой смысл – это гражданская община со своими законами и конституцией, город, городской центр полиса как политического сообщества, т.е. это классическое понятие «город-государство». Полис – это исключительно эллинский институт: в эпоху архаи-

⁵⁴ Андреев 1976, 56, 57; Palaima 2016, 133–158.

⁵⁵ Ср. родовое имя Ἀρχαίνακτιδαί в Пантикапее (Diod. XII. 31. 1).

ки и классики он отличался от понятий «кома», «эмпорий», «этнос»⁵⁶ – последнее бы более подходило для тавров. Тем не менее Еврипид применяет чисто греческий правовой термин. Следовательно полис и существующий в нем закон, о чем говорит Ифигения, это конкретное социально-политическое целое, полития, что, вне сомнения, имеет отношение только к греческому городу.

В стк. 463–465 хор говорит Ифигении: «если тебе здесь по душе полис с таинством совершать жертвоприношения, которые по закону у нас не являются священными», то из этого можно сделать вывод, что она могла принимать жертвы только в этом полисе. Тем более что к ней обращаются как ᾧ πότνι' – «о владычица!», т.е. как к богине. Замыслив побег с идолом Артемиды, Ифигения просит Тоанта послать гонца в полис, чтобы жители не покидали свои дома (стк. 1207–1209). Ифигения, обращаясь к Артемиде, изрекает: «ведь здесь тебе не пристало жить, если у тебя есть богатый полис» (стк. 1087–1090), намекая, вероятно, на Афины, куда она хочет увести богиню. Эти слова подтверждают, что ее кумир находился в полисе, который менее счастлив и благополучен, нежели Афины. Тоант называет Ифигению «хранительницей полиса» (стк. 1214), которая «прекрасно удивляет весь полис» (стк. 1213–1214). Эти фразы свидетельствуют о налаженном жрецами в согласии с законодательством полиса сакральном ритуале, который предусматривал жертвоприношения. В полисе был запрет вывозить за его пределы статую богини и ее жрицу (стк. 28–41, 466, 1189, 1359). Трагик говорит о стенах полиса, горожанах и гражданах-политах, о просьбе Ифигении к Тоанту запретить таврам покидать дома до окончания очистительного ритуала богини (стк. 876, 1212, 1226, 1422). Сама Ифигения чувствует себя в полисе чужестранкой, а пришельцы Орест и Пилад названы ξενοφονεῖν (стк. 1021), οἱ ξένοι (стк. 1340), что полностью укладывается в рамки законов эллинской полисной общины, вычеркивавших иностранцев из числа граждан. Все это вряд ли было у тавров, у которых не было городов, полисов и строгого полисного законодательства⁵⁷. Они жили племенным строем, их социальное и экономическое устройство было крайне примитивным. Однако, при чтении трагедии создается реальное впечатление, что действие происходит в греческом городе.

Это впечатление усиливается, когда узнаешь, что в полисе существовали храм богини, алтари богини (стк. 1115: βωμοὺς), священный огонь в храме (стк. 626, 726), а сам храм находился у воды, как было принято у греков. Еврипид употребляет несколько терминов для обозначения кумира Артемиды: ἄγαλμα, ξόανον, βρέτας (стк. 1199, 1359)⁵⁸, а выражение ναῶν τῆ θεῶ (стк. 1215) подразумевает не один храм. Храм Артемиды, где жрицей была Ифигения, имел триглифы, колонны и карнизы, оббитые золотом. Внутри находился упавший с неба деревянный ксоан богини, к храму вели лестничные ступени стилобата, он имел двери с медными запорами, перед которыми находился алтарь. Под его карнизами стояли снятые с жертв доспехи (стк. 90–110, 123–131). При описании жертвоприноше-

⁵⁶ Hansen 1998, 20 suiv.; Welwei 1998.

⁵⁷ Плиний Старший сообщает о шести городах в Таврике (Plin. IV. 85), но не говорит, что они принадлежали таврам или тавро-скифам. У тавров были компактные небольшие городища без укреплений на небольшой территории, поселки, деревни, сезонные стоянки с полуземляночными и наземными домами (Рогов 1996, 73; Храпунов 1995, 15).

⁵⁸ Это названия древнего оригинального изображения греческой Артемиды (Scheer 2000, 24; Bremmer 2013, 87–100).

ний эллинов упоминается скала с расселиной, на которой стоит храм Артемиды (стк. 440). Рассказывая о прибытии Ореста и Пилада в Таврику, Еврипид приводит слова Пилада, что надо удалиться от храма и спрятаться в пещере вдали от корабля, чтобы никто не донес о них царю и не захватил в плен (стк. 105–110). В словах Пилада выражен намек на ритуальные убийства иноземцев-греков, на пиратов-тавров, которые захватывали моряков в плен. О пиратстве и коварстве тавров греки хорошо знали (Ps. Scymn. 831–834; Diod. III. 43; Anonym PPE 79–80; Plut. De prov. Alex. I. 10; Apollod. VI. 26; Amm. Marc. XXII. 8. 33), знали они и о том, что разбойничьи набеги они совершали из бухты Символов (совр. Балаклава) к юго-востоку от Херсонеса Таврического (Strabo VII. 4.2; Arg. PPE 30; Anonym. PPE 78), и это закрепилось в их сознании с самой ранней эпохи (Herod. IV. 103; Tac. Ann. XII. 17; Amm. Marc. XXII. 8, 38; Mela II. 11; Sallust. Hist. III. 5, fr. 74(48). Тем не менее это не значит, что в трагедии говорится о реальном храме тавров. У них не было святилищ и храмов, построенных по эллинскому образцу. Святилища их Верховной богини находились в горах и не имели аналогов в греческой храмовой архитектуре⁵⁹.

Описание храма в трагедии об Ифигении это фантазия Еврипида. Он взял за образец эллинский храм VI в. до н.э. и соотнес с таврами, так как приписал им уклад жизни эллинского полиса⁶⁰. Однако ряд деталей отражает реальное положение на местности. Храм Артемиды находился рядом с пещерой, в которой предлагал укрыться Пилад (стк. 104–110). На нее же, вероятно, указывает и рассказ пастуха, который увидел Ореста и Пилада в расселине, омываемой прибоем волн (стк. 260–266). Римский географ I в. н.э. Помпоний Мела, использовавший древние недошедшие до нас источники и предание об основании Херсонеса Таврического, отмечал, что этот город был известен пещерой, которая находилась в пределах города (акрополя) и была посвящена нимфам (Mela II. 1). Эти сведения попали к нему из мифов о Деве как основательнице колонии гераклеотов в Крыму или из рассказов мореплавателей, на которые опирались Скилак – автор раннего перипла, Геродот в рассказе о Деве=Ифигении, дочери Агамемнона у тавров, и, очевидно, Еврипид. Действительно, в северо-восточном районе Херсонеса, где находились древнейший акрополь и ранние постройки⁶¹, существует провал в материковой скале, имеющий вид большой пещеры (т.н. «подземный храм в III квартале»)⁶². Ее, очевидно, имели в виду античные писатели, называя пещерой нимф. Мимо нее проходила главная улица Херсонеса.

Место, где в раннем Херсонесе располагался храм богини, подходит под описание Еврипида. Орест и Пилад оставили корабль недалеко от скалы, где находился храм Артемиды и под этот храм «подходят волны моря» (стк. 68–70, 1043,

⁵⁹ Щеглов 1981, 204–218; Новиченкова 2015, 16.

⁶⁰ Скржинская 1991, 125; ср. Пичикян 1984, 155: описание храма у Еврипида достоверное.

⁶¹ В северо-восточной части Херсонеса, недалеко от места предполагаемого храма Артемиды–Девы на мысу, в 2011 г. был обнаружен комплекс находок керамики, который твердо датируется второй–третьей четвертью V в. до н.э. (Ушаков и др. 2013, 308–315). Он надежно документирует возникновение Херсонеса Таврического именно в это время.

⁶² Эта пещера – σπήλαιον Парфенон – упоминается в некоторых житиях херсонесских епископов эпохи поздней античности и раннего средневековья (Латышев 1906, 20, 50; Толстой 1918, 98). Д. Браунд выражает сомнение в отождествлении пещеры нимф или пещеры Дианы с пещерой, где прятались Орест и Пилад (Braund 2018, 50).

1196). Они поднимаются вверх от корабля у выступающей в море скалы и видят этот храм (стк. 66–70, 1328–1330). Когда Орест, Пилад и Ифигения отплывали, то тавры, взобравшись на утес, с высоты кидали в корабль камни (стк. 1370–1377). Он какое-то время двигался в гавани, а когда вышел в открытое море, то поднялся сильный ветер и началось волнение (стк. 1390–1400). Эти картинки напоминают расположение порта Херсонеса в Карантинной бухте, откуда легко подняться на скалу, где находился храм Артемиды. Красочный и обильный деталями рассказ Еврипида недвусмысленно указывает, что именно этот храм в городе, расположенный на скале, к которому подходила центральная улица, являлся тем местом, где разворачивалось действие трагедии. В литературе встречаются утверждения, что один выход из храма не мог выводить к городу, а другой к берегу, где был спрятан корабль Ореста и Пилада, так как процессия богини пересекала город, чтобы достичь места причала (стк. 1221–1230)⁶³. Следовательно храм имел выход на главную улицу города, по которой должны были шествовать участники процессии богини. Это совпадает с планировочными решениями раннего Херсонеса, согласно которому храм Артемиды располагался в раннем городе на скалистом утесе у входа в Карантинную бухту. Он возвышался на высокой скале, служил как бы естественной границей гавани Херсонеса, за которой начиналось открытое море. Он был прекрасно виден морякам, подплывавшим к городу или проплывавшим мимо этих берегов.

Археологические исследования древних кварталов Херсонеса показывают, что в том месте, где в трагедии Еврипида как будто бы находился храм, в котором Артемиде прислуживала Ифигения, был священный участок – теменос с алтарем и храмом, как считается, посвященными богине Деве. Его расположение в сетке кварталов при застройке города по гипподамовой системе свидетельствует, что до первой четверти IV в. до н.э. на месте перестроенного храма находился более ранний храм V – начала IV в. до н.э. Рассказ о нем у Еврипида («священная земля» – теменос с воротами, триглифы, высокая ограда – стк. 98–120), соответствует дорическому облику эллинских храмов и совпадает с дорическим орденом храма Девы на мысу. Археологические остатки – фрагменты колонн и антаблемента – говорят о том, что храм, современный Еврипиду, был перестроен в IV–III вв. до н.э. В настоящее время его связывают со святилищем на мысе Парфений, о котором говорится у Страбона (VII. 4. 2)⁶⁴. Из свидетельства географа следует, что в самом Херсонесе было святилище Девы, «некоего божества» (δαίμονός τινος), имя которого носит мыс в 100 стадиях от города, который назывался Парфением. Храм пытались локализовать на мысе Херсонес, на мысе Фиолент, где якобы видели его архитектурные остатки⁶⁵. Однако сюжет трагедии неопровержимо доказывает, что храм и алтарь располагались на утесе скалы в самом городе, очевидно, на месте самых ранних кварталов древнего Херсонеса⁶⁶. Поэтому нельзя исключать, что один из алтарей богини (стк. 1398–1400) и один из ее храмов мог

⁶³ Taplin 1997, 430; Cropp 2000; Kyriakou 2006, 33–35; Torrance 2019, 35–36.

⁶⁴ Буйских 2008, 172. В Херсонесе могло быть два Парфения с храмом одноименной богини – в северо-восточном районе и за пределами города, где проходили празднества Парфении, сопровождавшиеся выносом статуи богини.

⁶⁵ Бертъе–Делагард 1910, 25.

⁶⁶ Буйских 2008, 172; Hall 2012, 2–4; 2019, 305–327. Ср. Torrance 2019, 36–40: пассажи трагедии о храме Артемиды не могут свидетельствовать о его точной локализации.

локализоваться на мысе Парфений, названном в честь Артемиды Парфенос, а другие могли быть сооружены в городе, а также в его окрестностях в районе Древнего Херсонеса⁶⁷.

Еще деталь: Ифигения была жрицей в храме «дивной» богини, которая имела там «дивное» изваяние (стк. 635, 987), где обычаями тавров услаждается Артемида на религиозном празднике, одно имя которого прекрасно (стк. 36) – утверждает Еврипид. Он описывает празднество в честь Артемиды, в котором принимали участие горожане. В его ритуале при свете факелов предусматривался вынос священной одежды, вывод животных для принесения жертв, чтобы их кровью смыть грехи с нечестивых (стк. 1221–1230). Ифигения договорилась об этом с Тоантом, поэтому празднества организовывались официально, так как богиня считалась спасительницей и охранительницей граждан. В Херсонесе во время празднеств богини Девы выносили ее культовую статую, имитируя ее чудесные появления (эпифании) (ср. IOSPE I². 343; ср. 344; 352)⁶⁸. Драматург намекает на официальный характер празднеств, которые могли появиться со времени основания Херсонеса и храма Девы, и священных процессий, проводившихся с согласия Тоанта – анакта общины, а значит при одобрении граждан. Ведь Ифигения повелела всем горожанам «беречься от заразы» (стк. 1220–1230).

Упоминание об очистительных ритуалах весьма знаменательно. Как известно, в основании Херсонеса Таврического принимали участие выходцы с Делоса, поскольку они были изгнаны афинянами с родного острова из-за нежелания признавать их гегемоном, а главное – под предлогом древней вины, за что их объявили «нечистыми» и недостойными близости к святыне Аполлона (Thuc. V. 1)⁶⁹. Возникает вопрос – не на это ли намекает Еврипид, вкладывая в уста Ифигении слова об очистительных ритуалах «нечестивых» и избавлении жителей полиса от какой-то заразы?

Детали географии, образа жизни, религиозных воззрений подразумевают знакомство Еврипида с реалиями раннего Херсонеса Таврического, но по сюжету трагедии они относятся к его близким соседям таврам⁷⁰. Это делает вероятным предположение, высказывавшееся в литературе, что прототипом города тавров или города варваров Еврипид мог считать эллинский полис, расположенный на территории, которую занимали тавры⁷¹. Полувымышленное описание храма, в котором служила Ифигения, достаточно точные детали места действия пьесы дают возможность осторожно предположить, что полис, о котором говорится в трагедии, условно соотносится с Херсонесом Таврическим. Косвенно это подтверждается тем, что самое раннее греческое поселение в Херсонесе находилось в северо-восточном районе на мысу у входа в Карантинную бухту, где как будто бы и разворачивается сюжет пьесы. Однако драматург никогда не посещал Таврику, поэтому возникает парадокс – Геродот и Еврипид знают древнюю легенду о ми-

⁶⁷ Толстой 1918, 95; Пальцева 1979, 39; Скржинская 1988, 176–190; 1991, 122–125; Chicheglov 1992, 56; Русяева А., Русяева М. 1999, 76–83. На Маячном полуострове могли быть священные земли храма Парфенос (Nikolaenko 2006, 168).

⁶⁸ Зубарь 2005а, 15–19. Об эпифаниях богини Девы в Херсонесе см. Сапрыкин 1980, 48.

⁶⁹ Roussel 1916, 33; Тюменев 1938, 251.

⁷⁰ Farnell 1896–1909/II, 454, 484; Manning 1920, 40–55.

⁷¹ Jerram 1890, 14–16; Толстой 1918, 98–136; Русяева А., Русяева М. 1999, 45; Зубарь 2005б, 348; Guldager Bilde 2003, 168–172; Hall 2012, 65; 2019, 306; Braund 2018, 33–37; Torrance 2019, 156.

фической покровительнице Херсонеса богине Деве, знакомы Еврипиду и реалии раннего Херсонеса, однако перенесены они не на эллинов, а на тавров.

Для объяснения этого можно привести следующие аргументы. Греки-колонисты традиционно связывали основание колоний с популярными богами и героями, превращая их в мифических ктистов, защитников и охранителей. Неслучайно античная традиция называла Артемиду основательницей Херсонеса, а Ифигению – девой, прибывшей туда, где основан этот полис. Это означает, что при основании Херсонеса в конце второй четверти – середине или в начале третьей четверти V в. до н.э.⁷², гераклеоты воспользовались популярной легендой о перенесении Ифигении Артемидой к таврам в Крым, так как это выражало идею спасения. Спасительницей выступала Артемиды, а спасенной Ифигения, по велению той же богини превратившаяся в бессмертную богиню-деву в далекой Тавриде. С эпохи Гомера и Гесиода спасенная от заклания на алтаре Ифигения почиталась как Артемиды-Ифигения, поэтому обитатели раннего Херсонеса воспринимали ее как юную Артемиду-Деву, ибо героиня мифа – дочь Агамемнона – воплощала непорочность молодой девы. В трагедии Еврипида Ифигения характеризуется как νεῆνις – юная, молодая «дева» (стк. 619, 1369), πότνια – «владычица» (стк. 463–465, 1123), что чаще всего относилось к женскому божеству «Владычице-богине», а не к служанке богини, παρθένος – «дева», «девица» (стк. 1380). Артемиды, жрицей которой служила Ифигения, названа «богиней» (стк. 1189, 1199, 1210–1215, 1220), πότνια (стк. 1082), ὦ Διὸς Λητοῦς τ' ἄνασσα παρθέν' θεά – «о владычица Дева, дочь Зевса и Латоны, богиня!» (стк. 1230), «убивающая оленей» (стк. 1115)⁷³. Эпитеты Ифигении и Артемиды одинаковы: они относятся к Владычице – покровительнице всего сущего. Установлено, что важной составляющей культа Девы в Херсонесе являлось представление о Верховной эгейской богине⁷⁴. В Херсонесе и по сюжету еврипидовой трагедии Ифигения и Артемиды выступали властительницами страны и города. Почитание Артемиды Парфенос и Ифигении Парфенос в качестве богинь – владычиц, как у Еврипида, произошло под воздействием архаических мифов, где Ифигения – это гомеровская и гесиодовская Ифианасса (ср. Ном. II. IX. 153, 287; Lucret. I. 85)⁷⁵. Основу этого имени составляло древнее слово ἄνασσα – властительница, владычица⁷⁶, означающее «власть», «силу», что имеет прямое отношение к царской власти (анакт, анасса). Имя «Ифигения» также связано с властью, но по происхождению (geneia – род, происхождение)⁷⁷. Образ Ифигении/Ифианассы соответствовал представлениям о верховной богине-властительнице, а ее связь со спасительницей Артемидой стала основой для превращения Артемиды/Ифигении в верховную богиню – по-

⁷² Предлагавшаяся дата возникновения Херсонеса 528 г. до н.э. (Виноградов, Золотарев 1999, 91–130) в настоящее время определяется как конец второй – начало третьей четверти V в. до н.э. (Стоянов 2007, 125–144; Тохтасьев 2007, 110–125; Сапрыкин 2018б, 493–495).

⁷³ Hall 2012, 65.

⁷⁴ Шайб 2007, 72.

⁷⁵ England 1883, 10; Jerram 1890, 14–16; Щукарев 1894, 599; Fowler 2013, 169–178; Ифигению греки почитали и как независимое божество (Manning 1920, 40–55).

⁷⁶ Ἄνασσα – покровительница города Вани в Колхиде – это Верховная богиня, Владычица природы и всего сущего, одна из форм богини Артемиды (Лордкипанидзе 1970, 122; Сапрыкин 2009, 336); на Кипре женской ипостасью Анассы являлась Афродита (ICyprus 101H).

⁷⁷ Palaima 2016, 142. Неслучайно в Херсонесе римской эпохи Деву называли «царицей».

кровительницу и властительницу Херсонеса. К. Мэннинг считал Ифигению божеством рождения и плодородия, хтонической богиней, равной Артемиде Персидской. Эллины идентифицировали местное божество с Ифигенией, поэтому ее стали ассоциировать с Таврической Девой, а позднее с Артемидой, заменившей Ифигению как божество⁷⁸.

Функция спасительницы проявилась у Артемиды/Ифигении с началом плаваний эллинов вдоль побережья Тавриды, но особенно ярко при основании Херсонеса. Эллины-колонисты пытались заручиться содействием Артемиды и Ифигении как богинь-спасительниц, защитниц их поселения и судоходства в малознакомых водах Эвксинского Понта. Для этого вполне подходила архаическая версия мифа о похищении Ифигении с алтаря в Авлиде и спасении ее Артемидой, так как она превращала ее в заступницу города и граждан во время невзгод и опасностей, в том числе при защите от тавров. Однако в официальный пантеон полиса Артемиды/Ифигения вошла как Парфенос-Дева. По нашему мнению, это вызвано тем, что в сакральной легенде, которую гераклеоты выбрали для выведения колонии в Таврику, фигурировали девы – Ифимеда, Ифигения и их спасительница Артемиды, имевшая эпитет Парфенос (см. ниже). Поэтому в официальном культе полиса священный образ богини Девы включил в себя синтез древних легенд о спасении юной девы Артемидой.

Мы разделяем точку зрения, что Артемиды и Ифигения стали главными фигурами официального культа Девы в херсонесском полисе под влиянием Гераклеи Понтийской и Делоса⁷⁹. В Беотии, в Авлиде, место, где ахейцы должны были принести в жертву Ифигению, было объявлено священным (Paus. IX. 19. 5). Беотийские колонисты, которые вместе с мегарянами основали Гераклею Понтийскую, прекрасно знали легенду об Ифигении и Артемиде, поэтому перенесли их культ в Южное Причерноморье. На почитание там Артемиды Парфенос указывает название р. Парфений, где, согласно местному мифу, Артемиды омывала тело после охоты (Apol. Rhod. II. 930–932). В Мегарах, метрополии гераклеотов, почиталась и имела святилище Ифигения, которая умерла в этом городе (Paus. I. 43. 1). Там же была могила Илифии (Ифиной), дочери мегарского героя Алкафоя, – священное место для девушек, которые перед замужеством совершали священные либации, подобно известному делосскому обряду, связанному с гиперборейями (Paus. I. 43. 4). На Делосе близ святилища Артемиды на могиле гиперборейских дев, отправленных туда с дарами Артемиде, юноши и девушки перед свадьбой справляли обряды. Девы-гиперборейки вместе с Аполлоном и Артемидой привозили дары Илифии – деве за быстрые и легкие роды. Эти легенды и связанные с ними святыни почитались делосцами и другими эллинами (Herod. IV. 33-35; Diod. II. 47. 1-7). Ифигения покровительствовала деторождению, поэтому на Делосе и в Мегарах под Илифией понимали Ифигению, связанную с культом Артемиды. Мегаро-гераклейский и делосский мифы об Артемиде и ее связях с гиперборейями, приносившими счастье и спасение, в том числе путем священных даров на Делосе, восходили к ранней греческой колонизации. Ведь в эпоху архаики сложился миф, что Геракл (позднее ктист Гераклеи) посетил на Истре Артемиду, получившую эпитет Истрийская. Она считалась наездницей – амазонкой, так как вокруг Истра

⁷⁸ Manning 1920, 40–55.

⁷⁹ Braund 2018, 35, 36.

жили амазонки, покровительствовала гиперборейям и скифскому народу таврам, почитавшим эту богиню (Pind. Ol. III. 25-27; Schol. ad Pind. Ol. III. 45 (26)). Связь амазонок, родина которых находилась в Южном Понте у р. Фермодонт, с Артемидой Истрийской, гиперборейями, таврами и Гераклом, добывшим пояс царицы амазонок близ Фермодонта, появилась в результате объединения мифов об Артемиде и Геракле с гиперборейями и амазонками. Благодаря синкретизму различных легенд, образ Ифигении в разных полисах отождествлялся с другими легендарными девами – царицей амазонок Ипполитой, Пентесилеей, Илифией и Артемидой Парфенос, тем более что Артемида почиталась как Дева-Парфенос и Артемида-Ифигения⁸⁰. Связь молодых дев Ифианассы/Ифигении и Артемиды Парфенос с Ифимедой, Ифиной (Илифией), особенно ярко проявившаяся в Мегарах и на Делосе и перенесенная в Гераклею, а оттуда в Херсонес, в конечном итоге воплотилась в единый полисный культ верховной богини Девы-Парфенос – владычицы и покровительницы новооснованной общины гераклеотов в Тавриде.

Почитание Ифигении (Ифиной, Илифии) как смертной в Мегарах, скорее всего, возникло под влиянием древней легенды, сочиненной жрецами Бравронского святилища еще в VII–VI вв. до н.э. до появления мифа о ее бессмертии в Таврике. Мегарские и беотийские колонисты Гераклеи, основанной ок. 554 г. до н.э., восприняли этот миф, и когда в V в. до н.э. набирала популярность легенда о спасении Ифигении Артемидой и перенесении девы в Таврику, это приобрело для них особое значение. В V в. до н.э. проафинские демократические круги в Гераклее, где существовал олигархический строй, постоянно боролись за расширение прав. Ко второй половине V в. до н.э. среди них распространялись идеи спасения, навеянные древней легендой об Ифигении и Артемиде. Демократически ориентированные гераклеоты и делосцы, которые воспринимали их как олицетворение счастья и благоденствия, воспользовавшись легендой, бытовавшей в Мегарах и Бравроне, организовали апойкию в Таврике под покровительством Артемиды Парфенос и Девы – Ифигении Парфенос как бы ради «спасения» на далеких берегах Тавриды. Единый образ Властительницы Девы и древний миф об Ифигении в Тавриде сотерического характера был положен в основу местной сакральной легенды, чтобы обосновать вывод колонии в Таврику по решению оракула Аполлона в Дельфах. Вот почему культ херсонесской Девы – это чисто эллинский культ, который не мог быть заимствован у тавров или перенесен эллинами на тавров.

Все изложенное позволяет отнести рассказ об Ифигении в Тавриде у Еврипида к самому раннему периоду истории Херсонеса, где к концу последней четверти V в. до н.э. наметился переход от апойкии к полису. В такие времена особое значение придавалось мифам и легендам для утверждения места новой общины в сложившемся миропорядке и повышения ее значения. В Херсонесе таким идеологическим background'ом стала популярная легенда о спасении Ифигении богиней Артемидой, которая превратила деву в божественный символ апойкии⁸¹, а затем и полиса. На ранних херсонесских монетах 390–380 гг. до н.э. представлена голова юной Девы-Парфенос в кекрифале с чертами Артемиды Ифигении. Это

⁸⁰ На острове Парос, например, Артемиду почитали как Парфенос (Деву) (SEG 39. 863; Bremmer 2013, 87–100).

⁸¹ Сапрыкин 2018а, 161–194.

покровительница полисной общины⁸², лик которой соответствовал юной деве в гераклеийской легенде как защитницы новой колонии в Таврике. Вполне вероятно, что с окончанием постройки храма Девы, по задумке жрецов появились рассказы о чудесных эпифаниях богини, которая оказывала помощь херсонеситам, избавляя их от опасностей. Чудесные явления Девы, плоть от плоти сакральной идеи первых колонистов-гераклеотов о спасении Ифигении Артемидой, записывались ими, так как восходили к древней храмовой легенде. На ее основе составлялись летописи истории Херсонеса, чем в III в. до н.э. активно занимались херсонесские историки школы Сириуса и их последователи, описывавшие эпифании богини на протяжении длительной истории Херсонеса (IOSPE I² 344). Это стало важной чертой официального полисного культа Девы (IOSPE I² 343, 344, 352). Поэтому в Херсонесе Верховная богиня почиталась как «священная Спасительница», образ которой включал сотерические функции Девы и Артемиды (НЭПХ II. 125). Рассказы о ее чудодейственной помощи во благо спасения нашли отражение в литературных произведениях и мифологии. Нельзя исключить, что восприятие Артемиды и Ифигении как владычиц и представления о них как о спасителях, выражавшиеся в сакральной легенде при основании апойкии и заложенные в священную легенду храма Девы после его постройки, стали известны Еврипиду. Отсюда достаточно точные реалии Херсонеса в его трагедии об Ифигении.

Перед Еврипидом стояла задача развить аттическую бравронскую версию святилища Артемиды о заклании Ифигении в Авлиде и ее спасении. Переносом мифа в Таврику и описанием возвращения Ифигении на родину с кумиром Артемиды он хотел ярче подчеркнуть основной концепт трагедии – идею спасения. Он хотел выразить ее через преодоление трудностей героями трагедии и пытался найти способ, как донести это до аттической публики. Поэтому, следуя традиции эпических поэтов эпохи архаики и драматургии классической эпохи, которые стремились отразить представления о бессмертии и спасении на дальних берегах Океана, он использовал миф о перенесении юной девы на северное побережье Понта и связал его с таврами. Для усиления драматизма и сотерической идеи драматург использовал «нецивилизованность» тавров. Вслед за Геродотом он приписал им человеческие жертвоприношения, связав с Артемидой, чем превратил ее в верховную богиню тавров. Ради сюжета он обратил Ифигению-Деву в смертную жрицу Артемиды, чтобы она могла привезти упавший с неба ксоан богини в Браврон и Халы, вырвав его из рук диких тавров. Поэтому он вывел Артемиду за рамки действующих лиц пьесы. Трагик углубил смысловое содержание бравронской легенды путем использования мифа, который гераклеийские и делосские колонисты в Таврике взяли за основу религиозного пантеона основанной ими колонии.

Любопытно, что афинский драматург сохранил связь Ифигении с Гекатой. Это был отголосок архаического мифа об отношении Ифигении к подземному миру и превращении ее в Гекату. В противоречии с фабулой трагедии о том, что тавры приносили в жертву эллинов их закалыванием или сбрасыванием со скалы, как у Геродота, Орест у Еврипида должен был быть сожжен на священном огне в храме близ ущелья при свете факелов (стк. 626, 634, 1156, 1224), так как в культе Гекаты большую роль играл огонь, а сама богиня изображалась с факелом как

⁸² Анохин 1977, 134, № 1–7.

Фосфора⁸³. В тоске по умершему брату Ифигения медлит с возлиянием из кубка умерших, чтобы последовать за ним в обитель Аида, но все же берет золотой кубок и исполняет обряд либации «влагой пенной Аида» (стк. 157–169). В этом есть оттенок чародейства, магии, общения с потусторонними силами мрака, что присуще Гекате. На наш взгляд, придание Ифигении как жрице Артемиды функций этой хтонической богини было вызвано влиянием поэтов VIII–VII вв. до н.э. Гесиода и Стесихора. В то же время хтонические оттенки рассказа об Ифигении и Артемиде связаны с представлениями древних эллинов доклассической эпохи о крае света, границах ойкумены на окраине Океана, где обитали души умерших и находился спуск в царство мертвых. В этих краях под защитой богов и героев жили гипербореи, поэтому им было обеспечено бессмертное существование⁸⁴, а кровожадные тавры превратились в их антипод. Образ безжалостных варваров, убивавших греков, создавался лирическими и эпическими поэтами, а затем драматургами, чтобы на контрасте с гипербореями глубже выразить идею спасения души и жизни⁸⁵. Сила этой идеи выражалась в возможности вырваться из подземного царства на краю света, где живут жестокие варвары. Намек Еврипида на тождество Ифигении и Гекаты это попытка отразить древний миф о перевоплощении смертной девы в божество путем соединения культов Гекаты Фосфоры с культом Девы – Артемиды Фосфоры, эпифании которой при свете факела способствовали победам и спасениям херсонеситов, о чем свидетельствуют монеты Херсонеса IV в. до н.э.⁸⁶

Вывод, который вытекает из всего сказанного, заключается в том, что трагедия Еврипида не повлияла на формирование культа Девы в Херсонесе. Он взял за основу сложившуюся к V в. до н.э. древнюю легенду о спасении Артемидой Ифигении и соединил ее с тогда же возникшей гераклеиско-херсонесской сакральной идеей о превращении юной Ифигении в богиню ради спасения новой колонии в Таврике. В ее основе лежал архаический миф о перенесении Ифигении к таврам и обращении там юной девы в божество, поэтому в Херсонесе он стал официальной версией при формировании культа богини Девы. Еврипид поставил цель возвеличить аттический культ Артемиды, для чего превратил Ифигению в смертную жрицу, чтобы она вернулась на родину с кумиром этой богини. Херсонесская же Дева (синтез образов дев Ифигении, Илифии, Ифиной, Ифимеды, Артемиды Парфенос) закрепилась во главе официального пантеона полиса в качестве Верховной богини-спасительницы.

Теперь интерес заключается в том, как объяснить, почему у Геродота и Еврипида название Херсонеса Таврического отсутствует, место, где разворачивается

⁸³ В мегарских колониях Геката Фосфора, отождествлявшаяся с Артемидой, считалась популярной богиней (Hanell 1934, 186). В Геракле Понтийской, метрополии Херсонеса, был обнаружен votивный рельеф, изображавший эту богиню с факелами (Erichsen 1966, 48).

⁸⁴ Gagné 2021, 315.

⁸⁵ Finglass 2018, 19–37: мифы, которые использовали поэты ранней эпохи, например, Стесихор в «Оресте», являлись своеобразным мостом между событиями архаической эпохи и даже более раннего времени и теми, которые отражены в мифах, обработанных трагиками классической и более поздней поры.

⁸⁶ Сапрыкин 1980, 47–50. Ср. рассказы об эпифаниях с факелами Гекаты = Артемиды Фосфоры, которые спасли Византий во время осады его Филиппом II (Hes. *Mil.* VI. Fr. 26, 27; Steph. *Byz.* s.v. Βόσπορος).

действие трагедии, неопределенное, сокрытое под общим понятием «Таврика» и «тавры». Для этого обратим внимание на сведения Плиния Старшего, который при описании греческих городов Причерноморья использовал ранние источники. Опираясь на них, исследователи считали, что при основании Херсонес сначала был назван Мегарикой в память о прародине Мегарах, поскольку первые его колонисты прибыли из Гераклеи Понтийской, колонии Мегар. Позднее, уже в честь метрополии, его назвали Гераклеей (Plin. IV. 85)⁸⁷. Однако Страбон (VII. 4. 2), следуя Артемидору Эфесскому, а через него, вероятно, Эфору, пишет буквально следующее: «ἐφ' ἧ ὕδρουται πόλις Ἡρακλεωτῶν, ἀποικὸς τῶν ἐν τῷ Πόντῳ, αὐτὸ τοῦτο καλουμένη Χερρόνησος – «на нем (на большом мысе, составляющем часть Большого Херсонеса, т.е. Таврики – С.С.) расположен город гераклеотов, их колония на Понте, также называемый Херсонесом». А.В.Подосинов справедливо отметил: у Плиния не говорилось ни о Мегарике ни о Гераклее как более ранних названиях Херсонеса, он лишь уточнил, что «Херсонес гераклеийский ... прежде его называли мегарским», так как город был основан Гераклеей, колонией Мегар⁸⁸. Такое понимание Плиния в сопоставлении со Страбоном приводит к выводу, что колония гераклеотов на Понте называлась сначала мегарской, а затем гераклеийской апойкией, а во времена Страбона и Плиния полис получил уже укоренившееся название Херсонес. «Апойкия гераклеотов», которая по Страбону позднее стала «городом – полисом гераклеотов», начала именоваться Херсонесом, по-видимому, в конце V – начале IV в. до н.э. как только сформировалось городское пространство по гипподамовой системе и началось размежевание хоры на Маячном полуострове и перешейке Старого Херсонеса. Это произошло после обретения апойкией статуса полиса, когда в начале IV в. до н.э. он приступил к выпуску монет с сокращенным новым полисным названием ХЕР⁸⁹. Трагедия Еврипида была поставлена в Афинах для воспитания у зрителей чувства восхваления Афин и их превосходства в Элладе. В годы Пелопонесской войны у афинской публики и союзников Афин особенно ярко проявилась антимегарская позиция, поскольку Мегары выступали союзником Спарты⁹⁰. Напоминание о Мегарах и Гераклее Понтийской противоречило идеологии и позиции Афин в V в. до н.э., особенно в годы Пелопонесской войны, когда обострилось соперничество со Спартой, Мегарами⁹¹, а также Гераклеей, против которой в последней четверти V в. до н.э. афиняне отправили военную экспедицию⁹². Херсонес до первой четверти IV в. до н.э. являлся малозначительным городом, поэтому не представлял для эллинов особого интереса. Логографы умолчали о нем, так как в их время его еще не существовало. Геродот посетил Ольвию, когда апойкия гераклеотов в Крыму была лишь незадолго до этого основана, а ольвиополиты еще не имели о ней полного представления. Это обстоятельство и отсутствие в течение более полувека устоявшегося впоследствии названия новой колонии побудили «отца истории» говорить о Деве-Ифигении гераклеийских колонистов как о таврской богине. Ведь он, не зная

⁸⁷ Saprykin 1995, 25–38; Буйских 2008, 37.

⁸⁸ Подосинов 2022, 1–9; его перевод Страбона «...город–апойкия понтийских гераклеотов, также называемый Херсонесом» не передает антитезы «город – апойкия», т.е. что город гераклеотов – апойкия их (т.е. гераклеотов) на Понте – назывался также Херсонесом».

⁸⁹ SNG BM I 706–713; ср. Анохин 1977, 134; Коваленко 1999, 114.

⁹⁰ Русяева А., Русяева М. 1999, 40–45; Torrance 2019, 156.

⁹¹ Legon 1981, 217; Thumann 1998, 12–14.

⁹² Burstein 1976, 34; Saprykin 1997, 50–53.

о колонии в Юго-Западной Таврике, знал, что тавры жили в этой части Тавриды, простиравшейся от греческого города Керкинитиды, основанного в VI в. до н.э., до южного берега Крыма (Herod. IV. 55, 99). Еврипид же не упомянул названия, во-первых, поскольку следовал Геродоту и ограничился частично придуманными им обычаями тавров и ссылкой на Таврику (ср. еврипидово выражение ἔκ βαρβαρῶν γῆς – стк. 1400). Во-вторых, как патриот Афин, он создавал произведения, стремясь отражать интересы афинского народа. Поэтому упоминать что-либо связанное с противниками афинян, а в те годы ими были мегаряне, гераклеоты и делосцы⁹³, противоречило запросам и чаяниям афинских зрителей.

В заключение отметим, что Еврипид препарировал древний миф, который был доработан жрецами Артемиды в Бравроне и распространился оттуда в Мегары и Беотию, а позднее был перенесен в Гераклею Понтийскую. С учетом запросов афинской публики драматург связал его с таврами, но подразумевал под ними и их «городом» ранний Херсонес Таврический. Мотив перенесения Ифигении на север Понта, ее бессмертие и спасение Артемидой стал базовым в легенде о чудесном избавлении девы от жестокости тавров. Эта знакомая эллинам фабула бессмертия легла в основу культа херсонесской богини Девы, а чудеснейшее спасение Артемидой Ифигении – юной девы, ставшей бессмертной, наделило богиню божественной силой спасения. Эта функция надолго заняла главное место в ее культуре, превратив верховную властительницу полиса в его спасительницу и защитницу.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Andreev, Ju.V. 1976: *Rannegrcheckiy poilis [The Early Greek Polis]*. Leningrad.
 Андреев, Ю.В. 1986: *Раннегреческий полис*. Л.
 Anokhin, V.N. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV в. до н.э. – XII в. н.э.) [The Coinage of Chersonesus (4th century BC – 12th century AD)]*. Kiev.
 Анохин, В.Н. 1977: *Монетное дело Херсонеса*. Киев.
 Arnaud, P. 1992: Les relations maritimes dans le Pont-Euxin d'après les données numériques des géographes anciens. *REA* 94/1–2, 57–77.
 Babinov, Ju.A. 1972: Mestnye elementy v religii Khersonesa Tavricheskogo [Local Elements in Religion of Tauric Chersonesus]. In: A.S. Samoylo (ed.), *Sozialno-ekonomicheskie problemy istorii drevnego mira i srednikh vekov [Social-Economic Problems of Ancient and Medieval History]*. Moscow, 27–34.
 Бабинов, Ю.А. 1972: Местные элементы в религии Херсонеса Таврического. В сб.: А.С. Самойло и др. (ред.), *Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков*. М., 27–34.
 Baschmakoff, A. 1948: *La synthèse des périples pontiques*. Paris.
 Belov, G.D. 1948: *Khersones Tavricheskij [Tauric Chersonesus]*. Leningrad.
 Белов, Г.Д. 1948: *Херсонес Таврический*. Л.
 Bertier-Delagard, A.L. 1910: K istorii khristianstva v Krymu [To the History of Christianity in the Crimea]. *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]* 28, 1–108.
 Бертье-Делагард, А.Л. 1910: К истории христианства в Крыму. *ЗООИД* 28, 1–108.

⁹³ Об основании Херсонеса гераклеотами и выходцами с Делоса см. Ps.Scymn. 822–830; Saprykin 1997, 57; враждебность делосцев к Афинам возрасла к 424/423 г. до н.э. (Тюменев 1938, 251; Rousset 1916, 33), что могло повлиять на позицию Еврипида, поэтому в трагедии под личиной жестоких тавров скрывалась мегаро–гераклейско–делосская апоיקия.

- Bondarenko, M.E. 2010: *Tavry. Etnograficheskaya kharakteristika drevnikh plemen gornogo Kryma (I tys.do n.e.) [The Taurians. Ethnographic Characteristics of Ancient Tribes in the Mount Crimea (I millennium BC)]*. Moscow.
- Бондаренко, М.Е. 2010: *Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н.э.)*. М.
- Bonnechère, P. 1994: *Le sacrifice humain en Grèce ancienne*. Athènes–Liège.
- Borgess J. 2004: Kyprias, The Kypria, and Multiformity. *Phoenix* 56/3–4, 234–246.
- Braund, D. 2005: Pericles, Cleon and the Pontus: The Black Sea in Athens c. 440–421. In: D. Braund (ed.), *Scythians and Greeks*. Exeter, 80–99.
- Braund, D. 2018: *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Goddesses in the Bosphoran Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge.
- Bremmer, J.N. 2013: Human Sacrifice in Euripides' Iphigenia in Tauris: Greek and Barbarian. In: P. Bonnechere, R. Gagné (eds.), *Sacrifices humaines /Human sacrifices*. Liège, 87–100.
- Budelmann, F. 2019: Dare to Believe: Wonder, Trust and the Limitations of Human Cognition in Euripides' Iphigenia in Tauris. In: D. Braund, E. Hall, R. Wyles (eds.), *Ancient Theatre and Performance Culture around the Black Sea*. Cambr., 289–304.
- Buiskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnyuyu epokhu [Landscape Development of Tauric Chersonesus in Ancient Epoch]*. Simferopol.
- Буйских, А.В. 2008: *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь.
- Burkert, W. 1977: *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*. Stuttgart–Berlin.
- Burstein, S.M. 1976: *Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley–Los Angeles.
- Bylkova, V.P. 2007a: Pozdneskifskie gorodischa Nizhnego Dnepra: problemy khronologii i atributsii [Late Scythian Sites on the Lower Dniepr Region: Problems of Chronology and Attribution]. *Tyragetia I [XVI]*, 1, 89–114.
- Былкова, В.П. 2007а: Позднескифские городища Нижнего Днепра: проблемы хронологии и атрибуции. *Tyragetia I [XVI]*, 1, 89–114.
- Bylkova, V.P. 2007b: *Nizhnee Podneprov'ye v antichnyuyu epokhu (po materialam raskopok poseleniy) [The Lower Dniepr Region in Ancient Epoch (on settlement excavations)]*. Kherson.
- Былкова, В.П. 2007б: *Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений)*. Херсон.
- Chtcheglov, A. 1992: *Polis et chora. Cité et territoire dans le Pont-Euxin*. Paris.
- Cropp, M. (ed.) 2000: *Euripides, Iphigeneia in Tauris*. Warminster.
- Dan, A. 2008: Du Pont à la Mer Majeure: notes de philologie et d'histoire. *Peuce* 6, 165–168.
- Dana, M. 2011: *Culture et mobilité dans le Pont-Euxin*. Bordeaux.
- Davies, M. (ed.) 1991: *Poetarum Melicorum Graecorum Fragmenta* Vol. I. Oxford–Torino.
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody naschey strany v "Istorii" Gerodota [Peoples of our Country in Herodotus' "Historia"]*. Moscow.
- Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, И.А. 1992: *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. М.
- Dowden, K. 1989: *Death and Maiden*. London.
- Ehrhardt, N. 1983: *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main.
- England, E.B. 1883: *The Iphigeneia among the Tauri of Euripides*. London.
- Erichsen, A. 1966: Ein Hekate-Relief in Heraklea Pontike. In: W. Hoepfner, F. Dörner (Hrgs.), *Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Ergänzungsbande zu den Tituli Asiae Minoris* 5/I–II. Wien, 48–52.
- Farnell, L.R. 1896–1909: *The Cults of the Greek States*. V. I–V. Oxford.

- Finglass, P.J. 2018: Stesichorus and Greek Tragedy. In: R. Andújar, T. Coward, T. Hadjimichael (eds.), *Paths of Song. The Lyric Dimension of Greek Tragedy. Article 1* (Trends in Classics Supplements. Vol. 58). Bristol, 19–37.
- Flagg, I. 1891: *Euripides' Iphigenia among the Taurians*. Boston–London.
- Foley, H.P. 2006: [Rev.]: M. Wright. Euripides' Escape-Tragedies: A Study of Helen, Andromeda, and Iphigenia among the Taurians. Oxford, 2005. *AJPh* 127/3, 465–469.
- Fontenrose, J. 1981: *The Delphic Oracle*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. Vol. 2. *Commentary*. Oxford.
- Gagné, R. 2021: *Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Words*. Cambridge.
- Guldager Bilde, P. 2003: Wandering Images: From Taurian (and Chersonesian) Parthenos to (Artemis) Tauropolos and (Artemis) Persike. In: P. Guldager Bilde, J. Højte, V. Stolba (eds.), *The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday* (BSS 1), 165–183.
- Guldager Bilde, P. 2005: Chto skifskogo bylo v “Skifskoy Diane” iz Nemi? [What Scythian was in “The Scythian Diana” from Nemi?]. *Arkheologicheskie Vesti [Archaeological Reviews]* 12, 208–212.
- Гулдагер Бильде, П. 2005: Что скифского было в «Скифской Диане» из Неми? *AB* 12, 208–212.
- Guldager Bilde, P. 2009: Quantifying Black Sea Artemis. In: A. Fisher-Hansen, B. Paulsen (eds.), *From Artemis to Diana: The Goddess of Man and Beast* (Acta Hyperborea 12). Copenhagen, 303–332.
- Hall, E. 1987: The Geography of Euripides' Iphigeneia among the Taurians. *AJPh* 108, 127–133.
- Hall, E. 2012: *Adventures with Iphigenia in Tauris. A Cultural History of Euripides' Black Sea Tragedy*. Oxford.
- Hall, E. 2019: Visualising Euripides' Tauric Temple of the Maiden Goddess. In: D. Braund, E. Hall, R. Wyles (eds.), *Ancient Theatre and Performance Culture around the Black Sea*. Cambridge, 305–327.
- Hanell, K. 1934: *Megarische Studien*. Lund.
- Hansen M. 1998. *Polis and City-State: An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*. Copenhagen.
- Hind, J. 1990: Herodotus Geography of Skythia: The Rivers and the “Rugged Peninsula” In: O. Lorkipanidze (ed.), *The Black Sea Littoral in the 7th-5th centuries BC: Literary Sources and Archaeology (Problem of Authenticity)*. Tbilisi, 127–140.
- Ivantchik, A.I. 2005: *Nakanune Kolonizatsii [On the Eve of Colonisation]*. Moscow–Berlin.
- Иванчик, А.И. 2005: *Накануне колонизации*. М.–Берлин.
- Jerram, C.S. 1890: *Euripides' Iphigenia in Tauris*. Oxford.
- Khirst, J. 1908: Olviyskie kul'ty [Olbian Cults]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Archaeological Commission]* 27, 75–144.
- Хирст, Дж. 1908: Ольвийские культы. *ИАК* 27, 75–144.
- Khrapunov, I.N. 1995: *Ocherki etnicheskoy istorii Kryma v rannem zheleznom veke. Tavry. Skify. Sarmaty [Essays on Ethnic History of the Crimea in Early Iron Age. Taurians. Scythians. Sarmatians]*. Simferopol.
- Храпунов, И.Н. 1995: *Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы*. Симферополь.
- King, Ch. 2004: *The Black Sea. A History*. Oxford.
- Knauer, E.R. 2001: O “varvarskom” obychie podveschvaniya otrublennykh golov protivnika k schee konya [Observations on the “Barbarian” Custom of Suspending Severed Enemy Heads from the Necks of Horses]. In: E.A. Savostina (ed.), *Bosposkiy rel'ef so szenoy srazheniya (Amazonomakhia?) [Bosporan Battle Relief. Amazonomachia?]*. Moscow–Saint Petersburg, 200–216.

- Кнауэр, Э.Р. 2001: О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня. В сб.: Е.А. Савостина (ред.), *Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)*. М.–СПб., 200–216.
- Kovalenko, S.A. 1999: O monetnom dele Khersonesa Tavricheskogo v pozdneklassicheskuyu epokhu [On the Coinage of Chersonesus Taurica in Late Classical Epoch]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* XVI, 108–131.
- Коваленко, С.А. 1999: О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху. *НЭ* XVI, 108–131.
- Куриакоу, Р.А. 2006: *A Commentary on Euripides' Iphigenia in Tauris*. Berlin–New York.
- Latyshev, V.V. 1906: Zhitiya svyatykh episkopov khersonskikh [Lives of the Saint Bishops of Chersonesus]. In: *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk. Po istoriko-filologicheskomu otdeleniyu [Notes of the Imperial Academy of Sciences. On the Historical and Philological Department]* VIII/3, 1–81.
- Латышев, В.В. 1906: Жития святых епископов херсонских. *Записки Императорской Академии наук. По историко-филологическому отделению VIII/3*, 1–81.
- Latyshev, V.V. 1909: *ПОНТИКА*. Saint Petersburg.
- Латышев, В.В. 1909: *ПОНТИКА*. СПб.
- Legon, R.P. 1981: *Megara. The Political History of a Greek City-State*. Ithaca–New York.
- Lordkipanidze, G.A. 1970: *K istorii drevney Kolkhidy [To the History of Ancient Colchis]*. Tbilisi.
- Лордкипанидзе, Г.А. 1970: *К истории древней Колхиды*. Тбилиси.
- Lyons, D. 1997: *Gender and Immortality. Heroines in Ancient Greek Myth and Cult*. Princeton.
- Manning, C.A. 1920: The Tauric Maiden and Allied Cults. *ТАРА* 51, 40–55.
- Mattingly, H. 1996: Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC. In: O. Lordkipanidze, P. Lévêque (eds.), *Sur les Traces des Argonautes*. Paris, 151–157.
- Mescheryakov, V.F. 1979: O kulte bogini Devy v Khersonese Tavricheskom [On the Cult of Maiden in Taurian Chersonesus]. In: *Aktualniye problemy izucheniya istorii religii i ateizma [Actual Problems of Studying the History of Religion and Ateismus]*. Leningrad, 104–119.
- Мещеряков, В.Ф. 1979: О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом. *Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма*. Л., 104–119.
- Murray, G. 1915: *The Iphigenia in Tauris*. New York–Oxford.
- Nelson, T. 2022: Iphigenia in the Iliad and the Architecture of Homeric Allusion. *ТАРА* 152, 1, 55–101.
- Neumann, K. 1855: *Die Hellenen im Skythenlande*. Berlin.
- Nikolaenko, G.M. 2006: The Chora of Tauric Chersonesos and the Cadastre of the 4th–2nd century BC. In: P. Guldager Bilde, V. Stolba (eds.), *Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective* (BSS 4), 151–174.
- Novichenkova, N.G. 1994: Svyatilishche Krymskoy yayly [Sanctuary of Crimean Yaila]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 59–86.
- Новиченкова, Н.Г. 1994: Святылище Крымской яйлы. *ВДИ* 2, 59–86.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gursufskoe Sedlo [The Mountain Crimea in 2nd c. BC – 2nd c. AD. Basing on the materials of Excavations of the Sanctuary near Gursufskoe Sedlo Pass]*. Simferopol.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святылища у перевала Гурзуфское Седло*. Симферополь.
- Oreshnikov, A.V. 1912: Monety Khersonesa Tavricheskogo, tzarey Bospora Kimmeriyskogo i Polemona II Pontiyskogo [Coins of Taurian Chersonesus, Kings of the Cimmerian Bosphorus and Polemo II of Pontus]. In: *Numizmaticheskiy sbornik [Numismatic Collection]* 2, Moscow, 1–48.
- Орешников, А.В. 1912: Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. В сб.: *Нумизматический сборник* 2, 1–48.

- Palaima, T.G. 2016: The Ideology of the Ruler in Mycenaean Prehistory: Twenty Years after the Missing Ruler. In: R.B. Koehl (ed.), *Studies in Aegean Art and Culture: A New York Aegean Bronze Age*. Philadelphia, 133–158.
- Paltseva, L.A. 1979: Kult bogini Devy v Khersonese [The Cult of Artemis in Chersonesus]. In: *Iz istorii antichnogo obschestva [From the History of Ancient Society]*. Gorky, 30–46.
- Пальцева, Л.А. 1979: Культ богини Девы в Херсонесе. *Из истории античного общества*. Горький, 30–46.
- Pichikyan, I.R. 1984: *Malaya Aziya – Severnoe Prichernomorje [Asia Minor – The North Black Sea Littoral]*. Moscow.
- Пичикян, И.Р. 1984: *Малая Азия – Северное Причерноморье*. М.
- Platnauer, M. 1938: *Euripides, Iphigenia in Tauris*. Oxford.
- Podossinov, A.V. 2022: Nekotorye zamechaniya po povodu nazvaniya Khersonesa Tavricheskogo v antichnosti [Some Notes on the Name of Chersonesus Taurica in Antiquity]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesian Collection]* 23, 1–9.
- Подосинов, А.В. 2022: Некоторые замечания по поводу названия Херсонеса Таврического в античности. *ХСб* 23, 1–9.
- Pyatysheva, N.V. 1947: Kult greko-tavro-skifskogo bozhestva v Khersonese [The Cult of Greek-Taurian-Scythian Deity in Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 213–218.
- Пятышева, Н.В. 1947: Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. *ВДИ* 3, 213–218.
- Reinach, S. 1915: Observations sur le mythe d'Iphigénie. *REG* 28, 1–15.
- Rogov, E.Ja. 1996: Ekologiya Zapadnogo Kryma v antichnoe vremia [Ecology of West Crimea in Ancient Time]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 70–84.
- Рогов, Е.Я. 1996: Экология Западного Крыма в античное время. *ВДИ* 1, 70–84.
- Rostovtseff, M.I. 1918: Novaya kniga o Belom ostrove i Tavrike [New Book about the White Island and Taurica]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Archaeological Commission]* 65, 177–197.
- Ростовцев М.И. 1918: Новая книга о Белом острове и Таврике. *ИАК* 65, 177–197.
- Rostovtseff, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor [Scythia and Bosporus]*. Petrograd.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор*. Петроград.
- Roussel, P. 1916: *Délos, colonie athénienne*. Paris.
- Rusyayeva, A.S. 2005: *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu [Religion of Pontic Greeks in Antiquity]*. Kiev.
- Русяева, А.С. 2005: *Религия понтийских эллинов в античную эпоху*. Киев.
- Rusyayeva, A.S., Rusyayeva, M.V. 1999: *Verkhovnaya boginya antichnoy Tavriki [The Highest Goddess of Ancient Taurica]*. Kiev.
- Русяева А.С., Русяева, М.В. 1999: *Верховная богиня античной Таврики*. Киев.
- Rusyayeva, A.S. 2000: Kulty i sviatilischa v sfere politiki demokraticeskikh polisov Severnogo Prichernomorja v ranneellinisticheskoe vremia [Cults and Sanctuaries in the Policy of Democratic Poleis of the North Pontic Area in Early Hellenistic Period]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 74–85.
- Русяева, А.С. 2000: Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время. *ВДИ* 3, 74–85.
- Saprykin, S.Yu. 1980: K tipologii dvukh grupp monet Khersonesa [To the Typology of Two Groups of Coins from Chersonesus]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 3, 43–57.
- Сапрыкин, С.Ю. 1980: К типологии двух групп монет Херсонеса. *СА* 3, 43–57.
- Saprykin, S. 1995: Megarice–Heracleia–Chersonesus: Three Names of a Greek City-State in South-West Taurica. *Orbis terrarum* 1, 25–38.

- Saprykin, S. 1997: *Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI–I Centuries BC)*. Amsterdam.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kulty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [Religion and Cults of Pontus in Hellenistic and Roman Times]. Moscow.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.
- Saprykin, S. 2017: Ancient Sea-Routes in the Black Sea. In: Ph. De Souza (ed.), *The Sea in History. The Ancient World*. Paris, 345–361.
- Saprykin, S.Yu. 2018a: Grecheskaya kolinizatsiya Kolkhidy: mify i realnost [Greek Colonisation of Kolchis: Myths and Reality]. *MNEMON: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [MNEMON: Research and Publications on the History of the Ancient World] 18/1, 161–194.
- Сапрыкин, С.Ю. 2018а: Греческая колонизация Колхиды: мифы и реальность. *Мнемон* 18/1, 161–194.
- Saprykin, S. 2018b: *Drevnee Prichernomor'ye* [Ancient Black Sea Area]. Moscow.
- Сапрыкин, С.Ю. 2018б: *Древнее Причерноморье*. М.
- Scheer, T. 2000: *Die Gottheit und ihr Bild*. München.
- Schukarev, A. 1894: Ifigenia [Iphigenia]. In: *Slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 23. Saint Petersburg, 599.
- Щукарев, А. 1894: Ифигения. *Словарь Брокгауза и Евфрона*. Т. 23. СПб, 599.
- Shaub, I.Ju. 2007: *Mif, Kult, Ritual v Severnom Prichernomor'ye VII–VI vv. do n.e.* [Myth, Cult, Ritual in the North Black Sea Area in the 7th – 6th cc. BC]. Saint Petersburg.
- Шауб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–VI вв. до н.э.* СПб.
- Shcheglov, A.N. 1981: Tavry i grecheskie kolonii v Tavrike [Tauri and the Greek Colonies in Taurica]. In: O. Lordkipanidze (ed.), *Demograficheskaya situatsiya v Prichernomor'ye v period Velikoy grecheskoy kolonizatsii* [The Demographic Situation in the Black Sea Littoral in the Period of the Great Greek Colonization]. Tbilisi, 204–218.
- Щеглов, А.Н. 1981: Тавры и греческие колонии в Таврике. В сб.: О. Лордкипанидзе (ред.), *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Тбилиси, 204–218.
- Shcheglov, A.N. 1988: Tavry v VII – pervoy polovine IV v. do n.e. i greko-varvarskie vzaimootnoscheniya [Tauri in the 7th – first half of the 4th c. BC and the Greek-Barbarian Relations]. In: O. Lordkipanidze (ed.), *Mestnye etno-politicheskie objedineniya Prichernomor'ya v VII–IV vv. do n.e.* [Local Ethno-political Entities of the Black Sea Area in the 7th -4th c. BC]. Tbilisi, 53–82.
- Щеглов, А.Н. 1988: Тавры в VII– первой половине IV в. до н.э. и греко-таврские взаимоотношения. В сб.: О. Лордкипанидзе (ред.), *Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.* Тбилиси, 53–82.
- Simon, E. 1985: *Die Götter der Griechen*. München.
- Skrzhinskaya, M.V. 1985: Tema Severnogo Prichernomor'ya v tvorchestve Sofokla [The North Black Sea Theme in Sophocles]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 142–148.
- Скржинская, М.В. 1985: Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла. *ВДИ* 2, 142–148.
- Skrzhinskaya, M.V. 1988: Realnye i vymyslennyye cherty Severnogo Prichernomor'ya v tragedii Evripida "Ifigeniya v Tavride" [Real and Fictitious in the Description of the Black Sea Northern Shore in the Tragedy of Euripides "Iphigenia in Tauride"]. In: A.P. Novoseltsev (ed.), *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya. 1986* [Ancient States on the Territory of the USSR. Materials and Studies. 1986]. 1986. Moscow, 176–190.

- Скржинская, М.В. 1988: Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». В сб.: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 год*. М., 176–190.
- Skrzhinskaya, M.V. 1991: *Drevnegrecheskiy folklor i literatura o Severnom Prichernomor'ye* [*Ancient Greek Folklore and Literature about the North Black Sea Littoral*]. Kiev.
- Скржинская, М.В. 1991: *Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье*. Киев.
- Sobolevskiy, S.I., Gornung, B.V. et al. (eds.) 1946: *Istoriya grecheskoy literatury* [*History of Greek Literature*]. 3 vols. Moscow–Leningrad.
- Соболевский, С.И., Горнунг, Б.В. и др. (ред.). 1946: *История греческой литературы*. Т. 1–3. М.–Л.
- Solomonik, E.I. 1968: О культе Артемиды в Херсонесе [On the Cult of Artemis in Chersonesus]. In: *Arheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1967 g.* [*Archaeological Investigation in Ukraine in 1967*] 2. Kiev, 155–157.
- Соломоник, Э.И. 1968: О культе Артемиды в Херсонесе. В сб.: *Археологические исследования на Украине в 1967 г.* 2. Киев, 155–157.
- Starkey, J. 2022: Artemis and the Furies in Euripides' Iphigenia among the Taurians. *Classical World* 115, 2, 103–129.
- Stern-Gillett, S. 2001: Exile, Displacement and Barbarity in Euripides' Iphigenia among the Taurians. *Scholia* 10, 4–21.
- Stoyanov, R.V. 2007: Neskolko zamechaniy o vremeni i prichinakh osnovaniya Khersonesa Tavricheskogo [Some Notes on the Time and Causes for the Foundation of Chersonesus Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 125–144.
- Стоянов, Р.В. 2007: Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического. *ВДИ* 2, 125–144.
- Strachan, J.C. 1976: Iphigenia and Human Sacrifices in Euripides' Iphigenia Taurica. *CPh* 71, 131–140.
- Taddei, A. 2009: Inno e pratiche rituali in Euripide: il caso dell' Ifigenia tra i Tauri. *Paideia* 64, 235–252.
- Taplin, O. 1977: *The Stagecraft of Aeschylus: The Dramatic Use of Exits and Entrances in Greek Tragedy*. Oxford.
- Thumann, M. 1998: *Stasis am Beispiel der Staat Megara*. Norderstedt.
- Tyumeney, A.I. 1938: Khersonesskie etudy: I. K voprosy o vremeni i obstoyatelstvakh vzniknoveniya Khersonesa [Chersonesian Etudes: I. Towards the Time and Circumstances for the Foundation of Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2(3), 265–275.
- Тюменев, А.И. 1938: Херсонесские этюды: I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. *ВДИ* 2 (3), 265–275.
- Tokhtasyev, S.R. 2007: K onomastikonu i datirivke khersonesskikh ostrakonov [Towards the Onomasticon and Dating of Chersonesian Ostraka]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 110–125.
- Тохтасьев, С.Р. 2007: К ономастикону и датировке херсонесских остраконов. *ВДИ* 2, 110–125.
- Tolstoy, I.I. 1917: Tavricheskaya boginya [The Tauric Goddess]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosvetsheniya* [*Journal of Ministry of Education*]. May, 129–183.
- Толстой, И.И. 1917: Таврическая богиня. *ЖМНП*, май, 129–183.
- Tolstoy, I.I. 1918: *Ostrov Belyy i Tavrika na Evksinskom Ponte* [*The White Island and Taurica on Pontus Euxeinus*]. Petrograd.
- Толстой, И.И. 1918: *Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте*. Петроград.
- Torrance, I. 2019: *Iphigenia among Taurians*. London–New York.

- Tronskiy, I.M. 1988: *Istoriya antichnoy literatury* [History of Ancient Literature]. Moscow.
Тронский, И.М. 1988: *История античной литературы*. М.
- Tsetskhladze, G.R. 1994: Greek Penetration of the Black Sea. In: G. Tsetskhladze, F. De Angelis (eds.), *The Archaeology of Greek Colonisation*. Oxford, 111–135.
- Ushakov, S.V., Lesnaya, E.S., Tyurin, M.I. 2013: Novy arkheologicheskiy kompleks V v. do n.e. iz severovostochnogo rayona Khersonesa [A New Ceramic Complex of the 5th Century BC from the Northeast District of Chersonesus]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'ye v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya* [The Black Sea Region in Antiquity and Early Middle-Ages]. Rostov-on-Don, 308–315.
Ушаков, С.В., Лесная, Е.С., Тюрин, М.И. 2013: Новый керамический комплекс V в. до н.э. из северо-восточного района Херсонеса. В сб.: А.Н. Коваленко (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону, 308–315.
- Vinogradov, Ju.G., Zolotarev, M.I. 1999: Kersones iznachalnyu [The Early Chersonesus]. In: A.V. Podosinov (ed.), *Drevneyschie gosudarstva Vostochnoy Evropy 1996–1997 gg. Severnoe Prichernomor'ye v antichnosti. Voprosy istochnikovedeniya* [Ancient States of East Europe 1996–1997. The North Black Sea Littoral in Antiquity. Problems of Sources]. Moscow, 91–130.
Виноградов, Ю.Г., Золотарев, М.И. 1999: Херсонес изначальный. В сб.: А.В. Подосинов (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения*. М., 91–130.
- Vulikh, N.V. 1979: Obraz cheloveka v “Metamorfozakh” Ovidiya (Keiks i Galkiona) [The Image of Man in Ovid’ “Metamorphoses” (Ceux and Alcyone)]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Problemy antichnoy istorii i kultury* [Problems of Ancient History and Culture]. Vol. 2. Erevan, 20–26.
Вулих, Н.В. 1979: Образ человека в «Метаморфозах» Овидия (Кейкс и Галкиона). Б.Б. Пиотровский (ред.), *Проблемы античной истории и культуры*. Т. 2. Ереван, 20–26.
- Webster, T.B.L. 1967: *The Tragedies of Euripides*. London.
- Wells, J. 1970: *Studies in Herodotus*. Freeport–New York.
- Welwei K.-W. 1998: *Die Griechische Polis: Verfasserung und Gessellschaft in Archaischer und Klassischer Zeit*. Stuttgart.
- West, S. 2003: “The Most Marvelous of All Seas”. The Greek Encounter with the Euxine. *Greece and Rome* 50/2, 151–167.
- Wolf, C. 1992: Euripides’ Iphigenia among the Taurians: Aetology, Ritual, and Myth. *Classical Antiquity* 11/2, 308–334.
- Wright, M. 2005: *Euripides’ Escape-Tragedies. A Study of Helen, Andromeda, and Iphigenia among the Taurians*. Oxford.
- Yarkho, V.N. 1999: Dramaturgiya Evripida i konets antichnoy geroicheskoj tragedii [Euripides’ Dramaturgia and the End of Ancient Heroic Tragedy]. In: M. Gasparov, V. Yarkho (eds.), *Evripid. Tragedii* [Euripides. Tragedies]. Vol. 1. Moscow, 567–590.
Ярхо, В.Н. 1999: Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии. В кн.: М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо (ред.), *Еврипид. Трагедии*. Т. 1. М., 567–590.
- Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'ye* [The North Black Sea Littoral]. Moscow–Leningrad.
Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье*. М.–Л.
- Zubar, V.M. 1997: *Khersones Tavricheskiy. Osnovnye etapy istoricheskogo razvitiya v antichnyu epokhu* [Chersonesus Taurica. Main Stages of Historic Development in Antiquity]. Kiev.
Зубарь, В.М. 1997: *Херсонес Таврический. Основные этапы исторического развития в античную эпоху*. Киев.
- Zubar, V.M. 2005a: *Bogi i geroi antichnogo Khersonesa* [Gods and Heroes of Ancient Chersonesus]. Kiev.
Зубарь, В.М. 2005а: *Боги и герои античного Херсонеса*. Киев.

Zubar, V.M. 2005b: Religioznoe mirovozzrenie [Religious Outlook]. In: V.M. Zubar (ed.), *Khersones Tavricheskiy v trety'e chetverty VI – seredine I v. do n.e. Ocherki istorii i kul'tury* [*Chersonesus Taurica in the third quarter of the 6th – mid-1st c. BC. Essays in History and Culture*]. Kiev, 345–470.

Зубарь, В.М. 2005б: Религиозное мировоззрение. В кн.: В.М. Зубарь (ред.), *Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Очерки истории и культуры*. Киев, 345–470.

EURIPIDES' TRAGEDY "IPHIGENIA AMONG THE TAURIANS" AS A SOURCE ON THE HISTORY OF CHERSONESUS TAURICA

Sergey Ju. Saprykin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: mithridates@mail.ru

The article discusses the Euripides' tragedy "Iphigenia among the Taurians" from the point of using it as a source on the early history of Chersonesus Taurica. The author's idea is as follows: Euripides took the Archaic Greek legend on the sacrifice of Iphigenia, daughter of Agamemnon, for the Achaean fleet to be able to move to Troy. Artemis rescued the maiden and carried her to Taurica to live among the local tribe of Tauri. The version used by Euripides was composed by the 5th c. BC in the Attic sanctuary of Artemis in Brauron. But he united it with the mythological tradition which the first founders of Tauric Chersonesus (Heracleians, Delians, Boeotians) borrowed from their mother-city Heraclea Pontica where it was earlier brought from Megara and Boeotia, in order to turn Artemis Parthenos into a legendary founder and ruler of their colony in Taurica. The legend about Iphigenia and Artemis Parthenos in Chersonesus was a kind of background to substantiate a sacral right of founding an apoikia, to strengthen its importance and to create a local pantheon of gods. The appearance of Iphigenia in Taurica and Artemis' rescue by turning her into an immortal being Euripides used to outline the main fabula of his tragedy – how a Hellenic woman escaped from the cruel Taurians. For that reason, he made her to be mortal. But the original legend expressed the idea of immortality by a wonderful saving on the edge of oikumene which could be an excellent religious ground for the cult of Maiden – a deity, rescuer and defender of the Chersonites. The cult of Maiden united Artemis and Iphigenia while a wonderful saving of young lady was comprehended from the point of turning her into an immortal goddess with a rescue force. This function made her to be the Highest sacral ruler of Chersonesus as polis state. Iphigenia's lucky return to Hellas Euripides associated with Athena: the idea of saving the statue, which symbolized Artemis' return from Taurica, appeared in the cult of Artemis Tauropola in Attic shrines of Brauron and Chalae in the late 5th – first half of the 4th c. BC to substantiate the spreading of Artemis' cult as a Tauric goddess – Tauropola. Euripides expressed this official Athenian version born in her sanctuaries in Brauron and Chalae by linking it with the Heracleian legend to arrange a colony in Chersonesus. Under Tauri and their polis in the south-west Crimea Euripides could imply the Greek city of Chersonesus Taurica. But he didn't mention it because of his own political position and the "History" of Herodotus, his main source, which kept silence about that as this newly founded colony was still unimportant at that time.

Keywords: Euripides, Iphigenia, Artemis, Brauron, Athena, Chersonesus Taurica, Maiden, Heraclea Pontica, epic poets, Herodotus

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-58–75

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ОЛЬВИИ В РИМСКО-БОСПОРСКОЙ ВОЙНЕ 45–49 гг. н.э.

М.Н. Растегаева

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9744-637X

В статье рассматриваются события политической истории Ольвии середины I в. н.э., которые исследователи связывают с римско-боспорской войной 45–49 гг. н.э., традиционно принимая за основу два эпиграфических документа – IOSPE I² 38 и Мангупскую надпись. Однако при внимательном рассмотрении этих текстов становится ясно, что подобные восстановления политической истории Ольвии середины I в. н.э. являются весьма гипотетичными. В статье также показано, что на очень зыбком основании покоятся и реконструкции, обращающиеся к результатам археологических исследований Ольвии и ее хоры, в т.ч. и к работам последних лет. Автор приходит к выводу, что все имеющиеся в распоряжении исследователей виды источников, которые напрямую или косвенно относятся к истории Ольвии 50–70-х гг. н.э., не содержат никаких указаний на то, что город принимал непосредственное участие в событиях римско-боспорской войны. Более вероятным кажется, что восстановленная после гетского разгрома Ольвия играла роль торговой гавани, устроенной по греческому образцу, и становилась удобным пунктом для торговых взаимодействий Рима и кочевников.

Ключевые слова: Рим, Ольвия, римско-боспорская война 45–49 гг. н.э. эпиграфика, классическая археология

Политическая история Ольвии середины I в.¹ с трудом поддается восстановлению, поскольку имеющиеся в распоряжении исследователей источники не дают практически никакой информации о жизни города в этот период. Традиционно с развитием ольвийского полиса в середине I в. принято связывать несколько эпиграфических памятников, которые в основном фрагментарны, что затрудняет их интерпретацию и порождает массу гипотетических реконструкций, нередко противоречащих друг другу. Речь идет о декрете IOSPE I² 38 и декрете, который был

Данные об авторе. Мария Николаевна Растегаева – аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений, младший научный сотрудник Института археологии и культурного наследия СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

¹ Здесь и далее даты – н.э., кроме особо оговоренных.

найден под Мангупом². Первый принято относить ко второй четверти I в.; надпись была найдена в 1913 г. в Ольвии и содержит указание на некоего боспорского царя, имя которого в ряде случаев восстанавливается как Митридат³, однако существуют и другие варианты восстановления текста, которые будут подробнее рассмотрены ниже. Второй декрет был найден в 1984 г. при раскопках средневековой базилики под Мангупом и содержит надпись, в которой чествуемому лицу приписывается заслуга изгнания некоего тирана⁴.

При этом абсолютное большинство исследователей склонно реконструировать события политической истории Ольвии середины I в. на основе надписи IOSPE I² 38⁵, которая в значительной степени повреждена. В зависимости от вариантов восстановления текста, надпись в исследовательской литературе трактуется как декрет в честь либо Котиса I, либо Митридата III.

Впервые надпись IOSPE I² 38 была исследована и опубликована В.В. Латышевым, который соотнес ее с событиями римско-боспорской войны 45–49 гг. и определил как декрет в честь боспорского царя Котиса I. Благодаря сохранившимся символам ΟΥΡΓΟΥ в четвертой строке и ΛΟΠΑΤΡΙΝ в пятой, В.В. Латышев восстанавливает текст таким образом:

..... δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαινε-
σαι] αὐτὸ[ν ἐπὶ τούτοις καὶ στεφανῶσαι χρυσῶ στεφάνῳ, τοῦ
κῆ]ρυκος ἀ[ναγορεύοντος, ὅτι ὁ δῆμος στεφανοῖ Κότυν
Ἀσπ]ούργου βα[σιλέα μέγαν Βοσπόρου φιλοκαίσαρα καὶ
φι]λόπατριν ἀ[ρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐνοίας(?) τῆς εἰς
αὐ]τόν. ἀνα[τε]θῆ[ναι δὲ τὸ ψήφισμα τοῦτο ἐν τῷ ἐπιση-
μο]τάτῳ τῆς πόλεως [τόπῳ.....
...]μένου εἰς προτροπὴν [τῶν ἀναγινωσκόντων?]
...
[Σ]ωκράτης Σω[κ]ρά[τ]ο[υ].....
[τῷ] ἰδ[ί]ῳ ἀδελφῷ ἀνέ[θηκεν μνήμης χάριν?]

«Было постановлено советом и народом похвалить его и в честь этого наградить золотым венком, после того как глашатай провозгласит, что народ увенчивает Котиса, сына Аспурга, великого царя Боспора, друга цезаря и друга отечества за его добродетель и благосклонность. Решением народного собрания было определено поставить этот (декрет) на видном месте в городе как награду за хорошо известные (деяния)...Сократ, сын Сократа, посвятил своему брату памяти ради»⁶.

По замечанию самого В.В. Латышева, сохранность текста оставляет желать лучшего – надпись представляет собой мраморную плиту, разделенную на две части; верхняя часть сильно потерта и оббита возле правого края, от текста декрета сохранилось лишь 10 строк; нижняя часть – результат вторичного использования камня, о чем свидетельствует двусоставное посвящение, которое не упоминается

² Сидоренко 1996, 35–57.

³ Фролова 1997, 84; Яйленко 1990, 173.

⁴ Сидоренко 1996, 56.

⁵ Хранится в Отделе античного мира ГЭ, инв. № ГР -15516. Автор выражает свою признательность сотрудникам ГЭ А.М. Бутягину, О.А. Косенко, О.Ю. Лаптевой и И.В. Никулиной за помощь в работе с надписью и любезное разрешение на ее публикацию.

⁶ Пер. мой – М.Р.

в тексте самого декрета. Обе части мраморной плиты сильно потерты, а потому надписи трудночитаемы (рис. 1).

Предложенное В.В. Латышевым восстановление IOSPE I² 38 дало ряду исследователей основание считать, что Ольвия могла принимать участие в событиях римско-боспорской войны⁷. Действительно, середина 40-х гг. I в. в истории Северного Причерноморья была связана с обострением военно-политической ситуации на Боспоре, что в итоге привело к продолжительной римско-боспорской войне 45–49 гг. В целом эти события можно описать как противостояние двух политических группировок в среде боспорских должностных лиц и ближайших родственников царя Митридата III. Некоторые исследователи склонны считать, что эти события были не рядовым военным столкновением, а соотносились с дальнейшим выбором пути развития боспорской государственности, когда с одной стороны находился самостоятельный курс развития, а с другой – закрепление за Боспором положения союзника Рима, который в перспективе должен был отстаивать интересы имперской политики в Северном Причерноморье⁸. Но, по существу, источники не дают нам право говорить об этих событиях в столь патетичном тоне. Основные сведения о втором этапе римско-боспорской войны изложены в «Анналах» Тацита – фактически автор описывает события финальной части военных действий (Тас. Анн. XII.15–21). При этом начальный этап войны реконструируется исследователями лишь предположительно, ввиду обширной лакуны в труде Тацита, начинающейся с конца VI книги и заканчивающейся в начале XI книги, т.е. содержащей события 37–47 гг. Военные действия были связаны со стремлением Митридата III захватить власть на Боспоре в 40-х гг. I в., что иногда описывается некоторыми авторами как «последняя попытка Боспора отстоять независимую от Рима позицию»⁹. Но политика Митридата III в итоге оказалась неудачной, и после прямого вмешательства римских войск под командованием легата провинции Мезия Авла Дидия Галла боспорский царь Митридат III силой римского оружия был свергнут, а на его место был поставлен лояльный римскому правлению Котис I.

Как уже было отмечено, Ольвия связывается с событиями римско-боспорской войны на основании декрета IOSPE I² 38. Исходя из предложенного В.В. Латышевым восстановления текста этого декрета, исследователи полагают, что Ольвия могла участвовать в войне либо на стороне римского ставленника Котиса I¹⁰, либо на стороне Митридата III¹¹. Так, по мнению В.Ф. Гайдукевича, Ольвия занимала проримскую позицию, а со стороны Рима предпринимались попытки связать Ольвию и Боспор оборонительным союзом. В итоге планы по оказанию помощи Боспору реализованы не были, поскольку, как считал исследователь, «боспорские цари не желали тратить свои ресурсы на защиту других городов, опасаясь осла-

⁷ Римско-боспорская война 45–49 гг. неоднократно становилась предметом как специальных исследований, так и общих работ по истории региона. См. напр.: Анохин 1989, 56–60; Буйских 1991, 130; Винокуров, Крыкин 2017, 172–173; Гайдукевич 1949, 326–328; 1955, 129; Горончаровский 2003, 161–170; Зубарь 1994, 19–23; 1998, 31–36; Зубарь, Шмалько 1993, 225–231; Каллистов 1952, 228; Крапивина 1993, 147; Крыжицкий и др. 1999, 307; Сапрыкин 2002, 243–259 и т.д.

⁸ Винокуров, Крыкин 2017, 171.

⁹ Горончаровский 2003, 170.

¹⁰ Гайдукевич 1955, 61.

¹¹ Карышковский 1982б, 24.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2024

Рис. 1. Фрагмент мраморной плиты с надписью IOSPE I² 38. ГЭ

Fig. 1. Fragment of a marble slab with the inscription IOSPE I² 38. State Hermitage Museum

бления обороны собственной территории»¹². П.О. Карышковский выступил против тезиса о влиянии Рима на ольвийскую политику и, опираясь на тот же самый декрет, который, по его мнению, был принят в честь Митридата III, предположил, что Ольвия выступила на стороне этого царя¹³.

Иной вариант восстановления этой же надписи был позже предложен С.Ю. Сапрыкиным, по мнению которого сильная фрагментарность не позволяет уверенно восстанавливать в декрете ни имя Котиса I, ни имя его брата Митридата III¹⁴. С.Ю. Сапрыкин предлагает следующий перевод: «(...так что весь город опечалился по) таком (муже. Поэтому да постановит Совет и Народ похвалить) его

¹² Гайдукевич 1955, 61.

¹³ Карышковский 1982б, 24.

¹⁴ Сапрыкин 1988, 147–155.

(за эти дела и увенчать золотым венком и провозгласить через) глашатая: (Народ увенчивает такого-то, сына Сократа, сына Мулиурга, (посвятившего себя государственной деятельности), любящего отечество, (за доблесть, безупречное поведение и благодеяние по отношению к) себе; (изображение и настоящее постановление) должны быть выставлены в самом видном (месте) города ... (благодаря его) похвальной (жизни) к побуждению (могущих любить город и благодетельствовать). Сократ, сын Сократа, (настоящее постановление ...) посвятил своему брату (такому-то, сыну Сократа, сыну Мулиурга, памяти ради)»¹⁵.

Итак, надпись, по мнению С.Ю. Сапрыкина, представляет собой обычный почетный декрет в честь неизвестного сына Сократа, который был поставлен на средства и по инициативе его брата. Таким образом, С.Ю. Сапрыкин не считает возможным связывать рассматриваемую надпись с событиями римско-боспорской войны.

Третий вариант восстановления надписи был представлен В.П. Яйленко. По его мнению, в строке 3 декрета следует читать: «[Μιθραδάτην Ἀσπ]ούργου βασιλέα μέγαν Βοσπόρου, φιλοσύμμαχον καὶ] φιλόπατριν ἀ[ρετῆς ἔνεκεν κτλ.]» («увенчивает Митридата, сына Аспурга, великого царя Боспора, друга союзников и друга отечества доблести ради...»). После этого следует текст о постановке стелы на видном месте города¹⁶. Следовательно, В.П. Яйленко склоняется к тому, что надпись посвящена Митридату III, а не Котису I, как считал В.В. Латышев. В пользу восстановления в IOSPE I² 38 имени Митридата III говорит и обнаруженная на территории Горгишии манумиссия (КБН 1123), которая содержит имя царя Митридата с новой формой титулатуры – φιλοσυμμάχων καὶ φιλοπάτριδος¹⁷, что соответствует сохранившемуся ΛΟΠΑΤΡΙΝ в пятой строке рассматриваемого декрета.

Кроме того, важно отметить, что посвятельную надпись [Σ]ωκράτης Σω[κ]ρά[τ]ο[υ] и В.В. Латышев, и В.П. Яйленко¹⁸ охарактеризовали как результат вторичного использования камня. О вторичном использовании IOSPE I² 38 говорит не только сам текст надписи, где мы видим двусоставное посвящение, которое не упоминается в декрете, но и различная сохранность первой и второй части, отмеченная еще В.В. Латышевым. К этому стоит добавить еще ряд замечаний. Так, при публикации надписи В.В. Латышевым было отмечено, что камень, на котором находилась надпись, был найден Б.В. Фармаковским при раскопках Ольвии в 1913 г., причем приводится абстрактная формулировка *in Olbiae ruderibus*, которая не позволяет судить об обстоятельствах находки более точно. Это подтверждает и отчет Археологической комиссии за 1913–1915 гг., где IOSPE I² 38 упоминается среди предметов, найденных в разных местах Ольвии и окрестностях случайно¹⁹. Сюда же следует отнести тот факт, что в самой надписи нет упоминаний об Ольвии, соответственно рассматриваемый декрет связывается с ней лишь местом находки. К этому стоит добавить плохую сохранность и фрагментарность надписи, а также отсутствие какой-либо информации о ее судьбе после создания. Потому безогово-

¹⁵ Сапрыкин 1988, 152–153.

¹⁶ Яйленко 2016, 586–587.

¹⁷ Фролова 1997, 83–84.

¹⁸ Яйленко 2016, 586–587.

¹⁹ Фармаковский 1918, 48–49.

рочно рассматривать декрет IOSPE I² 38 в качестве источника для реконструкции политической истории Ольвии середины I в. не вполне правомерно.

Надпись IOSPE I² 38, как уже было отмечено выше, является основным аргументом в вопросе об участии Ольвии в римско-боспорской войне. Помимо нее существуют иные свидетельства косвенного характера, при помощи которых пытаются вписать Ольвию в контекст большой политики на Боспоре в это время. Так, одним из аргументов в пользу присутствия в Ольвии союзных римских войск сарматов-аорсов считается текст декрета, обнаруженного у подножия Мангупа. Речь в нем идет о некоем неизвестном гражданине, который в ряде случаев направлялся в качестве посла к «гегемонам Мезии» и «величайшим царям Аорсии» и способствовал изгнанию некоего тирана²⁰. Декрет признается ольвийским по особенностям письма и датируется 50 г.²¹, т.е. периодом, непосредственно следующим за событиями римско-боспорской войны. В.А. Сидоренко, анализируя текст этого декрета, предполагает, что после смещения с боспорского престола Митридат III, опираясь на варварские племена, сумел установить тиранию в Ольвии. И именно в этом, по мнению В.А. Сидоренко, выражается бóльшая зависимость Ольвии от соседних варваров, чем от Рима²². Напротив, Ю.Г. Виноградов на основе того же самого текста заключил, что цари Аорсии находились в вассальной зависимости от Рима, чем и было обусловлено посольство ольвиополитов к Умабию, предположительно, с просьбой о военной помощи против каких-то других варваров, угрожавших в это время городу²³. А.В. Симоненко на основании письменных и археологических источников пришел к выводу, что аорсы под давлением аланов с середины I в. откочевали на запад²⁴, где и осели, основав Великую Аорсию. Была ли Аорсия раннегосударственным образованием – вопрос дискуссионный, учитывая, что ни в одном другом источнике, кроме этого «ольвийского» декрета, она не фигурирует, да и сам факт упоминания «величайших царей Аорсии» указывает, что она не была единым целым в политическом отношении. Высказанная А.В. Симоненко и Б.И. Лобаем идея о ранней государственности у аорсов была принята В.М. Зубарем²⁵. Впрочем, Ю.Г. Виноградов и А.С. Скрипкин рассматривали Аорсию как некую географическую область²⁶.

Однако отнесение декрета, найденного у подножия Мангупа к Ольвии достаточно условно. В.П. Яйленко, критикуя точку зрения Ю.Г. Виноградова об аорсах на Дунае, пишет, что этот декрет с той же долей вероятности мог происходить и из Танаиса, так что Ольвия не имеет к нему никакого отношения²⁷. Вопрос о датировке надписи из-под Мангупа также остается открытым – далеко не все исследователи признают, что ее следует относить именно к 40-м гг. I в.²⁸ Потому можно сказать, что реконструкция В.А. Сидоренко имеет ряд слабых мест и, сле-

²⁰ Сидоренко 1996, 56.

²¹ Сидоренко 1996, 56.

²² Сидоренко 1996, 57–58.

²³ Виноградов 1994, 166–169.

²⁴ Симоненко 1992, 161–162.

²⁵ Зубарь 1998, 46; Симоненко, Лобай 1991, 85.

²⁶ Виноградов 1994, 167; Скрипкин 2015, 76.

²⁷ Яйленко 2016, 605.

²⁸ Панов 2009, 471.

довательно, не может быть использована при восстановлении истории Ольвии в обозначенный период.

Получается, что и те немногие эпиграфические источники, которые имеются в распоряжении исследователей, не могут помочь в реконструкции событий ольвийской истории середины I в. Весьма неоднозначными при внимательном рассмотрении оказываются и другие виды источников – свидетельства нарративной традиции, материалы нумизматики, а потому использовать их данные следует очень осторожно. Так, не слишком надежными источниками являются многочисленные римские монеты I в. н.э., найденные в Ольвии²⁹, на Тендровской косе³⁰, на о. Березань³¹ и на о. Левка³², которые могут служить лишь косвенными свидетельствами римского военного присутствия в регионе в этот период, а потому не дают достаточных оснований для вывода о непосредственном участии Ольвии в римско-боспорской войне.

Казалось бы, исправить эту ситуацию и восполнить лакуну в политической истории Ольвии может археология. Действительно, на основании многочисленного археологического материала, происходящего с территории и Европейского, и Азиатского Боспора, можно зафиксировать следы активных боевых действий конца 40-х гг., которые соотносятся археологами с событиями римско-боспорской войны³³. Археологические изыскания, ведущиеся сегодня на территории Ольвии и ее хоры, также предоставляют некоторые частично опубликованные сведения³⁴, которые будут рассмотрены ниже.

У Тацита мы находим рассказ о совместных действиях римских войск и сарматской конницы, в которых задачи были распределены следующим образом: «было условлено, что Эвنون бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадой городов» (Тас. Анн. XII.15. Пер. А.С. Бобовича). На основании этого сообщения, а также ряда археологических находок, происходящих из Ольвии, некоторые исследователи утверждают, что подобное взаимодействие римлян и сарматов могло иметь место и на ольвийской территории. В качестве аргумента, который подтверждает эту точку зрения, используются материалы середины – второй половины I в., найденные на территории римского форта Каменка V, расположенного на северо-западной границе ольвийской хоры. При его раскопках в 2016 г. во рве восточного внутреннего укрепления были найдены фрагменты понтийских амфор середины – второй половины I в.: тип Син III, С III, С IV A₁³⁵, среди которых была и стенка светлоглиняной позднегераклейской амфоры с процарапанной тамгой³⁶. Аналогии подобным знакам широко известны, к примеру, на германских копьях из Польши³⁷, а со второй половины I в. серия подобных

²⁹ Козленко 2019, 96–166.

³⁰ Tunkina 2007, 231–239.

³¹ Колесниченко 2017, 169.

³² Абрамзон, Тункина 2018, 56, 80, 82.

³³ См. напр.: Абрамзон и др. 2012, 93–146; Винокуров 2010, 38–44; Винокуров, Трейстер 2018б, 140–148; Горончаровский 2003, 168–169; Костромичев 2004, 422–433; Новиченкова 1998, 51–56; Трейстер 1993, 50–73; Abramzon et. al. 2001, 287–295 и др.

³⁴ См. напр.: Козленко 2016, 233–237; 2018, 239–254; 2019.

³⁵ Козленко 2016, 233; Внуков 2003, 109–111, 118–128.

³⁶ Козленко 2016, 237, рис. 1, 2.

³⁷ Шукин 2011, 171, рис. 3; Яценко, Добжаньска 2012, 496, рис. 2, 2–3.

символов («gakk») с различными вариациями встречается на территории Европейской Сарматии³⁸. Анализирующие эти ольвийские материалы исследователи выдвигают версии, что процарапанная на стенке уже готового сосуда тамга являлась маркером непосредственного сарматского присутствия³⁹ или же, если граффито было нанесено на еще целую амфору, свидетельствовала о том, что «клейменная» таким образом посуда, которая также известна по другим памятникам⁴⁰, попадала к римским солдатам в результате торговых сделок с сарматами. Однако, учитывая широкую географию и хронологию подобных находок, они не могут являться даже косвенным аргументом для того, чтобы связывать ольвийское государство и римско-боспорскую войну.

При исследовании того же форта Каменка V помимо амфор с тамгообразными знаками были обнаружены бронзовые и железные пластины⁴¹, которые, по мнению некоторых исследователей, имеют сходство с элементами защитной амуниции как сарматских воинов⁴², так и воинов римской армии⁴³. Пластины из укрепления Каменка V аналогичны некоторым найденным в более позднем захоронении катафрактария II в. у с. Урсоая в Дунай-Днестровском междуречье⁴⁴. Как представляется, указанные пластины с хоры Ольвии можно связать с элементами снаряжения всадников-катафрактариюв⁴⁵. Однако эти пластины опять же являются весьма распространенными в хронологическом и географическом отношении, а потому достаточно сложно увязать их с событиями конкретного военного противостояния и участием в нем Ольвии.

Традиционно, с событиями римско-боспорской войны в Северном Причерноморье также связывается появление бронзовых черпаков (*simpulae*) I в., которые, в частности, происходят из сарматского захоронения кургана 26 возле с. Алитуб в Нижнем Подонье⁴⁶, из Горгиппии⁴⁷, а также из святилища у перевала Гурзуфское Седло⁴⁸. Известно, что такие изделия входили, в частности, в состав экипировки римского легионера⁴⁹. Подобный бронзовый ковш с горизонтальной ручкой происходит из раскопок в нижнем городе Ольвии⁵⁰. Р.А. Козленко, в диссертации которого публикуется данный ковш, определяет его как вариант 136 по Eggers⁵¹, однако такая атрибуция кажется весьма сомнительной, поскольку представленная Р.А. Козленко находка не соответствует типологии Г.Ю. Эггера.

Кроме того, с событиями римско-боспорского конфликта связывается появление в Северном Причерноморье и другого типа находок – фибул типа «Ауцисса», которые считаются традиционными застежками римских легионеров в I в. В

³⁸ Яценко, Добжаньска 2012, 498.

³⁹ Воронятов 2009, 80; Ольховский 2001, 85.

⁴⁰ Воронятов 2009, 80–98; Кругликова 1962, 97–100.

⁴¹ Козленко 2016, 237, рис. 1, 1; 2019, рис. 37, 3–4, 11–12.

⁴² Симоненко 2010, 108–132.

⁴³ Robinson 1975, 154; Thomas 2003, 128.

⁴⁴ Курчатов 2015, 108–116.

⁴⁵ См. напр.: James 2004, 136–137.

⁴⁶ Raev 1986, 28–29.

⁴⁷ Трейстер 1993, 70.

⁴⁸ Новиченкова 2017, 138–139, 143, рис. 120, 128–129.

⁴⁹ Shchukin 1989, 331.

⁵⁰ Козленко 2019, 138, рис. 61, 1.

⁵¹ Eggers 1951, Taf. 12.

Северном Причерноморье они известны из раскопок Херсонеса⁵², Пантикапея⁵³, святилища у перевала Гурзуфское Седло⁵⁴ и городища Артезиан⁵⁵. В результате появления в городах Северного Причерноморья римских военных контингентов и участия в римско-боспорском конфликте сарматских племен, эти фибулы также стали известны среди сарматского населения Поднепровья⁵⁶. Фибулы типа «Ауцисса» известны и по раскопкам Ольвии разных лет⁵⁷, что рассматривается некоторыми авторами как свидетельство пребывания в Ольвии римского военного контингента, который мог включать в себя и сарматскую часть.

Здесь следует отметить, что т.н. раннеримские шарнирные фибулы, представляли собой наиболее ранние импортные застёжки в сарматских древностях. При этом традиционная дата подобных застёжек в западно- и средневропейских памятниках – первая половина I в.; считается, что восточноевропейские находки синхронны им⁵⁸. Остается открытым вопрос о контексте – как отмечает А.В. Симоненко, «погребения, в которых найдены фибулы типа Ауцисса, не содержат хронологических индикаторов с более узкой, нежели у этих фибул, датой и обычно датируются именно по ним»⁵⁹. Поэтому стоит задаться логичным вопросом – совпадает ли время бытования этих фибул в Западной Европе со временем появления и бытования их у сарматов? Фибулы типа Ауцисса представляют собой развитый вариант шарнирных фибул типа Алезия, которые были неотъемлемой частью римской провинциальной солдатской культуры и вышли из моды до 15 г. до н.э.⁶⁰ Фибулы типа Ауцисса входят в моду в римской солдатской среде с последнего десятилетия до н.э.⁶¹

Принято считать, что на территорию Северного Причерноморья фибулы этого типа попадают только после появления здесь римских контингентов. По мнению Симоненко, произойти это могло в то время, когда в среде римских военных еще оставалась в моде Ауцисса. А такой случай имел место лишь однажды – в связи с римско-боспорским конфликтом 45–49 гг., в период, когда римские войска под командованием Авла Дидия Галла были впервые введены в Северное Причерноморье⁶². Эту связь отмечает и М.Ю. Трейстер⁶³. Получается, что если фибула попадает к новому владельцу не раньше 45–50 гг. где-нибудь на Боспоре, то оказаться на территории Ольвии она должна была позже, т.е. такого рода римские вещи в сарматской среде могли несколько «запаздывать»⁶⁴. В связи с этим фибулы типа «Ауцисса» не могут свидетельствовать об участии Ольвии в событиях римско-боспорской войны.

⁵² Костромичев 2012, 52–56.

⁵³ Трейстер 1993, 58–61.

⁵⁴ Новиченкова 2000, 159–161.

⁵⁵ Винокуров, Трейстер 2018а, 45–50.

⁵⁶ Симоненко 2011, 19–21.

⁵⁷ Козленко 2019, рис. 38, 1–3; Фурманська 1953, 81–83, табл. VII, 10–12; Амброз 1966, 26.

⁵⁸ Амброз 1966, 26; Скрипкин 1990, 109.

⁵⁹ Симоненко 2011, 19–21.

⁶⁰ Rieckhoff 1975, 22, 30–32.

⁶¹ Симоненко 2011, 21.

⁶² Симоненко 2011, 21.

⁶³ Трейстер 1992, 43.

⁶⁴ Симоненко 2011, 23.

Еще одним аргументом в пользу теории о римском военном присутствии исследователи считают ольвийские монеты типа Зевс/орел, известные по раскопкам Тиры⁶⁵ и встречающиеся также на территории римского форта Каменка V на хоре Ольвии⁶⁶. Однако основания для подобных утверждений выглядят весьма непрочными. Орел с древнейших времен рассматривается как священная птица Зевса, образ которого иногда принимал этот бог⁶⁷. Изображение орла присутствует в изобразительном искусстве Ольвии, а в монетную чеканку этого полиса оно вошло со второй четверти V в. до н.э. и связано с культом Зевса, храм которого был воздвигнут в Ольвии в III в. до н.э., а в VI–V вв. до н.э. на том же месте существовало святилище Зевса.⁶⁸

На основании обозначенных археологических материалов некоторые авторы делают смелый вывод о том, что между Ольвией, сарматами и Римской империей в это время мог существовать трехсторонний оборонительный союз, чем можно объяснить присутствие сарматских всадников в пределах римского форта Каменка V, а также находки элементов римской амуниции⁶⁹. Однако, как показал обзор археологических материалов, происходящих из Ольвии и ее хоры, по существу у нас нет никаких надежных сведений, позволяющих подтвердить непосредственное военное участие Ольвии в событиях римско-боспорской войны.

Таким образом, все теоретические построения об участии Ольвии в римско-боспорской войне рушатся при обращении к источникам. Существуют очень сильные сомнения в том, что эпиграфические памятники, которые, как правило, привлекаются как главный аргумент, имеют какое-либо отношение к Ольвии. Синхронный римско-боспорскому конфликту археологический материал не может служить убедительным доказательством того, что Ольвия была непосредственно вовлечена в войну. Не особо успешно и обращение к нарративным источникам – Тацит сообщает о событиях войны в целом, а участие в ней Ольвии остается за пределами его внимания. Получается, что ни нарративные, ни нумизматические, ни эпиграфические, ни археологические источники, прямо или косвенно относящиеся к истории Ольвии 50–70-х гг. I в., не содержат никаких указаний на то, что Ольвия была занята римскими войсками именно в это время.

«Вопрос о характере отношений, сложившихся между Ольвией и Римом, должен решаться как на основе фактов, так и на основе гипотез, учитывающих эти факты», – отмечал В.А. Анохин при попытках реконструировать события истории Ольвии середины I в.⁷⁰ Однако зачастую ситуация такова, что выдвигаемые исследователями гипотезы не всегда учитывают имеющиеся факты или же не рассматривают их должным образом. В результате получается гладкое изложение событий, основанное на преобразовании археологических материалов в историческое повествование. Но здесь не стоит забывать о том, что подобные реконструкции всегда покоятся на целой системе более или менее вероятных допущений, которые никогда не бывают исчерпывающими и всегда предполагают какие-то иные

⁶⁵ Дзиговский 2016, 181–182.

⁶⁶ Козленко 2016, 235.

⁶⁷ Oder 1894, 373–375.

⁶⁸ Карышковский 1982а, 88–89, прим. 107–117.

⁶⁹ Козленко 2016, 234; 2019, 57.

⁷⁰ Анохин 1989, 60.

трактовки⁷¹. В ситуации с историей Северного Причерноморья этот вопрос осложняется уже не раз поднимавшейся в литературе проблемой соотношения письменных источников и данных археологии и эпиграфики⁷².

Возвращаясь к ольвийской проблематике, повторюсь, что источники не позволяют нам говорить о непосредственном участии Ольвии в римско-боспорской войне. При этом, конечно, нельзя исключать, что номинально Ольвия могла поддерживать одну из сторон, но учитывая, что к этому времени город все еще восстанавливался после гетского разгрома и не представлял существенной политической и военной силы в регионе, каких-либо решительных действий он, видимо, не предпринимал. Можно допустить, что на территории Ольвии и ее хоры размещались римские и вспомогательные сарматские воинские контингенты, однако для ольвиополитов, вероятно, основным способом общения с ними оставалась торговля. Помимо прочего, присутствие явного сарматского компонента в археологических материалах Ольвии и ее хоры в рассматриваемый период очередной раз подчеркивает тенденцию к взаимодействию эллинов и варваров в этом регионе, сложившуюся в ходе второго основания Ольвии после гетского разгрома⁷³. Разговор по существу возможен, пожалуй, лишь на основе сведений Диона Христора, который замечает, что кочевое окружение было заинтересовано в Ольвии как в торговой гавани, устроенной по греческому образцу (Dio. Chr. XXXVI.5). Вероятно, именно в этом ракурсе следует рассматривать жизнь в Ольвии в этот период – она становится пунктом для торговых взаимодействий империи и кочевников, что подтверждается находками римских и ольвийских монет, керамическим импортом, а также элементами римской и сарматской амуниции, имеющей достаточно широкую датировку.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Абрамзон, М.Г., Тункина, И.В. 2018: Гости острова Левки (античные монеты по неизданным рисункам Н.Н. Мурзакевича). *ВДИ* 1, 52–87.
- Амброз, А.К. 1966: *Фидулы юга Европейской части СССР. III в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ Д1–30). М.
- Анохин, В.А. 1989: *Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья*. Киев.
- Буйских, С.Б. 1991: *Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.)*. Киев.
- Виноградов, Ю.Г. 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151–170.
- Винокуров, Н.И. 2010: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.), *СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки I*. Москва–Киев, 38–44.
- Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2017: Римская политика в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. *ПИФК* 4, 170–194.

⁷¹ Снодграсс 1992, 32–40.

⁷² См. напр.: Подосинов 2012, 21–52.

⁷³ Крапивина 1993, 297–298; Русяева 1995: 24–37.

- Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2018а: Фибулы типа Авцисса из раскопок городища Артезиан. *Таврические студии* 16, 45–50.
- Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2018б: Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы научной конференции*. СПб., 140–148.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология)*. М.
- Воронятов, С.В. 2009: О функции сарматских тамг на сосудах. В сб.: А.Г. Фурасьева (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 80–98.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л., 326–328.
- Гайдукевич, В.Ф. 1955: История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Античные города северного Причерноморья. Очерки истории и культуры*. Т. 1. М.–Л., 23–47.
- Горнчаровский, В.А. 2003: Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. *ВДИ* 3, 161–170.
- Дзиговский, А.Н. 2016: Царство Фарзоя: полвека спустя. *Стародавнє Причорномор'я* XI, 180–188.
- Зубарь, В.М. 1994: *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. К.
- Зубарь, В.М. 1998: *Северный Понт и Римская империя*. Киев.
- Зубарь, В.М., Шмалько, А.В. 1993: Римско-боспорская война и Херсонес. В сб.: Г.Н. Тощев, Г.И. Шаповалов, Б.Д. Михайлов (ред.), *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. IV. Запорожье, 225–230.
- Каллистов, Д.П. 1952: *Северное Причерноморье в античную эпоху*. М.
- Карышковский, П.О. 1982а: Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии. В сб.: В.Л. Янин, С.А. Булатович, Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Д.Б. Шелов (ред.), *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев, 80–98.
- Карышковский, П.О. 1982б: Ольвия и Рим в I в. н.э. В сб.: А.В. Гудкова (ред.), *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев, 6–28.
- Козленко, Р.А. 2016: К изучению взаимоотношений Ольвии, сарматов и Римской империи во второй половине I в. н.э. *Etniak. Forum Olbicum I. Пам'яті В.В. Крапівіної* 4, 233–237.
- Козленко, Р.А. 2018: Тамгообразные знаки из Ольвии (к проблеме сарматского присутствия). *Stratum plus* 4, 239–254.
- Козленко, Р.О. 2019: *Римська військова присутність в Ольвії (I–III ст. н.е.): дис... к.і.н.* Київ.
- Колесниченко, А.Н. 2017: Бронзовая статуэтка орла из раскопок на о. Березань в 1902 году. *Записки отдела нумизматики и тореvтики Одесского археологического музея* 3, 166–171.
- Костромичев, Д.А. 2004: Металлические предметы из раскопок зольника римского времени в Керчи. *БИ* V, 422–433.
- Костромичев, Д.А. 2012: Римские фибулы Херсонеса. *ХСб* 17, 47–154.
- Крапивина, В.В. 1993: *Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э.* Киев.
- Кругликова, И.Т. 1962: Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семеновки. *КСИА* 89, 97–100.
- Крыжицкий, С.Д., Русяева, А.С., Крапивина, В.В., Лейпунская, Н.А., Скржинская, М.В., Анохин, В.А. 1999: *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев.
- Курчатов, С. 2015: Погребение «катафрактария» у с. Урсоая в Днестровско-Прутском междуречье. *Revista Arheologică* XI, 108–116.

- Новиченкова, М.В. 2017: *Римське військове спорядження в Тавриці I ст. до н.е. – I ст. н.е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло): дис... к.і.н.* Київ.
- Новиченкова, Н.Г. 1998: Римское военное снаряжение у перевала Гурзуфское седло. *ВДИ* 2, 51–56.
- Новиченкова, Н.Г. 2000: Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло. *РА* 1, 154–166.
- Ольховский, В.С. 2001: Тамга (к функции знака). В сб.: Р.М. Мунчаев (ред.), *Историко-археологический альманах 7*. Армавир–Москва, 75–86.
- Панов, А.Р. 2009: *Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.): дис... д.и.н.* Нижний Новгород.
- Подосинов, А.В. 2012: Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н.э. и данные археологии и эпиграфики. *Аристей* 6, 21–52.
- Русяева, А.С. 1995: Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. *Археологія* 4, 24–37.
- Сапрыкин, С.Ю. 1988: К ольвийской надписи IOSPE, I². 38. *ВДИ* 1, 147–155.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сидоренко, В.А. 1996: Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом. *МАИЭТ* 5, 35–57.
- Симоненко, А.В. 1992: Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? *ВДИ* 3, 148–162.
- Симоненко, А.В. 2010: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. СПб.
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Симоненко, А.В., Лобай, Б.И. 1991: *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э.* Киев.
- Скрипкин, А.С. 1990: *Азиатская Сарматия*. Саратов.
- Скрипкин, А.С. 2015: О политической организации сарматов на рубеже эр. *Stratum plus* 4, 73–83.
- Снодграсс, А.М. 1992: История Греции в свете археологии. *ВДИ* 2, 32–40.
- Трейстер, М.Ю. 1992: Кельти у Північному Причорномор'ї. *Археологія* 2, 37–50.
- Трейстер, М.Ю. 1993: Римляне в Пантикапее. *ВДИ* 2, 50–73.
- Фармаковский, Б.В. 1918: Херсонская губерния. Раскопки в Ольвии. В сб.: *Отчет Императорской археологической комиссии за 1913–1915 годы*. Петроград, 1–51.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)*. М.
- Фурманська, А.І. 1953: Фібули з розкопок Ольвії. *Археологія* 8, 76–94.
- Щукин, М.Б. 2011: О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения). *Stratum plus* 4, 165–178.
- Яйленко, В.П. 1990: Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I. В сб.: В.П. Яйленко (сост.), *Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Причерноморья*. М., 128–215.
- Яйленко, В.П. 2016: Ольвия эллинистического и римского времени (конец IV в. до н.э. – III в. н.э.). В кн.: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яценко, С.А., Добжаньска, Г. 2012: Германские парадные копья II–III вв. н.э. с сарматскими знаками. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гузиной. Труды ГИМ* 191. М., 494–509.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Gorlov, Y.V. 2001: Two hoards of Bosporan coins. *Revue numismatique* 157, 287–303.
- Eggers, H.Ju. 1951: *Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte*. Bd. 1. Hamburg.

- James, S. 2004: *Excavations at Dura Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment*. London.
- Oder, E. 1894: Adler. In: G. Wissowa (ed.), *RE* I, 373–375.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR IS 278). Oxford.
- Rieckhoff, S. 1975: Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Höfingen. *Saalburg Jahrbuch* 32, 5–104.
- Robinson, H.R. 1975: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Shchukin, M.B. 1989: *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe (1st Century B.C. – 1st Century A.D.)* (BAR IS 542). Oxford.
- Thomas, M.D. 2003: *Lorica Segmentata. A Catalogue of Finds*. Braemar.
- Tunkina, I.V. 2007: New Data on the Panhellenic Achilles' Sanctuary on the Tendra Spit (Excavations of 1824). In: A. Bresson, A.I. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.). *Une koinè Pontique: Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 225–240.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Gorlov, Y.V. 2001: Two Hoards of Bosporan Coins. *Revue numismatique* 157, 287–303.
- Abramzon, M.G., Tunkina, I.V. 2018: Gosti ostrova Levki (antichnye monety po neizdannym risunkam N.N. Murzakevicha) [Guests of Levka Island (Antique Coins Based on Unpublished Drawings by N.N. Murzakevich)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 52–87.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporiskoy voyny 45–49 gg. s gorodishcha Artezian [Two Hoards of Coins and Jewelry from the Roman-Bosporan War of 45–49 AD from the Artezian Settlement]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 93–146.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR. III v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulae of the South of the European Part of the USSR. The 3rd century BC. – 4th century AD (Svod arkheologicheskikh istochnikov D1–30 [Corpus of Archaeological Sources D1–30]). Moscow.
- Anokhin, V.A. 1989: *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Coins of Ancient Cities of the North-Western Black Sea Region]. Kiev.
- Buyskikh, S.B. 1991: *Fortifikatsiya Ol'viyskogo gosudarstva (pervye veka n.e.)* [Fortification of Olbia (First Centuries AD)]. Kiev.
- Dzigovskiy, A.N. 2016: Tsarstvo Farzoya: polveka spustya [Kingdom of Pharzoios: Half a Century Later]. *Starodavne Prychornomor'ya* [Ancient Black Sea Region] XI, 180–188.
- Eggers, H.Ju. 1951: *Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte*. Bd. 1. Hamburg.
- Farmakovskiy, B.V. 1918: Khersonskaya guberniya. Raskopki v Ol'vii [Kherson Province. Excavations in Olbia]. In: *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gody* [Report of the Imperial Archaeological Commission 1913–1915]. Petrograd, 1–51.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosphorus (mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. Moscow.
- Furmanska, A.I. 1953: Fibuly z rozkopok Ol'vii [Fibulae from the Excavations at Olbia]. *Arkheologiya* [Archaeology] 8, 76–94.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporiskoe tsarstvo* [Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad, 326–328.
- Gaydukevich, V.F. 1955: Istoriya antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [History of the Northern Black Ancient Cities]. In: V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova (eds.), *Antich-*

- nye goroda severnogo Prichernomor'ya. Ocherki istorii i kul'tury* [Ancient Cities of the Northern Black Sea Region. Essays on History and Culture]. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 23–47.
- Goroncharovskiy, V.A. 2003: Rimsko-bosporskiy konflikt 40-kh godov I v. n.e. [Roman-Bosporan Conflict of the 40s AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 161–170.
- James, S. 2004: *Excavations at Dura Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment*. London.
- Kallistov, D.P. 1952: *Severnoe Prichernomor'e v antichnyuyu epokhu* [The Northern Black Sea Region in Ancient Times]. Moscow.
- Karyshkovskiy, P.O. 1982a: Ob izobrazhenii orla i del'fina na monetakh Sinopy, Istrii i Ol'vii [About the image of an eagle and a dolphin on the coins of Sinope, Istria and Olbia]. In: V.L. Yanin, S.A. Bulatovich, G.A. Dzis-Rayko, S.B. Okhotnikov, D.B. Shelov (eds.), *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ya* [Numismatics of the Ancient Black Sea Region]. Kiev, 80–98.
- Karyshkovskiy, P.O. 1982b: Ol'viya i Rim v I v. n.e. [Olbia and Rome in the 1st Century AD]. In: A.V. Gudkova (ed.), *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e* [Monuments of Roman and Medieval Times in the North-Western Black Sea Region]. Kiev, 6–28.
- Kolesnichenko, A.N. 2017: Bronzovaya statuetka orla iz raskopok na o. Berezan' v 1902 godu [Bronze Figurine of an Eagle from Excavations at Berezan island in 1902]. *Zapiski otdela numizmatiki i toreutiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeya* [Notes from the Department of Numismatics and Toreutics of the Odessa Archaeological Museum] 3, 166–171.
- Kostromichev, D.A. 2004: Metallicheskie predmety iz raskopok zol'nika rimskogo vremeni v Kerchi [Metal objects from excavations of a Roman ash pit in Kerch]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] V, 422–433.
- Kostromichev, D.A. 2012: Rimskie fibuly Khersonesa [Roman Brooches of Chersonesus]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection] 17, 47–154.
- Kozlenko, R.A. 2016: K izucheniyu vzaimootnosheniy Ol'vii, sarmatov i Rimskoy imperii vo vtoroy polovine I v. n.e. [To the Study of the Relationship between Olbia, the Sarmatians and the Roman Empire in the Second Half of the 1st Century AD]. *Eminak. Forum Olbicum I. Pam'yati V.V. Krapivinoi* [Eminak. Forum Olbicum I. In Memory of V.V. Krapivina] 4, 233–237.
- Kozlenko, R.A. 2018: Tamgoobraznye znaki iz Ol'vii (k probleme sarmatskogo prisutstviya) [Tamga-Shaped Signs from Olbia (to the Problem of the Sarmatian Presence)]. *Stratum plus* 4, 239–254.
- Kozlenko, R.O. 2019: *Ryms'ka viys'kova prysutnist' v Ol'vii (I–III st. n.e.): dis... k.i.n.* [Roman Military Presence in Olbia (1st–3rd Centuries AD). PhD Thesis]. Kiev.
- Krapivina, V.V. 1993: *Ol'viya. Material'naya kul'tura I–IV vv. n.e.* [Olbia. The Material Culture 1st – 4th cc. AD]. Kiev.
- Kruglikova, I.T. 1962: Sarmatskie znaki na amforakh s poseleniya u d. Semenovki [Sarmatian Signs on Amphorae from the Settlement near the Village of Semenovka]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR] 89, 97–100.
- Kryzhitskiy, S.D., Rusaeva, A.S., Krapivina, V.V., Leypunskaya, N.A., Skrzhinskaya, M.V., Anokhin, V.A. 1999: *Ol'viya. Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'e* [Olbia. Ancient State in the Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Kurchatov, S. 2015: Pogrebenie “katafraktariya” u s. Ursoaya v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e [Burial of a “Cataphract” near the Village of Ursoaya, the Dniester-Prut Interfluve]. *Revista Arheologică* XI, 108–116.

- Novichenkova, M.V. 2017: *Ryms'ke viys'kove sporyadzhennya v Tavrytsi I st. do n.e. – I st. n.e. (za materialamy rozkopok svyatylyshcha Hurzuf's'ke Sidlo): dis... k.i.n.* [Roman Military Equipment in Taurica of the 1st Century BC – 1st Century AD (Based on The Materials of The Excavations of the Gurzuf'ske Sedlo Sanctuary). PhD Thesis]. Kiev.
- Novichenkova, N.G. 1998: Rimskoe voennoe snaryazhenie u perevala Gurzufskoe sedlo [Roman Military Equipment at the Gurzuf Saddle Pass]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 51–56.
- Novichenkova, N.G. 2000: Fibuly iz svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [Fibulae from the Sanctuary at the Gurzufskoe Sedlo Pass]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 154–166.
- Oder, E. 1894: Adler. In: *RE* I, 373–375.
- Olkhovskiy, V.S. 2001: Tamga (k funktsyy znaka) [Tamga (to the Function of the Sign)]. In: R.M. Munchaev (ed.), *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac] 7. Armavir–Moscow, 75–86.
- Panov, A.R. 2009: *Vzaimootnosheniya Rima s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v period pozdney respubliki – ranney imperii (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.): dis... d.i.n.* [Relations between Rome and States of the Northern Black Sea Region and Transcaucasia during the Late Republic – Early Empire (2nd Century BC – Early 2nd Century AD). PhD Thesis]. Nizhny Novgorod.
- Podosinov, A.V. 2012: Svedeniya Diona Khrisostoma o varvarizatsii Ol'vii v I v. n.e. i dannye arkheologii i epigrafiki [Dion Chrysostom about the Barbarization of Olbia in the 1st Century AD and Archaeological and Epigraphic Data]. *Aristey* [Aristaeus] 6, 21–52.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR IS 278). Oxford
- Rieckhoff, S. 1975: Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Höfingen. *Saalburg Jahrbuch* 32, 5–104.
- Robinson, H.R. 1975: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Rusyayeva, A.S. 1995: Ol'viys'ko-sarmats'ki vidnosyny u druiy polovyni I st. n.e. [Olbia-Sarmatian Relations in the Second Half of the 1st Century AD]. *Arkheologiya* [Archaeology] 4, 24–37.
- Saprykin, S.Yu. 1988: K ol'viyskoy nadpisi IOSPE, I². 38 [To the Olbian Inscription IOSPE, I². 38]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 147–155.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh* [Bosporan Kingdom at the Turn of Two Eras]. Moscow.
- Shchukin, M.B. 1989: *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe (1st Century B.C. – 1st Century A.D.)* (BAR IS 542). Oxford.
- Shchukin, M.B. 2011: O voennykh kontaktakh mezhdru sarmatami i germantsami v rimskoe vremya (po materialam vooruzheniya) [On Military Contacts between the Sarmatians and the Germans in Roman Times (Based on Weapons Materials)]. *Stratum plus* 4, 165–178.
- Sidorenko, V.A. 1996: Fragment dekreta rimskogo vremeni iz srednevekovoy baziliki pod Mangupom [Fragment of a Decree from Roman Times from the Medieval Basilica near Mangup]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] 5, 35–57.
- Simonenko, A.V. 1992: Farzoy i Inismey – aorsy ili alany? [Pharzoios and Inismeyus - Aorsi or Alani] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 148–162.
- Simonenko, A.V. 2010: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports among the Sarmatians of North Pontic Region]. Saint Petersburg.
- Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991: *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e.* [Sarmatians of the North-Western Black Sea Region in the 1st Century AD] Kiev.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya* [Asiatic Sarmatia]. Saratov.

- Skripkin, A.S. 2015: O politicheskoy organizatsii sarmatov na rubezhe er [On the Political Organization of the Sarmatians at the Turn of Eras]. *Stratum plus* 4, 73–83.
- Snodgrass, A.M. 1992: Istoriya Gretsii v svete arkheologii [History of Greece in the Light of Archaeology]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 32–40.
- Thomas, M.D. 2003: *Lorica Segmentata. A Catalogue of Finds*. Braemar.
- Treyster, M.Yu. 1992: Kel'ty u Pivnichnomu Prychornomor'yi [Celts in the Northern Black Sea]. *Arkheologiya* [Archaeology] 2, 37–50.
- Treyster, M.Yu. 1993: Rimlyane v Pantikapee [Romans in Panticapaeum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 50–73.
- Tunkina, I.V. 2007: New Data on the Panhellenic Achilles' Sanctuary on the Tendra Spit (Excavations of 1824). In: A. Bresson, A.I. Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.). *Une koinè Pontique: Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.)*. Bordeaux, 225–240.
- Vinogradov, Yu.G. 1994: Ocherk voenno-politicheskoy istorii sarmatov v I v. n.e. [Essay on the Military-Political History of the Sarmatians in the 1st century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 151–170.
- Vinokurov, N.I. 2010: Bosporo-rimskaya voina 44/45–49 gg. i gibel' ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [The Bosporan-Roman War of AD 44/45–49 and the Death of the Early Citadel of the Artesian Settlement (Based on the Materials of Excavations in 2004–2008)]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk, A.A. Zavoykin (eds.), *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshchie otkrytiia i nakhodki* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea Region. The Recent Discoveries and Finds]. I. Moscow–Kiev, 38–44.
- Vinokurov, N.I., Krykin, S.M. 2017: Rimskaya politika v Severnom i Severo-Zapadnom Prichernomor'ye v seredine I v. n.e. [Roman Politics in the Northern and Northwestern Black Sea Region in the middle of the 1st Century AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 170–194.
- Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2018a: Fibuly tipa Avtsissa iz raskopok gorodishcha Artezian [Brooches of the Avtsissa Type from the Excavations of the Artesian Site]. *Tavrisheskie studii* [Tauric Studies] 16, 45–50.
- Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2018b: Fragmenty rimskikh bronzovykh sosudov iz raskopok ranney tsitadeli gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [Fragments of Roman Bronze Vessels from Excavations at the Early Citadel of the Artesian Settlement in the Crimean Azov Region]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: materialy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World: Materials of a Scientific Conference]. Saint Petersburg, 140–148.
- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)* [Black Sea Amphorae of the 1st Century BC – 2nd Century AD (Morphology)]. Moscow.
- Voronyatov, S.V. 2009: O funktsii sarmatskikh tamg na sosudakh [On the Function of Sarmatian Tamgas on Vessels]. In: A.G. Furasyeva (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem* [Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube]. Saint Petersburg, 80–98.
- Yaylenko, V.P. 1990: Dinasticheskaya istoriya Bospora ot Mitridata Evpatora do Kotisa I [Dynastic History of the Bosphorus from Mithradates Eupator to Cotys I]. In: V.P. Yaylenko (ed.), *Epigraficheskie pamyatniki i yazyki drevney Anatolii, Kipra i antichnogo Prichernomor'ya* [Epigraphic Documents and Languages of Ancient Anatolia, Cyprus and the Ancient Black Sea Region]. Moscow, 128–215.
- Yaylenko, V.P. 2016: Ol'viya ellinisticheskogo i rimskogo vremeni (konets IV v. do n.e. – III v. n.e.) [Olbia of Hellenistic and Roman Times (Late 4th Century BC – 3rd Century AD)]. In: *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa, Bospora VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [History and

Epigraphy of Olbia, Chersonesus, Bosphorus in the 7th Century BC – 7th century AD]. Saint Petersburg.

- Yatsenko, S.A., Dobzhanska, G. 2012: Germanskie paradnye kop'ya II–III vv. n.e. s sarmatskimi znakami [German Ceremonial Spears of the 2nd–3rd Centuries AD with Sarmatian Signs]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati I.I. Gushchinoy* [Eurasia in Scythian-Sarmatian times. In memory of I.I. Gushchina (Tudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 191). Moscow, 494–509.
- Zubar, V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [Taurian Chersonesus and the Roman Empire. Essays on Military-Political History]. Kiev.
- Zubar, V.M. 1998: *Severnnyy Pont i Rimskaya imperiya* [Northern Pont and the Roman Empire]. Kiev.
- Zubar, V.M., Shmalko, A.V. 1993: Rimsko-bosporskaya voyna i Khersones [Roman-Bosporan War and Chersonesus]. In: G.N. Toshchev, G.I. Shapovalov, B.D. Mikhaylov (eds.), *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma* [Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea] IV. Zaporozhye, 225–230.

ON THE QUESTION OF OLBIA PARTICIPATION IN THE ROMAN-BOSPORAN WAR OF AD 45–49

Maria N. Rastegaeva

Saratov State University, Saratov, Russia

E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

The paper examines the events of the political history of Olbia in the mid-1st century AD, which have been linked by scholars to the Roman-Bosporan War of AD 45–49, traditionally based on two epigraphic documents, IOSPE I² 38 and the Mangup Inscription. However, a closer look at these texts reveals that such reconstructions of the political history of Olbia in the mid-1st century AD are highly hypothetical. The author also argues that reconstructions based on the results of archaeological research in Olbia and her chora, including the work of recent years, are also based on very shaky grounds. The author concludes that all types of sources available to researchers that directly or indirectly relate to the history of Olbia in the AD 50–70s do not contain any indication that the city took direct part in the events of the Roman-Bosporan War. It seems more likely that after the defeat by the Getae, Olbia played the role of a trading port built on the Greek model and became a convenient point for trade interactions between Rome and the nomads.

Keywords: Rome, Olbia, Roman-Bosporan war of AD 45–49, epigraphy, classical archaeology

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-76–88

СТОЛКНОВЕНИЕ ФИЛИППА II С ТРИБАЛЛАМИ (339 г. до н.э.)

А.А. Клейменов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия*

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-0378

В статье анализируются причины, ход и последствия боевого столкновения между войском Филиппа II и трибаллами в 339 г. до н.э. Определяется, что предпосылкой конфликта стали притязания трибаллов на часть добычи, захваченной Филиппом после разгрома царя скифов Атея. Имея сравнительно немногочисленное войско, к тому же отягощенное захваченным скотом и пленными, македонский царь попал в подготовленную фракийцами засаду. После того как требование трибаллов уступить им часть трофеев было отклонено, растянутая колонна македонского войска подверглась внезапной атаке. Македоняне не имели возможности прибегнуть к привычной для них тактике. В развернувшейся хаотичной схватке Филипп получил неоднократно упоминаемое в античной письменной традиции тяжелое ранение, а трибаллы смогли присвоить скифскую добычу. Произошедшее стало возможным из-за хорошего владения фракийцами методами «малой войны» и просчетов македонского командования, которое не учло уязвимость своих сил и пренебрегло особо нужной в тех условиях разведкой. В итоге авторитет монархии Аргеадов был подорван, а трибаллы временно укрепили свои позиции в регионе.

Ключевые слова: Филипп II, Македония, трибаллы, Фракия, Юстин, Атей

Взлет могущества государства Аргеадов в период правления Филиппа II был явлением по своей сути революционным. Буквально за два десятилетия Македония из аутсайдера политического мира древних Балкан превратилась в главную силу региона, заставившую считаться с собой не только ближайших соседей, но и располагавшуюся за морем державу Ахеменидов. Конечно, проделанный Филиппом путь отнюдь не являлся «легкой прогулкой». Помимо больших и малых побед на нем присутствовали и разнообразные неудачи, в ряде случаев ставившие под угрозу многое из ранее достигнутого. Один из подобных эпизодов имел место в 339 г. до н.э. и был связан с активностью трибаллов, чуть не лишивших жизни монарха, которому всего через год было суждено стать хозяином практически всей Греции.

Данные об авторе. Александр Анатольевич Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Исследование указанных событий осложнено многими обстоятельствами, в том числе нашей слабой информированностью о противнике Филиппа. Совокупность имеющихся данных позволяет считать трибаллов особой племенной группой фракийского происхождения, в этногенезе и культурном развитии которой в значительной мере участвовал и иллирийский компонент¹. В рассматриваемое время трибаллы занимали территорию между реками Велика-Морава и Искер, на севере доходившую до берегов Дуная². Предпосылки вступления в конфронтацию с Филиппом представителей племенного сообщества, населявшего северо-западные районы современной Болгарии, весьма необычны. О них позволяет судить сочинение Юстина, рассказ которого генетически может восходить к сообщениям таких ранних авторов как Феопомп Хиосский и Марсий Македонский³. Согласно данному источнику, конфликт был связан не с завоевательной экспансией македонян в земли трибаллов, а с возвращением отягощенного добычей войска Филиппа в Македонию после разгрома скифского царя Атея. Сообщается, что трибаллы преградили путь македонянам, потребовав часть трофеев за проход через свои земли (см. Just. IX. 3. 1). Как предполагается, Филипп двигался с востока на запад через долину Искера к району нынешней Софии, в дальнейшем планируя направиться в Македонию по долине Стримона⁴.

Нам доподлинно неизвестен размер и состав сил, имевшихся у Филиппа накануне столкновения. В античной традиции указывается, что в предшествовавшей скифскому походу кампании против Перинфа и Византия македонский монарх задействовал весьма крупное войско из 30 тысяч человек (см. Diod. XVI. 74. 5)⁵. Тем не менее, описывая битву Филиппа со скифами Юстин отмечает значительный численный перевес в пользу последних (IX. 2. 14). С этим сообщением хорошо соотносится информация Фронтинна, согласно которому с македонской стороны в сражении участвовали пехота и кавалерия, но оно проходило для Филиппа весьма напряженно (Strat. II. 8. 14). По мнению Р. Габриэля, македонский царь использовал в походе на скифов все силы, однако Атей привлек еще большее войско, в результате чего состоялась масштабная битва, имевшая в древней истории не так много аналогов⁶. Принять данную точку зрения нельзя по целому ряду причин. Прежде всего, это специфика отражения скифо-македонской войны в источниках: античные авторы сообщают о ней мало, из-за чего следует полагать, что современников не поразили ни размах, ни значение произошедшего⁷. Также необходимо обратить внимание на данные о военном потенциале державы Атея. Ранее этот скифский правитель воевал с трибаллами и испытывал явную нехватку сил, побудившую выдать за воинов женщин, детей и прочих «нестроевых» (Front. Strat. II. 4. 20; ср. Polyen. VII. 44. 1). Мало того, Юстин выделяет как отправную точку конфликта между македонским и скифским царями обращение Атея к Филиппу за помощью в войне с неким «царем истриан» (Istrianorum rex)

¹ Papazoglou 1969, 54–64.

² Фол 1972, 79.

³ Hammond 1991, 503.

⁴ Ellis 1976, 186; Bosworth 1980, 53; Уортингтон 2014, 192.

⁵ Масштабность проведенных тогда в Македонии и Фессалии мобилизационных мероприятий особо подчеркнул современник событий Демосфен (VIII. 14).

⁶ Gabriel 2020, 199.

⁷ Шелов 1971, 62; Делев 2008, 9.

(IX. 2. 1–14). Идентификация упомянутого в источнике понятия представляет собой нерешенную проблему: разные исследователи под «истрианами» понимали представителей управляемого тираном греческого полиса Истрия⁸, союз племен бассейна Истра⁹, гетов¹⁰ или тех же трибаллов, чей этноним подвергся искажению¹¹. Впрочем, кем бы ни являлся «царь истриан», он явно был фигурой регионального масштаба, а испытанные Атеем трудности показывают, что последний опирался на достаточно скромные военные ресурсы, в основном ограниченные возможностями освоенной скифами Добруджи¹². Соответственно, вряд ли Атей мог собрать войско, в значительной мере превосходившее тридцатитысячную армию, имевшуюся у Филиппа во время кампании против Перинфа и Византия. Все это позволяет полагать, что македонский царь, чьи силы количественно уступали скифам, во время похода располагал относительно небольшим корпусом из пехоты и кавалерии¹³. Тем не менее, предположение П. Никореску, согласно которому Филипп имел всего 3 тысячи воинов, разбивших 4–5 тысяч скифов¹⁴, явно принижает масштаб противостояния. Видимо, в реальности Филипп отправился в экспедицию, взяв с собой 5–7 тысяч человек. Недостаток количества компенсировался качеством. В распоряжении Филиппа была часть лучшей армии эпохи, сумевшая разгромить численно превосходящих скифов благодаря передовой македонской тактике, основанной на взаимодействии фаланги и кавалерии гетайров¹⁵. Недавняя победа в напряженной битве, конечно, должна была повлиять на возможности имевшихся у Филиппа сил: помимо неизбежных потерь убитыми и ранеными, скифская эпопея привела к значительному увеличению обоза Филиппа за счет добычи. Трофеями македонян тогда стали 20 тысяч скифских женщин и детей, 20 тысяч наилучших кобылиц и иной скот (Just. IX. 2. 15–16). Подобного рода приобретения, безусловно, потребовали особого контроля при движении и неизбежно привели к растягиванию маршевой колонны на большое расстояние¹⁶.

О силах трибаллов, вставших на пути Филиппа, также сложно сказать что-либо определенное. Наиболее ценные сведения о военном деле трибаллов того времени передает Арриан в рамках описания сражения Александра с войском данного племени у реки Лигин. Это сообщение, как и весь рассказ указанного автора о Балканской кампании 335 г. до н.э., основано на информации, предоставленной современниками событий¹⁷. Судя по этому источнику, трибаллы накануне боя расположили войско в росшем у реки лесу, но Александр выманил врага на открытую местность и после занявшей некоторое время перестрелки разбил со-

⁸ Glotz, Cohen 1936, 344–345; Griffith 1979, 561; Данов 1947, 52; Каллистов 1968, 216–217.

⁹ Блаватская 1952, 86–87; Карышковский, Клейман 1985, 40.

¹⁰ Nicorescu 1925, 23–24; Gardiner-Garden 1989, 31–32; Шелов 1971, 60; Фол 1975, 51; Йорданов 2000, 80–81.

¹¹ Papazoglou 1969, 18–19; Геров 1967, 25–26.

¹² Андрух 1995, 80.

¹³ Nicorescu 1925, 26; Glotz, Cohen 1936, 345.

¹⁴ Nicorescu 1925, 27.

¹⁵ Об этом см.: Hammond 1994, 136; Gaebel 2002, 153; Блаватский 1950, 26; Шелов 1971, 63.

¹⁶ Gabriel 2010, 203.

¹⁷ Согласно наиболее распространенному мнению, Арриан изложил события при опоре на сочинение Птолемея Лага (Bosworth 1980, 51; Йорданов 2000, 106; Петков 2018, 126). Другая точка зрения подразумевает, что в данном случае были совмещены сведения Птолемея и Аристула (Hammond 1974, 77).

вместной атакой фаланги и кавалерии. Указывается, что в битве войско трибаллов разделялось на части в виде центра и двух крыльев (см. *Arr. Anab. I. 2. 4–6*). Достаточно сложная диспозиция трибаллов на Лигине стала основой для выводов, согласно которым представители этого племени опирались на некоторые греческие тактические идеи¹⁸. Возможно, трибаллы, подобно иным фракийцам, размещали на флангах конницу, сформированную, в том числе, из представителей племенной аристократии¹⁹. Эффективность действий македонской кавалерии против трибалльской пехоты, а также упоминание перестрелки свидетельствуют, что пешие трибаллы, как было свойственно для фракийцев, в основном были представлены дротометателями-пелтастами²⁰. Судя по косвенным данным, некоторая часть трибалльских пехотинцев могла быть вооружена ударными копьями и сражаться в плотном строю, однако видеть в нем качественный аналог греческой фаланги, конечно, нельзя²¹. О кавалерии трибаллов также сведений немного. Существует основанное на изобразительном материале мнение, подразумевающее использование местными всадниками коротких копий, луков и стрел²². Отсутствие упоминаний действий трибалльской конницы в описании сражения при Лигине и включение в состав отправившейся в Азию армии Александра лишь пехотинцев из данного племени позволяет полагать, что кавалерия у трибаллов играла второстепенную роль²³. В случае необходимости это племя формировало весьма крупное войско. Диодор, описывая нападение на Абдеры в 375 г. до н.э., упоминает, что трибаллы, измученные голодом в родных землях, собрали все людские ресурсы и отправили в поход 30 тысяч воинов (*XV. 36. 1*). По уровню военной организации и дисциплины трибаллы уступали грекам и македонянам. Об этом говорят данные все того же Диодора, сообщающего, что после разграбления окрестностей Абдер трибаллы двигались без порядка №№№№№№ и, будучи атакованы, также в беспорядке бежали (*XV. 36. 2*). Тем не менее, события 375 г. до н.э. раскрывают и сильные стороны трибалльских методов ведения войны. Рассказывая о том походе, Эней Тактик упоминает, что трибаллы после первого поражения нанесли абдеритам очень большие потери с помощью засад (*XV. 8–9*)²⁴. Данное сообщение свидетельствует о владении трибаллами навыками организации засад и неожиданных нападений, характерными, как часто констатируется в литературе, и для других фракийцев²⁵. Также необходимо обратить внимание на стремление трибаллов использовать в тактических целях сложный ландшафт. Как уже было отмечено выше, одной из особенностей сражения у Лигина было первоначальное расположение войска трибаллов в лесу. Мало того, Арриан указывает, что благодаря этому многие трибаллы сумели спастись бегством (*Anab. I. 2. 4–6*). Подобный прием нельзя считать единичным явлением, так как природную специфику поля боя стремились обращать себе на пользу и иные фракийские племена²⁶. В

¹⁸ Данов, Фол 1979, 187.

¹⁹ Фол 1972, 79.

²⁰ Webber 2001, 41; Нефёдкин 2019, 148.

²¹ Webber 2011, 205.

²² Нефёдкин 2002, 503.

²³ Webber 2011, 205.

²⁴ О соотношении представленных версий событий подробно см. Papazoglou 1969, 13–14.

²⁵ Archibald 1998, 235; Ashley 1998, 167; Sears 2013, 44.

²⁶ Фол 1969, 67; Попов 2009, 189.

целом трибаллы были весьма опасным противником. Дело было не в какой-то особой дикости или исключительной тяги к грабежам, отмечаемой греческими авторами в IV в. до н.э. во многом под впечатлением от событий у Абдер²⁷. Главными факторами являлись готовность трибаллов использовать нестандартную по греческим меркам тактику и способность формировать крупное войско в случае задействования людских ресурсов всего племенного образования. Не случайно Страбон относил трибаллов к тем племенам, что ранее обладали большим могуществом, но ослабли из-за междоусобиц и потому были покорены (VII. 5. 6). Судя по анализу данных о взаимодействии трибаллов с соседями, на протяжении всего IV в. до н.э. вплоть до учиненного Александром в 335 г. до н.э. разгрома влияние трибаллов в регионе в основном возрастало²⁸.

Сообщение Юстина дает возможность считать инициаторами конфликта именно трибаллов, преградивших путь Филиппу с требованием отдать часть добычи²⁹. Помимо самого стремления поживиться за счет скифских трофеев могут быть выделены и иные предпосылки подобных действий. Прежде всего, это предыдущая война Атея и трибаллов, в которой, возможно, именно последние осуществили вторжение, отбитое скифским царем³⁰. Имея ранее противником ныне разгромленных скифов, трибаллы должны были крайне болезненно воспринять то, что чужеземцам, проходящим по их землям, досталась вся добыча, ранее выскользнувшая из рук самих трибаллов. К активным действиям могла подтолкнуть и ограниченная численность имевшихся у Филиппа войск, в то время как трибаллы, судя по более ранним событиям, при необходимости выставляли весьма крупное ополчение. Вряд ли в рассматриваемом случае ситуация обстоит иначе: фракийские племена сравнительно легко образовывали многочисленные войска для осуществления военных акций, направленных на захват добычи³¹, а в 339 г. до н.э. трибаллы вовсе получили шанс поживиться без долгого и утомительного похода. Образ могущественного иноземного правителя заставить трибаллов отказаться от своих намерений явно не мог. Это племя уже имело опыт успешного противостояния подобной персоне, когда в 424 г. до н.э. не только разгромило, но и лишило жизни знаменитого одрисского царя Ситалка (Thuc. IV. 101. 5). Тем не менее, вначале трибаллы попытались с Филиппом договориться, что не позволяет принять вывод, согласно которому ими двигало не столько желание заполучить трофеи, сколько намерение избавиться от чужого владыки, последовательно покорявшего фракийские земли³².

О самом боевом столкновении между силами Филиппа и трибаллами данных весьма немного. Прежде всего, это сообщение Юстина, кратко указавшего, что после озвученного трибаллами требования началась перебранка, вслед за которой стороны быстро вступили в сражение (*praedium*). Филипп получил рану в бедро,

²⁷ Archibald 1998, 97.

²⁸ Vasić 1972, 121.

²⁹ Мнение Н. Хэммонда, согласно которому Филипп ранее официально выдвинул трибаллам требование не препятствовать продвижению македонской армии, подразумевавшее переход племен в подчиненное состояние (Hammond 1994, 136), следует оценить как малообоснованное.

³⁰ Papazoglou 1969, 22. Противоположный вывод, связывающий конфликт со скифской экспансией, см. Gardiner-Garden 1989, 30.

³¹ Webber 2001, 34–35; Златковская 1971, 251.

³² Buckler 2003, 488.

причем оружие, пройдя через тело, убило под ним коня. Македонского царя приняли за погибшего и потому добыча была потеряна (IX. 3. 1–3). Присутствуют и иные подтверждения факта ранения Филиппа в бою с трибаллами. Так, Дидим пишет, что Филипп во время войны с трибаллами был поражен в правое бедро «сариссой» (σάρισσάν) (см. D. Col. 13. 3–7). Плутарх упоминает о полученном Филиппом в землях трибаллов ранении в бедро «древковым оружием» (λόγχη), из-за которого царь остался хромым (Moral. 331b). Факт хромоты Филиппа по причине ранения был известен и Сатиру Перипатетику (см. Athen. VI. 248f–249a), а Демосфен (XVIII. 63) сообщает о некоем повреждении голени македонского царя. Реконструировать ход событий на основании подобных свидетельств тяжело. Даже обстоятельства ранения Филиппа «сариссой», являющейся одним из наиболее известных элементов македонского вооружения, трактуются по-разному. Некоторые из специалистов полагают, что Филиппа ранил трибалльский пехотинец, который действительно был вооружен данной разновидностью копья, ранее бытовавшей у фракийцев и именно от них перенятой македонянами³³. Согласно другой точке зрения, Филиппа поразил в бедро трибалльский всадник кавалерийским вариантом сариссы, также в дальнейшем появившимся на вооружении у македонян³⁴. Третье мнение подразумевает, что Филиппа случайно ранил сариссой один из его же воинов³⁵.

Попытку рассмотреть события с позиции тактики предпринял Ф. Рей. По его версии, между Филиппом и трибаллами развернулось полноценное сражение, в котором македонский царь сперва во главе кавалерии и легкой пехоты опрокинул конницу трибаллов, однако затем столкнулся с вооруженными сариссами пехотинцами противника и был ранен. Описывая финальную стадию боя, Ф. Рей указывает, что трибаллы захватили большую часть добычи, но Филипп сумел прийти в себя и организовать правильное отступление. Основанием для последнего вывода стало сообщение Полиэна (IV. 2. 13), согласно которому Филипп, преследуемый фракийцами, оставил арьергард в качестве заслона, чем дал остальным возможность спастись³⁶. Принять эту реконструкцию нельзя по ряду причин. Прежде всего, ход битвы описан сугубо гипотетически, имея связь с источниками лишь при констатации факта ранения Филиппа. Кроме того, представленная Ф. Реем характеристика последней фазы боя опирается на рассказ Полиэна, вероятнее всего, относящийся к событиям 342–341 гг. до н.э.³⁷, а также противоречит указаниям на тяжелое ранение Филиппа, вначале принятого за мертвого и вряд ли бы сумевшего быстро вернуться к руководству армией.

Для реконструкции военных событий в рассматриваемом случае необходимо совместить материал источников о самом конфликте, данные об особенностях столкнувшихся военных сил при учете природно-географической специфики региона. Так, нельзя игнорировать проявившееся в иных случаях умение трибаллов использовать местность в тактических целях и наносить противнику большие

³³ Head 1982, 105; Webber 2001, 39; Wrightson 2019, 164. Частично схожую, но менее категоричную позицию см. Anson 2010, 65–66.

³⁴ Markle 1978, 490. Близкого мнения придерживаются и некоторые другие исследователи (Gabriel 2010, 13; Нефёдкин 2019, 453).

³⁵ Foucart 1906, 120–121; Hammond 1994, 136; Уоррингтон 2014, 193.

³⁶ Ray 2012, 130.

³⁷ Vela Tejada, Martín García 1991, 319; Делев 1997, 20.

потери с помощью засад. Есть основания полагать, что, готовясь к столкновению с Филиппом, чьи даже сравнительно немногочисленные силы были опасны в открытом полевым сражении, трибаллы поступили аналогичным образом. Следует принять предположение, согласно которому представители данного племени разместили засаду на пути продвигавшихся через их земли македонян в районе Западных Балкан или долины Искера³⁸. Филипп обнаружил ловушку слишком поздно. Последнее весьма примечательно, так как этот царь большое внимание уделял разведке и создал первую в европейской истории систему сбора данных о реальных и потенциальных противниках³⁹. Мало того, совсем недавно, в рамках завоевательной кампании 342–341 гг. до н.э., Филипп, безусловно, уже сталкивался с «малой войной» на широких пространствах фракийских земель⁴⁰, а значит возможность подобного развития событий должен был учитывать. Тем не менее, в период продвижения по трибалльской территории Филипп не получил актуальных данных о действиях ее обитателей. Причины этого, видимо, носили как объективный, так и субъективный характер. Первые были связаны со сравнительно небольшой численностью имевшихся у Филиппа сил при необходимости обеспечивать сопровождение значительной массы пленных и захваченного скота. Регулярное выделение людей для изучения обстановки в сложившихся условиях Филипп и его окружение могли посчитать нецелесообразным. С этим решением, видимо, был связан и другой, субъективный нюанс. Как отметил Г.Т. Гриффит, Филипп, проходя через незнакомые горы, занятые еще непокоренным населением, очевидно, считал, что местные жители, наученные судьбой Атея и его скифов, не станут препятствовать, желая лишь скорейшего ухода завоевателей⁴¹. Трибаллы же, как было отмечено выше, относились к иноземным владыкам без особого пиетета.

Видимо, трибаллы выдвинули упомянутый Юстином ультиматум после появления медленно продвигавшейся колонны войска Филиппа у места расположения засады. Вряд ли это были полноценные переговоры, а не выкрикнутое издали требование, обернувшееся засвидетельствованной в источнике перебранкой и вооруженной схваткой. События описаны римским автором скомканно и потому их нельзя воспринимать буквально, полагая, что за оружие взялись именно непосредственные участники «обмена любезностями». Мало оснований оценивать столкновение и как правильное сражение, в которое, как отмечается в историографии, Филипп принял решение вступить⁴². Очевидно, имело место стремительное нападение фракийцев с заранее подготовленных позиций⁴³. Согласно уже приводившемуся в литературе замечанию, объектом трибалльской атаки должна была стать сильно растянутая македонская колонна, не способная дать быстрый организованный отпор, а характер ранения Филиппа более свидетельствует об отчаянной рукопашной схватке, чем о регулярном сражении⁴⁴. В начавшейся свалке

³⁸ Делев 2008, 10. О локализации места конфликта также см. Геров 1967, 26; Фол 1972, 79; Йорданов 2000, 87; Попов 2009, 115.

³⁹ См. Ferrill 1997, 181.

⁴⁰ Archibald 1998, 235.

⁴¹ Griffith 1979, 583.

⁴² Buckler 2003, 488.

⁴³ Йорданов 2000, 87.

⁴⁴ Gabriel 2010, 203.

македоняне не имели возможности правильным образом развернуть боевые порядки и были вынуждены отбиваться от наседавшего противника, в основном представленного хорошо приспособленной для подобного боя легкой фракийской пехотой. В этих обстоятельствах Филипп и получил ранение, сообщения о котором не содержат значимых противоречий и достаточно точно описывают тяжелое повреждение⁴⁵. Версия, подразумевающая нападение трибалльского пехотинца, представляется самой убедительной: сильный удар, пробивший насквозь бедро македонского царя и убивший под ним коня, явно был хорошо выверен и нанесен человеком, державшим копье в обеих руках и стоявшим на твердой поверхности. Не обязательно им использовалась «сарисса» в наиболее распространенном понимании этого слова. Как показал А. Ногера Борель, данным термином в македонской военной среде IV в. до н.э. обозначали древковое оружие как таковое вне зависимости от его особенностей⁴⁶. Сообщение о ранившей Филиппа «сариссе» Дидим имел возможность позаимствовать у Феопомпа или Марсия⁴⁷, однако изначальное повествование явно восходило к рассказам македонских очевидцев, которые, соответственно, могли назвать «сариссой» любую разновидность копья⁴⁸.

Весть о ранении царя, сперва воспринятая как смертельное, усилила неразбериху и вынудила македонян оставить без внимания значительную часть обоза, чем, судя по сообщению Юстина, и воспользовались трибаллы, захватившие скифские трофеи. Они достигли желаемого и предпочли заняться добычей, а не продолжать рисковать жизнью в бою с македонянами. Это вполне соответствует духу других известных из письменной традиции эпизодов, в рамках которых фракийцы, занятые грабежом обозов, буквально забывали о противнике (см. Polyae. III. 9. 41, 46). Ближайшие соратники Филиппа использовали предоставленный шанс, сумев вывести войско из неудачного боя и эвакуировать раненного царя. Возможно, македонянам удалось спасти и некоторую часть обоза. Так, З. Арчибальд отметила, что находка золотых накладок от скифского горита среди инвентаря вергинской Гробницы 2, часто связываемой с Филиппом, может служить свидетельством сохранения доли добычи⁴⁹, но, конечно, нельзя исключить вероятность попадания данного артефакта в Македонию и иным образом⁵⁰.

Нежданная встреча Филиппа с трибаллами обернулась катастрофой и едва не привела его к гибели, причем это было единственное поражение, которое македонский реформатор потерпел в бою с «варварами»⁵¹. Людские потери македонской армии, видимо, были относительно небольшими⁵², однако весьма существенными являлись потери репутационные. Филипп, не сумевший ранее захватить Перинф и Византий, задумывал свой скифский поход для поднятия боевого духа армии⁵³, но новая неудача свела на нет весь положительный эффект от победы над Атеем.

⁴⁵ Riginos 1994, 116–117.

⁴⁶ Noguera Borel 1996, 845–850.

⁴⁷ Markle 1978, 489.

⁴⁸ Возможно, более точно терминологический нюанс произошедшего отобразил Плутарх, использовавший широкий термин λ

⁴⁹ Archibald 1998, 239.

⁵⁰ См. Неверов 1990, 163.

⁵¹ Ray 2012, 130.

⁵² Hammond 1994, 137.

⁵³ Ellis 1976, 185; Harris 1995, 126.

Добыча была утеряна, а достигнутые ранее успехи на фракийском направлении в некоторой степени обесценены⁵⁴. Кроме того, «чёрная полоса», апогеем которой стал трибалльский инцидент, не могла не сказаться на моральном состоянии македонской армии и явно снизила авторитет Филиппа в греческом мире⁵⁵. Трибаллы, напротив, выиграли больше, чем могло показаться на первый взгляд. Так как македоняне разбили скифов в Добрудже, но потерпели поражение в столкновении с трибаллами, последние, как и геты, стали главными выгодоприобретателями, сумев значительно усилить свое влияние в придунайском регионе⁵⁶. Филипп же, вернувшись в Македонию и оправившись от ранения, обратил взор на приоритетное греческое направление⁵⁷. Ему предстояло провести военную кампанию 338 г. до н.э., события которой в конечном счете определили судьбу Эллады. Вопреки иногда высказываемому мнению⁵⁸, обида, нанесенная трибаллами, при жизни Филиппа так и осталась неотмщенной. Задачу по подчинению этого племени сумел выполнить лишь Александр во время Балканского похода 335 г. до н.э.⁵⁹

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что столкновение Филиппа с трибаллами, обусловленное самим ходом военной экспансии монархии Аргеадов во Фракии и установками трибалльского племенного социума, было уникальным по своему характеру эпизодом, в рамках которого передовое по меркам эпохи македонское войско потерпело поражение в сражении с представителями мира балканских «варваров». Причинами случившегося стали как умелая опора трибаллов на свойственные для фракийских племен приемы ведения боевых действий, так и просчеты македонского командования. Оно не учло значительную уязвимость своих немногочисленных и отягощенных большим обозом сил и пренебрегло столь нужной в тех условиях разведкой. Произошедшее разительным образом отличается от военных событий последующего периода, связанного с деятельностью Александра, который, как справедливо отметил в рамках специального исследования Д. Энгельс, чрезвычайно эффективно использовал данные разведки при принятии решений и нередко лично руководил разведывательными мероприятиями, обеспечившими безопасность и благополучие его войск⁶⁰. Как следствие, завоеватель Азии, неоднократно сталкивавшийся с воинственными племенами горцев, ни разу не попадал в положение, сколь-нибудь схожее с событиями 339 г. до н.э. Конечно, отчасти это объясняется и личной энергией Александра, и его полководческим чутьем, однако было бы ошибкой полагать, что на действия великого сына Филиппа никак не повлияли горькие уроки трибалльского инцидента, явно показавшего как недооценка потенциального противника и игнорирование важных для функционирования войска процедур могут привести к катастрофе.

⁵⁴ Йорданов 2000, 88.

⁵⁵ Buckler 2003, 488.

⁵⁶ Андрух 1995, 80–83; Делев 2008, 11; Йорданов 2011, 204.

⁵⁷ Ellis 1976, 186; Griffith 1979, 584; Уортингтон 2014, 193–194.

⁵⁸ Ashley 1998, 115.

⁵⁹ Griffith 1979, P. 583; Errington 1990, 56; Делев 1998, 39.

⁶⁰ См. Engels 1980, 339–340.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Andruk, S.I. 1995: *Nizhnedunayskaya Skifiya v VI – nachale I v. do n.e.* [Lower Danube Scythia in the 6th – Early 1st c. BC]. Zaporozhye.
 Андрух, С.И. 1995: *Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э.* Запорожье.
- Anson, E.M. 2010: The Introduction of ‘Sarisa’ in Macedonian Warfare. *AS* 40, 51–68.
- Archibald, Z.H. 1998: *The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked.* Oxford.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC.* Jefferson.
- Blavatskaya, T.V. 1952: *Zapadnopontiyskie goroda v VII–I vekakh do n.e.* [Western Pontic Cities in the 7th–1st cc. BC]. Moscow.
 Блаватская, Т.В. 1952: *Западнопонтийские города в VII–I веках до н.э.* Москва.
- Blavatskiy, V.D. 1950: О стратегии и тактике скифов [About the Strategy and Tactics of the Scythians]. *Kratkie soobshheniya Instituta istorii material'noj kul'tury AN SSSR* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences] 34, 19–30.
 Блаватский, В.Д. 1950: О стратегии и тактике скифов. *КСИИМК* 34, 19–30.
- Bosworth, A.V. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander.* Vol. 1. *Commentary on Books I–III.* Oxford.
- Buckler, J. 2003: *Aegean Greece in the Fourth Century BC.* Leiden–Boston.
- Danov, Khr. 1947: *Zapadniyat bryag na Cherno more v drevnostta* [The Western Black Sea Littoral in Antiquity]. Sofia.
 Данов, Хр. 1947: *Западният бряг на Черно море в древността.* София.
- Danov, Khr., Fol, A. 1979: *Osnoavavane i organizatsiya na Odriskoto tsarstvo* [Founding and Organization of the Odrysian Kingdom]. In: *Istoriya na B'lgariya* [History of Bulgaria]. Vol. 1]. Sofia, 184–188.
 Данов, Хр., Фол, А. 1979: *Основане и организация на Одриското царство.* В кн.: *История на България.* Т. 1. София, 184–188.
- Delev, P. 1997: Filip II i zalez't na “Golyamoto” Odrisko tsarstvo v Trakiya [Philip and the decline of the “Big” Odrysian Kingdom in Thrace]. *Shumenskiy universitet “Episkop Konstantin Preslavsky”.* *Trudove na katedrite po istoriya i bogoslovie* [Shumen University “Bishop Konstantin Preslavski”. *Proceedings of the Departments of History and Theology*] 1. 7–40.
 Делев, П. 1997: Филип II и залезът на «Голямото» Одриско царство в Тракия. *Шуменски университет «Епископ Константин Преславски».* *Трудове на катедрите по история и богословие* 1. 7–40.
- Delev, P. 1998: Trakiya pod makedonska vlast [Thrace under Macedonian rule]. В кн.: *Jubilaeus I: Yubeleen sbornik v pamet na akad. Dimit'r Dechev* [Anniversary Collection in Memory of Acad. Dimitar Dechev]. Sofia, 39–45.
 Делев, П. 1998: Тракия под македонска власт. В кн.: *Jubilaeus I: Юбелеен сборник в памет на акад. Димитър Дечев.* София, 39–45.
- Delev, P. 2008: Filip II i Aleksad'r Veliki v Severna Trakiya [Philip II and Alexander the Great in Northern Thrace]. In: *Reginalen istoricheski muzey Ruse. Izvestiya.* Кн. XII. *Svet't na getite* [Regional History Museum of Ruse. *Notifications.* Book 12. *The World of the Getae*]. Ruse, 5–19.
 Делев, П. 2008: Филип II и Александър Велики в Северна Тракия. В кн.: *Регинален исторически музей Русе. Известия.* Кн. XII. *Светът на гетите.* Русе, 5–19.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism.* Princeton.
- Engels, D.W. 1980: Alexander's Intelligence System. *CQ* 30/2, 327–340.
- Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia.* Berkeley–Los Angeles.

- Ferrill, A. 1997: *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder.
- Fol, A. 1969: *Trakijsko voenno izkustvo [Thracian Art of War]*. Sofia.
Фол, А. 1969: *Тракийско военно изкуство*. София.
- Fol, A. 1972: *Politicheska istoriya na trakite (kraja na vtoroto khilyadoletie do kraja na peti vek predi novata era [Political History of the Thracians (End of the Second Millennium to End of the Fifth Century BC)]*. Sofia.
Фол, А. 1972: *Политическа история на траките (края на второто хилядолетие до края на пети век преди новата ера)*. София.
- Fol, A. 1975: *Trakiya i Balkanite prez ranneolinisticheskata epokha [Thrace and the Balkans in the Early Hellenistic Period]*. Sofia.
Фол, А. 1975: *Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха*. София.
- Foucart, P.F. 1906: *Étude sur Didymos d'après un papyrus de Berlin*. Paris.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabel, R.E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.
- Gardiner-Garden, J. 1989: Ateas and Theopompus. *JHS* 109, 29–40.
- Gerov, B. 1967: Prouchvaniya v'rkhu zapadnotrakiyskite zemi prez rimsko vreme. Ch. 2. [Studies of the Western Thracian Lands in Roman Times. Pt. 2]. *Godishnik na Sofijskiya universitet (Fak. po zapad. filol.) [Yearbook for Sofia University (Western Philological Department)]* 61, 3–96.
Геров, Б. 1967: Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Ч. 2. *Годишник на Софийския университет (Фак. по запад. филол.)* 61, 3–96.
- Glantz, G., Cohen, R. 1936: *Histoire grecque*. Т. III. Paris.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Hammond, N.G.L. 1974: Alexander's Campaign in Illyria. *JHS* 94, 66–87.
- Hammond, N.G.L. 1991: The Sources of Justin on Macedonia to the Death of Philip. *CQ* 41/2, 496–508.
- Hammond, N.G.L. 1994: *Philip of Macedon*. London.
- Harris, E.M. 1995: *Aeschines and Athenian Politics*. Oxford.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Kallistov, D.P. 1968: Rabstvo v Severnom Prichernomor'e V – III vv. do n.e. [Slavery in the Northern Black Sea Region of the 5th – 3rd cc. BC]. В кн.: D.P. Kallistov (ed.), *Rabstvo na periferii antichnogo mira [Slavery on the Periphery of the Classical World]*. Leningrad, 193–221.
Каллистов, Д.П. 1968: Рабство в Северном Причерноморье V – III вв. до н.э. В кн.: Д.П. Каллистов (ред.), *Рабство на периферии античного мира*. Ленинград, 193–221.
- Karyshkovskiy, P.O., Kleyman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira: Istoriko-arkheologicheskiy ocherk [The Ancient City of Tyras: A Historical and Archaeological Essay]*. Kiev.
Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира: Историко-археологический очерк*. Киев.
- Markle, M.M. 1978: Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander. *AJA* 82/4, 483–497.
- Nefedkin, A.K. 2002: Bоевой porядok triballov, ili K voprosu o frakiyskoy taktike [The Order of Battle of the Triballi, or towards the question of Thracian Tactics]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mvŭma: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashhennyyu pamyati professora Vladimira Danilovicha Zhigunina [Mvŭma: Collection of Papers Dedicated to the Memory of Professor Vladimir Danilovich Zhigunin]*. Kazan, 500–511.
Нефёдкин, А.К. 2002: Боевой порядок трибаллов, или К вопросу о фракийской тактике. В сб.: О.Л. Габелко (ред.), *Мвŭма: Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина*. Казань, 500–511.
- Nefedkin, A.K. 2019: *Konnitsa ehpokhi ehllinizma [Hellenistic Cavalry]*. Saint Petersburg.
Нефёдкин, А.К. 2019: *Конница эпохи эллинизма*. Санкт-Петербург.

- Neverov, O.Ya. 1990: Nakhodki v Bol'shom kurgane v Vergine i problemy torevтики ehpokhi rannego ehllinizma [Finds in the Great Barrow in Vergina and the Problems of the Toreutics of the Early Hellenistic Era]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 161–166.
- Неверов, О.Я. 1990: Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма. *ВДИ* 1, 161–166.
- Nicorescu, P. 1925: La campagne de Philippe en 339. In.: V. Pârvan (ed.), *Dacia* II. Bucarest, 22–28.
- Noguera Borel, A. 1996: L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse. *Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium*. Vol. 2. Thessaloniki, 839–850.
- Papazoglou, F. 1969: *Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba (Tribali, Autarijati, Dardanci, Skordisci i Mezi)*. Sarajevo.
- Petkov, P. 2018: Kampaniyata na Aleksandr III sreshhu tribalite v Skitiya prez 335 g. pr. Khr. [The Campaign of Alexander III against the Triballoi in Scythia during 335 BC]. *Thracia* XXIII, 117–139.
- Петков, П. 2018: Кампанията на Александр III срещу трибалите в Скития през 335 г. пр. Хр. *Thracia* XXIII, 117–139.
- Popov, D. 2009: *Drevna Trakiya. Istoriya i kultura* [Ancient Thrace. History and Culture]. Sofia.
- Попов, Д. 2009: *Древна Тракия. История и култура*. София.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century B.C.* Jefferson.
- Riginos, A.S. 1994: The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication. *JHS* 114, 103–119.
- Sears, M.A. 2013: *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*. Cambridge.
- Shelov, D.B. 1971: Skifo-makedonskiy konflikt v istorii antichnogo mira [The Scythian-Macedonian Conflict in the History of the Classical World]. In: *Problemy skifskoy arkheologii* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 177). Moscow, 54–63.
- Шелов, Д.Б. 1971: Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. В сб.: *Проблемы скифской археологии* (МИА 177). М., 54–63.
- Vasić, R. 1972: Notes on the Autariatae and Triballi. *Balkanica* 3, 117–133.
- Vela Tejada, J., Martín García, F. 1991: *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid.
- Webber, C. 2001: *The Thracians 700 BC – AD 46*. Oxford.
- Webber, C. 2011: *The Gods of Battle: The Thracians at War, 1500 BC – AD 150*. Barnsley.
- Worthington, I. 2014: *Filipp Makedonsky* [Philip of Macedonia]. Saint Petersburg–Moscow.
- Уортингтон, Й. 2014: *Филипп Македонский*. СПб.–М.
- Wrightson, G. 2019: *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and His Successors*. London–New York.
- Yordanov, K. 2000: *Politicheskite otnosheniia mezhdu Makedoniia i trakiiskite drzhavi (359–281 pr. Khr.)* [Political Relations between Macedonia and Thracian States, 359–281 BC]. Sofia.
- Йорданов К., 2000: *Политическите отношения между Македония и тракийските държави (359–281 пр. Хр.)*. София.
- Yordanov, K. 2011: Dobrudzha prez I-oto khil. pr. Khr. Geti [Dobrudzha in the 1st millennium BC. the Getae]. In: B. Spasov (ed.), *Istoriya na Dobrudzha* [History of Dobrudzha]. Vol. 1. Veliko Tarnovo, 131–234.
- Йорданов, К. 2011: Добруджа през I-ото хил. пр. Хр. Гети. В кн.: Б. Спасов (ред.), *История на Добруджа*. Т. 1. Велико Търново, 131–234.
- Zlatkovskaya, T.D. 1971: *Vozniknovenie gosudarstva u frakijtsev. VII–V vv do n.e.* [The Emergence of the State among the Thracians of the 7th–5th cc. BC]. Moscow.
- Златковская Т.Д. 1971: *Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н.э.* М.

PHILIP II'S CONFLICT WITH THE TRIBALLI IN 339 BC

Aleksandr A. Kleymenov

*Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia**E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru*

The article analyzes the causes, course and consequences of the military clash between the army of Philip II and the Triballi in 339 BC. It is determined that the prerequisite for the conflict was the Triballi's claims to part of the spoils captured by Philip after the defeat of the Scythian king Ateas. Having a relatively small army, moreover, burdened with trophy cattle and prisoners, the Macedonian king fell into an ambush prepared by the Thracians. After the Triballi's demand to cede them part of the spoils was rejected, the extended column of the Macedonian army was suddenly attacked. The Macedonians did not have the opportunity to resort to their usual tactics. In the chaotic battle that unfolded, Philip received a serious wound, repeatedly mentioned in the ancient written tradition, and the Triballi were able to appropriate the Scythian spoils. What happened was possible due to the Thracians' good command of the "small war" techniques and the miscalculations of the Macedonian command, which did not take into account the vulnerability of its forces and neglected intelligence, which was especially necessary in those conditions. As a result, the authority of the Argead monarchy was undermined, and the Triballi temporarily strengthened their positions in the region.

Keywords: Philip II, Macedonia, Triballi, Thrace, Justin, Ateas

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 89–102
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 89–102
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-89–102

ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: САТРАПИИ И ЗАВИСИМЫЕ ТЕРРИТОРИИ (ЧАСТЬ III)

М.М. Холод

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,*

E-mail: mmkholod@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6834-2010

Настоящий очерк является третьей частью в серии публикаций автора, посвященных региональному управлению в державе Александра на уровне сатрапий, а также его отношениям с зависимыми территориями на Востоке. В нем на этот раз речь пойдет еще об одной группе сатрапий Александра в Азии – от Сузианы до Тапурии.

Ключевые слова: Александр Великий, империя, держава Ахеменидов, сатрапия, сатрап, администрация, Передняя Азия

Настоящим очерком мы продолжаем серию публикаций в *ПИФК*, посвященных региональному управлению в державе Александра на уровне сатрапий, а также его отношениям с зависимыми территориями на Востоке. В предыдущих частях, изданных в *ПИФК* 2 (2022) и 1 (2024), был рассмотрен материал, связанный с рядом сатрапий Александра в Малой Азии, Азии (от Сирии до Месопотамии) и Египтом¹; теперь речь пойдет о следующей их группе – от Сузианы до Тапурии.

13. СУЗИАНА

После того как Абулит, сатрап Сузианы при Дарии III, лично сдал главный город провинции, Сузы, прибывшему туда Александру (конец 331 г. до н.э.)² (Curt.

Данные об авторе. Максим Михайлович Холод – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00374-П, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ Холод 2022; 2024.

² Все даты дальше – до н.э.

V. 2. 9; ср.: Diod. XVII. 65. 5)³, он был оставлен македонским царем на своем прежнем посту (Arr. Anab. III. 16. 9; Curt. V. 2. 17)⁴. Более того, вскоре территория его сатрапии была расширена за счет присоединения к ней области горных уксиев, покоренных Александром (Curt. V. 3. 16)⁵.

Насколько можно судить, полномочия Абулита при новом монархе распространялись в Сузиане главным образом на гражданскую и хозяйственную сферы: во всяком случае, именно ему позднее было приказано Александром обеспечить македонскую армию припасами во время ее перехода через пустынную часть Гедросии (Plut. Alex. 68. 7). К тому же Абулит, возможно, имел какое-то отношение и к решению финансовых дел в своей сатрапии, если верно то, что он, пытаясь заглазить собственную бездеятельность по снабжению армии Александра, предоставил последнему, когда тот вернулся в Сузы в 324 г., 3 тыс. талантов (Plut. Alex. 68. 7), которые едва ли являлись его «личными сбережениями». Был ли в таком случае Абулит как-то ограничен в своей финансовой деятельности присутствием в Сузах Калликрата, которого Александр назначил ответственным за помещавшуюся в цитадели города казну (Curt. V. 2. 16), – неясно (впрочем, вполне возможно, что отношения к финансам сатрапии Калликрат вообще не имел, занимаясь исключительно вопросом сохранности вверенных ему денег и в таком случае, скорее всего, находясь в подчинении у командира гарнизона)⁶.

Что же касается военной власти в Сузиане, то она была сразу передана Александром в руки его полководцев: командовать здесь оккупационными войсками, насчитывавшими 3 тыс. воинов, был поставлен Архелай, сын Феодора⁷, а гарнизоном в цитадели Суз, состоявшим из 1 тыс. македонских ветеранов, – либо, согласно Арриану, Мазар, один из гетайров Александра (Anab. III. 16. 9), либо, по Курцию, Ксенофил (V. 2. 16)⁸.

³ Согласно Арриану, когда Александр приближался к Сузам, он получил сообщение от своего военачальника Филоксена, отправленного им туда сразу после сражения при Гавгамелах, что персидская сторона готова сдать город (Anab. III. 16. 6). Об этом же, как пишет Курций, поставил Александра в известность и сын Абулита (по-видимому, Оксафр; см. ниже), посланный им вперед к македонскому монарху (V. 2. 8). По поводу возможной идентичности Филоксена и Ксенофила, командира македонского гарнизона в цитадели Суз, см. ниже.

⁴ Об Абулите: Berve 1926/II, 5 (№ 5); Heckel 2006, 2–3.

⁵ Надо, однако, полагать, что македонская власть над этой областью оставалась по большому счету номинальной, ибо очень скоро после смерти Александра горные уксины выступали уже как полностью независимое племя (Diod. XIX. 17. 3).

⁶ О Калликрате: Berve 1926/II, 189 (№ 401); Atkinson 1994, 67; Heckel 2006, 75.

⁷ Вероятнее всего, именно этот Архелай, а с ним его жена и дочь были запечатлены Апелесом на одной из его картин (если так, то, скорее всего, уже после назначения Архелая в Сузы) (Plin. NH. XXXV. 96), что говорит о нем как о весьма значительной фигуре. Об Архелае: Berve 1926/II, 85 (№ 158); Heckel 2006, 42 [2].

⁸ Ксенофил все еще занимал этот пост в 317/6 г. (Diod. XIX. 17. 3; 18. 1; 48. 6). В историографии предпринимались попытки примирить противоречивую информацию Арриана и Курция о командире македонского гарнизона в Сузах. По мнению ряда ученых, Курций неверно указал время назначения Ксенофила, которое произошло на самом деле несколько позже, когда он сменил в Сузах Мазара. См., к примеру: Lehmann-Haupt 1921, 143; Berve 1926/II, 246 (№ 486), 282 (№ 578); Jacobs 1994, 67. Однако, на наш взгляд, более убедительной представляется та точка зрения, согласно которой противоречие здесь возникло из-за другой ошибки Арриана (либо его источника). Действительно, подозрение вызывает имя Мазара, выглядящее иранским (ср.: Hdt. I. 156, 157, 160–161), которое совсем не подходит как для гетайра Александра (по крайней мере, на тот момент), так и для главы македонского гарнизона, тем более в столь важном месте, каким являлась цитадель Суз. Принимая

Абулит оставался сатрапом Сузианы до весны 324 г. Обвиненный Александром в том, что он не прислал, как ему было приказано, припасов для армии (см. выше), Абулит (вместе с сыном Оксафром, управлявшим Паретакеной)⁹ был казнен (Arr. Anab. VII. 4. 1; ср.: Plut. Alex. 68. 7). На его место македонский царь назначил некоего Оропия, по всей вероятности, представителя восточной знати, может быть, перса (в таком случае его имя дошло до нас в искаженном виде) (Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6)¹⁰. Однако вскоре, где-то в конце 324 – начале 323 г., Оропий был отстранен от власти из-за подозрения в подготовке мятежа и бежал (Ibid.), а вместо него сатрапом Сузианы стал некий Кен (Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6; Just. XIII. 4. 14), судя по всему, македонянин¹¹.

это во внимание, очень похоже, что Арриан (или его источник) просто спутал Ксенофила и Мазара, который, вероятно, был командиром персидского гарнизона в Сузах, сдавшегося македонянам. См.: Bosworth 1976, 121–123; 1980, 319; Atkinson 1994, 67; Heckel 2006, 157, 272; ср.: Tataki 1998, 31, п. 50. Кроме того, не исключено, что подтверждение этому имеется и у самого Арриана. Если допустить, что у него, когда он сообщает о Филоксене, посланном Александром заранее в Сузы (см. выше), оказались по какой-то причине поменяны местами две части имени этого македонянина, то получается, что Филоксен и Ксенофил – одно и то же лицо (Heckel 2006, 272).

⁹ Хотя Арриан пишет, что Александр поставил Оксафра осуществлять власть сатрапа (σατρατεύειν) над Паретакеной (Anab. III. 19. 2), думается, он выразился здесь не совсем точно, а потому эту область все-таки не стоит считать еще одной сатрапией. Так уже: Julien 1914, 29–30. Очевидная связь Абулита с Оксафром (Arr. Anab. VII. 4. 1; Plut. Alex. 68. 7) говорит скорее о том, что Паретакена была частью сатрапии Сузиана, имевшей просто своего отдельного управляющего. Более того, показательно, что тот же Арриан пишет, что Александр казнил Абулита и Оксафра вместе за плохое управление именно Сузианой (Anab. VII. 4. 1). Ср.: Berve 1926/II, 291–292 (№ 586); Jacobs 1994, 68; Heckel 2006, 188.

¹⁰ Исходя из того, что в «Эпитоме из Меца» в качестве предшественника Кена на посту главы Сузианы (о Кене см. ниже) упоминается Аргей (121), Г. Берве предложил видеть в слове Ὀρόλιος, сохранившемся в рукописной традиции фрагмента сочинения Дексиппа, не личное имя, а этникон и тем самым идентифицировать нового сатрапа Сузианы как Аргея из Оропа, некое лицо греческого происхождения. См.: Berve 1926/II, 57 (№ 107); поддержано: Jacobs 1994, 68; Tataki 1998, 108. Эту идею Г. Берве, однако, нельзя признать убедительной. В самом деле, когда Дексипп особо отмечает, что Оропий осуществлял в Сузиане «не власть предков» (οὐ πατέρων ἔχων ἀρχήν), т.е. не правил как представитель местной династии, а был назначен Александром, речь у него может идти только о восточном вельможе (Beloch 1927 IV.2, 311; Heckel 2006, 186; Wheatley, Heckel 2011, 97–98).

¹¹ Тот ли это Кен, от которого, как пишет Курций, Александр получил в 324 г. письмо с сообщением о происходившем в Европе и Азии, пока он был в Индии (X. 1. 43), сказать трудно. Г. Берве, возможно, прав, предположив, что Курций в данном случае не совсем верно понял свой источник, в котором на самом деле говорилось о предоставлении Александру этим Кеном, когда он, по-видимому, прибыл к своему монарху с пополнениями из Македонии, отчета о ситуации в Европе. См.: Berve 1926/II, 218 (№ 440); сходно: Tataki 1998, 345; Heckel 2006, 93 [2]; Atkinson 2009, 103; Wheatley, Heckel 2011, 97; однако: Tarn 1948, 96, 315. С другой стороны, по нашему мнению, нельзя исключить и того, что на пост сатрапа Сузианы был назначен иной Кен, ранее просто не упоминавшийся в наших источниках: о том, что такое вполне могло быть, показывает, к примеру, случай Аркесилая, сатрапа Месопотамии (см. предыдущую часть). Как бы то ни было, невозможно согласиться с У. Тарном, который вообще отказывает этому Кену в историчности. Тарн, сочтя во фразе Юстина *Susiana gens Coeno* (XIII. 4. 14) слово *gens* лишним (в остальных случаях в первой части рассказа Юстина о распределении сатрапий в Вавилоне у него фигурируют только их географические названия), предлагает ее исправить на *Susa (Susiana) Antigeni Coeni (sc. filio)*. См.: Tarn 1948, 313–315. Против такого суждения Тарна возразим следующее: во-первых, помимо того что и другой наш источник, упоминающий в данной связи Сузиану, Дексипп, называет здесь именно ее народ, Юстин во второй части своего рассказа о распределении сатрапий в Вавилоне (XIII. 4. 19–23) сам указывает не только регионы, но и народы; во-вторых, нет никаких оснований полагать, что Антиген, командующий аргираспидов (Berve 1926/II, 41 (№ 83); Heckel 2006, 30–31 [1a]), получил в управление Сузиану раньше решений македонских полководцев в Трипарадесе (320 г.), да и быть

14. ПЕРСИДА

По прибытии в Персиду (начало 330 г.) Александр назначил ее сатрапом Фрасорта, персидского вельможу (Arr. Anab. III. 18. 11)¹². При этом в цитадель Персеполя, ранее главного города провинции¹³, он ввел гарнизон, насчитывавший, по словам Курция, 3 тыс. македонян, который поставил под командование Никархида (V. 6. 11)¹⁴. Такое количество воинов только для гарнизона Персеполя кажется, однако, слишком большим. Поэтому не исключено, что Курций привел в данном случае общую численность македонских войск, оставленных в Персиде, включая и гарнизон в Персеполе¹⁵. Как бы то ни было, очевидно, что все эти воины Александра, размещенные в сатрапии, должны были теперь осуществлять контроль над ней в целом.

Фрасорт занимал полученный им пост вплоть до своей смерти от болезни, случившейся во время индийской кампании Александра. Место Фрасорта занял тогда самочинно, не получив одобрения со стороны македонского царя, другой знатный перс – Орксин, возводивший свое происхождение к одному из семи персов, а также Киру Старшему (Arr. Anab. VI. 29. 2; Curt. IV. 12. 8; X. 1. 22)¹⁶. После возвращения Александра в Персиду Орксин, несмотря на все свои попытки добиться расположения македонского царя, был казнен в Пасаргадах (начало 324 г.): он был обвинен в ряде преступлений при управлении им Персидой: в грабеже храмов и царских гробниц, а также в несправедливом убийстве многих персов (Arr. Anab. VI. 30. 1–2; Curt. X. 1. 25–38)¹⁷. Новым ее сатрапом стал Певкест, сын

сыном Кена, сына Полемократа, известного военачальника Александра (умершего в 327 г.), он явно не мог по возрасту. Ср.: Heckel 2006, 93 [2]; Wheatley, Heckel 2011, 96–97.

¹² Berve 1926/II, 400 (№ 813); Heckel 2006, 223.

¹³ Из-за учиненного македонянами погрома Персеполя резиденция сатрапа Персиды при Александре, скорее всего, была перенесена в другое место, может быть, в Пасаргады (Arr. Anab. VI. 29. 1, 3; Curt. X. 1. 22; ср.: Arr. Anab. VI. 30. 1). Сходно: Jacobs 1994, 69; однако: Seibert 1985, 211.

¹⁴ О Никархиде: Berve 1926/II, 278 (№ 563); Heckel 2006, 178 [1].

¹⁵ Berve 1926/I, 263; 1926/II, 278 (№ 563). Предположение, что эти войска были оставлены здесь лишь временно (Atkinson 1994, 118), ничем не подтверждается. Напротив, размещение Александром приблизительно равных им по численности воинских контингентов в Вавилонии (см. предыдущую часть) и Сузиане (см. выше) на постоянной основе говорит в пользу того, что и войска в Персиде были в этом отношении такими же.

¹⁶ У Курция он – Орсин. Кроме того, Курций называет его сатрапом Персиды, опуская таким образом тот факт (известный нам из Арриана), что Орксин занял данный пост самостоятельно, без утверждения Александром. Об Орксине: Berve 1926/II, 294 (№ 592); Heckel 2006, 186.

¹⁷ То, что Орксин еще до Александра играл видную роль в администрации Персиды, а потому и посчитал себя естественным преемником Фрасорта после его смерти (Jacobs 1994, 69), возможно, но необязательно: очевидно, что достаточным основанием для его притязаний на пост сатрапа могли служить уже его особая знатность и богатство. Также возможно, но опять-таки необязательно и то, что Орксин занял пост сатрапа без какого-либо сопротивления в самой Персиде (Jacobs 1994, 69): не исключено, что предпринятые им меры по подавлению как раз такого сопротивления и нашли отражение (во всяком случае, отчасти) в одном из выдвинутых против него обвинений – о казни им неких персов. Так или иначе, кажется ясным, что все эти обвинения – преувеличены. Думается, что главная причина, по которой Александр решил избавиться от Орксина, заключалась в том, что македонский царь попросту видел в этом вельможе угрозу из-за его происхождения и влияния в Персиде. В добавок к этому Александр явно не мог не учитывать и факт узурпации Орксином поста сатрапа, пусть данный поступок и не был воспринят им как откровенно враждебный шаг (иначе македонский царь, конечно, казнил бы Орксина сразу же по прибытии в Персиду, а не, если верить Курцию, спустя некоторое время). Поэтому, как кажется, стоит полагать, что македонский монарх, чтобы ликви-

Александра (Arr. Anab. VI. 30. 2–3; VII. 6. 3) из Миезы, который и занимал данный пост уже вплоть до конца правления македонского царя¹⁸. Единственная информация, которая имеется о деятельности Павкеста в качестве сатрапа Персиды при Александре, – это прибытие его в Вавилон с пополнениями из его провинции незадолго до смерти македонского монарха (323 г.) (Diod. XVII. 110. 2; Arr. Anab. VII. 23. 1, 3).

15. КАРМАНИЯ

Несмотря на то что Кармания перешла под власть Александра, став частью его державы, где-то после сражения при Гавгамелах (по всей видимости, в начале 330 г.), изменений, касающихся ее организации на первых порах, как кажется, не произошло, ибо эта сатрапия тогда осталась в стороне от пути, которым дальше последовала армия Александра. Первым сатрапом Кармании при Александре был знатный перс Астасп, который, скорее всего, занимал этот же пост и при Дарии III¹⁹. Астасп возглавлял провинцию до конца 325 г. Вскоре после того, как Александр прибыл в Карманию, он приказал арестовать Астаспа, а затем казнить по обвинению в подготовке им некоего заговора (Curt. IX. 10. 21, 29)²⁰.

Новым сатрапом Кармании был назначен македонянин Сибиртий, однако совсем скоро Александр вверил ему управление соседней Гедросией (и Арахосией) (конец 325 – начало 324 г.)²¹. Главой же Кармании на этот раз он сделал Тлеполема, сына Пифофана, переведенного им из сатрапии Парфия и Гиркания (Arr. Anab. VI. 27. 1; ср.: Arr. Ind. 36. 8) (см. ниже). Тлеполем оставался на данном посту уже вплоть до смерти македонского царя (Diod. XVIII. 3. 3; ср.: Just. XIII. 4. 23)²².

Известен еще один сановник из администрации Кармании, более низкого ранга. Это – некий человек, управлявший районом Гармозия, где на стоянку встал флот Неарха (конец 325 г.). Арриан называет его «гипархом области» (ὑπάρχους τῆς χώρας) (Ind. 33. 8; 34. 1–5; 36. 1–2). К сожалению, сведений о полномочиях этого должностного лица у нас нет. Подобные сведения отсутствуют также и относительно перса Мазена, который был, по выражению Арриана, «гипархом острова» (ὑπάρχους τῆς νήσου) Оаракта у берегов Кармании, куда пристал флот Неарха немногим позднее, и который вызвался его сопровождать в дальнейшем плавание

дировать Орксина, нашел весьма удобным воспользоваться всеми теми обвинениями в адрес этого вельможи, о которых его известили (не разбираясь в том, насколько они правдивы, а возможно, даже и поощряя их появление). Ср.: Badian 2000, 92–93. Также см.: Badian 1958, 147–150 (где, в отличие от его более поздней статьи, роль евнуха Багоя в деле Орксина, кажется, излишне преувеличена).

¹⁸ Diod. XVIII. 3. 3; к этому также см.: Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6; Just. XIII. 4. 23. О Певкесте: Berve 1926/II, 318–319 (№ 634); Heckel 2006, 203–205 [2].

¹⁹ Berve 1926/II, 89 (№ 173); Heckel 2006, 59.

²⁰ Вряд ли Астасп был виновен, подобно Абулиту (см. выше), в том, что не прислал провианта для македонской армии во время ее недавнего перехода через пустынную часть Гедросии: по крайней мере, показательно, что, согласно Курцию, Александр не расправился с ним тотчас по прибытии в Карманию (чего стоило бы ожидать в противном случае), но сделал это только по прошествии некоторого времени. Как представляется, казнь Астаспа была обусловлена сомнениями Александра в лояльности этого влиятельного персидского вельможи, а также ставшими теперь известными его злоупотреблениями при управлении Карманией. Ср.: Badian 2000, 90–91.

²¹ См. следующую часть.

²² При этом см.: Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6, где назван Неоптолем вместо Тлеполема, что, впрочем, стоит считать всего лишь искажением имени последнего (см. предыдущую часть).

(Ind. 37. 2; ср.: Nearch. FGrHist. 133 F 28)²³. То, что Мазен являлся тогда уже представителем македонской²⁴, а не прежней персидской региональной власти, до сих пор сохранявшим независимость²⁵, – в этом, думается, едва ли стоит сомневаться. Действительно, трудно представить, чтобы начиная с 330 г. македонская администрация Кармании так и не нашла возможности поставить этот лежащий неподалеку от побережья плодородный остров под свой контроль (хотя бы формально). Кроме того, показательным в данной связи выглядит и поведение Мазена, продемонстрированное им при встрече с Нearchом²⁶. Подчинился ли Мазен непосредственно сатрапу Кармании или какому-то сановнику из ее администрации рангом ниже (например, вышеупомянутому главе района Гармозия), неясно.

Что же касается оккупационных войск, в том числе гарнизонов, размещенных Александром в Кармании, то о них мы ничего не знаем. Но весьма вероятно, что какое-то их количество было им здесь оставлено, во всяком случае, после неких беспорядков в регионе, случившихся вслед за гибелью Астаспа (Arr. Ind. 36. 8). Неизвестно также, какой город являлся столицей этой сатрапии (может быть, Кармана)²⁷.

16. МИДИЯ

Сатрапом Мидии македонский царь вначале назначил персидского вельможу Оксидата (лето 330 г.). По всей вероятности, ему удалось внушить доверие Александру тем, что он по приказу Дария III находился в тюрьме в Сузах, ожидая казни (Arr. Anab. III. 20. 3; Curt. VI. 2. 11)²⁸.

Когда Александр покидал Мидию, он оставил в ней крупный воинский корпус (Arr. Anab. III. 19. 7). Правда, уже в скором времени количество войск в данной сатрапии было сокращено, по крайней мере, дважды (Arr. Anab. III. 19. 8; 25. 4; Curt. VII. 3. 4)²⁹. Несмотря на это, в Мидии продолжали и далее находиться довольно значительные воинские силы Александра, которые ко второй половине 325 г. насчитывали более 6 тыс. человек (Curt. X. 1. 1; ср.: Arr. Anab. VI. 27. 3), а затем, вслед за уходом большей их части в Карманию к Александру, надо полагать, не меньше 2 тыс.³⁰ Насколько можно судить, они состояли преимущественно

²³ Berve 1926/II, 246 (№ 487); Heckel 2006, 157.

²⁴ Так, к примеру: Jacobs 1994, 70.

²⁵ См., в частности: Heckel 2006, 157.

²⁶ При этом тот факт, что у Мазена нашел убежище Мифропаст, сын Арсита, прежнего персидского сатрапа Геллеспонтской Фригии (Nearch. FGrHist. 133 F 27–28), ничего не значит. Мазен вполне мог и не ставить об этом в известность македонскую администрацию Кармании. И только когда на острове появился Нearch, он представил ему Мифропаста, обеспечив тем самым его переход на македонскую службу. О Мифропасте см.: Berve 1926/II, 263–264 (№ 528); Heckel 2006, 169.

²⁷ Seibert 1985, 211.

²⁸ Об Оксидате: Berve 1926/II, 293 (№ 588); Heckel 2006, 188.

²⁹ К тому же не исключено, что некий отряд фракийцев из их числа был отправлен в 329 г. в качестве помощи и Фратаферну, сатрапу Парфии и Гиркании (см. ниже).

³⁰ Конечно, нельзя исключать того, что прибывшие в конце 325 г. к Александру в Карманию войска из Мидии (по Курцию, 5 тыс. пехотинцев и 1 тыс. всадников – X. 1. 1) состояли из размещенных там ранее оккупационных контингентов не полностью: тогда как присутствие при этих войсках Геракона (см. ниже), может быть, указывает на то, что он возглавлял некий отряд из Сузианы, присоединившийся к ним по пути, допустимо также, что в них вошли и какие-то новые формирования

из фракийцев и греческих наемников³¹. Помимо выполнения задачи по контролю за провинцией (а также в случае необходимости и за близлежащими регионами), эти войска должны были охранять в Экбатанах, ее столице, сокровища, отданные в управление оставленного здесь Гарпала (Arr. Anab. III. 19. 7)³². После убийства Пармениона (осень 330 г.), который до того осуществлял общее руководство войсками в Мидии (Arr. Anab. III. 19. 7; 26. 3; Curt. VII. 2. 15–16, 19–32; ср.: Diod. XVII. 80. 3; Just. XII. 1. 3)³³, Александр больше не назначил никого на подобный пост, но (вероятно, из соображений безопасности) разделил военное командование: каждый из находившихся там контингентов был теперь подчинен своим военачальникам непосредственно, а именно Клеандру, Ситалку, Агафону, Мениду и Геракону (Arr. Anab. III. 26. 3; VI. 27. 3–5; Curt. X. 1. 1–8)³⁴.

греческих наемников. Однако даже если так, очевидно, что контингенты из Мидии все равно представляли собой в пришедших в Карманию войсках большинство (о чем говорит уже факт прибытия с ними всех основных военачальников, оставленных там ранее). Вместе с тем логично заключить, что и после этого в Мидии должно было остаться еще некоторое количество македонских войск, включая воинов гарнизонов, достаточное, чтобы ее надежно контролировать, а также охранять находившиеся в Экбатанах сокровища (см. ниже). Принимая все это во внимание, можно предположить, что войска Александра в Мидии ко второй половине 325 г. насчитывали ок. 6–8 тыс., а затем ок. 2–3 тыс. человек. Ср.: Beloch 1923 III.2, 339; Berve 1926/I, 264.

³¹ Помимо сообщения Арриана о составе войск Пармениона в Мидии (Anab. III. 19. 7), так составляют считать и наши данные о том, какими именно воинскими формированиями до того командовали другие оставленные в ней военачальники Александра – Клеандр (Berve 1926/II, 204 (№ 422); Heckel 2006, 85–86), Ситалк (Berve 1926/II, 357 (№ 712); Heckel 2006, 251–252), Агафон (Berve 1926/II, 6–7 (№ 8); Heckel 2006, 7 [1]), Менид (Berve 1926/II, 257–258 (№ 508); Heckel 2006, 165) и Геракон (Berve 1926/II, 168–169 (№ 354); Heckel 2006, 138). К этому также см.: Bosworth 1980, 337–338.

³² Поскольку те 6 тыс. пехотинцев-македонян, которых Александр первоначально оставил для охраны денег в Экбатанах (Arr. Anab. III. 19. 7), вскоре, в начале 329 г., присоединились (наряду с некоторыми другими воинскими формированиями из Мидии) к его армии в Арахосии (Arr. Anab. III. 19. 8; Curt. VII. 3. 4), подобная обязанность после этого, естественно, должна была лечь на плечи оставшихся в данной сатрапии оккупационных войск македонского царя. О более позднем переезде Гарпала в Вавилон см. в предыдущей части.

³³ На наш взгляд, нет нужды полагать, что пост, который занимал Парменион в Мидии, был больше, чем военным (так: Jacobs 1994, 71). Указания Диодора и Юстина (Diod. XVII. 80. 3; Just. XII. 1. 3), создающие впечатление, что его функции в данной сатрапии сводились чуть ли не только к распорядку деньгами, хранившимся в Экбатанах, явно некорректны (подобными делами должен был заниматься, конечно, Гарпал) и, судя по всему, имеют своим источником приказ, отданный первоначально Пармениону Александром, сопроводить туда сокровища, вывезенные из Персиды (Arr. Anab. III. 19. 7). Это, разумеется, не исключает того, что Парменион при необходимости мог брать деньги из сокровищницы в Экбатанах и вообще вмешиваться в управление Мидией (совершенно очевидно, что ни Гарпал, ни тем более Оксидат не были в состоянии ему в этом помешать). Однако если такое и происходило, то основывалось отнюдь не на каких-то его особых формальных полномочиях в Мидии (больших, чем у всякого другого должностного лица, до сих пор назначавшегося Александром в сатрапии своей державы), а на его фактическом положении наиболее авторитетного полководца македонского царя, которому на данный момент (возможно даже, на временном основании) было поручено осуществлять командование всеми оставленными здесь войсками.

³⁴ Менид, однако, уже зимой 329/8 г. присоединился к Александру в Бактрах (Curt. VII. 10. 11; ср.: Arr. Anab. IV. 7. 2, где под упомянутым Меламнидом нужно подразумевать именно его; на данный счет см. особенно: Hamilton 1955, 217; поддержано: Bosworth 1995, 40; Heckel 2006, 165). Вместе с тем непонятно, привел ли с собой Менид в числе других пополнений, прибывших в тот момент во главе с Эпокиллом и Птолемеом в Бактры, и какой-то воинский контингент из Экбатан. Но даже если и так, он был явно незначительным: во всяком случае, отряд греческих всадников-наемников, которым он командовал ранее (Arr. Anab. III. 12. 3), уже в конце 330 г. присоединился к войску Александра в Арии, будучи (вместе с некоторыми другими контингентами) приведенным туда из Мидии Филиппом, сыном Менелая (Arr. Anab. III. 25. 4). Ср.: Berve 1926/II, 257–258 (№ 508); Heckel 2006,

Оксидат занимал вверенный ему пост сравнительно недолго: зимой 328/7 г. из-за сомнений в его лояльности македонский царь заменил его другим знатным персом – Атропатом, сатрапом Мидии при Дарии (Arr. Anab. IV. 18. 3; ср.: Curt. VIII. 3. 17)³⁵. На чем основывались сомнения Александра относительно Оксидата, остается только догадываться. Очень может быть, что он посчитал, что Оксидат если открыто и не поддержал Бесса, попытавшегося организовать восстание против македонской власти в ряде центральных сатрапий его державы (начало 329 г.), то, во всяком случае, симпатизировал мятежникам (которые, насколько можно судить, еще продолжали борьбу и в 328 г.)³⁶. Что случилось с Оксидатом после того, как он был снят со своего поста, неизвестно (скорее всего, он был казнен).

Атропат управлял вверенной ему сатрапией вплоть до смерти Александра (Diod. XVIII. 3. 3; ср.: Just. XIII. 4. 13)³⁷, что свидетельствует об отличном выполнении им своих обязанностей³⁸. При этом стоит полагать, что он обладал в ней полномочиями не только в гражданских и хозяйственных вопросах, но и в военной сфере: по крайней мере, именно ему приписывалось подавление в Мидии восстания во главе с Бариаком, который объявил себя царем персов и мидян и которого (вместе с его приверженцами) Атропат позднее, в начале 324 г., привел к Александру в окопах в Персиду, где его казнили (Arr. Anab. VI. 29. 3)³⁹. Впрочем, преувеличивать военную роль Атропата в этом деле явно не следует: несомненно, основная тяжесть борьбы с мятежниками пала тогда на плечи оставленных в Мидии контингентов Александра и их командиров, которые если и подчинялись здешнему сатрапу, то лишь формально. О том, что эти командиры были фактически независимы от сатрапа Мидии, отчетливо говорят их многочисленные преступления и злоупотребления в отношении местного населения. За это, когда Клеандр, Агафон, Ситалк и Геракон прибыли к Александру в Карманию в конце 325 г., приведя с собой войско из Мидии, македонский монарх приказал их казнить (Arr. Anab. VI. 27. 3–4; Curt. X. 1. 1–8)⁴⁰. Вместе с тем вполне возможно, что, кроме македонских контингентов, оставленных в Мидии, у Атропата имелся и

165. Что же касается Геракона, то он спустя время (по-видимому, довольно скоро, поскольку еще не успел, как и Менид, запятнать себя преступлениями и злоупотреблениями в Экбатанах), тоже покинул Мидию, получив некое назначение (скорее всего, военного характера) в Сузах (Arr. Anab. VI. 27. 5). При этом весьма сомнительно, чтобы с ним ушел из Экбатан и какой-то воинский контингент: войск в Сузиане было оставлено Александром и так достаточно (см. выше). Ср.: Berve 1926/II, 168–169 (№ 354); Heckel 2006, 138.

³⁵ У Курция здесь он ошибочно назван Арсаком. Об Атропате: Berve 1926/II, 91–92 (№ 180); Heckel 2006, 61–62.

³⁶ Ср.: Bosworth 1981, 21; 1995, 123.

³⁷ Вместе с тем см.: Arr. Suc. 1. 5; Dexipp. FGHist. 100 F 8.2; Curt. X. 10. 4, где Атропат вообще не упоминается, но отмечается, что при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г. Мидия досталась Пифону, сыну Кратевы. Это, однако, не совсем верно. Насколько можно судить (и это подтверждается указанным выше свидетельством Юстина), единая при Атропате сатрапия Мидия была тогда поделена на две части: Пифону была отдана Великая Мидия, а Атропату – Малая Мидия (будущая Мидия Атропатена). Об этом, в частности: Atkinson 2009, 227; Wheatley, Heckel 2011, 94–96.

³⁸ Весьма показательны, что из сатрапов восточного / персидского происхождения к моменту смерти Александра на своих постах сумели удержаться только Атропат, Фратаферн в Парфии и Гирканий (см. ниже), а также Оксиарт в Парапамисадах (см. следующую часть).

³⁹ О Бариаке: Berve 1926/II, 104 (№ 207); Badian 2000, 90–91; Heckel 2006, 70.

⁴⁰ Геракон смог тогда оправдаться, но немногим позднее был также казнен, на этот раз за свои преступления в Сузах (Arr. Anab. VI. 27. 5).

отдельный воинский отряд, сформированный им на базе своей сатрапии из местного населения. Но даже если так, он явно не был крупным: позволить тому, чтобы этот отряд, в надежности которого у Александра, бесспорно, не было полной уверенности, был бóльшим либо даже равным по численности оккупационным войскам, располагавшимся в провинции, македонский царь, разумеется, не мог.

Не исключено, что в конце жизни Александра именно к провинции Атропата была присоединена область коссеев⁴¹ – воинственного народа, который обитал в горной местности на границе с Мидией (горы Загрос) и который фактически оставался независимым, пока его ни покорил македонский царь зимой 324/3 г. (Nearch. FGrHist. 133 F 1g; Diod. XVII. 111. 4–6; Plut. Alex. 72. 3; Arr. Anab. VII. 15. 1–3; Ind. 40. 6–8; Polyae. IV. 3. 31)⁴². На территории коссеев Александр тогда основал ряд городов (Diod. XVII. 111. 6; Arr. Ind. 40. 8), посредством которых он, по всей видимости, намеревался впредь не только ее контролировать, но и приобщить местных жителей к более миролюбивой жизни, переселив их в данные города. При этом есть основания считать, что коссеи были обязаны, когда было необходимо, посылать в распоряжение Александра своих воинов: известно, что уже в 323 г. их отряд прибыл к нему в Вавилон (Arr. Anab. VII. 23. 1). Впрочем, совершенно очевидно, что подчиненное положение коссеев по отношению к македонской власти носило в основном номинальный характер. Неслучайно поэтому, что очень скоро после смерти Александра они снова стали действовать полностью независимо (Diod. XIX. 19. 2–8) (причем об основанных в их земле городах мы больше ничего не слышим).

17. ПАРФИЯ И ГИРКАНИЯ

Первым македонским сатрапом Парфии и Гиркании стал парфянский вельможа Амминап (лето 330 г.) (Arr. Anab. III. 22. 1; Curt. VI. 4. 25), который прежде, в правление Артаксеркса III Оха, находился в изгнании при дворе Филиппа II, потом вернулся в Персидскую державу, а в конце 332 г. вместе с Мазаксом участвовал в сдаче Александру Египта⁴³. К нему Александром был приставлен Тлеполом, сын Пифофана, один из гетайров, который должен был осуществлять наблюдение за деятельностью Амминапа в Парфии и Гиркании (Arr. Anab. III. 22. 1)⁴⁴. К тому же очень может быть, что именно под командованием Тлепола находился

⁴¹ Berve 1926/I, 290.

⁴² Плутарх и Арриан единственные утверждают, что результатом предпринятого Александром похода против коссеев стало их полное истребление (Plut. Alex. 72. 3; Arr. Anab. VII. 15. 3). Это не соответствует действительности (более того, такому своему утверждению противоречит далее и сам Арриан – Anab. VII. 23. 1).

⁴³ В рукописной традиции сочинения Курция он именуется Манапом. Об Амминапе: Berve 1926/II, 26 (№ 55); Heckel 2006, 22.

⁴⁴ Berve 1926/II, 375–376 (№ 757); Heckel 2006, 268–269. Нам известен по меньшей мере еще один случай, когда к сатрапу восточного / персидского происхождения Александр приставил своего особого наблюдателя. Это – Нилоксен при Проексе, сатрапе Парамисад (см. следующую часть). Действительно, хотя Арриан и не называет Тлепола, в отличие от Нилоксена (Anab. III. 28. 4), «наблюдателем» (ἐπίσκοπος), он говорит в связи с ним так, что не оставляет никаких сомнений в сходности функций обоих этих македонян (Τληπόλεμος δὲ <...> ξυνετάχθη αὐτῷ σκοπεῖν τὰ ἐν Παρθυαίοις τε καὶ Ὑρκανίοις). По поводу случая Анакסיппа в Арии при Сатибарзане см. в следующей части.

оставленный македонским царем в сатрапии контингент фракийцев (Arr. Anab. V. 20. 7), а также какие-то еще, не засвидетельствованные в наших источниках, оккупационные войска⁴⁵. Так или иначе, совершенно очевидно, что Тлеполом был подчинен Александру непосредственно, играя роль при Амминапе своего рода «сторожевого пса» македонского монарха. На этом посту Тлеполом пребывал до конца 325 – начала 324 г., когда Александр назначил его сатрапом Кармании (см. выше).

Амминап управлял Парфией с резиденцией предположительно в Гекатомпиле и Гирканией с резиденцией в Задракарте⁴⁶ недолго: уже в какой-то момент к началу 329 г. сатрапия была передана Александром в управление персидскому вельможе Фратаферну (Arr. Anab. III. 28. 2), который возглавлял ее при Дарии III, а после его смерти сдался македонскому царю⁴⁷. Почему Амминап был заменен Фратаферном, неизвестно. Однако можно думать, что главную роль в данном случае – если, конечно, Амминап не умер естественной смертью – сыграли опыт Фратаферна в управлении этим регионом и те связи, которые он здесь, несомненно, имел⁴⁸.

Как бы то ни было, очень скоро Фратаферн смог доказать свою преданность Александру. Ему было приказано оказать помощь македонским полководцам Эригию и Карану, а также персу Артабазу в их борьбе в Арии против Сатибарзана, посланного туда Бессом с целью установить над ней контроль (начало 329 г.) (Arr. Anab. III. 28. 2) (см. следующую часть). При этом известно, что Фратаферну удалось в то время отстоять Парфию от вторжения Бразана, который был назначен все тем же Бессом ее сатрапом⁴⁹. Бразан (наряду с какими-то другими сторонниками Бесса) был приведен Фратаферном лично в оковах к Александру то ли

⁴⁵ Того, что контингент фракийцев был размещен здесь, однако, не с самого начала, а был прислан из Мидии (где, как указывалось выше, и были сосредоточены фракийские формирования) немногим позднее, чтобы помочь Фратаферну в борьбе против Бразана (см. ниже), также нельзя исключать (Bosworth 1981, 21; 1995, 321). И если это правда, то тогда тем более кажется вероятным размещение Александром в сатрапии некоторого количества македонских войск изначально: совершенно оставить ее без них он явно не мог.

⁴⁶ Seibert 1985, 212.

⁴⁷ О Фратаферне: Berve 1926/II, 400–401 (№ 814); Heckel 2006, 223. Справедливую критику мнения Г. Берве, согласно которому Фратаферну был возвращен пост сатрапа Парфии и Гиркании сразу же после того, как он сдался македонскому царю (Berve 1926/II, 26 (№ 55); 400 (№ 814)), см.: Bosworth 1980, 350–351; так же: Atkinson 1994, 190, 192; ср.: Wheatley, Heckel 2011, 115. В свою очередь, см. ниже наши сомнения относительно того предположения, что Фратаферн получил в управление Гирканию лишь зимой 328/7 г.

⁴⁸ Поскольку Фратаферну, а не Амминапу было поручено оказать помощь македонским полководцам в Арии (начало 329 г.) (Arr. Anab. III. 28. 2), то, значит, последний к тому моменту уже не занимал пост сатрапа, а потому его смерть никак не могла быть связана с борьбой против Бразана, случившейся где-то в это же время (см. ниже). Допущение о гибели Амминапа в борьбе с Бразаном см.: Wheatley, Heckel 2011, 115.

⁴⁹ Не исключено, что Фратаферн, правда, так и не смог помочь македонским военачальникам в борьбе с Сатибарзаном, ибо он тогда столкнулся у себя в сатрапии с контингентами Бразана: возможно, именно поэтому Фратаферн и не упоминается в наших источниках в связи с событиями в Арии (Bosworth 1981, 21; Wheatley, Heckel 2011, 115). О Бразане см.: Berve 1926/II, 102 (№ 204). При этом предположение В. Хэкела, что Бразана (или, возможно, Барзана), фигурирующего в тексте Арриана, следует идентифицировать с Набарзаном, известным персидским вельможей (Heckel 1981, 66–69; Heckel 2006, 70, 171; ср.: Wheatley, Heckel 2011, 115), интересно, но кажется надуманным. Критику данного предположения см.: Bosworth 1995, 39.

в Бактры (зима 329/8 г.) (Arr. Anab. IV. 7. 1), то ли в Наутаку (зима 328/7 г.) (Arr. Anab. IV. 18. 1)⁵⁰. В Наутак же ему было дано новое поручение: он должен был арестовать – из-за отказа в повиновении – Автофрадата, сатрапа Тапурии, а его область присоединить к своей сатрапии (Arr. Anab. IV. 18. 2; Curt. VIII. 3. 17). Спустя некоторое время данное поручение было выполнено Фратаферном (см. ниже). С выполнением им еще одного приказа македонского монарха следует связывать и привод Фратаферном в Индию к Александру контингента фракийцев (лето 326 г.) (Arr. Anab. V. 20. 7), остававшегося в его сатрапии: без сомнения, эта миссия Фратаферна не могла быть предпринята им по собственной инициативе. Далее, Фратаферн – действуя согласно приказу Александра, данному ему и некоторым другим сатрапам во время марша через пустынную часть Гедросии, – обеспечил македонскую армию, когда та появилась в Кармании (конец 325 г.), провиантом, а также верблюдами и вьючными животными: все это было доставлено к Александру то ли Фарисманом, сыном Фратаферна, то ли самим Фратаферном вместе с сыном (Arr. Anab. VI. 27. 3, 6; Curt. IX. 10. 17). Наконец, вполне возможно, что среди тех сатрапов, которые прибыли к македонскому царю в Сузы (весна 324 г.) (Arr. Anab. VII. 6. 1), был и Фратаферн, который в таком случае привел из своей провинции пополнения для армии (ср.: Arr. Anab. VII. 6. 3)⁵¹.

Вся эта деятельность Фратаферна, думается, ясно показывает, что во вверенной ему сатрапии он обладал не только гражданскими и хозяйственными, но и военными полномочиями: то, что именно ему поручались военные операции, едва ли оставляет сомнения на счет осуществления им главного командования при их проведении. Впрочем, следует полагать, что подобная его роль все же носила в известной степени формальный характер. Кажется очевидным, что находившийся в его сатрапии контингент фракийцев, а равно и другие военные формирования Александра, которые, по-видимому, были здесь также оставлены, подчинялись ему лишь номинально, на деле же – своим командирам и, вполне возможно, в конечном счете – Тлеполему. Не исключено (учитывая активную военную деятельность Фратаферна), что в его распоряжении находился и какой-то воинский отряд, набранный в его сатрапии из восточных элементов, хотя он – по той же причине, что и предполагаемый отряд Атропата в Мидии (см. выше), – вряд ли был многочисленным. Судя по всему, Александр был полностью удовлетворен тем, как Фратаферн исполнял функции сатрапа, а потому неудивительно, что он смог сохранить этот свой пост вплоть до смерти македонского монарха (Diod. XVIII. 3. 3; ср.: Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6; Just. XIII. 4. 23)⁵².

⁵⁰ Как доказывает Б. Босуорт, Арриан, сообщая о прибытии к Александру Фратаферна и Стасанора, сатрапа Арии (см. следующую часть), дважды – вначале в Бактры, а затем в Наутаку, – допускает ошибку (которая, возможно, уже присутствовала у Птолемея, послужившего для него источником для описания событий в Бактрах): на самом деле речь здесь идет об одном и том же событии, имевшем место, когда македонский царь был в Наутак (Bosworth 1981, 19–23; 1995, 38–39). И если Б. Босуорт прав в данном случае (что, на наш взгляд, не исключено), то тогда Фратаферн должен был доставить Бразана к Александру именно туда, а не в Бактры.

⁵¹ Ср.: Bosworth 1995, 276.

⁵² У Дексиппа Фратаферн ошибочно назан Радаферном. О высокой оценке Александром его службы говорит не только то, что два сына Фратаферна – Сисин и Фрадасман (который, впрочем, возможно, идентичен упомянутому выше Фарисману) – удостоились чести быть включенными в агему гетайров в Сузах в 324 г. (Arr. Anab. VII. 6. 4). Наиболее показателен здесь тот факт, что Фратаферн оказался в числе тех трех сатрапов – наряду с Атропатом в Мидии (см. выше) и Оксиртом

18. ТАПУРИЯ

Автофрадат, сатрап тапуров при Дарии III, сдался Александру в Гиркании после гибели персидского царя и был оставлен на своем посту (лето 330 г.) (Arr. Anab. III. 23. 7; Curt. VI. 4. 24–25)⁵³. Более того, вскоре, когда Александр покорил племя мардов, он поставил под власть Автофрадата и их территорию, расширив таким образом границы его сатрапии (Arr. Anab. III. 24. 3; Curt. VI. 5. 21) (ее резиденция неизвестна)⁵⁴.

Спустя, однако, некоторое время, Александр, находясь в Наутаке (зима 328/7 г.), приказал Фратаферну, сатрапу Парфии и Гиркании (см. выше), арестовать Автофрадата, а подвластную ему территорию присоединить к своей: македонский царь усомнился в лояльности Автофрадата, поскольку тот игнорировал его распоряжения к нему явиться (Arr. Anab. IV. 18. 2; Curt. VIII. 3. 17). Что послужило причиной отказа Автофрадата повиноваться Александру, неясно. Однако вполне возможно, что такое его поведение было связано с попытками Бесса организовать сопротивление Александру (начало 329 г.), в том числе и за счет привлечения на свою сторону тех сатрапов персидского происхождения, которые уже выразили покорность македонскому монарху⁵⁵. И если Автофрадат тогда действительно поддержал (пусть и пассивно) Бесса либо кого-то из тех, кто участвовал в инициированном им антимакедонском мятеже (который, надо полагать, продолжался

в Парапамисадах (см. следующую часть), – которым единственным из восточных/персидских вельмож удалось остаться на своих постах к моменту ухода Александра из жизни.

⁵³ Курций называет его Фрадатом. Об Автофрадате: Berve 1926/II, 96–97 (№ 189); Badian 2000, 90–91; Heckel 2006, 65 [2].

⁵⁴ Точка зрения Б. Якобса о том, что Автофрадат при Александре, как и до того при персах, был именно сатрапом Гиркании, к которой принадлежала область тапуров (Jacobs 1994, 73–74), на наш взгляд, не может быть признана состоятельной, поскольку не находит сколько-нибудь надежного подтверждения в наших источниках. Б. Босуорт также предполагает, что Автофрадат был сатрапом не только Тапурии, но и Гиркании, однако стал таковым уже после замещения Амминапа Фратаферном (Bosworth 1995, 122). Позволим себе не согласиться и с подобным предположением. Действительно, свидетельство Курция, на которое опирается Б. Босуорт, о том, что Фратаферну в Наутаке была передана в управление Гиркания, а вместе с ней земли тапуров и мардов, может быть понято и иначе. Ничто не мешает считать, что Курций просто объединил в данном месте информацию как о случившемся ранее назначении Фратаферна сатрапом Парфии и Гиркании (о чем он еще не сообщил), так и о передаче теперь Александром под его власть провинции Автофрадата, т.е. Тапурии. Тому же, что Курций называет здесь лишь Гирканию, думается, не следует придавать слишком большого значения, как не следует делать определенный вывод и из того факта, что у Арриана Фратаферн до прибытия в Наутак именуется сатрапом только Парфии, а затем уже – Парфии и Гиркании. Во-первых, в пассаже Арриана, соответствующем этому месту у Курция, о Гиркании нет и речи, но говорится, что Фратаферн был направлен Александром именно к тапурам и мардам, чтобы схватить Автофрадата (Anab. IV. 18. 2). Во-вторых, и от Курция, и от Арриана отнюдь не всегда нужно ожидать точности в обозначении сатрапий, состоявших из двух областей. Так, Бесс, персидский сатрап Бактрии и Согдианы, у них обоих называется главой одной лишь Бактрии (к примеру, см.: Arr. Anab. III. 8. 3; 21. 1; Curt. IV. 6. 2; V. 8. 4; 9. 8), как у Арриана и Артабаз, а также Аминта, сатрапы Бактрии и Согдианы при Александре (Anab. IV. 17. 3; 22. 3) (см. следующую часть). Кроме того, все тот же Фратаферн фигурирует у Курция в связи с событиями 325 г. как сатрап только Парфии (IX. 10. 17), хотя к тому моменту, если следовать мысли Б. Босуорта, он уже точно должен был быть сатрапом Парфии и Гиркании. Ср.: Wheatley, Heckel 2011, 115.

⁵⁵ Об этом сопротивлении см. особенно: Bosworth 1981, 19–23.

еще и в 328 г.), то теперь он, естественно, боялся прибыть к Александру, чтобы не понести наказание⁵⁶.

Сколько времени понадобилось Фратаферну, чтобы выполнить приказ Александра, сказать трудно. Но в любом случае все должно было закончиться за некоторое время до того, как Фратаферн привел к Александру в Индию находившийся в его сатрапии контингент фракийцев (326 г.) (см. выше): лишать Фратаферна этого контингента, если бы военная операция против Автофрадата еще продолжалась, было бы для Александра, конечно, нецелесообразным⁵⁷. Как бы то ни было, в результате выполнения Фратаферном приказа Александра отдельная сатрапия Тапурия перестала существовать, а Автофрадат был арестован и после возвращения македонского царя в Персиду казнен (начало 324 г.) (Curt. X. 1. 39)⁵⁸. При этом тот факт, что в 323 г. отряд тапуров был приведен к Александру в Вавилон не Фратаферном, а Певкестом, сатрапом Персиды (см. выше), с которым в тот момент находился еще и отряд коссеев (см. выше), а также весьма крупный воинский контингент из его провинции (Arr. Anab. VII. 23. 1), как кажется, не должен смущать: поскольку земли тапуров лежали вдалеке от пути, которым должен был пройти Певкест из Персиды в Вавилон (Арриан, указывающий на их соседство с Персидой, ошибается), стоит полагать, что их отряды присоединились к нему где-то по дороге.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Atkinson, J.E. 1994: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 5 to 7,2*. Amsterdam.
- Atkinson, J.E. 2009: *Curtius Rufus. Histories of Alexander the Great. Book 10. Translated by J. C. Yardley, Introduction and Historical Commentary by J. E. Atkinson*. Oxford.
- Badian, E. 1958: The Eunuch Bagoas. *CQ* 8, 144–157.
- Badian, E. 2000: Conspiracies. In: A.B. Bosworth, E.J. Baynham (eds.), *Alexander the Great in Fact and Fiction*. Oxford, 50–95.
- Beloch, K.J. 1923: *Griechische Geschichte*². Bd. III/2. Berlin–Leipzig.
- Beloch, K.J. 1927: *Griechische Geschichte*². Bd. IV/2. Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I–II. München.
- Bosworth, A.B. 1976: Errors in Arrian. *CQ* 26, 117–139.
- Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford.

⁵⁶ Ср.: Bosworth 1995, 122; Atkinson 2009, 99. Слова Курция, согласно которому Автофрадат был казнен по подозрению в намерении захватить царскую власть (X. 1. 39), как представляется, не стоит воспринимать буквально и тем более на их основании предполагать его принадлежность к династии Ахеменидов (Badian 2000, 90–91). И правда, даже если Курций передает точно официальное обвинение, выдвинутое против Автофрадата (в чем, однако, отнюдь нельзя быть уверенным), оно на самом деле могло иметь мало отношения к действительности.

⁵⁷ Поэтому мнение Г. Берве, что Фратаферну удалось завершить военные действия против Автофрадата и схватить его лишь незадолго до возвращения Александра из Индии (Berve 1926/II, 97 [№ 189]; поддержано: Badian 2000, 90–91; ср.: Bosworth 1995, 122), кажется сомнительным. При этом то, что Фратаферн не доставил Автофрадата к Александру, когда прибыл к нему на Гидасп вместе с фракийским контингентом (см. выше), явно ничего не значит в данной связи (возможно, скажем, что Фратаферн, намереваясь доставить Автофрадата живым к македонскому царю, просто не рискнул тогда брать его с собой и оставил у себя в сатрапии).

⁵⁸ То, что Фрадат, упомянутый Курцием в этом случае, не обязательно идентичен сатрапу Тапурии, – такое мнение Б. Босуорта стоит признать, конечно, излишне осторожным (Bosworth 1995, 122).

- Bosworth, A.B. 1981: A Missing Year in the History of Alexander the Great. *JHS* 101, 17–39.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. II. Oxford.
- Hamilton, J.R. 1955: Three Passages in Arrian. *CQ* 5, 217–221.
- Heckel, W. 1981: Some Speculations on the Prosopography of the Alexanderreich. *LCM* 6, 63–70.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. Wiesbaden.
- Julien, P. 1914: *Zur Verwaltung der Satrapien unter Alexander dem Großen*. Diss. Weida i. Th.
- Kholod, M.M. 2022: Imperiya Aleksandra Velikogo: satrapii i zavisimye territorii (chast I) [Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 1)]. *PIFK* 2, 108–126.
- Холод, М. М. 2022: Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть I). *ПИФК* 2, 108–126.
- Kholod, M.M. 2024: Imperiya Aleksandra Velikogo: satrapii i zavisimye territorii (chast II) [Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 2)]. *PIFK* 1, 177–197.
- Холод, М. М. 2024: Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть II). *ПИФК* 1, 177–197.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Satrap. In: *RE*. Bd. II/2, 82–188.
- Seibert, J. 1985: *Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander den Großen auf kartographischer Grundlage*. Wiesbaden.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. II. Cambridge.
- Tataki, A.B. 1998: *Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*. Athens.
- Wheatley, P., Heckel, W. 2011: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus*. Vol. II. *Books 13–15: The Successors to Alexander the Great*. Oxford.

ALEXANDER THE GREAT'S EMPIRE: SATRAPIES AND DEPENDENT TERRITORIES (PART 3)

Maxim M. Kholod

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

E-mail: mmkholod@yandex.ru

Aknowlegement: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374-П

This essay is the third part of a series of author's publications discussing the regional administration of Alexander the Great's Empire at the satrapal level, as well as the relationships between him and the dependent territories in the East. This work focuses on the next group of Alexander's satrapies in Asia – from Susiana to Tapuria.

Keywords: Alexander the Great, Empire, Achaemenid Empire, satrapy, satrap, administration, Middle East

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 103–114
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 103–114
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-103–114

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ СТРУННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СЕМЕЙСТВА ЛИР

О.С. Энзельдт

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: kuznecova.olia@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9991-2602

В статье предпринята попытка анализа и классификации древнегреческих струнных музыкальных инструментов: кифара (ἡ κῑθάρᾱ) и лира (ἡ λύρα), форминга (ἡ φόρμιγγς), хелис (ἡ χέλις) и барбитос (ὁ или ἡ βάρβιτος). Несмотря на то, что исторических сведений о семействе лир значительно больше, чем о семействе арф (тригон, магадида, пектида, самбика), отсутствует единое мнение относительно классификации, внешнего вида, устройства инструментов и терминологии. Автор исследует вопросы: какое количество струн могли иметь инструменты, являлась ли форминга разновидностью кифары и как назывался ее корпус, как интерпретируется понятие «лира» сегодня, относятся ли к лире хелис и барбитон? В качестве источников привлечены произведения вазописи, сочинения авторов трагедий, лирической и эпической поэзии, а также археологические находки. Делается вывод, что кифара, лира и форминга могли быть в произведениях античных авторов в некоторых случаях взаимозаменяемыми. Автор объединяет классификации струнных инструментов Е.А. Хорнбостеля–К. Закса (1914 г.) и К. Закса (1940 г.) и применительно к древнегреческому музыкальному инструментарию семейства лир предлагает следующий совмещенный вариант: класс – составные хордофоны, семейство – лиры, включающее два рода: род – ящичные (коробчатые) лиры (форминга и кифара) и род – чашечные лиры (лира, хелис и барбитос).

Ключевые слова: Древняя Греция, хордофоны, лира, кифара, форминга, хелис, барбитос

Древнегреческие струнные музыкальные инструменты, в соответствии с классификацией Е.А. Хорнбостеля и К. Закса (1914 г.), являются составными (сложными) хордофонами¹. Основной характеристикой принадлежности к данному классу служит звучание в результате колебания струны. Их также можно называть щипковыми, так как звукоизвлечение происходит путем защипывания струн пальцами или с помощью плектра. Составные хордофоны делятся на лют-

Данные об авторе. Ольга Станиславовна Энзельдт – аспирант исторического факультета ЯрГУ.

¹ Hornbostel, Sachs 1914, 578.

ни и арфы. К лютням относятся интересующие нас кифара, форминга, лира, хелис, барбитос. Однако позже, в 1940 г., К. Закс разделил хордофоны по критерию устройства (крепления струн) на цитры, лютни, лиры и арфы², выделив лиры в отдельную категорию.

Анализ источников – изобразительных (прежде всего вазописи VIII–IV вв. до н.э.), литературных (сочинений авторов трагедий, лирической и эпической поэзии), а также археологического материала архаического и классического периодов, позволяет определить, что древнегреческие струнные музыкальные инструменты относятся к лирам и арфам. Лир имеет корпус полукруглой, овальной (например, черепаховый панцирь) или прямоугольной формы, который соединен с перекладиной двумя стойками (ручками). Струны одинаковой длины натянуты между корпусом и перекладиной. Арфы состоят из двух расположенных под углом рам, между которыми натянуты струны.

К семейству арф принадлежат тригон (τό τρίγωνον), магадида (ἡ μάγῆδις), пектида (ἡ πηκτίς), самбика (ἡ σαμβύκη). Ранее мы подробно их рассматривали³. Также мы выделили термины, обозначающие древнегреческие струнные музыкальные инструменты, встречающиеся в перечисленных выше письменных источниках⁴.

К семейству лир относятся кифара (ἡ κίθαρις или ἡ κίθαρά), форминга (ἡ φόρμιγξ), лира (ἡ λύρα), хелис (ἡ χέλυσ), барбитос (ὁ или ἡ βάρβιτος) или барбитон (τό βάρβιτον), они и являются объектами изучения в данной статье.

Опираясь на письменные источники, выясним эпитеты и характерные слова, которые авторы применяют к струнным музыкальным инструментам семейства лир. Кроме того, определим, по каким важным вопросам существуют разночтения в исследовательской литературе, а также какую источниковую базу предоставляют изобразительные и вещественные источники.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ И ПРЕДЛАГАЕМАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Китхарис (ἡ κίθαρις) некоторыми исследователями считается древнейшей формой одного из самых популярных струнных музыкальных инструментов – кифары⁵ (на русском языке будем для большей ясности этот древнейший вариант передавать путем транслитерации – китхарис), также может обозначать искусство игры на кифаре⁶. Более поздний, но чаще всего упоминаемый в письменных источниках термин, который имеет значение только музыкального инструмента – ἡ κίθαρά.

Прилагательные, сопровождающие данные два термина не дают конкретную характеристику инструменту. Гомер (Od. I. 153) китхарис (ἡ κίθαρις) называет περικαλλής – замечательно красивой, прекрасной, Еврипид (Cycl. 443) кифару (ἡ κίθαρά) определяет Ἀσιάς – азиатской, ἐπτὰφθογγη – семизвучной, т.е. семиструнной (Ion. 881), и φιλόχορη – любящей или сопровождающей хороводы

² Sachs 1940, 463–465.

³ Энзельдт 2023, 5–8.

⁴ Энзельдт 2022.

⁵ Герцман 2020, 173; Landels 1999, 47.

⁶ Пер. с древнегреч. здесь и далее по: Дворецкий и др. 1958.

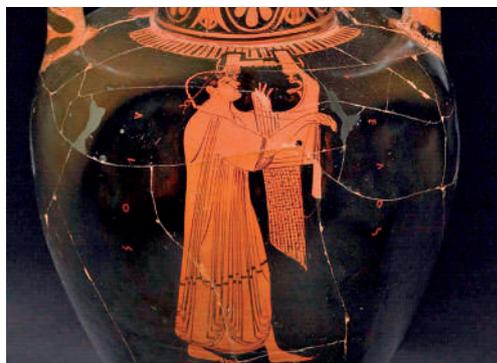

Рис. 1 Кифаред, поющий под аккомпанемент кифары. Краснофигурная Nolanская амфора рубежа VI–V вв. до н.э. BMC. Inv. 1836,0224.34

Fig. 1. A cithara player singing to the accompaniment of a cithara. Red-figure Amphora from the turn of the 6th–5th centuries BC. BMC. Inv. 1836,0224.34

(I.A. 1037). Однако мы можем сделать вывод, что, скорее всего, существовал особый вид кифары, имеющий название «азиатский». Дж. Франклин, опираясь на свидетельства Псевдо-Плутарха, предполагает, что она использовалась кифаредом на о. Лесбос⁷.

О внешнем виде многих древнегреческих струнных инструментов приходится судить только по письменным и изобразительным источникам, так как археологического материала крайне мало. Однако в 2018 г. российским археологом удалось найти фрагменты кифары V в. до н.э., а также плектр от нее⁸. Инструмент, найденный в погребении воина в некрополе Волна 1 (Темрюкский р-н Краснодарского края), представляет собой классический вариант семиструнной кифары. Ранее мы уже упоминали данную находку⁹. От нее сохранился железный порожек с остатками дерева и костяной струнодержатель¹⁰.

Материал изобразительных источников достаточно обширен¹¹, прежде всего это касается вазопиσης VI–IV вв. до н.э. Внешний вид кифары хорошо иллюстрирует изображение на краснофигурной Nolanской амфоре рубежа VI–V вв. до н.э. (рис. 1)¹². Поющий кифаред играет на семиструнной кифаре. Струны прикреплены к корпусу, по ним музыкант ударяет плектром, который присоединен к инструменту шнурком. Сам корпус имеет прямоугольную форму. На другой стороне сосуда изображен Дионис, обвитый плющом.

Помимо изображений кифары в вазопиσης, отметим апулейскую терракотовую статуэтку сирены из Канозы 320–300 гг. до н.э., обнаруженную в погребении (Национальный археологический музей Испании, Мадрид)¹³. В левой руке она

⁷ Franklin 2010, 28–31.

⁸ Мимоход, Сударев 2018.

⁹ Энгельдт 2022, 14.

¹⁰ Мимоход, Сударев 2018.

¹¹ См., например, ВАРД.

¹² BMC. Inv. 1836,0224.34.

¹³ CER.ES. Inv. 2004/95/1.

держит кифару, а правую поднимает вверх в знак скорби, так как сирены обычно являлись символами погребального обряда (Eur. Hel. 167–178).

Важным свидетельством представляется барельеф 420–400 гг. до н.э. из Британского музея¹⁴, на котором представлен Аполлон или Орфей, держащий в левой руке кифару, на которую намекает силуэт, напоминающий изгиб корпуса инструмента. Однако из-за плохой сохранности невозможно с точностью утверждать, какой это именно музыкальный инструмент.

Другое, довольно условное, но узнаваемое изображение пятиструнной кифары представлено на реверсе медной монеты Колофона 400–330 гг. до н.э.¹⁵ Оно соседствует с изображением пальмы – атрибутом Аполлона, изображение головы которого помещено на аверсе.

Основным недостатком источников, относящихся к видам изобразительного искусства, является то, что не всегда можно положиться на достоверность передачи ими музыкального инструмента. Порой принципиальные детали устройства инструмента упущены или выполнены схематично. Например, количество струн кифары в вазописи, пластике и на монетах варьировалось, но классическим вариантом считается количество, равное семи¹⁶, подтверждение чему есть у Еврипида.

На аттическом ковше середины VIII в. до н.э. изображен сидящий человек, играющий на форминге (ἡ φόρμιγγς). Инструмент имеет полукруглый корпус и четыре струны¹⁷. А.Ф. Лосев, опираясь на сведения из «Иллиады» и «Одиссеи», а также гомеровы гимны, писал о возможности отождествления форминги и кифары и предполагал, что первая была большей по размеру¹⁸. Дж. Ланделс считает формингу ранней разновидностью кифары¹⁹, той же точки зрения придерживается Е.В. Герцман²⁰. Главным отличием китхариса (ранней разновидности кифары, которая по времени, с точки зрения автора, совпадала с существованием форминги) и форминги Дж. Ланделс называет размер стиха, при декламации которого в качестве аккомпанемента их использовали²¹. Т. Матисен предполагает, что под формингой в древнегреческой литературе понимался струнный инструмент семейства лир в принципе, без привязки к конкретной форме и размеру, и отмечает, что изображения инструмента в вазописи с полукруглым основанием транслируют, скорее, собирательный образ, нежели реальный инструмент²². На наш взгляд, преемственность форминги и кифары прослеживается по схожему устройству корпуса, поэтому мы вполне допускаем эволюцию инструмента, где форминга – более ранняя версия кифары.

Полукруглая форма корпуса форминги не вызывает сомнений у исследователей, но единого мнения относительно названия его конструкции до сих пор нет. Дж. Ланделс называет формингу «подковообразной кифарой» (horseshoe-

¹⁴ BMC. Inv. 1815,1020.28.

¹⁵ BMC. Inv. 1992,0805.1.

¹⁶ Mathiesen 1999, 262.

¹⁷ Герцман 2006, ил.

¹⁸ Лосев 2000, 232.

¹⁹ Landels 1999, 47–48.

²⁰ Герцман 2020, 176.

²¹ Landels 1999, 47–48.

²² Mathiesen 1999, 253.

kithara)²³, в англоязычной литературе используется также термин *cradle kithara*, то есть колыбелеобразная кифара²⁴.

Еще один важный, но нерешенный в исследовательской литературе вопрос – количество струн. Некоторые авторы определяют формингу именно как четырехструнный музыкальный инструмент²⁵. Дж. Ланделс считает, что количество струн вряд ли могло быть равным четырем²⁶, а Е.В. Герцман называет формингу семиструнной²⁷. Действительно, если ранние изображения инструмента в вазописи показывают 4–5 струн²⁸, то на более поздних их количество увеличивается. Например, на краснофигурной амфоре из Британского музея середины V в. до н.э. форминга изображена с семью струнами (рис. 2)²⁹. Она висит на стене, в то время как другие музыкальные инструменты находятся в руках исполнителей: лира-хелис у Мусея, арфа-тригон у Терпсихоры, а авлос у Мелусы. По предположению Т. Матисена, данный расклад показывает, что форминга утрачивает свои позиции и уступает место лире-хелису³⁰.

Сложно понять, чем объяснить ситуацию с различным количеством струн при изображении форминги в вазописи: эволюцией техники рисунка или эволюцией самого инструмента. По нашему мнению, количество струн на начальных этапах развития инструмента вполне могло быть равно четырем, постепенно они могли добавляться.

Археологические находки форминги архаического и классического периодов неизвестны, однако, помимо изображений в вазописи, следует упомянуть сердоликовую подвеску классического периода³¹. На ней выгравированы две стоящие друг другу лицом сирены, одна из которых держит схематически изображенную формингу (узнаем ее по полукруглому корпусу), а другая – авлос.

Прилагательные, которые античные авторы применяют к форминге, весьма разнообразны. Относительно внешнего вида: *περικαλλής* – замечательно красивая, прекрасная (Hom. Il. I. 603), *ἠ γλαφυρή* – выдолбленная, пустотелая, полая (Hom. Od. VIII. 257; XVII. 262; Н.Н. Нумн. 3. 183; Нумн. 4. 64), *χρύσεια* – золотая, употребляется только относительно форминги Аполлона (Hes. Scut. 203; Ariston. Нумн. in Vestam. 7; Н.Н. 3. 184–185). По звучанию формингу называют *λίγεια* – звучная, звонкоголосая, певучая (Hom. Od. VIII. 67, 105, 254, 261 и т.д.). Аполлоний Родосский (Argon. II. 704; IV. 906) называет формингу *Βιστωνίας*, т.е. бистонской (имеется в виду фракийское племя, обитавшее у Бистонского озера). Чаще всего в текстах было встречено прилагательное *λίγεια*, на втором месте – *γλαφυρή*.

Наряду с кифарой, лира (*ἡ λύρα*, ион. *λύρη*) (рис. 2)³² являлась распространенным струнным музыкальным инструментом. Упоминания о лире появляются у Архилоха (Archil. fr. 93a, 5-7), но уже после употребления понятий «форминга» и

²³ Landels 1999, 48.

²⁴ Maas 1974, 113; Lawergren 1985, 27; Landels 1999, 279.

²⁵ Ирмшер, Йоне 1989, 615; West 1992, 52.

²⁶ Landels 1999, 48.

²⁷ Герцман 2020, 176–177.

²⁸ West 1992, 52–53; Landels 1999, 48.

²⁹ BMC. Inv. 1847,0909.7.

³⁰ Mathiesen 1999, 257.

³¹ BMC. Inv. 1867,0507.234.

³² BMC. Inv. 1847,0909.7.

«китхарис» у Гомера³³. Относительно ἡ λύρα древнегреческие авторы применяют прилагательные, но по большей части в качестве красочных эпитетов. Например, Феогнид в «Элегиях» (Eleg. 534) называет лиру εὐφθογγος – красиво звучащая, благозвучная, мелодичная. Для обозначения того, что лира семиструнная, Еврипид использует прилагательное ἐπτάτονος (I.T. 1129). Также он применяет по отношению к лире причастие βοῶν – говорящая (fr. Antiope. 4.1), Ион Хиосский (Ion Ch. fr. 32. 1) использует прилагательное ἐνδεκάχορδος, т.е. одиннадцатиструнная.

Проблема с количеством струн, касающаяся кифары и форминги, также характерна и для лиры³⁴, о чем свидетельствует разночтения в произведениях Еврипида и Иона Хиосского.

Дж. Ланделс видит существенное отличие кифары и лиры в том, что корпус и стойки первой составляли единую конструкцию, выполненную из одного материала, в то время как у второй корпус был сделан из черепахового панциря и шкуры животного, а стойки присоединялись к нему³⁵. В рамках классификации К. Закса, М.Л. Уэст, отталкиваясь от формы корпуса, делит все лиры на box lyres, то есть «ящичные (коробчатые) лиры» (форминга и кифара) и bowl lyres – «чашечные лиры» (хелис и барбитос)³⁶.

Большой удачей являются некоторые археологические находки лиры, относящиеся к рассматриваемому периоду³⁷. В Британском музее хранится экземпляр лиры, корпусом которой служит панцирь черепахи, а стойки выполнены из дерева³⁸. Данный ее вид называется ἡ χέλις. Термин также может быть переведен как «черепаха», из-за вида корпуса название музыкального инструмента и животного совпадают. Транскрибируется χέλις как хелис, однако в русском языке есть устоявшаяся форма названия инструмента – хелис. В 2012 г. вышла статья Е. Бакарэзоса и др., где описан опыт работы группы исследователей над реконструкцией хелиса. Они постарались воспроизвести максимально точную копию инструмента, опираясь на всевозможные исторические свидетельства³⁹. Авторы пишут, что многие предыдущие попытки реконструкции были далеки от идеала. Уникальность работы ученых заключается в том, что впервые исследуются акустические свойства реконструированного хелиса, для выполнения задачи используются электронная спекл-интерферометрия (electronic speckle pattern interferometry) и импульсная переходная функция (impulse response). Результаты исследования подтверждают сведения исторических источников о том, что хелис являлся аккомпанирующим музыкальным инструментом и применялся в качестве сопровождения вокальных партий⁴⁰.

Сапфо (fr. 118. 1) именует хелис священным – ἁγίης, в Гимне Гермесу гомеровых гимнов (Hymn. 4. 153) хелис назван ἐρατή, т.е. прелестным, милым, приятным, а Еврипид (Alces. 447; Her. 683) применяет прилагательное семиструнный – ἐπτάτονος.

³³ West 1992, 50–51.

³⁴ West 1992, 62–64.

³⁵ Landels 1999, 61.

³⁶ West 1999, 50.

³⁷ Mathiesen 1999, 238; Bakarezos et al. 2012, 479.

³⁸ BMC. Inv. 1816,0610.501.

³⁹ Bakarezos et al. 2012, 479.

⁴⁰ Bakarezos et al 2012, 483.

Рис.2. Мусей, Терпсихора и Мелуса с лирой-хелисом, арфой-тригоном, авлосом. Семи-струнная форминга висит на стене. Изображение на краснофигурной амфоре V в. до н.э. ВМС. Inv. 1847,0909.7

Fig. 2. Musaeus, Terpsichore and Melusa with a lyre-chelisos, a trigonon-harp and an aulos. A seven-stringed phorminx hangs on the wall. A red-figure amphora from the 5th century BC. ВМС. Inv. 1847,0909.7

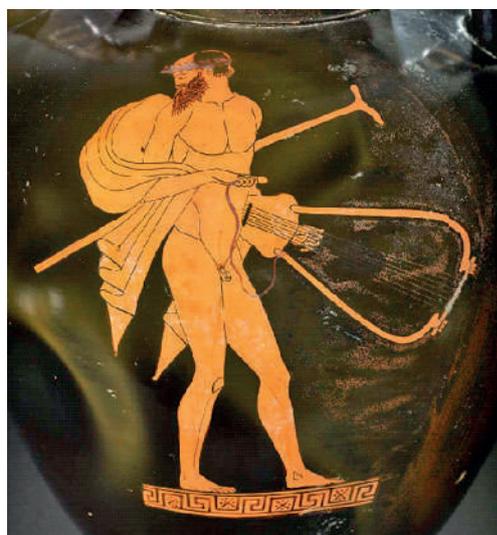

Рис.3. Барбитос с плектром в руках мужчины. Амфора конца V в. до н.э. ВМС. Inv. 1843,1103,51

Fig. 3. Barbitos with a plectrum in the hands of a man. Amphora from the end of the 5th century BC. ВМС. Inv. 1843,1103,51

Хелис нередко считается одной из разновидностей лиры⁴¹. Однако Дж. Ланделс говорит о тождестве этих двух понятий⁴². Данное различие в исследовательской литературе, по нашему мнению, следует объяснить тем, что одна часть современных авторов употребляет термин «лира» в широком значении, а другая – в узком. Скорее всего, в широком понимании термин «ἡ λύρα» распространялся на все струнные инструменты семейства лир (форминга, кифара, хелис и барбитос), а в узком лирами назывались такие ее виды, как хелис и барбитос.

Наконец, обратимся к барбитосу (ὁ или ἡ βάρβιτος), более поздняя версия названия – барбитон (τό βάρβιτον)⁴³. В письменных источниках Феокрит (Id. 16. 45) называет его πολύχορδος, т.е. многострунным. Некоторые исследователи относят барбитос или барбитон к разновидности лиры⁴⁴ (в широком понимании). Дж. Ланделс считает, что лира (в узком смысле) и барбитос – альтовая и теноровая версия одного и того же инструмента⁴⁵. Действительно, по устройству барбитос очень схож с хелисом, но главной особенностью его являются удлиненные стойки (рис. 3)⁴⁶, что предполагает более длинные струны и более низкое их звучание. Е.В. Герцман называет барбитон разновидностью кифары⁴⁷, однако, на наш взгляд, данное утверждение не совсем корректно по причине разных корпусов этих инструментов. В частности, К. Закс указывал на более легкий корпус лиры и, соответственно, всех производных от нее⁴⁸.

В письменных источниках встречаются термины, которые обозначают составные части струнных инструментов:

Термин ἡ χορδή обозначает струну и содержится в произведениях Гомера (Od. XXI. 407), гомеровых гимнах (Hymn. 4. 51), стихах лирических поэтов (Call. fr. 203. 47, Hymn. 4. 253; Archil. fr. 328. 6; Corinn. fr. 1a. 4), Еврипида (Hippol. 1135.). Софокл словом «ἡ συχορδία» называет гармоничность, стройность (fr. 412. 2). Встречаются однокоренные прилагательные: πολύχορδος (многострунный; многозвучный, многоголосый) у Еврипида (Med. 196; Rhés. 548) и Феокрита (Id. 16. 45), πρόχορδος (настроенный) у Еврипида (fr. 148. 15), ἐνδεκάχορδος (одиннадцатиструнный) у Иона Хиосского (Ion Ch. fr. 32. 1), χορδοτόνος (с натянутыми струнами) у Софокла (fr. 244. 2).

Одно из значений ἡ ἄντυξ – корпус или кобылка, подставка под струны. Термин встречается в произведении Еврипида «Ипполит» (Hippol. 1135).

τό πλῆκτρον – плектр, пластинка, которой ударяли по струнам. Упоминается в гомеровых гимнах (Н.Н. Hymn 3. 185; 4; 53) у Еврипида (Her. 351).

Такое разнообразие терминов подтверждает популярность струнного инструментария в древнегреческой музыкальной культуре.

⁴¹ Mathiesen 1999, 236; Ирмшер, Йоне 1989, 317.

⁴² Landels 1999, 61.

⁴³ West 1992, 51.

⁴⁴ Ирмшер, Йоне 1989, 317; Mathiesen 1999, 236.

⁴⁵ Landels 1999, 61.

⁴⁶ BMC. Inv. 1843, 1103.51.

⁴⁷ Герцман 2020, 177.

⁴⁸ Sachs 1940, 130.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вслед за М.Л. Уэстом⁴⁹ и Б.Б. Бородиным⁵⁰, мы делаем вывод, что понятия форминга, кифара и лира могут считаться частично совпадающими, поэтому возникают разночтения и противоречия в исследовательской литературе. К тому же, как мы отмечали выше, изобразительные источники и проанализированные литературные свидетельства не всегда отражают реальное положение дел, порой перед нами возникает лишь художественный образ, археологические находки являются крайне редкими, а реконструкции бывают далеки от тех инструментов, что существовали в прошлом. Возможно, некоторые переводчики с древнегреческого языка не различают лирообразные и практически во всех случаях дают перевод «лира»⁵¹.

Мы полагаем, что следует объединить две классификации струнных музыкальных инструментов семейства лир. Наиболее логичным в применении к древнегреческим инструментам будет следующий совмещенный вариант: класс – составные хордофоны, семейство – лиры, включающее два рода: род – ящичные (коробчатые) лиры (форминга и кифара) и род – чашечные лиры (лира, хелис и барбитос).

ЛИТЕРАТУРА

- Бородин, Б. Б. 2013: На каком музыкальном инструменте играл Аполлон? В сб.: Ю.С. Бочаров (ред.), *Старинная музыка*. М., 7–11.
- Герцман, Е.В. 2006: *Языческие и христианские музыкальные древности*. СПб.
- Герцман, Е.В. 2020: *Уцелевшее письменное наследие античного инструментоведения*. СПб.
- Дворецкий, И.Х., Соболевский С.И. (ред.) 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Томск. – Alpha online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>.
- Ирмшер, Й., Йоне, Р. 1989: *Словарь античности*. М.
- Лосев, А.Ф. 2000: *История античной эстетики*. Т. I. *Ранняя классика*. М.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И. 2018: *Из новейших открытий археологов ИА РАН*. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n482>
- Энзельдт, О.С. 2022: Музыкальная археология как научное направление: изучение и реконструкция античных инструментов. В сб.: Е.С. Данилов, В.В. Дементьева (ред.), *Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие: сборник докладов XXV научной конференции по антиковедению и медиевистике студентов, аспирантов, молодых учёных*. Ярославль, 9–15.
- Энзельдт, О.С. 2022: Струнные музыкальные инструменты семейства арф в музыкальной культуре античной Греции. В сб.: Н.В. Тихомиров (ред.), *Aetates. Itinera. Imagines = Эпохи. Путешествия. Образы. Тезисы докладов Всероссийской молодежной научно-практической конференции*. Ярославль, 5–8.
- Энзельдт, О.С., 2022: Струнные музыкальные инструменты в произведениях древнегреческих поэтов и трагиков. В сб.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов,

⁴⁹ West 1992, 50.

⁵⁰ Бородин 2013, 10–11.

⁵¹ См., например, переводы на русский язык Ariston. Hymn. in Vestam 8; Eur. Cycl. 39. Наиболее близкий перевод как духовых, так и струнных музыкальных инструментов дает В.В. Вересаев.

- Е.И. Зимакова (ред.), *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022»*. М. [Электронный ресурс] – Режим доступа https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022/data/section_17_25601.htm.
- Bakarezos, E., Vathis V., Brezas S., Orphanos Y., Papadogiannis N.A. 2012: Acoustics of the Chelys – An Ancient Greek Tortoise-Shell Lyre. *Applied Acoustics* 73, 478–483.
- BAPD – Classical Art Research Centre the Beazley Archive Pottery Database – Advanced Search Form. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.beazley.ox.ac.uk/XDB/ASP/searchOpen.asp#aHeader>.
- BMC – The British Museum Collection online. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.britishmuseum.org/collection>.
- CER.ES – Red Digital de Colecciones de Museos de España. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ceres.mcu.es/pages/SimpleSearch?index=true>.
- Franklin, J.C. 2010: Remembering Music in Early Greece. In: S. Mirelman (ed.), *The Historiography of Music in Global Perspective*. Piscataway, 9–50.
- Hornbostel, E.M. von, Sachs, K. 1914: Systematik der Musikinstrumente. *Zeitschrift für Ethnologie* 46, 553–590.
- Landels, J.G. 1999: *Music in Ancient Greece and Rome*. London–New York.
- Lawergren, B. 1985: A Lyre Common to Etruria, Greece, and Anatolia: The Cylinder Kithara. *Acta Musicologica* 57, 25–33.
- Maas, M. 1974: On the Shape of the Ancient Greek Lyre. *The Galpin Society Journal* 27, 113–117.
- Mathiesen, T.J. 1999: *Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages*. Lincoln–London.
- Red Digital de Colecciones de Museos de España. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ceres.mcu.es/pages/SimpleSearch?index=true>.
- Sachs, C. 1940: *The History of Musical Instruments*. New York.
- The British Museum Collection online. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.britishmuseum.org/collection>.
- West, M.L. 1992: *Ancient Greek Music*. Oxford.

REFERENCES

- Bakarezos, E., Vathis V., Brezas S., Orphanos Y., Papadogiannis N.A. 2012: Acoustics of the Chelys – An Ancient Greek Tortoise-Shell Lyre. *Applied Acoustics* 73, 478–483.
- BAPD – Classical Art Research Centre the Beazley Archive Pottery Database – Advanced Search Form.: <https://www.beazley.ox.ac.uk/XDB/ASP/searchOpen.asp#aHeader>.
- BMC – The British Museum Collection online. <https://www.britishmuseum.org/collection>.
- Borodin, B.B. 2013: Na kakom muzikal'nom instrumente igral Apollon? [What musical instrument did Apollo play?]. In Yu.S. Bocharov (ed.), *Starinnaya muzika [Old Music]*. Moscow, 7–11.
- CER.ES – Red Digital de Colecciones de Museos de España. <https://ceres.mcu.es/pages/SimpleSearch?index=true>.
- Dvoretzkiy, I.Kh., Sobolevskiy, S.I. (eds.) 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'*. Tomsk. – Alpha online [*Ancient Greek-Russian Dictionary*]. <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>.
- Enzeldt, O.S. 2022: Muzikal'naya arkheologiya kak nauchnoe napravlenie: izuchenie i rekonstruktsiya antichnykh instrumentov. In E.S. Danilov, V.V. Demytyeva (eds.), *Drevnyaya i srednevekovaya Evropa: sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe raznoobrazie: sbornik dokladov XXV nauchnoy konferentsii po antikovedeniyu i medievistike studentov, aspirantov, molodykh uchyenykh [Ancient and Medieval Europe: Socio-Political and Cultural Diversity: Collection of Papers of the XXV Scientific Conference in Classic and Medieval Studies of Students, Postgrads and Young Scholars]*. Yaroslavl, 9–15.

- Enzeldt, O.S. 2022: Strunnye muzykal'nye instrumenty semeystva arf v muzykal'noy kul'ture antichnoy Grecii. In N.V. Tikhomirov (ed.), *Aetates. Itinera. Imagines = Epokhi. Puteshestviya. Obrazy. Tezisy dokladov Vserossiyskoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Aetates. Itinera. Imagines = Ages. Travels. Image. Abstracts of the reports of the All-Russian Youth Scientific and Practical Conference]. Yaroslavl, 5–8.
- Enzeldt, O.S. 2022: Strunnye muzykal'nye instrumenty v proizvedeniyakh drevnegrecheskikh poetov i tragikov. In I.A. Aleshkovskiy et al. (eds.), *Materialy Mezhdunarodnogo molodyezhnogo foruma "LOMONOSOV-2022"* [Materials of the International Youth Forum "LOMONOSOV-2022"]. Moscow. https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022/data/section_17_25601.htm.
- Franklin, J.C. 2010: Remembering Music in Early Greece. In: S. Mirelman (ed.), *The Historiography of Music in Global Perspective*. Piscataway, 9–50.
- Gerzman, E.V. 2006: *Yazycheskie i khristianskie muzykal'nye drevnosti* [Pagan and Christian Music Antiquities]. Saint Petersburg.
- Gerzman, E.V. 2020: *Utselevshee pis'mennoe nasledie antichnogo instrumentovedeniya* [Preserved Written Heritage of Ancient Musical Instrument Classification]. Saint Petersburg.
- Hornbostel, E.M. von, Sachs, K. 1914: Systematik der Musikinstrumente. *Zeitschrift für Ethnologie* 46, 553–590.
- Irmscher, Y., Yone, R. 1989: *Slovar' antichnosti* [Lexikon der Antike]. Moscow.
- Landels, J.G. 1999: *Music in Ancient Greece and Rome*. London–New York.
- Lawergren, B. 1985: A Lyre Common to Etruria, Greece, and Anatolia: The Cylinder Kithara. *Acta Musicologica* 57, 25–33.
- Losev, A.F. 2000: *Istoriya antichnoy estetiki* T. I. *Rannyaya klassika* [History of Ancient Aesthetics. Vol. I. Early Classic]. Moscow.
- Maas, M. 1974: On the Shape of the Ancient Greek Lyre. *The Galpin Society Journal* 27, 113–117.
- Mathiesen, T.J. 1999: *Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages*. Lincoln–London.
- Mimokhod R.A., Sudarev, N.I. 2018: *Iz noveyshikh otkrytiy arkheologov IA RAN* [From the Recent Discoveries by Archaeologists of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n482>.
- Sachs, C. 1940: *The History of Musical Instruments*. New York.
- West, M.L. 1992: *Ancient Greek Music*. Oxford.

PROBLEMS OF ORGANOLOGY IN THE STUDY OF ANCIENT GREEK STRING MUSICAL INSTRUMENTS FROM THE LYRE FAMILY

Olga S. Enzeldt

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: kuznecova.olia@mail.ru

The article attempts to analyze and classify ancient Greek stringed musical instruments: cithara (ἡ κιθάρα) and lyre (ἡ λύρα), phorminx (ἡ φόρμιγξ), chelisos (ἡ χέλυσ) and barbitos (ὁ ἢ βάρβιτος). Despite the fact that there is much more historical information about the lyre family than about the harp family (trigonon, magadis, pectis, sambuca), there is no consensus regarding the classification, appearance, structure of the instruments and terminology. The author explores the following questions: how many strings could the instruments have, was the phorminx a

type of cithara and what was its body called, how is the concept of “lyre” interpreted today, do the chelysos and barbiton belong to the lyre? Vase painting, works of authors of tragedies, lyric and epic poetry, archaeological finds were used as sources. It is concluded that the cithara, lyre and phorminx in some cases could be interchangeable in the works of ancient authors. The author combines the classifications of stringed instruments by Hornbostel–Sachs (1914) and K. Sachs (1940) and offers the following combined version regarding the ancient Greek musical instruments of the lyre family: class – compound chordophones, family – lyres, including two genera: the genus – box-lyre-shaped (phorminx and cithara) and the genus – cup-shaped lyres (lyre, chelysos and barbitos).

Keywords: Ancient Greece, chordophones, lyre, cithara, phorminx, chelysos, barbitos

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-115–125

ВЛАСТЬ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА И ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА В КОНЦЕ IV–V вв.

В.А. Конопаткин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vladgimn93@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4579-1753

В статье рассматриваются изменения характера императорской власти в Римской империи после 395 г. н.э. В своей символической роли император должен был принимать участие в большом количестве церемониальных мероприятий, часто вызывающих скепсис христианских писателей, которые ассоциировали прежние традиции с язычеством и выступали категорически против традиционных увеселений. Однако императоры, несмотря на официальное принятие христианства и полную поддержку церкви, не только никак не ограничивали традиционные праздники, игры и цирковые представления, но и, напротив, их всячески поощряли. Пышные церемонии, шествия и публичные зрелища проводились в честь императора в его зримом или незримом присутствии, и весь энтузиазм публики изливался непосредственно на священную персону, тем самым укрепляя его легитимность.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, репрезентация власти, римские императоры, потестарная имагология, публичные празднества

После смерти Феодосия Великого (январь 395 г.) императорами стали два его сына: старший, Аркадий, на Востоке и младший, Гонорий, на Западе. М. Мак-Эвой, С. Дифенбах, М. Икс, Б. Блэкман и другие исследователи полагают, что с этого момента императорская власть приняла гражданский и церемониальный характер¹. Если раньше августы нередко становились во главе армий, активно перемещались по стране, побеждали мятежников, узурпаторов и варваров, то теперь правители выполняли совершенно иные функции. Позднеантичные авторы Синезий, Филосторгий, Зосим, Евнапий и Сидоний Аполлинарий обвиняют императоров той эпохи в том, что они передоверили государственные дела придворным фаворитам, а сами жили в праздной роскоши и были чужды всякой политической деятельности (Syn. Regn. 13–15; Philostorg. XI. 3; Zos. V. 12. 1–2; Eun. frag. 62. 2; Sid. App. Carm. V. 354–363). Синезий даже писал, что императоры напоминали павлинов, но сидели в своих норах как ящерицы, почти не выглядывая наружу, чтобы насладиться солнечным теплом (Syn. Regn. 15. 7).

Данные об авторе: Владислав Алексеевич Конопаткин – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Diefenbach 1996, 41; 2002, 21; Icks 2014, 72; Bleckmann 1997; McEvoy 2013; Pfeilschifter 2013.

На основании этих свидетельств в историографии сформировалось представление о *princeps clausus*, предполагающее затворничество императора во дворце. Исследователи связывают это явление с тем обстоятельством, что Гонорий (395–423) и Валентиниан III (425–455), получившие власть в малолетнем возрасте, находились под опекой могущественных регентов и позднее уже не могли или не хотели брать всю полноту власти в свои руки². Фактически это даже укрепляло их положение: теперь можно было свергнуть режим, не меняя номинального правителя, что выяснилось, когда положение императора осталось непоколебленным в результате падения таких влиятельных временщиков как Руфин, Евтропий, Стилихон и Аэций. В таком политическом контексте императоры становились символическими фигурами, обеспечивавшими принцип легитимного наследования и преемственности власти.

Разные аспекты символической роли августа были рассмотрены нами ранее³. В то же время следует согласиться с М. МакЭвой, полагающей, что концепция затворничества императора в его дворце, когда он практически недоступен для подавляющего большинства своих подданных, нуждается в пересмотре⁴. Исследователь считает, что несмотря на свою юность Аркадий еще при жизни отца, а также в период своего самостоятельного правления активно взаимодействовал с населением Константинополя и личным участием в публичных церемониях добивался народных симпатий⁵.

Действительно, еще С. МакКормак показала огромное значение публичных ритуалов в деле легитимации власти императора. Она отмечает, что позднеантичный панегирик был тесно связан с тем церемониалом, во время которого он декламировался, и зачастую включал содержательное описание самого торжества⁶. В этих рамках акцент на стремлении масс лицезреть своего императора означал их искреннее одобрение его политики. Императорский въезд в город вполне мог вызвать общественный экстаз, неоднократно описанный в панегириках; для нас здесь важнее то, что именно такую реакцию панегиристы считали естественной для тех, кто стал свидетелем торжественного въезда законного властителя. Ориентация на церемониал также объясняет, почему в панегириках часто уделяется так много внимания внешнему облику императора. Например, панегирик Августу Феодосию (Pan. Lat. XII. 6. 2) содержит следующие слова: «А как соответствует твоему высокому положению твой внушающий почтение облик! Как притягивает он к себе взгляды всех людей! ...Совершенно непонятно, больше ли проникает в наши умы твоя доблесть или привлекает наши взоры твоя красота!»⁷. Или: «Какими толпами изумленных людей, какой многочисленной аудиторией я буду окружен, когда скажу: «Я видел Рим, я видел Феодосия, я видел их одновременно!»⁸ (Pan. Lat. XII. 42. 5). Создателями подобного рода «пропагандистских текстов» подчеркивалось, что возможность увидеть императора представлялась редко, зато она всегда приводила публику в восторг. Авторы, и не только панегиристы, счи-

² McEvoy 2013; 2020; Smith 2007.

³ Конопаткин 2022а; 2022б; 2023.

⁴ McEvoy 2020, 184.

⁵ McEvoy 185–190.

⁶ Icks 2003, 169; MacCormack 1981, 6–8, 46–48.

⁷ Пер. И.Ю. Шабаги.

⁸ Пер. И.Ю. Шабаги.

тали, что император должен был быть доступен публике, а исчезновение его из поля зрения подданных – это свидетельство невовлеченности августа во внутренние дела империи. В то же время акцент, который многие панегиристы делали на восторженном впечатлении от встречи с императором, особенно в городах, где он обычно не проживал, свидетельствует о растущем понимании того, что такое зрелище ни в коем случае не должно было считаться обыденным или само собой разумеющимся, а являлось привилегией⁹.

Другие исследователи придерживаются сходной точки зрения относительно появления императоров на публике¹⁰. Х. Вимер так определяет роль народных аккламаций, звучавших по случаю публичных торжеств: «Главным стимулом для увеличения и расширения аккламаций во всех сферах общественной жизни, несомненно, было намерение позднеантичного императора привлечь как можно больше людей к участию в как можно большем количестве церемоний, которые вновь и вновь гарантировали ему необходимую и желанную легитимность»¹¹. В частности, постоянное присутствие императора в Константинополе привело к созданию византийского гражданского церемониала, который включал как светские, так и церковные мероприятия. Он обеспечивал единство народа и императора, а также укреплял лояльность подданных по отношению к властителю¹². По выражению К. Келли, Константинополь был парадным городом¹³. В субботние, воскресные и праздничные дни в нем проводились литургические процессии, в ходе которых использовались серебряные кресты, освященные свечи, пелись псалмы. Наиболее запоминающимися были пышные церемонии, посвященные прибытию святых реликвий. А присутствие императоров, иногда вместе с другими членами императорской семьи, преобразовало эти события, придавая им еще большую значимость¹⁴.

Римская империя в IV–V вв. по-прежнему включала обширные территории, тогда как император, разумеется, не мог ни регулярно присутствовать, ни хотя бы раз за время своего правления посетить наиболее значимые города своей державы лично, чтобы принять участие в публичных мероприятиях: у многих властителей на это не доставало ни времени, ни желания, ни сил. Тем не менее, легитимность императорской власти поддерживалась по всей империи. Это обеспечивалось путем создания «вечного присутствия» августа, как назвала данный феномен С. МакКормак¹⁵. Тема «вечного присутствия» августа уже рассматривалась нами на примере монументальной пропаганды (имеется в виду повсеместное возведение императорских статуй) и публичного оглашения законодательных актов¹⁶. Сходную роль выполняли и публичные торжества, проводимые либо в честь самого августа, либо в связи с какими-то значимыми событиями в его жизни. Именно эти торжества окажутся в фокусе внимания в настоящей статье. К сожалению, источники, так или иначе проливающие свет на события повседневной

⁹ Icks 2003, 177.

¹⁰ Van Nuffelen 2012, 184.

¹¹ Wiemer 2004, 60. Пер. наш – В.К.

¹² Van Nuffelen 2012, 185; Diefenbach 1996, 63–64; Wiemer 2004, 63; Croke 2010, 251, 260.

¹³ Kelly 2013, 42.

¹⁴ MacCormack 1981, 6–8, 46–48.

¹⁵ MacCormack 1981, 43.

¹⁶ Конопаткин 2022а.

жизни в малых городах империи, крайне малочисленны, поэтому мы располагаем сведениями в основном лишь о тех празднествах, которые проводились в столицах – Риме и Константинополе (Новом Риме). Впрочем, надо думать, традиции организации подобных празднеств в крупных и малых городах отличались только по масштабам, но не по сути.

Тема праздников в Римской империи довольно полно представлена в историографии¹⁷. Празднества оказывались важными элементами полисной идеологии, и участие в них определяло гражданский статус участника¹⁸. Кратко охарактеризуем их. Праздники назывались *feriae* или *dies feriales*. Традиционно они были приурочены к каким-либо священным дням, которые принадлежали богам, а потому в эти дни нельзя было заниматься коммерческой или судебной деятельностью. Во время праздников проводились различные ритуалы, процессии, жертвоприношения, пиры и, конечно же, игры, гладиаторские бои, театральные представления. Какие же изменения произошли в поздней античности? Самое очевидное – это появление христианства, которое препятствовало проведению празднеств в честь языческих божеств, а такие обязательные компоненты языческого культа как молитвы в храме и совершение жертвоприношений теперь и вовсе было невозможно¹⁹. В IV–V вв. христианские праздники стали *feriae publicae* (такие как воскресенье, Пасха, Пятидесятница, Рождество, Богоявление) (*Cod. Theod.* 2. 8. 1; 2. 8. 18); одновременно с этим языческие *feriae* становились обычными рабочими днями (*Cod. Theod.* 2. 8. 22). Более того, в дни христианских праздников были запрещены популярные в народе зрелища (гладиаторские бои, ристания колесниц), равно как и по воскресеньям, за некоторыми исключениями, см. ниже (PG LIV, с. 660; *Cod. Theod.* 2. 8. 20; 15. 5. 5). Тем не менее, *ludi* и *circenses* активно проводились при императорской поддержке, но только при условии отсутствия «каких-либо жертвоприношений или проклятых суеверий» (*Cod. Theod.* 16. 10. 17; 15. 5. 3; 2. 8. 23; 24). Запретить же языческие празднества оказалось невозможно, религиозные коннотации, возможно, и исчезли, но традиции празднования либо сохранялись, либо перенимались в новой христианской оболочке²⁰. Например, многие элементы *Isidis navigii* вошли в репертуар средневекового карнавала, то же самое произошло с сатурналиями²¹. Кроме того, запрет языческих коннотаций в празднованиях и осуждение их христианами авторами вовсе не означает, что плебс не видел в своем участии некоего сакрального подтекста.

Существуют два исключительно значимых и ценных источника, сообщающие о том, какие праздники и в честь какого события проводились. Один источник происходит из Рима (354 г.) – т.н. Календарь Филокала²², другой из Лугдуна (449 г.) – календарь за авторством Полемия Сильвия²³. Их изучение интересно потому, что они были созданы христианами, следовательно, можно быть твердо уверенным в их ангажированности, когда речь заходит о составлении распорядка года. Однако в обоих календарях наряду с христианскими праздниками упоминаются и

¹⁷ Scullard 1981; Маринович 1998; Rüpke 1998; Mommsen 1859; Graf 2015; Kahlos 2020.

¹⁸ Маринович 1998.

¹⁹ Schiavo 2022, 315.

²⁰ Schiavo 2022, 316.

²¹ Salzman 1990, 240; Alfoldi 1937, 46.

²² Salzman 1990; Burgess 2012, 345–396.

²³ Paniagua 2012; Chastagnol 1955, 173–188.

языческие, причем в более позднем календаре их на порядок меньше²⁴. Помимо самого наименования праздника, в календарях отмечались и дни проведения *ludum* и *circensium*, которые сами по себе не являлись *dies feriae*. Нас же в данной статье интересует не религиозная жизнь позднеантичного общества, а порядок почитания императоров. Праздники и церемонии, связанные с императором и его семьей, являются наиболее частыми и важными из всех, значительное количество *ludi* и *circenses* проводились именно в их контексте²⁵. Такими значимыми днями были дни рождения самого императора или кого-то из членов его семьи, годовщина восшествия на престол, *adventus*, громкие победы. Более того, как указывалось выше, в воскресенье, а также в дни христианских праздников запрещалось проводить какие-либо увеселительные мероприятия, однако знаменательные даты жизни августов оказывались исключениями (*Cod. Theod.* 2. 8. 20). Императоры в целом проявляли немалую заботу о том, чтобы увеселения проводились либо в их честь, либо по какому-либо другому поводу: «Точно так же, как мы уже отменили светские обряды спасительным законом, мы не позволяем отменять праздничные собрания граждан и общее удовольствие для всех. Следовательно, мы постановляем, что, согласно древнему обычаю, людям должны быть предоставлены развлечения, но без каких-либо жертвоприношений или каких-либо проклятых суеверий, и им должно быть разрешено посещать праздничные банкеты, когда того потребует общественная воля»²⁶ (*Cod. Theod.* 16. 10. 17).

Из других источников известно, что отмечались дни выдающихся свершений, например, на Западе по случаю свержения Приска Аттала (*Prosp. Chron.* 1263), на Востоке после победы над Гайной – в честь этого события позднее была возведена колонна Аркадия, открытие которой тоже сопровождалось торжеством²⁷. С помпой проводились свадьбы императора и его детей: например, свадьбы Серены и Стилихона в Константинополе (*Claud. III cos. Hon.* 155–56), Гонория и Марии в Милане (*Claud. Epith.* 295–300), Аркадия и Евдоксии в Константинополе (*Chron. Pasch.* 395). Крещение членов императорской семьи также становилось торжественным мероприятием (*Socr.* 6. 11). Прибытие священных реликвий сопровождалось торжествами, обычными для адвента, причем император ставил подобное событие себе в заслугу и принимал участие в процессии, только уже в религиозном ключе (*PG* 63:468–472; *PG* 63:473–478). О многих праздниках, которые устраивались в честь императора или были с ним так или иначе связаны, сообщает Константин Багрянородный: праздничными он называет дни восшествия на престол, рождения наследника, день рождения императора, а также много внимания уделяет народным увеселениям (*Const. Porph. De ceremoniis.* I. 47, 48, 52, 69, 70, 77, 78, 79, 82).

Разумеется, светские и религиозные праздники отмечались по-разному; нас интересуют первые. Сократ сообщает, что по случаю свадеб высокопоставленных лиц, близких ко двору, народ плясал и украшал себя венками (*Socr.* V. 3. 4.), об этом упоминает и Зосим (*Zos.* 5. 3. 4). Когда женился Стилихон, его сопровождали солдаты в белых плащах, увенчанные лавром и миртом, бросали в толпу

²⁴ Salzman 1990, 244.

²⁵ Salzman 1990, 131.

²⁶ Пер. наш. – В.К.

²⁷ Bauer 1996, 203–212.

пурпурные цветы и пели о достижениях своего полководца и его удаче²⁸. В целом же большинство праздничных шествий включали в себя три повторяющихся пространственных элемента: торжественно украшенные улицы и площади (1), возведенные по случаю развлекательные здания типа павильонов или декораций (2) и храмы (3). Из источников становится ясно, что со второй половины IV в. праздничные процессии проходили по форуму/агоре и украшенным портиками с колоннами улицам городов²⁹. Театры, скорее всего, обычно являлись конечной точкой таких процессий. Так было в городах Африки (August. Serm. 198. 2 (PL 38. 1025)) и в Антиохии (Joan. Chrys. Hom. Matt. 7. 6). С учетом проведения подобных праздничных шествий в период поздней античности во многих городах империи рядом с публичными зданиями сооружались портики, своим фасадом выходившие на улицы, по которым обычно двигались процессии³⁰. Это мы наблюдаем на примере Трира, Милана, Рима, Константинополя и других крупных городов³¹.

Любопытно, что о деталях торжеств зачастую сообщают христианские авторы, которые эти торжества не только не одобряли, но даже обращались к своим единоверцам с их осуждением, как, например, Тертуллиан в трактате «О зрелищах» (Tertul. Spect. 3-30). Так, Августин в 198-й проповеди упоминает мимов, пантомимы, гонки на колесницах, травлю зверей, театры (August. Serm. 198.2 (PL 38.1025)). Все это, по мнению Августина, отравляет душу, однако же люди счастливы участвовать в увеселениях. Августин не был одинок в своем мнении, аналогичным образом высказывался и Иоанн Златоуст. Он вспоминал, как многие из его паствы отправились на скачки вместо церкви и «наполнили весь город воплями и беспорядочными восклицаниями» (Chrys. Contra Ludos. 263). Иоанн слышал это из своего дома, и ему было стыдно за своих прихожан, которые посещали эти игры и стали «пленниками дьявола» по вине зрелищ (Chrys. Contra Ludos. 263–264). Спустя сто лет Севир Антиохийский говорит о том, что нет никакого оправдания тем, кто идет на скачки, но даже если они не пойдут туда, он знает, что паства любит зрелища и стремится к ним «в эти святые дни поста»³² (Sev. Ant. Hom. 18. 27), ведь там раздаются звуки флейты, цимбал и сатанинские песни (Sev. Ant. Hom. 18. 28). В одном из своих гимнов Севир утверждает, что «ужас охватит тех, кто смотрит зрелище, а его самого – великий страх [за] тех, кто слушает этот постыдный шум» (Sev. Ant. Hymn. 269). Далее он предупреждает своих читателей, что, посещая эти зрелища, они будут «внутренне наполнены образами безнравственности и развратной распущенности» (loc. cit.). В конце Севир умоляет Бога помочь ему спасти его паству от этих безнравственных поступков, чтобы братья-христиане могли должным образом поклоняться Творцу (loc. cit.).

Светские писатели, как ни странно, тоже не особо жаловали различные увеселения, поскольку эти последние свидетельствовали о разврате и распущенности племени. Например, Аммиан Марцеллин был зол на людей за то, что они были преданы удовольствиям и роскоши, а Прокопий Кесарийский критиковал за то же самое императорскую чету (Юстиниана и Феодору), потакавшую бесчинствам

²⁸ Lavan 2021, 166–167.

²⁹ Lavan 2021, 166–167.

³⁰ Конопаткин 2022б.

³¹ Dey 2014.

³² Здесь и далее в нашем пер. – В.К.

цирковых партий (Procop. Hist. Secr. VII. 17, 20–22). Аммиан высмеивал жителей Рима за их преданность «цветным» фракциям и веру в то, что государство рухнет, если фракция, которую они поддерживают, проиграет состязание (Amm. Marc. XXVIII. 4. 29). Далее он пишет, что «их храм, их жилище, их собрание и вершина всех их надежд – это Circus Maximus» (loc. cit.). Аммиан отмечает, что эта преданность конкретной фракции перетекла в их повседневную жизнь, где они вступали в конфронтацию с представителями других фракций, каждая из которых была уверена в том, что, если их фракция проиграет, безопасность империи окажется под угрозой (Amm. Marc. XXVIII. 4. 30).

Императоры старались угодить разным слоям населения, поэтому еще в 325 г. римское законодательство запретило участие преступников в гладиаторских боях, тем не менее сами бои продолжались до середины IV в. на Востоке и были окончательно запрещены Гонорием в 404 г. на Западе³³. Только в конце V в. гладиаторские игры и травли зверей (venationes) были, наконец, полностью отменены, хотя на Востоке они de facto прекратились еще в конце IV в., хотя попытки прекратить их предпринимались еще в 325 г. (Cod. Theod. XV. 12. 1). Карфагенский собор в 401 г. настаивал на том, чтоб императоры запретили публичные угощения. Собор указал, что язычники заставляли христиан там присутствовать, и это якобы напоминало возврат гонений (CCSL 149, 196–197). Впрочем, императоры ничего не стали запрещать, а, напротив, всячески поощряли публичные увеселения.

Даже такой благочестивый император³⁴ как Феодосий II Малый вовсе не игнорировал зрелища. Сократ Схоластик упоминает два случая на ипподроме. В одном Феодосий после получения вести о гибели западного узурпатора Иоанна призвал народ забыть о зрелище и пойти в храм «возносить благодарственные молитвы Богу, чья рука низвергла тирана» (Soc. VII. 23. 11–13). В другом – август перед лицом непогоды призвал публику молиться (Soc. VII. 22. 16). По свидетельству церковного историка, после слов императора все люди якобы в едином порыве отправились воздавать хвалу Богу. Тот факт, что оба эти случая застигли императора на ипподроме, может иметь два объяснения. С одной стороны, Сократ Схоластик таким образом противопоставляет молитву и увеселения. С другой – именно на ипподроме август мог максимально эффективно взаимодействовать с многочисленной аудиторией, кроме того, здесь он находился в центре общего внимания. Недаром в Константинополе императорский дворец прямо прилегал к ипподрому, так что из внутренних покоев август мог пройти прямо в императорскую ложу, чтобы быть на виду у всех присутствующих³⁵. Кроме того, традиционно на ипподроме или в амфитеатре император удостоивался аккламаций³⁶.

Впрочем, есть все основания считать, что эти императорские проповеди либо были приукрашены автором, либо не были встречены публикой с таким единодушным энтузиазмом. По свидетельству того же Сократа Схоластика, однажды в константинопольском амфитеатре была устроена травля зверей, и народ стал кричать, чтобы с диким животным сразился кто-нибудь из отважных смельчаков. «А вы не знаете разве, — отвечал народу император, — что мы привыкли смотреть

³³ Köhne et al. 2000, 30.

³⁴ Kelly 2013, 219–284.

³⁵ Smith 2007, 189.

³⁶ Kelly 2001, 188.

на зрелища человеколюбиво? Сказав это, [он] научил народ впоследствии довольствоваться такими зрелищами, в которых нет ничего бесчеловечного»³⁷ (Soc. VII. 22. 6–12). А префект города Кир из Панополиса в 439–441 гг., наоборот, всячески обустроивал амфитеатры, ипподромы и оплачивал зрелища. За это он получал от народа одобрение, которое публично высказывалось, из-за чего в глазах людей он представлял едва ли не вторым Константином (Mal. 361–2; Chron. Pasch. 450). Т.е. организаторы игр пользовались в народе гораздо большей популярностью, нежели проповедники.

Эпизод с Киром свидетельствует также о том, что обязанность финансировать зрелища ложилась на местные власти. С одной стороны, можно было опасаться, что популярность, которую принесут организатору успешные игры, повредит авторитету императора, с другой – устройство игр было делом чрезвычайно дорогим, что вело к разорению местных элит, на что в VI в. жалуется Иоанн Лид: по его словам, он «изобильное богатство от себя источает гражданам наподобие снежных хлопьев»³⁸ (Joan. Lyd. De Mag. 2. 8). О том же свидетельствует историк начала V в. и современник рассматриваемых событий Олимпиодор. Он сообщает, что суммы, потраченные сенаторами разного достатка на игры в Риме в конце IV в., варьировались от 1200 фунтов золота до 4000 – цифры, близкие к годовым доходам этих людей (Olymp. 41. 2)³⁹. Т.е. зрелища устраивались за счет местных элит, но во славу императора и от его имени, тем более что в конце IV–V вв. на все должности люди назначались по воле императора. Следовательно, аристократия использовала организацию торжеств и зрелищ в своих интересах, пытаясь выслужиться перед императором, заслужив его похвалу.

Присутствие императора на ипподроме во время ристаний колесниц или же на любых других зрелищах существенно сказывалось на его популярности в массах⁴⁰. Как отмечал П. Вейн, «победа одной из группировок колесничих в цирке была хорошей возможностью отпраздновать в символическом ритуале вечную победу монарха и превратить цирковые церемонии в своего рода триумф»⁴¹. Удовольствие, которое население получало от зрелищ, отвечало стремлению императора к популярности в массах; именно ему доставалась вся слава, поскольку в стандартную формулу восхвалений, звучавших во время зрелищ, включалось пожелание августу долголетия и благополучного правления⁴². Попытки императоров ублажить зрелищами плебс и одновременно не раздражать христианских иерархов продолжались на протяжении всего периода поздней античности; императоры нуждались в поддержке плебса, чтобы оставаться у власти, и, следовательно, не могли пойти на слишком большие уступки церкви и отказаться от организации зрелищ, которых желало население. Люди нуждались в играх, чтобы во время игр свободно доводить свое мнение до сведения императора; последний тоже нуждался в зрелищах, чтобы демонстрировать подданным свою власть

³⁷ Пер. И.В. Кривушина.

³⁸ Пер. М.М. Сеницы.

³⁹ Об этом также: Jones 1964/II, 537–542.

⁴⁰ См об этом: Cameron 1993; MacCormack 1981.

⁴¹ Veyne 1992, 400.

⁴² Veyne 1992, 400.

и великодушные либо посредством личного присутствия, либо через иконографию, отраженную в памятниках на территории ипподрома⁴³.

Таким образом, императорам V в. было крайне важно сохранять традицию организации зрелищ. Обеспечивая увеселения, устраивая раздачи населению и украшая столицу, август представал в глазах своих подданных в роли заботливого отца и благодетеля. Периодическое празднование годовщин подчеркивало сакральную природу императорской власти, ведь помимо торжеств в честь императоров важными календарными датами являлись христианские праздники, равно как и небольшое число традиционных, языческих празднеств (эти последние не требовали особо значительных затрат от казны). Только во время торжеств, игр или процессий в столице императоры могли напрямую взаимодействовать с подданными, вступая с ними в некую сакрализованную связь (как Христос с апостолами). В отсутствие императора празднества все равно проводились в атмосфере незримого присутствия августа – благодаря повсеместному размещению императорских статуй, а также тесной идеологической и религиозной связи самих торжеств с императором или его семьей.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Alfoldi, A. 1937: *Isis-szertartások Rómában a negyedik század keresztény császárai alatt*. Budapest.
- Bauer, F. A. 2001: Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity. *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia* 15, 27–61.
- Bauer, F.A. 1996: *Platz und Denkmal in der Spätantike*. Mainz.
- Bleckmann B. 1997: Honorius und das Ende der römischen Herrschaft in Westeuropa. *Historische Zeitschrift* 265, 561–595.
- Burgess, R.W. 2012: The Chronograph of 354: its Manuscripts, Contents, and History. *Journal of Late antiquity* 5, 345–396.
- Cameron, A. 1993: *Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium*. Oxford.
- Chastagnol, A. 1955: Notes chronologiques sur l’Histoire Auguste et le Laterculus de Polemius Silvius. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 4, 2–3, 173–188.
- Croke, B. 2010: Reinventing Constantinople: Theodosius I’s imprint on the imperial city. In: S. McGill, C. Sogno, E. Watts (eds.), *From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture, 284–450 CE*. Cambridge, 241–264.
- Dey, H. 2014: *The Afterlife of the Roman City. Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. New York.
- Diefenbach, S. 1996: Frömmigkeit und Kaiserakzeptanz im frühen Byzanz. *Saeculum* 47, 1, 35–66.
- Diefenbach, S. 2002: Zwischen Liturgie und civilitas. Konstantinopel im 5. Jahrhundert und die Etablierung eines städtischen Kaisertums. In: R. Warland (ed.), *Bildlichkeit und Bildorte von Liturgie*. Wiesbaden, 21–49.
- Graf, F. 2016: *Roman Festivals in the Greek East*. Cambridge.
- Humphrey, J.H. 1986: *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing*. Berkeley.
- Icks, M 2020: Keeping up Appearances Evaluations of Imperial (In)Visibility in Late Antiquity. In: E. Manders, D. Sloopjes (eds.), *Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD*. Wiesbaden, 163–180.

⁴³ Bauer 1996, 2001; Humphrey 1986; Safran 1993.

- Icks, M. 2014: The inadequate heirs of Theodosius: Ancestry, Merit and Divine Blessing in the Representation of Arcadius and Honorius. *Millenium* 11, 69–99.
- Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. 2 vols. Oxford.
- Kahlos, M. 2020: *Religious Dissent in Late Antiquity*. Oxford.
- Kahlos, R.T.M. 2016: The Emperor's New Images: How to Honour the Emperor in the Christian Empire In: M. Kahlos (ed.), *Emperors and the Divine: Rome and its Influence*. Helsinki, 119–138.
- Kelly, C. 2001: Empire building In: G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar (eds.), *Interpreting late antiquity*. Belknap, 170–195.
- Kelly, C. 2013: *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Köhne, E., Ewigleben, C., Jackson, R. 2000: *Gladiators and Caesars: The Power of Spectacle in Ancient Rome*. Berkeley.
- Konopatkin, V.A. 2022a: Zakonodatel'stvo kak sredstvo publichnoy kommunikatsii v Pozdney Rimskoy Imperii v IV veke [Legislation as a Means of Public Communication in the Late Roman Empire in the 4th Century]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problem Field of Media Studies] 4 (46), 115–122.
- Конопаткин, В.А. 2022а: Законодательство как средство публичной коммуникации в Поздней Римской империи. *Знак: проблемное поле медиаобразования* 4 (46), 115–122.
- Konopatkin, V.A. 2022b: Pozdneantichnyy gorod kak prostranstvo reprezentatsii rimskoy imperatorskoy vlasti v IV–V vv. [The Late Antique City as a Space of Representation of Roman Imperial Power in the Fourth and Fifth Centuries AD]. *MNEMON. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [MNEMON. Studies and Publications on the History of the Ancient World] 22/1–2, 170–188.
- Конопаткин, В.А. 2022б: Позднеантичный город как пространство репрезентации римской императорской власти в IV–V вв. *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира* 22/1–2, 170–188.
- Konopatkin, V.A. 2023: Imagines Augusti: k voprosu o roli imperatorskikh izobrazheniy v gorodakh Pozdney rimskoy imperii [Imagines augusti: on the Role of Imperial Images in Cities of the Late Roman Empire]. *Problemy istorii, fiologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 116–123.
- Конопаткин, В.А. 2023: Imagines Augusti: к вопросу о роли императорских изображений в городах Поздней римской империи. *ПИФК* 4, 116–123.
- Lavan, L. 2021: *Public Space in the Late Antique City*. 2 vols. Leiden.
- MacCormack, S. 1981: *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley.
- Marinovich, L.P. 1998: Grazhdanin na prazdnike Velikikh Dionisiy i polisnaya ideologiya [The Citizen at the Feast of the Great Dionysius and Polis Ideology]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [Man and Society in the Ancient World]. Moscow, 295–362.
- Маринович, Л.П. 1998: Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. В кн.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 295–362.
- McEvoy, M. 2013: *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford.
- McEvoy, M. 2020: An Imperial Jellyfish? The Emperor Arcadius and Imperial Leadership in the Late Fourth Century AD. In: E. Manders, D. Slootjes (eds.), *Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD*. Wiesbaden, 181–185.
- Paniagua, D. 2012: Intorno alla lettera prefatoria e all'introduzione del 'Laterculus' di Polemio Silvio. In: L. Cristante, T. Mazzoli (eds.), *Il calamo della memoria V. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità*. Trieste, 155–174.
- Pfeilschifter, R. 2013: *Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole*. Berlin.

- Rüpke, J. 1998: Fasti. In: *Der Neue Pauly* 4. Metzler–Stuttgart, 434–439.
- Safran, L. 1993: Points of View: The Theodosian Obelisk in Context. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 34, 409–435.
- Salzman, M. R. 1990: *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity*. Berkeley.
- Schiavo, S. 2022: Christian Feasts and Administration of Roman Justice in Late Antiquity. In: D.C. Flatto and B. Porat (eds.), *Law as Religion, Religion as Law*. Cambridge, 314–340.
- Scullard, H.H. 1981: *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. London.
- Smith, R. 2007: The Imperial Court of the Late Roman Empire, c. AD 300 – c. AD 450. In: A.J.S. Spawforth (ed.), *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge, 157–232.
- Van Nuffelen, P. 2012: Playing the Ritual Game in Constantinople under the Theodosian Dynasty. In L. Grig, G. Kelly (eds.), *Two Romes: from Rome to Constantinople*. Oxford, 183–200.
- Veyne, P. 1992: *Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism*. London.
- Wiemer, H.-U. 2004: Akklamationen im spätrömischen Reich. Zur Typologie und Funktion eines Kommunikationsrituals. *Archiv für Kulturgeschichte* 86, 27–74.

ROMAN EMPEROR'S POWER AND PUBLIC FESTIVITIES IN THE LATE FOURTH AND FIFTH CENTURIES

Vladislav A. Konopatkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: vladgimn93@gmail.com

The paper discusses the changes in the nature of imperial power in the Roman Empire after AD 395. In his symbolic role, the emperor had to take part in a large number of ceremonial events, which often aroused skepticism among Christian writers, who associated previous traditions with paganism and were categorically against traditional entertainment. However, the emperors, despite the official adoption of Christianity and the full support of the church, not only did not limit traditional holidays, games and circus performances, but, on the contrary, encouraged them in every possible way. Pompous ceremonies, processions and public spectacles were held in honor of the emperor in his visible or invisible presence, and all the enthusiasm of the public poured out directly on the sacred person, thereby strengthening his legitimacy.

Keywords: Late Roman Empire, representation of power, Roman emperors, potestiar imagology, public celebrations

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-126–140

ПЕРВЫЙ РИМСКО-КАРФАГЕНСКИЙ ДОГОВОР В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI в. до н.э.

Л.М. Шмелева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: ljudmila.shmeleva@kpfu.ru

ORCID: 0000-0003-0785-4562

В статье рассматривается первый римско-карфагенский договор, заключенный в 509 г. до н.э., в контексте противостояния Рима, греков и коалиции этрусков и карфагенян. Полибий приводит текст договора, оригинал которого он видел в казнохранилище эдилов рядом с храмом Юпитера Капитолийского, подчеркивает архаичность языка текста и древность божественных клятв, скреплявших договор со стороны Рима. По договору римляне не должны были плавать в определенные местности, а также совершать в них закупки, кроме необходимого для ремонта и жертвоприношений, а также провизии. Карфаген со своей стороны обязывался не вмешиваться в дела Лация. Договор 509 г. до н.э. соответствует той ситуации, которая сложилась в Западном Средиземноморье к этому времени и позволяет говорить о том, что Рим стал одним из субъектов международных отношений, могущих повлиять на расстановку сил в последующей борьбе за господство в данном регионе. В связи с этим Карфаген и попытался обезопасить себя от нового действующего субъекта отношений и защитить свои интересы.

Ключевые слова: Рим, Карфаген, Западное Средиземноморье, международные отношения, дипломатия

ВВЕДЕНИЕ

В конце VI в.¹ в Западном Средиземноморье действовали три основных силы, претендовавших на гегемонию в данном регионе: Карфаген, этрусские города-государства и греческие полисы. Тогда же на международной арене начинает фигурировать Рим, связанный договорными отношениями с Латинским союзом (объединением латинских общин), рядом италийских племен и этрусских городов-государств. По всей видимости, римская дипломатическая деятельность в конце VI в. была достаточно масштабной и нашла отражение в серии догово-

Данные об авторе: Людмила Михайловна Шмелева — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений КФУ.

¹ Все даты – до н.э.

ров со своими близкими и дальними соседями, которые охватывали разные сферы взаимных интересов (торговлю, военные союзы, решение территориальных проблем). Одним из них является первый договор между Римом и Карфагеном, заключенный в 509 г. и дошедший до нас в изложении Полибия.

Значимость этого соглашения проистекает из нескольких аспектов: во-первых, учитывая сильную географическую удаленность Рима и Карфагена договор символизирует дипломатические амбиции Рима по присутствию в Средиземноморье, во-вторых, несмотря на отсутствие у Рима морского флота в договоре нашли отражение торговые интересы сторон (в большей степени Карфагена), в-третьих, договор выступает ориентиром для возможного разграничения сфер влияния двух государств в регионе.

Текст договора активно изучался в историографии. Были высказаны различные точки зрения на время заключения договора, политическую ситуацию, которая предшествовала его заключению, локализацию Прекрасного мыса, за которым ограничивалось плавание римлян, и на цели заключения договора как со стороны Рима, так и со стороны Карфагена. Тем не менее, в свете новых данных по ранней римской истории и по истории международных отношений в Западном Средиземноморье, требуется пересмотр некоторых выводов, сделанных ранее относительно целей заключения договора и общей ситуации в регионе². О продолжающемся интересе исследователей к данной проблеме свидетельствует выход ряда новых работ, в которых исследователи продолжают интересоваться как время заключения договора, так и интересы сторон, в особенности Рима, а также особенности внешнеполитических курсов римских царей или консулов³.

ТЕКСТ ДОГОВОРА МЕЖДУ РИМОМ И КАРФАГЕНОМ 509 г.

Сам текст договора известен в изложении Полибия, который указывает, что видел оригинал договора в казнохранилище эдилов рядом с храмом Юпитера Капитолийского (Polyb. III. 26. 1). Полибий также отмечает архаичность языка текста договора (Polyb. III. 22. 3) и далее указывает, что «ибо и в наше время даже старейшие из римлян и карфагенян, слышущие за людей, наиболее пекущихся о государственных делах, даже они не знали» о наличии древних договоров между Римом и Карфагеном (Polyb. III. 26.2).

Полибий использует термин *συνθήκη* – договор – для обозначения соглашения, заключенного между Римом и Карфагеном (Pol. III. 22. 1). Этот же термин использует и Диодор Сицилийский (16. 69. 1). В древнегреческом языке термин *συνθήκη*, использованный Полибием, означает официальный договор между государствами.

Латинские авторы об этом договоре не сообщали, хотя Полибий писал, что договор в его время хранился в казнохранилище эдилов, написанный на медных досках (Pol. III. 26.1), и высказывал недоумение, почему о договоре не известно римским авторам.

² Alföldi 1965; Cornell 1995; 2008, 243–308.

³ Rodríguez 2013; Циркин 2017; Bernardini 2001, 135–158; Capogrossi Colognesi 2009; Auliard 2006.

Полибий не дает детальной процедуры заключения договора, но указывает на принесение клятвы именем Юпитера Камня, и приводит слова, заключающего договор (Pol. III. 25. 6–9). Это описание несколько перекликается с описанием заключения договора между Римом и Альбой-Лонгой (foedus, заключаемого между государствами), которое приводит Ливий в своем труде (Liv. I. 24. 7–9). То есть ритуал можно отнести к достаточно древним, до начала использования бронзы и железа. Отсылка к использованию камня также говорит о древности договора.

Текст договора можно разделить на две части: первая – обязательства римлян, вторая – обязательства карфагенян. Римляне не должны были плавать в определенные договором местности – за Прекрасным мысом, а также совершать в них закупки товаров, при нужде они могли только совершить покупки для ремонта кораблей и необходимого для жертвоприношений, а также провизию. В то же время на других территориях подвластных Карфагену – Ливии, Сардинии и Сицилии – римляне могли вести торговлю, причем в Сицилии римляне и карфагеняне обладали равными правами. Обязательства Карфагена касались только захватов территорий в Лации, который рассматривался Римом как собственная сфера интересов и в которую Карфаген не должен был вмешиваться.

В современной историографии текст договора, приведенный Полибием, считается достоверным. Большинство исследователей принимают приведенные Полибием дату заключения договора и указание на архаичность языка текста (Polyb. III. 22.3). Также признается объективным описание международной ситуации в Западном Средиземноморье в конце VI в., характеризовавшейся противостоянием греков, с одной стороны, и этрусков и карфагенян – с другой, за контроль над морскими торговыми путями⁴.

Полибий (Polyb. III. 25.6–9) приводит не только текст договора, но и то какими клятвами и каким богам он скреплялся и со стороны Карфагена и со стороны римлян, подчеркивая архаичность клятвы для первого договора: «Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: первые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих богов, а римляне согласно древнему обычаю во имя Юпитера Камня, последний же договор именами Марса и Ениалия. Клятва Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утверждающий договор клятвою берет в руку камень и, поклявшись от имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы ко мне боги, если я соблюду клятву; если же помыслю или учиню что-либо противное клятве, пускай все люди невредимо пребывают на собственной родине, при собственных законах, при собственных достатках, святынях, гробницах, один я да буду повергнут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву кидает камень».

ДИСКУССИЯ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА ДОГОВОРА

Однако в историографии имели место дискуссии относительно интерпретации текста договора. Основными аспектами спора являются два: 1) время заключения договора, 2) местоположение Прекрасного мыса и причины запрета плаванья за него.

⁴ Auliard 2006; Cornell 1995, 212; Ogilvie 1965, 220; Залесский 1962, 520–526; Мосолкин 2009, 30–38; Циркин 2017, 125–142; Шмелева 2015, 131–140.

Время заключения договора

В настоящее время существует несколько версий о времени заключения договора: 1) VI в.⁵; 2) V в.⁶; IV в.⁷. Большинство исследователей считают, что первый римско-карфагенский договор был подписан в самом конце VI в.⁸ В качестве аргументов в правильности такого вывода исследователи приводят следующие доказательства: 1) ситуация в Западном Средиземноморье в конце VI в. с этрусским и карфагенским преобладанием и их общим противостоянием греческим полисам; 2) ситуация в Лации с гегемонией Рима и его контролем над Помтинской областью; 3) противостояние в Средней Италии этрусков и греков, которые считали необходимым установить свой контроль над торговыми путями в этом регионе.

К середине VI в. в международной торговле увеличилось значение торговых путей по Тирренскому морю. Как следствие, обостряется противостояние этрусков и карфагенян с одной стороны и греков с другой, из-за возникновения греческой колонии Алалия на Корсике (Hdt. I. 166). Греки потерпели поражение, а этруски и карфагеняне разделили регион на сферы влияния: Корсика отошла этрускам, а Сардиния – Карфагену.

Через Лаций проходили важные внутрииталийские торговые пути: из Северной Этрурии в Кампанию и далее и речной путь по Тибру – от моря вглубь Апеннинского полуострова. В устье Тибра располагались соляные варницы (конфликт между Римом и этрусками из-за них Ливий относил ко времени Ромула (Liv. I. 15)), а также порт Остия⁹, через которую, как считает Ю.Б. Циркин, Рим мог поддерживать связи с италийскими греками, этрусками и карфагенянами¹⁰. Карфаген для расширения торговых связей был заинтересован в проникновении в регион Средней Италии, тогда как этруски и греки видели в этом опасность для своих торговых и политических интересов. Рим также опасался появления в регионе новой силы и выхода Лация из-под своего контроля.

Следует обратить внимание на замечание Т. Корнелла, что в Первом договоре присутствовала клятва камнями со стороны римлян, тогда как во втором (348 г.) – Марсом и Квирином, что указывает на древность договора¹¹. Также он обращает внимание на политическую ситуацию в Ливии и на Сардинии, которая, по его мнению, больше соответствует VI в., чем середине IV в.¹² Также Ю.Б. Циркин, анализируя ситуацию в Западном Средиземноморье в конце VI в., приходит к вы-

⁵ Ковалев 1986, 74; Залесский 1962, 524; Шифман 1963, 75; Cornell 1995, 210–214; Rich 2007, 10; Bernardini 2001 (но с датой 506 г.), 153; Циркин 2017, 138 (с датой 509 г.); Auliard 2006.

⁶ Мосолкин 2009, 30–38; Нуф 1990, 52–53; Petzold 1972, 382–385; Capogrossi Colognesi 2009, 132.

⁷ Alföldi 1965, 350–354. Альфельди приводит в своей работе обширный список историографии по вопросу о времени заключения договора и свои аргументы об отнесении первого договора между Римом и Карфагеном к 348 г.

⁸ Cornell 1995, 210; Циркин 2017, 140; Oakley 1997, 252–256; Rich 2007, 10; Залесский 1962, 524; Шифман 1963, 75; Маяк 1971, 32. Auliard 2006. О предшествующих точках зрения на этот вопрос см.: Alföldi 1965, 350 и далее

⁹ Вопрос о времени основания Остии требует отдельного исследования. Однако греческие и римские авторы относят ее основание к очень раннему Времени. Например, Ливий относил основание Остии к царствованию Анка Марция (Liv. I. 33.9).

¹⁰ Циркин 2017, 132.

¹¹ Cornell 1995, 211; См. также: Catalano 1965; Cornell 1995, 210–14; Penella 1987, 233–237; Smith 2007, 31–42; Майорова 2000, 58–71; Майорова 1998, 78–81; Майорова 2001, 142–179 и др.

¹² Cornell 1995, 212. О середине IV в. до н.э. Alföldi 1965, 354–355.

воду, что 509 г. можно считать единственно верной датой заключения первого договора между Римом и Карфагеном¹³. К. Олиар придерживается того же мнения, указывая на то, что подписан он был в правление Тарквиния Гордого¹⁴.

Ритуал с камнем, использовавшийся при заключении договора, восходит к наиболее древнему пласту религиозных представлений в Лации, и в чем-то схож с обрядами фециалов при объявлении войны и заключении мира. В них как правило фигурируют предметы, относящиеся ко времени отсутствия металлов – деревянное копьё, кремневый нож (Liv. I. 24. 9; 32. 12). В целом это позволяет принять данные Полибия о содержании и обстоятельствах заключения договора между Римом и Карфагеном в конце VI в.

Сторонники более позднего заключения договора, например А. Альфёльди, А.В. Мосолкин, также обращали внимание на политическую обстановку в Западном Средиземноморье, но считали, что в VI в. Карфаген не имел причин для заключения такого договора, в отличие от V в., после ряда поражений от греков и необходимости поиска союзников. Например, А.В. Мосолкин датирует договор 480–470 гг., объясняя это ситуацией в Сицилии, неблагоприятной для Карфагена (поражение карфагенян при Гимере в 480 г.) и более благоприятной для греков. Соответственно карфагеняне были озабочены поиском союзников для противостояния греческим полисам¹⁵.

Самая поздняя датировка приводится А. Альфёльди, который считает, что подписание первого договора между Римом и Карфагеном могло состояться только в 348 г., когда римляне получили полный контроль над Лацием и Помптинской областью, тогда как ранее этого времени Рим эти территории не контролировал¹⁶.

Местонахождение Прекрасного мыса и причины не плавать за него

Полибий помещал Прекрасный мыс в непосредственной близости от Карфагена, на североафриканском побережье (Polyb. III. 23–1), однако он не дал указаний, которые помогли бы более точно локализовать тот мыс. Это породило различные локализации Прекрасного мыса в Африке: мысы Сиди Али эль-Мекки¹⁷, эль-Абиад и Бон¹⁸. Однако существуют не менее убедительные доказательства того, что Прекрасный мыс должен быть отождествлен с мысом Палос на Пиренейском полуострове¹⁹: это могло бы объяснить запрещение плавать к югу от него (Polyb. III. 23. 2). Сторонники этой версии обращают внимание на свободную торговлю в Ливии (Африке) и на указание во втором договоре Мастии и Тартесса в качестве ограничительных пунктов для римлян, что должно было указывать на нахождение Прекрасного мыса рядом с этими городами²⁰. В современной историографии доминирующая точка зрения состоит в том, что Прекрасный мыс следует

¹³ Циркин 2017, 138.

¹⁴ Auliard 2006.

¹⁵ Мосолкин 2009, 34–36.

¹⁶ Alföldi 1965, 353–354.

¹⁷ Walbank 1957, 341–342.

¹⁸ Ср.: Beaumont 2012, 76 (с литературой); Gsell 1913, 457. Ф. Уолбэнк локализовал Прекрасный мыс у мыса Фарина (мыс Сиди Али эль-Мекки) (Walbank 1957, 341–342); Шифман 2006, 155.

¹⁹ Шифман 1963, 75. Wickert 1938, 352–358. Ср.: Мишулин 1952, 260–261. Из локализации Л. Виккерта исходит и Н.Н. Залесский в своем кратком анализе договора (Залесский 1962, 524).

²⁰ Циркин 1986, 42–43.

располагать в Африке в районе Карфагена, как на это указывал Полибий, но без уточнения какой именно мыс соответствует указанному в договоре²¹.

Важность определения местонахождения Прекрасного мыса связана с определением причин запрета на плавание за него. В любом случае запрет на плаванье определялся торговыми и военными аспектами, и соответственно желанием Карфагена обезопасить свои торговые интересы и не допустить установление этрусского или греческого контроля над важнейшими торговыми путями и новыми территориями.

УСЛОВИЯ И ЦЕЛИ РИМА И КАРФАГЕНА

По условиям договора Карфаген принимал на себя обязательства не вмешиваться в дела Лация: не вторгаться на территорию Лация и не строить там крепостей, которые могли бы стать опорной базой пунийской колонизации и реальной угрозой независимости Рима. Эта оговорка также должна была появиться в договорах Карфагена с итальяскими городами вскоре после битвы при Алалии. Захватив независимые от Рима города Лация, карфагеняне обязывались передавать их под власть Рима. Это требование было обусловлено тем, что Лаций в конце VI в. рассматривался Римом как его владения, вне зависимости от того, шла речь о подвластных ему городах или нет²².

Обязательства Рима касались действий в Западном Средиземноморье в целом: карфагеняне ограничивали ареал плаванья для римского флота и устанавливали условия торговли римлян во владениях Карфагена. При этом необходимо заметить, что в конце VI в. для Рима, который не располагал флотом и не вел сколько-нибудь значительной торговли, запрещение плавать за Прекрасный мыс и регламентация торговли в Африке, Сицилии и Сардинии не имели практического значения. Введение таких условий заметно отражалось на интересах тех, кто в действительности вел торговлю с карфагенянами, прежде всего, на интересах этрусков, которые в этот период стали представлять серьезную опасность для торговых интересов Карфагена²³.

Приведенные выше обязательства сторон вызывают несколько вопросов. Каковы были их цели в момент заключения соглашения? Отражает ли договор ситуацию до или после изгнания Тарквиния Гордого? Для ответа на эти вопросы, на наш взгляд, необходимо обратиться к политической и экономической ситуации в Западном Средиземноморье и Центральной Италии, сложившейся к концу VI в.

ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В КОНЦЕ VI в.: СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЭТРУСКАМИ, ГРЕКАМИ И КАРФАГЕНЯНАМИ.

VI в. для Западного Средиземноморья прошел под знаком борьбы за установление контроля над торговыми путями между греками, этрусками и карфагенянами. В результате этого соперничества сложилось несколько союзов: между грече-

²¹ Мосолкин 2009, 36; Cornell 1995, 210–14; Huß 1990, 48–50; Залесский 1962, 524; Rich 2007, 10; Walbank 1957, 341–342; Wagner 1999, 490–491; Scullard 2008, 522–523; Циркин 2017, 125.

²² Шифман 1963, 76.

²³ Циркин 2001, 317–331.

скими полисами Италии, между карфагенянами и этрусками, между италиками и греками. В ходе совместных действий этрускам и Карфагену удалось вытеснить греков с Корсики и Сардинии²⁴, а также фактически закрыть для их колонизации и торговли испанское побережье²⁵. В этот же период этрусски фактически монополизировали торговлю вдоль всего побережья Лигурии. Можно предположить, что такое положение дел было обусловлено вытеснением из этого региона фокейцев вслед за победой при Алалии²⁶.

В тоже время в 524 г. этрусски потерпели поражение при Кумах (Dionys. Hal. AR. VII. 3–4), пытаясь проникнуть в Кампанию, что естественно встревожило Карфаген, который предпринял ряд мер по укреплению связей со своими союзниками²⁷. Возможно, что в этот период были заключены соглашения с целым рядом этрусских городов. В таком контексте заключение договора с Римом, который находился в этот период в орбите этрусского влияния, вполне укладывается в общую ситуацию в регионе.

В Сицилии и Африке в VI в. также продолжалось соперничество греков и Карфагена. Ситуация осложнялась действиями царевича Дориэя в Африке и на западе Сицилии (Hdt. V. 42–48), войной между Карфагеном и Киреной (Sall. Jug. 79.3–4)²⁸. Это угрожала интересам Карфагена в Африке и на Сицилии, хотя при поддержке местного финикийского населения карфагенянам удалось закрепиться на западе острова²⁹.

Более сложным было положение Карфагена на Сардинии. Установлению карфагенской гегемонии на острове противились местные племена сардов и финикийские города³⁰. Окончательно стабилизировать ситуацию Карфаген смог только в V в.³¹

Несмотря на союз между этрусками и карфагенянами, продолжалось их торговое соперничество. Этрусски контролировали в середине VI в. часть побережья Италии и остров Корсика (после битвы при Алалии), хотя их торговые связи были весьма обширными, включая экспорт в греческие полисы Италии и Балканского полуострова. В самой Италии интенсивно шла колонизация Паданской области и Южной Кампании (внутренние территории, тогда как побережье принадлежало грекам)³². Соперничество между греками и этрусками усиливается во второй половине VI в., когда этрусски вступили в союз с карфагенянами. В этот же пери-

²⁴ Это произошло после битвы при Алалии в 535 г., когда греки были вынуждены покинуть Корсику. После этого они уже не претендовали на эти территории и господство в Тирренском море (Циркин 2001, 323–324).

²⁵ Циркин 2001, 323–324. Однако история карфагенского владычества в Испании все еще известна недостаточно. Возможно, что изгнание фокейцев относится уже к началу V в. Тогда же, быть может, усилившиеся карфагеняне стали стеснять своего союзника — этрусков. Дальние экспедиции этрусков, конечно, могли иметь место и в V в., но лишь до 474 г. — даты разгрома при Кумах, с которой связывают конец их талассократии (Залесский 1962, 524).

²⁶ Циркин 2001, 327–331.

²⁷ Здесь следует упомянуть золотые таблички из Пирги с посвящением Астарте (Циркин 2017, 135 (с литературой)), которые относятся примерно к 500 г., но отражают уже сложившиеся этрусско-карфагенские связи (Циркин 2001, 322).

²⁸ Шифман 1963, 63. Циркин 2001, 325–326.

²⁹ Нуß 1990, 29–30

³⁰ Bernardini 2001, 148–152

³¹ Moscati 1977 137; Циркин 2017, 137.

³² Залесский 1965, 100.

од этруски начинают захват прибрежных областей Кампании³³, что еще больше усиливает конфликт. В целом можно говорить о том, что в конце VI в. этруски контролировали обширные территории в Италии и торговлю в Тирренском море, что делало их важными союзниками Карфагена против греков. Надо также отметить, что колонизация Кампании и кампанского побережья требовала от этрусков поставить под свой контроль Лаций, через который проходили сухопутные пути в Кампанию. Это втягивало латинские города в общий конфликт, возникший в Западном Средиземноморье в последней четверти VI в.

Что касается положения греческих полисов во второй половине VI в., то следует обратить внимание на усиление конфликтов не только с Карфагеном и этрусками за преобладание на торговых путях, но и между самими греческими полисами. Прежде всего это борьба между Кротонем и Сибарисом, также противостояние этих городов с другими греческими полисами юга Италии³⁴. На это противостояние накладывается борьба между греками-халкидиянами и греками-фокейцами³⁵. Этот передел сфер влияния скажется на торговле уже в V в., в конце VI в. он не влиял на торговые связи в регионе и не угрожал талассократии этрусков. Положение в Средней Италии ухудшается после изгнания Тарквиния Гордого из Рима, так как в Лации начинается череда конфликтов, что препятствует развитию сухопутной торговли между Этрурией и Южной Кампанией.

В целом ситуация в Западном Средиземноморье в последней четверти VI в. способствовала поиску союзников сторонами конфликта, что привело к заключению целого ряда соглашений. Лаций оказался важным регионом для этрусков и греков в плане торговых путей, и вполне ожидаемо, что и греки, и этруски, и карфагеняне желали поставить этот регион под свой контроль или сделать его своим союзником. Такое сложившееся положение привело к заключению римско-карфагенского договора именно в конце VI в. и нашло отражение в пунктах договора о контроле торговли на карфагенских территориях.

ПОЛОЖЕНИЕ РИМА В ИТАЛИИ И ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

С середины VI в. Рим начинает активно включаться в борьбу за преобладание в Средней Италии. Для достижения этого римлянам необходимо было поставить под свой контроль Латинский союз и, шире, весь Лаций. При Тарквинии Древнем это делалось путем завоеваний. Сервий Туллий пытался решить проблему подчинения Лация путем создания религиозно-политического союза под покровительством Дианы³⁶.

Ряд исследователей полагает это сменой вектора внешней политики Рима с этрусков на греков³⁷. В то же время греческое влияние могло идти через Этрурию, где поселилось много греков из Малой Азии. Изготовление статуи Дианы для свя-

³³ Залеский 1965, 101.

³⁴ Залеский 1965, 104.

³⁵ См. например, Залеский 1965, 105; Циркин 2017, 133–136.

³⁶ Alföldi 1965, 85–100; Green 2007, 97–105.

³⁷ Momigliano 1962, 387–392; 1966, 641–648; 1989, 117–122; Liou-Gille 1992, 411–438; Ando 2009, 99–113; Циркин 2017, 133–134.

тилища было заказано в этрусских Вейях³⁸. Кроме того, необходимо учитывать и фактор распространенности культа Дианы в Лации³⁹. В этой связи сложно говорить об однозначной ориентации Рима во внешней политике на греческие полисы Италии, скорее здесь можно увидеть использование местных культов для решения новых политических задач, в том числе и заключение соглашений с греками.

При Тарквинии Гордом происходит дальнейшее усиление Рима, чем создаются предпосылки для возникновения оппозиции в Лации, направленной против установившейся гегемонии Рима. Соперниками Рима и Тарквиния Гордого в это период были Тускул и Ариция⁴⁰. Отголоски этого противостояния можно увидеть в ситуации с Турном Гердонием, представлявшим Арицию (Liv. I. 50–52), который выступил против власти Тарквиния Гордого в Латинском союзе⁴¹. Выступление оказалось неудачным, и римляне сохранили свою власть над латинами, а, следовательно, и контроль над территорией Лация, в том числе и над Помптинской равниной. Рим рассматривал всю территорию Лация как принадлежавшую ему, поэтому понятен пункт договора о не выведении колоний Карфагена в Лаций и о возвращении всех городов Риму. Также следует отметить, что по сообщению Дионисия Галикарнасского, Тарквиний Гордый в своей политике ориентировался на этрусков: смена главной триады божеств (Юпитер, Юнона, Минерва), апелляция к старинным договорам с этрусскими городами, которые заключил еще Тарквиний Древний (Dion. Hal. V. 3. 2).

В правление Тарквиния Гордого Рим заключил с некоторыми городами Лация союзные договоры. Известен договор с Габиями (Liv. I. 53–54; Dion. Hal. IV. 58. 3), но он не был единственным. Дионисий Галикарнасский, описывая складывание коалиции против Рима после изгнания Тарквиния Гордого, сообщал, что «из других же латинских народов, которым не хотелось открыто начинать войну против союзного и обладающего значительной силой города из-за недостаточно серьезных причин» (Dion. Hal. V. 21. 3), что позволяет говорить о том, что договор подобный габийскому был заключен с если не большинством, то со многими общинами Лация. В положении союзников оказались и колонии Рима (Фидены, Остия, Сигния, Свесса Помеция, Цирцеи). Именно эту совокупность латинских городов следует понимать под союзниками Рима, о которых упоминается в договоре.

После падения царской власти в Риме латинские города разорвали с ним союзные отношения, поэтому после установления Республики римляне оказались фактически без союзников в Лации. Римлянам противостояла коалиция из Тарквиния Гордого, его зятя Октавия Мамилия (Liv. II. 15.7) и привлеченных последним латинов, из которых Дионисий Галикарнасский однозначно указывал только Тускул, камерийцев и антемнатов, из других городов «Мамилий с помощью личного влияния привлек большое количество добровольцев» (Dion. Hal. V. 21. 3). Большинство латинских городов остались нейтральными в данном конфликте (Dion. Hal. V. 26. 4). В ситуацию со сменой власти в римской общине вмешались этруски на стороне Тарквиния и греки на стороне латинов (Ариции и ее союзников) (Dion. Hal. V).

³⁸ Гаврилин 2015, 13–18; Coarelli 1983; Colonna 1996.

³⁹ Подробнее о культе Дианы см. Green 2007.

⁴⁰ Ampolo 1984, 93, 95–96; Grandazzi 1996, 276.

⁴¹ Более подробно об этом эпизоде см.: Barzanò 1991, 39–63. Ampolo C. 1984, 91–96.

Изменение политического строя в Риме и, в связи с этим ситуации в Лации и Центральной Италии привели к внешнеполитической изоляции Рима. Также это могло быть и последствием захвата города царем Клузия Порсеной (Plin. N.H. XXXIV. 139; Tat Hist. 3.72)⁴². Ливий и Дионисий Галикарнасский передают более патриотическую версию событий, в которой Порсена поражение Рима не выглядело катастрофичным во внешней политике (Liv. II. 13; Dion. Hal. V. 21). Однако для V в. мы наблюдаем снижение дипломатической деятельности Рима⁴³, а также постоянную угрозу со стороны соседей⁴⁴ и отсутствие союзников.

Таким образом, договор между Римом и Карфагеном 509 г. является следствием ситуации, сложившейся в Лации и Центральной Италии в конце VI в., когда римляне установили свою гегемонию над Лацием, то есть до изгнания Тарквиния Гордого. При этом Рим в своей внешней политике с середины VI в. ориентировался на расширение внешнеполитических и торговых контактов, налаживая отношения как с ближайшими соседями – этрусками, так и с греками – в Кампании и Массалии. Именно такая ситуация в Лации и Центральной Италии способствовала заключению римско-карфагенского соглашения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение Первого римско-карфагенского договора следует отнести к концу VI в. и согласиться с датой Полибия – 509 г., уточнив, что договор был заключен до изгнания Тарквиния Гордого из Рима. Следует выделить следующие факторы, позволяющие согласиться с датой Полибия и заключением его при последнем римском царе: 1) общая ситуация в Западном Средиземноморье в VI в., способствующая поиску союзников и заключению различных соглашений о союзе и разграничении сфер влияния как во всем Западном Средиземноморье, так и в конкретном регионе Тирренского моря; 2) положение Рима в Лации, где он являлся гегемоном; 3) расширение римскими царями внешнеполитических и торговых связей; 4) упоминаемая Полибием архаичность языка текста договора; 5) приведенная Полибием клятва Юпитером Камнем более соответствующая реалиям VI в., чем более позднему времени.

После установления Республики ситуация в Лации и Центральной Италии меняется не в пользу Рима: он перестает быть гегемоном в регионе, а поражение от Порсены еще более усугубляет эту ситуацию. В то же время мы не можем отнести заключение договора к IV в., так как тексты договоров этого времени более известны из источников, что позволяет говорить о том, что язык того времени не такой архаичный, как указывает Полибий, изменились имена богов, упоминаемые при заключении договоров. Также следует обратить внимание на ситуацию в Западном Средиземноморье в IV в. Заканчивается талласократия этрусков, Карфаген в этот период не проявляет заинтересованности в Тирренском побережье, так как его основное внимание сосредотачивается на Африке, Испании и Сицилии.

⁴² Циркин 2017, 130; Alföldi 1965, 73; Ogilvie 1965, 255.

⁴³ Более подробный анализ римской дипломатической деятельности после 509 г. см. Auliard 2006.

⁴⁴ Cornell 1995, 210–14; Oakley 1997–2005, 2.252–62; Alföldi 1965, 336–377; Ampolo 1990, 117–133; Токмаков 1998, 101.

Изменяется и положение Рима в Центральной Италии в IV в. Хотя римляне контролируют Лаций, и большая часть латинских общин сохраняет верность Риму, однако часть городов была захвачена вольсками, а часть опасалась римской экспансии в Помптинскую область, и поэтому выступала против римлян. К тому же внешнеполитические интересы Рима к IV в. охватывают не только Лаций, но и Южную Этрурию.

Таким образом, только ситуация второй половины VI в. объясняет необходимость заключения договора между Римом и Карфагеном, которые в этот период искали себе союзников. Целью Рима в конце VI в. было обеспечение своей гегемонии в Лации, и договор устранял угрозу этой гегемонии со стороны Карфагена, который обязывался не захватывать города в Лации и не строить здесь свои крепости. Карфагеняне же искали в Италии союзников против греков – своих основных соперников в Западном Средиземноморье – и Рим, ориентирующийся на этрусков, был для них выгоден как союзник. Из этой же ситуации логичными выглядят и пункты договора как со стороны Карфагена, так и со стороны Рима.

Принимая дату Полибия 509 г., которому соответствует ситуация в Западном Средиземноморье, необходимо уточнить, что произойти это могло до изгнания Тарквиния Гордого из Рима, так как после этого ситуация в Италии кардинально меняется.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Alföldi, A. 1965: *Early Rome and Latins*. Michigan.
- Alföldi, A. 1961: Il santuario federale latino di Diana sull'Aventino e il tempio di Cerere. *Studi e Materiali di Storia delle Religioni* 32, 21–39.
- Ampolo, C. 1970: L'Artemide di Marsiglia e la Diana dell'Aventino. *Parola del Passato* 25, 200–210.
- Ampolo, C. 1984: Un supplizio arcaico : l'uccisione di Turnus Herdonius. In: *Du châtement dans la cité: Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde organisée par l'École française de Rome avec le concours du Centre national de la recherche scientifique (Rome 9-11 novembre 1982)*. Rome, 91–96.
- Ampolo, C. 1990: Roma arcaica ed i Latini nel V secolo. In: *Crise et transformation des sociétés archaïques de l'Italie antique au Ve siècle av. JC. Actes de la table ronde de Rome (19–21 novembre 1987)*. Rome, 117–133.
- Ando, Cl. 2009: Diana in the Aventine. In: H. Cancik; J. Rüpke (eds.), *Die Religion des Imperium Romanum*. Tübingen, 99–113.
- Auliard, C. 2006: *La diplomatie romaine, l'autre instrument de la conquête. De la fondation à la fin des guerres samnites (753-290 av. J.-C.)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.openedition.org/pur/7152>
- Barzanò, A. 1991: La morte di Turno Erdonio e il problema della localizzazione del "lucus" e del "caput aquae Ferentinae". *Aevum* 65, 39–63.
- Beaumont, R.L. 2012: The date of the First Treaty between Rome and Carthage. *Journal of Roman Studies* 29 1, 74–86.
- Bernardini, P. 2001: La battaglia del Mare sardo: una rilettura. *Rivista di Studi Fenici* 29 2, 135–158.
- Capogrossi Colognesi, L. 2009: *Storia di Roma tra diritto e potere*. Bologna.
- Catalano, P. 1965: *Linee del sistema sovranazionale romano*. Torino.
- Coarelli, F. 1983: *Il Foro Romano. Periodo arcaico*. Roma.

- Colonna, G. 1996: *L'Altorelievo di Pyrgi. Dei ed eroi greci in Etruria*. Roma.
- Cornell, T.J. 1995: *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC)*. London–New York.
- Cornell, N.J. 2008: Rome and Latium to 390 BC. In: A.E. Astin, F.W. Walbank, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 243–308.
- Gavrilin, K.N. 2015: *Iskusstvo rannego Rima i yuzhnoy Etrurii epokhi rastsveta (VI–V vv. do n.e.) po materialam koroplastiki [Art of Early Rome and Southern Etruria in the Heyday (6th–5th Centuries BC) Based on Coroplasty Materials]*. Moscow.
- Гаврилин, К.Н. 2015: *Искусство раннего Рима и южной Этрурии эпохи расцвета (VI–V вв. до н.э.) по материалам коропластики*. М.
- Grandazzi, A. 1996: Identification d'une déesse: Ferentina et la ligue latine archaïque. In: *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Vol. 140/1, 273–294.
- Gras, M. 1987: Le temple de Diane sur l'Aventin. *Revue des Études Anciennes* 89, 47–61.
- Gsell, St. 1913: *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*. T. I. Paris.
- Green, C.M.C. 2007: *Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia*. Cambridge.
- Hub, W. 1990: *Die Karthager*. München.
- Kovalev, S.I. 1986: *Istoriya Rima. Kurs lektsiy [History of Rome. Lecture Course]*. Leningrad.
- Ковалев, С.И. 1986: *История Рима. Курс лекций*. Л.
- Liou-Gille, B. 1992: Une tentative de reconstitution historique: les cultes fédéraux latins de Diane aventine et de Diane Nemorensis. *Parola del Passato* 47, 411–438.
- Mayorova, N.G. 1998: Institut fetsialov v rannem Rime [The Institute of Fetials in Early Rome]. *Drevnee pravo [Ancient Law]* 1 (3), 78–81.
- Майорова, Н.Г. 1998: Институт фециалов в раннем Риме. *Древнее право* 1 (3), 78–81.
- Mayorova, N.G. 2001: Kollegiya fetsialov [Collegium of Fetials]. In: L.L. Kofanov (ed.), *Zhrechieskie kollegii v rannem Rime. K voprosu o stanovlenii rimskogo sakral'nogo i publichnogo prava [Priestly Collegia in Early Rome. On the Formation of Roman Sacred and Public Law]*. Moscow, 142–179.
- Майорова, Н.Г. 2001: Коллегия фециалов. В сб.: Л.Л. Кофанов (ред.), *Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права*. М., 142–179.
- Mayorova, N.G. 2009: Rimskie fetsialy: kto oni? [Roman Fetials: Who Are They?]. In: I.S. Chichurov (ed.), *Trudy kafedry drevnih yazykov [Proceedings of the Department of Ancient Languages (on the 50th Anniversary of the Department)]* (Proceedings of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University: Iss. 15. Ser. III. Instrumenta studiorum: 6). Saint Petersburg, 58–71.
- Майорова, Н.Г. 2000: Римские фециалы: кто они? В сб.: И.С. Чичуров (ред.), *Труды кафедры древних языков (к 50-летию кафедры)* (Тр. истор. ф-та МГУ: Вып. 15. Сер. III. Instrumenta studiorum: 6). СПб., 58–71.
- Martinez-Pinna, J. 2012: Observaciones sobre el origen de la liga Latina. *Mediterraneo antico* 15 (1–2), 409–424.
- Mayak, I.L. 1971: *Vzaimootnosheniya Rima i italijtsev v III–II vv. do n.e. (do grakhhanskogo dvizheniya) [Relations between Rome and the Italians in the 3rd–2nd cc. BC (before the Gracchan Movement)]*. Moscow.
- Маяк, И.Л. 1971: *Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н.э. (до гракханского движения)*. М.
- Mishulin, A.V. 1952: *Antichnaya Ispaniya do ustanovleniya rimskoj provincial'noj sistemy v 197 g. do n.e. [Ancient Spain before the Establishment of the Roman Provincial System in 197 BC]*. Moscow.

- Мишулин, А.В. 1952: *Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э.* М.
- Momigliano, A. 1962: Sul dies natalis del santuario federale di Diana sull'Aventino. In: *Rendiconti della Accademia dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. Ser. 8/17, 387–392.
- Momigliano, A. 1966: *Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Roma.
- Momigliano, A. 1989: *Roma arcaica*. Firenze.
- Momigliano, A. 2008: Origin of Rome. In: A.E. Astin, F.W. Walbank, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 52–112.
- Moscatti, S. 1977: *I Cartaginesi in Italia*. Milano.
- Mosolkin, A.V. 2009: Prekrasnyj mys i datirovka pervogo rimsko-karfagenskogo dogovora [The Beautiful Cape and the Dating of the First Roman-Carthaginian Treaty]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire: Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Frenka Uil'yama Uolbanka, Kazan', 9–11 dekabrya 2009 g.* [Politics, Ideology, and Historiography in the Roman-Hellenistic World: Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor Frank William Walbank, Kazan, December 9–11, 2009]. Kazan.
- Мосолкин, А.В. 2009: Прекрасный мыс и датировка первого римско-карфагенского договора. В сб.: О.Л. Габелко (ред.), *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка, Казань, 9–11 декабря 2009 г.* Казань, 30–38.
- Nechay, F.M. 1964: *Rim i italiki* [Rome and Italic Peoples]. Minsk.
- Нечай, Ф.М. 1963: *Рим и италики*. Минск.
- Oakley, S. P. 1997: *A Commentary on Livy Books VI–X*. Oxford.
- Ogilvie, R.M. 1965: *A Commentary on Livy. Books I–V*. Oxford.
- Penella, R.J. 1987: War, Peace and the Ius Fetiale in Livy I. *Classical Philology* 82/3, 233–237.
- Petzold, K.-E. 1972: Die beiden römisch-karthaginische Verträge uns das foedus Cassianum. In: H. Temporini, W. Haase (Hrgs.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. I/1. Berlin–New York, 363–411.
- Rich, J. 2007: Warfare and the Army in Early Rome. In: P. Erdkamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Oxford, 7–23.
- Rodríguez, J.E. 2013: *Los dos primeros tratados romano-cartagineses I analisis historiográfico y context histórico*. Barcelona.
- Scullard, H.H. 2008: Rome and Carthage. A.E. Astin, F.W. Walbank, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 522–523.
- Shifman, I.Sh. 1963: *Vozniknovenie Karfagenskoy derzhavy* [The Emergence of the Carthaginian State]. Moscow–Leningrad.
- Шифман, И.Ш. 1963: *Возникновение Карфагенской державы*. М.–Л.
- Shifman, I.Sh. 2006: *Karfagen* [Carthage]. Saint Petersburg.
- Шифман, И.Ш. 2006: *Карфаген*. СПб.
- Shmeleva, L.M. 2015: Foedus Cassianum i polozhenie Rimskoy respubliki v Italii v nachale V v. do n.e. [Foedus Cassianum and the Situation of the Roman Republic in Italy at the Beginning of the 5th c. BC]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnye Nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Ser.: Humanities] 157/3, 131–140.
- Шмелева, Л.М. 2015: Foedus Cassianum и положение Римской республики в Италии в начале V в. до н. э. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки* 157/3, 131–140.
- Smith, C.J. 1996: *Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000–500 BC*. Oxford.

- Smith, C.J. 2007: The Religion of Archaic Rome. In: J. Rüpke (ed.), *A Companion to Roman Religion*. Oxford, 31–42.
- Smith, C.J. 2011: Thinking about Kings. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 54/2, 21–42.
- Tokmakov, V.N. 1998: *Voennaya organizatsiya Rima Ranney respubliki* [Roman Military Organization during the Early Republic]. Moscow.
- Токмаков, В.Н. 1998: *Военная организация Рима Ранней республики*. М.
- Tsirkin, Yu.B. 1986: *Karfagen i ego kul'tura* [Carthage and its Culture]. Moscow.
- Циркин, Ю.Б. 1986: *Карфаген и его культура*. М.
- Tsirkin, Yu.B. 2001: *Ot Khanaana do Karfagena* [From Canaan to Carthage]. Moscow.
- Циркин, Ю.Б. 2001: *От Ханаана до Карфагена*. М.
- Tsirkin, Yu.B. 2017: Pervyy rimsko-karfagenskiy dogovor [The First Roman-Carthaginian Treaty]. In: O.L. Gabelko, A.V. Korolenkov (eds.), *Punicheskie voyny: istoriya velikogo protivostoyaniya. Voennye, diplomaticheskie, ideologicheskie aspekty bor'by mezhdu Rimom i Karfagenom: kollektivnaya monografiya* [Punic Wars: History of the Great Confrontation. Military, Diplomatic, Ideological Aspects of the Struggle between Rome and Carthage]. Saint Petersburg, 125–142.
- Циркин, Ю.Б. 2017: Первый римско-карфагенский договор. В сб.: О.Л. Габелко, А.В. Короленков (ред.), *Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном*. СПб., 125–142.
- Wagner, C.G. 1999: Fenicios y púnicos en el norte de África y en el Madirerráneo occidental. In: Blazquez, J.M., Alvar, J., Wagner, C.G. *Fenicios y cartagineses en el Mediterraneo*. Madrid, 451–676.
- Walbank, F.W. 1957: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I. *Commentary on Books I–VI*. Oxford.
- Wickert, L. 1938: Zu den Karthagervertragen. *Klio* XXXI, 349–364.
- Zalesskiy, N.N. 1962: Etruski i Karfagen [Etruscans and Carthage]. In: N.V. Pigulevskaya et al. (eds.), *Drevniy mir: sbornik statey v chest' akademika V.V. Struve* [The Ancient World: A Collection of Articles in Honor of Academician V.V. Struve]. Moscow.
- Залесский, Н.Н. 1962: Этруски и Карфаген. В сб.: Н.В. Пигулевская и др. (ред.), *Древний мир: сборник статей в честь академика В.В. Струве*. М., 520–526.
- Zalesskiy, N.N. 1965: *K istorii etruskoj kolonizatsii Italii v VII–IV vv. do n. e.: Etruski v Kampanii: Etruski, greki i Karfagen v V i IV vv. do n. e.* [On the History of the Etruscan Colonization of Italy in the 7th–4th cc. BC. The Etruscans in Campania. The Etruscans, Greeks, and Carthage in the 5th and 4th cc. BC]. Leningrad.
- Залесский, Н.Н. 1965: *К истории этрусской колонизации Италии в VII–IV вв. до н.э. Этруски в Кампаниии. Этруски, греки и Карфаген в V и IV вв. до н.э.* Л.

THE FIRST ROMAN-CARTHAGIAN TREATY IN THE CONTEXT
OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE WESTERN MEDITERRANEAN
IN THE SECOND HALF OF THE SIXTH CENTURY BC

Lyudmila M. Shmeleva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

E-mail: ljudmila.shmeleva@kpfu.ru

The article discusses the first Roman-Carthaginian treaty concluded in 509 BC in the context of the confrontation between Rome, the Greeks and the coalition of the Etruscans and Carthaginians. Polybius cites the text of the Treaty, the original of which he saw in the Treasury of the aediles next to the Temple of Jupiter Capitolinus, emphasizes the archaic language of the text and the antiquity of the divine oaths that sealed the Treaty on the part of Rome. According to the Treaty, the Romans were not supposed to sail to certain areas, or make purchases in them, except for what was necessary for repairs and sacrifices, as well as provisions. Carthage, for its part, pledged not to interfere in the affairs of Latium. The Treaty of 509 BC corresponds to the situation that had developed in the Western Mediterranean by that time and allows us to say that Rome had become one of the subjects of international relations that could influence the balance of power in the subsequent struggle for dominance in this region. In this regard, Carthage tried to protect itself from the new acting subject of relations and to defend its interests.

Keywords: Rome, Carthage, Western Mediterranean, international relations, diplomacy

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-141–152

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ РИТУАЛА EVOCATIO DEORUM В СЛУЧАЕ С ЮНОНОЙ РЕГИНОЙ ИЗ ВЕЙ

А.В. Васильев

*Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: avvasilev@itmo.ru

ORCID: 0000-0002-0182-4250

Ритуал вызова богов вражеского города с целью лишить врага их поддержки во время войны засвидетельствован всего несколько раз в римской истории. Все эти случаи относятся к периоду Республики, и первый из них описан Титом Ливием в его рассказе о взятии римлянами этрусского города Вейи после долгой осады в 396 г. до н.э. Также применение эвокации для вызова карфагенской богини Танит, которую римляне ассоциировали с Юноной Целестис, упоминает Макробий при описании взятия и разрушения Карфагена в 146 г. до н.э. Кроме того, существует обнаруженная в 1970 г. в Бозкыре надпись с упоминанием некоего обета, совершенного Публием Сервилием Ватией при взятии Старой Исавры в 75 г. до н.э. и близкого по форме обряду эвокации. Однако перечисленные источники касательно этого ритуала принадлежат разным эпохам и плохо согласуются между собой. Исследователями было предпринято несколько попыток поставить под сомнение историчность существования обряда *evocatio deorum* в целом либо его применение в конкретном случае с Вейями. Дело в том, что детали проведения обряда у Макробия и Веррия Флакка не вполне соответствует тому, как описывает перенесение Юноны Регины из Вей Тит Ливий. Впрочем, нельзя не учитывать и того, что римские грамматикасы располагали значительным корпусом утраченных для нас памятников и, в частности, Макробий дает двойную ссылку, указывая в качестве первоисточника своего описания некоего Фурия (предположительно, Луция Фурия Фила, автора II в. до н.э., который вполне мог иметь доступ к материалам жреческих архивов). Целью данной статьи является попытка найти дополнительные аргументы в поддержку традиционной точки зрения, а также продемонстрировать историчность применения эвокации в случае с Юноной Региной из Вей.

Ключевые слова: история Древнего Рима, республика, римская религия, эвокация, Вейи, Юнона

Данные об авторе. Андрей Владимирович Васильев – кандидат исторических наук, старший преподаватель Центра социальных и гуманитарных наук Университета ИТМО, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ.

Evocatio deorum – особый обряд призвания богов вражеского города в Рим с тем, чтобы лишить врага их поддержки – является примером римской религиозной практики, который не перестает вызывать множество дискуссий в отношении своего происхождения, содержания и историчности. Очевидная сложность состоит в том, что самые значимые свидетельства о ритуале относятся к периоду поздней империи, что вызывает серьезные сомнения исследователей в том, насколько точно столь поздние авторы, как Макробий и Сервий могли передать религиозные реалии раннереспубликанской эпохи¹.

Одним из важных указаний на обряд эвокации является комментарий Сервия Гонората к следующим строкам «Энеиды» Вергилия (Verg. Aen. II. 351–352):

Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла²
(Пер. С.А. Ошерева под ред. Ф.А. Петровского).

Сервий сообщает, что боги ушли перед штурмом Трои, вызванные (evocabantur) врагами, то есть греками, чтобы избежать святотатства (sacrilegia), добавляя, что в Риме по установлениям понтификов имя бога-покровителя Рима хранилось в тайне, чтобы его не могли вызывать, а на Капитолии даже находился щит с надписью: «Гению города Рима, будь он мужем или женщиной» (Serv. Ad Aen. II. 351).

Смысл ритуала раскрывается сообщением Веррия Флакка, передаваемом Плинием Старшим, где говорится, что при осаде чужого города римские жрецы часто вызывали божество, покровительствующее этому городу, и обещали ему более значительное почитание у римлян. Этот обряд считался частью учения понтификов, а имя бога, покровительствующего Риму, содержалось втайне от врагов (Plin. N.H. XXVIII. 4. 18), очевидно для того, чтобы они не могли совершить подобного с Римом. У обоих авторов мы видим важную деталь: вызов вражеского божества производился именно перед решающим штурмом. Кроме того, оба автора указывают на связь обряда с коллегией понтификов, а также на сохранение втайне имени бога-покровителя Рима.

Однако наиболее значимыми из свидетельств об эвокации являются подробные описания обряда Макробием. В частности, объясняя смысл ритуала, он сообщает (Macrob. Sat. III. 9. 2): «Ведь достоверно известно, что все города находятся под защитой какого-либо божества и что у римлян существовал тайный и многим неизвестный обычай: когда они осаждали вражеский город и уже были уверены в возможности взять его, с помощью определенной формулы они вызывали богов-покровителей, либо потому что верили, что город не может быть взят без этого, либо потому что считали нечестивым держать богов в плену, даже если и может»³.

Характерно здесь указание на то, что обычай не всем известен и хранился в секрете, что может объяснять, почему мы редко встречаем упоминание этого обычая в римской истории. Толкования причин для применения ритуала могут показаться домыслами писателя, который в V в. уже слабо разбирался в реалиях, о

¹ Перечислим лишь наиболее значимые исследования: Wissowa 1907, Sp. 1152–1153; Basanoff 1945; Le Gall 1976, 519–524; Blomart 1997, 99–111; Gustafsson 2000.

² Eexcessere omnes adytis arisque relictis di, quibus imperium hoc steterat.

³ Пер. мой – А.В.

которых пишет, но чуть позже в той же книге, говоря о взятии римлянами Карфагена, Макробий передает текст самой ритуальной формулы (*carmen evocationis*)⁴: «Бог ли или богиня есть тот, у кого народ и государство карфагенян находятся под покровительством, и особенно тебя, который принял покровительство над этим городом и народом, призываю, что и прошу от вас милости, чтобы вы покинули народ и государство карфагенян, чтобы оставили места, храмы, святилища и их город, чтобы удалились от них, чтобы внушили страх, священный ужас и забвение народу этого города, и, выступив в Рим, чтобы пришли ко мне и к моим [согражданам], и пусть наши места, храмы, святилища и город сделаются вам приятнее и любезнее [чем город карфагенян], пусть вы станете во главе меня, народа римского, а также моих воинов, чтобы мы узнавали и ощущали вас. Если вы так сделаете, я даю обет учредить вам игры и построить храмы» (*Macr. Sat. III. 9. 7–8.*)⁵.

В рассказе, связанном с эвокацией из Карфагена, речь, по-видимому, идет о карфагенской богине Танит, которую римляне обычно отождествляли с Юноной, часто с эпитетом Целестис (*Caelestis*). Однако Г. Виссова убедительно доказывал, что культ Юноны Целестис в Риме появляется не раньше эпохи Северов, а потому считал весь рассказ Макробия легендой, возникшей как раз в начале III в. н.э. и выдуманной для того, чтобы обосновать появление этого культа в Вечном городе⁶.

Однако Макробий, со ссылкой на видного ученого-эрудита эпохи Северов Саммония Серена, пишет, что тот утверждал, будто нашел текст в старинной книге некоего Фурия. По наиболее убедительному предположению речь идет о Луции Фурии Филе, консуле 136 г. до н.э., одном из участников «кружка Сципиона», человеке, который, по свидетельству Цицерона, «говорил на отличной латыни и был образованнее других» (*Cic. Brut. 108*)⁷. В каком-то смысле этого человека можно назвать одним из первых римских антикваров, увлекавшихся древностями своего народа, а учитывая его весьма высокое положение и, вероятно, имевшийся у него доступ к жреческим архивам, едва ли стоит считать текст ритуальной формулы подложным.

В.И. Базанов предложил иное объяснение тому, почему культ Юноны Целестис в Риме не засвидетельствован до времени Северов. Юнона была приглашена («*exorata*» у Сервия) в Рим еще во времена второй Пунической войны и тогда же получила свой алтарь (*ara Caelestis*) на Капитолии. Позднее, во время третьей Пунической войны, она все-таки была подвергнута эвокации, а ее статуя временно помещена в храме Юноны Монеты. После основания колонии Юнонии в 122 г. до н.э. культовая статуя, по всей видимости, вернулась туда, а потому следов ее почитания в Риме и не сохранилось⁸.

Г. Густаффсон критикует предложенную концепцию о сложной системе перемещения богов посредством специальных ритуалов (*evocatio*, *exoratio* и других)

⁴ Интересно, что Сервий, в свою очередь, упоминает, что еще во время второй Пунической войны римляне склоняли Юнону на свою сторону мольбами (*Serv. Ad Aen. XII. 841*).

⁵ Перевод мой – А.В.

⁶ Wissowa 1912, 374.

⁷ Beard et. al. 1998, 111.

⁸ Basanoff 1945, 63–66.

и считает, что проблема эвокации Юноны из Карфагена состоит лишь в том, что наше свидетельство – позднее, а терминология – спутанная⁹. Действительно, сразу после этого заклинания (*carmen*) Макробий цитирует другое, которое связывает с ритуалом *devotio* города и войска, боги которого уже вызваны посредством эвокации¹⁰.

Впрочем, Х. Верснель полагал, что именно сочетание *devotio* и *evocatio* является характерным признаком римского религиозного империализма, который являлся обоюдной стороной империализма светского¹¹. Некоторые исследователи все же склонны доверять свидетельству Макробия об эвокации Юноны Целестис из Карфагена в 146 г. до н.э., учитывая то, что Макробий ссылается на авторитетный источник, а также то, что сам текст *carmen evocationis* напоминает схожие ритуальные формулы и содержит характерные для них повторения¹².

Мы также полагаем, что свидетельство Макробия заслуживает доверия: ритуал вполне мог быть применен в отношении Карфагена, тем более что во время разрушения города римляне не могли не обратить внимание на богиню, которую отождествляли с Юноной, поскольку последняя принадлежала к триаде наиболее значимых для *civitas* богов.

Как отмечал Ж. Дюмезиль, обещание римского культа, эквивалентного отмененному на вражеской территории, делает «эвокацию» процедурой религиозного права, отличающейся от магического и принудительного действия, обозначаемого глаголом *excantare* (например, *excantare fruges*, т.е. «перенести хорошие урожаи с чужого поля на свое»). Как и обет (*devotio*), это – предложение о соглашении, которое совершающий эвокацию считает настолько соблазнительным для богов, что не предполагает с их стороны отказа. Вероятно, с такой просьбой обращались только к тем богам, которые были приемлемы для Рима, либо имелось раннее и устойчивое истолкование, либо же некое созвучие, идентифицировавшее того или иного бога с римским божеством. Дюмезиль также проводит аналогии с ведической Индрой и хеттским ритуалом, который включал призыв к богам осажденного города выйти тремя путями, окрашенными в белый, красный и синий цвета¹³.

В сентябре 1970 г. на юге современной Турции, на окраине местечка Бозкыр, археологом А. Холлом был обнаружен камень из красно-серого известняка высотой 58 см, длиной чуть больше метра и шириной в 30 см. На камне была начертана votivная надпись, датируемая 75 г. до н.э.¹⁴, следующего содержания: «Сервилий, сын Гая, полководец, победил врагов, захватил Старую Исавру, продал пленных; бог ли, богиня ли тот, под чьим покровительством находился город Старая Исавра <...> исполнил обет»¹⁵.

SERVEILIUS. C.F. IMPERATOR
HOSTIBS. VICTEIS. ISAVRA. VETERE
CAPTA. CAPTIVEIS. VENVM. DATEIS.

⁹ Gustafsson 2000, 60.

¹⁰ Подробнее о ритуале *devotio* см.: Wissowa 1905, Sp. 277–280; Versnel 1976, 365–410; Васильев 2015, 108–127.

¹¹ Versnel 1981, 21.

¹² Palmer 1974, 47; Ogilvie 1965, 674.

¹³ Дюмезиль 2018, 561–562.

¹⁴ Hall 1972, 568–571.

¹⁵ Пер мой – А.В. .

SEI. DEVS. SEIVE. DEAST. QVOIVS. IN.
TVTELA. OPPIDVM. VETVVS. ISAVRA.
FVIT vac. VOTVM. SOLVIT

Действительно, Публий Сервилий Ватия, консул 79 г. до н.э., в следующем году получил проконсульские полномочия в провинции Киликия с задачей борьбы против пиратов, которые к тому времени уже представляли серьезную угрозу для римской торговли и мореплавания. На этом поприще он достиг определенных успехов и, оккупировав побережье Ликии и Памфилии, первым из римлян пересек Тавр и подчинил племя исавров в 75 г. до н.э., за что получил *cognomen* «Исаврик». По всей видимости, именно во время этой кампании Публием Сервилием были взяты два города, известные как Старая Исавра и Новая Исавра.

Надпись является вотивной, ее составные элементы – имя божества, стоящее в дательном падеже, имя дарителя в именительном падеже и слова *votum solvit*. Таким образом, надпись выглядит весьма похожей на свидетельство об обряде эвокации: римский полководец приносит обет богу или богине, покровительствующим враждебному городу, и исполняет его после падения этого города.

А. Холл, автор находки, интерпретирует ее как указание на обряд, «сходный с ритуалом *evocatio*», а сам камень – как один из строительных блоков, из которых в честь божества-покровителя Старой Исавры был построен новый храм. Холл утверждает, что отныне можно с уверенностью отвергнуть мнение Г. Виссоны о том, что обряд никогда не совершался за пределами Италии, а также считает это подтверждением упомянутого свидетельства Макробия об эвокации Юноны Целестис из Карфагена¹⁶.

Ряд историков сочли возможным напрямую отождествить обряд с эвокацией из-за наличия в этой надписи характерной формулы: *sei deus sieve deas*. Они предполагают, что сам камень с надписью происходит из храма, посвященного римским военачальником божеству-покровителю Исавры Ветус, однако в этом случае храм был возведен не в самом Риме, а на территории провинции, рассматривавшейся теперь уже как часть римской территории в широком смысле слова¹⁷.

Другая группа исследователей, напротив, сомневается в возможности сделать однозначный вывод о применении в данном случае ритуала эвокации¹⁸. Согласно одному из предположений сам камень использовался как жертвенник, а целью упомянутого в надписи обета, принесенного проконсулом, была помощь божества в отведении реки, поскольку в «Стратегемах» Фронтинна упоминается, что Публий Сервилий взял один из двух городов при помощи этой военной хитрости (*Front. Strat. III. 7. 1*)¹⁹.

Первой группе исследователей, мотивированных желанием показать широкое распространение обряда, любое близкое по смыслу свидетельство представляется указывающим на эвокацию. С другой стороны, почему мы должны априори отвергать возможность применения обряда за пределами Италии, если располагаем свидетельствами обратного? Разумеется, сходство ритуальной формулы не является абсолютным доказательством того, что в Исавре применяли обряд эвокации,

¹⁶ Hall 1972, 570.

¹⁷ Le Gall 1976, 520–524; Beard et al. 133; Lipka 2009, 126.

¹⁸ Gustafsson 2000, 62; Orlin 2002, 15, n. 13; Исаенко 2018, 583–591.

¹⁹ Исаенко 2018, 589–590.

но если доверять сообщению Макробия о Карфагене, то и в Исавре ситуация могла обстоять похожим образом. Было отмечено, что идея эвокации подразумевает среди прочего то, что определенное божество воспринимается как более активное в непосредственной близости от конкретного места²⁰, а кроме того, отнюдь не обязательно подразумевает перенесение его (ее) культа в Рим, так как некоторые культы сохранялись в том месте, где всегда находились, но после эвокации подвергались контролю со стороны римских понтификов (*sacra municipalia*)²¹.

Обратимся к самому первому известному нам случаю применения ритуала эвокации. Его описывает Тит Ливий среди событий 396 г. до н.э., когда римляне после долгой осады взяли этрусский город Вейи. Ливий (*Liv. V. 21. 2–3*) сообщает, что диктатор Марк Фурий Камилл накануне решающего штурма выступил со следующей молитвой (*precatus*)²²: «Под твоим водительством, о Пифийский Аполлон, и по твоему мановению выступаю я для ниспровержения града Вейи, и даю обет пожертвовать тебе десятину добычи из него. Молю и тебя, царица Юнона, что ныне обихаживаешь Вейи: последуй за нами, победителями, в наш город, который станет скоро и твоим. Там тебя примет храм, достойный твоего величия»²³. Далее мы узнаем, что после взятия города была отобрана группа юношей, которые, совершив омовение и облачившись в светлые одежды, вступили в храм и спросили богиню, желает ли она идти в Рим. Богиня ответила согласием, после чего статуя была снята со своего места и перевезена на Авентин, куда звали ее обеты римского диктатора, а позднее там для нее был освящен Камиллом храм (*Liv. V. 22*). Храм Юноны Регины на Авентине по обету диктатора действительно был освящен в 392 г. до н.э. (*Liv. V. 31. 3*), по-видимому, 1 сентября, так как в этот день позднее совершалось ежегодное празднование в честь богини, о чем упоминается в фастах Арвальских братьев (*Fast. Arv. = CIL I:2. 214*).

Археологические исследования в районе древних Вей показали, что храмы на этом месте по-прежнему использовались и после 396 г. до н.э. и что город не был разрушен²⁴. Проблема отождествления остатков того или иного культового сооружения с известным из нарративных источников храмом представляет чрезвычайную сложность. Б. Вард-Перкинс полагал, что акрополь Вей и место наиболее важных святилищ располагалось в так называемом районе Коммунита, где ниже уровня римской виллы было раскопано значительное этрусское культовое сооружение VII–VI вв. до н.э.²⁵. М. Торелли также предположил, что именно эта часть археологического памятника соотносится с той территорией, где располагался храм Юноны Регины, упоминаемый Ливием²⁶. Эта гипотеза как будто бы подтверждается результатами последних крупных раскопок на этой территории в 1997–2012 гг., в частности, обнаружением антефиксов и вотивной керамики, а

²⁰ Gustafsson 2000, 102.

²¹ Lipka 2009, 126.

²² *Tuo ductu* inquit, “Pythice Apollo, tuoque numine instinctus pergo ad delendam urbem Veios, tibi que hinc decimam partem praedae voveo. Te simul, Iuno regina, quae nunc Veios colis, precor, ut nos victores in nostram tuamque mox futuram urbem sequare, ubi te dignum amplitudine tua templum accipiat.

²³ Пер. С.А. Иванова.

²⁴ Pfiffig 1966, 17.

²⁵ Ward-Perkins 1961, 27.

²⁶ Torelli 1982, 124–128.

также колодца, засыпанного во время, приблизительно совпадающее с датировкой взятия Вей²⁷.

Дионисий Галикарнасский передает события, связанные с эвокацией Юноны из Вей, почти в тех же выражениях, что и Ливий. Он называет юношей, отправленных Камиллом для снятия статуи с пьедестала, «самыми выдающимися всадниками» (τῶν ἰππέων τοὺς ἐπιφανεστάτους) и также указывает на то, что один из них вопрошал богиню о желании перейти в Рим (Dion. Hall. XIII. 3).

Упоминает об эвокации Юноны Регины в ряду различных чудес и Валерий Максим. Согласно его сообщению, в шутку один из воинов вопрошает богиню о желании перебраться в Рим, и в ответ все присутствующие слышат высказанное ею согласие, что воспринимают как чудо (Val. Max. I. 8. 3).

Несколько иначе передает эти события Плутарх в биографии Камилла. Когда Камилл решил, согласно данному им обету, перевезти в Рим статую Юноны и для этого были созданы рабочие, диктатор принес жертву и стал молиться, держась рукой за статую богини, а некоторые из присутствующих отвечали на его просьбу, что она будет исполнена, богиня дает свое согласие и охотно последует за ним (Plut. Cam. 6). Интересно заметить, что Плутарх при этом ссылается на Ливия, а Ливий не упоминает в своем рассказе об участии Камилла, а лишь пишет, что юноши, отобранные для перевозки статуи, сначала лишь «набожно простирали к ней руки» (primo religiose admoventes manus).

Возможно, Плутарх, пересказывая эту историю из труда Ливия, параллельно пользовался каким-то другим источником, в котором роль Камилла в этом эпизоде была более ярко подчеркнута²⁸. Важно заметить, что после этого сюжета следует рассуждение Плутарха о доверии к рассказам о чудесах, где упоминается о разного рода знамениях вроде пота, выступавшего на статуях, о которых «рассказывают многие писатели прошлых лет» (ἀς ἱστορίκασιν οὐκ ὀλίγοι τῶν πρότερον – Plut. Cam. 6). При этом характерно, что в наиболее распространенной традиции (у самого Ливия, Дионисия и Валерия Максима) практически в одинаковых выражениях сообщается о группе воинов, которые осуществляли обращение к богине, а о Камилле в данной связи не упоминается.

История с переносом культа Юноны из Вей традиционно рассматривалась в историографии как канонический случай эвокации, предполагающий, что подобный ритуал мог использоваться римлянами до завоевания этого города в 396 г. до н.э.²⁹ В одном из наиболее авторитетных англоязычных комментариев к тексту Ливия говорится, что предание о захвате города Вейи и перемещении статуи Юноны в Рим столь устойчиво, что можно вполне обоснованно предполагать здесь зерно исторической правды. Р. Огилви считал таким зерном сам факт взятия города, личность Камилла, подкоп под стены города, а также ритуал эвокации Юноны Регины и установление ее культа в Риме³⁰.

В.И. Базанов интерпретировал историю о юношах, отобранных для контакта с богиней, как часть ритуального акта и на основании свидетельства Плутарха по-

²⁷ Bartoloni 2009, 13, 65.

²⁸ Иначе: Ferri 1956, 107–111.

²⁹ Wissowa 1912, 48–49; Beard et. al. 1998, 34–35; Rüpke 1990, 162.

³⁰ Ogilvie 1965, 669.

лагал, что именно Камилл в ходе ритуала задавал богине вопрос³¹. Исследователи, которые не признают историчность эвокации в отношении Карфагена, обычно придерживаются мнения об историчности эвокации Юноны Регины из Вей³².

Однако в последнее время стали появляться работы, в которых точка зрения о применении ритуала эвокации в случае с Юноной Региной из Вей оспаривается, а на основании этого иногда делается вывод, что данный термин вовсе не означает строгого ритуала либо вовсе является неким историографическим конструктом поздних авторов³³. Так, Г. Густафссон заявляет о необходимости учитывать то, что наиболее ранние достоверные свидетельства об эвокации принадлежат к I в. до н.э., а потому нет ничего невозможного в том, что ритуал эвокации был известен Ливию из совсем недавней истории и искусственно перенесен на события более раннего времени, чтобы исторически обосновать появление культа Юноны Регины в Риме³⁴. На наш взгляд, все же нельзя забывать, что Веррий Флакк ссылался на неизвестных нам авторов и едва ли имел в виду своих современников.

В недавней статье Р.А. Исаенко подчеркивается, что в свидетельствах о переносе Юноны Регины из Вей некоторые детали отличаются от описания ритуала эвокации у Макробия и Веррия Флакка: Юнона приглашена последовать за победителями, в то время как при эвокации бога или богиню призывают покинуть город до того, как он будет взят; в то время как ритуал эвокации, судя по описанию Макробия и Веррия Флакка, должен совершаться военачальником, в рассказе Ливия для этого выделена группа юношей из числа воинов; наконец, в молитве Камилла, передаваемой Ливием, отсутствуют характерные для ритуальной формулы повторения и использование многочисленных синонимов. На основании этого и отсутствия прямого упоминания ритуала эвокации в рассказе Ливия автором делается вывод о том, что данное описание с ним напрямую не связано³⁵.

Автор сравнивает описанное Ливием перенесение Юноны Регины с другими характерными легендами о чудесах, связанных с божественными статуями. В частности, он приводит рассказ Геродота (V. 82–86) о причинах древней вражды эгинцев и афинян. Согласно этому рассказу, когда в Эпидавре был голод, жители отправили спросить Дельфийский оракул о том, как им спастись от этого бедствия, и получили ответ, что должны воздвигнуть статуи Дамии и Авксесии, сделанные из дерева оливы, возвращенной человеком. Жители Эпидавра обратились к афинянам, так как афинские маслины считались самыми священными, и договорились срубить дерево в обмен на ежегодные жертвенные дары Афине Палладе и Эрехтею. Из этого дерева ими были изготовлены статуи и установлены в местности под названием Эя. Однако во время войны Эгины и Эпидавра эгинцы похитили статуи, а жители Эпидавра перестали отправлять обещанные афинянам жертвенные дары. Афиняне, узнав о случившемся, решили самостоятельно вернуть похищенные статуи и высадились на Эгине, но, когда они попытались стащить статуи с постаментов, внезапно загремел гром и одновременно началось землетрясение. Люди же с триеры, тянувшие канат, привязанный к статуям, от

³¹ Basanoff 1945, 43.

³² Напр.: Orlin 2002, 15, n. 13.

³³ Gustafsson 2000, 52; Isaenko 2017, 23–28.

³⁴ Gustafsson 2000, 81–82.

³⁵ Isaenko 2017, 24, n. 2.

этого потеряли разум и в безумии стали убивать друг друга, как враги, пока из всех их не остался в живых только один, который и возвратился в Фалер. После этого афиняне будто бы прекратили попытки возвращения статуй. В этой легенде Р.А. Исаенко видит сходство с описанием Ливия и приходит к выводу о том, что легенда о Юноне Регине возникла по тем же причинам, что и легенда Геродота: объяснить присутствие этрусской статуи в римском храме на Авентине (в случае с легендой Геродота – объяснить наличия статуй из афинского дерева на Эгине)³⁶.

Однако нам думается, что представленные автором аналогии имеют лишь внешнее сходство. Давно отмечено, что все повествование Ливия о взятии Вей проникнуто духом мистицизма и религиозности. Римский полководец Камилл изображается как орудие судьбы (*dux fatalis*), исполняющее религиозную миссию; город обречен из-за религиозного проступка, совершенного царем Вей (*Liv. V. 1. 4–5*); конец Вей, предсказанный пророческими книгами, связан с разливом Альбанского озера, воды которого римляне во искупление должны спустить (*Liv. V. 15–16*); наконец, рассказ об эвокации Юноны Царицы. Предполагается, что весь рассматриваемый рассказ в конечном итоге был почерпнут из этрусских источников и что его особый мистицизм представлял собой черту, характерную для этрусского историописания³⁷. Таким образом, если уж и подозревать в рассказе Ливия какие-либо заимствования, то скорее, этрусские, чем греческие.

Автор как будто забывает о том, что в рассказе Ливия молитва Камилла, обращенная к богине (что вполне соответствует описанию ритуала у Макробия), следует именно накануне решающего штурма. То, что в ней наряду с Юноной упомянут пифийский Аполлон, легко объясняется тем, что римляне перед этим отправляли посольство в Дельфы, чтобы испросить оракул, как им искупить знамение с водами Альбанского озера. Этот рассказ, как отмечает Т. Корнелл, вполне может восходить к реальному историческому факту, так как после победы римляне отправили в Дельфы благодарственное приношение – золотую чашу, которая была помещена в сокровищницу массалиотов. Во время Священной войны эта чаша была украдена и переплавлена Ономархом, однако подставка осталась в Дельфах, где каждый мог ее видеть, о чем сообщает Аппиан (*Ital. Fr. 8. 3*). Рассматриваемая традиция подтверждается также историей о липарском пирате Тимасифее, который сопровождал римские корабли в Дельфы, и в награду за это сенат заключил с ним договор гостеприимства (*hospitium publicum*), а воспоминания об этих событиях сохранились в виде освобождения потомков Тимасифея от налогов после захвата Липарских островов римлянами в 252 г. до н.э. (*Liv. V. 28. 3; Diod. Sic. XIV. 93. 3; Plut. Cam. 8. 8*).³⁸

Несмотря на то, что Ливий сокращает молитву и предваряет ее странным обращением к Аполлону, основные элементы *carmen evocationis* сохранены и узнаваемы. Ливий делает ритуал частью своего нарратива, а потому перерабатывает рассказ о нем литературным языком, который передает атмосферу, но не подлинные слова³⁹. В одном из пассажей Феста, связанном со словосочетанием *sacra*

³⁶ Isaenko 2017, 27–28.

³⁷ Sordi 1960, 10–16; Ogilvie 1965, 628.

³⁸ Cornell 2008, 299.

³⁹ Ogilvie 1965, 671–675.

peregrina, говорится⁴⁰: «Иноземными обрядами называются те, которые исполняются в честь богов, привнесенных в Рим, чтобы захватить города, или те, которые были истребованы, чтобы [достичь] мира вследствие того или иного благоговейного отношения, как, [например, по отношению к] Великой Матери из Фригии, к Церере из Греции, к Эскулапу из Эпидавра: эти обряды совершают по обычаю тех, от кого они были получены»⁴¹.

Таким образом, римляне четко разделяли две группы иноземных культов, которые инкорпорировались в римскую религию. В обоих случаях речь шла о культах официально признанных, которые римское государство включало в официальный пантеон. В этой связи нам представляется, что невозможно отрицать историчность существования самого обряда *evocatio*, хотя и засвидетельствованного в основном поздними источниками. Он действительно встраивается в некую особую группу римских *vota*, направленных на дополнительное обеспечение решения конкретных военных задач религиозными средствами, а также хорошо согласуется с такой общей часто отмечаемой чертой римской религиозности, как принцип *do ut des*.

При этом эвокация Юноны Регины из Вей вполне логично оказывается первым из засвидетельствованных традицией случаев применения ритуала. С этим этрусским городом римляне трижды воевали на протяжении V в. до н.э., а последняя война и вовсе имела особое, почти эпическое, значение для Рима, так как была первым крупным завоеванием иноземного города, причем города этрусского. Учитывая то общее прошлое, которое связывало римлян с этрусками в более раннюю эпоху, подобное событие не могло не отразиться особым образом в римской историографии.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bartoloni, G. 2009: *L'abitato etrusco di Veio: ricerche dell'Università di Roma 'La Sapienza'*. Roma.
- Basanoff, V. 1945: *Evocatio*. Paris.
- Beard, M., North, J.A., Price, S.R.F. 1998: *Religions of Rome*. Vol. I. Cambridge.
- Blomart, A. 1997: Die Evocatio und der Transfer fremder Gotter von der Peripherie nach Rom. In: H. Cancik, J. Rupke (eds.), *Römische Reichsreligion und Provinzialreligion*. Tübingen, 99–111.
- Cornell, T.J. 2008: Rome and Latium to 390 B.C. In: F.W. Walbank et al. (eds.), *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII/2. Cambridge, 243–308.
- Dumezil, J. 2018: *Religiya drevnego Rima [Religion of Ancient Rome]*. Saint Petersburg.
- Дюмезиль, Ж. 2018: *Религия древнего Рима*. СПб.
- Ferri, S. 1956: La Juno Regina di Veii. *Studi Etruschi* 24, 107–113.
- Gustafsson, G. 2000: *Evocatio Deorum: Historical and Mythical Interpretations of Ritualised Conquests in the Expansion of Ancient Rome*. Uppsala.
- Hall, A. 1972: New Light on the Capture of Isaura Vetus by P. Servilius Vatia. In: *Akten des VI. Internationalen Kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik*. Munich, 568–571.

⁴⁰ Fest. s.v. *peregrina sacra* 268L: *Peregrina sacra appellantur, quae aut evocatis dis in oppugnandis urbibus Romam sunt conata, aut quae ob quasdam religiones per pacem sunt petita, ut ex Phrygia Matris Magnae, ex Graecia Cereris, Epidauro Aesculapi: quae coluntur eorum more, a quibus sunt accepta.*

⁴¹ Пер. мой – А.В.

- Isaenko, R.A. 2017: Evocatio and the Transfer of Juno Regina from Veii. *Philologia Classica* 12(1), 23–28.
- Isaenko, R.A. 2018: Obet Publiya Serviliya [Vow of Publius Servilius]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indoeuropean Linguistics and Classical Philology] 1, 583–591.
- Исаенко, Р.А. 2018: Обет Публия Сервилия. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 1, 583–591.
- Le Gall, J. 1976: “Evocatio”. In: *L’Italie Préromaine et la Rome républicaine*. I. *Mélanges offerts à Jacques Heurgon*. Rome, 519–524.
- Lipka, M. 2009: *Roman Gods: A Conceptual Approach*. Leiden – Boston.
- Ogilvie, R.M.A. 1965: *Commentary on Livy Books 1–5*. Oxford.
- Orlin, E.M. 2002: *Temples, Religion and Politics in the Roman Republic*. Boston.
- Palmer, R.E.A. 1974: *Roman Religion and Roman Empire. Five Essays*. Philadelphia.
- Pffiffig, A.J. 1966: *Dies Ausbreitung des römischen Stadtwesens in Etrurien und die Frage der Unterwerfung der Etrusker*. Firenze.
- Rüpke, J. 1990: *Domi militaria. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart.
- Sordi, M. 1960: *I rapporti romano-ceriti e le origini della civitas sine suffragio*. Rome.
- Torelli, M. 1982: La città, l’arx e il culto di Giunone Regina. In: H. Blanck, S. Steingraber (eds.), *Miscellanea Archaeologica Tobias Dohrn dedicata*. Roma, 117–128.
- Vasilyev, A.V. 2015: Rimskiy obryad devotio i rannekhristskoye muchenichestvo: opyt sravnitel’nogo issledovaniya [Roman Ritual of Devotion and Early Christian Martyrdom: Comparative Research Experience]. *Religiya. Tserkov’. Obschestvo* [Religion. Church. Society] 4, 108–127.
- Васильев, А.В. 2015: Римский обряд devotio и раннехристианское мученичество: опыт сравнительного исследования. *Религия. Церковь. Общество*. 4, 108–127.
- Versnel, H.S. 1976: Two types of Roman devotion. *Mnemosyne* 29 (4), 365–410.
- Versnel, H.S. 1981: *Faith, Hope and Worship*. Leiden.
- Ward-Perkins, J. 1961: *Veii. The Historical Topography of the Ancient City*. London.
- Wissowa, G. 1905: Devotio. In: *RE* 5, 277–280.
- Wissowa, G. 1907: Evocatio. In: *RE* 11, 1152–1153.
- Wissowa, G. 1912: *Religion und Kultus der Römer*. München.

ON THE HISTORICITY OF THE EVOCATIO DEORUM AND ITS USE IN THE CASE OF JUNO REGINA FROM VEII

Andrey V. Vasilyev

*Information Technologies, Mechanics and Optics University, Saint Petersburg, Russia;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

E-mail: avvasilev@itmo.ru

The ritual of invoking the gods of an enemy city in order to deprive the enemy of their support in war is attested only a few times in Roman history. All of these cases date from the Republican period, the first of which is described by Livy in his story of the capture of Veii by the Romans after a long siege in 396 BC. The use of evocation to invoke the Carthaginian goddess Tanit, whom the Romans associated with Juno Caelestis, is also mentioned by Macrobius in his account of the capture and destruction of Carthage in 146 BC. Furthermore, an inscription discovered at Bozkir in 1970 mentions a vow made by Publius Servilius Vatia at the capture

of Old Isaura in 75 BC, which is close in form to the rite of evocation. However, the listed sources concerning this ritual date back to different eras and are poorly consistent with each other. Several attempts have been made by scholars to question the historicity of the *evocatio deorum* rite in general or its use in the specific case of Veii. The fact is that the details of the rite in Macrobius and Verrius Flaccus do not quite correspond to how Titus Livius describes the transfer of Juno Regina from Veii. However, one cannot ignore the fact that Roman grammarians had at their disposal a significant corpus of monuments that are lost to us and, in particular, Macrobius gives a double reference, indicating as the primary source of his description a certain Furius (presumably Lucius Furius Philus, an author of the 2nd c. BC, who could well have had access to materials from the priestly archives). The purpose of this article is to try to find additional arguments in support of the traditional point of view, as well as to demonstrate the historicity of the use of evocation in the case of Juno Regina of Veii.

Keywords: Roman history, Republic, Roman religion, *evocatio*, Veii, Juno

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 153–165
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 153–165
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-153–165

ЭМИЛИЯ ПУДЕНТИЛЛА: СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МАТРОНЫ

Т.В. Кудрявцева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: tatyanavk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1636-5704

В статье исследуются сведения об Эмилии Пудентилле, которые приводятся в «Апологии» ее второго супруга Апулея – речи, произнесенной им на судебном процессе по обвинению в использовании вредоносной магии. На основании этих данных реконструируется образ этой незаурядной женщины и детали ее биографии, что позволяет пролить свет на ряд любопытных гендерных аспектов истории Римской империи II в.: женское образование и роль женщины в воспитании и обучении детей, статус богатой вдовы в контексте жизни провинциального города, участие женщины в деловой жизни, ее отношения с родственниками, опекунами-мужчинами, степень ей самостоятельности при принятии важных решений, касающихся семейной и деловой жизни.

Ключевые слова: Римская империя, Эмилия Пудентилла, Апулей, женское образование, магия

Все сведения об Эмилии Пудентиллы мы черпаем из одного единственного источника – «Апологии» ее второго супруга Апулея, речи, произнесенной им на судебном процессе и впоследствии изданной. Высказывалось мнение, что следует с осторожностью реконструировать образ Пудентиллы на основании этого единственного свидетельства, к тому же весьма субъективного; что портрет «загадочной леди Пудентиллы» распадается на множество осколков и стилизован в соответствии с риторическими и литературными паттернами¹. На наш взгляд, текст Апулея позволяет (с учетом, разумеется, критического анализа) все же собрать воедино эти осколки и составить представление о незаурядной главной женской героине «Апологии».

Данные об авторе. Татьяна Владимировна Кудрявцева – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-28-00515, <https://rscf.ru/project/24-28-00515/> в РГПУ им. А.И. Герцена.

¹ Hunink 1998, 289–290.

Оратор достаточно подробно останавливается на обстоятельствах своей встречи с Пудентиллой. Благодаря тому, что семья Апулея, уроженца г. Мадавры в римской провинции Африка, была состоятельной, он смог получить достойное образование – сначала у себя на родине, затем в Карфагене, Афинах и Риме (App. Flor. 17; 21). Через несколько лет Апулей вернулся на родину, откуда отправился в Александрию, но по дороге заболел и был вынужден надолго задержаться в городе Эа (нынешнее Триполи). Там около 155 или 156 г. он встретился с Понтианом, бывшим приятелем по студенческим годам в Афинах и уроженцем Эи. Апулею было тогда тридцать с небольшим лет, Понтиан, очевидно, был его младше². Понтиану пришла в голову идея выдать замуж свою мать, состоятельную вдову Эмилию Пудентиллу, за Апулея, чтобы ее изрядное состояние не попало в руки алчных родственников или коварного обольстителя. Чуть ли не год он уговаривал Апулея, и когда обе стороны пришли уже к полному взаимопониманию и согласию, свадьба была отложена из-за женитьбы самого Понтиана, но в конце концов состоялась (App. Arol. 73).

Эмилия Пудентилла происходила из очень богатой местной семьи, которая хотя и не была сенаторского ранга, но состояла в родстве с Л. Эмилием Фронтинумом, консулом-суффектом между 164–168 гг., проконсулом и благодетелем Эи – он пожертвовал городу миллион сестерциев на разные проекты³. Своему первому мужу, Сицинию Аминту, Пудентилла, вероятно, принесла весьма солидное приданое⁴. Через несколько лет Эмилия овдовела: ее старшему сыну было тогда около 9 лет, младшему – 3–4 года. К моменту второго замужества Пудентилла вдовствовала не менее 13 лет (Arol. 27).

Родной город Пудентиллы – Эа, как и Лептис-Магна и Сабрата, имел пунийское происхождение; считается, что эти три главных триполитанских города были относительно меньше романизированы, чем другие города провинции Africa Proconsularis⁵, т.е. население говорило там в основном по-пунийски. Пудентилла же предстает перед нами дамой весьма образованной (*matrona docta*), свободно владея как латынью, так и греческим, что, несомненно, добавляло ей привлекательности в глазах Апулея. Конечно, женское образование в Риме было не столь изощренным, как мужское, но тем не менее, у представительниц высших сословий были возможности приобщиться к знаниям, хотя, разумеется, их не учили риторики так, как мальчиков и юношей, для которых навык составления речей был важнейшим. К тому же обучение для девушки заканчивалось раньше, чем для юношей: те в 16–18 лет еще постигали науки в школе у ритора, а девушки в этом возрасте в основном уже были замужем. Известно немало примеров образованных римлянок, начиная с Корнелии, матери Тиберия и Гая Гракхов, которые, по утверждению античных авторов, именно ей были обязаны своим образованием и от нее научились красноречию (Plut. Gr. 1. 4–5; Cic. Brut. 104; 211; Tac. Dial. 28). Дочь Помпея, вероятно, обучалась наравне со своими братьями, Гнеем и Секстом: она приветствовала вернувшегося из восточного похода отца цитатой из Гомера,

² Butler, Owen 1914, IX, XIX.

³ Guey 1954, 115–119.

⁴ Э. Фантам полагает, что оно было таким же, как в браке с Апулеем (Arol. Arol. 91), – 300 тыс. сестерциев (Fantham 1995, 222).

⁵ De Matte 2004, 53 (с литературой).

на которую коварно указал ее учитель: «С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул» (Ном. II. 3. 428; пер. Н.И. Гнедича) (Plut. Mor. 737B). Из современниц Пудентиллы можно вспомнить о Домиции Луцилле, матери императора Марка Аврелия, прекрасно владевшей эллинской премудростью (Fronton. Ad M. Caes. 1; 2), или о весьма богатой и образованной представительнице императорской семьи Матидии Младшей, на чьи средства был отреставрирован театр и основана общественная библиотека в Сессе-Аурунке (CIL X, 4760)⁶. Заметим, что для женщины беглое владение греческим, умение вести на нем переписку, интерес к наукам – признак принадлежности к состоятельным и знатным семействам Империи, как и занятия благотворительностью⁷. Тем удивительнее, что скромная представительница провинциальной знати из небольшого пунийского городка могла составить римским аристократам достойную конкуренцию⁸, в том числе в филантропии (см. ниже).

Пудентилла наверняка получила основательное домашнее образование, но в ее случае оно выходило далеко за пределы курса грамматики или арифметики. Во время судебного заседания Апулей будет ссылаться на ее письмо к Понтиану, написанное по-латыни (Apol. 70: судебный секретарь зачитет его по просьбе оратора); а один из ключевых моментов обвинения будет связан с письмом Пудентиллы на греческом, отправленном все тому же Понтиану (Apol. 82–84) – отрывки из него оратор сам процитирует. Письмо написано не только на хорошем греческом языке, но и с иронией, которую недруги Апулея не поняли, ибо не так хорошо владели греческим, как автор послания (Apol. 87).

Мы можем предположить также, что Пудентилла, которой, по всей видимости, были интересны различные интеллектуальные штудии и приобретение соответствующих познаний, занималась и со своими детьми. Во всяком случае, Апулей упоминает, что еще до свадьбы он помогал своей будущей супруге в их совместных занятиях с ее младшим сыном, Пудентом (Apol. 73: *a te in communibus studiis adiuvantur*)⁹. Правда, в отличие от старшего брата младший никакой склонности к *studia liberalia* не имел и, по утверждению Апулея, говорил Пудент только по-пунийски и едва помнил несколько греческих слов, которым его научила мать (Apol. 98: *si quid adhuc a matre graecissat*). Последнее – косвенное указание на то, что Пудентилла занималась с сыном еще до появления в ее жизни Апулея; наверняка она же оплачивала учебу в Афинах и Риме своего старшего сына Понтиана¹⁰. Участие Пудентиллы в обучении сыновей¹¹ – в духе тех прогрессивных идей, которые высказывались некоторыми римскими интеллектуалами. Тацит в

⁶ Эти и другие примеры – см.: Nemerijk 1999, passim.

⁷ О женской благотворительности – см., например: Гуревич, Рапсат-Шарль 2006, 231–234.

⁸ Предположение (De Marre 2004, 63) о том, что в римской Африке могли быть традиции качественного образования барышень из местной элиты, восходящие к карфагенскому наследию, кажется нам несколько натянутым. Основано это предположение на рассказе Кассия Диона (XVII, 51) о карфагенской аристократке и роковой красавице времен Второй Пунической войны Софонисбе, жене сначала западно-нумидийского царя Сифакса, а затем его конкурента восточно-нумидийского вождя Масиниссы: она, дескать, была прекрасно образована в науках и музыке.

⁹ По мнению, В. Хьюинка, это могли быть *studia litterarum* (Apol. 5. 1) или *studia liberalia* (Apol. 28. 9); возможные науки – литература, философия, риторика (Hunink 1997/2, 188).

¹⁰ De Marre 2004, 55.

¹¹ Об «идеале образованного материнства», прежде всего, на примере Корнелии, матери Гракхов – см.: Nemerijk 1999, 61–67.

«Диалоге об ораторах» в ряду матерей, которые руководили воспитанием и образованием своих сыновей, приводит мать Гракхов Корнелию, мать Цезаря Аврелию и мать Августа Атию (Тас. Dial. 28: *praefuisse educationibus*; ср. Сис. Brut. 104), а в «Агриколе» вспоминает Юлию Проциллу, под нежной заботой которой Агрикола «провел детство и юность в изучении всех благородных наук» (Тас. Agr. 4; пер. М.Е. Сергеев).

Плутарх в «Наставлении супругам» советует мужу уделять особое внимание образованию жены, ибо науки отвлекают женщин от нелепостей (*τὰ τοιαῦτα μαθήματα πρῶτον ἀφίστησι τῶν ἀτόπων τὰς γυναῖκας*); жена, учась геометрии, не даст обмануть себя заклинаниям чародеев, зачарованная сочинениями Платона и Ксенофонта (*καὶ φαρμάκων ἐπιφθὰς οὐ προσδέξεται τοῖς Πλάτωνος ἐλαδομένη λόγοις καὶ τοῖς Ξενοφώντος*) (Mor. 145c). Этот совет вполне укладывался в сценарий поведения Апулея, опекающего Пудентиллу в ее занятиях с сыном, но вот только, как будут в суде утверждать обвинители, изучение философских трудов маскировало здесь те самые «заклятия колдунов».

Апулей нигде не говорит, что его брак с Пудентиллой был союзом по любви – с его стороны. Жену свою он характеризует как «женщину уже далеко не в расцвете красоты, но еще в расцвете лет» (Apol. 92: *mediocri forma, at non aetate mediocri*; здесь и далее пер. С.П. Маркиша). Точный возраст Пудентиллы нигде не называется, но в своей защитительной речи Апулей опровергает один из пунктов обвинения как раз о возрасте Пудентиллы: обвинители заявляли, что вдова вышла замуж из-за похоти на шестидесятом году жизни (Apol. 89: *sexagesimo anno aetatis ad lubidinem nubsisse*). Оратор предьявляет в суде документ – заявление отца Пудентиллы о рождении дочери, датированное именами консулов¹². Как оказалось, Пудентилле было немногим больше сорока лет (Apol. 89). Себя же Апулей описывает как «молодого человека безупречной внешности, характера и происхождения» (Apol. 92); он замечательно образован, красноречиво изъясняется как по-гречески, так и по-латыни (Apol. 4–5). В то же время он не скрывает, что испытывал в тот период своей жизни определенные денежные затруднения; по словам его недругов, все его имущество «состояло из суммы да посоха» (Apol. 22). В том, что образованная, умная, к тому же богатая вдова могла искренне увлечься привлекательным молодым человеком, интеллектуалом и философом, нет ничего удивительного¹³. Таким образом, обе стороны могли иметь определенные резоны для того, чтобы стать супругами. Однако примерно год спустя после заключения брака родственники и свойственники Пудентиллы привлекли Апулея к суду, обвиняя его в том, что тот добился расположения вдовы с помощью магии.

¹² Отец в течение тридцати дней после рождения ребенка должен был уведомить государственных делопроизводителей (*tabularii publici*) о факте рождения и об имени новорожденного. Одна копия его письменного заявления хранилась в государственном архиве, другая – в семье. См.: Маркиш 1960, 393; Hunink 1997/2, 219.

¹³ Определенные основания для такого вывода можно извлечь из рассказа Апулея о письме Пудентиллы сыну (Apol. 84) – см. ниже. Французская исследовательница Николь Фик в своей статье горячо отстаивает версию об искренней влюбленности Пудентиллы и об её вынужденной сдержанности в проявлении чувств, проводя сравнение с историей любви Исменодоры и Вакхона из Плутархова «Об Эроте» (Fick 1992, 29–46).

Дело слушалось в Сабрате, недалеко от Эи, определенном как место проведения судебных заседаний для данной округи. Председательствовал на суде проконсул Африки Клавдий Максим, т.е. процесс состоялся в 158/159 г.¹⁴

Главными обвинителями были Сициний Эмилиан, брат первого мужа Пудентиллы, ее младший сын, Сициний Пудент, и тесть Понтиана Геренний Руфин. Понтиан, женившись на дочери этого Руфина, вскоре поссорился с Апулеем под влиянием своего тестя, который, видимо, переживал, что немалое состояние Пудентиллы достанется не его зятю и дочери. Впоследствии, однако, друзья помирились, но к моменту выдвижения против Апулея обвинения в магии Понтиана уже не было в живых. Самым зловредным из истцов, подлинным инициатором и «мозгом» обвинения Апулей полагал именно Геренния (Apol. 74). Однако формально обвинения выдвигались от имени младшего сына Пудентиллы, Сициния Пудента, которому было около 16–17 лет и которого оратор именуется мальчишкой (puer – Apol. 2; 41; 98). Из-за малолетства последнего озвучивал эти обвинения в суде его дядя, Сициний Эмилиан¹⁵.

Была ли Пудентилла на процессе своего супруга? Римское общество времен Поздней республики и Империи более толерантно относилось к присутствию женщины на судебном заседании, чем в античной Греции – женщины могли инициировать или подавать иски (Plin. Ep. IV. 17; VII. 6) и, возможно, даже выступать в суде в качестве участника тяжбы или свидетеля¹⁶. Можно привести в качестве примера рассказ Валерия Максима (VIII. 3. 1) о выступлении в суде римлянки Амесии (или Месии) из Сентина, которая при большом стечении народа сама себя защищала перед претором Титием (*Amesia Sentinas rea causam suam L. Titio praetore iudicium cogente maximo populi concursu egit*) и так яростно это делала, что получила прозвище «Андрогин» (*Androgyne*), ибо под женской внешностью скрывался мужской дух¹⁷. Однако едва ли все эти прогрессивные веяния докатились до провинциальных медвежьих уголков. Свидетельницу Капитолину, к примеру, на процессе Апулея представляет ее сын (Apol. 62). В самом начале своей речи оратор упоминает о некоем деле Пудентиллы против Граниев, которое он вел по ее, очевидно, просьбе (Apol. 1: *me causam pro uxore mea Pudentilla aduersus Granios agere*). Подробностей дела мы не знаем, но высказывались предположения, что оно связано либо с вопросами собственности, либо размежеванием владений, либо покупкой недвижимости и т.п.¹⁸. Совсем не льстящие Пудентилле описания ее внешности и возраста в речи Апулея на его собственном процессе (Apol. 73: *mediocri facie mater liberorum*; также – 92) – один из аргументов в пользу того, что его жены не было на этом судебном заседании, как и на том, где рассматривался иск против Граниев.

Из многословных опровержений Апулеем выдвинутых против него обвинений в магии вырисовывается картина – как именно он, по мнению истцов, приво-

¹⁴ Клавдий Максим был преемником Лоллиана Авита – благодаря надписи из Лептис-Магны мы знаем, что последний был проконсулом в 157/158 (см., например: Hunink 1997/1, 21; Bradley 1997, 203; et al.)

¹⁵ Я подробно описала дискуссию о том, по какому закону обвинялся Апулей, и весь его процесс в книге: Кудрявцева 2023, 225–286.

¹⁶ См.: De Marre 2004, 58; Steck 2009, 133–138.

¹⁷ М. Александер датирует этот процесс между 80–50 гг. до н.э. (Alexander 1990, 180, No. 384).

¹⁸ Маркиш 1960, 377; Pavis D'Esurac 1974, 99; Gutsfeld 1992, 261; Hunink 1997/2, 13.

рожил свою супругу. На их версию, вероятно, повлияло непринятие местным обществом второго замужества Пудентиллы. По собственному признанию Апулея, у некоторых граждан Эи сложилось «враждебное мнение» (*contrariam opinionem*) о нем как о маге (*quasi mago* – Apol. 81). В первой части речи Апулей перечисляет конкретные магические практики, результатом применения которых, по мнению обвинителей, явилось внезапное решение Пудентиллы после многих лет вдовства выйти замуж¹⁹. Обольщение происходило в Гетулии, в горной местности (Apol. 41): Пудентилла и Апулей уединились в каком-то из загородных поместий вдовы, вдали от заинтересованных и бдительных родственников.

Во второй части речи Апулей разбирает обвинение в корыстном соблазнении вдовы (Apol. 66–101); здесь много информации о его взаимоотношениях с женой и ее детьми от первого брака, из которой становится понятно, какую важную роль в обвинении играли вопросы финансов и собственности. Эта часть речи Апулея позволяет реконструировать семейное, экономическое и юридическое положение Пудентиллы до и после ее второго замужества. Она рисует также и характер этой незаурядной женщины, которая могла казаться слабой, но в решающие моменты проявляла твердость, а ради своего счастья готова была бросить вызов семейным интересам аристократических кланов Эи, элитарным традициям и выйти замуж за незнатного и небогатого чужака.

Очевидно, что родственников Пудентиллы более всего угнетала перспектива утраты контроля над вдовой и соответствующих выгод от ее большого состояния, а не магические или философские пристрастия ее нового мужа. Ставки были действительно велики, ибо богатство, доставшееся Пудентилле от первого мужа, Сициния Амика, вдова умелым ведением хозяйства еще и приумножила.

Обвинители уверяли, что Пудентилла после смерти своего первого мужа не собиралась больше выходить замуж, ее принудил к этому Апулей своими заклинаниями и приворотными зельями (Apol. 69: *carminibus et venenis*). Апулей, опровергая обвинения, особо подчеркивает: Пудентилла провела все годы вдовства без единого проступка, и сплетни не коснулись ее (*sine culpa, sine fabula*); он называет ее «безупречно целомудренной» (*mulier sancte pudica*) (Apol. 69). Опекуном ее детей был тогда отец покойного мужа. Свекр, чтобы богатство Пудентиллы не уплыло из рук, желал свести вдову с другим своим сыном – Сицинием Кларом – и потому отваживал всех сватавшихся к ней. Едва ли поведение старшего Сициния, побуждавшего сноху оставаться вдовой, можно считать нормой²⁰, но слишком большой куш стоял на кону. Пудентилла, будучи женщиной разумной и высоконравственной (*sapiens et egregie pia*), опасалась, что дед лишит внуков наследства, если их мать выйдет за чужого человека, и потому согласилась заключить контракт с навязываемым ей деверем (Сицинием Кларом), но уклонялась от брака с помощью различных хитростей (*variis frustrationibus*), пока не скончался дед мальчиков (Apol. 68). Здесь напрашивается сравнение с Пенелопой, столь же

¹⁹ Подробный разбор этой части обвинения – см.: Кудрявцева 2023, 236–266.

²⁰ О вдовах, отношении к ним римского общества и повторном замужестве – см.: Treggiari 1991, 499–501.

мудрой и достопочтенной, успешно избегавшей нежеланного замужества; на роль же Одиссея, получается, претендует Апулей²¹.

Договор со свекром был устным, т.е. не имел юридической силы. Избавившись от навязанного сватовства, Пудентилла решила покончить со своим вдовством; причем, по словам оратора, к этому решению ее подтолкнули проблемы со здоровьем и настоятельные советы врачей и повивальных бабок (Apol. 69). Вообще, мнение о том, что длительное сексуальное воздержание вредит женскому здоровью и приводит к истерическому удушью и припадкам, было довольно распространённым в античной медицине²². Апулей зачитывает в суде письмо Пудентиллы к Понтиану, в котором та пишет о своем желании выйти замуж после того, как «ценою долгого вдовства, пренебрегая собственным благополучием, она достигла того, что ее сыновья получили наследство деда, а она даже увеличила это наследство своими неустанными заботами» (Apol. 70). Примечательные деловые таланты вдовы, как уже было сказано, способствовали росту семейного и ее личного достояния. Апулей называет внушительную сумму, в которую оценивалось тогда имущество Пудентиллы, – 4 миллиона сестерциев (Apol. 71); сюда входила и доля детей, которой та управляла. По подсчетам некоторых современных исследователей, земельная собственность вдовы включала в себя около 8800 югеров; у нее было минимум 600 рабов, а скорее всего, еще больше²³. Она получала доход со своих многочисленных поместий, прибыль от продажи зерна, вина, масла и других сельхозпродуктов²⁴ (Apol. 93: *tritici et ordeï et uini et oliui ceterorumque fructuum*), от многочисленных стад скота (*ibid.*). Вероятно, у нее было несколько загородных домов – *villae suburbanae*²⁵, в городе же ей принадлежал прекрасный дом с видом на море. Туда больного Апулея уговорил переселиться на время Понтиан, чтобы свести его со своей матерью, и аргументом было то, что жилье это более здоровое (Apol. 72: *salubriorem mihi habitationem*) – очевидно, из-за своего расположения в престижном районе. Когда возник конфликт с детьми из-за второго замужества Пудентиллы, она смогла, скорее всего, без особого урона для своего процветающего хозяйства, выделить и им значительную долю денег²⁶, подарить самые плодородные поля со всем, что там произрастало, богато убраный дом, немалое количество скота и, по меньшей мере, четыреста рабов (Apol. 93). Одним словом, Апулей совершенно прав, когда говорит о своей жене как об «очень богатой женщине» (Apol. 91: *mulieris locupletissimae*).

При этом все годы вдовства Пудентилла самостоятельно распоряжалась своим и семейным имуществом, т.е. она не находилась под чьей-либо опекою или властью, будучи вдовой *sui iuris*²⁷. Еще пару веков тому назад подобное было бы

²¹ Hunink 1998, 289. К этому очевидному сравнению Апулей явно относился благосклонно: в трактате «О божестве Сократа» он отмечает доблесть и мудрость Улисса (Apol. Socr. 24).

²² См.: Hunink 1997/2, 183 (со ссылками на источники и литературу).

²³ Gutsfeld 1992, 252–254; Hunink 1998, 286; Benke 2005, 22.

²⁴ Как отмечает Генриетта Пави Д'Эсюрак, о выращивании в Триполитании пшеницы и производстве масла есть и археологические свидетельства (давилни), и изображения на мозаиках, а вот вино упоминается только здесь (Pavis D'Esurac 1974, 90–91).

²⁵ Pavis D'Esurac 1974, 92.

²⁶ О том, что за деньги имеются в виду, в историографии идет дискуссия. Мне кажется наиболее вероятным предположение Хьюинка: речь шла о состоянии отца юношей, унаследованное ими от деда; им в течение многих лет распоряжалась Пудентилла (Hunink 1997/2, 229).

²⁷ Fantham 1995, 220; Hidalgo de la Vega 2012, 750.

невозможно в Римской республике: женщина либо находилась под властью отца семейства (*pater familias*), либо под опекой (*in potestatem*) мужа. Управление поместьем и *agricultura* в целом, судя по Катону и Колумелле, всегда воспринимались в патриархальном Риме как сугубо мужские занятия, часть образа достойного мужа и воина²⁸. Катон определяет достойного мужа (*vir bonus*) как хорошего земледельца и хорошего хозяина (*bonum agricolam bonumque colonum*) (Cat. De agr. praef. 2); из таких мужей и получаются самые храбрые мужи и самые стойкие солдаты (Cat. De agr. praef. 4: *ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur*). Колумелла приводит хрестоматийные примеры римской доблести (Цинциннат, Фабриций, Курий Дентат), соединявшие в одном лице земледельца и защитника отечества (Col. Praef. 1. 13–16). То, что в римском общественном сознании к середине II в. н.э. произошли определенные гендерные подвижки, ясно из того, что самостоятельная и успешная хозяйственная деятельность Пудентиллы преподносится Апулеем как деятельность положительная и даже достойная похвалы. Если бы это было необычно, скандально или считалось неприличным для женщины поведением, едва ли оратор рискнул бы вызвать раздражение судей своим рассказом о деловых успехах Пудентиллы²⁹. Хотя определенные гендерные предрассудки и связанные с ними опасения, очевидно, сохранялись. Неизвестный автор «Малых декламаций», приписываемых Квинтилиану, посвятивший одну из декламаций обходам закона Вокония³⁰, восклицает: «Что, ты полагаешь, хотел законодатель, когда этот закон устанавливал? Чтобы женщины не обладали чрезмерным богатством, и чтобы общество не испытывало давление их власти (*ne feminae nimias opes possiderent, ne potentia earum civitas premeretur*)» ([Quint.] Min. decl. 264. 12).

Апулей далее подробно рассказывает, как Понтиан, опасаясь, как бы мать, попав в руки какого-нибудь проходимца, не передала ему имущество, свел Пудентиллу с так кстати оказавшимся в Эе Апулеем и долго упрашивал последнего оказать ему дружескую услугу и жениться на матери (Apol. 72–73). Апулей в конце концов соглашается, но по договоренности сначала должен был жениться сам Понтиан (Apol. 73). Однако после того, как у Понтиана появилась супруга, с ним произошла разительная перемена: он стал препятствовать браку своей матери с Апулеем, и тот винит в этом тестя своего друга, Геренния Руфина (Apol. 74). Руфин, который, по словам Апулея, «уже сожрал в мыслях четыре миллиона Пудентиллы» (Apol. 78), попытался расстроить ее замужество. Когда же вдова оказалась непреклонной, случился скандал: обозленный Руфин в присутствии многих (*multis audientibus*) обозвал Пудентиллу распутницей (*amatricem*), а Апулея — магом и отравителем (*magum et veneficum*) (Apol. 78).

²⁸ Benke 2005, 24.

²⁹ Н. Бенке, правда, предположил, что этот замечательный пример римского гендерного прогресса более типичен для провинции, чем для столицы: Benke 2005, 30.

³⁰ Lex Voconia, принятый в 169 г. до н.э. по инициативе народного трибуна Вокония, запрещал гражданам, относившимся к первому имущественному цензу (т.е. с состоянием не менее 100 тыс. ассов), назначать наследниками по завещанию женщин (Gai. Inst. II. 5. 274). Ограничение, вводимое данным законом, не касалось наследования без завещания. Кроме того, существовали различные способы обхода этого закона: женщина могла de facto получить наследство по процедуре *fideicommissum* (вид завещания в римском праве, в котором завещатель поручал наследнику выполнить оговоренные действия в пользу третьего лица).

После этой сцены Пудентилла уехала в деревню и оттуда написала сыну упомянутое выше письмо на греческом, в котором, по утверждению обвинителей, призналась, что Апулей магией влюбил ее в себя и лишил рассудка (Apol. 78: *confessa est sese mea magia in amorem inductam dementire*). Соответствующие строки из этого письма³¹ Геренний Руфин «показывал каждому встречному, водя при этом за собой по форуму плачущего Понтиана» (Apol. 82). Наступает кульминационный момент: оратор просит секретаря прочесть письмо (Apol. 80). В нем Пудентилла пишет о причинах, по которым решила выйти замуж: долгое вдовство, лекарство от недуга, лестные отзывы об Апулее, совет Понтиана выйти замуж именно за его друга. А дальше Апулей торжественно оглашает ту часть письма Пудентиллы, откуда обвинители вырвали фразу: «Ведь когда я хотела выйти замуж по тем причинам, о которых говорила тебе, то ты сам убедил меня отдать ему предпочтение перед всеми, потому что восхищался этим человеком. А теперь, когда коварные обвинители переубеждают тебя, Апулей вдруг становится магом, а я околдована им и влюблена. Приди же ко мне, пока я еще в здравом уме» (Apol. 83). Оратор обвиняет своих оппонентов не только в том, что они не поняли иронии греческого письма Пудентиллы и исказили его смысл, но в том, что они сделали это намеренно (Apol. 83–84). Апулей процитировал лишь небольшой отрывок из письма своей супруги, но и он дает представление о рациональном складе ума Пудентиллы, при этом не лишеном чувства юмора, о силе характера, а также о рассудительном и трезвом ее отношении к своему замужеству.

Осудив поведение пасынка, Сициния Пудента, за неблагодарность и непочтительность к матери (именно Пудент раздобыл пресловутое послание Пудентиллы к Понтиану, отдал его Руфину) (Apol. 85), оратор задает младшему сыну своей жены несколько риторических вопросов, благодаря которым аудитории демонстрируются деловые способности Пудентиллы, энергично и эффективно управлявшей своими многочисленными именьями. После того самого письма, где она написала с сарказмом «приди, пока я еще в здравом уме», Пудентилла пригласила к себе сыновей и невестку и прожила с ними почти два месяца (Apol. 87). Апулей вопрошает пасынка: заметил ли Пудент в поступках и речах своей матери что-то странное, признаки безумия, «будет ли он отрицать, что она с большим знанием дела подписывала счета управляющих виллами, пастухов, конюхов (Apol. 87: *rationibus uilliconum et upilionum et equisonum sollertissime subscripsisse*)». Ответ очевиден.

Обвинители обращали внимание на подписание брачного контракта (*tabulae nubtiales*) не в городе, а на загородной вилле (Apol. 88), намекая, видимо, на то, что практиковать запрещенную магию и готовить зелья сподручнее было вдали от бдительных глаз, в уединении. Апулей объясняет решение об устройстве свадьбы на лоне природы несколькими соображениями, благодаря которым мы можем дополнить образ Пудентиллы некоторыми деталями. Новобрачная, якобы, хотела избежать обязательных в таких случаях утомительных пиров, а также пропустить очередную раздачу подарков: ведь в тот день, когда Понтиан женился, а Пудент облачился в мужскую тогу, Пудентилла пожертвовала народу 50 тыс. сестерции-

³¹ Строка, которую цитировали обвинители: Ἀπολείος μάγος, καὶ ἐγὼ ὑπ' αὐτοῦ μεμάγευμαι καὶ ἐρῶ. ἔλθε τοίνυν πρὸς ἐμέ, ἕως ἔτι σωφρονῶ («Апулей – маг, я околдована им и влюблена. Приди же ко мне, пока я еще в здравом уме»).

ев из своих средств (Apol. 87). Надо сказать, что весьма солидное состояние Пудентиллы вполне пережило бы новую раздачу для народа, а высокое положение, которое вдова занимала в Эе, накладывало на нее определенные обязательства³²: ее новое замужество явилось значимым событием для местного общества, и оно вполне было ожидать полагающегося в подобных случаях праздника. Решение новобрачных уединиться на вилле могло вызвать подозрения и стать причиной недоуменных толков. Чувствуя некоторую шаткость защиты по данному пункту, Апулей пускается в рассуждения о благостности для потомства заключения браков на природе, на зеленых лужайках и полях: «Пусть будущая мать (*mater futura*) выходит замуж, сама покоясь на материнской груди, среди спелых хлебов, на плодородной пашне. Пусть возлежит она под брачным вязом, на лоне матери-земли...»; и т.д. (Apol. 88). Из текста непонятно, была ли абстракцией «будущая мать» или заключала в себе намек на интересное положение Пудентиллы. Последнее было маловероятным, но возможным, учитывая, что обвинители намеренно накинули лет вдове, и та еще была в репродуктивном возрасте. То, что Пудентилла такую возможность не исключала, подтверждается условием брачного контракта: ее приданое (300 тыс. сестерциев), если она умрет, не родив от Апулея детей, оставалось Понтиану и Пуденту; если же будет ребенок от второго брака, то половина приданого причиталась ему (или ей, если дочь), а вторая – сыновьям от первого брака (Apol. 91). Произведение Апулея «О мире» (*De mundo*), латинская адаптация греческого трактата Псевдо-Аристотеля, написано было годы спустя после процесса в Сабрате и посвящено его сыну Фаустину; он мог быть рожден в браке с Пудентиллой³³.

Апулей ссылается на условия брачного контракта, опровергая последний пункт обвинений – о том, что он выманил у своей жены богатое приданое. Он вопрошает обвинителей: ради чего, пользуясь заклинаниями и зельями, стал бы он склонять Пудентиллу к браку, какая в этом его личная выгода (Apol. 90). Оратор здесь, конечно, лукавит: если приданым жены он и не мог прямо распоряжаться, но как супруг мог пользоваться теперь всеми благами обеспеченной и комфортной жизни, доходами, которые Пудентилла получала от имений и капиталов, ее слугами, домами, виллами и т.п. И, возможно, его выгода от брака с богатой вдовой этим не ограничивалась. В одном месте «Апологии» он почти проговорился. Апулей хвалит себя за то, что, желая великодушием победить дурного сына (Пудента), уговорил жену написать новое завещание, в котором главным наследником был назначен беспутный и неблагодарный Пудент, а мужу отписана лишь «некая безделица» (Apol. 100: *tenue nescio quid*). И тут же заявляет, что своей доброй волей сдержал необыкновенную щедрость к нему своей доброй жены (Apol. 99: *bonae uxoris prolixam liberalitatem circa me nimio plus aequo coarcerem*), т.е. Пудентилла все-таки собиралась его щедро одарить. Во всяком случае, он приобрел благодаря ей владение, которое обвинители называли «прекраснейшим поместьем» (Apol. 101: *pulcherrimum praedium*). Апулей, однако, утверждает, что «речь идет о крохотном именице (*exiguum herediolum*) ценою в шестьдесят тысяч ассов», купленном к тому же на имя Пудентиллы, и предьявляет купчую. К документу прилагались свидетельские показания квестора, которому были внесены деньги,

³² Hunink 1997/2, 215; Hidalgo de la Vega 2012, 754.

³³ См.: Butler, Owen 1914, XVII; Amarelli 1988, 125; Hunink 1997/2, 216–217.

и опекуна Пудентиллы, Кассия Лонгина, подтвердившего законность покупки (Apol. 101). Если римлянка выходила замуж *sine manu*, т. е. без того, чтобы оказаться под властью мужа, то для подтверждения законности купчих и некоторых гражданских актов ей действительно нужен был опекун³⁴. Пудентилла, скорее всего, сама совершала сделки, и в ее случае одобрение опекуном купчей было лишь формальностью³⁵.

Почти единодушное мнение комментаторов «Апологии» и авторов научных работ, в которых так или иначе затрагивается судебный процесс в Сабрате: Апулей был признан невиновным – об этом свидетельствует и сам факт публикации его «Апологии», и его дальнейшая успешная карьера³⁶. Из «Флорид» мы знаем, что через несколько лет он обосновался в Карфагене, где, видимо, пользовался авторитетом как оратор и философ, и ему даже была воздвигнута статуя (Apol. Flor. 16). При этом нередко замечают, что на самом деле обвинения имели под собой основания, а Апулей смог избежать осуждения лишь благодаря своей изворотливости и эффективной риторической стратегии³⁷. Однако исследователи часто забывают о том, какую роль в оправдании оратора сыграли решимость и ум Пудентиллы: ее замечательное ироничное письмо и ее незримое присутствие в суде. Сдержанное благородство матроны оттеняется хвастливой самопрезентацией Апулея и его несколько непочтительным отношением к супруге: тут и неоднократные намеки на недостатки ее внешности, и то, что он не постыдился привести «медицинский аргумент» для нового замужества вдовы, связанный с ее долгим сексуальным воздержанием. С другой стороны, оратор отдает должное Пудентилле: в конце концов, именно его риторский талант явил нам образ «продвинутой» римлянки, соответствующей новой эпохе, – добродетельной, просвещенной и пекущейся об образовании для своих детей, наделенной умом, характером и деловой хваткой, эффективно управляющей своим огромным движимым и недвижимым имуществом. Клавдий Максим и присутствующие в суде попали под обаяние этой скромной провинциальной матроны, как и читатели «Апологии» века спустя после тех событий.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abt, A. 1908: *Die Apologie des Apuleius von Madaura und die antike Zauberei*. Gießen.
 Alexander, M. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto–Buffalo–London.
 Amarelli, F. 1988: Il processo di Sabrata. *Studia et Documenta Historiae et Iuris* 54, 110–146.
 Benke, N. 2005: Aemilia Pudentilla – a Landowning Lady. In: R. van den Bergh, G. Van Niekerk (eds.), *Ex iusta causa traditum: Essays in Honour of Eric H. Pool*. Pretoria, 19–31.
 Bradley, K. 1997: Law, Magic, and Culture in the “Apologia” of Apuleius. *Phoenix* 51, 203–223.
 Butler, H. E., Owen, A. S. 1914: Introduction. In: *Apulei Apologia sive Pro Se De Magia*. Oxford.

³⁴ Treggiari 1991, 32–36.

³⁵ Gutsfeld 1992, 255; Hunink 1997/2, 245.

³⁶ См., например: Грабарь-Пассек 1960, 359; Vallette 1908, 110; Abt 1908, 259; Butler, Owen 1914, XV–XVI; Hunink 1997, 1, 19; Bradley 1997, 203; Graf 2001, 65; Rives 2003, 327; De Marre 2004, 57; Harries 2007, 127; Collins 2008, 151; Costantini 2016, 240.

³⁷ Vallette 1908, 110–114; Abt 1908, 258–261; Butler, Owen 1914, XV–XVI; Graf 2001, 65–88; Bradley 1997, 208–212, 219; Rives 2003, 324–327; Collins 2008, 151–159; Costantini 2016, passim.

- Collins, D. 2008: *Magic in the Ancient Greek World*. Malden.
- Costantini, L. 2016: *Magic in Court. Understanding the Forensic Strategies and the Charges against Apuleius in the "Apologia"*. (Diss.). Leeds.
- De Marre, M. 2004: "Docta nimis visa et facunda": Wishful Thinking or Social Reality? *Acta Classica* 47, 51–74.
- Fantham, E. 1995: Aemilia Pudentilla: or the Wealthy Widow's choice. In: R. Hawley, B. Levick (eds.), *Women in Antiquity: New Assessments*. London–New York, 220–232.
- Fick, N. 1992: Mariage d'argent, mariage d'amour: la magie du mariage d'Apulée. *Vita Latina* 125, 29–46.
- Harries J. 2007: *Law and Crime in the Roman World*. Cambridge.
- Hidalgo de la Vega, M.J. 2012: Aemilia Pudentilla: poder económico y estrategias ciudadanas de una aristócrata Africana. In: M. Bastiana Cocco, A. Gavini, A. Ibba (eds.), *L'Africa Romana. Trasformazione dei paesaggi del potere nell'Africa settentrionale fino alla fine del mondo antico. Atti del XIX convegno di studio. Sassari, 16–19 dicembre 2010*. Roma, 747–759.
- Hemelrijk, E.A. 1999: *Matrona docta. Educated women in the Roman élite from Cornelia to Julia Domna*. London–New York.
- Hunink, V. 1997/1: Introduction. In: *Apuleius of Madauros Pro Se De Magia (Apologia)*. Vol. I. Text. Amsterdam, 9–34.
- Hunink, V. 1997/2: *Apuleius of Madauros Pro Se De Magia (Apologia)*. Vol. II. Commentary. Amsterdam.
- Hunink, V. 1998: The Enigmatic Lady Pudentilla. *American Journal of Philology* 119, 275–291.
- Gourevitch, D., Raepsaet-Charlier M.-T. 2006: *Povsednevnyaya zhizn' zhenshiny v Drevnem Rime [La femme dans la Rome Antique]*. Moscow.
- Гуревич, Д., Рапсат-Шарлье, М.-Т. 2006: *Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме* (пер. с франц. Н.Н. Зубкова). М.
- Grabar-Passek, M. E. 1960: Apuley [Apuleius]. In: *Apuley. Apologiya. Metamorfozy. Floridy [Apuleius. Apologia. Metamorphoses. Florida]* (transl. M.A. Kuzmin, S.P. Markish). Moscow, 357–372.
- Грбарь-Пассек, М.Е. 1960: Апулей. В: *Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды* (пер. М.А. Кузмина и С.П. Маркиша). М., 357–372.
- Graf, F. 2001: *Magic in the Ancient World* (transl. F. Philip). Cambridge–London.
- Guey, J. 1954: L'Apologie d'Apulée et les inscriptions romaines de Tripolitane. *Revue des Études Latines* 32, 115–120.
- Gutsfeld, A. 1992: Zur Wirtschaftsmentalität nichtsenatorischer provinzialer Oberschichten: Aemilia Pudentilla und ihre Verwandten. *Klio* 74, 250–268.
- Kudryavtseva, T.V. 2023: *Sudebnaya magiya v antichnosti [The Judicial Magic in Antiquity]*. Saint Petersburg.
- Кудрявцева, Т.В. 2023: *Судебная магия в античности*. СПб.
- Markish, S. P. 1960: Commentary. In: *Apulej. Apologiya. Metamorfozy. Floridy [Apuleius. Apologia. Metamorphoses. Florida]* (tr. M. A. Kuzmin, S. P. Markish). Moscow, 377–432.
- Маркиш, С.П. 1960: Комментарии. В: *Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды* (пер. М.А. Кузмина и С.П. Маркиша). М., 377–432.
- Pavis D'Esurac, H. 1974: Pour une étude sociale de l'Apologie d'Apulée. *Antiquités africaines* 8, 89–101.
- Rives, J. B. 2003: Magic in Roman Law: The Reconstruction of a Crime. *Classical Antiquity* 22, 313–339.
- Steck, U. 2009: *Der Zeugenbeweis in den Gerichtsreden Ciceros*. Frankfurt am Main.
- Treggiari, S. 1991: *Roman marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian*. Oxford.
- Vallette, P. 1908: *L'Apologie d'Apulée*. Paris.

AEMILIA PUDENTILLA:
THE MODEST CHARM OF A PROVINCIAL MATRON

Tatyana V. Kudryavtseva

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: tatynavk@yandex.ru

The article discusses information about Aemilia Pudentilla, which is given in the “Apologia” of her second husband Apuleius. This speech was delivered by him at his trial on charge of using malicious magic. Based on these data, the image of this extraordinary woman and the details of her biography are reconstructed, which allows us to shed light on a number of interesting gender aspects of the history of the Roman Empire in the 2nd century: women’s education and the role of women in the upbringing and education of her children, the status of a rich widow in the context of provincial city life, a woman’s participation in business life, her relationships with relatives, male guardians, her degree of independence in making important decisions concerning family and business life.

Keywords: Roman Empire, Aemilia Pudentilla, Apuleius, women’s education, magic

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 166–182
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 166–182
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-166–182

РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ ГОРОДОВ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ПАЛЕСТИНЫ

Ж.М. Сухова

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия*

E-mail: zhanna-suhova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-6807-6549

Статья посвящена изучению особенностей религиозных учений, распространенных в городах Палестины в позднеантичную эпоху. В свете концепция гетеротопии М. Фуко автор рассматривает причины этого разнообразия и востребованности именно этих учений среди городского населения. Многочисленные учения синкретического толка, интеллектуальный климат, экономическое процветание, ритмичный и активный образ жизни в городах, в которых проживали обычные люди, имевшие свои слабости, недостатки, соблазны и грехи, и непростые исторические события V–VII вв. формировали иное пространство Палестины, не связанное с образом Святой земли.

Ключевые слова: Поздняя античность, Палестина, город, религиозные учения, религиозное многообразие, Святая земля, гетеротопия

Тема городской и религиозной жизни позднеантичной эпохи является одной из самых актуальных и перспективных в исторической науке: в настоящее время учеными разных научных дисциплин ведется активный поиск новых направлений исследования, расширяется предметное поле, осваиваются междисциплинарные подходы, пересматриваются старые концепции¹. В городах позднеантичной эпохи христианство проходило важнейший этап своего развития, начиная с гонений и заканчивая полным его утверждением в качестве основной религии; прежние, античные верования продолжали жить параллельно и к концу позднеантичного времени практически совсем исчезли². При этом появлялось, развивалось и исчезало большое количество религиозных учений разного толка. В данном аспекте

Данные об авторе. Жанна Михайловна Сухова – аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

¹ См.: Brown 1971; Rupke 2020; Knott 2010; Lätzer-Lasar, Urciuoli 2021; Klein, Wienan 2022; Селунская 2004; Ващева 2009; Вуд 2019.

² Сухова, Ващева 2021, 278–280.

Палестина является одним из самых привлекательных для исследователей регионов, поскольку в ее городах в позднеантичную эпоху сосуществовали различные религиозные учения. Несмотря на достаточно глубокое изучение истории многих религиозных учений, само религиозное многообразие в регионах до сих пор остается малоизученной темой.

Целью настоящей статьи является получение комплексного представления об особенностях религиозных учений в Палестине, причины их популярности среди горожан и влияния на городскую жизнь региона эпохи Поздней античности (III–VII вв.). Нами рассматриваются как те учения, которые появились и распространились в III–VII вв., так и появившиеся в I–II вв. и продолжавшие существовать в городах Палестины в позднеантичное время. Поставленная научная проблема может быть разрешена с использованием таких исторических источников, как «Панарион» Епифания Саламинского, в котором содержится описание учений; церковные истории Созомена, Феодорита Киррского, Евагрия Схоластика и Филосторгия, в которых также встречаются сведения об учениях и происходивших в связи с ними событиях; жития, в особенности житие аввы Саввы, который был одним из участников и очевидцев второго оригенистского спора и другие. Для обоснования заключений о том, какие образы имела Палестина в эпоху Поздней античности³, используется термин М. Фуко «гетеротопия» и выведенные им принципы, которые позволяют понять особенности городской жизни и городского пространства в позднеантичную эпоху⁴.

РЕЛИГИОЗНЫЕ УЧЕНИЯ В ГОРОДАХ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ПАЛЕСТИНЫ: ИСТОЧНИКИ

В ересиологическом трактате обличителя ересей Епифания Саламинского (IV в.), названы следующие представители иудео-христианских и христианских учений на территории Палестины, существовавших в его время и ранее: эбиониты (Епифаний. Панарион. I. 2. 30), архонтики (I. 3. 40), маркиониты (I. 3. 42), сампсеи (II. 1. 53), манихеи (II. 2. 66), мелетиане (II. 2. 68), ариоманиты (II. 2. 69), авдиане (III. 1. 70) и полуариане (III. 1. 73). О каждой религиозной группе записано разное количество сведений: о тех, о которых Епифанию больше всего удалось разузнать, и о тех, которые существовали еще в его время и их легко можно было встретить в Палестине, он записал больше информации, и, наоборот, о религиозных учениях с маленьким количеством адептов или уже практически не существовавших в его время – намного меньше сведений. Расположим их для удобства проведения анализа в хронологической последовательности, насколько это возможно.

Учение эбионитов появляется в первые века христианства, по крайней мере, с середины II в. о нем упоминает Юстин Философ, хотя существуют слабо подкрепленные историческими источниками предположения о существовании эбионитов и в I в. Известно, что они проживали на Ближнем Востоке еще во времена Епифания Саламинского (нач. IV – нач. V вв.)⁵, а по редким упоминаниям источников следующих столетий понятно, что их малочисленные общины продолжали

³ Сухова, Ващева 2021, 276–278; Blanke, Cromwell 2023, 4; Sivan 2008, 309–310, 313–314.

⁴ Фуко 2006, 196, 197, 200–202.

⁵ Klijn, Reinink 1973, 29.

существовать вплоть до VII в., хотя ранее выдвигались предположения, что они могли просуществовать и до рубежа I–II тыс.⁶. Учение эбионитов восходит к иудаизму, они сохранили обрезание, праздник субботы, почитание Торы; в то же время они признавали христианские Евангелия, им были близки идеи аскетизма и бедной жизни, однако, что было важным, эбиониты не признавали Иисуса Христа в качестве Бога (Епифаний. Панарион. I. 2. 30. 1–2, 15–18, 22, 26). С одной стороны, это позволяло им сочетать в учении черты христианства и иудаизма и, объединяя их отдельные аспекты, считать себя связующей нитью между церковью и синагогой. С другой стороны, они и их учение объективно не могли быть признаны как ни одной из упомянутых сторон, так ни греческой частью жителей городов, для которых упомянутые традиции были еще достаточно чужды⁷.

В иудео-христианской среде также сформировалось учение сампсеев (II. 1. 53. 1). О них известно немного, однако Епифаний Кипрский упоминает, что сампсеи пользовались такой же книгой, как и иудео-христиане эвионеи и, согласно их представлениям, Бог был все же един, Иисус Христос признавался творением Бога и уже крещение признавалось ими в качестве неотъемлемой части собственных практик.

Учение маркионитов зародилось в первой половине II в. Епифаний Саламинский записал, что при его жизни идеи Маркиона все так же были популярны (I. 3. 42. 1), последние упоминания о маленькой общине маркионитов датируются примерно X в.⁸ Маркион тщательно изучил послания апостола Павла, Евангелия, Ветхий завет⁹ и выстроил свое учение, учтя противоречия в логике действий ветхозаветного Бога, который больше похож «на капризного и ревнивого Демиурга», чем на Бога-Отца, о котором говорил Иисус¹⁰. С одной стороны, Маркион пытался освободить раннее христианство от его укоренения в иудаизме, также и от синкретических связей с греческой философией, чтобы привести его к независимости, но в то же время он не признавал воскресение плоти и отрицал рождение Иисуса Христа, не допуская его физического развития как человека, что было связано с греческой оценкой духа и материи¹¹. Синкретическое, но дававшее ответы на те вопросы, на которые пока христианство не в силах было ответить, оно стало популярным среди городского населения. Постепенно в Палестине складывались условия для его популярности: оно распространялось на благодатной почве после восстания Бар-Кохбы 132–136 гг., когда после войны слабозаселенная территория Палестины постепенно стала превращаться в римскую провинцию и когда конфискованные земли убитых или захваченных в плен иудеев стали продаваться частным лицам и распределяться между ветеранами¹².

Основатель манихейства Манес соединил в своем учении еще больше элементов разных культур и религий. Оно появилось примерно в III в. и просуществовало на Ближнем Востоке как минимум до X в.¹³. Не сводя учение Манеса к

⁶ Pines 1966, 39.

⁷ Ehrman 2003, 102.

⁸ Budge 1893, 261.

⁹ Ehrman 2003, 99–112.

¹⁰ Harnack 2005, 271.

¹¹ Harnack 2005, 277–278.

¹² Birley 1997, 231, 275; Schwartz 2014, 96; Eck 2014, 229–244.

¹³ Budge 1893, 261.

упрощению, хотелось бы выделить те основы его учения, которые могли сделать манихейство популярным среди жителей Палестины. Манес вполне по-гречески рассуждал о существовании как Бога, так и материи¹⁴ (II. 2. 66. 1, 3, 9, 26, 49), вплетая в учение большое количество греческих философских понятий и объясняя их значение с религиозной точки зрения: материя, софия, логос, эманация, эон¹⁵. Также космология и антропология Манеса восходит к античным философским учениям, равно как и к иудаистической литературе межзаветного периода¹⁶. В его сложной системе материя была противоположной свету силой, в свою очередь со светом ассоциируется и Бог-отец (при этом в теологии есть и фигура Матери), с которым связаны понятия Мудрость, Ум, Размышление и другие¹⁷. Библейские сюжеты в целом стали частью учения Манеса¹⁸. Гностические, христианские, иудаистские идеи оказались синкретизированы с митраистскими, древнеавилонскими, зороастрийскими и буддийскими, и среди ученых нет единого мнения на счет того, что является фундаментом, субстратом учения¹⁹. Неудивительно, что манихейство получило широкое распространение на территории, соединившей торговые и культурные пути Востока и Запада – Палестины. Таким образом, в первые века нашей эры иудаизм оказывал существенное влияние на появление и развитие религиозных учений Палестины. Со становлением христианства и утверждением все большего количества христианских догм и правил, влияние иудаизма к IV–V вв. на религиозные учения постепенно снижалось. Это легко заметить, рассмотрев особенности учений IV–VII вв. Так, в начале IV в. в Палестине были некоторое время популярны идеи мелетиан, мелетианский раскол состоялся под влиянием христианских гонений, во время которых часть духовных лидеров легко отрекалась от веры и практически ничего не делала, чтобы под влиянием гонений веру сохранили их паства (II. 2. 68. 2). Видя это, некоторые христиане стали распространять идею чистоты веры, под которой подразумевали отказ от примирения с гонителями христианства и выдвигали жесткие требования для тех, кто отрекся во время гонений, но вновь желали стать христианами. В плане учения они практически не отличались от христиан.

Гностическое учение архонтиков было распространено только в Палестине и оттуда оно не сильно распространилось по Сирии и Армении, его появление датируется серединой IV в.²⁰ Родоначальник ереси Петр, который долгое время жил среди эбионитов, вел строго аскетический и нищенствующий образ жизни (I. 3. 40. 3–6). Практики крайнего аскетизма иудео-христиан он соединил со знакомыми для воспитанной в греческих традициях аудитории рассуждениями о мистической цифре «7» и о семи нотах, с фигурой светлой Матери, которая обитает на особом небе после основных семи. Само его учение было изложено в книгах «Симфония малая» и «Симфония большая» (I. 3. 40. 1–2). Согласно учению, архонтики не признавали воскресение плоти, душа после смерти непременно попадала на не-

¹⁴ О материи Манес рассуждал как о темном, о мраке, как о противоположной свету силе. Подробнее см.: Смагина 2011, 125.

¹⁵ Хосроев 2007, 129–130.

¹⁶ Смагина 1998, 43.

¹⁷ Смагина 1998, 43.

¹⁸ Смагина 2011, 129.

¹⁹ Смагина 1998, 43.

²⁰ Layton, Brakke 1987, 243–254.

беса и служила в качестве пищи для архонтов – небесных правителей, хотя подобной участи можно было избежать, обладая определенным гнозисом. Это учение могло быть популярным среди знатной и богатой части горожан, скорее всего, именно потому, что образованные горожане, опирающиеся на гностическую мудрость и проживавшие на Святой земле, искали более уточненные трактовки веры и ценили мистические аспекты религии. Петру, как основателю учения, удалось в достаточной степени объединить некоторые особенности старого и нового, создав синкретическое локальное учение. Неизвестно, как долго оно продолжало бытовать на территории Палестины, вероятно, что к концу позднеантичного периода оно уже совсем исчезло.

В IV в. на территории Палестины распространились идеи еще одного раскола – авдианского. Согласно Епифанию Саламинскому, авдиане праздновали Пасху так, как это делали иудеи, при этом предпочитали жить в монастырях, расположенных близ городов (особенно много монастырей было в Палестине), порицали богатство и стремление служителей церкви к мирскому (III. 1. 70. 1, 9).

У рассмотренных учений есть общие и различные черты: в их основу были положены понятные элементы местных традиций – греческих, иудейских; вместе с этим в них переплетаются идеи аскетизма, отказа от богатства, а также интеллектуального и духовного поиска, благодаря чему горожане закрывали свои духовные и интеллектуальные потребности. Некоторые из них преобладали в большей или меньшей степени. В то же время в учениях по-разному понимается добро и зло, соотношение сил Бога и дьявола, природа Иисуса Христа и многое другое. Так, сампсеи полагали, что Иисус не творец, а только лишь творение (II. 1. 53. 1); манихеи считали, что Иисус был исключительно человеком и не мог быть богом (II. 2. 66. 51); у архонтиков небеса делились на семь частей и на каждом небе был свой правитель, хотя главным и правящим на седьмом небе был Саваоф (I. 3. 40. 1–2), при этом в манихействе и у архонтиков встречается образ Матери.

Арианство было одним из самых известных и популярных учений IV в., с целью его опровержения был созван первый вселенский собор в Никее в 325 г. Колыбелью арианства считается Египет. Однако, согласно рассказу церковного историка Созомена, именно епископы палестинских городов были первыми, кто поддержали Ария. Так, после конфликта с епископом Александрии, Арий обратился к епископам городов Кесария и Скифополь – то есть к Евсевию Памфилу (ок. 314–339 гг. – здесь и далее у епископов Палестины указаны годы епископства) и Патрофилу Скифопольскому (примерно начало – середина IV в.), а кроме них лишь к тирскому епископу Павлину, который юридически подчинялся епископу Кесарии (Sozom. HE. I. 15). Оба палестинских епископа были известными и влиятельными людьми, управляли христианскими общинами одних из самых крупнейших административных городов Палестины, имели связи при дворе, кроме этого, Евсевий Памфил был другом и придворным богословом императора Константина²¹. Конкретной целью обращения Ария было получение одобрения от епископов для проведения собраний ариан на территории Палестины, на которых ариане могли бы без притеснений верить и молиться по-своему. Епископы согласились, но, конечно, с хитрым условием: сначала ариане должны примириться

²¹ Шафф 2011, 572–573.

с александрийским епископом Александром, с которым у Ария и случился конфликт. Примирение не состоялось, идеи Ария не были одобрены и Арий бежал из Египта в Палестину – близлежащий регион, в котором у него были сильные и влиятельные сторонники (Епифаний. Панарион. II. 2. 68. 4). Кроме этого, были и другие причины для выбора именно Палестины: в Палестине имела интеллектуальная почва для диспутов, так как в ее городах было много школ (в том числе и славившаяся по всей империи риторическая школа Газы, Кесарийская школа и другие)²², поэтому там концепция божественной природы Иисуса Христа, предложенная Арием, могла быть подвержена основательной критике и выдержать ее. Она также вызывала симпатии у греческой части горожан Палестины, потому что выглядела для них логично и очень аргументированно, ведь в их понимании от Бога и человека мог родиться полубог – творение, а не творец. И даже с осуждением арианства в 325 г. его история в Палестине не закончилась, скорее наоборот. Епископ скифопольский Патрофил, несмотря ни на что продолжал поддерживать ариан в вверенной ему области, выступал против Афанасия Великого и Максима Иерусалимского, которые в свою очередь регулярно обличали ариан (Sozom. HE. IV. 8, 20). Чтобы избежать осуждения и низложения, Патрофил старался не посещать всяческих крупных собраний и соборов, ссылаясь на различные обстоятельства (Sozom. HE. IV. 22). Сторонникам Никейского Символа веры ничего не оставалось делать, кроме как низложить Патрофила заочно, но и это не привело к реальному изменению положения дел в Скифополе и со стороны Патрофила раскаяния не последовало. Это согласуется со сведениями Епифания Саламинского, который сообщает о христианине Иосипе, который один выделялся верностью православию, в то время как «все же прочие были ариане» (Епифаний. Панарион I. 2. 30. 4–5). Разумеется, сведения о единственном праведно верующем намеренно преувеличены, но все же имеют под собой историческую подоплеку: очевидно, большая часть горожан верила и молилась так, как учил их епископ. Из других глав «Панариона» мы узнаем, что при императоре Констанции арианство продолжало господствовать в Скифополе благодаря усилиям того же Патрофила, который «имел большую силу по богатству, строгости и по известности царю Констанцию и доступности к нему» (Епифаний. Панарион. I. 2. 30). Идеи Ария были доминирующими в городе при следующих епископах Скифополя – Филиппе (преемнике Патрофила) и Афанасии (Епифаний. Панарион. III. 1. 73. 24). После этих двух скифопольских епископов в исследуемых нами текстах не встречается существенных упоминаний об арианстве в городе. Известно, что Константинопольский собор 381 г. положил конец арианскому влиянию на церковь Скифополя, как это произошло в большинстве городов Восточной империи²³. Но как происходило искоренение арианства в городе, была ли борьба за его сохранение настоящим противостоянием или же оно постепенно себя изжило? Поняли ли горожане произошедшие изменения? Ведь при смене символа веры миряне должны были заметить это, они должны были понять разницу между словами «единосущный» и «подобосущный», хотя в произношении и написании этих слов на греческом (языке богослужения в Скифополе) есть только одна разница, которая заключается

²² Сухова, Вашева 2021, 276–277; Болгова, Болгов 2018, 185–193; Манохин 2018; Хецер 2019, 72–93; Carriker 2003, 2–17.

²³ Шелудченко 2017, 51.

в наличие одной йоты: «ὁμοούσιος» (единосущный) и «ὁμοιοούσιος» (подобосущный). Из имеющихся источников у нас нет сведений о реакции жителей Скифополя на смену вектора в проповедях, об этом практически никто не оставил какой-либо информации и это вызывает удивление, поскольку Скифополь был основан в эллинистический период, в нем проживало много грекоговорящего населения. У историков также имеется недостаточно данных с противоположной, арианской стороны, которые могли внести большую ясность.

Относительно другого современника Ария и Патрофила – епископа кесарийской кафедры Евсевия Памфила – и города, в котором он был епископом, – Кесарии – на сегодняшний день известно следующее: исследователи признают Евсевия симпатизировавшим арианам деятелем церкви, если быть точнее – полуарианином²⁴. И хотя Евсевий официально подписал Никейский символ веры, при преемнике Евсевия на епископской кафедре по имени Акакий (339–366 гг.) арианство, получившее название омийское богословие, продолжало бытовать в городе. Идеино оно уходит во взгляды Евсевия Кесарийского. В «Церковной истории» Эрмия Созомена неоднократно упоминается о том, что Акакий более решительно, чем его предшественник, отстаивал основы арианского учения (Sozom. HE. III. 2, 12) и, имея много полезных связей при императорском дворе, активно пользовался ими. Епифаний Кипрский сообщает, что уже во времена Акакия состоялся раскол ариан на несколько групп: с одной стороны, епископ Кесарийский Акакий, с другой – Василий Анкирский, Георгий Лаодикийский и другие. Последние упомянутые епископы стали придерживаться более умеренных взглядов, в то время как Акакий Кесарийский и его сторонники не признавали Сына единосущным и многие палестинские епископы придерживались неясной позиции по этому поводу (Епифаний. Панарион. III. 1. 53). Епископа Кесарийского Акакия часто недооценивают: о нем не написано большого количества исследований, что отчасти можно списать на отсутствие нужного количества источников, а деятельность ортодоксальных епископов нередко затмевала деятельность полуарианина Акакия. Тем не менее известно, что смелость, проницательность и красноречие служили Акакию главным орудием в спорах (Philostorg. HE. IV. 12) на соборе в Селевкий Исаурийской 359 г., где епископ Кесарии в качестве лидера среди арианствующих епископов всеми стараниями добивался принятия нового символа веры и отмены старого Никейского (Sozom. HE. IV. 22).

Примечательно, что на соборе также присутствовал и предводитель областных войск Лаврикий, «чтобы в случае нужды оказать Собору услуги». Какого рода услуги должен быть оказать Лаврикий – понятно, а вот в каких случаях и чего он и его подчиненные не должны были допустить – вопрос открытый. Скорее всего, Лаврикий должен был прекратить столкновения и беспорядки, которые могли последовать из-за принятых решений на соборе. Но ситуация повернулась другим образом. Сторонники Никейского символа веры низложили Акакия заочно, «а многих лишили церковного общения, доколе они не оправдаются в внесенных на себя обвинениях», что также в корне не изменило ситуацию.

Епифаний Кипрский перечислил среди епископов палестинских сторонников арианства: ими были епископ Пентапольский Секунд (Епифаний. Панарион. II. 2.

²⁴ Ващева 2005, 13–25.

49. 3), Петр из Гиппии Палестинской, Евсевий из Севастии Палестинской, епископ Созусы Пентапольской Илиодор, епископ Герасы Экзересий, епископ Ашдода Харисий, епископ Петры Герман (Епифаний. Панарион. Ш. 1. 53. 26). Достоверно установить годы епископства каждого из них невозможно, но имя Секунда Пентапольского нам встретилось один раз в контексте начала распространения арианства перед Никейским собором, а имена остальных упоминаются уже при собрании собора в Селевкии Исаврийской в 359 г., то есть между епископством Секунда и других перечисленных палестинских епископов прошло по меньшей мере 34 года, и оставался ли Секунд епископом далее из источников неясно. Однако мы знаем, что примерное число епископов Палестины было более 16: во время возвращения Афанасия из ссылки около 346 г. Максим Иерусалимский созвал синод в Иерусалиме из шестнадцати палестинских епископов, которые приветствовали Афанасия Великого, отсутствовавшие же прислали ему письма²⁵. Из них шесть уже перечисленных значатся сторонниками арианства, а кроме них арианствующими на момент собора в Селевкии были Патрофил Скифопольский и Акакий Кесарийский. То есть на 359 г. по большей мере половину епископов Палестины составляли сторонники арианства. Это достаточный показатель, чтобы сделать заключение о популярности арианского учения в Палестине, учитывая авторитетность, экономическую значимость и размер городов, епископами которых эти люди являлись.

Нередко неортодоксальным учениям симпатизировали и епископы Святого города Иерусалим. На рубеже IV–V вв. вспыхнул первый оригенистский спор, в то время епископскую кафедру Святого города занимал Иоанн Иерусалимский (386–417 гг.), который вступил в конфликт с Епифанием Саламинским. Сведения о конфликте содержатся в «Книге против Иоанна Иерусалимского, к Паммахию» у Иеронима Стридонского, который был вовлечен в конфликт косвенно. Из рассказа следует, что в 394 г. Епифаний прибыл в Иерусалим и выступил там с проповедью, в которой обличал оригенизм. По сути, он выступил с речью против епископа Иерусалимского, который ясно не выразил своего отношения к идеям Оригена. Услышав обличение, Иоанн попросил Епифания прекратить выступление, что вызвало еще большие подозрения против Иоанна и в целом было оскорбительным для Епифания (Hieron. Contra Joannem Hierosolymitanum. 11). В другой проповеди уже Иоанн пытался задеть Епифания, высказываясь против антропоморфистов, к которым в свою очередь причислял епископа Саламинского. По замечанию Иеронима, в выигрыше оказался именно Епифаний, который предложил «...осудить и извращенные доктрины Оригена». Мы можем не доверять Иерониму в отдельных моментах, замечая его тенденциозность, однако в целом его история представляется реальной и следует скорее признать, что в инвективе Иероним справедливо уличает епископа Иерусалимского в симпатиях к оригенизму: в своих ответах Иоанн не использовал нарочито отличающие его от оригенистов термины и формулировки или вовсе ссылаясь на свою недостаточную компетентность в подобных вопросах (Hieron. Contra Joannem Hierosolymitanum. 18, 25). Для того чтобы стать епископом подобной кафедры, нужно было иметь хорошее образование, быть грамотным и уметь убедительно говорить (и Иероним приводит свидетельства

²⁵ Bright 1903, 199.

друзей Иоанна, которые называют его красноречивее Демосфена (Hieron. *Contra Joannem Hierosolymitanum*. 4)), а также иметь определенную известность среди населения и связи. Ситуация получила окончательное разрешение на соборе в Александрии, состоявшемся в 399 г. Его постановлениями произведения Оригена и содержащиеся в них идеи были осуждены²⁶, все епископы, в том числе и Иоанн Иерусалимский, были вынуждены прилюдно подтвердить осуждение.

Вторая четверть V в. проходила под знаком борьбы с монофизитством, которое была связано с именами многих видных христианских деятелей, в том числе с епископом Иерусалимским Ювеналием (422–458 гг.). На «разбойничьем соборе» в Эфесе, состоявшемся в 449 г., Ювеналий был одним из его руководителей как сторонник Диоскора – патриарха Александрии и монофизита – и занимал более почетное место, чем, например, епископ Кесарии Палестинской и патриарх Антиохийский, которым Ювеналий непосредственно должен был подчиняться (Euaqr. HE. II, 6). Иерархия не была соблюдена в силу различных причин: оппоненты Диоскора и Ювеналия выступали против монофизитства и не имели должной протекции императора. Среди принятых решений на соборе наиболее важным было оправдание монофизитства, Ювеналий, как епископ Иерусалимский, сыграл ключевую роль в этом, одним из первых подписав постановления собора. Одобрение епископом Иерусалимским монофизитства позволило учению беспрепятственно распространяться в Палестине. Во всем этом епископа Иерусалимского обвинили через 2 года на следующем, Вселенском Халкидонском соборе, на котором монофизитство уже было осуждено, Ювеналию было предложено покаяться и выразить свою приверженность ортодоксальному учению, что он и сделал. Однако, несмотря на предпринятые на Халкидонском соборе действия и решения, монофизитство продолжило распространяться в Палестине, а иерусалимский престол был силой захвачен монахом-монофизитом Феодосием, который по всей Палестине хиротонисал своих сторонников. Об этом событии сообщают сразу несколько авторов: Кирилл Скифопольский в житии святого Евфимия Великого (Кир. Скифоп. Житие Евфимия. 40, 41), Евагрий Схоластик в «Церковной истории» (Euaqr. HE. II. 5), а также в «Хронографии Феофана» (Theoph. Chronog. 445). Упомянутые авторы все же тенденциозны, поскольку в их сочинениях только конкретные герои рассказов оставались верными православию, например, у Кирилла Скифопольского это только один святой Епифаний. Но и из подобных рассказов мы можем понять, что монофизитство было популярным среди членов христианской общины города: Феодосию удалось стать епископом Иерусалимским на несколько лет и, даже когда он был свергнут с престола, среди городского монашества евтихианство – еще более крайняя ветвь монофизитства – оставалось популярным. В течение следующего столетия среди монахов Палестины продолжали встречаться приверженцы монофизитства, сведения об этом содержатся у того же Кирилла Скифопольского в житии Саввы Освященного (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 38), который основал много монастырей и во главе трех из них стояли монофизиты. Более того, в начале 510-х гг., во время правления настроенного против решений Халкидонского собора императора Анастасия (491–518), Иерусалимскому патриарху грозила потеря престола из-за поддержки им постановлений Халкидонского

²⁶ Болотов 1918, 167.

собора (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 50) и Савва был послан к императору как влиятельная и известная фигура в христианском мире, способная уладить этот конфликт (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 50–53). Ему удалось погасить конфликт между императором и патриархом, но лишь на время. Когда в Иерусалиме при двоюродном брате императора по имени Ипатий патриарх Иоанн Иерусалимский и лидеры палестинских монахов Феодосий и Савва взошли на амвон и прокляли монофизита Евтихия и других, не принимающих Халкидонский собор, узнавший об этом император вознамерился всех троих отправить в заточение. Лидеры палестинских монахов написали императору оправдательное письмо, где объясняли свои поступки, и Анастасий решил отложить это дело. И только смена политики в связи с приходом к власти Юстина и его племянника Юстиниана привела к изменению религиозной политики в регионе.

Монофизитство могло получить распространение в регионе по нескольким причинам: акцент на аскетизме был привлекателен для монахов, монофизитские богословские дискуссии и диспуты (которых было не меньше, чем у оригенистов) часто проводились на семитских языках, что делало их доступными для местного населения, кроме того, в монофизитстве дается более ясное и простое объяснение божественной природы Иисуса Христа, а потому оно могло быть понятным и простым для жителей региона, так как монофизиты признавали наличие у Иисуса Христа только одной природы – божественной. Его популярность в VI в. не противоречит популярности эсхатологических идей оригенизма.

В первой половине VI в. палестинский мир всколыхнул новый оригенистский спор, который вызвал повсеместную борьбу в монастырях того времени²⁷. По верному замечанию В.В. Болотова, монахи Палестины «...были увлечены теми сторонами учения Оригена, которые выражали его эсхатологию. Увлечлись спором даже славные подвижники...»²⁸. Подробнее о событиях мы узнаем из жития, оставленного Кириллом Скифопольским об авве Савве и у историка церкви Евagriя Схоластика. В начале VI в. оригенисты покинули православную Лавру Саввы, которая находилась близ Иерусалима, и основали Новую Лавру (Euagr. HE. IV. 38; Кир. Скифоп. Житие Саввы. 36). Новая Лавра стала оплотом всех оригенистов в Палестине и именно отсюда это учение распространялось в среде образованных монахов всего региона (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 36). Примерно в 530–531 гг. Савва обратился к императору Юстиниану с просьбой выслать оригенистов из Палестины, однако вскоре умер, и император не сделал ничего в этом направлении (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 72). Тем временем эсхатологические стороны оригенизма продолжали привлекать монахов, будоражить души горожан и распространяться с большой скоростью (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 83), во многих городах Палестины участились беспорядки, даже Иерусалим не избежал такой участи (Кир. Скифоп. Житие Саввы. 86). Противостояние между православными и оригенистами накалилось до такой степени, что потребовался созыв поместного собора в Константинополе в 543 г., в результате которого император составил эдикт, известный как «Послание Мине»²⁹. В нем осуждались те идеи Оригена, которые более всего волновали палестинских верующих, однако и этого оказалось

²⁷ Курбанов 2014, 55.

²⁸ Болотов 1918, 385.

²⁹ Богословский 1913, 262–289.

недостаточно. Развитие эсхатологических идей Оригена продолжалось и поделило их сторонников на исохристов (ἰσοχριστοὶ – «равные Христу») и протоктистов (πρωτόκτιστοι – «сотворенные от начала»). Isoхристы считали, что при апокатастасисе – всеобщем восстановлении – люди станут равными Христу, то есть смогут восстановить свой ум в первоначальном созерцании Бога. Более умеренные протоктисты, пойдя на уступки Церкви, объединились с православными, и представитель протоктистов Исидор вместе с новым православным настоятелем лавры Саввы Кононом в сентябре 552 г. отправился в Константинополь с просьбой о смещении патриарха Иерусалимского Макария, горячо поддерживающего философствующих и почитающих Оригена монахов (Euagr. HE. IV. 38; Кир.Скифоп. Житие Саввы. 83). Уже в этих условиях в 553 г. был созван Пятый Вселенский собор, решением которого было провозглашено анафематствование всех аспектов оригенизма. Только после этих событий оригенизм перестает упоминаться в палестинских источниках.

У оригенизма, как и у многих других религиозных учений, была собственная философская и интеллектуальная основа, в нем примирялись христианская религиозная мысль и греческие интеллектуальные аспекты. В конце IV в. оригенизм был привлекателен как учение во всей совокупности, а в VI веке жителей Палестины привлекали уже отдельные его аспекты, связанные с эсхатологией. Благодаря аллегорическому толкованию священных текстов открывалась возможность раскрыть более глубокий духовный смысл записанного, акцент Оригена на аскетизм и стремление к духовному совершенству нашел отклик в монашеском движении. Этот подход пришелся по душе тем, кто стремился к более глубокому пониманию веры, выходящему за рамки поверхностных чтений, – образованным монашеским общинам Палестины, чутким и восприимчивым жителям Святой земли. С одной стороны, события V–VI вв. вновь заставили таких людей обратиться к эсхатологии Оригена, несмотря на его осуждение: Западная Римская империя была завоевана варварскими народами, императоры Восточной Римской империи с переменным успехом вели войны на Востоке, наконец, на долю жителей выпали беды, связанные с Юстиниановой чумой, которая воспринималась как кара божья. Все это стало для начитанных и чутких монахов очевидным знаком с небес, а упомянутые события воспринимались в качестве предвестников приближающегося конца мира и Страшного Суда. Кроме очевидных знаков, поданных Богом, еще одна сторона оригеновского учения привлекала жителей Палестины: Ориген известен своей верой во всеобщее восстановление, согласно ему, в конечном счете все разумные существа, включая падших ангелов и самого дьявола, будут примирены с Богом и восстановлены в своем первоначальном состоянии. Это и есть апокатастасис – концепция, вокруг которой разгорелись споры между исохристами и протоктистами³⁰, с ее универсалистскими и философскими аспектами она могла понравиться монахам, которые были знакомы с греческой философской мыслью и стремились интегрировать ее со своими христианскими верованиями. В то же время акцент Оригена на бесконечной любви и милосердии Бога и на

³⁰ Isoхристы (дословно «равные Христу») и протоктисты (дословно «сотворенные от начала») – два идейных направления, зародившихся в Палестине VI в. среди монахов-оригенистов. Первые считали, что при апокатастасисе все будут равны Христу, вторые говорили о предсуществовании души Иисуса Христа и считали ее первой из сотворенных вещей.

возможности нравственного совершенствования даже после смерти привлекали становящихся более религиозно чувствительными на Святой земле людей, в месте святости это стало противовесом имевшемуся в то время пессимизму. С другой стороны, интеллектуальная вовлеченность и религиозное разнообразие могли стать благодатной почвой, на которой эти идеи распространились. Апокатастасис представлял собой интеллектуально стимулирующую тему для размышлений и дебатов, и это позволяло им исследовать глубины Божьей милости и природу спасения. Религиозное разнообразие в Палестине также способствовало принятию оригеновской эсхатологии: человеку не всегда удастся стать или оставаться чистым и безгрешным. И дело здесь не только в монахах, которые могли отречься от мирской жизни и встать на иной путь, исправиться, а может, и в их близких людях, друзьях и родственниках, в предках, которым они тоже желали спасения. Оригеновское понимание божьего милосердия и возможность духовного совершенствования после смерти могли стать ключом к спасению тех, кто вел обычную жизнь в городе, кто не отличался благочестием и добродетелью, в принципе любого дорогого и любимого человека, друга, родственника. По этой причине оно могло стать привлекательным для жителей городов, ведь жизнь в них ритмична и разнообразна, несмотря на наличие многочисленных храмов и святых мест, в городах много развлечений и утех, соблазнов и искушений – иными словами, много поводов оступиться и сойти с правильного христианского пути. Тем не менее такое понимание спасения шло вразрез с ортодоксальным и могло оказать влияние на социальный порядок, а потому эти идеи были осуждены.

Еще одним христианским учением, которое тоже упрощало понимание природы Иисуса Христа, было монофелитство. Согласно ему, у Спасителя была только одна природа – божественно-человеческая, и также одна воля. Учение могло примирить оппонентов с разными точками зрения на природу и волю Иисуса Христа (то есть сторонников и противников Халкидонского собора), властям было необходимо если не единодушное единство, то хотя бы мир и спокойствие в регионах, поскольку не только персы, но уже арабы угрожали восточным провинциям империи. Часть патриархов первое время старалась учить именно такому пониманию природы Спасителя³¹. Патриарх Иерусалимский Софроний (634-638 гг.) активно боролся только за Халкидонские постановления, хотя его преемники также были готовы пойти на компромисс³². Однако в источниках практически не описывается, как воспринимали монофелитство жители городов и монахи, как протекали споры среди верующих горожан, в это время авторов источников намного больше беспокоил приход мусульман.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы можем заключить, что позднеантичная Палестина стала сосредоточением различных религиозных учений. Отсутствие четкой христианской доктрины, особенно в начале первых веков н.э., создавало дополнительные условия для поддержания религиозного разнообразия и процветания учений, базировавшихся или включавших элементы иудаизма, пальму первенства у которых

³¹ Whitby 2008, 110; Cameron 2008, 563.

³² Norwich 1988, 306–309.

со временем заберут греческие философские традиции и образование. Гностицизм при этом не приобрел широкой популярности: спасение при помощи тайного знания не было необходимым для обычного жителя Святой земли. Единственное учение гностического характера, о распространении в Палестине которого нам известно, это учение архонтиков. Оно было популярно в основном среди знатных и богатых горожан, что в целом было распространенной практикой среди знати империи. Говорение на разных языках вносило дополнительную путаницу в формирование и развитие христианских учений, порождало жаркие споры о вере: в Палестине жители могли общаться на двух *lingua franca* – арамейском, который доминировал в первые века христианства, и на греческом, лидерство к которому перешло в позднеантичное время. Здесь слова «софия», «логос», «эон», «архонт», употребляемые апостолом Павлом, воспринимались иначе людьми с разным уровнем и разными традициями образования, владеющими разными или одновременно двумя языками, их смысл искажался, и появлялись разночтения. Палестина была одним из оплотов арианства, монофизитства и оригенизма, которые в большей степени отвечали духовным и интеллектуальным потребностям горожан. Благодаря проведенному анализу также можно отметить, что деятельность палестинских епископов, таких как Акакий Кесарийский и Патрофил Скифопольский, долгое время недооценивалась.

В целом, можно выделить несколько причин религиозного разнообразия: во-первых, географическое расположение Палестины и контакты с Сирией и Египтом – весьма специфичными в религиозном плане регионами; во-вторых, греческое образование и интеллектуальные особенности региона, опираясь на которые христианские учителя и епископы могли свободно состязаться по вопросам веры; в-третьих, языковое разнообразие, которое влияло на прочтение чрезвычайно важных христианских терминов и понятий; в-четвертых, образ Палестины как Святой земли, которую стремились посетить верующие со всех уголков империи; в-пятых, духовные и интеллектуальные потребности городского населения.

В ходе исследования мы столкнулись с двумя образами Палестины: с одной стороны, в позднеантичное время формировался образ Палестины как Святой земли ее святыми городами, монастырями и реликвиями, с другой – ее города представляли собой места, далекие от образа тихой, благоверной, как в монастыре, жизни, шумные, политически и экономически активные. В них переплетались различные культуры, проживали обычные люди, которые имели свои слабости, недостатки, уязвимые места, соблазны, увлечения и проступки, от которых зависели их духовные потребности. Именно поэтому, например, в VI в., в трудное и сложное время, идеи всеобщего прощения и восстановления оказались психологически необходимыми, востребованными горожанами. Следовательно, позднеантичный город Палестины представляет собой гетеротопию, в которой помещается два пространства – пространство святости (святые места, реликвии, жизнь здесь ассоциируется с монастырями и их размеренным укладом, с городскими объектами, так или иначе связанными с жизнью Иисуса Христа и апостолов) и пространство обычного города, полиса (с его изъятиями, пороками, нагими античными статуями, культурой, высоким образованием, интеллектуальными и религиозными дебатами, экономической активностью, искусством и многим другим). Святая земля создавала иллюзорное пространство, «которое изобличает, как еще

более иллюзорное, все реальное пространство»³³ – то есть окружающий, земной ее мир, от которого со Вторым пришествием не останется ни следа. В Палестину можно было легко попасть в качестве паломника, ученика или учителя, купца или торговца; эта провинция была открыта для посещения любым желающим, однако в то же время Святая земля хранила в себе «любопытную отключенность от мира»³⁴. Тема религиозной жизни и ее связи с городскими пространствами в эпоху Поздней античности в последние годы все чаще фигурирует в названиях различных сборников и статей, а ее разработка на примере Палестины с позиции гетеротопии позволяет по-новому взглянуть на старые проблемы и дать дополнительную характеристику городской жизни этого уникального региона.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Birley, A. 1997: *Hadrian: The Restless Emperor*. London.
- Blanke, L., Cromwell, J. 2023: The Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine: Past, Present, and Future. In: L. Blanke, J. Cromwell (eds.), *Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine*. Cambridge, 1–38.
- Bogoslovskiy, M. (ed.) 1913: *Deyaniya Vselenskikh soborov, izdannye v russkom perevode pri kazanskoy dukhovnoy akademii: v 7 tomakh* [*Acts of the Ecumenical Councils, Published in Russian at the Kazan Theological Academy. 7 vols.*]. Vol. 5. Kazan.
- Богословский, М. (ред.) 1913: Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при казанской духовной академии. Т. V. Казань.
- Bolgova, A.M., Bolgov, N.N. 2018: Rannevizantiyskaya shkola: antichnoe i khristianskoe (po Khorikiyu iz Gazy). In: N.V. Salonikov (ed.), *Evropeyskie traditsii v istorii vysshey shkoly v Rossii: ot douniversitetskoy modeli k universitetam* [*European Traditions in the History of Highschool in Russia: from the University Model to Universities*], 185–193.
- Болгова, А.М., Болгов, Н.Н. 2018: Ранневизантийская школа: античное и христианское (по Хорикию из Газы). В сб.: Н.В. Салоников (ред.), *Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам*, 185–193.
- Bolotov, V.V. 1918: *Leksii po istorii Drevney Tserkvi* [*Lectures on History of the Ancient Church*]. Vol. 4. Petrograd.
- Болотов, В.В. 1918: *Лекции по истории Древней Церкви*. Т. 4. Петроград.
- Bright, W. 1903: *The Age of the Fathers: Being Chapters in the History of the Church During the Fourth and Fifth Centuries*. Vol. I. London–New York–Bombay.
- Brown, P. 1971. *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad*. London.
- Budge, E.A.W. (ed.) 1893. *The Book of Governors: The Historia Monastica of Thomas Bishop of Marga A.D. 840*. London.
- Cameron, A. 2008: Vandal and Byzantine Africa. In: A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 14. *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge, 552–569.
- Carraker, A. 2003: *The library of Eusebius of Caesarea*. Leiden–Boston.
- Eck, W. 2014: *Judäa – Syria Palästina. Die Auseinandersetzung einer Provinz mit römischer Politik und Kultur*. Tübingen.
- Ehrman, B. 2003: *Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew*. Oxford.

³³ Фуко 2006, 203.

³⁴ Фуко 2006, 202.

- Fuko, M. 2006: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya, interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Pt. 3. Moscow.
- Фуко, М. 2006: Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью. Ч. 3. М.
- Harnack, A. 2005: *History of Dogma. Vol. I*. Grand Rapids.
- Khezser, C. 2019: *Образование в римской Палестине. Ч. 4. Высшее образование среди евреев в Палестине* [Education in Roman Palestine. Pt. 4. Education Among Jews in Palestine]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Ser. 4. Pedagogy. Psychology] 55, 72–93.
- Хецер, К. 2019: Образование в римской Палестине. Часть 4. Высшее образование среди евреев в Палестине. *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология* 55, 72–93.
- Khosroev, A.L. 2007: *Istoriya manikheystva (Prolegomena)* [The History of Manichaeism (Prolegomena)]. Saint Petersburg.
- Хосроев, А.Л. 2007: *История манихейства (Prolegomena)*. СПб.
- Klein, K., Wienan, J. (eds.) 2022: *City of Caesar, City of God Constantinople and Jerusalem in Late Antiquity*. Berlin–Boston.
- Klijn, A.F.J., Reinink, G.J. 1973: *Patristic Evidence for Jewish-Christian Sects*. Leiden.
- Knott, K. 2010: Religion, Space, and Place: The Spatial Turn in Research on Religion. *Religion and Society: Advances in Research* 1, 29–43.
- Kurbanov, A.V. 2014: *Mezhkonfessional'nye otnosheniya v Gazskoy oblasti VI veka (po materialam «Perepiski Varsanufiya i Ioanna Gazskikh»)* [Interfaith Relations in Gaza Region in the Sixth Century AD (Based on the Letters of Barsanuphius and John of Gaza)]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Bulletin] 30, 52–56.
- Курбанов, А.В. 2014: Межконфессиональные отношения в Газской области VI века (по материалам «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских»). *Научные ведомости* 30, 52–56.
- Lätzer-Lasar, A., Urciuoli, E. (eds.) 2021: *Urban Religion in Late Antiquity*. Berlin–Boston.
- Layton, B., Brakke, D. 1987: *The Gnostic Scriptures: A New Translation with Annotations and Introductions*. Doubleday.
- Manokhin, Ya.V. 2018. *Rannevizantiyskaya Gaza – khristianskiy intellektual'nyy tsentr v Palestine* [Early Byzantine Gaza – Christian Intellectual Center in Palestine]. <https://www.dissercat.com/content/rannevizantiiskaya-gaza-khristianskii-intellektualnyi-tsentrv-palestine?ysclid=lp1dzf7mkm628285261>.
- Манохин, Я.В. 2018. Ранневизантийская Газа – христианский интеллектуальный центр в Палестине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/rannevizantiiskaya-gaza-khristianskii-intellektualnyi-tsentrv-palestine?ysclid=lp1dzf7mkm628285261>.
- Pines, S. 1966: *The Jewish Christians of The Early Centuries of Christianity According to A New Source*. Vol. II. Jerusalem.
- Rupke, J. 2020: *Urban religion: A Historical Approach to Urban Growth and Religious Change*. Berlin–Boston.
- Schwartz, S. 2014: *The Ancient Jews from Alexander to Muhammad*. Cambridge.
- Selunskaya, N.A. 2004: *Osen' srednevekov'ya i pozdnyaya antichnost': kak antokovedy s medievistami istoriyu delili*. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History] 13, 232–246.
- Селунская, Н.А. 2004: Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* 13, 232–246.
- Shaff, F. 2011: *Istoriya khristianskoy tserkvi* [History of the Christian Church]. Vol. III. Saint Petersburg.

- Шафф, Ф. 2011: *История христианской церкви*. Т. 3. СПб.
- Sheludchenko, Yu.V. 2017: Khristianskaya tserkov' rannevizantiyskogo Skifopolya [Christian Church of Early Byzantine Scythopolis]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science] 42, 49–53.
- Шелудченко, Ю.В. 2017: Христианская церковь ранневизантийского Скифополя. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология* 42, 49–53.
- Sivan, H. 2008: *Palestine in Late Antiquity*. Oxford.
- Smagina, E.B. (eds.) 1998: *Kefalaya («Glavy»). Koptskiy manikheyskiy traktat [Kephalaia («Chapters»). Coptic Manichaean Treatise]*. Moscow.
- Смагина, Е.Б. (ред.) 1998: *Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат*. М.
- Smagina, E.B. 2011: *Manikheystvo: po rannim istochnikam [Manichaeism: according to Early Sources]*. Moscow.
- Смагина, Е.Б. 2011: *Манихейство: по ранним источникам*. М.
- Sukhova, Zh.M., Vashcheva, I.Yu. 2021: Spetsifika gorodskoy zhizni provintsii Palestina v epokhu pozdney antichnosti [Specificity of Urban Life in The Province of Palestine in the Era of Late Antiquity]. *Via in tempore [Via in tempore. Ser.: History and Political Science]* 48, 272–283.
- Сухова, Ж.М., Ващева, И.Ю. 2021: Специфика городской жизни провинции Палестина в эпоху поздней античности. *Via in tempore. История. Политология* 48, 272–283.
- Vashcheva, I.Yu. 2005: Kesariya Palestinskaya v III – pervoy polovine VII vv. [Caesarea Palaestinae in the 3rd – first half of the 7th centuries]. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]* 1 (4), 13–25.
- Ващева, И.Ю. 2005: Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. *Вестник ННГУ* 1 (4), 13–25.
- Vashcheva, I.Yu. 2009: Kontsepsiya Pozdney Antichnosti v sovremennoy istoricheskoy nauke [Concept of Late Antiquity in the Modern Historiography]. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]* 6 (1), 220–231.
- Ващева, И.Ю. 2009: Концепция Поздней Античности в современной исторической науке. *Вестник ННГУ* 6 (1), 220–231.
- Vud, I. 2019: Spory o padenii Rima: ot «starogo poryadka» do sozdaniya «pozdney Antichnosti» [Debating the Fall of Rome: from the Ancient Régime to the Creation of Late Antiquity]. *Vox medii aevi* 1 (4), 175–202.
- Вуд, И. 2019: Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности». *Vox medii aevi* 1 (4), 175–202.
- Whitby, M. 2008: The Successors of Justinian. In: A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *The Cambridge Ancient History. Vol. 14. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600*. Cambridge, 86–111.

RELIGIOUS DIVERSITY AND FEATURES OF RELIGIOUS TEACHINGS
IN PALESTINE CITIES IN LATE ANTIQUITY

Zhanna M. Sukhova

Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: zhanna-suhova@mail.ru

The paper discusses the features of religious teachings common in the cities of Palestine in the Late Antiquity. In light of M. Foucault's concept of heterotopia, the author examines the reasons for this diversity and the demand for these teachings among the urban population. Numerous syncretic teachings, the intellectual climate, economic prosperity, a rhythmic and active way of life in the cities inhabited by ordinary people who had their own weaknesses, shortcomings, temptations and sins, and the difficult historical events of the 5th–7th centuries formed a different space of Palestine, not associated with the image of the Holy Land.

Keywords: Late Antiquity, Palestine, religious teachings, religious diversity, Holy Land, heterotopia

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 183–211
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 183–211
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-183–211

ИУДЕЙСКИЕ ЭПИТАФИИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ БЛИЗ ПАВЛОВСКОГО МЫСА В ОКРЕСТНОСТИ ПАНТИКАПЕЯ

Д.В. Бейлин¹, В.П. Яйленко²

¹ *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Керчь, Россия*
² *Независимый исследователь, Москва, Россия*

¹ *E-mail: denis_beylin1979@mail.ru* ² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

¹ *ORCID: 0000-0002-5701-9402* ² *ORCID: 0000-0002-9844-6259.*

В 2020 г. на иудейском некрополе у Павловского мыса близ Керчи найдены 13 еврейских эпитафий, авторы издали их; в 2022 г. найдены еще 6, авторы публикуют их здесь. Все 6 на греческом языке, по содержанию краткие – включают личное имя покойного и патронимик. Имена ветхозаветные – Иаков, Гедур, возможно, Моисей, Барух, особенно интересны египетское имя одного покойного Иут и его арабское прозвище Усам. В целом в 19 эпитафиях 2–3 греческих имени, 12–13 еврейских. Для иудеев Диаспоры это невероятный результат, ибо на территории Европы у них абсолютно преобладают греческие и римские имена. Необычно и гендерное распределение: всего 2 эпитафии женщин, 1 детская, остальные 15 мужчины. Эти гендерные особенности подтверждают мнение исследователей Павловского могильника, что на Ак-Буруне располагался отряд иудейских солдат. А преобладание еврейских имен указывает, что они происходили из Палестины, 2/3 антропонимики которой еврейские. По времени ко II–III вв. относится большинство эпитафий – 10, от III–IV вв. их 6. Комплекс 19 эпитафий показывает, что Павловский могильник – уникальный археологический памятник, не имеющий аналогий в римско-иудейском мире, на нем надо вести систематические раскопки. В *Addenda* дан критический отзыв об изданиях манумиссии из Гермонассы и строительной надписи из Танаиса.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Павловский могильник, иудейские солдаты, эпитафии II–IV вв., манумиссии, просопография

Данные об авторах. Денис Владиславович Бейлин – младший научный сотрудник отдела грековарварской археологии ИАК РАН; Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

Мыс Ак-Бурун и его южный отрог Павловский мыс замыкают с юга Керченскую бухту, свидетельством большого их значения для обороны Боспорского пролива и Керчи является сооружение в 1771 г. артиллерийского бастиона. В 1820-х – 1830-х гг. ряд античных сооружений, в том числе оборонительного характера, зафиксировал тут П. Дюбрюкс, они в основном уничтожены строившимися с 1856 г. в течение двух десятилетий крупными объектами Керченской крепости. В 1867 г. в ходе строительных работ обнаружено 21 погребение, также 3 иудейские эпитафии (КБН 735, 746, 777)¹. В 2020 г. разведками Южнобоспорской комплексной археологической экспедиции ИА РАН и ИАК РАН выявлен участок некрополя близ Павловского мыса. В числе прочего найдено 27 иудейских надгробий, из которых 13 с эпитафиями, остальные анэпиграфные, с изображениями меноры. Авторы данной статьи издали эти 13 эпитафий в *ПИФК* 4 (2022)². В 2022 г. там же найдены еще 6 эпитафий, так что здесь продолжаем публикацию этих памятников³. По мнению авторов раскопок, обширный некрополь принадлежал городищу Ак-Бурун, где в правление Савромата II (173–210) вполне мог находиться и воинский отряд, частично или полностью состоящий из иудеев, либо лиц, принявших иудаизм⁴. Со своей стороны отметим, что такому мнению вполне соответствует почти исключительно мужской именник эпитафий⁵.

14. Стела известняковая (высота 53 см, ширина 27 см, толщина 10 см), хорошей сохранности (утрачен лишь нижний правый угол), верх овальный (рис. 1, 1А). Редкий на Боспоре образец хорошо сработанного иудейского надгробия. Почти все поле стелы занимает изображение меноры о трех ветвях, которые отграничены сверху горизонталью (очень хорошо такая горизонталь сохранилась на надгробии Менахема с Тамани⁶ и на двух эпитафиях с Павловского мыса⁷). Изображения этих менор (канделябров) просты, здесь оно несколько усложнено. От горизонтали по обеим сторонам стержня меноры отходят по диагонали еще по 2–3 маленькие веточки канделябра, чего в упомянутых изображениях меноры еще не было. Как обычно, ствол меноры водружен на прямоугольную базу, но здесь у нее двойные боковины (типа П); под нею видны следы линии позема (на ней стоит канделябр). Сразу под нижней ветвью вырезано имя покойного, 2 буквы слева от ствола меноры⁸, 3 справа:

Ἰάκωβ «Иаков»

Буквы разного масштаба: гласная о мелкая, остальные крупные⁹. Аранжировка букв оригинальна: они идут не горизонтально, а следуя прогибу нижней ветви

¹ Подробности: Бейлин и др. 2023а, 356 сл.; 2023б, 152–169; Бейлин, Яйленко 2022, 115–118.

² Бейлин, Яйленко 2022.

³ Сохраняем общую нумерацию надписей с *ПИФК* 4 (2022), потому продолжаем с № 14. Номера надписей и прорисей идентичны, последние снабжены литерой а. Все камни хранятся в ВКИКМЗ. Сокращение: ЛИ = личное имя. Все даты – н.э. Дополненный или подразумеваемый текст в переводах даем курсивом. Поскольку возможности у В.П. Яйленко работать с этими надписями *de visu* не было, он работал с фотографиями и прорисями Д.В. Бейлина.

⁴ Бейлин и др. 2023а, 362–363.

⁵ Лишь два надгробия поставлены женщинам: Бейлин, Яйленко 2022, 135, 138.

⁶ КБН-альбом, 1225, фото; оно же: Яйленко 2022, 158, рис. 1.

⁷ Бейлин, Яйленко 2022, 131, рис. 6, 7; 135, рис. 10.

⁸ После альфы до ствола меноры есть место для одной буквы, но тут видны сколы, которые могли быть изначально на плите и потому третья буква перенесена направо от ствола.

⁹ На прориси Д.В. Бейлина показано О, а нормативная передача сего ЛИ с омегой, и на фото при увеличении можно усмотреть ее лапки. Если на камне все же омикрон, то это результат проходив-

меноры, так что первая (Г) и последняя (В) расположены выше остальных. Альфа унциальная, на папирусном письме появляется в 88 г. и употребляется по византийскую эпоху включительно¹⁰. У беты полуокружности равновеликие, чуть-чуть отделены друг от друга; такое разделение полукружий появляется в боспорских лапидарных надписях IV в.¹¹ Верхний ус капшы с изгибом, такая форма есть в боспорской лапидарной эпиграфике III в.¹² Омега плохой сохранности, но видно, что кружок тела буквы покоится на горизонтали, концы которой выходят за пределы окружности и отбиты крупными апексами; такая форма свойственна боспорской лапидарной эпиграфике II в.¹³ На основании изложенного относим данную эпитафию ко II–III вв. Ἰάκωβ – грецизированная форма (также Ἰάκωβος и др.)¹⁴ еврейского יַאֲקֹב¹⁵. Имя популярно в иудейской среде по причине большой значимости его носителя для них – в Ветхом завете он патриарх, родоначальник еврейского народа (он младший сын Исаака и Ребекки, близнец с Исавом, его история описана в главах XXV сл. «Бытия»). По этой причине данное ЛИ часто упоминается в литературных и эпиграфических источниках¹⁶.

15. Прямоугольная стела из ракушечника, верхний край сколот, высота 52 см, ширина 28 см, толщина 8,5–12 см (рис. 1, 15). Лицевое поле заглажено, его целиком занимает изображение меноры о трех ветвях с высоким стержнем. Изображения этих менор (канделябров) просты, здесь оно несколько усложнено. От горизонтали по обеим сторонам стержня меноры отходят по диагонали еще по 2–3 маленькие веточки канделябра, чего в упомянутых изображениях меноры еще не было. Как обычно, ствол меноры водружен на прямоугольную базу, но здесь у нее двойные боковины (типа Π); под нею видны следы линии позема (на ней покоился канделябр). Ровно такое же изображение несет надгробие Микиса (№ 18). Надпись расположена под нижней ветвью, слева и справа от стержня меноры, она трехстрочная, буквы примерно одинаковой высоты (КВ – 5 см, А – 6, О – 4 см), в стк. 3 чуть ниже. Текст:

ἐνθά κίτε Ἰοῦς | Οὐσάμ «здесь покоится Иут Усам».

ЛИ Ἰοῦς (gen. Ἰοῦτος) засвидетельствовано в Египте, Οὐσάμ – арабское ЛИ Usāma, тоже зафиксировано египетскими источниками, но не античного време-

ного еще с III–II вв. до н.э. процесса утраты долготы гласными (Stönert 1903, 19–20; Mayser 1923, 97–99). На Боспоре он представлен в надписях I–III вв. н.э. (КБН, с. 801–802, § 4, № 8).

¹⁰ Gardthausen 1913, Taf. 1, Kol. 12 f.; Taf. 2–3. Неунциальная (т.е. без округлостей) псевдоархаическая альфа представлена в боспорской лапидарной эпиграфике с III в. н.э. (Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV). Такого рода альфа называется псевдоархаической потому, что воспроизводит архаическую альфу, у которой перекладина начинается от нижнего конца левой боковины и идет вверх до середины правой боковины.

¹¹ Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

¹² Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

¹³ Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

¹⁴ Pape, Benseler 1884, 526. Bauer 1958, 725–727.

¹⁵ И в предыдущих статьях (Бейлин, Яйленко 2022, 127 сл.; Яйленко 2022, 155 сл.), и здесь даем древнееврейское написание ЛИ да слов без диакритик во избежание почти обязательных искажений в конечном печатном виде, т.е. в журнале. Попросту говоря, чем меньше знаков еврейского алфавита, тем меньше опечаток.

¹⁶ К примеру: Pape, Benseler 1884, 526; Preisigke 1922, 145 (здесь и далее по умолчанию апеллируем к ЛИ свода Ф. Прайзике римского времени, т.е. не позднее IV–V вв.; если они другого времени, указываем его). К примеру, в так наз. «надписи доноров» IV–V вв. из малоазийского Афродисия числятся три Иакова (Chaniotis 2002, 229).

ни, а VIII в. и в форме Ὀσαμά¹⁷. Наличие арабского компонента указывает, что мы имеем дело с двойным именем – таков узус классической арабской системы номинации. В ней несколько типов наименования, но обыкновенно он двойной: алам – данное ребенку при рождении имя, и кунья, насаб или лакаб; два первых отпадают¹⁸, так что Οὐσαμ – лакаб, т.е. прозвище, что следует из его значения «Лев». Однако наш Иут Усам не вполне араб, ибо его иудейская вера (изображение меноры!) свидетельствует, что он происходит из среды еврейско-аравийских племен, обитавших на севере Аравийского полуострова¹⁹. Здесь сошлись три этнокультурные традиции – иудейская, арабская, египетская, отсюда и египетское имя Усамы Ἰούς. Известно, что солдаты с арабскими именами несли пограничную службу в Дура-Европос²⁰. Так и наш Иут Усам состоял на сторожевой службе в Ак-Бурунской крепости.

Судя по датировке его эпитафии, это одна из древнейших фиксаций доисламских арабских ЛИ. Письмо эпитафии более или менее аккуратное, буквы примерно одного размера (исключая типовое удлиненное Υ), следуют друг за другом с равными промежутками. Все они маюскулярные, за исключением последней – мю унциальное; на папирусном письме оно господствует с эллинического времени по византийское, в боспорской лапидарной эпиграфике идет с I в. по IV в.²¹ У каппы кончик нижнего уса загнут кверху, в боспорской лапидарной эпиграфике такая форма представлена с I в.²² В надписи две сигмы и обе разные: в конце стк. 2 прямая (квадратная), в стк. 3 лунарная; на Боспоре такое сочетание известно со II в.²³, но в числе боспорских эпитафий первых веков такое представлено лишь в КБН 745 от IV в. Упомянутое удлиненное Υ при меньшем омикроне в дифтонге οΥ идет с I в. По сумме упомянутых признаков относим эпитафию ко II в. В предыдущей публикации мы отмечали своеобразие письма иудейских эпитафий Боспора – они обычно не имеют аналогов в местной лапидарной эпиграфике, и потому делались еврейскими резчиками, которые получили навыки письма в других центрах римского мира²⁴. Такова и эпитафия Иакова: мы просмотрели все боспорские эпитафии первых веков, но аналогов нет²⁵.

В эпиграфике каждого города или поселения римского мира были свои излюбленные формулы. Так, в Риме большинство иудейских эпитафий ($\frac{4}{5}$ из них написаны на греческом языке, редко по-латыни) построено по формуле ἐνθάδε κεῖται

¹⁷ Preisigke 1922, 151, 245, 513.

¹⁸ Они включают обязательные элементы абу «отец»/умма «мать» (кунья), ибн (насаб), отсутствующие у Иута. См. об арабской антропонимической системе: Сикстулис и др. 1986, 43 сл.

¹⁹ Roth 2007, 418–419.

²⁰ Roth 2007, 418.

²¹ Болтунова, Книпович 1962, 10–11, табл. III–IV.

²² Болтунова, Книпович 1962, 10, табл. III.

²³ Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV.

²⁴ Бейлин, Яйленко 2022, 139. Ранее мы причислили к иудейским эпитафию IV–V вв. из Пантикапея КБН 741 τάφος Λαυνίκα «могила Лавника», руководствуясь свойственной им конструкцией τάφος + ЛИ (Яйленко 2022, 155). Здесь добавим: на это указывает и ее весьма своеобразное письмо, не имеющее аналогов на Боспоре – все буквы геометричны, с острыми углами (см. КБН-альбом, 741).

²⁵ Все же, поскольку основные тенденции развития письма греческой эпиграфики были в пределах римской империи приблизительно общими в разных ее областях, мы можем использовать показание боспорских надписей для датирования иудейских эпитафий.

ὁ δεῖνα «здесь лежит имярек», с дополнительными, но не обязательными, указаниями возраста, должности, родственных связей и заключительным напутствием покоиться в мире²⁶. Употребительна она и в иудейских надгробиях Боспора, перечислим их (в основном они с Павловского мыса). 1) [ρα]ββα[νὶ ... ἐνθ]α κῆθη [ἐν] αὐτός «раббани *имярек* тут покоится, годовалый *ребенок*»²⁷. 2) [ἐν]θα κῆ[τε] (e.g.) Ἀββακ]οῦμ «здесь покоится (e.g.) Аввакум»²⁸. 3) ἐνθα χίθη Μεναγαμ «здесь покоится Менахем»²⁹. 4) ἐνθα κ[εῖται] Σαμοῆλ υἱὸς Σεβέρο «здесь почит Самуил, сын Севера» (КБН 743 в нашем чтении³⁰). 5) ἐνθα κατακῆτε Μα μήτηρ Πά[τ]ει, Π[ά]λου θ[υ]γάτηρ, ἐτ(ῶ)ν ν' «здесь покоится Ма, мать Патея, дочь Папа, 50 лет»³¹. 6) Обломок этой формулы в эпитафии III в.³² 7) Формула иудейского надгробия 281 г. 𐤆𐤏𐤇 𐤏𐤇 𐤏𐤏 «в этой могиле покоится», обычная в древнееврейских эпитафиях, восходит к греческой формуле ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα³³. Надгробие Иута – очередное в этой серии.

16. Обломок плиты из ракушечника, отбитой с трех сторон, сохранна левая; высота 20 см, ширина 22 см, толщина 8 см. Надпись в 2 строки, высота букв 5,5 см (рис. 1, 16). Текст:

Саμ-- | ΤΙΩ-- vel ΤΙΣ-- «Сам--, --ТИ--».

Начало ЛЙ Сам-- читается уверенно, поскольку сохранился небольшой остаток левой части буквы М (на прориси он не показан). Есть ряд еврейских имен с анлаутом Сам-- (из них употребительны Самсон, Самей), но несравнимо бóльшая популярность у двух – Самуил, Самбион (у обоих по несколько разных форм греческих фиксаций). Распространенность первого идет от имени пророка Самуила (שמואל); в частности, в иудейской эпиграфике Боспора оно засвидетельствовано четырежды³⁴. Греческие фиксации Σαμοῆλ, Σαμουήλ, Σαμούηλος, Σαμωήλ, Σεμωήλ и др.³⁵ Второе приемлемое по популярности ЛЙ Σαμβᾶς, Σαμβίων, Σαμβατίων etc. (восходит к еврейскому обозначению недели שבת) в римское время стало интернациональным, хорошо представлено и на Боспоре³⁶. В стк. 2 читается ΤΙΩ-- , менее вероятно ΤΙΣ--³⁷. Это может быть патронимик, либо синагогальная должность или почетное звание покойного. Сначала обратимся к варианту с патронимиком. В иудейских эпитафиях Боспора, как и остального мира, часты упоминания имени-отчества: [?] Τιμ[ο]γίτων Σαμούη[λ]ου «(?) Тимогитон, сын Самуила»

²⁶ Ввиду перестройки греческой фонетики в римское время, порой и по малограмотности, нормативная форма ἐνθάδε κεῖται часто преобразена и в иудейских, и в христианских надписях. Так, в иудейских эпитафиях Рима представлены формы ἐνθάδε κεῖθαν, ἀνθάδε χίτε, глагол χεῖθε, κῆτε, κεῖτι (Noy 1995, № 52, 110, 162, 165, 167, 172). Это же и в нижеследующем перечне иудейских эпитафий Боспора.

²⁷ Бейлин, Яйленко 2022, 125. Павловский мыс, IV–V вв.

²⁸ Бейлин, Яйленко 2022, 134, 136. Павловский мыс, IV в.

²⁹ КБН 1225 в нашем чтении: Яйленко 2022, 157. Фанагория, IV–V вв.

³⁰ Яйленко 2022, 158. Пантикапей, IV–VI вв.

³¹ Яйленко 2022, 162. Поселение Вышестеблиевка 2, IV в.

³² Бейлин, Яйленко 2022, 138. Павловский мыс, II–III вв.

³³ Бейлин, Яйленко 2022, 128–129. Павловский мыс.

³⁴ КБН 743, 777. Бейлин, Яйленко 2022, № 3, 4.

³⁵ Pape, Benseler 1884, 1338; Preisigke 1922, 359; Bauer 1958, 1470; Tal Ilan 2002, 215–216.

³⁶ Preisigke 1922, 360; Zgusta 1955, 321–323; КБН, 896, индекс.

³⁷ После Π следует часть округлой буквы – лунарной С или скорее, судя по некоторому спрямлению, омеги. Вряд ли возможно Ε, поскольку при такой сохранности дужки язычок эпсилон должен быть частично виден.

(КБН 777 в нашем чтении³⁸); ἔνθα κ[εῖται] Σαμοῦλ υἱὸς Σεβέρο «здесь почитет Самуил, сын Севера» (КБН 743 в нашем чтении³⁹); [?] Λ]ευ[ῖ] Ἀνᾶ «(?) Леви, сын Ана»⁴⁰; Μισομσικ Κρίσονο[ς] «Мисомсик, сын Хрисона»⁴¹; также в двух эпитафиях на древнееврейском языке: «Менахем, сын Амоца» (Фанагория), «это памятник погребения Шабтая, сына Мих(аэля), с (ми)ром» (поселение Вышестеблиевская 2)⁴². В публикуемой эпитафии при чтении Σαμοῦλ начало патронимика могло быть в стк. 1 и насчитывать тут ок. 4–5 букв, а в стк. 2 следовало его продолжение – буквы τισ- или скорее τω-. В таком случае допустимо такое чтение эпитафии: Σαμ[οῦλ ἐ.γ. Χρησ]τ[ίω]ν[ος] «Самуил, сын Христиона». С эллинистического времени еврейская антропонимика, особенно в Diaspore, испытала сильное воздействие греческого именника, даже в Палестине греческих ЛИ почти треть⁴³; и в уже изданных эпитафиях с Павловского мыса 2–3 греческих ЛИ при 8–9 еврейских⁴⁴. Это дает основание дополнять греческий патронимик нашего (?) Самуила или, к примеру, Самбата (Σαμβᾶς, gen. Σαμβᾶτος). Греческое по происхождению, ЛИ Χρηστίων в римское время стало интернациональным по узусу⁴⁵, в частности, оно было у двух боспорских иудеев: личным именем пантикапейца IV в.⁴⁶, и патронимиком горгиппийца, члена многочисленного местного фиаса II или III в., причем имя у него еврейское: Σαφάτας Χρηστίωνος (КБН 1179, стк. 34).

Теперь о варианте с должностью. В одной из римских эпитафий III–IV вв. перечислены синагогальные должности покойного – он ἄρχων «начальник», φροντιστής «контролер», γερουσιάρχων «член коллегии старейшин», γραμματεὺς «секретарь», это его *curriculum vitae*⁴⁷. Если после имени Самуила / Самбата следовало указание его синагогальной должности, возможное чтение эпитафии таково: Σαμ[οῦλ, ἐ.γ. φρον]τ[ιστ]ής «Самуил, контролер синагоги». Скорее всего на эпитафий было изображение меноры, она разделяла текст, как обычно, примерно посередине⁴⁸.

Буквы врезаны глубоко в камень, поэтому формы их опознаются удовлетворительно. Сигма и альфа стк. 1 лунарные, такая сигма широко распространилась в лапидарной эпиграфике со I в. до , узус же лунарной альфы позднейший – на папирусном письме с 88 г.⁴⁹, среди лапидарных надписей Боспора встречается в памятниках целиком лунарной стилистики III–IV вв. (КБН 99 от 221 г., 745, IV в.). Это время и данной эпитафии.

³⁸ Яйленко 2022, 157. Пантикапей, IV в.

³⁹ Яйленко 2022, 158. Пантикапей, IV–VI в.

⁴⁰ Бейлин, Яйленко 2022, 137.

⁴¹ Бейлин, Яйленко 2022, 134. Тут мы сомневались: ΜΙΣΟΜΣΙΚ – чистое имя или с каким-то дополнительным элементом, так что дали его маюскулами. Все же думаем, что это чистое имя на -ικ / -εικ, каковых в своде Ф. Прайзике десятков (их суммировал в обратном словаре имен и названий Б. Хансен: Hansen 1958, 90). В их числе египетское (Παβῖκ), иранское (Παλάικ), арабские VI–VIII вв. (Μαλίκ, Ἀβδελμάικ): Preisigke 1922, 1, 203, 252, 275.

⁴² Кашаев, Кашовская 2017, 119, 126.

⁴³ Zunz 1837, 10–21, 26, 28–29, 31 f.; Tal Ilan 2002, 10.

⁴⁴ Бейлин, Яйленко 2022, 141.

⁴⁵ Например, в Египте: Preisigke 1922, 478.

⁴⁶ КБН 746 в нашем чтении (Яйленко 2022, 157).

⁴⁷ Noy 1995, 130–131, № 164.

⁴⁸ В нашей коллекции лишь одно надгробие № 5 (Ξιαγα[ς] | ἱερέυ[ς] «Ксиаг, жрец») определенно без меноры (Бейлин, Яйленко 2022, 131, рис. 5).

⁴⁹ Gardthausen 1913, Taf. 1, Kol. 12–13.

17. Обломок плиты из ракушечника, отбит с трех сторон, частью сохранный слева, высота 38 см, ширина 15–22 см, толщина 6 см (рис. 2, 17). Надпись в две строки (в стк. 1 высота букв 6,5 – 7 см). Текст:

Μω[ϋσῆς ?] | Πο[--] «Моисей (?), сын По--».

Поскольку левый край плиты частично сохранился, ΜΩ – начало имени покойного. Чтение имени Μω[ϋσῆς ?] предположительно⁵⁰. И если мы предпочитаем анлаут Μω--, то в начале иудейских ЛИ он наперечет; немного таковых и на Мо--⁵¹. Дополнять патронимик ΠΟ-- смысла нет, ибо вариантов много, особенно среди греческих имен⁵². В греческой передаче еврейское ЛИ Μῶσε (μωσῆ) представлено рядом форм: в греческих литературных источниках Μωσῆς, Μώυσος, в египетских документах, в основном византийского времени, Μουσης, Μουσες, Μωσῆς, Μωεισῆς etc.⁵³ Одна из этих форм скорее всего и представлена в данной эпитафии, ставим нормативную Μωϋσῆς. Ствол не сохранившейся меноры (он был, на что указывает сохранившаяся линия поэма) делил имя примерно пополам; если по 3 слева и справа, удовлетворительно Μωϋσῆς, если он отделял Μω-, Πο- от продолжения, подходящая форма Μωσῆς. Имя по происхождению скорее всего египетское: согласно Иосифу Флавию (Antiqu. Iud. II. 9. 6), Свиде (s.n.), Клементу Александрийскому (Strom. I, p. 343), в основе его египет. μῶυ «вода», так что значение имени «Спасенный из воды»; отсюда и легенда, что мать Иохаведа, носившая его в чреве во времена учиненного фараоном «избиения младенцев», для спасения положила в корзину на берегу Нила, где он подобран дочерью этого египетского царя и т.д. (Исход, II сл.). Египетская этимология имени популярна и в науке, но другая – к египет. mes, mesu «ребенок, сын»⁵⁴.

Буква Μ надписи унциальная – боковины прогнуты вовнутрь, сердцевина представлена в виде «птички», крылышки которой примыкают к середине боковин и опущены вниз едва ли не до воображаемой нижней линейки строки; в боспорской лапидарной эпиграфике такая форма идет с рубежа I–II вв.; этого же времени и форма Π с горизонталью, выходящей за левый столб⁵⁵, правая боковина короче левой. Резьба букв аккуратная, Μ и Π примерно одного масштаба, при этом омикрон больше их, что бывает редко. По указанным признакам дата эпитафии II в.

⁵⁰ Сохранилась левая нижняя часть буквы – четверть окружности и остаток левой лапки. Желаящий может ограничиться четвертью окружности омикрона, что не мешает чтению ЛИ Моисей, ибо тут можно усматривать результат проходившего с III–II вв. до н.э. процесса утраты долготы гласными (см. прим. к № 14).

⁵¹ Например, Μωάβ (Неемия, X, 14). В новозаветной литературе представлено лишь одно ЛИ – Μωδάτ (Bauer 1958, 1050). В словаре Ф. Прайзике (Sp. 223) всего несколько ЛИ римского времени на Μω-, в основном разные формы имени Моисей.

⁵² Есть соблазн усмотреть сходство вторых строк в эпитафиях № 16 и 17, если счесть, что иота случайно «наехала» на крышку Τ в № 17. Однако в таком случае левая часть крышки Τ оказывается меньше правой, тогда как в № 16 они одинаковой длины. Если все же читать в № 17 не Π, а ΤΙ, в целом ΠΙΟ--, то в № 16 и 17 читается одинаковый патронимик ΠΙΟ--, так что Сам(уил?) и Мо(исей?) братья.

⁵³ Pape, Benseler 1884, 954, 969; Preisigke 1922, 223, 523; Bauer 1958, 1052.

⁵⁴ Brown 1906, 602. Есть и мнение о связи данного ЛИ с одной из грамматических форм еврейского глагола *mašah* «вытаскивать».

⁵⁵ Болтунова, Книпович 1962, 10, табл. III.

Рис. 1. Эпитафии из Павловского иудейского некрополя: 14 – эпитафия Иакова; 15 – эпитафия Иута Усамы; 16 – эпитафия Сам(уила?)

Fig. 1. Epitaphs from the Jewish Pavlovsky necropolis: 14 – epitaph of Jacob; 15 – epitaph of Jout Usama; 16 – epitaph of Sam(uel?)

Рис. 2. Эпитафии из Павловского иудейского некрополя: 17 – Эпитафия Мо(исея?); 18 – эпитафия Гедура; 19 – фрагмент эпитафии
 Fig. 2. Epitaphs from the Jewish Pavlovsky necropolis: 17 – Epitaph of Mo(isei?); 18 – epitaph of Gedur; 19 – fragment of an epitaph

18. Прямоугольная известняковая стела хорошей сохранности, все грани целы, высота 47 см, ширина 30 см, толщина 7–10 см (рис. 2, 18). Поле стелы почти целиком занимает упрощенное изображение меноры (она без базы) о трех ветвях, которые отграничены сверху горизонталью (как в эпитафиях, упомянутых в предыдущем № 14). Ветви большие, занимают едва ли не половину лицевого поля. Под нижней ветвью трехстрочная надпись, сильно сбитая в стк. 2 справа от меноры, в остальном более или менее удовлетворительно читаемая. Справа от ствола меноры в стк. 1 хорошо сохранились буквы ОΥΡ (высота ΥΡ 6 см, омикрона 3,5 см). Стало быть, примерно столько было и слева. У левого края стк. 1 вполне читается буква Γ: целиком видна полка и частично стержень; после следующей утраченной буквы опознается по двум боковинам Δ, хоть и побитая сколами. При том, что имя покойного оканчивалось на -ουρ, вполне вероятно чтение библейского ЛИ Γεδδοῦρ (2 кн. Ездры, V, 30)⁵⁶, тем более, что из имен на -ουρ⁵⁷ обратный словарь Б. Хансена не дает чего-либо подходящего. Итого, имя покойного Γ[ε]δοῦρ. Во второй строке, как обычно, патронимик покойного. В середине строки вполне сохранны буквы ΡΥ, также перед Ρ правая наклонная гаста и ломаная поперечина альфы. От последней буквы сохранилась диагональ /, которую можно увязать лишь с буквой Χ. Итого можно читать известное библейское ЛИ [?Β]αρούχ (ברוך). Формы его греческой фиксации: Βαρούχ (Гесихий), Βάρουχος, Βαροῦχος у Иосифа Флавия (Bell. Iud. X. 6, 2; 9, 1), сюда и папирусная форма IV в. Βαρού с таким же выпуском омикрона из дифтонга ου, как в данной эпитафии⁵⁸. Форма Βαρούχ несклоняемая. Текст надписи:

Γ[ε]δοῦρ | [?Β]αρούχ «Гедур, сын Баруха (?)».

Письмо эпитафии экспрессивное благодаря наличию в очертаниях прямых букв острых углов, их удлинённости, также разительно мелкому омикрону. По этим признакам она близка иудейской эпитафии Лавника из Пантикапея (см. КБН-альбом, 741) ок. IV в.⁵⁹ Формы ипсилона в стк. 1 и 2 разные; в стк. 1 у него длинные усы на короткой ножке, которые нависают над мелким омикроном; параллели этому, и тоже с мелким омикроном – эпитафии КБН 718, датируемая II–III вв., также 736 от III–IV вв. В стк. 2 форма ипсилона иная, еще более brutальная – удлинённая вертикаль, к середине которой подведена диагональ левого уса; таков ипсилон эпитафии КБН 838 от III в. (дата комментаторов КБН: II – начало III в.). Форма ρο напоминает секиру: головка очерчена снизу горизонталью, образующей со столбом прямой угол; к концу ее подведена от вершины столба четверть окружности. Примерно такое ρο представлено в иудейской эпитафии Самуила, сына Севера, ок. IV в. КБН 743. По совокупности означенных признаков относим эпитафию Гедура к III–IV вв.

19. Мелкий обломок плиты из ракушечника, отбит со всех сторон, высота 27 см, ширина 14–20 см, толщина 4–6 см (рис. 2, 19). Сохранились остатки двух строк надписи, явно тоже эпитафии (высота букв 7–7,5 см). В стк. 1 ΕΙ, в стк. 2 скорее всего дельта и вертикаль следующей буквы. Видно, что в целом буквы резаны плотно друг к другу, а от левого края Ε и Δ отделены промежутком, это ука-

⁵⁶ Считается, что 2 книга Ездры написана в I–II вв. н.э.

⁵⁷ Hansen 1958, 123.

⁵⁸ Pape, Benseleer 1884, 199; Preisigke 1922, 71.

⁵⁹ Яйленко 2022, 155.

зывает, что перед нами левый край надписи; иначе говоря, мы имеем дело с началом обеих строк. Что буквы начальные, показывает и расположение Δ стк. 2 точно под Ε стк. 1, это характерно как раз для начала строк надписей (так называемый единый старт). Еврейских ЛИ на ΕΙ-- достаточно, однако обычно это грецизация еврейских имен с начальным Ι--⁶⁰. Текст:

ΕΙ-- | Δ|-- «И--, сын Д--».

Некоторое представление о дате надписи дают формы эпсилон и дельты. Эпсилон классический, на все века – усы горизонтальные, одинаковой длины, равномерно распределены по высоте, все примыкают к столбу. Дельта же декоративная: левая боковина продлена за пересечением с правой, основание с наклоном влево же. Примерно такая форма присутствует в боспорских надписях III–IV вв.⁶¹ Такая дата и данной эпитафии № 19.

Подведем итоги. Коллекция иудейских эпитафий с некрополя близ Павловского мыса пополнилась еще шестью, так что с учетом изданных в 2022 г. 13 надписей она насчитывает 19 памятников. Новые 6 в основном подтверждают те закономерности, которые выявили предшествующие 13 надписей. Основной язык наших источников об иудеях эллинистического и римского времени и пространства греческий: главным образом надписи, также литературные сочинения, отчасти папирусы, основной источник об иудеях Диаспоры – эпиграфика. Иудейских надписей на греческом языке почти $\frac{9}{10}$, в том числе в Риме 80%, в Египте 90%, в Малой Азии 95%⁶². Лишь 10–15% эпитафий составлено на древнееврейском или арамейском языках, главным образом в Палестине. Из 19 «Павловских» эпитафий лишь одна писана на древнееврейском (№ 4), остальные греческие, такой итог может быть понят двояко – либо указывает на происхождение покойных иудеев из такой области, где они были весьма эллинизированы, т.е. Египта или Малой Азии, либо это результат длительного пребывания их на Боспоре. На верность второго варианта указывает соотношение узуса еврейских и греческих имен. В эпитафиях № 1–12 представлены следующие ЛИ «Павловских» иудеев: Θ[εόμ]η[ς] [τος?] (№ 1), [Σα]δόκ (3), Самуил (4), Ξιαγα[ς] (5), Θεοδώρα (6), Μισομισκ, Κρίσων (7), Ούμ[άρ ?] (8), [? Λ]ευ[ί] , Ανᾶς (9), Δά[νος ?] (12). Итого 2–3 греческих (?Теомнест, Феодора, Крисон), остальные 8–9 еврейских. Пять новых эпитафий дали следующие ЛИ: Ἰάκωβ (14), Ἰοῦς, Οὐσάμ (15), Сац-- (16), Μω[ῦσῆς ?] (17), Γ[ε]δοῦρ, [?Β]αρύχ (18). Среди них 4 еврейских ([?Β]αρύχ, Γ[ε]δοῦρ, Μω[ῦσῆς ?], Ἰάκωβ, 1 египетское (Ἰοῦς), 1 арабское (Οὐσάμ). Итого в целом, у всех «павловцев» 2–3 греческих имени, 12–13 еврейских. Для иудеев Диаспоры это невероятный результат, ибо на территории Европы (а крымский Боспор – это Европа) у них абсолютно преобладают греческие и римские имена. Если учесть еще и гендерное распределение – всего 2 эпитафии женщин (№ 6, 11), 1 детская мальчуковая (№ 2), остальные 15 мужчины (соотношение мужских и женских 8~1), то мнение исследователей Павловского могильника, что на Ак-Буруне располагался отряд иудейских солдат⁶³ получает полное антропонимическое подтверждение.

⁶⁰ Так, наряду с Ἰάκωβ есть в греческих источниках Εἰάκωβ, Ἰουδαῖος и Εἰουδαῖος; в срединной позиции Δαυίδ и Δαυεῖδ etc. (Pape, Benseler 1884, 275, 526; Bauer 1958, 749).

⁶¹ Болтунова, Книпович 1962, 11, табл. IV (здесь удлинена правая гаста).

⁶² Horst 2014, 33.

⁶³ Бейлин и др. 2023а, 362–363.

Для сравнения приведем цифры по гражданскому некрополю: согласно подсчетам Леонарда Рутгерса, из 600 погребальных иудейских надписей II–VI вв. в Риме 31,7% относятся к мужчинам, 25% к женщинам⁶⁴, тут соотношение разительно иное: 1,3~1. И состав именника «павловцев», как сказано, свидетельствует о происхождении из Палестины, где наблюдается наименьший градус иноземных влияний на антропонию местных иудеев, хотя и тут он не совсем мал: с 330 г. до по 200 г. тут зафиксированы 244 греческих ЛИ, что составляет 29,6% от общего местного антропонимического массива⁶⁵. Из приведенных данных заключаем: воины «Павловских» еврейских отрядов происходили из Палестины, греческий язык их эпитафий стал результатом длительного пребывания их на Боспоре, это факт их эллинизации здесь.

По времени предшествующие 13 эпитафий распределяются следующим образом. II–III вв.: № 9–12; II–IV вв.: № 13; III в.: № 3, 4; III–IV вв.: № 5; IV в.: № 6, 8; IV–V вв.: № 1, 2, 7. Как видно, эпитафии располагаются примерно равными группами от II до IV или V в. Время новых 6 памятников следующее. II в.: № 15, 17; II–III вв.: № 14, 19; III–IV вв.: № 16, 18. Итого ко II–III вв. относится большинство эпитафий – 10 (№ 3, 4, 9–12, 14, 15, 17, 19). Вторую группу составляют надписи III/IV–V вв., их 6 (№ 1, 2, 6–8, 16)⁶⁶. Следовательно, иудейские воинские отряды несли службу на Павловской крепости (напомним, остатки ее зарисовал П. Дюбрюкс) со II по IV–V вв. Последнюю цифру можно уточнить: принимая во внимание, что в V в. на Боспоре произошла существенная перемена в характере государственности – власть перешла от прежней греко-иранской верхушки к тюрко-иранской, и что мера прочности этой власти проблематична⁶⁷, следует удалить это столетие из времени пребывания иудейских отрядов тут, т.е. ограничить его II–IV вв.⁶⁸. Но и IV в. отнюдь не весь. В 341/342 г. Рескупорид VI (318/9–341/2) выпускает последнюю боспорскую монету, что знаменует конец стабильной государственности Боспорского царства. По аргументированному мнению Н.Н. Казанского, с этого времени власть тут переходит к готам⁶⁹. По нашим представлениям, с 375 г. тут правят гунны (ТБР, 466 сл.). Полагаем, все эти пертурбации Боспорской государственности указывают предел стоянию иудейского отряда на

⁶⁴ Rutgers 1995, 112. Несколько иное соотношение среди живых; к примеру, в числе ЛИ иудеев Палестины с 330 г. до н.э. по 200 г. н.э. при 347 мужских 63 женских (Tal Pan 2002, 10), соотношение 5~1. В комплексе известных на Боспоре с конца III по VI в. ЛИ числятся мужских 126, женских 11 (Болгов 2002, 117), соотношение 11~1. Разброс соотношений по Палестине и Боспору выказывает меру гендерного неравенства – на Боспоре женщины не фигурируют в общественной жизни.

⁶⁵ Tal Pan 2002, 10.

⁶⁶ Не учитываем 3 надписи, пограничные меж этими группами: № 5, 18 от III–IV вв. и № 13 от II–IV вв.

⁶⁷ ТБР, 466–475, в особенности о гуннских царях Боспора. Напротив, мнение о континуитете боспорской государственности развивает Н.Н. Болгов (1996; 2002, 4 сл., 10 сл., 46 сл., 102 сл., 139 сл., 166 сл.; 197 сл.). В 527–534 гг. Юстин и Юстиниан подчинили Боспор своей власти, он стал византийским (Чичуров 1980, 27, 79. Болгов 2002, 67 сл. Яйленко 2010, 612 сл.).

⁶⁸ Н.Н. Болгов (2002, 117–118) насчитал на Боспоре с конца III по VI вв. 123 ЛИ, из которых 68 греческих, 20 иранских, 11 латинских, 13 тюркских и гуннских, 7 еврейских и прочих семитских. Наши гуннские материалы, опубликованные позднее, еще не могли быть учтены им, так что теперь надо добавить еще четыре десятка тюркских гуннских имен (ТБР, 439–469) и два десятка еврейских ЛИ – «павловских» (перечисленные выше 13–14 ЛИ) плюс несколько прочих IV–V вв. (Яйленко 2022, 169).

⁶⁹ Казанский 2020, 145 сл.

Ак-Буруне и потому эпитафии его солдат не позднее первой трети IV в. Эти эпитафии, как мы видели, также не древнее II в., поэтому пока не подтверждается предположение исследователей Павловского некрополя, что иудейский воинский контингент мог появиться тут в конце I в. до ⁷⁰Итого продолжительность его пребывания – около двух столетий, это срок большой: для сравнения, в Дуре-Европос они стояли почти столетие (см. ниже). Это бесспорный показатель эффективной службы здесь иудейских солдат. В 2020 г. наряду с 13 иудейскими эпитафиями найдено еще 14 анэпиграфных надгробий с одним лишь изображением меноры⁷¹. Итого общее их число 33 (13+14+6).

Как и положено, эпитафии составлены по формульным образцам, перечислим их.

А) имя + синагогальная должность. Где иудеи, там синагога и ее штаб, как говорили в советское время, «на общественных началах». Его возглавлял архисинагог (№ 1), в составе числились жрецы (№ 5), пресвитеры, т.е. старейшины (№ 3, 4).

Б) формула ἐνθάδε κεῖται ὁ δεῖνα «здесь лежит имярек» (выше, под № 15 мы привели все иудейские эпитафии античного Боспора с нею).

В) эпитафии с почетным титулом покойного *рабби*: ραββὶ Θ[εόμ]νησ[τος?], ἀρχη[συνα]γωγός[ς] «рабби Теомнест (?), архисинагог» (№ 1); [ρά]ββα[νὶ ὁ δεῖνα ἐνθ]α κῆθη [ἐν]αὐτός «раббани *имярек* тут покоится, годовалый *ребенок*» (№ 2).

Г) эпитафии, включающие одно лишь имя покойного: Ἰάκωβ «Иаков» (№ 14).

Д) личное имя + патронимик⁷²: [?] Λ]ευ[ῖ] Ἀνᾶ «?Леви, *сын* Ана» (№ 7); Μισομσικ Κρίσωνο[ς] «Мисомсик, *сын* Хрисона» (№ 9); Μω[υ]σῆς [?] Πο[--] «?Моисей, *сын* По--» (№ 17); Γ[ε]δοῦρ [?] Β]αρούχ «Гедур, *сын* Баруха (?)» (№ 18).

Е) личное имя + прозвище: Ἰούδης Οὐσάμ «Иут Усам = Иут Лев» (№ 15).

Ж) женское ЛИ + γυνή: [ῆ δεῖνα] γυ[νῆ] --ίου «*имярек*, жена --ия» (№ 11).

З) уникальная формула с ЛИ + аккламация: ἔῃ, ἔῃ, Θεοδώρα «о горе, горе, Феодора!» (№ 6).

И) Incertum: Саμ ΤΙΩ-- vel ΤΙС-- «e.g. Самуил --» (№ 16), где ΤΙΩ-- может быть патронимиком (e.g. Саμ[οήλ Χρησ]τίω[νος] «Самуил, *сын* Христиона»), или ΤΙС-- может быть должностью (e.g. Саμ[οήλ φρον]τισ[τής] «Самуил, *контролер синагоги*»)⁷³.

Итак, Павловский иудейский некрополь оставлен нам стоявшим здесь во II – первой трети IV вв. воинским отрядом, происходившим из Палестины. Для ясного понимания этого неожиданного феномена военной истории Боспора обратимся к вопросу о службе евреев в воинских формированиях (auxilia, vexillationes, alae)

⁷⁰ Бейлин и др. 2023а, 363.

⁷¹ Бейлин и др. 2023а, 359.

⁷² Выше, в комментарии к № 16 мы перечислили, наряду с Павловскими, также остальные иудейские эпитафии античного Боспора, построенные по этой формуле.

⁷³ Есть и формула имя + возраст, она обычна для иудейских эпитафий (например, в Леонтополе: Nou 1994, 170–171). Упомянув ее, я усомнился в чтении Ю.Ю. Марти Μαρία αρ' «Мария, 101 год» (КБН 759, IV в. Пантикапей) на том основании, что в древности такие долгожители крайняя редкость (например, из 600 иудейских эпитафий Рима лишь в двух упомянуты долгожители, одному 97, другому 110 лет). С учетом неясностей описания букв у Марти (ни камня, ни прорисовки надписи нет) я предложил чтение Μαρίαμ (Яйленко 2022, 155). Теперь, однако, предпочитаю возрастным реалиям формалистику – чтение Ю.Ю. Марти соответствует формуле, широко распространенной в иудейских эпитафиях, потому оно не нуждается в правке.

римской армии, который является предметом довольно частых разысканий⁷⁴. В исторически сложившихся подразделениях еврейского общества (коленах) были особо отличавшиеся воинственностью – Вениаминово, Иудино. Еврейские отряды служили в римской армии от Цезаря до Гонория, т.е. с I в. до по 404 г. Несли службу в Палестине, Сирии, на парфянской границе по Евфрату, в Египте, Аравии, Малой Азии. Подсчитано, что при царе Иудеи Агриппе II (53 – ок. 100 г.) евреи составляли от 5 до 10%, а в отдельных эпизодах до 20%, римской армии на Ближнем Востоке⁷⁵. Вместе с тем службе евреев в римской армии препятствовали их религиозные табу в отношении приема пищи и субботного *dolce far niente*. Известия II–IV вв. в основном эпиграфические и папирусные, они лакунарны и свидетельствуют об отдельных персонажах; но есть и несколько сообщений литературных источников общего свойства⁷⁶. По Диону Кассию (*Hist.* LXXII. 25. 3–6), в связи с восстанием Авидия Кассия 175 г. в Сирии император Марк Аврелий, обращаясь к своей армии, сказал: ни киликийцы, ни сирийцы, ни иудеи, ни египтяне войска Авидия «никогда не были и никогда не будут сильнее вас». После эдикта Каракаллы 212 г. о даровании римского гражданства всему свободному населению империи, по мнению некоторых иудаистов, служба иудеев в римской армии стала более доступной. Гордиан III (238–244) был предательски убит во время персидского похода, воины погребли его у Киркесийской крепости в Месопотамии и сделали надписи на греческом, латинском, персидском, еврейском, египетском языках (*SHA. Gord.* 34). Для специалистов по иудаике приведенные сообщения являют собой ясное свидетельство службы евреев в римском войске (С. Рокка, Х. Ольшанецкий и др.). Археологическое подтверждение этого дает синагога в городке Дура-Европос на Евфрате, бывшем римской крепостью со 165 по 257 гг.⁷⁷

Известия о евреях в римской армии IV в. менее определены⁷⁸. Основное указание некоторые иудаисты находят у христианского историка Сульпиция Севера (*Chron.* II. 3, 6): варварские народы, особенно евреи, примешиваются к нашим армиям, городам, провинциям, и мы видим их среди нас, согласных принять наши обычаи. Лишь в начале V в., когда в римской империи упрочилась христианизация, по указу Гонория от 404 г. иудеям запрещена служба в армии (*Codex Theodosianus*, 16.8.16; подтверждено законом 418 г.: 16.8.24).

Ахиллесовой пятой вопроса об иудеях на службе в римской армии является идентификация еврейского происхождения солдат, поскольку не только на западе Римской империи, но и на востоке, как мы не раз упоминали, иудеи массово носили греческие и латинские ЛИ. Отсюда проистекает неравноценность выводов разных ученых о степени вовлечения иудеев в военное дело римлян. Ригористически настроенные специалисты ограничиваются теми источниками, главным образом эпиграфическими, в которых присутствуют прямые указания на иудейство слу-

⁷⁴ Упомянем несколько работ недавнего времени, в которых собрана обширная литература по этой проблематике: González Salinero 2003, 45–91; Schoenfeld 2006, 115–126; Roth 2007, 409–420; Olshanetsky 2021, 129–162.

⁷⁵ Roth 2007, 416–417.

⁷⁶ Приведенные далее свидетельства II–III вв. заимствуем у Х. Ольшанецкого (Olshanetsky 2021, 141–144).

⁷⁷ О ней: Kraeling 1979.

⁷⁸ Краткая сводка свидетельств: Rocca 2010, 28; Olshanetsky 2021, 146–150.

живых; увы, таких источников немного. Другие, просто осторожные ученые, выискивают всевозможные побочные признаки иудейства военных из литературных данных. Для не очень осторожных специалистов тут море поводов для догадок и выводов, недостаточно аргументированных⁷⁹.

В изложенных обстоятельствах становится ясным важнейшее значение Павловского иудейского некрополя как единственного в своем роде памятника службы еврейских солдат в Римской империи. И существенно, что служили они на ее клиентском пограничье, каким было Боспорское царство. Само по себе пребывание тут иудейского воинства на протяжении примерно двух столетий удивительно, но пограничный характер крепости на Боспорском проливе вскрывает ее значение как римского форпоста на путях передвижений варварских народов во II–IV вв. Упомянем в этом отношении натиск готов, которые с 240-х гг. опустошали не только азиатские части Боспора, начиная от Танаиса на севере, но предпринимали отсюда и грабительские рейды в малоазийскую провинцию Понт. Судя по тому, что иудейские солдаты стояли на Ак-Буруне по первую треть IV в., и что с 340-х гг. готы захватили власть на всем Боспоре (см. выше), сопротивление готам, хозяйничавшим с 240-х годов на Азиатском Боспоре, было успешным на протяжении столетия – перейти на Европейский Боспор им не давали стоявшие на Ак-Буруне боспорские войска, в том числе иудейский отряд.

Как видно, рассмотренные нами эпитафии предоставляют существенные данные для понимания истории Боспора II–IV вв. Кроме того, из двух крупных археологических памятников, относящихся к проблеме военной службы иудеев в Римской империи – полностью раскопанная в 1932 г. синагога в Дуре и Павловский могильник, первый недавно сравнял с землей ИГИЛ. Итого, остается один Павловский некрополь, обладающий большим эпиграфическим потенциалом, возможно, и археологическим. Ввиду всех изложенных обстоятельств, проведение систематических раскопок на нем – одна из важнейших задач, стоящих перед ИАК РАН.

ADDENDA ET RES CRITICA AD IUDAICA BOSPORANA PERTINENTA

I. ADDENDA. В статье 2022 г. «Историко-эпиграфическая проблематика изучения боспорского иудейства I–V вв.» мы свели воедино в разделе 3 «*Testimonia epigraphica Iudaeorum Bospori*» относящийся к боспорской иудаике реальный греческий (плюс единичный древнееврейский) эпиграфический материал, распределив его по столетиям, дабы составить более точное представление о боспорском иудействе в ходе времен – с I по VI вв.⁸⁰ Среди памятников I в. числятся только манумиссии, осуществленные при синагогах, тогда как частные акты (эпитафии) идут лишь со II в. Обратимся к манумиссиям. Таких, которые достаточно сохранены для более или менее определенных выводов, всего на Боспоре тогда было 11,

⁷⁹ Для примера сошлемся на статью С. Рокка «Иосиф, Светоний и Тацит о военной службе римских евреев», который превратил в сагу об иудеях на службе в римской армии достаточно внятное постановление сената 19 г. н.э. об изгнании проживавших в Риме евреев-вольноотпущенников на Сардинию за участие в оргиастических восточных культах (Росса 2010, 7 f.). В остальном же С. Рокка крупный специалист по античной иудаике.

⁸⁰ Яйленко 2022, 156–158.

из них связаны с синагогой 6: из Пантикапея 4 (КБН 70–73), по одной из Фанагории (издана Д.И. Даньшиным в 1993 г.) и условно из Горгиппии (КБН 1124⁸¹); согласно авторитетным датировкам издателей КБН, они I в. и не позднее первой половины II в.⁸² Тогда мы упустили из виду пятую манумиссию из Пантикапея.⁸³ В 2021 г. (фактически в начале 2022 г., когда вышел *ВДИ* 4) опубликован хранящийся в ВКИКМЗ фрагмент совершенной при синагоге манумиссии времени Котиса I, место происхождения не указано⁸⁴, добавляем и его. Возможно, вскоре в Фанагории будет больше манумиссий, поскольку в 2023 г. местную синагогу раскрыла экспедиция ИА РАН под руководством В.Д. Кузнецова; она существовала с I по VI в., найдены фрагменты надписей⁸⁵.

В связи с пантикапейскими манумиссиями и «павловскими» эпитафиями, в которых упомянуты синагогальные должности архисинагога, пресвитера, жреца (№ 1, 3–5, 18), встает вопрос и о локации тамошней синагоги. В городах Римской империи по причине существовавшего с глубокой древности антисемитизма все еврейское выводилось на окраины или загород. К примеру, в Риме иудеи могли селиться только за Тибром в районе *Transtiberinum* (*regio XIV*), т.е. вне города, и хоронили покойников в загородных катакомбах. Так и в Фанагории – синагога расположена в западном пригороде. Соответственно, и в Пантикапее место ей за городом, вероятно, при поселении близ Ак-Буруна.

II. RES CRITICA. Мы составили упомянутый список надписей, реально относящихся к античному боспорскому иудейству, дабы отделить от них *dubia* и *sputia*, сотворенные некоторыми нашими иудаистами. Раньше это выражалось в попытках выдать за еврейские несколько ЛИ и надписей с упоминанием «Бога высочайшего» (θεὸς ὑψίστος), что мы раскритиковали⁸⁶. Теперь другие эпиграфисты предлагают спорные реконструкции. Рассмотрим их ниже.

1. В 2021 г. издана манумиссия времени Савромата I из Гермонассы, от которой сохранились датирующая титулатура царя, дата боспорской эры и последняя строка, тем не менее, издатель оставил незаполненными лишь 5 строк, предложив сомнительную реконструкцию документа⁸⁷. Мраморная плита служила и служит ступенькой лестницы, так что в первых 7 строках сохранилось по несколько букв, также в последней стк. 21, остальные стк. 8–20 начисто стерты; к тому же весь левый край плиты отбит, в каждой строке тут было по 4–5 букв (рис. 3, 4). Резчик широко применял буравчик – и для линеек строки, и для всех букв; странным

⁸¹ Горгиппийскую манумиссию КБН 1124 от 59 г. мы включили по отпущенникам [τὸ γένος] Ἰουδαί[ο]ν[ς] «родом иудеям», хотя совершена она не при синагоге (мы уточнили чтение ее стк. 4–10: ТБР, 399–400).

⁸² Манумиссия КБН 70 датирована 81 г., упомянутая фанагорийская 51 г.

⁸³ Сидоренко 2018, 513–516. См. профессиональный комментарий иудаиста, данный И.А. Левинской (2019, 314 сл.). Ни имя царя, ни титулатура в начальной датировочной формуле документа не сохранились, тем не менее, издатель отнес его ко времени Котиса I, что не нашло поддержки (Бехтер, Чхаидзе 2021, 929, лит.). Поскольку определенных показаний для точной датировки документа нет, предпочитаем широкую дату: скорее I в. н.э., но возможен и II в.

⁸⁴ Бехтер, Чхаидзе 2021, 934. То ли авторы забыли указать место находки, то ли камень неизвестного места обнаружения.

⁸⁵ См. его заметку на сайте ИА РАН archaeolog.ru.

⁸⁶ ТБР, 371–393; Яйленко 2022, 149–154.

⁸⁷ Бехтер, Чхаидзе 2021, 922 сл. В.Н. Чхаидзе археолог, специалист по средневековой Таматархе, поэтому адресуемся к эпиграфисту А.П. Бехтеру как автору эпиграфического материала статьи.

Рис. 3. Гермонасская манумиссия (по: Бехтер, Чхайдзе 2021)
 Fig. 3. Hermonassa manumission (after Bekhter, Chkhaidze 2021)

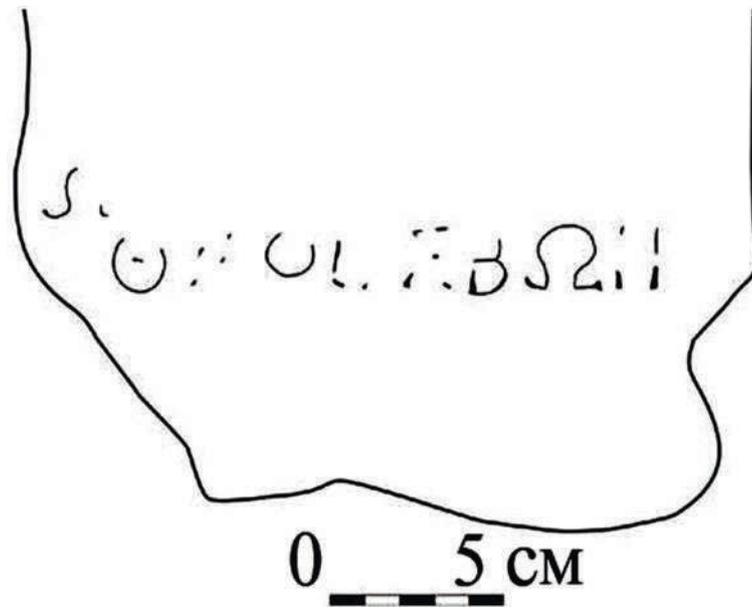
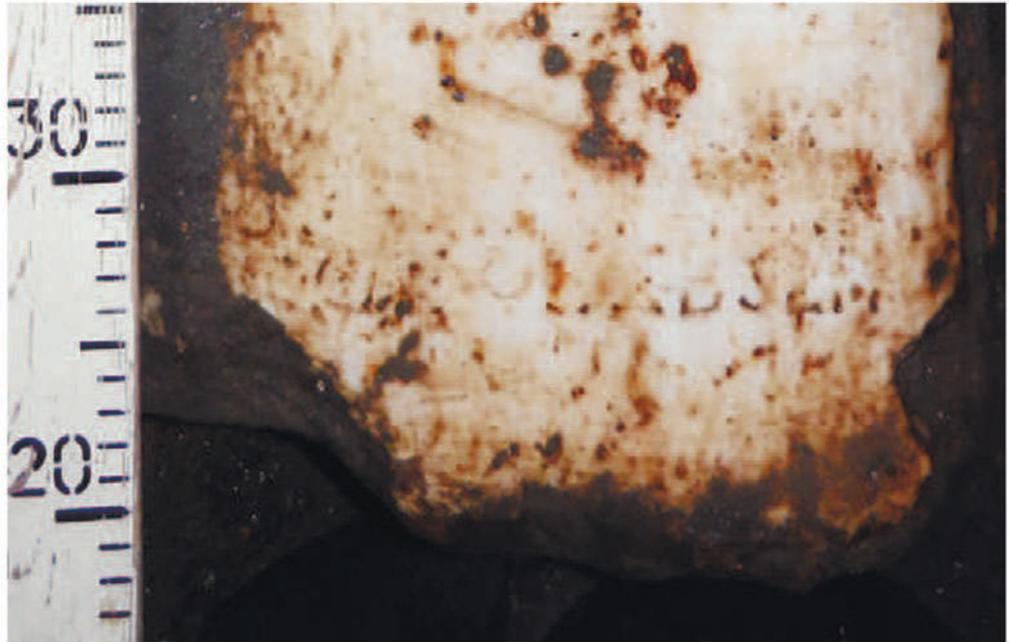

Рис. 4. Последняя строка гермонасской манумиссии (по: Бехтер, Чхаидзе 2021)
Fig. 4. The last line of the Hermonassa manumission (after: Bekhter, Chkhaidze 2021)

образом издатель не отмечает это обстоятельство, как мы далее увидим, немаловажное⁸⁸. В первых стк. 1–6 определенно вычитываются титулатура царя, дата 392 г. б.э. (= 95 г. н.э.), от стк. 7 сохранились буквы ΙΣΚΟΥ. Далее утрачен весь текст надписи, лишь в последней стк. 21 определенно читаются буквы --Θ.Ο.ΣΒΩ| |, в которых издатель опознал gen. pl. θεο(σε)βῶν – указание на общину «боящихся бога», фигурирующее в манумиссии из Босфорского переуллка, совершенной при иудейской синагоге. На основании этой параллели в последних стк. 19–21 издатель восстанавливает заключительную часть манумиссии: [(συν?)επιτρολευούσης] | [συναγ]ω[γῆς τῶν Ἰουδαί]ω[ων καὶ] θεο<σε>βῶν «[-- под опекой (также?) синаг]ο[ги иудеев и] боящихся Бога». Также стк. 7–13 заполнены примерным текстом, лишь пять строк (стк. 14–18) оставлены не заполненными. Таким образом, надпись, сохранившая вводную датировочную преамбулу, а от основного текста по несколько букв в стк. 7 и 21, представлена читателю в почти полном своем виде. Подобного рода реконструкции крайне сомнительны. Одно дело показать читателю в комментарии, что могло содержаться в надписи, – это необходимая информация. И совсем другое дело ввести это возможное содержание непосредственно в текст надписи, заполнив его почти полностью, – это уже попытка выдать несколько сохранных букв двух строк за почти полную содержательную, т.е., собственно, манумиссионную, часть документа. Перейдем от общей оценки издания гермонасской манумиссии к реконструкции А.П. Бехтер.

В начале манумиссий следуют датировочная преамбула с титулатурой правящего царя и датой боспорской эры – год, месяц, день, далее следуют имена манумиссоров и отпускников. Текст и перевод издателя, начиная с месяца: μῆν[ος] [Ξανδ]ικῶ. [ὁ/ῆ δεῖνα] | [--]ίσκου κ[αὶ] ὁ/ῆ δεῖνα|| Ο.[τοῦ δεῖνος ἀφίμεν] | [ἐπὶ τῆς προσευχῆς τὸν] |¹⁰ [θρεπτὸν ἡμῶν κτλ. «-- месяца [ксанди]ка [--]иска и [--]отпускаем по обету в молельне нашего вскормленника / нашу вскормленницу / наших вскормленников на свободу --]]. Издатель знает, что после названия месяца следует указание дня, но в своем тексте надписи никак не отразил это, что вовсе не *comme il faut*: непременно должны быть поставлены одна–две точки (они заменяют не сохранившиеся цифры) и диакритику, указывающую на цифры: ..´. Далее в греческом тексте издателя одно, а в переводе иное: [ὁ/ῆ δεῖνα] | [--]ίσκου κ[αὶ] ὁ/ῆ δεῖνα|| Ο.[τοῦ δεῖνος ἀφίμεν] «[--]иска и [--]отпускаем». Тут правильное указание на манумиссоров [ὁ/ῆ δεῖνα] не отражено в переводе (видимо, это сбой журнальной верстки ВДИ). Далее реконструирован следующий текст: [ἀφίμεν] | [ἐπὶ τῆς προσευχῆς τὸν] |¹⁰ [θρεπτὸν ἡμῶν / τὴν θρεπτὴν ἡμῶν / τοὺς θρεπτοὺς ἡμῶν] | [τὸν/ τὴν δεῖνα] | [κατὰ εὐχὴν ἐλευθέρων/ ἐλευθέρην/ ἐλευθέρους] | [καθάπαξ?--] «[отпускаем по обету в молельне нашего вскормленника / нашу вскормленницу / наших вскормленников на свободу навсегда ?]». Действительно, примерно такой текст содержат пантикапейские манумиссии КБН 70, 73, по ним А.П. Бехтер и произвела реконструкцию, но ведь иной формуляр присутствует в акте КБН 71, акте из

⁸⁸ А.П. Бехтер прямо не говорит, что видела подлинник, и ведет речь о размерах букв по фотографии. Это неправильно: первоиздатель надписи обязан сообщить читателю – с камнем работал или с фото, от этого зависит убедительность его прочтения текста.

Босфорского переулка⁸⁹, фанагорийской манумиссии 51 г. (ТБР, 367–371)⁹⁰. Она признает, что 5 боспорских манумиссий, совершенных при синагоге, дают разные варианты текста, тем не менее предлагает «условную реконструкцию, базирующуюся на полностью сохранившейся КБН 70, содержащей 19 строк, или еще более пространной, хотя и серьезно поврежденной, КБН 73» (с. 934). В условиях поливариантности основного содержания всего лишь в 5 отпускных актах синагог возможный в данных строках гермонасской манумиссии текст должен быть изложен в комментарии к надписи, но никак не в ней самой.

Итак, свою реконструкцию стк. 6–13 А.П. Бехтер основывает в продолжение окончания ЛИ --ΙΣΚΟΥ стк. 7. Далее утрачен весь текст надписи, только в последней стк. 21 определенно читаются буквы --Θ.Ο.ΣΒΩΙ |, в которых, как сказано, издатель опознал gen. pl. θεο(σε)βῶν – указание на «боящихся бога», фигурирующее лишь в совершенной при иудейской синагоге надписи из Босфорского переулка: [τῆ προσε]υχη̄ ἐπιτρολευούσης τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεοσεβῶν чтение В.А. Сидоренко. Для большей аргументации А.П. Бехтер апеллирует также к акту КБН 71 с эмендацией Г. Беллена и Б. Лифшица и следующим образом восстанавливает, с опорой на концовки сих двух манумиссий, последние три строки (19–21) гермонасского акта: [(συν?)ἐπιτρολευούσης] | [συναγ]ωγῆς τῶν Ἰουδαίων καὶ θεο<σε>βῶν. Между тем эмендация Г. Беллена и Б. Лифшица в КБН 71 ничем не мотивирована⁹¹. А инкорпорация в строки 19–20 выражения [ἐπιτρολευούσης συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων] и без того правомерна, поскольку присутствует в концовках всех 5 остальных боспорских манумиссий, совершенных при синагогах (КБН 70–73, фанагорийский акт). Что же до стк. 21 гермонасской надписи, то по утверждению А.П. Бехтер, тут «четко читается слово θεο<σε>βῶν» (с. 924). Однако это чтение не соответствует ее прориси, где показаны буквы Θ.Ο.ΣΒΩΙ |, так что, сообразуясь с нею, она по незыблемым правилам эпиграфики должна заключить первый эпсилон в квадратные скобки как в точности не читаемый на камне. После омикрона она показала на прориси уголок (L), но на фото не уголок, а вертикаль, потому и этот эпсилон должен быть взят в квадратные скобки (см. ниже прим. 93); от последней буквы Ν остались лишь вертикали, и сей остаток должно снабдить отточиями. Итого, правильная передача слова – θ[ε]ο<σε>βῶν. В передаче содержательно малозначимого текста преамбулы А.П. Бехтер вполне придерживается этих правил показа утраченных или частично сохранившихся

⁸⁹ Сидоренко 2018, 513–516. Надпись найдена в 2007 г., раскопки А.И. Айбабина. Текст частично утрачен; А.П. Бехтер критикует чтения В.А. Сидоренко и С.Ю. Сапрыкина, предлагает свои поправки. Отметим, в частности, что она напрасно отвергает дополнение С.Ю. Сапрыкиным имени Бога Пантократора, так как глагол отпуска ἀνατίθημι употребляется в тех боспорских манумиссиях, которые содержат имя бога (ТБР, 373, 402, 635).

⁹⁰ Разумеется, ведем речь только о тех боспорских манумиссиях, которые совершены при синагоге; в отпускных актах других храмов городов Боспора текстура и вовсе разнообразная.

⁹¹ КБН 71, последняя строка: καὶ θεὸν σεβῶν, Г. Беллен, Б. Лифшиц: θεο<v>σεβῶν. Контекст стк. 6–10 КБН 71: «при условии усердного посещения молельни под опекой иудейской синагоги и почитал бога» (причастие σεβῶν нормально передано простым предложением «почитал»). Поскольку θεὸν σεβῶν подлинника вполне вписывается в контекст, правомерность эмендации минимальна, если не нулевая. Противниками сей эмендации были Б. Надэль и др. (Левинская 2019, 316), в т.ч. И.А. Левинская, но почему-то после опубликования надписи из Босфорского переулка она приняла ее, хотя до этого справедливо считала, что если отдельное слово вписывается в общий контекст, в эмендации не нуждается.

букв, здесь же они напрочь проигнорированы, и понятно, почему: в результате единственное сохранившееся, а в содержательном отношении ключевое слово ее реконструкции на деле является словесным остатком⁹². Но на основании якобы подлинного θεο<σε>βῶν она строит свои выводы: «Подведем итоги. Во-первых, перед нами первая манумиссия, происходящая из Гермонассы, другие памятники этого жанра для этого центра пока не известны. Во-вторых, документ однозначно свидетельствует о наличии в Гермонассе I в. н. э. иудейской общины. Наконец, упоминание «боящихся Бога» еще раз подтверждает, что по крайней мере в Боспорском царстве в первые века нашей эры квазипрозелиты были включены в состав иудейской общины. Более того, наш текст показывает, что подобная практика имела место не только в Пантикапее, но и по другую сторону пролива» (с. 935).

Наша критика призвана показать сложность и неоднозначность трактовки надписи ввиду чрезвычайной скудости сохранного текста после преамбулы – ΙΣΚΟΥ стк. 7 и Θ.Ο.ΣΒΩ | стк. 21. Между тем А.П. Бехтер предлагает свою реконструкцию как вполне определенную, без знака вопроса или констатации *exempli gratia* в тексте самой надписи (с. 924). Потому, по существу, повисают в воздухе ее выводы.

Критик обязан не только разрушать, но и строить, ибо дело общее – найти оптимальное решение обсуждаемой проблемы. Так и мы перейдем от критики к созиданию – предложим иное понимание букв Θ.Ο.ΣΒΩ | стк. 21, основываясь на упомянутом выше θεὸν σέβων КБН 71: θ[ε]δ[ν] σ(έ)βων «почитая бога»⁹³. При нашем чтении смысл последних строк 19–21 гермонасской надписи был близок простому содержанию последних 4 строк КБН 71 (тут текст целиком сохраненный): отпуск совершен «при условии усердного посещения молельни под опекой иудейской синагоги, почитая бога». Как сказано, этот текст присутствует в конце всех 6 боспорских манумиссий, совершенных при синагогах, так что стк. 19–21 гер-

⁹² Невозможна усмотренная ею омега в стк. 20. Как религиозный *terminus technicus* θεοσεβοί – обозначение тех, кто посещает синагогу, так сказать, факультативно – по склонности к иудейской религии, но без принятия всех ее догматов (квазипрозелиты). Основываясь на этой посылке, издатель показывает на прориси у левого края предпоследней стк. 20 (над тетой стк. 21) левую половину омеги, дабы получить таким образом указание на синагогу: [συναγ]ω[γης] (это второе ключевое слово содержания манумиссии). Однако эта буква на прориси издателя нарисована. Первые строки надписи показывают достаточно большое расстояние между строками; нередко бывает, что в конце ее это расстояние уменьшается. Как сказано, странным образом издатель обошла молчанием существенное обстоятельство изготовления надписи – резчик отмечал верхнюю и нижнюю линейки строк буравчиком (также скелет букв). Между строками 20–21, поскольку это конец надписи и междустрочные промежутки сокращены, линейка одна; для стк. 20 она нижняя, для стк. 21 верхняя. Она хорошо видна над буквами Ο.ΣΒΩ, так что уровень ее и направление вполне определены. Продлив на фото эту линейку налево до конца плиты, увидим, что округлое тело буквы, принятой издателем за омегу, ложится прямо на эту линейку, так что вовсе нет места для лапок омеги; посему тут другая круглая буква.

⁹³ Сигма вполне читается, перед нею А.П. Бехтер уверенно видит Ε. Фото не дает оснований для такой уверенности. Точки от буравчика образуют прямоугольник (: :), между парой левых есть еще 2 точки, образующие слегка прогнутую вертикаль. В сумме эти точки могут обозначать очертания и Ε, и Ν. Эмendaция за эмendaцию: у А.П. Бехтер θεο<σε>βῶν, у меня θ[ε]δ[ν] σ(έ)βων. Верхний да нижний усы сигмы вполне могли спровоцировать впечатление о Ε, потому она и могла быть пропущена.

монашского акта тоже читались примерно так: [-- ἐπιτρολεὺ|ούσης συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων,?] θ[ε]ὸ[ν] σ(έ)βων «под опекой иудейской синагоги, почитая бога»⁹⁴.

Спорностью чтения А.П. Бехтер θ[ε]ο<σε>βῶν элиминируется ее заключение об упоминании в гермонасской надписи «боящихся Бога». Не изданная ею манумиссия, а надпись из Босфорского переулка, опубликованная В.А. Сидоренко (текст которого она раскритиковала) «подтверждает, что по крайней мере в Боспорском царстве в первые века нашей эры квазипрозелиты были включены в состав иудейской общины»⁹⁵. Заметим при этом, что ед. число слова «бог» нашего чтения θ[ε]ὸ[ν] σ(έ)βων не обязательно имеет в виду еврейского Яхве, ср. σεβόμενοι θεὸν Ὑψίστου «чтущие бога Высочайшего» танаисских фиасов КБН 1284, 1285 и др. Правда и этого «бога Высочайшего» некоторые иудаисты считают еврейским Яхве, но основания для этого недостаточны (ТБР, 373–379, 600 с литературой).

И последнее. Объяснимо, что найденную в Гермонассе надпись издатель счел тамошней по происхождению. Наверно, это так. Однако мы можем предположить иное. Гермонасская эпиграфика представительна – тут найдено ок. 70 надписей, это больше, чем в Фанагории с ее полусотней камней. Между тем обсуждаемая манумиссия – первая и единственная иудейская надпись этого города, и откуда ей тут взяться? Открытие в 2023 г. в Фанагории иудейской синагоги, богато украшенной мрамором и существовавшей с I по VI в. (возможно, с перерывами), дает основание задуматься: а не фанагорийская ли она? Известно, что для строительства турецкой крепости Тамань, затем Суворовской крепости 1794 г., камень брался не только из местных античных и средневековых построек, но и с городища у ст. Сенной; в XIX–XX вв. жители Тамани разбирали камень сих крепостных сооружений на свои нужды. Примером путешествия фанагорийских мраморов в район ст. Тамань является эпитафия 307 г., поставленная архонтами Агриппии и Кесарии (т.е. Фанагории и Гермонассы: ТБР, 283–287) бывшему управляющему царским двором Марку Аврелию Паппу (IOSPE II, 363 = КБН 1051). И.А. Стемпковский нашел ее в 1830 г. у ст. Тамань, но счел фанагорийской. Позднее ему приписали ошибку в таком происхождении надписи – он-де считал городище Гермонассы Фанагорией, так что в КБН она отнесена к гермонасским⁹⁶. Однако уже тогда бытовало мнение,

⁹⁴ В стк. 21 перед тетой стояла еще одна буква, она неопределима (точки от буравчика дают скорее очертания округлой буквы), поэтому дополнение [-- τῶν Ἰουδαίων?], на которое указывают упомянутые параллели, ставим под вопрос. На отколоте левом крае плиты было в этой строке еще около 4 букв. Мы не раз упоминали работу резчика гермонасской надписи с буравчиком. Под стк. 21 хорошо видны следы работы буравчика, поэтому не исключено, что была еще заключительная стк. 22. А.П. Бехтер ни словом не обмолвилась ни о буравчике вообще, ни о следах его работы под стк. 21, это ставит в затруднение коллег, для которых, собственно, и написана ее статья.

⁹⁵ Досталось не только В.А. Сидоренко, С.Ю. Сапрыкину, но и мне – обе опубликованные мною фанагорийские манумиссии А.П. Бехтер забраковала (с. 933): «один слишком незначителен, чтобы быть уверенными в правильности жанровой атрибуции, трактовка же другого неоднозначна», со ссылкой на мою первую публикацию (Яйленко 2003, 351–356). Это неэтичная ссылка: в ней греческий текст искажен до неузнаваемости, и критику, подвигающемуся на ниве боспорской эпиграфики, должна быть известна повторная публикация с нормальным греческим текстом (ТБР, 357–367). В первой манумиссии упомянуты ἀφετοί «отпущенники», известный манумиссиям глагол ἀναληφθῆναι «быть захваченным» (они не раз правильно напечатаны в моем комментарии на с. 351–353), и такой документ для А.П. Бехтер «трактован неоднозначно», чтобы считаться манумиссией. Это при гермонасских-то остатках [--]ίσκου да θ[ε]ο<σε>βῶν, из которых ею собрана почти целая манумиссия.

⁹⁶ Увы, и мы ранее разделяли это мнение (ТБР, 282, прим.).

что Фанагория – городище у ст. Сенной (например, так полагал Ф. Дюбуа, тогда же, в 1832–1833 гг., плодотворно работавший на Таманском полуострове; и он отнюдь не первый). Потому В.В. Латышев правомерно поместил надпись № 363 в число фанагорийских. Рискнем предположить, что такое же путешествие могла совершить и мраморная плита с манумиссией, составленной при фанагорийской синагоге, оказавшись в конечном счете в частной постройке ст. Тамань.

2. А.И. Иванчик опубликовал в 2020 г. статью «Строительная надпись из Танаиса: еще раз к вопросу о еврейской общине в Танаисе». По такому заголовку можно подумать, что выстроена синагога или большая часть строителей были иудеями, отнюдь: издатель дополняет в весьма разрушенном контексте патронимик эпимелета Самуил (что именно построено, неизвестно). В аннотации издатель отмечает, что «надпись увеличивает число известных жителей Танаиса, носивших еврейские имена, и дополнительно подтверждает существование в городе еврейской общины». Если же разбираться в деталях текстологии надписи А.И. Иванчика и обоснованию другими аргументами, то окажется, что вероятность чтения Σαμ[ο]υήλ[ου --] минимальна. Его текст стк. 12–14: ἐπιμ[ελεία Βασιλείδ]ου Θεο[υ] νείκου ἑλληναρχ[ου καὶ] | [--]Ρ Σαμ[ο]υήλ[ου --] «[попечением Василида, сына Теоника, эллинарха, [и ...] Самуила [--]]» (с. 947). В строительных надписях после dat. ἐπιμ[ελεία] следуют род. падежи имен-патронимиков попечителей строительства. Тут перед буквами ΣΑ сохранилась головка Ρ, а перед ΗΛ виден верхний кончик буквы Υ, так что это конец род. падежа имени – [ο]υ; буквы же ΗΛ – начало нового имени или патронимика (рис. 5). Над этой надписью ранее работал Ю.Г. Виноградов, который восстановил ее текст (об этом далее) и в стк. 14 прочел [’Α]ρσάκ[ο]υ, ΗΛ[--]. А.И. Иванчик возражает: это «не может быть принято, так как на камне перед сколом после последней вертикальной гасты сохранилась верхняя часть вертикальной, а не косой черты, так что здесь следует восстанавливать мю, а не каппу. Персидское имя Ἄρσάμου, которое можно было бы здесь восстанавливать, в Северном Причерноморье не встречается. Лучше всего к сохранившимся остаткам букв подходит имя Σαμουήλ, засвидетельствованное на Боспоре на двух пантикапейских надгробиях (КБН 743, 777), а также, возможно, еще на одной танаисской надписи» (с. 950). Однако насчет восстановления Μ, а не Κ он не прав: на его фото вполне видно, что после букв ΣΑ сохранился лишь верхний кончик вертикальной гасты, так что чтение каппы вполне возможно (верхний ус попал в скол, ср. формы каппы на нашем рис. 23, фрагмент 8), ничуть не менее, нежели Μ. Упомянутый верхний кончик вертикали может принадлежать левой вертикали букв Η, Ι, Κ, Μ, Ν, так что на самом деле выбор подходящих ЛИ широк; по одному только старому словарю В. Папе и Г. Бензелера к искомому ЛИ танаисской надписи подходит ряд иранских имен, в основном персидских: Ἄρσάκιος, Ἄρσανος, Ναρσαῖος, Ὀρσάνης, Σάκης, Σαρσάμις⁹⁷. Персидские имена хорошо представлены на Боспоре, в том числе в Танаисе II–III вв. (Ἀρνάκης, Ἀρχάθεος, КБН 1262, 1287)⁹⁸. Танаис римского времени – заповедник среднеиранских ЛИ, в том числе пехлевийских, парфянских: Σασας – к Sāsān, Σαυασκίς и др.⁹⁹ Для демонстрации возможностей дополнения разных ЛИ в обсуждаемой танаисской над-

⁹⁷ Pape, Benseler 1884, 144, 976, 1076, 1327, 1349.

⁹⁸ Zgusta 1955, § 540–554; ГБР, 154.

⁹⁹ Zgusta 1955, § 203, 211.

Рис. 5. Строительная надпись из Танаиса (фр. фото по: Иванчик 2020)
 Fig. 5. Building inscription from Tanais (after: Ivanchik 2020)

писи (--ΣΑ+Н или I, K, M, N+ΟΥ) добавим список подходящих парфянских ЛИ: Anurašak(es), Bagasan(es), Baxtsāsān(es), Šahrsan(es), Xwasak(es), Κάσακος, Kawiaršak(es), Mihrsāsān(es), Mūšak(es), Māyičak(es), gen. Παρσαίου, Farnsāsān(es), Raššak(es), Anōšān(es), gen. Σασάνου, Spōsak(es), Spōsičak(es), Saričak(es), Ἀρσάμης, Warčak(es), Wīrnasak(es)¹⁰⁰. Итого, для дополнения имени выбор широк, поэтому в танаисском памятнике должно читать лишь сохранные буквы: [--]ρσα[ο]υ Ἡλ[ίου ?]¹⁰¹.

Как видно, здесь буква Ρ вполне равноправная среди прочих остатков имени или патронимика, тогда как А.И. Иванчику для чтения имени Самуила приходится прибегнуть к сокращению предшествующего ЛИ: «Здесь можно восстанавливать номинатив имени с г-основой, но более вероятным мне представляется восстановление обычного сокращения императорского помен [-- Αὐ]ρ(ηλίου) или [-- Μ(άρκου) Αὐ]ρ(ηλίου), которое указывало бы на римское гражданство Самуила». Однако сокращение Αὐρ(ηλίου) у его Самуила маловероятно. Оно присутствует в двух боспорских надписях: у сановника высшего ранга Аврелия Валерия Сога, наместника Феодосии, «известного августам, почтенного Диоклетианом и Максимианом» (КБН 64), и у приезжего гераклеота, именем которого целиком римский

¹⁰⁰ Лившиц 2010, № 19, 121, 127, 259, 270, 301, 308, 373, 384, 390, 401–409, 482, 522, 544, 562–566, 590, 591, 593, 647, 661, 690. Парфянские ЛИ в случае передачи по-гречески получают грецизированное окончание -ης или -ος, поэтому добавляем к ним (es), по умолчанию подразумеваем и (os). Иранское ē передается греческой сигмой, например, Ασπίσας = Aspiča (Ib., № 71, 101).

¹⁰¹ Из боспорских имен на Ηλ-- самое распространенное Ἡλιος (КБН, 870–871, индекс), его и ставим предположительно.

– Ἀὐρ. Κέλσος β' «Авр(елий) Цельс, сын Цельса», и поставил он надгробие Аврелию Родону, тоже «известному августам» управителю царского дворца, римскому гражданину (КБН 58). Вот какого ранга сановники Боспора обладали римским гражданством. Если бы данная надпись была сделана после 212 г., когда по эдикту Каракаллы все свободные граждане Империи получили римское гражданство, теоретически Самуил мог бы быть римским гражданином, как счел А.И. Иванчик, но для этого не хватает двух-трех лет, ибо надпись датирована правлением Савромата II (173/4–210/11).

А.И. Иванчик признает, что «иудеи в Танаисе прямо не засвидетельствованы» (с. 951), тем не менее, приводит ономастические основания для чтения в своей надписи ЛИ Самуил. Он продолжает: «Бесспорно, однако, что еврейские имена в Танаисе довольно широко распространены, что свидетельствуется и лапидарными надписями, и дипинти второй половины II – III вв.», со ссылкой на статьи И.А. Левинской, С.Р. Тохтасьева (с. 951). Мы подробно рассмотрели список еврейских имен у этих ученых и заключили: «Итого, по большому счету ни одно имя с Боспора списка И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьева не является древнееврейским по происхождению или по узусу... Таким образом, всем надписям, в которых упоминаются псевдоеврейские имена списка названных авторов, не место в корпусе качественных эпиграфических свидетельств о боспорском иудействе»; что до еврейских имен в дипинти на привозных амфорах в Танаисе (Иуда, Захария, Садок), то они принадлежат поставщикам, не танаитам¹⁰². По приведенным цитатам получается, что А.И. Иванчик, с одной стороны, признает, что евреев в Танаисе не было, с другой предполагает, что наличие там иудейских ЛИ указывает на существование еврейской общины. Больше того, он полагает: «при этом члены этой общины (во всяком случае, носители еврейских имен) могли принадлежать к элите танаисского общества и занимать общественные должности, как, в частности, упомянутый в нашей надписи Самуил» (с. 952). В принципе чтение имени Самуила в данной надписи имело бы некоторое право на существование, если бы имелись случаи, или хотя бы один, присутствия иудеев в элите какого-нибудь боспорского города. Но такового нет, потому и дополнение в перечне эпимелетов имени Самуил, и суждение о его высоком статусе не имеют под собой основания. Мы привели всю его аргументацию, так что имя Самуил не имеет связи с историко-эпиграфической реальностью Танаиса II–III вв.¹⁰³

¹⁰² Яйленко 2022, 150–153.

¹⁰³ Тонкая мраморная доска раздавлена на 63 мелких фрагмента. А.И. Иванчик упоминает, что над нею работал Ю.Г. Виноградов до смерти в 2000 г. и не опубликовал ее, но в его архиве есть полная реконструкция, она «приведена ниже в критическом аппарате к тексту» (с. 946). Таким образом, основную работу по подбору 63 осколков в единую надпись провел Ю.Г. Виноградов (обычно она ведется с помощью сотрудников музея), он дал и полную реконструкцию текста. Работа А.И. Иванчика состояла в уточнении деталей сборки фрагментов и текстологии, но дает он крупно свой текст, а реконструкцию Виноградова привел под ним петитом в лемме. Однако должно было дать публикацию статьи Ю.Г. Виноградова, затем свою с некоторым перебором фрагментов и поправками текстологии. Так, к примеру, поступил С.Ю. Сапрыкин: свою статью о логиионе из Пантикапея он предварил публикацией архивного материала Ю.Г. Виноградова о нем, затем дал свою статью (*ВДИ* 4 (2005), 45–80). Как минимум, А.И. Иванчик должен был в начале своей статьи изложить все материалы Ю.Г. Виноградова, затем дать свои поправки. Ольвийский Стефанов декрет тоже собрал Виноградов, но успел опубликовать лишь перевод, а в архиве его есть и неоконченная статья с полным греческим текстом. А.И. Иванчик и в своей публикации этого декрета, как и танаисской надписи,

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин, Д.В., Рукавишникова, И.В., Куликов, А.В. 2023а: Новые находки лапидарных памятников в районе Павловского мыса (город Керчь). В сб.: *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции*. СПб., 356–364.
- Бейлин, Д.В., Рукавишникова, И.В., Куликов, А.В. 2023б: О локализации позднеантичного некрополя близ Павловского мыса в Керчи. *РА* 2, 152–169.
- Бейлин, Д.В., Яйленко, В.П. 2022: Новые иудейские эпитафии II–IV вв. из Керчи. *ПИФК* 4, 115–146.
- Бехтер, А.П., Чхаидзе, В.Н. 2021: Новые данные о «боящихся бога» на Азиатском Боспоре. *ВДИ* 4, 922–937.
- Болгов, Н.Н. 1996: *Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–VI вв.)*. Белгород.
- Болгов, Н.Н. 2002: *Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии*. Белгород.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.
- Иванчик, А. И. 2020: Строительная надпись из Танаиса: еще раз к вопросу о еврейской общине в Танаисе. *ВДИ* 4, 943–953.
- Казанский, М.М. 2020: Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи великого переселения народов. *БИ* 40, 140–157.
- Кашаев, С.В., Кашовская, Н.В. 2017: Иудейские камни и надписи Боспора. *Хазарский альманах* 15, 104–131.
- Левинская, И.А. 2019: Община иудеев и боящихся бога. *Петербургский исторический журнал* 1, 314–321.
- Лившиц, В.А. 2010: *Парфянская ономастика*. Санкт-Петербург.
- Сидоренко, В.А. 2018: Две надписи на камне из раскопок в Босфорском переулке в Керчи в 2007 г. *МАИЭТ* 23, 510–519.
- Сикстулис, Я.П. и др. 1986: Арабы. В кн.: М.В. Крюков и др. (ред.), В кн.: *Системы личных имен у народов мира*. М., 43–58.
- Чичуров, И.С. 1980: *Византийские исторические сочинения*. М.
- Яйленко, В.П. 2003: Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х годов. *ДБ* 6, 351–374.
- Яйленко, В.П. 2010: Христианские и парохристианские надписи Боспора IV–VI вв. *ДБ* 14, 610–711.
- Яйленко, В.П. 2015: Слово и дело: о публикации ольвийского декрета с честь смирнейца Стефана. *АМА* 17, 195–208.
- Яйленко, В. П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2022: Историко-эпиграфическая проблематика изучения боспорского иудейства I–V вв. *ПИФК* 4, 147–174.
- Brown, F. 1906: *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament*. Oxford.
- Chaniotis, A. 2002: The Jews of Aphrodisias: New Evidence and Old Problems. *Scripta Classica Israelica* 21, 209–242.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.

вначале повел речь о своей работе над декретом в Парутино (Ольвия), потом упомянул архивный материал Виноградова и сообщил читателю, что его текст и текст Виноградова совпали. На самом деле огрехи в его переводе, вовсе не совпадающие с греческим текстом, показывают, что он поначалу читал текст декрета местами иначе, затем увидев архивный текст Виноградова. Подробности: Яйленко 2015, 202–204; 2017, 648–652.

- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- González Salinero, R. 2003: El servicio militar de los judíos en el ejército romano. *Aquila Legionis* 4, 45–91.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Horst, P.W. 2014: What Can We Learn from Early Jewish Epigraphy? *Scripta Judaica Cracoviensia* 12, 33–46.
- Kraeling, C.H. 1979: *The Synagogue. Excavations at Dura-Europos*. New York.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berolini, Lipsiae.
- Noy, D. 1994: The Jewish Communities of Leontopolis and Venosa. In: J.W. van Henten, P.W. van der Horst (eds.), *Studies in Early Jewish Epigraphy*. Leiden, 162–182.
- Noy, D. 1995: *Jewish Inscriptions of Western Europe*. Vol. II. *The City of Rome*. Cambridge.
- Olshanetsky, H. 2021: Service of the Empire: Continuity of Jewish Military Service in the Armies of Rome. *Sapiens Ubique Civis* 2, 129–162.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch, enthaltend alle... Menschennamen*. Heidelberg.
- Rocca, S. 2010: Josephus, Suetonius and Tacitus on the Military Service of Roman Jews. *Materia Giudaica* 20, 7–30.
- Roth, J.P. 2007: Jews and the Roman army: Perceptions and Realities. In: L. de Blois et al. (eds.), *The Impact of the Roman Army (200 B.C. – A.D. 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Leiden, 409–420.
- Rutgers, L.V. 1995: *The Jews in Ancient Late Rome*. Leiden.
- Schoenfeld, A.J. 2006: Sons of Israel in Caesar's Service: Jewish Soldiers in the Roman Military. *Shofar. An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies* 24/3, 115–126.
- Tal Ilan, 2002: *Lexicon of Jewish names in late antiquity*. Pt. I. *Palestine 330 BCE – 200 CE*. Tübingen.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.
- Zunz, L. 1837: *Namen der Juden*. Leipzig.

REFERENCES

- Bekhter, A.P., Chkhaidze, V.N. 2021: Novye dannye o «boyashchikhsya boga» na Aziatskom Bospore [New Data about “the God Fearing” on Asiatic Bosporus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 922–937.
- Beylin, D.V., Rukavishnikova, I.V., Kulikov, A.V. 2023b: O lokalizatsii pozdneantichnogo nekropolya bliz Pavlovskogo mysa v Kerchi [On the Localization of the Late Antiquity Jewish Necropolis near Cape Pavlovsky in Kerch]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 2, 152–169.
- Beylin, D.V., Rukavishnikova, I.V., Kulikov, A.V. 2023a: Novye nakhodki lapidarnykh pamyatnikov v rayone Pavlovskogo mysa (gorod Kerch) [New Finds of the Lapidary Monuments near Cape Pavlovskiy (Kerch)]. In: *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan Phenomenon: quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Proceedings of the International Scientific Conference]*. Saint Peterburg, 356–364.
- Beylin, D.V., Yaylenko, V.P. 2022: Novye iudeiskie epitafii II–IV vekov nashey ery iz Kerchi [The Second-Fourth Centuries AD New Judean Epitaphs from Kerch]. *Problemy istorii, filologii i kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 115–146.
- Bolgov, N.N. 1996: *Zakat ntichnogo Bospora [Decline of Ancient Bosporus]*. Belgorod.
- Bolgov, N.N. 2002: *Severnoe Prichernomorie pozdneantichnogo vremeni [The North Black Sea Region in the Late Antiquity]*. Belgorod.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore [An Essay on History of Greek Lapidary Scripture on Bosporus]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* 3, 3–31.

- Brown, F. 1906: *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament*. Oxford.
- Chaniotis, A. 2002: The Jews of Aphrodisias: New Evidence and Old Problems. *Scripta Classica Israelica* 21, 209–242.
- Chichurov, I.S. 1980: *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya* [Byzantine Historical Writings]. Moscow.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculensis*. Lipsiae.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- González Salinero, R. 2003: El servicio militar de los judíos en el ejército romano. *Aquila Legionis* 4, 45–91.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Horst, P.W. 2014: What Can We Learn from Early Jewish Epigraphy? *Scripta Judaica Cracoviensia* 12, 33–46.
- Ivanchik, I.A. 2020: Stroitel'naya nadpis iz Tanaisa: eshche raz k voprosu o evreiskoy obschchine v Tanais [A Building Inscription from Tanais: Once Again to a Question about Jewish Community in Tanais]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 943–953.
- Kashaev, S.V., Kashovskaya, N.V. 2017: Iudeyskie kamni i nadpisi Bospora [Jewish Stones and Inscriptions of Bosporus]. *Khazarskiy al'manakh* [Khazarian Almanac] 15, 104–131.
- Kazanskiy, M.M. 2020: Goty na Bospore Kimmeriyskom v nacale epokhi velikogo pereseleniya narodov [The Goths in Cimmerian Bosporus in the beginning of Great migration of Peoples]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 40, 140–157.
- Kraeling, C.H. 1979: *The Synagogue. Excavations at Dura-Europos*. New York.
- Kraeling, C.H. 1979: *The Synagogue. Excavations at Dura-Europos*. New York.
- Levinskaya, I.A. 2019: Obshchina iudeev i boyashchikhsya boga [Jewish Community and That of “the God Fearing”]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal] 1, 314–321.
- Livshits, V.A. 2010: *Parfyanskaya onomastika* [Parthian Onomastics]. Saint Petersburg.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berolini, Lipsiae.
- Noy, D. 1994: The Jewish Communities of Leontopolis and Venosa. In: J.W. van Henten, P.W. van der Horst (eds.), *Studies in Early Jewish Epigraphy*. Leiden, 162–182.
- Noy, D. 1995: *Jewish Inscriptions of Western Europe*. Vol. II. *The City of Rome*. Cambridge.
- Olshanetsky, H. 2021: Service of the Empire: Continuity of Jewish Military Service in the Armies of Rome. *Sapiens Ubique Civis* 2, 129–162.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch, enthaltend alle... Menschnennamen*. Heidelberg.
- Rocca, S. 2010: Josephus, Suetonius and Tacitus on the Military Service of Roman Jews. *Materia Giudaica* 20, 7–30.
- Roth, J.P. 2007: Jews and the Roman army: Perceptions and Realities. In: L. de Blois et al. (eds.), *The Impact of the Roman Army (200 B.C. – A.D. 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Leiden, 409–420.
- Rutgers, L.V. 1995: *The Jews in Ancient Late Rome*. Leiden.
- Schoenfeld, A.J. 2006: Sons of Israel in Caesar's Service: Jewish Soldiers in the Roman Military. *Shofar: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies* 24/3, 115–126.
- Sidorenko, V.A. 2018: Dve nadpisi na kamne iz raskopok v Bosforskom pereulke v Kerchi v 2007 godu [Two Inscriptions on a Stone from the Excavation at Bosphorsky Aley in Kertch in 2007]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnology of Tauria] 23, 510–519.
- Sikstilis, Ya.P. 1986: Araby. In: M.V. Kruykov et al. (eds.), *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of Personal Names of the World Peoples]. Moscow, 43–58.
- Tal Ilan, 2002: *Lexicon of Jewish names in late antiquity*. Pt. I. *Palestine 330 BCE – 200 CE*. Tübingen.

- Yaylenko, V.P. 2003: Fanagoriyskie manumissii i spiski imen iz nakhodok 1970-kh godov [Phanagorian Manumissions and Lists of Names found in 1970s]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosporus]* 6, 351–374.
- Yaylenko, V.P. 2010: Khristianskie i parakhristianskie nadpisi Bospora IV–VI vekov [Christian and Para-Christian Inscriptions 4th–6th cc. AD]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosporus]* 14, 610–711.
- Yaylenko, V.P. 2015: Slovo i delo: o publikatsii olviyskogo dekreta v chest smirneitsa Stefana [Word and Affair: About Publication of the Olbian Decree in honour of Stephanus from Smyrna]. *Antichnyi mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. Saratov, 17, 195–208.
- Yaylenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII veka do nashey ery – VII veka nashey ery [History and Epigraphy of Olbia, Chersonesus and Bosporus from the 7th c. BC to 7th c. AD]*. Saint Petersburg.
- Yaylenko, V.P. 2020: Istoriko-epigraficheskaya problematika izucheniya bosporskogo iudeystva I–V vekov [Historical and Epigraphic Problems of the Study of Bosporan Judaism of the First-Fifth centuries]. *Problemy istorii, filologii i kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 147–174.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.
- Zunz, L. 1837: *Namen der Juden*. Leipzig.

JEWISH EPITAPHS FROM THE PAVLOVSKY CAPE NECROPOLIS NEAR PANTICAPAEUM

Denis V. Beylin¹, Valery P. Yaylenko²

¹ *Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, Kerch, Russia*

² *Independent Researcher, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: denis_beylin1979@mail.ru* ² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

In 2020, 13 Jewish epitaphs were found in Jewish necropolis near Cape Pavlovsky, Kerch, the authors published them; in 2022, six more were found, the authors publish them here. All six are in Greek, of short content: they include the personal name of the deceased and patronymic. Names from the Old Testament: Jacob, Gedur, possibly Moses, Baruch, of particular interest is the Egyptian name of one deceased Iout and his Arabic nickname Usam. In total, 19 epitaphs contain 2–3 Greek names, 12–13 Jewish ones. For Jews of the Diaspora, this is an incredible result, because in Europe, Greek and Roman names are absolutely predominant. The gender distribution is also unusual: only two epitaphs are female, one is for a child, the remaining 15 are male. These gender characteristics confirm the opinion of the Pavlovsky Necropolis researchers that a detachment of Jewish soldiers was stationed in Ak-Burun. And the predominance of Jewish names indicates that they came from Palestine, 2/3 of whose anthroponymy is Jewish. Most of the epitaphs (10) date back to the 2nd–3rd cc. AD, and 6 of them to the 3rd–4th cc. AD. The assemblage of 19 epitaphs shows that the Pavlovsky Necropolis is a unique archaeological site, unparalleled in the Roman-Jewish world, and systematic excavations should be carried out there. The “Additions” provide a critical review of the edition of the Hermonassa manuscript and the building inscription from Tanais.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Pavlovskiy cemetery, Jewish soldiers, epitaphs from the 2nd–4th cc. AD, manumissions, prosopography

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-212–230

ПОГРЕБЕНИЕ С ДВУМЯ ПОДБОЯМИ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА (РАСКОПКИ 2022 Г.)

Т.В. Егорова¹, Г.С. Чебышев²

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

² *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ *E-mail: tvegorova@yandex.ru* ² *E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com*

¹ *ORCID: 0000-0002-8479-0518* ² *ORCID: 0009-0002-0105-0272*

В 2022 г. в ходе работ Совместной экспедиции истфака МГУ им. М.В. Ломоносова и ИИМО ЮФУ на северном участке некрополя Танаиса было открыто погребение с коллективным захоронением № 8. Оно отличается уникальной для региона междуречья Сала и Маныча конструкцией в виде двухкамерного подбоя с параллельно расположенными камерами, ориентированными по линии запад-восток. Судя по инвентарю, погребение датируется второй половиной (возможно, конец) II – началом III вв. н.э. Типологически близкие погребения в регионе известны лишь на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. Учитывая искусственную деформацию черепов большей части погребенных, их можно отнести к сармато-аланскому населению Танаиса первых веков н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Танаис, некрополь, сарматы, аланы, погребальная конструкция

Раскопки грунтового и курганного некрополя Танаиса продолжают уже более 170 лет, а систематические исследования – с 1955 г. За это время выявлено более 3000 погребальных комплексов разных эпох¹. Значительное их число относится ко времени расцвета города во второй половине II – середине III в. н.э. Наиболее выразительные захоронения этого периода с различными типами погребальных конструкций зафиксированы при спасательных работах 2005–2014 гг., что позволило С.И. Безуглову и С.М. Ильяшенко поднять вопрос о культурно-историческом облике социальной элиты Танаиса этого времени, отмечая характерные для нее яркие позднесарматские традиции, а также непосредственное присутствие кочев-

Данные об авторах: Татьяна Валерьевна Егорова – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Георгий Сергеевич Чебышев – аспирант отдела классической археологии ИА РАН.

¹ Арсеньева и др. 2001; Вдовченков, Ильяшенко 2016, 157.

ников в городской среде². В этой связи особый интерес представляет погребение № 8, открытое в 2022 г. в ходе работ Совместной экспедиции исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ИИМО ЮФУ, проводившихся на северном участке могильника в 200 м к СЗ от СЗ угла цитадели города (рис. 1).

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Конструкция погребения подбойного типа, двухкамерная, что необычно для танаисского некрополя, ориентирована длинными осями по линии З–В. Подбои, вырытые в материке, располагались к северу и югу от входной камеры по ее длинным сторонам. Первоначально было выявлено аморфное пятно, размерами 2,5 x 3,10 м. Оно сформировалось в результате слияния выброса из входной ямы, образовавшегося в процессе вторичного подзахоронения в северную погребальную камеру, выброса из грабительской ямы, повредившей ее же южную часть, и верха более поздней могилы, перекрывшей южный подбой (рис. 2, 3). Входная камера, длиной 2,30 м, шириной около 0,90 м, имела удлиненно-прямоугольную в плане форму, отвесные стенки, закругленные углы и ровное дно. На основную глубину, составляющую 1,30 м от уровня выявленного пятна, она была выкопана в материке, только верхняя часть в серо-желтом предматериковом суглинке. Полы подбоев были ниже ее дна менее чем на 0,10 м, отчетливых ступенек не зафиксировано. Высота сводов подбоев располагалась на одном уровне – около 0,7 м. Ширина всей погребальной конструкции – 3,1 м.

1. Южная погребальная камера (№ 8.1)

Камера южного подбоя имела подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, размерами 2,20 x 0,95 м. Вход был заложен однофасным каменным закладом, высотой в три ряда (до 0,35 м). Кладка иррегулярная, верхние камни со временем завалились внутрь (рис. 3). В камере обнаружено четыре погребенных (женщина и трое детей), положенных в деревянные гробы, от которых сохранились ислевшие доски крышек, дна и стенок, высотой до 0,20 м, а также однотипные железные гвозди с квадратным в сечении стержнем и шляпкой округлоуплощенной формы.

Молодая женщина 15–19 лет (погр. 8.1.1) лежала ближе к входу в северной части подбоя со смещением к западу, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Лицевая часть головы повернута на юг. Руки расположены вдоль туловища, обе кисти заведены на бедра; ноги вытянуты, сведены вместе. Отмечается искусственная деформация черепа, лопатообразность верхних резцов, поротический гиперостоз орбит, эмалевая гипоплазия, а также тупая травма левой теменной кости³. Сохранность древесных остатков (рис. 4, в) позволяет реконструировать форму и размеры гроба: подтрапециевидный, шириной ок. 0,40 м в изножье и 0,50 м в изголовье, длиной ок. 1,80 м. На часть досок крышки гроба впоследствии сместился каменный заклад.

В ЮЗ секторе к югу от женщины у южной стенки подбоя зафиксировано погребение ребенка 3–5 лет (погр. 8.1.4) в почти полностью ислевшем гробу в

² Безуглов, Ильяшенко 2016, 181–186.

³ Все антропологические определения сделаны к.б.н., с.н.с. Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника Е.Ф. Батиевой.

Рис. 1. Расположение раскопа XXXV на северном участке некрополя Танаиса. Фото Д.С. Бунина

Fig. 1. Location of excavation XXXV in the northern section of the Tanais necropolis. Photo by D.S. Bunin

скорченной позе на правой части тела, головой на восток. Антропологические особенности аналогичны первому индивиду: искусственная деформация черепа, лопатообразность верхних резцов и поротический гиперостоз орбит.

В ЮВ секторе у южной стенки погребальной камеры к востоку от погр. 8.1.4 находилось захоронение ребенка 2–4 лет (погр. 8.1.2), покоившегося вытянуто на правой части тела, головой на восток. Кости плохой сохранности, череп сильно фрагментирован, отсутствует значительная часть костей грудной клетки, кости рук, таза и левой ноги. Тем не менее, фиксируется искусственная деформация черепа и поротический гиперостоз орбит. От гроба сохранился лишь фрагмент истлевшей деревянной доски длиной ок. 0.40 м. и шириной 0.20 м.

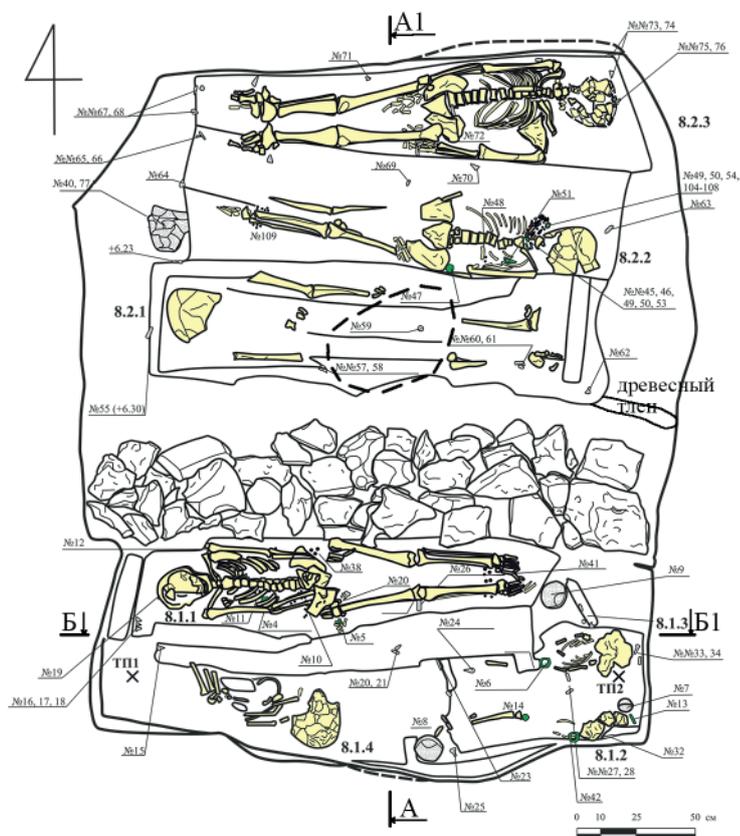
К северу от этого погребенного, между ним и ногами женщины на дне гроба, от которого остались только пятна тлена, в вытянутой позе на спине, головой на восток лежал младенец до года (погр. 8.1.3). Сохранность костей не позволяет судить о наличии или отсутствии деформаций, характерных для остальных индивидов.

Погребальный инвентарь. Наиболее обширный и разнообразный погребальный инвентарь зафиксирован в женском захоронении (погр. 8.1.1): 1) вокруг шейных позвонков погребенной лежала бронзовая гладкая круглая в сечении гривна с петлевидным замком: один конец в виде крючка, второй образует петельку (рис. 5,

Рис. 2. Погребение 8. Вид сверху. Контуром отмечена нижняя часть грабительской ямы
 Fig. 2. Burial 8. Top view

1); 2) с левой стороны от черепа обнаружен фрагмент серебряной кольцевидной серьги с несомкнутыми концами, диаметром до 1,8 см (рис. 5, 2); 3) на груди находилась бронзовая лучковая подвязная фибула длиной 7,1 см (рис. 5, 3); 4) на ребрах возле правой лопатки лежало бронзовое зеркало-подвеска, диаметром 4,0 см, с боковым ушком и орнаментом в виде свастики (рис. 5, 4); 5) на безымянный палец правой руки надет бронзовый перстень с овальной сердоликовой вставкой с изображением Фортуны/Тюхе с рогом изобилия и корабельным рулем (см. ниже). Шинка расширяется к вставке, ее внешняя поверхность декорирована орнаментом в виде рельефных удлиненных листьев с насечками у основания (рис. 5, 5); 6) в ногах (к ЮЗ от правой стопы) располагалась краснолаковая чаша с туловом усечено-конической формы и вертикальным бортиком. Диаметр венчика 10,5 см, высота 6,2 см (рис. 5, 6); 6) бусы и бисер: а) рядом с гривной в районе шейных позвонков зафиксирована низка бисера (170 шт.) светло-зеленого прозрачного стекла коротко-цилиндрической формы. Диаметр бусин до 25 мм, высота – до 2 мм (рис. 6, 10); б) снизу от грудины, а также вокруг правого предплечья найдены цилиндрические гагатовые бусы. Высота сохранившихся 8/9 мм, диа-

№15-34, 55-76 - гвозди жел.	№12 - бусина	№50 - бусы сердолик
№3 - фибула бронз.	№13 - трубочка бронз.	№51 - фибула бронз.
№4 - зеркало бронз.	№14 - вставка смальта	№53 - бусы фаянс
№5 - перстень бронз.	№38, 41 - бисер	№54, 107, 108 - подвески бронзовые с
№6, 42 - браслеты бронз.	№40 - лепной горшок	стеклянными вставками
№7 - миска кр.л.	№45 - подвеска бронз.	№104 - бусы стекл.
№8 - миска кр.л.	№46 - подвеска бронз.	уплощенные
№9 - миска кр.л.	№47 - зеркало бронз.	№105 - бусы гагат
№10 - бусы гагат	№48 - бусы гагатовые	№106 - вставка стеклянная
№11 - бусины гагат	№49 - бусы копьевидные	№109 - бисер
		№77 - ножницы жел.

Рис. 3. План погребения 8

Fig. 3. Burial 8 plan

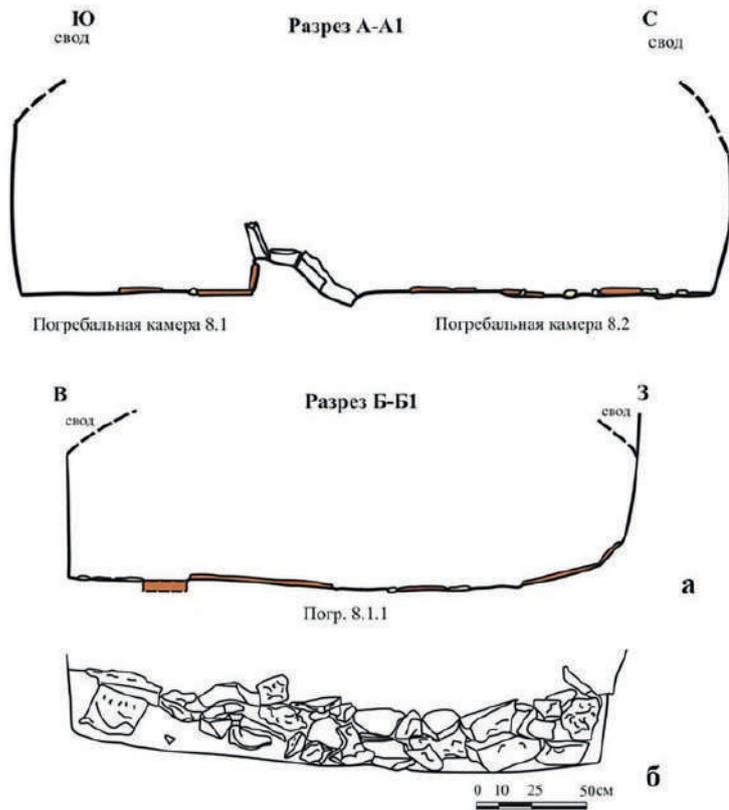

Рис. 4. Разрезы погребальных камер (а); каменный заклад южной погребальной камеры, северный (внешний) фас (б); южная погребальная камера с каменным закладом, вид сверху (в)
Fig. 4. Sections of burial chambers (a); stone foundation of the southern burial chamber, northern (outer) face (b); southern burial chamber with stone foundation, top view (c)

метр 8–10 мм (рис. 5, 7); в) в районе кисти левой руки и щиколоток обеих ног выявлен бисер светло-коричневого стекла округло-уплощенной формы (16 и 118 шт., соответственно). Диаметр до 3 мм, высота – до 1 мм (рис. 6, 9).

Из трех детских погребений самый многочисленный инвентарь сопровождал ребенка 2–4 лет (погр. 8.1.2): 1) в ногах была установлена краснолаковая чаша с туловом усечено-конической формы и вертикальным бортиком. Диаметр венчика 12 см, высота 6,5 см (рис. 5, 8); 2) к СВ от головы – миниатюрная краснолаковая полусферическая миска с плоским дном без поддона. Диаметр 6,5 см, высота 3,9 см (рис. 5, 9); 3) в ЮВ углу погребения над головой лежала бронзовая пронизь, длиной 5,2 см, диаметром 8 мм. Пронизь скручена в один слой, не сомкнута (рис. 5, 10); 4) у правой ноги – округлая в плане вставка из смальты, диаметром 2,6 см (рис. 5, 11); 5) на левое предплечье надет бронзовый кольцевидный браслет, изготовленный из гладкой, овальной в сечении проволоки. Концы заходящие, несомкнутые. Диаметр 4 см (рис. 5, 12);

б) под костями обнаружен астрагал.

Старшему ребенку (погр. 8.1.3) принадлежал только бронзовый кольцевидный браслет, сделанный из гладкой, округлой в сечении проволоки, с несомкнутыми заходящими («завязанными») концами. Диаметр 4 см (рис. 5, 13). В погребении младенца (п. 8.1.4) инвентарь отсутствовал.

2. Северная погребальная камера (№8.2).

Северный подбой также имел подпрямоугольную в плане форму и скругленные углы, но чуть бóльшие размеры: длина – 2,35 м, ширина – 1,25 м. Расширение произошло, вероятно, за счет присоединения на втором этапе части входной камеры. Он был закрыт деревянным закладом, доски от которого, развернутые наружу, зафиксированы только в его восточной части. Очевидно, первоначально сюда было помещено два погребенных, оба головами на восток, в деревянных гробах, аналогичных описанному выше. Мужчина 30–35 лет лежал в глубине у северной стенки погребальной камеры в вытянутом положении на спине (погр. 8.2.3). Лицевая часть головы повернута на юг; руки вытянуты вдоль туловища, правая кисть на бедре, левая заведена под бедро; ноги вытянуты, сведены вместе. К югу от него лежала женщина 25–30 лет (погр. 8.2.2) в сходной позе. Сохранность костей позволила Е.Ф. Батиевой только предположить возможную искусственную деформацию черепов, а также выявить у мужчины лопатообразность верхних резцов.

Вероятно, чуть позже, но через непродолжительное время, в южную часть северной погребальной камеры подзахоронили еще одного человека – мужчину 35–45 лет (погр. 8.2.1), для чего разобрали деревянный заклад. О такой последовательности свидетельствует и размещение гроба относительно двух других: его северная сторона перекрывала южную часть погр. 8.2.2, западная граница была смещена на запад на ок. 20 см. Кроме того, при его установке, вероятно, упал лепной горшок, стоявший в ногах женского погребения. Мужчина был положен в гроб вытянуто на спине головой на запад. В центр этого захоронения попал грабительский шурф, результатом чего стало сильное повреждение средней части скелета. По сохранившимся остаткам Е.Ф. Батиева допустила наличие искусственной деформации черепа, выявила плохое состояние зубов (зубной камень и кариес) и деформирующий спондилез.

Рис. 5. Находки из южной погребальной камеры
Fig. 5. Finds from the southern burial chamber

Рис. 6. Находки из северной и южной погребальных камер
Fig. 6. Finds from the northern and southern burial chambers

Погребальный инвентарь. Здесь наиболее многочисленный материал также принадлежал женщине (погр. 8.2.2): 1) между левой подвздошной костью и левым предплечьем лежало бронзовое зеркало-подвеска с боковым ушком подпрямоугольной формы. Диаметр 4 см. Внешняя поверхность декорирована двумя валиками с радиальным орнаментом. Внутри образованного валиками пространства изображены лучи с завитками (рис. 6, 1); 2) над левой частью грудной клетки располагалась бронзовая лучковая подвязная фибула, аналогичная описанной выше, но чуть меньшего размера (длина 5,8 см) (рис. 6, 2); 3) к западу от ног вне гроба находится лепной горшок. Диаметр венчика 9 см, дна – 6 см, высота сосуда 16 см (рис. 6, 3). Внутри обнаружены три фрагмента железных пружинных ножниц, общей длиной ок. 19 см, длина лезвия 8,5 см, типологически близкие ножницам из погр. 168, 523 и др. западного некрополя Танаиса, но большего размера⁴ (рис. 6, 4); 4) подвески, бусы и бисер: а) в районе шейных позвонков под нижней челюстью найдено ожерелье, состоявшее из шести стеклянных подвесок в бронзовой оправе разной степени сохранности в сочетании со стеклянными и гагатовыми бусинами (рис. 7, 1–8). Одна из подвесок ожерелья выполнена из прозрачного желтоватого стекла (рис. 7, 1), остальные – из прозрачного стекла глубокого синего цвета (рис. 7, 2–4). Сохранившиеся части оправы – округлые, каст декорирован рифлением. У трех подвесок от оправы сохранились только следы. Судя по расположению, в состав ожерелья, очевидно, также входили 8 округло-уплощенных бусин непрозрачного стекла (рис. 7, 5), 4 из которых – черного, 4 – синего цвета⁵, 18 цилиндрических и 23 копьевидные (рис. 7, 6, 7) гагатовые бусины⁶. Здесь же зафиксирована низка из 26 сердоликовых четырнадцатигранных бусин разного размера и одна сердоликовая уплощенная вытянутая пронизь в форме параллелепипеда со срезанными длинными гранями⁷ (рис. 7, 8), а также единичные бусины и пронизи других типов: две перламутровые уплощенные и одна цилиндрическая пронизи⁸ (рис. 7, 9); стеклянная биконическая бусина светло-коричневого непрозрачного стекла⁹ (рис. 7, 10); две фрагментированные округлые полихромные стеклянные бусины красного непрозрачного стекла с розетковым орнаментом, спаянным из бирюзового, желтого и черного стекла¹⁰ (рис. 6, 8); три округлые в сечении пронизи непрозрачного красного стекла¹¹ (рис. 6, 7); б) у голеностопов обеих ног выявлены две низки бус: 25 округлых бусин светло-зеленого прозрачного стекла (рис. 6, 5) и 27 округлых бусин черного непрозрачного стекла (рис. 6, 6).

Мужские захоронения (погр. 8.2.3 и 8.2.1) были безинвентарными.

АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ И ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСА

Обнаруженные в погр. 8.1.1 и 8.2.2 лучковые подвязные одночленные проволочные фибулы относятся к серии I варианта 4 формы I, по классификации

⁴ Беспалый 2023, 96, табл. 102, 4; 276, 308, 5.

⁵ Алексеева 1978, 68, табл. 33. Тип 71–76.

⁶ Алексеева 1978, 12, 19, табл. 20, 21. Тип 9а и 107а.

⁷ Алексеева 1982, 18, табл. 39. Тип 15 и 196.

⁸ Алексеева 1982. Табл. 43, 24. Тип 6.

⁹ Алексеева 1978, 68, табл. 33, 27. Тип 88–96.

¹⁰ Алексеева 1978, 55, табл. 27, 104. Тип 378.

¹¹ Алексеева 1978, 67, табл. 33, 14. Тип 57.

Рис. 7. Находки из северной погребальной камеры
 Fig. 7. Finds from the northern burial chamber

В.В. Кропотова, который отмечает, что фибулы именно этой серии являются самыми многочисленными, значительно превосходя суммарное количество других¹². Вариант 4 выделяется большим изгибом дужки, а также расширяющейся книзу ножкой и сплошной или фигурной обмоткой¹³. Традиционно они датируются концом II – началом или первой половиной III в. н. э. и довольно часто встречаются в Танаисе и его округе¹⁴.

Гривны, по форме аналогичные находке из погр. 8.1.1, В.Ю. Кононов выделяет в I вариант IV типа стержневидных гривен, указывая, что в меотских могильниках Кубани их находят в комплексах второй половины I – II вв. н.э.¹⁵ Чуть более широкую датировку (до середины III в. н.э.) предлагает А.А. Стоянова по материалам памятников Крыма сарматского времени¹⁶.

Отдельного внимания заслуживает бронзовый перстень с геммой, на которой изображена Фортуна/Тюхе с корабельным рулем и рогом изобилия, из того же захоронения. Сюжет относится к одним из самых распространенных в Северном Причерноморье в первые века н.э. Подобные находки встречались в погребении второй половины II – первой половины III вв. н.э. в могильнике Нижне-Гниловского городища¹⁷, погр. 223 второй четверти – середины II в. н.э. могильника Бельбек IV¹⁸, в погребении некрополя Горгиппии конца II – первой половины III вв. н.э.¹⁹ В последнем случае интересно отметить, что в том же комплексе зафиксирована медная лучковая фибула с фигурной обмоткой варианта 4 серии I²⁰. Несколько гемм с аналогичными изображениями были обнаружены при раскопках некрополя Мцхеты-Самтавро в центральной Грузии²¹. Бронзовый перстень с похожим сюжетом происходит из подбойной могилы III в. н.э., расположенной на территории совхоза «Севастопольский» близ Инкермана²². Фортуна (или Афина) показана на нем в шлеме и длинном хитоне, подпоясанном под грудь. У ног богини расположен предмет, который можно трактовать как корабельный руль. Близкая по технике изготовления инталия в кованом серебряном перстне хранится в собрании ГЭ, куда поступила в 2000 г. из частной коллекции²³. По словам продавца, перстень был найден в Крыму, однако не стоит исключать его происхождение из любой другой области Северного Причерноморья. Авторы публикации предполагают, что изначальная вставка в перстень была утеряна и для фиксации новой (с Фортуной/Тюхе) в гнездо между оправой и сердоликом была добавлена золотая полоса. Обращая внимание на технику резьбы с примитивным обозначением деталей грубыми широкими врезами, а носа и губ короткими штрихами, характерную для одного из стилей глиптики эпохи империи (chin-mouth-nose), исследователи да-

¹² Кропотов 2010, 68.

¹³ Кропотов 2010, 76–80, рис. 37, 5.

¹⁴ Кропотов 2010, 80; Арсеньева 1977, табл. XXXIV, 4; Арсеньева и др. 2001, 206, табл. 29, 420; Беспалый 2023, т.2, 546.

¹⁵ Кононов 2023, 23-26.

¹⁶ Стоянова 2011, 118. Тип 5а.

¹⁷ Информация предоставлена С.М. Ильяшенко.

¹⁸ Гущина, Журавлев 2016, 168, 169, табл. 245; Неверов 2016, 198.

¹⁹ Новичихин 2009, 111, рис. 1, 8; 112, рис. 2, 4.

²⁰ Амброз 1966, 51, табл. 9, 2.

²¹ Максимова 1950, 256, табл. II, 43; 260, табл. II, 56.

²² Щербакова 1980, 98, рис. 3, 9.

²³ Арсентьева, Горская 2019, 141, рис. 156.

тируют гемму II–III вв. н.э. Можно предположить, что публикуемый перстень, и вставка в него были изготовлены в одной из боспорских мастерских²⁴. Принимая во внимание имеющиеся аналогии, его стоит датировать второй половиной II – первой половиной III вв. н. э.

Два бронзовых зеркала-подвески из погр. 8.1.1 и 8.2.2 относятся к IX типу, по типологии А.М. Хазанова, предложившего для него широкую дату – II–III вв. н.э.²⁵. При всей схожести, они имеют определенные отличия. Зеркало из погр. 8.1.1 украшено двумя валиками и плавно завернутыми влево лучами, выходящими из центра. Прямых аналогий нет и, при всей «типичности», сложно соотнести его с определенным вариантом классификации А.А. Труфанова, детально разработанной им для памятников Крымской Скифии²⁶. С одной стороны, форма зеркала, петельки и внешний контур декора отсылают нас к варианту 6-Б, который в то же время имеет существенное отличие в заполнении центральной части. Большинство таких зеркал найдены в погребениях конца II – первой половины III вв. н.э.²⁷ Наиболее близкие параллели центральной части орнамента зафиксированы на зеркале из погр. 88 Битакского могильника, датированного первой половиной II в. н.э. и условно отнесенного А.А. Труфановым к «ранним» вариантам²⁸. Сходные, но не идентичные экземпляры происходят из погребений северного участка некрополя Танаиса II–III вв. н.э.²⁹

Орнаментальная схема зеркала из погр. 8.2.2 имеет существенные отличия: лучи с завитками на концах, выходящие из центра обрамлены радиально-лучевым орнаментом, вписанным в валики. По классификации А.А. Труфанова, изделия с аналогичным декором центральной части относятся к варианту 7, хронологические рамки которого он определяет в первой половине III в. н.э.³⁰ В то же время, подобная окантовка более характерна для варианта 3-Б, преимущественно датированного первой половиной II – началом III вв. н.э.³¹ На данный момент не удалось обнаружить других зеркал с аналогичным сочетанием элементов. Надо полагать, что тенденции в орнаментации зеркал среди населения Крымской Скифии могут развиваться по абсолютно иному пути, чем в Танаисе и его округе, поэтому определенного рода закономерности не могут быть определяющими факторами при уточнении датировки конкретного предмета.

Примерно в те же хронологические рамки, с некоторым смещением акцента на начальный этап, укладываются найденные керамические сосуды. Две краснолаковые чаши формы 30.3 (понтийская сигиллата А) находят в погребениях с широкой датой II – III вв. н.э., но наибольшее распространение они получили во второй и третьей четверти II в. н.э.³² Краснолаковые миски формы 20 происходят из комплексов последней четверти II – начала III в. н.э.³³ Аналогичный лепной

²⁴ Неверов 1983, 118.

²⁵ Хазанов 1963, 67.

²⁶ Труфанов 2007, 174–186.

²⁷ Труфанов 2007, 178.

²⁸ Труфанов 2007, 175.

²⁹ Арсеньева 1977, 121, табл. XXXVIII/1.

³⁰ Труфанов 2007, 179.

³¹ Труфанов 2007, 177.

³² Журавлев 2010, 60, табл. 27, 207.

³³ Журавлев 2010, 56, табл. 25, 176.

горшок был обнаружен в погр. 173 некрополя Танаиса, датированном Т.М. Арсеньевой I – началом II в. н.э.³⁴

Бусы и подвески характерны, главным образом, для погребальных комплексов первых веков н.э. Основная масса составных элементов ожерелья относятся Е.М. Алексеевой к I и II вв.³⁵, в то время как две подвески в бронзовой оправе, аналогичные нашим, были найдены и в позднесарматских женских погребениях второй половины II – первой половины III вв. н.э. в Лебедевском могильнике в Южном Приуралье³⁶ и в одном из захоронений танаисского некрополя синхронного времени.

Таким образом, можно предположить, что первоначальное погребение было совершено во второй половине (конце) II – начале III в. н.э., возможно, чуть позднее, а повторное вскрытие могилы и подзахоронение через непродолжительный промежуток времени после первого.

Края отдельных частей платьев женщин были обшиты бисером и бусами по схеме, традиционной для женских сарматских костюмов I в. до н.э. – III в. н.э.³⁷ У погребенной в южной камере зафиксирована обшивка в один ряд стеклянным бисером светло-зеленого цвета на вороте, бисером непрозрачного стекла светло-коричневого цвета – на левом рукаве и подоле платья на уровне щиколоток; правый рукав был оторочен гагатовыми бусами. У погребенной в северной камере был обшит только низкий подол, но в два ряда мелкими бусинами светло-зеленого прозрачного и черного непрозрачного стекла.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Пожалуй, главный интерес публикуемого комплекса представляет его конструкция – двухкамерный подбой. Подобные погребальные сооружения абсолютно нехарактерны для некрополя Танаиса не только римского времени, но и всего периода его существования. На данный момент известно четыре конструктивно близких захоронения, датируемые эпохой эллинизма и одно, предположительно, рубежом эр³⁸. Д.Б. Шелов полагал, что подбойные могилы в I–III вв. н.э. имеют явное сарматское происхождение³⁹. Их же считают одной из ярких черт позднесарматского времени⁴⁰. Однако двухкамерные погребения в этот период не характерны не только для Танаиса, но и для всего Нижнего Подонья. Из сарматских могильников соседних территорий (бассейна Салы и Маныча) в научный оборот введено всего 10 подобных могил, в подавляющем большинстве они относятся к раннесарматскому времени (I в. до н.э. – I в. н.э.) и рассматриваются исследователями как редкий тип погребальных сооружений⁴¹. Отметим, что в них отсутствует какая-либо конструкционная система: обе подбойные камеры в одной

³⁴ Арсеньева 1977, 63, табл. XV, 2.

³⁵ Алексеева 1978, 12, 19, 68.

³⁶ Малашев, Кривошеев 2022, 33, рис. 8, 14, 15.

³⁷ Яценко 1987, 166–176; Яценко 2016, 215.

³⁸ Беспальный 2023, 270, 271, табл. 303 (п. 518); 187, 188, табл. 209 (п. 361); 178, 179, табл. 195 (п. 345); 132, 133, табл. 141 (п. 247).

³⁹ Шелов 1972, 234.

⁴⁰ Симоненко 2011, 174.

⁴¹ Ильюков 2011, 122.

могиле могли находиться как в продольных стенках входной ямы, так и в двух смежных⁴² и это парные захоронения, а не коллективные, как в нашем случае. При этом, В.П. Глебов подчеркивает для данного региона отсутствие преемственности между представителями раннесарматской и среднесарматских культур⁴³, хотя традиция использования двухкамерных подбоев сохраняется дольше, нежели в Поволжье, откуда она приходит, но в I в. н.э., все-таки угасает.

Если обратить внимание на Центральный и Юго-Западный Крым, то можно наблюдать диаметрально противоположную картину. Начиная с рубежа эр двухкамерные подбои наряду с обычными подбойными погребениями получают достаточно широкое распространение на целой серии некрополей, отождествляемых с позднескифскими и сарматскими культурами⁴⁴. Отчасти такая тенденция объясняется миграцией сарматского населения и их активной интеграцией в этнокультурную жизнь региона⁴⁵. Один из наиболее примечательных двухкамерных подбоев на территории Крымского полуострова был выявлен при раскопках могильника Дружное. Прежде всего, погребение выделялось топографически, выходя за границы основной площади памятника⁴⁶. Как и танаисское погребение, могила 67 из Дружного является коллективным захоронением, где в каждом подбое было уложено по три человека. Однако существенное различие заключается в расположении погребенных: в могиле 67 в обеих камерах захоронение производилось не одновременно, а последовательно. Некоторые костяки были разделены специально просеянной земляной подсыпкой. Подобный элемент фиксируется только на территории могильника Дружное. Наиболее ранние погребения данного комплекса датируются второй четвертью III в. н.э.⁴⁷

Обнаружение двухкамерного подбоя с коллективным захоронением на некрополе Танаиса в совершенно несвойственный для Нижнего Подонья период, побуждает лишний раз обратить внимание на особенности взаимодействия греческого населения Танаиса с варварами в аспектах погребальной культуры. Наблюдаемая искусственная деформация черепа у большинства погребенных в могиле 8, а также конструкция подбойного типа, характерная для представителей сарматской археологической культуры позволяет говорить о принадлежности погребенных к сармато-аланскому населению Танаиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12/2). М.
Алексеева, Е.М. 1982: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12/3). М.
Амброз, А.К. 1966: *Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э. - IV в. до н.э.* (САИ Д1–30). М.
Арсентьева, Е.И., Горская, О.В. 2019: *Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции*. СПб.

⁴² Ильюков, Власкин 1992, С. 121–125

⁴³ Глебов 2017, 150–151

⁴⁴ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 110, рис. 4; 122, рис. 13; Труфанов, Стоянова 2023, 17, 43, 78; Журавлев, Фирсов 2007, 234–235.

⁴⁵ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 162.

⁴⁶ Храпунов, Масыкин 1998, 135.

⁴⁷ Храпунов, Масыкин 1998, 146.

- Арсеньева, Т.М. 1977: *Некрополь Танаиса*. М.
- Арсеньева, Т.М., Безуглов, С.И., Толочко, И.В. 2001: *Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.)*. М.
- Безуглов, С.И., Ильяшенко, С.М. 2016: Социальная элита Танаиса во II–III вв. н.э. (культурно-исторический облик). В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.)*. СПб., 181–186.
- Беспалый, Г.Е. 2023: *Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г.*: в 2 тт. Ростов-на-Дону.
- Вдовченков, Е.В., Ильяшенко, С.М. 2016: Древние ограбления некрополя Танаиса (к постановке проблемы). В сб.: Е.Н. Носов (ред.), *Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления*. (Тр. ИИМК РАН 46). СПб., 157–168.
- Глебов, В.П. 2017: Сарматские погребения из кургана 1 могильника у с. Кулешовка. *Нижеволжский археологический вестник* 16(1), 143–161.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 1 (Тр. ГИМ 205). М.
- Журавлев, Д.В., 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э.: (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. (МАИЭТ. Suppl. IX). Симферополь.
- Журавлев, Д.В., Фирсов, К.Б. 2007: Новые раскопки могильника Бельбек IV. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь, 233–248.
- Ильюков, Л.С. 2011: Двухкамерные подбои раннесарматской культуры Нижнего Дона. В сб.: *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии* (Материалы и исследования по археологии Юга России 3). Ростов-на-Дону, 104–118.
- Ильюков, Л.С., Власкин, М.В. 1992: *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов на-Дону.
- Кононов, В.Ю. 2023: Металлические гривны сармато-меотского населения Кубани эллинистического и римского периода (IV в. до н.э. – III в. н.э.). *ПИФК* 1, 19–32.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Максимова, М.И. 1950: Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (Раскопки 1938/39 г.). *Вестник государственного музея Грузии* 16-В, 221–274.
- Малашев, В.Ю., Кривошеев, М.В. 2022: Позднесарматские памятники Волго-Уралья. В сб.: Р.Д. Голдина (отв. ред.), *Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов*. Казань, 18–37.
- Неверов, О.Я. 1983: *Геммы античного мира*. М.
- Неверов, О.Я. 2016: Приложение 3. Геммы из могильника Бельбек IV. В кн.: Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Тр. ГИМ 205). М., 197–200.
- Новичихин, А.М. 2009: Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. *ВДИ* 1, 110–118.
- Симошенко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Стоянова, А.А. 2011: Гривны из памятников Крыма сарматского времени. *МАИЭТ XVII*, 116–140.
- Труфанов, А.А. 2007: Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь, 173–186.
- Труфанов, А.А., Стоянова, А.А. 2023: *Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.)* (Археологические памятники Северного Причерноморья 5). Симферополь.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* 4, 58–72.

- Храпунов, И.Н., Масякин, В.В. 1998: Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму. *РА* 4, 133–149.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А., Мульд, С.А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки. В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник II*. Симферополь, 105–168.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э.* М.
- Щербакова, В.С. 1980: Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса. В сб.: *Античные традиции и византийские реалии* (Античная древность и средние века 17). Свердловск, 94–103.
- Яценко, С.А. 1987: К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии. *СА* 4, 166–176.
- Яценко, С.А. 2016: Приложение 5. Костюм погребенных в могильнике Бельбек. В кн.: В кн.: Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Тр. ГИМ 205). М., 214–215.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient Beads from the North Black Sea Region*] (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12/2). Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1982: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [*Ancient Beads from the North Black Sea Region*] (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12/3). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. do n.e.* [*Brooches of the South European Part of the USSR of the 2nd Century BC – 4th Century AD*] (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–30). Moscow.
- Arsentyeva, E.I., Gorskaya, O.V. 2019: *Antichnye yuvelirnye izdeliya iz chastnykh sobraniy. Kol'tsa i perstni: katalog kolleksii* [*Ancient Jewellery from Private Collections. Rings: Catalogue of the Collection*]. Saint Petersburg.
- Arsenyeva, T.M. 1977: *Nekropol' Tanaisa* [*The Necropolis of Tanais*]. Moscow.
- Arsenyeva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001: *Nekropol' Tanaisa (raskopki 1981–1995 gg.)* [*The Necropolis of Tanais (Excavations 1981–1995)*]. Moscow.
- Bezuglov, S.I., Ilyashenko, S.M. 2016: Sotsial'naya elita Tanaisa vo II–III vv. n. e. (kul'turno-istoricheskiy oblik) [Social Elite of Tanais during II–III cc. AD]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2016 g.)* [*Elite of the Bosphorus and the Bosporan Elite Culture. Proceedings of the International Round Table (Saint Petersburg, November 22–25, 2016)*]. Saint Petersburg, 181–186.
- Bespalyu, G.E. 2023: *Nekropol' Tanaisa. Polevye issledovaniya uchastka zapadnogo nekropol'ya v 2012 g.* [*The Necropolis of Tanais. Excavations at the Western Necropolis Site in 2012*]. 2 vols. Rostov-on-Don.
- Glebov, V.P. 2017: Sarmatskie pogrebeniya iz kurgana 1 mogil'nika u s. Kuleshovka [Sarmatian Graves in the Kurgan 1 of the Burial Cemetery near Kuleshovka Village (Excavations 1982)]. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskii vestnik* [*The Lower Volga Archaeological Bulletin*] 16.1, 143–161.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [*The Belbek IV Necropolis of the Roman Period, Southwestern Crimea*]. Pt. 1 (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo Muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow.
- Ilyukov, L.S. 2011: Dvukhkamernye podboi rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Dona [Two-Chambered Undercut Grave of the Lower Don Early Sarmatian culture]. In: *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii* [*Funeral Rite of the Early Nomads of*

- Eurasia*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and researches on the archeology of the South Russia] 3). Rostov-on-Don, 104–118.
- Ilyukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992: *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* [Sarmatians between the Sal and Manych Rivers]. Rostov-on-Don.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Sarmatian Bronze Mirrors Genesis]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–72.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V. 1998: Mogila s dvumya podboyami III v. n.e. iz nekropolya Druzhnoe v Krymu [Tomb with Two Cut Niches dating to the Third Century AD from the Necropolis of Druzhnoye]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 133–149.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A., Mul'd, S.A. 2001: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Levadki [Late Scythian Cemetery near the Levadki village]. In: Yu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (eds.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisaray Historical and Archaeological Collection] II. Simferopol, 105–168.
- Kononov, V.Yu. 2023: Metallicheskie grivny sarmato-meotskogo naseleniya Kubani ellinisticheskogo i rimskogo perioda (IV v. do n.e. – III v. n.e.) [Metal Neck-Rings of the Kuban Sarmatian-Maeotian Population in the Hellenistic and Roman Times (the 4th Century BC to the 3rd Century AD)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 19–32.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev.
- Maksimova, M.I. 1950: Gemmy iz nekropolya Mtskhety-Samtavro (Raskopki 1938/39 g.) [Gems from the Necropolis of Mtskheta-Samtavro (Excavations 1938/39)]. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii* [Proceedings of the Georgian State Museum] 16–V, 221–274.
- Malashev, V.Yu., Krivosheev, M.V. 2022: Pozdnesarmatskie pamyatniki Volgo-Ural'ya [Late Sarmatian Sites in the Volga-Urals]. In: R.D. Goldina (ed.), *Arkheologiya Volgo-Ural'ya. T. 4. Epokha Velikogo pereseleniya narodov* [Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 4. The Great Migration Period]. Kazan, 18–37.
- Neverov, O.Ya. 1983: *Gemmy antichnogo mira* [Antique Gems]. Moscow.
- Neverov, O.Ya. 2016: Prilozhenie 3. Gemmy iz mogil'nika Bel'bek IV [Appendix 3. Gems from the Belbek IV Necropolis]. In: Gushchina, I.I. Zhuravlev, D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Belbek IV Necropolis of the Roman Period, Southwestern Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow, 197–200.
- Novichikhin, A.M. 2009: Yuvelirnye izdeliya iz raskopok nekropolya Gorgippii v 1987 g. [Jewelry from the 1987 excavations at the Necropolis of Gorgippia] *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 1, 110–118.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v III–I vv. do n.e.* [Tanais and the Lower Don in the 3rd–1st cc. BC]. Moscow.
- Shcherbakova, V.S. 1980: Kolleksiya gemm iz nekropolya v okrestnostyakh Khersonesa [Collection of gCms from the Necropolis near Chersonesus]. In: *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii* [Antique Traditions and Byzantine Realities] (Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages] 17). Sverdlovsk, 94–103.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports among the Sarmatians of North Pontic Region]. Saint Petersburg.
- Stoyanova, A.A. 2011: Grivny iz pamyatnikov Kryma sarmatskogo vremeni [Neck-Rings from the Crimean Sites from the Sarmatian Period]. In: *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVII, 116–140.
- Trufanov, A.A. 2007: Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymskoy Skifii [Mirror-Pendants of the First Centuries AD from the Crimean Scythia Necropoleis]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy* [Ancient Taurica. Papers Presented to T.N. Vysotskaya for Her 80th Birthday]. Simferopol, 173–186.

- Trufanov, A.A., Stoyanova, A.A. 2023: *Nekropol' Bel'bek IV (issledovaniya 2021 g.)* [*The Necropolis of Belbek IV (Excavations 2021)*] (Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya [Archaeological Sites of the Northern Black Sea Region] 5). Simferopol.
- Vdovchenkov, E.V., Iliyashenko, S.M. 2016: Drevnie ogrableniya nekropolya Tanaisa (k postanovke problemy) [Ancient Robberies of the Necropolis of Tanais (Problem Statement)]. In: *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simbolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient Cemeteries and Settlements: Post-Burial Rites, Symbolic Interments, and Grave Plundering]. (Trudy Instituta Istorii Material'noy Kultury [Proceedings of the Institute for History of Material Culture RAS] 46). Saint Petersburg, 157–168.
- Yatsenko, S.A. 1987: K rekonstruktsii zhenskoy plechevoy odezhdy Sarmatii [On the Reconstruction of the Female Shoulder Garments of the Sarmatians]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 166–176.
- Yatsenko, S.A. 2016: Prilozhenie 5. Kostyum pogrebennykh v mogil'nike Bel'bek [Appendix 5. Costume of Buried in the Belbek IV Necropolis]. In: Gushchina, I.I. Zhuravlev, D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [The Belbek IV Necropolis of the Roman Period, Southwestern Crimea] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow, 214–215.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I-III vv. n. e.: (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* [Red Slip Pottery of Southwestern Crimea of the First Centuries AD: Based on Materials from the Late Scythian Necropoleis of the Belbek Valley] (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Suppl. IX). Simferopol.
- Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B. 2007: Novye raskopki mogil'nika Bel'bek IV [Recent Excavations of the Belbek IV Necropolis]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy* [Ancient Taurica. Papers Presented to T.N. Vysotskaya for Her 80th Birthday]. Simferopol, 233–248.

A SHAFT-BI-CHAMBER GRAVE IN THE TANAIIS NECROPOLIS (2022)

Tatyana V. Egorova¹, Georgiy S. Chebyshev²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: tvegorova@yandex.ru ² E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com

In 2022, a team of the Joint Expedition of the Lomonosov Moscow State University and the Southern Federal University discovered a collective Grave 8 in the northern section of the Tanais necropolis. For the region between the Sala and Manych Rivers, it has a unique design in the form of a bi-chamber undercut with parallel rooms oriented along the west-east line. Judging by the inventory, the burial dates back to the second half (possibly the end) of the 2nd – early 3rd century AD. Typologically close burials in the region are known only at the turn of the 1st century BC – 1st century AD. Considering the artificial deformation of the skulls of most of the buried, they can be attributed to the Sarmatian-Alanian population of Tanais of the first centuries AD.

Keywords: Tanais, necropolis of Tanais, Sarmatians, Alans, burial structure

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 231–271
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 231–271
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-231–271

ХРАМ ЗЕВСА ГЕНАРХА С ПОСВЯТИТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ ЦАРЯ ФАРНАКА НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Н.И. Винокуров¹, В.П. Яйленко²

¹ *Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

² *Независимый исследователь, Москва, Россия*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru* ² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

¹ *ORCID: 0000-0001-7787-6527* ² *ORCID: 0000-0002-9844-6259*

В 2023 г. на южном теменосе городища Артезиан обнаружены строительные остатки и ордерные детали храма Зевса Генарха. Согласно посвяtitельной надписи на архитраве, он был сооружен царем Фарнаком (63–51/50 гг. до н.э.). Ордерные детали сохранились в хорошем состоянии благодаря вторичному использованию их в качестве заклада подбойного погребения IV в. н.э. и жертвенных ям вокруг него. От храма остался мощный фундамент, он покоится на фундаменте предшествующего храма чуть большего размера. Скорее всего, этот предшествующий храм был основан при Митридате Евпаторе и разрушен землетрясением 63 г. до н.э. Возможно, после одержанной вблизи Артезиана победы над крымскими скифами Фарнак выстроил новый храм в честь Зевса Генарха. Наряду с храмом в состав южного теменоса входили два алтаря, западный и восточный. Здесь найдены голова и обломки большой беломраморной статуи Зевса.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Артезиан, Митридат VI, Фарнак, посвяtitельная надпись, храм Зевса Генарха, статуя Зевса, алтари

Данные об авторах. Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова, директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН; Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

Рис. 1. Месторасположение городища Артезиан
 Fig. 1. Location of the Artezian settlement

В 2023 г. за пределами акрополя городища Артезиан (рис. 1) обнаружены необычные комплексы находок, которые привели к открытию южного теменоса начала – середины I в. до н.э., включая алтари и строительные остатки храма Зевса Генарха и Сотера. Самой значимой по информативности оказалась находка почитательной двухстрочной надписи царя Фарнака, наиболее крупной из всех лапидарных документов, обнаруженных на городище. Название храма и время его основания стали известны из текста Фарнака, высеченном на нескольких блоках архитрава его фриза.

1. ОТКРЫТИЕ ХРАМА И НАДПИСИ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

С 2005 г. на террасах южнее акрополя городища исследовался квартал регулярной застройки, стратиграфически и планиметрически связанный с цитаделью «О»¹, включая террасированный монументальный комплекс 4², разрушенный землетрясением 63 г. до н.э.³ Южный теменос городища находился в пределах кварталов застройки цитадели «О»⁴ вместе с комплексом 4. Здесь были открыты остатки фундамента храма дорического ордера Зевса Генарха и Сотера, квадратное основание восточного беломраморного монументального алтаря 2022 г. в ионическом стиле⁵ и западный алтарь с емкостью для сбора жертвенных возлияний. Они ориентированы по линии ВЗ, единой с зольником 2 (рис. 2–4).

¹ Винокуров 2022, 16.

² Винокуров 2012, 105–112, рис. 46–47.

³ Блаватский 1977, 55–59; Никонов 2000, 53–62; Винокуров, Никонов 2004, 95–103; Винокуров и др. 2015, 51–66.

⁴ Винокуров 2021, 15–16.

⁵ Сапрыкин, Винокуров, 2024.

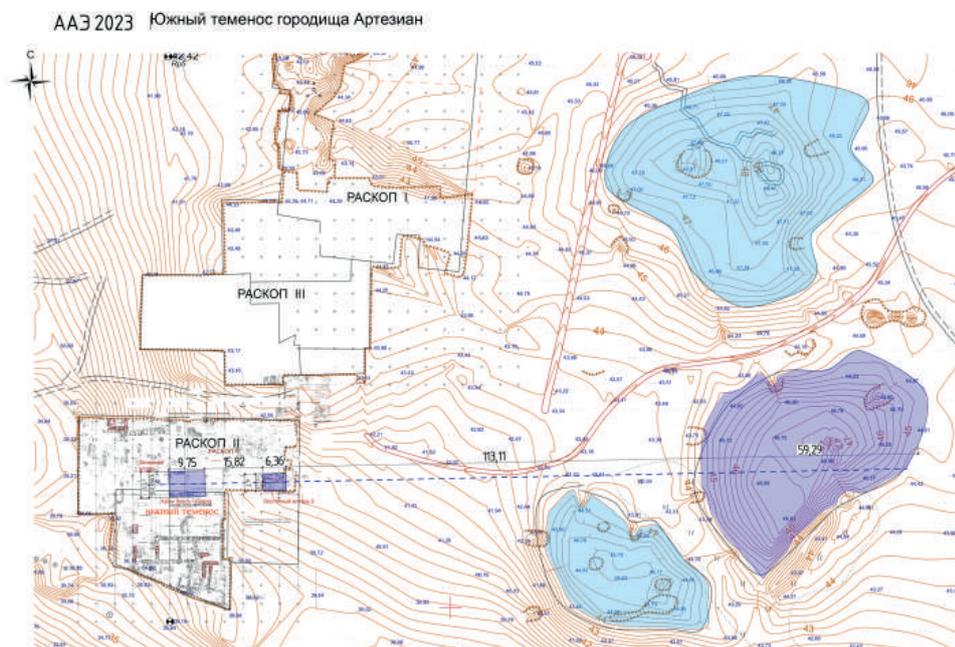

Рис. 2. План-схема южного теменоса городища Артезиан
Fig. 2. Plan-scheme of the southern temenos of the Artezian settlement

Рис. 3. Отрофотоплан раскопа II с объектами южного теменоса
Fig. 3. Photographic plan of Excavation Site II with objects of the southern temenos

Рис. 4. План-схема и панорамы южного теменоса и фундаментов храма Зевса Генарха. Вид сверху с юго-запада и северо-запада

Fig. 4. Plan-scheme and panoramas of the southern temenos and foundations of the temple of Zeus Genarchos. Top view from the SW and NW

Северо-восточнее фундаментов храма в 2023 г. в яме 785 было раскопано необычное позднесарматское (?) подбойное погребение 20 IV в. н.э., окруженное несколькими жертвенными ямами (рис. 6, 1–2). Они располагались между фундаментами храма и алтаря 2022 г., к тому времени, скорее всего, руинированных. В подбое в восточном борте ямы 785 был уложен в вытянутом положении на спине убитый стрелой воин, возможно, принадлежавший к позднесарматской элите в сопровождении небогатого инвентаря. Вместительные входной ямы 785, пространство погребальной камеры гробницы 20/2023 были тщательно закрыты каменным закладом, состоявшим практически целиком из нескольких десятков архитектурных деталей дорического ордера и их фрагментов, находившихся во вторичном использовании⁶. Детали уложены в несколько ярусов, прослоены бутом, обломками плит и блоков. В верхнем ярусе заклада залегали барабаны колонн, которые перекрывали плиты фриза дорического ордера с триглифами и карнизы, а также большой блок архитрава с почитательной надписью царя Фарнака, перевернутой текстом вниз. В среднем и нижнем ярусах находились карнизы и архитравы, абака, квадры с рустами, части алтарных и надгробных плит. На двух обломках блока архитрава обнаружено продолжение надписи. Они были перевернуты на лицевую сторону. Даже небольшой фрагмент надгробия с частично сохранившейся трехстрочной эпитафией в закладе могилы был обращен надписью вниз – стандартный прием переворачивания, изменения сущности сакрального предмета, сокрытия при захоронении (рис. 6, 3). Такой магический прием хорошо известен по другим лапидарным находкам на городище, связанным с постройкой поздней цитадели.

Общий вес находок храмовых ордерных находок, плит и квадров превысил 20 тонн. Самые тяжелые и массивные блоки фризов с триглифами и метопами в закладе ямы 785 и гробницы лопнули на несколько частей. Барабаны колонн дополнились частично сохранившимся отесанным скругленным блоком, возможно, абакой капители (рис. 5). Найдены также другая прямоугольная абака качественной работы, части фронтона, плиты и блоки карнизов и ската крыши с подтесанным местом под фигурные сливы или акротерии со свинцовыми сквозными заливками⁷. Среди архитектурных деталей присутствовала и грубо обколотая глыба мшанкового известняка с заглаженной выемкой в виде овала неправильной формы. Возможно, это был алтарь или особая чаша для сбора жертвенной крови или совершения омовений, которая уцелела от храмовой утвари. Западнее храма найден в зольных сбросах обломок карниза дорического ордера⁸. Ордерные детали карнизов открыты и в соседних синхронных ямах.

⁶ В закладе найден единственный фронтон ионического ордера, возможно, от внутреннего убранства храма. Определен В.П. Толстиком при визуальном осмотре, за что выражаем большую признательность. Характер и особенности его обработки позволяют говорить о синхронности его с большинством других элементов украшения храма, возможно, изготовленных в одной мастерской.

⁷ Все блоки архитектурных деталей имели на торцах и тыльной стороне вырубленные пироны. В углублениях пиროнов в отдельных случаях остались остатки железных штырей и свинцовых заливок. Пироны имели различную глубину и форму, чаще всего прямоугольную, квадратную и Т-образную, реже – в виде ласточкиного хвоста. На обороте блоков сохранились цифровые метки камнетесов, глубоко и четко прорезанные: А, В, Г и Д, Н. У всех альфа ломаная гаста.

⁸ В развале помещений средневекового здания салтовского времени над храмом Зевса Генарха найдены два оббитых больших алтаря-подставки в виде столбов прямоугольного сечения на расширяющемся трапециевидном основании и округлым чашевидным углублением с противоположного торца из рыхлого ракушечника (к.о. 83–84/2023), которые могли находиться там во вторичном использовании, будучи добытыми из разрушенных храмовых построек.

Рис. 5. Верхний ярус заклада ямы 785 и погребения 20/2023 с барабанами колонн и архитравом с надписью Фарнака
Fig. 5. Upper tier of the filling of Pit 785 and Grave 20/2023 with column drums and an architrave with the inscription of Pharnaces

Рис. 6. 1–2 – погребение 20/2023 после расчистки. Вид с юга и юго-запада; 3 – закладная плита погребения с частью архитрава с надписью Фарнака
Fig. 6. 1–2 – Grave 20/2023. View from S and SW; 3 – burial foundation slab with part of the architrave bearing the inscription of Pharnaces

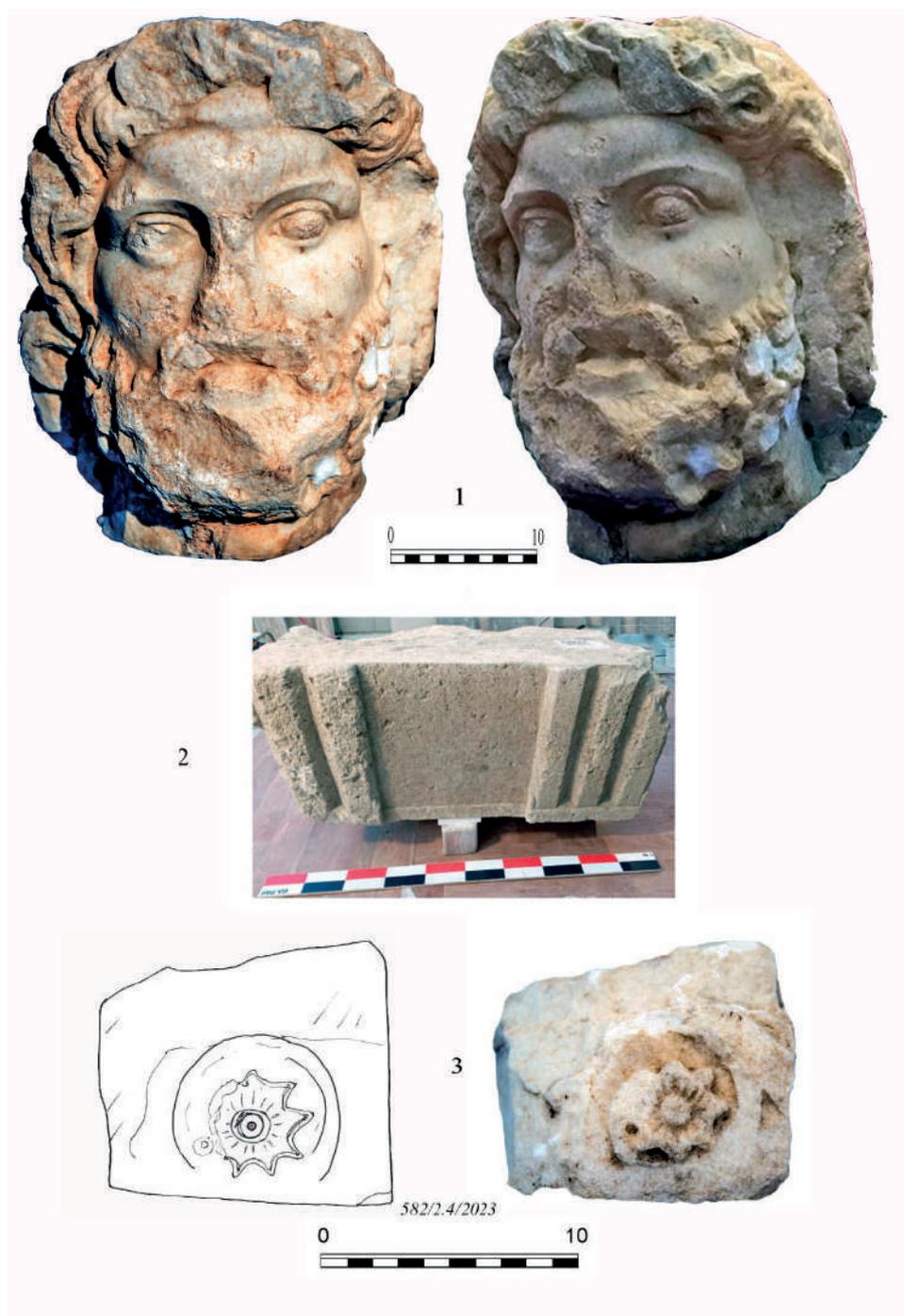

Рис. 7. 1 – голова статуи Зевса Генарха; 2, 3 – архитектурные детали храма Зевса Генарха
Fig. 7. 1 – head of the statue of Zeus Genarch; 2, 3 – architectural details of the temple of Zeus Genarch

В совокупности, в закладе гробницы 20/2023 и ямы 785 найдено несколько десятков целых и фрагментированных архитектурных ордерных дорических элементов, квадров с рустами и выборками да их обломов, блоков и плит различных размеров из известняка. Среди них архитравы, фризы, карнизы, барабаны и абака колонн, угловые детали фронтона (рис. 7, 2–3). Встречались также многочисленные обломки беломраморных плит, ордерных элементов, фрагментов скульптуры. Несколько самых массивных карнизов остались, скорее всего, от раннего храма времени Митридата Евпатора, разрушенного, возможно, в 63 г. до н.э. катастрофическим землетрясением.

В придонной части соседней жертвенной ямы 789, куда была сброшена по- смертная тризна, была установлена особая конструкция из вертикально вкопан- ных четырех менгиров – массивных блоков архитрава, карнизов и фриза дориче- ского ордера. Они символически охраняли череп молодой лошади, повернутый кверху зубами. Узкой частью он ориентирован точно к западу; нижняя челюсть отсутствовала.

В раскопанной к ЮЗ от погребения и ямы 785 синхронной им жертвенной яме 779, между фундаментами храма Зевса Генарха и квадратным основанием под мраморный монументальный алтарь, найдена голова большой беломраморной статуи⁹ – облик длинноволосого зрелого широколобого бородатого мужчины, с диадемой, со спокойным властным выражением лица (рис. 7, 1). находка исклю- чительна для Боспора, аналогии представлены среди эллинистических скульптур из Малой Азии и Средиземноморья: например, голова Зевса из Археологического музея Фессалоник и более поздние римские копии из Эфесского музея, Римского национального музея, ГЭ¹⁰. Не исключено, что артезианский храм был связан с почитанием обожествленных боспорских династов. Намеком на царское досто- инство изображенного персонажа может выступать широкая диадема в верхней части лба под волосами¹¹. Можно предположить, что статуе Зевса Генарха могли быть приданы черты Фарнака.

Судя по размерам головы (диаметр 192 мм, высота 240 мм), статуя соответ- ствовала среднему росту человека. Она исполнена высококлассным мастером в позднеэллинистической традиции из массива белого мрамора с небольшими свет- ло-серыми прожилками. Скульптура стояла в самом храме или перед ним, на пря- моугольном мраморном возвышении, обломки которого тоже найдены в южной части городища на раскопе II. Лицо повреждено, части завитков прически, нос и верхней губы отбиты в древности. Некоторые характерные выбоины остались по- сле ее обстрела пращевыми ядрами. Верх головы статуи намеренно уплощен под наставной головной убор, диадему или венки: сохранились следы неглубоких вы- емов для его фиксации. Большие куски массивных беломраморных плит прекрас- ной обработки обнаружены в средневековых перекопах по всему раскопу, гораздо

⁹ К.о. 10/2023.

¹⁰ Фессалоники, Археологический музей (<https://ru.pinterest.com/pin/thessaloniki-archaeology-museum--860750547502889284/>); Эфес (https://commons.m.wikimedia.org/wiki/File:EAM_-_Flavian_Head_of_Zeus.jpg); Рим, Римский национальный музей, Палаццо Альтемпс. Инв. № 8635, <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=4047>), ГЭ – слепок головы Зевса с оригинала IV в. до н. э., инв. НИМ РАХ КП-187/4. С-2434.

¹¹ На наличие диадемы или повязки под волосами на голове Зевса обратила внимание Е.А. Са- востина, за что сердечно благодарим.

реже встречаются мелкие обломки частей статуй: сколы со складками одежды, части рук – но вне синхронных храму Зевса Генарха слоев. Фрагменты рук и часть туловища статуи обнаружены западнее в соседней жертвенной яме 836 в 2024 г.

Фундаменты храма Зевса Генарха по системе кладки близки к подпорным стенам террас¹². Это не удивительно, так как они сооружены в одно время. Они выполнены из похожего материала: ломаного по слою ожелезненного мшанкового известняка, по аналогичной с подпорными стенами строительной схеме. Как правило, применялся камень грубой околки крупных и средних размеров. В качестве соединительного раствора использована желтая и серо-коричневая пластичная вязкая глина. На западе углы здания храма укреплены огромными глыбами мшанкового известняка, так как располагались на понижении рельефа и должны были нивелировать огромное давление всей конструкции на западную террасу, расположенную ниже по склону¹³.

Здание храма прямоугольной формы точно ориентировано по оси З–В. Выделено два строительных периода: первый храм появился здесь, по-видимому, при Митридите VI сразу после перепланировки и террасирования склона возвышенности, второй – при Фарнаке¹⁴.

В первый период основания храма были более массивны, но размеры меньше позднего: длина 7,04/7,06 м, ширина 7,25/7,30 м. Его наос был почти квадратным¹⁵. Судя по плану, это был скорее всего простой храм в антах с двумя колон-

¹² Фундаменты храма были установлены на подрезанную насыпь центральной террасы с находками эллинистического времени, поверхность которой частично выровняли в ходе работ до материкового грунта. Фундаменты очень массивны, в ширину до 1,20 м. Это были двухлицевые двухслойные однорядные, близкие к иррегулярным, кладки, сложенные довольно аккуратно на глине из больших и средних, грубо обколотых, блоков и плит мшанкового ожелезненного известняка. Основным материалом нижних рядов служили крупные, грубо обколотые, рваные глыбы и плиты мшанкового известняка, без видимой обработки, выломанные по слою во время добычи камня в карьерах. Реже в кладке применялись обработанные блоки и плиты, некоторые обожжены до красно-бурого цвета.

¹³ Ближайшие карьеры по добыче известняка находятся в прямой видимости от Артезиана, с севера и юга водораздела урочища, на расстоянии немногим более 2 км. Удобнее всего было доставлять камень с северного склона, там глубина подходящей к мысу городища балки была не столь велика, как южной. Да и заболоченных участков там не было, как на южном склоне урочища.

¹⁴ Первый храм дорического ордера был массивным по конструкции и отличался, скорее всего, значительной высотой. Вероятно, он разрушен землетрясением 63 г. до н.э. Для его кровли использовалась каменная черепица из известняка, остатки которой найдены во вторичном использовании на многих участках раскопа и в перекрытиях могил ЮЗ некрополя городища. Второй храм построен Фарнаком на фундаментах раннего, он не столь массивен – его фундаменты уже, архитектурные детали выполнены по меньшему архитектурному модулю. Фундаменты хорошей сохранности, бутовые, на глине, сложены из прочных ожелезненных массивных глыб рифового мшанкового известняка. Особенно большие из них, весом до тонны, фиксировали углы строения. Здание храма сложено с учетом неровного рельефа местности, его стены выполняли и подпорные функции. Строительные траншеи заглублены в материковый грунт. Пространство между фундаментами храма и бортом траншей заполнял серо-коричневый грунт, без датированных находок. Промежутки между стенами фундамента засыпан одновременно серым зольным грунтом с крупными углями, в котором найдена медная пантикапейская монета ок. 120–110 гг. до н.э. (Анохин 1986, № 175).

¹⁵ Наос образовывали пересечения впереплет кладок фундаментов южной стены 17, западной 17.1, северной 17.2, восточной 17.5 (затем 17.4). В пронаосе сохранился выступ южного анта (северный, видимо, был разобран), он расширен с внешней стороны восточного фундамента стены 17.5, с ЮВ угла здания. К счастью, его не затронули выборки, поэтому конструкция и форма антового выступа вполне понятны. Это прямоугольник размером 0,74x1,58 м, вытянут с юга на север, пристроен

нами на главном фасаде, входом, направленным на восток – на алтарь 2022 г. и зольник 2.

Ширина фундаментов стен храма достигала 0,90–1,10 м, сохранившаяся высота – до 0,85 м. Они заглублены в насыпь террас до 1,30–1,50 м. Площадь наоса храма по внешним границам – 51,47 м², площадь внутреннего его пространства размерами 5x5 м – 25 м². Последний показатель очень близок к внутренним параметрам южных помещений комплекса 4 цитадели «О». Их площадь (с запада на восток) составляла: 26,67, 28,61 и 25,38 м². И это не случайно, они синхронны и строительный модуль, которым руководствовались архитекторы, был похожим, если не единым.

Нумизматические находки в насыпи террас вдоль основания первого храма¹⁶ подтверждают, что тот основан при Митридате VI. Внутри наоса храма, в зольной насыпи между стен, обнаружено несколько эллинистических медных монет, в том числе, пантикапейский дихалк типа «сатир/рог изобилия между шапок Диоскуров» серии ок. 120–110 гг. до н.э.¹⁷ В траншее выборки стены восточной стены наоса 12.5 найдена также пантикапейская монета начала I в. до н.э. типа «треножник/звезда»¹⁸. Такая же происходит из зольного грунта насыпи ранней террасы к югу от подпорной стены 57, который обвалился внутрь ямы 789.¹⁹

Храм Зевса, мощная ранняя цитадель и прилежавшие здания времени Фарнака хорошо иллюстрированы археологическими материалами и хронологическими индикаторами. Нумизматических данных достаточно, но они требуют дальнейшего изучения в общем контексте найденных новых эпиграфических документов. Далеко не случайно, как считал М.Г. Абрамзон²⁰, пантикапейский обол времени Фарнака оказался самым ранним из монет на участке цитадели Артезиана этого периода, без учета перечисленных монет II–I вв. до н.э., обращавшихся при Митридате, в подстилающем предматериковом горизонте.

Цоколи стен и кладки храма не сохранились, они выбраны в позднеантичное и средневековое время²¹. Полы храма, вымощенные в древности беломраморной вплотную к кладке 17.5. Отличался массивностью, сложен из средних по размеру бутовых камней. Выступ служил основанием южного анта на переднем фасаде храма и был опорой антаблемента. С северной стороны подобный выступ не сохранился, так как был разобран при позднейших перестройках.

¹⁶ В пространстве между фундаментом 57 и северной стеной 17.2 храма, ближе к южному фасаду кладки 57, в зольной насыпи террасы над погребенной почвой горизонта «В» найдены медные пантикапейские монеты типа «треножник/звезда» (Анохин 1986, № 203) начала I в. до н.э. с (к.о. 143–144/20023). Монеты из коллекции ААЭ любезно определены М.Г. Абрамзоном и М.М. Чорефом. Выражаем сердечную признательность коллегам.

¹⁷ К.о. 138/2023. Анохин 1986, № 175.

¹⁸ К.о. 145/2023. Анохин 1986, № 203.

¹⁹ К.о. 146/2023. В 2005 г. открыты и более ранние материалы, фиксирующие время сооружения террас. Так, с внешней стороны западной стены 17.1 храма найдена медная пантикапейская монета сер. III в. до н.э. (с треножником?) (к.о. 33/2005), фрагменты стенок и профильных частей амфорной тары IV–III вв. до н.э. (преимущественно Фасоса, Хиоса, Менды, Синопы, Гераклеи). Конечно, можно предполагать, что теменос городища с храмовыми комплексами и алтарями был основан в IV–III вв. до н.э., но прямых доказательств этому предположению нет.

²⁰ Абрамзон, Винокуров, 712–743.

²¹ По аналогии с фасадами комплекса 4, квадратные рустованные стены храма могли быть сложены из квадров и блоков, насухо, по постелистой тычково-ложковой схеме. Не исключено наличие элементов мозаичной, шахматной кладки, подобно уцелевшим стенам комплекса 4 и 12, синхронных цитадели «О», которые сложены всухую между вертикальными рядами. Хорошо отесанные

тонкой плиткой, также не уцелели, от них остались в перекопах небольшие осколки хорошо отполированного облицовочного мрамора.

Стены храма покрывала двухслойная агломератовая известковая штукатурка, окрашенная гематитом в красно-бордовые тона, множество мелких кусков которой остались в слое террас и ямах после разрушения храма. Сохранились отдельные ее фрагменты с росписью белой краской и уцелевшими сколами граффити в виде тамг.

Все открытые кладки фундаментов заметно деформированы сейсмическими воздействиями, поведены, контуры их искажены в плане²². Вероятно, разрушенный землетрясением 63 г. до н.э. прежний храм был разобран и перестроен при Фарнаке. Новое здание возведено непосредственно на старых фундаментах, разобранных к тому времени до двух нижних вертикальных рядов кладки. Храм Фарнака был большего размера и почти полностью повторял план первого, но был удлинён в восточном направлении за счет переноса восточной стены 17,4 на 2,12 м от прежней границы (кладки 17.5). Восточное продолжение северной и южной кладок фундамента выходило за пределами старых оснований. Здесь шло повышение склона, поэтому новые фундаменты выстроены уступами, чтобы компенсировать перепад высот террасы. Подошвой под ними служил выровненный очень плотный материковый грунт с песчаниковыми и железистыми конкрециями. Южная и северная кладки фундамента второго строительного периода заужены. Они сдвинуты внутрь на 0,16–0,28 м от линии внешнего фасада прежнего фундамента первого периода. Нижние ряды старой кладки были шире верхних, по этой причине на месте их стыковки образовался в фундаменте технологический выступ. Вполне возможно, более тонкие основания стен могут свидетельствовать о том, что храм Фарнака был ниже первого, фундаменты которого были заметно массивнее и выложены из более крупных камней. В результате уменьшения толщины фундаментов все основание наоса стало немного уже, до 6,77 м. Точнее сказать сложно, так как кладки второго периода не сохранились полностью. Они

квадры и блоки, которые были в кладке храма, обнаружены вместе с ордерными деталями в закладе позднеантичных ям. Некоторые из них имели пироны, вырезы правильной формы под стыковку с плитами, блоками и балками. Подобные квадры из белого и желтого известняка во вторичном использовании широко применялись в постройках первых веков, раскопанных на участке. Скорее всего, они также были добыты их руин храма.

²² По фасаду кладок прослеживаются нарушения их структуры, выдавливание и вываливания камней на фасадах, трещины. Некоторые камни сдвинуты с первоначального места, выдвинуты за линию их фасадов. Следы воздействия направленных и сильных сейсмических импульсов фиксировались разворотами отдельных камней в кладках, сколами краев глыб и плит, сквозными диагональными трещинами некоторых из них. По западному внешнему фасу ширина основания фундамента храма достигала в нижнем ряду 7,50 м за счет использования по углам огромных глыб мшанкового известняка. Это было необходимо, так как он располагался ниже по склону. Такое усиление требовалось для прочности всей конструкции здания. Не случайно использование в кладке других массивных глыб и плит с рваной необработанной поверхностью. Они зачастую располагались по всей толщине кладок, перекрывая стыковочные щели нижних рядов, дополнительно пролитых вязким глинистым раствором. Тем самым достигалось лучшее сцепление камней в кладке, предотвращалось нежелательное их смещение, просадки, подвижки камней под большой нагрузкой, особенно возможной при сейсмических колебаниях малой и средней мощности. Каждый такой камень представлял своего рода замок в вертикальных рядах и горизонтальных слоях кладки. В этой связи использование огромных глыб по углам западного фасада здания и камней с рваной поверхностью, перевязка слоев в рядах являлись особыми антисейсмическими приемами, которыми древние строители владели мастерски, особенно в районах, где была опасность землетрясений и была необходимость добиться особой прочности несущего каркаса строительной конструкции.

оказались инкорпорированы в кладку средневековой постройки и значительно выбраны. Длина наоса нового храма не менее 9,40/9,60 м. От восточного фундамента стены 17.4 сохранился лишь внутренний фас, поэтому точная ширина кладки осталась неизвестной. Можно допустить, что она соответствовала толщине других стен второго строительного периода и составляла 0,90/0,96 м. Таким образом, общий размер храма Фарнака увеличился, при уменьшении толщины фундамента. Его площадь по периметру стен была около 64,22 м², внутреннего пространства – 38 м² (5x7,6 м). Размер пронаоса неизвестен. Выступы-анты второго строительного периода не сохранились, но продолжение стен – возможные антовые завершения главного фасада – прослеживались по подрезкам в материковом грунте, направление и ширина которых совпадали с ориентацией северной и восточной стен постройки.

Тип планировки храма во втором строительном периоде, скорее всего, остался прежним, лишь в плане изменились немного пропорции и форма наоса от почти квадратной до прямоугольной. Ширина храма Фарнака недостаточно значительна, чтобы предполагать его планировку как простиль с рядом колонн на фасаде²³.

Другим фактором для правильной реконструкции храма может служить пояс блоков архитрава фасада с двухстрочной посвятителной надписью Фарнака (рис. 8). Части архитрава, от угловой стороны и фасадной части храма, найдены на ограниченном участке. Архитрав из ямы 789, конструктивно подобный блокам с надписью Фарнака, не имеет следов букв. Вся его лицевая поверхность, выходящая на фасад, старательно сколото долотом или зубилом. Не исключено, что и здесь была надпись, но она уничтожена камнетесами. Был ли это блок с началом надписи, сказать невозможно. При этом титулатура Фарнака на следующей далее части архитрава срезана выборкой лицевой стороны. Вероятно, это следы *damnatio memoriae* – стремления стереть память о царе Фарнаке, правителе Боспора и Понта, наследственном противнике римлян. Почему осталось его имя на сохранившейся части надписи, не понятно. Возможно, посвящение Зевсу на второй строчке остановило осквернителей его памяти. Неясно только, когда это произошло: при Асандре или позднее, после 46 г. н.э., когда городище было захвачено и сожжено войсками Котиса I и римлян.

Пока время разрушения храма в точности не установлено. Но абсолютно достоверно, что после сейсмической катастрофы второй половины III в. н.э. он был в руинах. Позднее, возможно, на теменосе был восстановлен только мраморный восточный алтарь, сильно поврежденный землетрясением, но подлежавший менее затратной по вложениям реконструкции. Наконец, в IV в. и алтарь был окончательно разрушен. Его беломраморное убранство, украшения, рельефные детали, плиты разбиты. Их обломки разбросаны по всем южным террасам и попали в поздние ямы. Из храмовых развалин в этот период активно выбирался камень для каких-то строительных целей. Именно оттуда и был взят подходящий храмовый материал – ордерные детали, блоки и квадраты для заклада могилы 20/2023 над за-

²³ Такая конструкция могла обеспечить более надежную опору портика, который мог выступать из главного фасада здания, но скорее всего, не в данном случае, где композиция храма в антах могла не меняться при воссоздании его после землетрясения. Как только будет понятна расчетная нагрузка основного фасада на фундамент, можно будет точнее реконструировать план артезианского храма второго строительного периода.

хоронением убитого воина и ритуально-жертвенных ям позднеантичного погребального комплекса. Оставшийся строительный материал был использован уже в салтовскую эпоху.

Найденные на раскопе II ордерные детали распадаются на две группы, заметно отличные друг от друга. Одна включает детали больших размеров, массивные, изготовленные в основном из плотного бело-серого известняка. Вторую группу составляют детали меньших размеров. Они выполнены из бело-желтого известняка, менее твердого и плотного по структуре и не столь тяжелого²⁴. В настоящий момент храмовые элементы – барабаны колонн, абаки, архитравы, карнизы, фриз, угловые детали ската крыши оцифрованы, фотограмметрированы²⁵. Они находятся на стадии первичной обработки. Завершение обмеров всех ордерных деталей и просчеты их архитектурных модулей позволят перейти к реконструкции и моделированию храмовых построек двух строительных периодов.

2. ТЕКСТОЛОГИЯ НАДПИСИ ФАРНАКА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Фарнак получил царскую власть на Боспоре в 63 г. до н.э. от римлян за измену отцу, Митридату VI, и правил тут по 51/50 г., когда удалился в Понт. Стало быть, его votивная надпись относится ко времени между 63–51/50 гг. Она сделана на дорическом архитраве храма; на нем покоился не сохранившийся фриз с метопами и триглифами, на что указывают полочки с гутами от триглифов под верхним обрезом архитрава (рис. 6, 8). Как явствует из ее содержания, храм посвящен Зевсу Генарху и Сотеру. Архитрав из бело-желтого известняка, его часть с надписью ныне расколота на три фрагмента – А, Б, В, два последних в контакте, между фрагментами А и Б текст утрачен²⁶. Размер лакуны меж фрагментами

²⁴ Единственная деталь ионического ордера из второй группы – изящный фриз с характерными «сухариками» – изготовлена именно из такого желтоватого известняка (к.о. 1.13/2023). Обработка поверхностей и размерные характеристики при визуальном осмотре во многом близки.

²⁵ Фотограмметрия храмовых ордерных деталей проведена сотрудником ААЭ, доцентом МПГУ Г.В. Блудновым при активном и деятельном содействии сотрудников ВКИКМЗ. Особую признательность за помощь в работах хотелось выразить главному хранителю Т.В. Быковской и заведующему лапидарием Н.Л. Кучеревской.

²⁶ На первом блоке (А) архитрава из бело-желтого известняка с сохранившимися полочкой и гутами надпись в две строки (к.о. 70.1/2023). Толщина блока А архитрава: 21,5/21,8 см – верх, низ 19,5/19,7 см, длина 76,5 см (по верху), 83 см (по низу), высота 36,5 см. Средняя часть продолжения надписи не найдена. Сохранившаяся длина надписи на первом архитраве 70,5 см, высота 17 см. Шрифт надписи четкий, красивый, строгий, с характерными засечками по краям букв. Высота букв – 6 см, ширина – 1,5–6/7 см. Расстояние между строками – 5–5,2 см. Первая строка отстояла от верхнего края плиты на 12 см, вторая от нижнего на 8 см. Высота верхней полочки блока 6 см, ширина (глубина) 3 см; общая с полочкой с гутами 6,5 см. Длина полочки с гутами (6) – 30 см, высота 2 см, расстояние между гутами по низу 3 см, высота гут 1,8 см, ширина 2,7 см. Шаг разметки полочек с гутами – 30 см. Этот блок архитрава не стыкуется с вторым блоком с односторонней надписью (к. о. 70.2–3/2023).

Второй блок архитрава расколота на три части. На первых двух его фрагментах – (Б и В) оказалось завершение надписи, на третьем угловом фрагменте (Г) надписи не было. Найденные три части блока 2 (Б, В и Г) сильно оббиты, особенно пострадали полочки с гутами. Но продолжение и завершение посвятельной надписи царя Фарнака в одну верхнюю строку сохранились вполне хорошо. Длина надписи на блоке 2 архитрава 79,7 см. От верхнего края блока архитрава до надписи расстояние составляло 11,5–12 см (от засечек до собственно букв), от нижнего края – 19 см. Общая длина фрагмента блока 2–3: 106/109 см, высота 36,6 см, толщина 19,5 см (верх), 17 см (низ). Размер

А и Б невелик, т.к. может быть установлен по расположению стк. 2 (см. ниже). Надпись двухстрочная, стк. 1 длинная, стк. 2 короткая, сохранилась лишь на фрагменте А, конец ее уходит в лакуну между А и Б: Δὶ Γενάρχηι καὶ Σωτ[ήρι]; по содержанию она самодостаточная, вполне законченная, так что не нуждается в каких-либо дополнениях ни слева, ни справа. Сохранный текст стк. 1 на фрагменте А: ΡΦΑΡΝΑΚΗΣ *rasura* ΚΡΑΤΗ, на фрагменте Б+В: ΡΑΝΕΟΝΩΝΑΝΕΘΗΚΕ. Упомянутая разура представляет собой выщерблину площадью на 1–2 буквы, она существовала на камне до нанесения надписи, потому-то резчик и сделал небольшой отступ после имени царя. Перед ΦΑΡΝΑΚΗΣ сохранилась головка буквы Ρ, ровно такая же и в имени Фарнака. В официальных надписях титулатура царя предшествовала его имени или следовала после него; в нашей надписи она предшествующая, так что буквой Ρ заканчивался титул и есть лишь два варианта его дополнения – [Σωτή]ρ «Спаситель» или [φιλόκαισα]ρ «друг цезаря», из которых для второго время еще не пришло²⁷. У отца Фарнака Митридата Евпатора был титул σωτήρ καὶ εὐεργέτης (надпись из Нимфея, см. ниже), Фарнак вполне мог получить его в качестве дописка к отцовскому титулу βασιλεὺς βασιλέων μέγας «великий царь царей», мог получить его и сам на Боспоре от какого-либо города, как Митридат от нимфейцев²⁸. Поэтому дополняем перед именем Фарнака титул [Σωτή]ρ²⁹. Открывается царская титулатура словом βασιλεὺς, за которым следовали другие ее члены. Известная нам титулатура Фарнака такова: βασιλεὺς βασιλέων «царь царей» на его статерах 55/4–51/50 г., βασιλεὺς βασιλέων μέγας «великий царь царей» в КБН 28 и на свинцовой бирке из Керчи; титул, как сказано, унаследован от отца Митридата (ТБР, 215, 277–278). Хотя Помпей дал Фарнаку звание «друга и союзника римлян» (App. Mithr. 113: φίλον καὶ σύμμαχον Ρωμαίους), царь поначалу пользовался им, но частично³⁰, затем ввиду своих антиримских убеждений не включал в свою официальную титулатуру (ТБР, 278)³¹. Напротив,

первой и второй частей блока соответственно: 73,5x36,5x19,5 см (Б), 45,6x36x19,5 см (В). Шаг разметки полочки с гуттами 30 см.

Третий фрагмент второго блока (Г) хорошо состыковывался по линии разлома со вторым фрагментом архитрава (В) с окончанием посвятителной надписи Фарнака. Размер третьего фрагмента блока: 62,5x35,5x18,5 см. На его обороте высечены метка каменотесов в виде буквы: «Н», на постели – прямоугольный глубокий паз под пирон. Шаг разметки под полочку с гуттами 30 см.

Обращает на себя внимание разница до 1/2–2,3 см в толщине первого блока архитрава с двухстрочной надписью (А) и второго блока с однострочной (Б-В-Г), что, скорее всего, отражало особенности конструкции фасада храма и крепления блоков архитрава к основе каркаса здания.

Напомним что еще один блок 3 архитрава с тремя полочками и гуттами, размером 13,3x36,5x31 см, найден в соседней яме 789 (к.о. 1.38/2023), где он использовался в качестве менгира. Следов надписи на его лицевой стороне не прослежено. Скорее всего, она была совершенно сбита.

²⁷ Он появляется ок. 22 г. н. э. у Аспурга (ТБР, 279).

²⁸ Титул Σωτήρ нередок у эллинистических царей, к примеру: βασιλεὺς Αντιόχος Σωτήρ (Syll.³ 426, стк. 22), ὁ βασιλεὺς καὶ Σωτήρ Πτολεμαῖος (Ib. 390, стк. 11).

²⁹ См. о титулатуре боспорских царей I в. до н.э.: Nawotka 1989, 326f. Отметим, что и в почетной надписи Рескупорида III за отца Котиса III КБН 56 (о такой атрибуции царей: ТБР, 509) от титула «друг цезаря» тоже сохранилось одно Ρ: [φιλόκαισα]ρ.

³⁰ Павличенко 2007, 304: посвящение за Фарнака на постаменте под статую, сделанное Ма, жрицей Аполлона – [ὁ] τερον βασιλεος Фарνάκου [[φιλό]ρωμαίου κτλ «за царя Фарнака, друга римлян...». Издатель справедливо сочла, что титул «друг римлян» Фарнак употреблял в начале правления, ибо в дальнейшем его нет в титулатуре.

³¹ Просматривая список сокращений в ПИФК 4 (2022) на с. 274, увидел: «ТБР – Яйленко, В.П. 2010: *История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.*». Но такой книги нет, есть «Тысяче-

правивший на Боспоре после Фарнака Асандр (49/8–22/1)³², не принадлежавший к Митридатам, включил в титулатуру элемент φιλωρώμιος «друг римлян» (βασιλεὺς μέγας Ἀσανδρος φιλωρώμιος, – монеты и КБН 30 в нашей трактовке: ТБР, 227), и это свидетельство его зависимости от римлян³³. Вовсе независима от римских влияний титулатура их великого противника Митридата Евпатора (111–63), она удостоверена, к примеру, нимфейской почетной надписью в его честь:

[β]ασιλέα νας. βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]-
 тора Διόνυσον, τὸν ἐ[αὐτῶν σωτήρα καὶ εὐ]-
 εργέτην, κρατήσαν[τα Σκύθας διὰ μεγάλων π]-
 ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[οτάξαντα Ταύρους: Νυμφαίται ?]

«великого царя царей Митридата Евпатора Диониса (его статую), своего спасителя и благодетеля, победившего скифов чрез великие деяния и покорившего тавров, (поставили) нимфейцы (?)»³⁴.

Восстановление титула Фарнака, полного или краткого, в артезианской надписи зависит от величины лакуны между фрагментами А и Б, также от аранжировки текста в стк. 2, т.е. расположения его слева в строке или посередине. Аналогии из числа боспорских надписей позволяют реконструировать и большой текст, и краткий. Так, на храме, сооруженном для Аспурга, архитрав нес пространную пятистрочную посвятельную надпись КБН 39; следовательно, артезианский вотив мог быть большим. С другой стороны, трехстрочное посвящение Фарнака Артемиде КБН 28 лаконично: [βασιλ]εὺς βασιλέων | μέγας Фарνά[κης | Ἀρ]τέμιδι Συμ[βούλῳ ?] «великий царь царей Фарнак Артемиде Советнице», но сделано на небольшой мраморной базе под статую или символы богини³⁵, так что большим оно

летний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.». К сожалению, в большинстве своем коллеги недостаточно осведомлены о выражении «тысячелетний рейх», считая его фашистским. На самом деле его использовали немецкие историки уже XIX в., говоря о тысячелетних империях. Фашистским оно было только со словом третий – «третий рейх», «тысячелетний третий рейх», и то лишь с 1934 по 1943 гг. По происхождению «тысячелетний рейх» библеизм (Откр. Иоанна, 20), популярный со средневековья по XX в. Что никакой связи выражения «тысячелетний рейх» с фашизмом нет, мне достаточно упомянуть название книги искусствоведа В. Фрэнгера о средневековом художнике Иерониме Босхе: Fränger W. Das Tausendjährige Reich. Grundzüge einer Auslegung (Koburg 1947). Что до употребленного мною слова «рейх», то достаточно заглянуть в современный словарь иностранных слов, чтобы убедиться – это лексема русского языка (например: *Словарь иностранных слов*. М. 1982, с. 425). Я люблю подпускать германизмы в нашу ученую лексику (так, с моих выступлений на Цхалтубских симпозиумах 1970-х гг. по эллинизму среди коллег закрепилось слово хинтерланд как обозначение территорий к северу от причерноморских полисов), отсюда и заголовок книги 2010 г. «Тысячелетний Боспорский рейх». Боспорское царство действительно существовало тысячу лет (VI в. до н.э. – IV или V в. н.э.) подобно Римскому государству (710 г. до н.э. – 476 г. н.э.), Византии (IV в. – 1453 г.), Священной Римской империи (800–1805 гг.). У всех государственным символом был распростерший крылья орел (из Византии перелетел в царскую Россию, теперь и к нам), на боспорских рельефах и монетах это символ Зевса. Все это я уже объяснил (Яйленко 2017, 656–657), но эта книга малотиражная, а заблуждение устойчивое, так что мне поневоле приходится повторять изложенное – В.Я.

³² Здесь и далее годы правления боспорских царей до Аспурга включительно приводятся В.П. Яйленко по его уточненной хронологии: ТБР, 270–271.

³³ Б. Функ (1992, 82 сл.) склонен видеть в нем указание на известную самостоятельность Боспора. Это справедливо лишь отчасти, все-таки главное в таком титуле – зависимость от римлян.

³⁴ Даем текст в своем чтении (ТБР, 201); фото и чтения других специалистов (Ib., 199–201). Дополнение τὸν ἐ[αὐτῶν σωτήρα καὶ εὐ]εργέτην бесспорно, так как это самая обычная формула. Здесь и далее дополненный и подразумеваемый текст дается в переводе курсивом – В.Я.

³⁵ Сохранившийся фрагмент высотой 17, шириной 15 см.

и не могло быть. Что до аранжировки текста в последней строке, то официальные боспорские надписи доримского времени, т.е. по I в. до н.э. включительно, чаще располагают конец надписи по ходу текста в левой стороне, без *vacat* (КБН-альбом, 18, 26, 27, 972, 1039), в двух случаях заключительный текст помещен в середине последней строки (КБН-альбом, 40, 1043). В надписях эллинистического времени из остального греческого мира образцов расположения последней строки, а то и двух последних, посередине линейки множество³⁶. Но в артезианской надписи есть детали, которые служат указанием на расположение стк. 2 посередине относительно стк. 1. Напомнив ее текст – Διὶ Γενάρχηι καὶ Σωτ[ήρι]³⁷, отметим, что дельта имени Зевса расположена прямо под первой буквой имени Фарнака стк. 1³⁸. А эпиклеса Σωτ[ήρι] находится под последним словом стк. 1 на фрагменте Α κρατή[σας] (о нем скажем далее), так что буквы ΤΗΡΙ располагались прямо под буквами ΗΣΑΣ и в результате стк. 2 начиналась под первой буквой имени Фарнака и заканчивалась под последней буквой следующего за именем слова. Как сказано, по содержанию текст стк. 2 самодостаточен, вполне законченный и потому не нуждается в каких-либо дополнениях ни слева, ни справа, заключим, что все это определенные свидетельства расположения стк. 2 посередине под текстом стк. 1. Отсюда следует важное для реконструкции стк. 1 обстоятельство: между словом κρατή[σας --] и ἀνέθηκε включительно должно быть столько же текста, сколько в лакуне слева, целиком занятой титулатурой царя. Тут в полном виде титулатура Фарнака [βασιλεὺς βασιλέων μέγας καὶ Σωτή]ρ насчитывает 29 букв, потому и справа от κρατή[σας] должно быть дополнено около 30 букв. После этого причастия должен следовать этноним покоренного противника, почти наверняка это Σκύθας (см. далее), затем на фрагментах Б+В сохранились 15 букв (ΡΑΝΕΟΝΩΝΑΝΕΘΗΚΕ), в целом 21 буква. Итого в лакуне после κρατή[σας] (т.е. между фрагментами Α и Б+В) утрачено около 10 букв³⁹.

Итак, общее содержание надписи и ее конструкция в целом достаточно ясны, основная проблема заключается в толковании текста ΡΑΝΕΟΝΩΝ. Как сказано, за титулатурой царя следует в стк. 1: Φαρνάκης *gatura* ΚΡΑΤΗ[--]ΡΑΝΕΟΝΩΝ ἀνέθηκε. В соответствии с κρατήσαν[τα] нимфейского декрета буквы ΚΡΑΤΗ[--] безусловно представляют собой начало того же причастия, и поскольку речь ведется от имени Фарнака, оно дополняется в номинативе: κρατή[σας] «победив». Глагол κρατέω употребляется с вин., дат. и род. падежами, и как раз родительный представлен в следующем после лакуны тексте: ΚΡΑΤΗ[--]ΡΑΝΕΟΝΩΝ. Это серьезное указание на формулу κρατέω + gen. этнонима побежденного противника, она равна по смыслу и отчасти по конструкции формуле ὑποτάξας + acc. (в ὑποτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους «победившего скифов да тавров» почетной надписи Аспурга КБН 40)⁴⁰. Отсюда следующее возможное чтение рассматриваемого текста: κρατή[σας --]

³⁶ Например, посвящения III–II вв. до н.э.: Guarducci 1970, 139–141, fig. 27–29.

³⁷ От Τ сохранилась левая часть полочки.

³⁸ Расположение теонима после слова ἀνέθηκε ничего не дает, так как в боспорских вотивах теоним стоит и до этого слова (КБН 7, 8 etc.), и после него (КБН 10, 11 etc.).

³⁹ Лишь формально титулатура Фарнака могла быть и короче, например [βασιλεὺς μέγας καὶ Σωτή]ρ, насчитывая 21 букву, тогда лакуна заполняется всего одним словом – κρατή[σας Σκύθας] ΡΑΝΕΟΝΩΝ ἀνέθηκε. Поскольку буквы ΡΑΝΕΟΝΩΝ в таком случае никак не расширяются, им определенно предшествовали несколько букв, которые позволяют наполнить их смыслом.

⁴⁰ Сюда также *νικήσαντα τὸν πρὸς Γαλάτας* (Syll.³ 710A) и подобные.

ρανεωνων «победив --ранеонов». Недостаток его в загадочности этнонима – обратный словарь имен и названий, зафиксированных греческими источниками, не дает подходящих параллелей⁴¹. Хотя Плиний да Птолемей приводят тьму наименований народов Скифии – Сарматии, к которым мы тоже не найдем аналогов, имен проживавших в Крыму народов нам известно всего несколько. По Плинию (IV. 85), в Таврике живут 23 племени, из которых он упоминал скифов, тавров, тавро-скифов (те же скифы и тавры), скифов-сатарвов (видимо, подпорченное имя сатарвов). В Диофантовом декрете упомянуты Ρευξιναλοί (IOSPE I² 352, стк. 23), в которых видят роксоланов (Ρωξάλανοι, к авест гаохшна-айгуана «светлые аланы»⁴²), в надписи из Неаполя Скифского фигурируют сатархи (IOSPE I² 672), еще в одной сарматы. Итого нам известны 5–6 этнонимов крымских варваров, причем за исключением скифов да тавров прочие зафиксированы единично. Это почти наверняка исключает трактовку [--]ρανεωνων артезианской надписи в качестве варварского этнонима⁴³. Тем более, что есть возможность понимания этого текста в качестве этника, т.е. обозначения жителей артезианского поселения, на основе подходящих параллелей из Греции. Правда и с этим не все просто – есть варианты, и мы рассмотрим их. Например, не вызвал бы вопросов вариант с чтением омеги после эпсилона, т.е. [--]ΡΑΝΕΩΝΩΝ, где ясно вычленилось бы Νεώνων, gen. pl. от топонима Νεών, Νεῶνες, при νεών = ιερόν «святилище» (город в Фокиде)⁴⁴, что хорошо соответствовало бы посвятивительному характеру надписи Фарнака. Однако чтение омеги тут вряд ли возможно⁴⁵.

⁴¹ Hansen 1958.

⁴² Zgusta 1955, 264–265.

⁴³ Даже если по аналогии со Scythae Sataucaе Плиния или Ταυροσκύθαι надписи КБН 1008 дать двойной этноним: крат[ήσας Σκυθῶν --]ρανεωνων «победив скифов – --ранеонян».

⁴⁴ Pape, Benseler 1884, 994.

⁴⁵ Здесь форма омеги составная: отдельно большой и полнотелый замкнутый кружок, под ним в разъем две лапки, выходящие за окружность влево и вправо. После ΡΑΝΕ следует такой же кружок, под ним выщерблены, но выступающие за окружность лапок не видно, так что чтение омеги не находит подтверждения на нескольких имеющихся в моем распоряжении фотографиях. Все надписи из Артезиана хранятся в лапидарии ВКИКМЗ. Поскольку возможности работать с ними *de visu* не было, чтение основано на предоставленных Н.И. Винокуровым многочисленным фотографиям, снятых с разных точек, это позволяет составить определенные суждения о текстах; если допущены единичные ошибки, последующие исследователи уточнят их *de visu*. Недавно С.Ю. Сапрыкин (2022, 177–179) дал поправки к моему тексту второй артезианской эпитафии (Винокуров, Яйленко 2022, 40–42), к сожалению, он, как обычно, не указал определенно, видел ли подлинник, вследствие чего достоверность и убедительность его поправок проблематична. Видимо, он точнее усмотрел в женском имени второй артезианской эпитафии лямбду вместо моего Ρ, так что оно читается Ἀγα[λ?]ίη. От мужского имени сохранились в стк. 1 буквы ΡΑΜΝ, что по ольвийскому Ραμαναγος мы прочли Ρα[μ]η[αγου?] (теперь уточняем: Ραμνη[αγου?]). С. Ю. Сапрыкин усмотрел тут в пятой букве эту, но такой вариант не имеет антропонимических параллелей. С этими родителями погребены два сына – ΣΑΝΟΥ καὶ Πάμ[φι]λε, поскольку второе стоит в звательном падеже, первое также вокатив. Вместо нашего вокатива Σανοῶ (к не засвидетельствованному имени Σανοῦς, но есть женское Σάνεια в КБН 634) С.Ю. Сапрыкин предлагает «родительный падеж от Σάν(ν)ας или Σάνος, Σάννος = Σάν(ν)ος», который невозможен: как сказано, по Πάμ[φι]λε должно стоять в звательном падеже и второе имя, у нас Σανοῶ. В имени второго сына, по С.Ю. Сапрыкину, третья буква Ρ, и он читает Πάρ[δα]λε – вокатив к Πάρδαλος. Судя по фото, от этой буквы сохранилась лишь вертикальная гаста, все остальное посечено рубцами. Поскольку на Боспоре имя Πάμφιλος хорошо известно (КБН 36, 388, 483–485, 609), а Πάρδαλος тут не засвидетельствовано, приоритет за ним. В результате изложенного, из его поправок приемлема лишь одна – Ἀγα[λ?]ίη – В.Я.

Рис. 8. Посвящительная надпись Фарнака II на архитраве храма Зевса Генарха
Fig. 8. Dedicatory inscription of Pharnaces II on the architrave of the Temple of Zeus Genarch

Теоретически можно видеть в [--]ΠΑΝΕΟΝΩΝ предлог [πα]ρὰ, сочетающийся как раз с род. падежом, и этникон *Νέονοι⁴⁶, gen. pl. Νεόνων, т.е. [πα]ρὰ Νεόνων ἀνέθηκε «близ / у неонян посвятил» – о храме. Эта номинативная форма множ. числа *Νέονοι образована от топонима *Νέον (с подразумеваемым словом среднего рода τεῖχος, φρούριον) «Новое укрепление» (по-русски лучше сказать: «Новая крепость»). В топонимике употребительно множ. число среднего рода Νέα и женского Νέαи (города, поселки, укрепления и пр. на Сицилии, в Троаде, на Кипре и др.), есть и единственного числа – Νήη (как сокращение полных форм Νήη πόλις, Νεάπολις)⁴⁷. Есть топонимы среднего рода Νέον τεῖχος (городá-крепости в Мизии, Фракии, Бактрии)⁴⁸, коль употребительно сокращение топонимов fem. sg. Νήη да множ. числа среднего рода Νέα, казалось бы, можно ожидать и сокращение ед. числа Νέον, тем более, что τεῖχος, φρούριον – очевидным образом подразумеваемые при нем комплиментарные части топонима. Однако этниконы, образованные от сокращенных форм топонима Νέον, нам неизвестны; этниконы образуются от полных топонимов: например, от Νέον τεῖχος обозначение жителей не Νέονοι, а Νεοτειχεῖς⁴⁹. Это не позволяет вычитывать в [--]ΠΑΝΕΟΝΩΝ предлог [πα]ρὰ и gen. pl. этникона Νεόνων.

Но средства восстановления более или менее понятного этникона насельников Артезианской крепости все же имеются. Хотя в морфологической структуре этникона [--]ΠΑΝΕΟΝΩΝ отчетлив лишь суффикс gen. pl. -ων, вполне усматривается также -(ΕΙ)ΟΝ – местный суффикс среднего рода -(ε)ιον, в том числе топонимический, он присутствует в некоторых наименованиях городов да местностей Боспора – Ἀχίλλειον, Μυρμήκιον да прочих, и что важно для нашей темы – в имени крепости Σαυρομάτειον, сооруженной Савроматом II (173–210) близ Узунларского вала (теперь это Ново-Николаевское городище)⁵⁰. В эту же систему фортификационных сооружений на западной границе Боспорского царства входит и Артезианская крепость. В буквах [--]ΠΑΝ можно усмотреть часть основы названия, так что с топонимическим суффиксом -(ει)ον получаем топоним [--]ρανεον, и логично видеть в нем древнее название Артезианской крепости. Обратный словарь Б. Хансена не содержит подходящего названия, он дает лишь две параллели на -ανεον⁵¹. Однако следует учитывать, что на папирусном письме с III в. до н.э., а в других источниках со II–I вв. до н.э., получило распространение сокращение дифтонга ει в ε⁵²; вполне свойственно оно и боспорским надписям с I в. до н.э.⁵³, в том числе в ономастике – личное имя Ἀλεξάνδρεα (КБН 269, I в. до н.э.) вместо нормативного Ἀλεξάνδρεια. В таком случае параллелью к топониму [...]ρανε(ι)ον будет, во-первых, название пещеры Κοιράνειον на кикладском о-ве

⁴⁶ Звездочкой в языкознании помечаются не засвидетельствованные формы слов и названий.

⁴⁷ Pape, Benseler 1884, 981, Nr. 4-8, 14; 983.

⁴⁸ Pape, Benseler 1884, 989.

⁴⁹ Известны топонимы Τεῖχος, Τεῖχιον (крепости в Ахее, Этолии; Τεῖχεα – сеть укреплений в хоре Херсонеса, IOSPE I² 352, стк. 21), этникон обитателей крепости Τεῖχος в Ахее Τειχίται (Pape, Benseler 1884, 1501).

⁵⁰ КБН 970; Масленников 1998, 254; ТБР, 516. О том, что в [--]ρανεωνων дифтонг ει может быть сокращен до ε, скажем далее.

⁵¹ Hansen 1958, 94: город в Колхиде Σιγάνεον, в Южной Италии Ἦρ(α)κουλάνεον (Pape, Benseler 1884, 471, 1381).

⁵² Crönert 1903, 107–115; Mayser 1923, 67–69.

⁵³ Доватур 1965, 799, § 2, пункт 3; 804, § 8, пункт 6.

Китносе (Сикитносе?) у Плутарха⁵⁴, во-вторых Κράνειον – гимнасий, также кипарисовая роща с теменом Беллерофонта да храмом Афродиты близ Коринфа, в-третьих, вероятно, еще и местность близ Афин⁵⁵. Топоним Κράνειον, Κράνιον произведен от слова κράνειον, позднейшая форма κράνιον «кизил», – дерево, кустарник, плоды⁵⁶. Повсюду в Крыму много дикорастущего кизилового кустарника, так что вполне можно думать о наименовании артезианской крепости [*Κ]ράνε(ι)ον, от которого образован этникон [*Κ]ρανε(ι)ονοι, в рассматриваемой надписи gen. pl. [?Κ]ρανεόνων. Логична также связь названия крепости [...] ρανε(ι)ον с микротопонимом Κοιράνειον, ибо значение его «пещера владыки» (κοίρανος «владыка, повелитель», у беотян «царь»), а Артезианская крепость как раз и основана «владыкой» – царем Митридатом (см. раздел 1). Потому возможна и другая реконструкция наименования крепости – [?*Κοι]ράνε(ι)ον (sc. τεῖχος, φρούριον) «царская крепость», этникон жителей ее [*Κοι]ρανε(ι)ονοι, в исследуемой надписи gen. pl. [?Κοι]ρανεόνων. На Артезиане найдено дипинто βασιλική на керамическом обломке, и хотя понятно, что это частность (предмет или продукт «от царя»), мы должны принимать во внимание соседство «царской хоры» – земли Приазовья к востоку от Артезиана с IV–III вв. до н.э. были собственностью боспорских царей⁵⁷. Эти обстоятельства склоняют нас к признанию более вероятным древнего наименования крепости Κοιράνε(ι)ον (sc. τεῖχος, φρούριον) «Царская крепость».

С чем связано упоминание в надписи жителей крепости, в общем понятно: она сыграла важную роль в победе Фарнака над скифами, потому он и поставил здесь памятный храм; возможно, тут произошло решающее сражение. Хотя указание на объект посвящения совсем не часто в votivных надписях,⁵⁸ есть специальная формула для таких случаев – «царь имярек посвятил / поставил этот храм» (ἀνέθηκε τὸν ναόν)⁵⁹. В изучаемой надписи она могла бы стоять после имени скифов, увязывая победу царя над ними с этником: Фарνάκης κρατή[σας] Σκύθας, e.g. τὸν ναόν παρὰ Κοιρανεόνων⁶⁰ ἀνέθηκε Δί «Фарнак, победив скифов, этот храм близ / у койранеонов посвятил Зевсу». Но выше мы заключили, что стк. 2 располагается посередине линейки, так что в стк. 1 до имени Фарнака насчитывалось 29 букв,

⁵⁴ Pape, Benseler 1884, 686. Видимо, это знаменитая поныне пещера, теперь именуемая Катафики (Чилтон 2009, 630). Основа приложима не только к микротопонимам, но и к крупным объектам: Κοιράνειος – название предгорья (Pape, Benseler 1884, l.c.).

⁵⁵ Hansen 1958, 96; Pape, Benseler 1884, 710. Форму Κράνειον дал Павсаний (II. 2. 4), у Плутарха, Лукиана и др. Κράνιον, т. е. тут весьма распространенная с позднего эллинизма передача краткого и долгого ι через ει (Mayser 1923, 60–65), в том числе в боспорской эпиграфике с I в. до н.э. (Доватур 1965, 803–804, § 8, пункты 2, 3).

⁵⁶ Liddell et. al. 1968: s.v. κράνεια; Pape, Benseler 1884, 710.

⁵⁷ Масленников 2010, 226 сл.

⁵⁸ Это показывает, к примеру, подборка 296 посвящений в сборнике Ш. Мишеля (Michel 1900, 1019–1315).

⁵⁹ Приведем несколько примеров. По случаю первых военных успехов после переправы через Геллеспонт в 334 г. до н.э. Александр Великий ставит в Приене храм в честь Афины Воительницы: βασιλεὺς Ἀλέξανδρος ἀνέθηκε τὸν ναόν Ἀθηναίῃ Πολιάδι «царь Александр посвятил этот храм Афине Полиаде» (Syll.³ 277); за царя Птолемея V сооружены τὸν ναόν καὶ τὸ ἱερόν «сей храм и се святилище» (Michel 1900, 1235). То же и на Боспоре: сановник Ксеноклид при Перисаде I «посвятил этот храм Артемиде» (ἀνέθηκε τὸν ναόν, – КБН 1014), в римское время посвящают храмы боспорские пари, один сановник: КБН 63, 829 (о реконструкции надписи в целом: ТБР, 499–501, 942, 1115, 1134.

⁶⁰ Вариант: [Κ]ρανεόνων.

примерно столько и справа: κρατή[σας Σκύθας] ΠΑΝΕΟΝΩΝ ἀνέθηκε. При дополнении e.g. τὸν ναὸν παρὰ Κ-- сей лимит превышает более чем на десяток букв. Конечно, нельзя исключить постановку формулы τὸν ναὸν в стк. 2 перед Δί, но при нынешней мере сохранности надписи представляется достаточно определенным расположение стк. 2 посередине линейки (см. выше). По этой причине условно употребляем для связи этникона с предшествующим текстом надписи предлог ὑπέρ, т.е. [-- ὑπὲρ Κοι]ρανεόνων (?) «за койранеонян» (или [-- ὑπὲρ Κ]ρανεόνων (?) «за кранеонян»). Он весьма употребителен в посвященных надписях в составе различных формул: ὑπὲρ τοῦ δεῖνος (КБН 14, 17 и др.), в том числе ὑπὲρ βασιλέως τοῦ δεῖνος «за царя имярека» (КБН 31, 32 и др.), ὑπὲρ σωτηρίας «за спасение», εὐδαίμονίας «за процветание» и многое подобное. Формула последнего типа нередко сопровождается упоминанием народа, за спасение, процветание, благополучие и прочее которого делается посвящение: ὑπὲρ σωτηρίας τοῦ δήμου τοῦ / τῶν + gen. sg. или pl. этникона. Например, исполнявшие жреческие должности афиняне Гиппоник и его дочь посвятили в 109 г. до н.э. богам на Делосе алтарь и прочее ὑπὲρ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων «за афинский народ»⁶¹. Но формула ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων и подобные институциональная, она применяется к «народу» как совокупному гражданству полиса. Артезиан же крепость, его «народ» – солдаты, а не граждане, потому тут уместно лишь простое упоминание их этникона. Формула ὑπὲρ + gen. pl. этникона тем хороша для дополнения, что нейтральна, не несет обязывающего к чему-то содержательному смысла. В результате изложенного текст надписи таков:

(стк. 1) [βασιλεὺς βασιλέων μέγας καὶ Σωτή]ρ Фарνάκης κρατή[σας Σκύθας,
e.g. ὑπὲρ τῶν Κοι]ρανεόνων⁶² ἀνέθηκε

(стк. 2) Δὶ Γενάρχηι καὶ Σωτ[ῆρι]

«*Великий царь царей и Спаситель Фарнак, победив скифов, за койранеонян (?) посвятил храм Зевсу Родоначальнику и Спасителю.*»

Если дополнение титулатуры Фарнака прочно, а этникона и формулы ὑπὲρ + gen. pl. этникона предположительно, то дополнение имени противников царя Σκύθας существенно ближе по достоверности к титулатуре. Действительно, в пределах Крыма, начиная с присоединения Боспорского царства к державе Митридата Евпатора на исходе II в. до н.э., противниками и Митридата, и зависимых от Рима последующих боспорских царей были таврические скифы. Ранний этап этой вражды описан в декрете херсонеситов в честь полководца великого понтийского царя Диофанта IOSPE I² 352. Херсонес был дружествен Митридату и когда таврические скифы во главе с царем Палаком стали угрожать городу, он обратился за помощью к суверену, который прислал своего полководца Диофанта с войском и тот не только отбил скифов, но заодно покорил тавров⁶³. После недолгой отлуч-

⁶¹ Michel 1900, 1161.

⁶² Вариант [-- ὑπὲρ Κ]ρανεόνων (?) «за кранеонян». При дополнении [Σκύθας, e.g. ὑπὲρ τῶν Κ]ρανεόνων в правой части стк. 1 дополняется 29 букв, столько же, сколько слева в титулатуре. С этниконом [-- Κοι]ρανεόνων 31 буква, но без артикля τῶν будет 28; оба варианта приемлемы, ибо в таких выражениях член может и быть (например, Syll.³ 317, стк. 11: ὑπὲρ τῶν Ἑλλήνων), и отсутствовать (Syll.³ 173, стк. 19: ὑπὲρ Ἀθηναίων).

⁶³ Поселения крымских скифов концентрируются в предгорьях Юго-Западного Крыма, существенно меньше их в Западном Крыму. Таким образом, скифы непосредственно соседствовали со всей территорией Херсонесского государства, отсюда и их длительные войны. Отдельный крупный

ки на Боспор Диофант прошел в срединную часть полуострова (согласно стк. 12 декрета, εἰς μέσαν τὰν Σκυθίαν «в середину Скифии», т.е. крымской Скифии), где захватил скифские крепости Хабеи да Неаполь, после чего скифы признали данническую зависимость от Митридата, а Диофант с войском вернулся в Понт. Но скифы отложились от Митридата и тот снова направил против них Диофанта с войском; несмотря на помощь ревксианов (т.е. роксаланов), скифы претерпели поражение. В следующем году Диофант нанес им еще одно поражение и отправился на Боспор, где часть таврических скифов во главе с Савмаком захватила власть, убив последнего тамошнего Спартокида. Диофант расправился с ними, захваченного Савмака отправил в Понт и вновь восстановил суверенитет Митридата над Боспором. И в другом декрете херсонеситов, принятом при том же «царствующем магистрате Агеле, сыне Лагорина» (IOSPE I² 353), что и Диофантов декрет, ведется речь о подчинении Σκύθας καὶ Σα[τάρχας ?]⁶⁴.

Также в боспорских надписях ведется речь о войнах с таврическими скифами⁶⁵. Впервые царь Аспург (?10 – 37) покорил скифов и тавров (ὕλοτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους), это воспринималось боспорской верхушкой как значительное событие, судя по присутствию сей формулировки и в почетной надписи в честь него КБН 40, и в посвящении за него от 23 г. н.э. КБН 39 (ὕλοτάξαντι Σκύθας καὶ Ταύρους)⁶⁶. Затем Котис II ознаменовал свое вступление на боспорский престол в 123 г. н.э. победой над скифами (КБН 33), также повторно (КБН 32, о такой атрибуции надписи: ТБР, 504–505). Перед 193 г. Савромат II (173–210) успешно воевал со скифами и по договору с ними подчинил Таврику, т.е. Горный Крым (КБН 1237). Наконец, Рескупорид III (210–226) называет себя «царем всего Боспора и тавроскифов» (КБН 1008)⁶⁷. Как видно, на протяжении более трех столетий от позднего II в. до н.э. при Митридате Евпаторе по начало III в. н.э. при Рескупориде III таврические скифы были антагонистами царей Боспора, тогда как известные нам имена пяти остальных племен Крыма (см. выше: ревксианлы, сатархи, сарматы, тавры, скифы; тавры и скифы как тавроскифы) упомянуты в источниках по разу. Ввиду всего изложенного дополнение в артезианской надписи Фарнака имени побежденных им скифов считаем прочным.

анклав варваров (скифов?) располагался к северу от линии Белогорск – Старый Крым (Зайцев 2018, 206–210). Тамашнюю крепость Ак-Кая (Вишенное) Ю.П. Зайцев считает возможной столицей анклава и западным форпостом Боспорского царства III–II вв. до н.э.

⁶⁴ Дополнение Σα[τάρχας ?] наше; сатархи фигурируют в надписи Посидея Посидеевича IOSPE I² 672; по нашим расчетам, этот Посидей действовал в середине – третьей четверти II в. до н.э. (Яйленко 2017, 562–563). Очень вероятно, что фрагмент IOSPE I² 353 – еще один декрет в честь Диофанта, более ранний или более поздний. В таком случае оба декрета в честь Диофанта и вотив Посидея (т.е. IOSPE I² 352, 353, 672) близки по времени, чем и верифицируется наше дополнение Σα[τάρχας?] в № 353. В.А. Анохин (1975, 105) связал декрет № 353 с Диофантом, предполагая, что тот руководил обороной Ктенунта, который локализовал на мысу напротив Графской пристани в Севастополе. Однако показаний для этого в надписи нет, и упоминается не Ктенунт, а Калос лимен.

⁶⁵ Завойкина 2023, 257.

⁶⁶ Может быть, обе надписи уделены двум разным победам, но изготовлены они одним резчиком (ТБР, 492), что скорее указывает на чествование ими одной и той же победы в 23 г. н.э. над скифами и таврами. Обстоятельное рассмотрение исторического контекста надписей КБН 39, 40: Завойкина 2023, 252–264.

⁶⁷ Связал надпись с Рескупоридом III В.Ф. Гайдукевич (1947, 335–336), подтверждение атрибуции: ТБР, 513.

Но это не все – войны с крымскими скифами достались Фарнаку в удел генетически, и мы имеем в виду не только продолжение им войн отца с ними, но и исторически более глубинную генеалогию крымцев: они остаток некогда могущественного народа царских скифов, которые господствовали в северочерноморских степях с VI в., на юго-востоке по Тамань включительно⁶⁸. Тамань же малая родина Спартокидов: отсюда происходит значительная часть связанных с ними эпитафических памятников, сюда был привезен и погребен под грандиозным курганом погибший под Феодосией Сатир I; у тамошнего удельного Спартокида иранское династическое царское имя Καβαθαξής (КБН 1056, кол. I, 20; 1113) = Kavata-χῥῆαυа «Кавата-царь»; принадлежность Спартокидов к высшей аристократии царских скифов хорошо объясняется связью культа Перисада I с Афродитой как греческим эквивалентом иранской Ардвисуры Анахиты, подательницы царской власти, она же Артимпаса царских скифов Геродота⁶⁹. Во II в. до н.э. государство царских скифов сократилось до территории Среднего и Западного Крыма⁷⁰. В Крыму они были заодно со своими давними родичами Спартокидами, в числе прочего заключая династические браки с ними, о чем свидетельствуют посвященные надписи II в. до н.э. из Пантикапея КБН 75, где фигурирует Аргот, муж царицы Камасарии⁷¹, также анонимной дочери скифского царя Скилура, жены Спартокида по имени Гераклид⁷². Этими же давними родственными связями объясняется вмеша-

⁶⁸ Ныне часть скифологов считает, что крымские скифы этнически прохоровские сарматы, однако краниологическими исследованиями подтверждена их преемственность от царских скифов (Мордвинцева 2017, 25 сл., лит.).

⁶⁹ Яйленко 2017, 829–840.

⁷⁰ В первой половине IV в. до н.э. под давлением агафирсов царские скифы перешли в Добруджу, где господствовали до разгрома Филиппом II в 339 г. После этого одна часть их перешла в междуречье Дуная и Днестра, другая вернулась в свой родовой домен в Нижнем Поднепровье, где они известны Меле под именем Basilidae (Яйленко 2013, 192–204). Протогеноский декрет, отразивший исторические события последней четверти III – первой четверти II вв. (Яйленко 2017, 498–503), знает их там под именем Σάιοι (IOSPE I² 32, A, стк. 34), это отражение иран. χῥῆαυа- «царские». Во II в. до н.э. под давлением новых насельников северочерноморских степей – сарматов, германцев-скиров, иранцев-савдаратов, каллипидов и западных соседей галатов – остатки царских скифов укрылись в отрезанном Перекопским валом Крыму (Яйленко 2013, 212–215, 258–262, 266).

⁷¹ В КБН 75 сказано лишь, что Аргот муж Камасарии, но в новонайденной его эпитафии из Неаполя Скифского статус уточнен. Надпись издавали Ю.П. Зайцев (отдельно и в сотрудничестве с Ю.Г. Виноградовым), И.А. Макаров, В.А. Сидоренко. Первые трое игнорировали колон, стоящий в стк. 2 между γεν. [Α]ργότου и ном. ὁ Σκυθίης κοίρανοϋ, полагая, что эпитафию поставил Арготу царь Скифии, см., к примеру, текст И.А. Макарова (2017, 77). Но ввиду такого подхода удивительным образом отсутствует в этой мемориальной надписи имя поставившего ее царя – указан лишь титул: ὁ Σκυθίης κοίρανοϋ, издатели объясняют это тем, что рядом была вторая прозаическая надпись. Поэтому мы разделяем чтение В.А. Сидоренко (2005, 60 сл.), согласно которому Аргот – царь Скифии, также его заключение, что в результате его брака с Камасарией возникло политическое объединение Крымской Скифии и Боспора.

⁷² Надпись дочери Скилура сделана на обресе посвященной Зевсу Таготу мраморной столешницы. Стк. 1 ее сильно разрушена, в левой части дважды улавливается титул βασιλεύς, справа вполне читается Ω.Σ Ήρακλείδου γυν». Стк. 2 целиком сохранна: βασιλέως Σκυλοῦρ[ο]υ θυγάτηρ ναc. ἀνέθηκε τὴν τράπεζαν ναc. Δ' Θαγῶται «-- Гераклида жена, царя же Скилура дочь, посвятила этот стол Зевсу Таготу». Издавший надпись Ю.Г. Виноградов по своему обыкновению целиком прочел надпись, додумавшись до титула «трижды Перисад», египетского имени Сенанотис у скифской царевны, столь же экзотического имени богини Дитагойя. Всю эту отсебятину мы раскритиковали вдребезги (ТБР, 193–198). Титул «трижды Перисад» фикция, ибо мы располагаем титулатурой множества царей эллинистического времени и ни у кого подобного счета нет; например, в Египте подряд правили пять Птолемеев, но титула «трижды Птолемей» нет и не может быть, поскольку этот простецкий прием

тельство крымских скифов в события конца II в. до н.э., когда последний Спартокид Перисад VI (ок. 140–109)⁷³, весьма стесненный наседавшими варварами⁷⁴, передал царскую власть Митридату Евпатору, а сам последний год своей жизни управлял в ранге архонта⁷⁵. В литературе о Диофантовом декрете укрепилось мнение о Савмаке как выходе из таврических скифов⁷⁶. Поэтому совершенный ок. 109 г. скифами во главе с Савмаком государственный переворот, сопровождавшийся убийством Перисада VI и попыткой захвата Диофанта, был акцией таврических скифов по сохранению своего влияния на Боспоре и противодействию захватнической политике Митридата Евпатора (IOSPE I² 352, стк. 34–36: «когда же скифы во главе с Савмаком совершили государственный переворот и убили воспитавшего его царя Боспора Перисада»⁷⁷).

Из сказанного следует, что Фарнак, унаследовавший царский титул и власть на Боспоре от отца Митридата Евпатора, неизбежно должен был стать такой же мишенью для военного противодействия со стороны таврических скифов. Иначе говоря, вместе с царским титулом да властью на Боспоре он унаследовал от отца и войны с крымскими скифами. Лишь по одной этой причине считаем дополнение кратή[σας Σκυθας] «победив скифов» в вотиве Фарнака столь же прочным,

счета предков употреблялся только у обычной публики, не в царской среде, где каждого из предков-царей можно было называть только по имени и с титулом. Той же цены и египетское имя Сенамотис у дочери царя Крымской Скифии, оно возможно лишь при династических связях Птолемея да Скилура или его предков, сведений о чем у нас нет и вряд ли будет. Фикция также имя богини Дитагойя: посвянительное граффито из Керчи ἱερὸν Θαύοτα[ς] «священный сосуд Тагота» указывает, что в вотиве царевны надо читать ΔΙΘΑΓΟΤΑΙ, т.е. Δ' Θαύοτα «Зевсу Таготу» (Яйленко 2006, 389–392). Имя дочери Скилура осталось нечитаемым; на принадлежность Гераклида к Спартокидам указывает дважды упомянутый в предшествующем тексте титул βασιλεύς, также обнаружение надписи в помещении царского дворца на горе Митридат. Правление Скилура относят к середине – второй половине II в. до н.э. По мнению Ю.Г. Виноградова, скифы крымского царства заключили союз с последними Спартокидами, но судя по нашим материалам (Яйленко 2017, 831–835), это было продолжение очень давних родственных связей. А.И. Иванчик (2017, 41) повторяет мнение Виноградова про египетское имя царевны Σεναμοτίς, божество Διθαύοτα и прочее.

⁷³ Даты по нашей хронологии: Яйленко 2017, 816–817.

⁷⁴ Strabo. VII. 4. 4: «Последний тиран также назывался Перисадом; он был не в силах противиться варварам, которые требовали большей прежнего дани, и поэтому передал свою власть Митридату Евпатору» (пер. Г.А. Стратановского).

⁷⁵ КБН 825 в нашей интерпретации: Яйленко 2017, 816–817.

⁷⁶ Гаврилов, 1992, 71.

⁷⁷ τὸν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν νεωτερίζαντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν βασιλέα Βοσπόρου Παρισάδαν ἀνελόντων κτλ. Здесь формально под αὐτὸν могут подразумеваться и Савмак и Диофант, но по тексту предпочтителен первый; далее говорится, что Диофант сумел избежать захвата скифами и бежал на присланном за ним из Херсонеса корабле. Недавно к вопросу о статусе Савмака и характере скифского восстания обратился А.В. Лебедев (2021, 758–759). Он поддержал индоарийскую этимологию имени Σαύμακος О.Н. Трубочева и счел его царским, соответственно, царским и статус Савмака. А.В. Лебедев согласился со старой идеей М.И. Ростовцева о восстании рядового синдометского скифского населения во главе с Савмаком против правящей боспорской аристократии, и аргументировал ее апелляцией к быстрому разгрому восставших Диофантом: его профессиональное войско могло быстро справиться именно с крестьянским войском. Если такая позиция может быть оспорена, то следующее наблюдение А.В. Лебедева, несомненно, дельное: «Это объясняет также, почему Диофант не расправился с Савмаком на месте, а отослал его к Митридату, которому он был нужен живым в качестве заложника для предотвращения новых мятежей его сторонников. Этим дополнительно доказывается, что Савмак пользовался большим влиянием среди своих соплеменников и, вероятно, рассматривался ими как имеющий право на царство». Мы вполне разделяем данные наблюдения А.В. Лебедева, с той лишь разницей, что скифы Савмака крымские и сам он из их среды.

как и дополнение его титулатуры⁷⁸. В результате изложенных выше успешных действий Диофанта претензиям крымских скифов на владение Боспором был положен предел. Однако, как видим, ненадолго – уже Фарнаку пришлось решать прежнюю «скифскую» проблему. Его победа была весьма важной не только для него лично как царя и полководца, но и для Боспора в целом, указание на это содержит известие Страбона (VII. 4. 3) о патронаже боспорских царей над Херсонесом; он так охарактеризовал историческую ситуацию, сложившуюся в ходе присоединения Митридатом к своим владениям Таврики: Херсонес «прежде был самостоятельным, но подвергаясь разорению варварами, был вынужден выбрать себе покровителя в лице Митридата Евпатора; последний хотел стать во главе варваров, обитавших за <Перекопским> перешейком вплоть до Борисфена и Адрия. Это были приготовления к походу на римлян. Итак, Митридат, окрыленный такими надеждами, с радостью послал войско в Херсонес⁷⁹ и одновременно начал войну со скифами, не только со Скилуром, но также и с сыновьями последнего – Палаком и прочими (их, по словам Посидония, было 50, а по Аполлонида 80). В то же самое время Митридату удалось всех их подчинить силой и стать владыкой Боспора, получив эту область добровольно от владевшего ею Перисада. С тех пор до настоящего времени город херсонесцев подчинен властителям Боспора»⁸⁰. Последнюю фразу Страбон (VII. 4. 7) повторил вслед за рассказом о безуспешной осаде скифами крепости Ктенунт, где засели воины Диофанта: «А теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне». Хронологически указание Страбона на зависимость Херсонеса от Боспора приходится на период от Митридата Евпатора примерно до времени завершения «Географии» в 7 г. до н.э.: последнее событие херсонесской истории у Страбона связано с сим Митридатом, из боспорской истории – с правлением Полемона I (14–9.)⁸¹. Так как в упомянутом параграфе Страбона (VII. 4. 7) ведется речь о городах Западного Крыма (Евпатория, Ктенунт⁸²), боспорским царям подчинялась вся обширная территория Херсонесского государства. По всему периметру его, как сказано, располагаются поселения скифов, отсюда их вражда с херсонеситами; когда боспорские цари от Митридата Евпатора до Полемона I до-

⁷⁸ На Европейском Боспоре I в. до н.э., возможно, были и местные скифы (туземцы), но к царским скифам (их наследники – скифы Крымского царства) они не имели отношения, ибо, по данным Н.Ф. Федосеева (2018, 186), на Керченском полуострове VI–IV вв. царских скифов не было. Артезиан – пограничная крепость на западной границе Боспорского царства, поэтому победа Фарнака могла быть одержана только над внешним врагом, как мы постарались показать, над скифами Крымского царства. Чью сторону занимали в этой войне варвары Белогорского анклава, оказавшиеся между скифами Крымского царства и Артезианом, сказать нельзя.

⁷⁹ В переводе Г.А. Стратановского ошибочно сказано «против Херсонеса».

⁸⁰ Пер. Г.А. Стратановского, с указанной поправкой. Страбон назвал нам и свои источники – сочинения Посидония да Аполлонида. Полагаем, этот Посидоний не тот известный апамейский историк, труды которого широко использовал Страбон (Грацианская 1988, 81–86) а уроженец Ольвии, автор специального сочинения «О Таврике» (Яйленко 2017, 569–570; тут мы предположили, что он жил в первой половине II в. до н.э., но теперь отодвигаем во вторую половину столетия). Аполлонид из числа историков Митридатовских войн; Страбон упомянул его также в книге XI (гл. 13, 2 и 14, 4) в рассказах о Мидии, которая может выставить 10 000 всадников и 40 000 пехотинцев, затем о горах Армении (Г.А. Стратановский ошибочно принял его за Аполлонида, автора перипла Европы, см. его указатель к переводу «Географии» Страбона).

⁸¹ Завойкина 2023, 254–255.

⁸² Полная картина: Внуков 2022, 77 сл., лит.

бились протектората над Херсонесом, вражда скифов с ним стала и их проблемой. Собственно, согласно Страбону («подвергаясь разорению варварами, <Херсонес> был вынужден выбрать себе покровителя в лице Митридата Евпатора»), именно нападения скифов принудили херсонеситов поддаться Митридату, затем боспорским царям⁸³. Успехи Диофанта в войнах со скифами принесли херсонеситам избавление от воинственных соседей при Митридате, и сообщение Страбона о суверенитете последующих боспорских царей над Херсонесом имплицитно означает, что город также при Фарнаке, Асандре (49–22), Динамии (первое правление в ранге «великой царицы» 21–14 г. до н.э.), Полемоне (14–9) был для скифов недосягаем. Лишь Аспургу (ок. 10–37) пришлось иметь с ними дело, судя по победе 23 г. н.э. Из перечисленных предшественников Аспурга цари Асандр, Полемон⁸⁴, Динамия (ТБР, 239, ср. 670) были заняты войнами с варварами Азиатского Боспора, об их противостоянии с таврическими скифами известий нет. Это может быть понято так, что Фарнак своей победой надолго их замирил.

Что победа при Артезиане была весьма важной для Фарнака и, как сказано, для Боспора в целом, указывает также посвящение им храма Зевсу Спасителю. К этому божеству апеллировали и частные лица, и полисы, и цари по самым разным поводам индивидуального да общественного свойства⁸⁵. Есть аналогии и нашему военному случаю – за крупной победой над противником-варваром следуют посвянительные акции Зевсу Спасителю. Например, всплеск таких акций последовал за победой греков над галатами, которые прошли в 279 г. до н.э. по северу Греции до Дельфийского святилища. По случаю сей победы койнония этолийских городов постановила устроить масштабные празднества Сотерии в честь Зевса Сотера и Аполлона Пифия, эти мероприятия поддержал ряд греческих городов. Одним из первых в 278 г. до н.э. принят декрет о Кос с предписанием устроить жертвоприношения Аполлону, Зевсу Сотеру, Нике (Syll.³ 398, стк. 31 сл.). Афиняне ок. 275 г. до н.э. присоединяются к инициативе этолийцев об устройстве грандиозных Сотерий в честь Зевса Сотера и Аполлона Пифия, «в память о сражении с варварами, которые напали на эллинов и святилище Аполлона, общее у греков» (Syll.³ 408, стк. 5 сл.: ὑπόμνημα τῆ[ς] μ[α]χῆς τῆς γενομένης πρὸς τοὺς βαρβάρους τοὺς ἐπισ[τ]ρατεύσαντας ἐπὶ τε τοὺς Ἕλληνας καὶ τὸ τοῦ Ἀπόλλωνος ἱερὸν τὸ κοινὸν τῶν Ἑλλήνων). В тех же выражениях составлена мотивировка в декрете хиосцев 276 г.

⁸³ Страбоновы «варвары» несомненные скифы, ибо они одни постоянными набегами ослабили Херсонес до потери суверенитета, другие маловероятны: тавры не настолько сильны, ревксинылы да сатархи – эпизодические находники (используем этот точный древнерусский термин) в Крыму.

⁸⁴ Strabo. XI. 2. 11: «Нередко правители боспорян захватывали области вплоть до Танаиса, в особенности последние их владыки – Фарнак, Асандр, Полемон».

⁸⁵ См., к примеру, надписи интересующего нас эллинистического времени: Syll.³ 289, 313, 317, 391, 398, 408, 619, 624, 633, 675, 814, 985, 993, 1007, 1028; OGIS, 1905, Index, p. 601. На Боспоре сделаны разного рода приношения Зевсу Сотеру: при царе Спартоке IV (III в. до н.э.), от фиаса в 82 г.н.э., Гокон посвящает ему алтарь (КБН 26, 76, 868). В Ольвии посвящены Зевсу Сотеру надписи IV–III вв. до н.э.: декрет в честь крупного государственного деятеля Каллиника (IOSPE I² 25+32; Яйленко 2017, 428–429), его культ осуществляют члены крупного рода Леократидов (НО 71; Яйленко 2017, 495–497). В последней четверти IV в. оборонительным сооружениям Ольвии пришлось выдержать натиск врага, отражение которого повлекло за собой возобновление или усиление культа Зевса Сотера (Яйленко 2017, 406, 410). Также некий херсонесит (имя не сохранилось) выстроил на собственные средства оборонительную стену (т.е. прясло), которую посвятил Зевсу Сотеру (IOSPE I² 438, II в. до н.э.).

до н.э. о присоединении к празднованию этих дельфийских Сотерий (Syll.³ 408, стк. 5 сл.). Ситуация с важной для Боспорского царства победой над варварами, одержанной во главе с царем Тиранисом (265, 276–278) представлена в посвятельном декрете КБН 36, принятом придворным синклитом аристопилитов: «при правящем царе Тиберии Юлии Тиранисе... богам небесным Зевсу Сотеру и Гере Сотере за победу царя Тираниса и долголетие, также за царицу Элию, поставили этот памятник аристопилиты своим личным богам и благодетелям». Победа одержана над готами, которые обосновались на Азиатской части царства, занимались грабежами, пиратствовали на море вплоть до Малой Азии⁸⁶. Победой боспорян во главе с царем Тиранисом положен конец 20-летнему «смутному периоду», обусловленному нашествиями готов, и эта победа посвящена Зевсу Спасителю.

Вотив Фарнака вызван теми же обстоятельствами, что упомянутые декреты греческих городов о дельфийских Сотериях и аристопилитов в честь царя Тираниса: в нем так же противниками выступают варвары (скифы), так же одержана над ними победа, так же плоды победы приписаны Зевсу Сотеру, которому делается крупное приношение. Такая общность внутреннего содержания перечисленных эпиграфических памятников и их исторической ситуации указывает на соответствующую меру важности также победы Фарнака над скифами, это не только факт его личного военного достижения, но значительное для всего Боспора событие. Данное обстоятельство подсказывает, что за него Фарнак и мог получить титул [Σωτή]ρ, он «Спаситель» Боспорского царства в целом. И вряд ли мы ошибемся, полагая, что посвященный Зевсу Спасителю храм поставлен при Артезианской крепости по той причине, что тут была одержана решительная победа над врагом.

Фарнак посвящает выстроенный им храм Зевсу не только как Спасителю, но и как Генарху. Эпиклеса Γενάρχης крайне редкая. В эпиграфике она засвидетельствована помимо Боспора в Спарте, но применительно к Гераклу⁸⁷, и в смысле «архагет», т.е. предводитель основателей Лакедемона (Xenoph. Hist. Gr. VI. 3, 6). В литературных источниках словом γενάρχης обозначается первопродок народа, например, иудеи Авраам, Исаак, Иаков у Филона Александрийского (I. 513, 646); в качестве культовой эпиклеса прилагается к отдельным богам-основателям святилищ: Аполлон и Зевс в Дидимах – Διδύμων γενάρχαι (Callimachi fr. 36 Schneider). Собранный эти материалы Отто Йессен выделил также эпиклесе с общим смыслом «родоначальник; первопродок людей, человечества», которой орфики наделили Кроноса (Orph. hymni XIII. 8), таков и Зевс у схолиаста к «Облакам» Аристофана (Nub. 571)⁸⁸.

На первый взгляд, поскольку надпись Фарнака сделана в связи с посвящением храма Зевсу Генарху, смысл эпиклеса близок той, что прилагалась к Зевсу в Дидимах – «бог-основатель святилища». Однако нет обязательности видеть лишь это столь узкое значение, ибо в Пантикапее была и другая постройка, посвященная

⁸⁶ Об исторических обстоятельствах постановки этого грандиозного эпиграфического памятника (полутораметровой высоты мраморный постамент) см.: Гайдукевич 1949, 456–457; Болгов 1999, 17–19; ТБР, 403–408, 461–464.

⁸⁷ IG V/1 (1913), Nr. 497

⁸⁸ Jessen 1910, 1129–1130. Также: Liddell et. al. 1968, 342 – s.v. γενάρχης Liddell et. al. 1968 + Suppl., 34.

этому же Διὶ Γενάρχηι Фарнаком или Митридатом Евпатором⁸⁹. Наличие на Боспоре сразу двух посвящений Зевсу Генарху на двух постройках – поразительный факт, ибо во всем остальном греческом мире упоминаний этого божества столько же, сколько пальцев на руке. И вряд ли стоит связывать обе постройки, посвященные Зевсу Генарху, с победой Фарнака при Артезиане: буде это так, сия битва по значению сравнялась бы с величайшими сражениями древности, для чего оснований нет. Скорее всего смысл титула Γενάρχης обеих надписей связан с тем, что в политике Митридата на Боспоре важнейшее значение придавалось варварским народам азиатской его части⁹⁰. Они поставляли царю воинские контингенты (App. Mithr. 15, 57, 69), вместе с греческими городами Боспора и Херсонесом выплачивали огромную дань (Strabo. VII. 4. 6). В 90–80-х гг. до н.э. Митридат управлял Боспором через одного из своих сыновей, который «удерживал в Понте и на Боспоре старинное царство вплоть до необитаемых местностей над Меотидой» (Plut. Sull. XI. 4, приурочено к 87 г. до н.э.), т.е. правил всем варварским миром Азиатского Боспора вплоть до Танаиса. И это было уже не правление боспорского царя, как при сильных Спартокидах, а власть понтийского царя над своими подданными; в отличие от времени Спартокидов политической связи между греческим и туземным мирами на Боспоре более не было. Управляя из Понта, а в 65–63 гг. из Пантикапея, Митридат делал ставку на установление военно-политического союза с туземными царями да племенной знатью, от которых ему нужны были воинские контингенты; для закрепления договоров он выдавал за наиболее могущественных владык своих дочерей (App. Mithr. 15. 108). Ставка на варварский мир тем более была необходима ему, что основные греческие города Боспора находились в оппозиции. Назначенный после 82 г. до н.э. сюда правителем сын Махар управлял не из Пантикапея, а из Фанагории. Применительно к событиям 83–80 гг. Аппиан (Mithr. 64) сообщает о восставших боспорцах, так что не случайно прекращение после этого выпуска автономной монеты Пантикапеем, Фанагорией, Горгиппией. Вновь греческие города восстали в 65 г., когда разбитый в очередной раз римлянами Митридат прибыл на Боспор. Обосновавшись здесь, он вынашивал планы новой войны с Римом, собрав под свои знамена туземные народы от Борисфена

⁸⁹ КБН 29 с дополнениями В.В. Латышева: [Φαρνάκης? μέγας βασιλεὺς βασιλέων | [ἄρχων Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην | [ἀνέθηκεν?] Διὶ Γενάρχηι «Фарнак (?), великий царь царей, правящий европейским Боспором, посвятил (?) Зевсу Генарху». Мы уделили надписи отдельную заметку (ТБР, 205–207), суть которой вкратце такова. Титул μέγας должен стоять после титула βασιλεὺς βασιλέων, сочетание титулов «великий царь царей» и «архон» маловероятно, как и правление «великого царя царей» только на Европейском Боспоре; исходя из имеющихся на Боспоре надписей Митридата и Фарнака, пышной у первого (почетная надпись нимфейцев) и скромной у второго (КБН 28), в реконструкции КБН 29 скорее следует дополнять имя Митридата: [? Μιθραδάτης Εὐλάτωρ βασιλεὺς βασιλέων | [μέγας κρατεῦον Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην | [καὶ τοῦ κατὰ τὴν Ἀσίαν ἀνέθηκεν] Διὶ Γενάρχηι «Митридат Евпатор, великий царь царей, правящий Боспором, тем, что в Европе, и тем, что в Азии, посвятил Зевсу Родоначалнику». Надпись сделана на большой мраморной плите (сохранившийся обломок 51x42x25 см.) с отверстиями для скреп, т.е. она была вставлена в какое-то сооружение, посвященное царем «Зевсу Родоначалнику». Артезианская надпись с тем же «Зевсом Родоначалником» скорее указывает на постановку КБН 29 Фарнаком, но полной обязательности в этом нет. Вопреки К. Думбергу, к которому восходит дополнение в КБН 29 имени Фарнака (см. комм. КБН), у Асандра не было титула «великий царь царей» – в КБН 30 надо дополнять лишь титул «великий царь» (ТБР, 226–227).

⁹⁰ Излагаемые далее материалы об этом подробнее освещены в ТБР, 222–224 (с литературой).

до Адриатики⁹¹. Ориентацию на союзные связи с варварским миром продолжил Фарнак. Под его властью были различные племена и народы Азиатского Боспора, в союзнических отношениях с ним состояло могущественное племя аорсов, поставившее ему 200 000 воинов (Strabo. XI. 5. 8).

Ввиду неоспоримой ставки Митридата и Фарнака на варварский мир Боспора и других областей Северного да Северо-Западного Причерноморья смысл титула Γενάρχηс артезианского вотива да КБН 29 скорее всего заключен в его дословном значении «Родоначальник». В эпоху эллинизма иные цари по примеру Александра Македонского объявляли себя богом; в надписях, связанных с Митридатом, у него стойкий титул Διόνυσος (OGIS 2, p. 612, index + нимфейская надпись). Вполне возможно, что он да Фарнак отождествляли себя с Зевсом Генархом в качестве «Родоначальника народов» – всех (как у орфиков) и каждого народа по отдельности, как у Филона Александрийского (см. выше). Отметим по этому поводу, что γενάρχηс у того же Филона (II. 527)⁹² равнозначно также слову ἑθνάρχηс «правитель племени / народа». Отправляясь в 51/50 г. до н.э. с Боспора в Понт, Фарнак оставил тут наместником Асандра (Dio Cass. XLII. 46. 4: ἐλίτροπος) с титулом ἑθνάρχηс (Ps. Luc. Масг. 17: «Асандр получил от бога Августа вместо титула ἑθνάρχηс титул βασιλεὺс Восπόρου»). Теперь можно понять, почему у одного лишь Асандра из всего сонма боспорских царей был титул этнарх: Митридат и Фарнак, используя эпителесу Зевса Γενάρχηс, имплицитно позиционировали себя этнархами – «правителями» подвластных себе туземных народов; отбывая в Понт, Фарнак оставил наместником (ἐλίτροπος) Асандра, дав ему титул ἑθνάρχηс.

В артезианской надписи присутствует явное противоречие между победным ее характером и отсутствием у эпителесы Зевса Γενάρχηс какой-либо связи с военным делом. Предлагаемое смысловое наполнение эпителесы Γενάρχηс – родоначальник варварских народов, имплицитно прилагаемой Митридатом да Фарнаком к себе – позволяет объяснить это непонятное иначе обстоятельство: основу войска Фарнака составляли варвары. Мы суммировали антропонимику насельников артезианской крепости, представленную в трех лапидарных эпитафиях, двух про-странных граффити и одном владельческом, почти все они I в. н.э.⁹³ Во второй эпитафии греческое имя Πάμφιλος, туземное боспорское Σανους, женское Ἀγά[λ.?] iv. В третьей эпитафии читаются адыгское имя Омψα[τις] (или Омψα[εις]), иранское Μαίανακος, туземное боспорское Lallname Ἀφοῦс, первая эпитафия содержит малоазийские имена Σωστίβιος, Παδαφους и греческие Διονύσιος, Δισακός. На краснолаковом блюде написано греческое имя владелицы Φιλουμένη, в граффити фигурируют фракийских имена школяров Σαλαс, Δοληс, греческое Ἀλάτουρος, стало быть, они дети фракийских наемных солдат артезианской крепости. В целом весь этот набор разноязычных имен характерен для Боспора I в. н.э. Но в IV–II вв. до н.э. картина иная. По нашей подборке личных имен жителей Пантикапея (ТБР,

⁹¹ Strabo. VII. 4. 3: «хотел стать во главе варваров, обитавших за <Перекопским> перешейком вплоть до Борисфена и Адрия; это были приготовления к походу на римлян».

⁹² Liddell et. al. 1968, 34.

⁹³ Винокуров, Яйленко 2022а, 41; 2022б, 111. Яйленко 2019, 120, 125, 127, лит. К сожалению, в публикации третьей артезианской эпитафии много опечаток, в том числе в финальном тексте. Он должен быть таким: Омψα[τι] Μαίανακου | καὶ g[v]n¾ [?] Γ]ασα καὶ υἱο[ι] | e. g. Ραg[αγωс]ο[с] καὶ Ἀφοῦ(с), | с[αίρε]te «Омпсатис, сын Майанака, и жена (Г?)аса, да сыновья Ра(тагос?) и Афус, прощайте» (вместо Омψα[ти] возможен вариант Омψα[ει], вместо [Г?]ασα возможно [М?]άσα).

113, 116, таблицы), в IV – первой половине III в. зафиксировано 241 греческое имя, 70 негреческих (в основном иранских, туземных боспорских, малоазийских), во второй половине III – II вв. греческих 101, негреческих 21, это время кризиса Боспорского царства, потому и сократилось население в целом. К сожалению, для I в. до н.э. подборки имен нет, но если судить по упомянутому характеру боспорского именника I в. н.э., это было время начала существенной варваризации боспорского антропонимикона, и вряд ли мы ошибемся, связав сей процесс с деятельностью Митридата да Фарнака.

Вновь сформулируем нашу оценку деятельности Митридата на Боспоре в конце II – I вв. до н.э. (ТБР, 221–222). Во II в. до н.э., с инфильтрацией новых варварских племен, значительно усилившей удельный вес негреческого населения, боспорская форма государственности, основывавшаяся при Спартокидах на равновесии полисного архонтата и племенной царской власти (ἄρχων и βασιλεύων их титулатуры) стала дестабилизированной. С притоком новых племен скифо-сарматской мир получил на Боспоре решительное преобладание над городским – греческим – компонентом царства. На исходе II в. до н.э. активность скифо-сарматских племен могла закончиться деэллинизацией Боспора (захват Пантикапея и Феодосии скифами во главе с Савмаком: IOSPE I² 352, стк. 34–35, 40–41; Strabo. VII. 4. 4), но своевременное вмешательство Митридата Евпатора приостановило этот процесс и придало ему эллинистическую форму развития местной государственности. Боспор стал частью большой позднеэллинистической монархии, пусть недолговечной, но все же несколько стабилизовавшей его в политическом отношении и более того, оказавшей значительное влияние на его дальнейший политический строй.

К сожалению, правление Митридата и Фарнака на Боспоре скудно освещено источниками – и литературными (в основном отрывочные известия Аппиана, Страбона), и эпиграфическими (ТБР, 205–225), и нумизматикой. Тем более ценно обнаружение нимфейского почетного декрета в честь Митридата (ТБР, 199–204, лит.) и, как видим, артезианского вотива Фарнака.

Завершим рассказ о нем знаменательной характеристикой Аппиана (Mithr. 120; он позаимствовал ее у какого-то писателя Митридатовых войн). После поражения от Цезаря в битве при Зеле в 47 г. Фарнак «велел убить коней к большому неудовольствию всадников, взойдя же на корабли, бежал в Понт и, собрав каких-то скифов и сарматов, он захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр по вражде к нему вновь напал на него, то всадники Фарнака из-за недостатка в лошадях и неумения сражаться пешим строем были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит, покрытый ранами, 50 лет от роду и процарствовал над Боспором 15 лет»⁹⁴.

И Митридат, и Фарнак раз за разом претерпевали поражения от римлян, но это не свидетельство их военной непригодности, т.к. они проигрывали величайшей армии древнего мира. Напротив, это свидетельство их личной смелости – пойти против этой всепокрушающей машины с местечковым войском, в основном состоявшим из варваров. Фарнак и погиб, «геройски сражаясь один, был убит, покрытый ранами» (μόνος ἠγωνίζετο καλῶς, μέγρι κατατροθεῖς ἀπέθανε). Как видно

⁹⁴ Пер. С.П. Кондратьева.

из сообщения Аппиана, возвращение Фарнака на Боспор было драматическим, ибо пришлось отвоевывать его у Асандра, что стоило ему жизни. Перед историческими деятелями, героически погибшими в бою, историку надлежит склонить голову. А что его современники? Источники не дают ответа на этот вопрос, но кое-что можно извлечь из имени Φαρνάκης. По ареалу оно исключительно боспорское и весьма распространенное, преимущественно во II–III вв. н.э. (LGPN IV, 341; КБН, индекс, с. 903–904). Но начало его употребления боспорцами относится к I в. до н.э. – I в. н.э., т.е. ко времени правления царя Фарнака и несколько позднее (КБН 279, 293, 294, 300), это определенно мемориальный узус личного имени местного царя⁹⁵. Популярность имени Фарнак на Боспоре II–III вв. н.э. по времени далека от правления царя Фарнака и потому кажется не связанной с ним; в таком случае она остается не объяснимой. Однако есть аналогия с царем Аспургом: он правил ок. 10–37/38 гг. н.э., но во II в. н.э. вдруг его имя всплывает в Горгиипии (КБН 1134, 1142), которая была ему опорной базой в перипетиях времени прихода его к власти⁹⁶, так что это несомненный мемориальный узус. Так могло быть и с именем Фарнак: припомнив указание Страбона (XI. 5. 8) о союзных отношениях сираков, аорсов и верхних аорсов с царем Фарнаком, а это сарматско-иранские⁹⁷ народы Восточного Приазовья и Нижнего Подонья, можно предполагать, что имя его было мемориальным у них (тем более, что оно «царственное» по значению – к др. перс. farnah- «слава, блеск, владычество, царственность»⁹⁸) и широко внедрилось в боспорскую антропонимию в процессе сарматизации Боспора первых веков новой эры. Впечатляющий пример сарматизации боспорского антропонимикона – династическое имя Σαυρομάτης (Савромат, Сармат) у местных царей I–III вв. н.э. Другой пример сарматского внедрения в местный антропонимикон – личное имя Σίραχος у двух ольвиополитов II в. н.э. (IOSPE I² 92, 686), производное от этнонима тех же сираков (Σίρακες, Σίραχοι).

ПРИЛОЖЕНИЕ. Эпиграфические мелочи.

1. Тессера с именем Зевса Диеспитера

В 1991 г. на Артезиане найдена игральная тессера, сделанная из аккуратно обточенной в кружок стенки амфоры (рис. 9, 1)⁹⁹. На обеих сторонах по надписи. На лицевой стороне умело прочерчены две перекрещивающиеся секиры, топорыца их треугольные, с округлым задником. Под ними надпись ΔΙΗ = Διη(σπίτηρ), т.е. Зевс Диеспитер, у римлян и италиков разновидность Юпитера: Diēspiter, дословно «Отец сверкающего неба/дня»¹⁰⁰. Это древнее италийское божество ин-

⁹⁵ Даты в КБН: 279, 293, 294 – I в. до н.э.; 300 – вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. Нет оснований думать, что Фарнаки I в. до н.э. получили имена прежде правления царя Фарнака, т.е. до 65–63 г. Распространенность имени во II–III вв. н.э. можно связать с общей сарматизацией Боспора этого времени. Великий ономастолог Л. Згуста справедливо заключил, что наличие его в Греции I в. до н.э. указывает на связь с понтийскими царями, также на Боспоре (Zgusta 1955, 159).

⁹⁶ Блаватская 1965а, 200; 1965б, 36. ТБР, 257.

⁹⁷ Zgusta 1955, 29, 146, 263–264

⁹⁸ Zgusta 1955, 158–159.

⁹⁹ Полевой инв. 9/1991. Раскопки 1991 г. Раскоп I. Стенка амфоры коричневой глины с крупными золотистыми блестками, диаметр 3 см. Место хранения: ВКИКМЗ. Инв. КМГ 1855.

¹⁰⁰ Подробности: Wissowa 1903, 478–479.

доевропейского происхождения – у него прямые параллели: древнеинд. *Dīu pitar* «Отец неба/дня», ср. греч. voc. *Ζεῦ πατήρ* «Отче Зевс», дословно «Отче небо/день» (этимологически *Ζεῦς* соответствует русскому «день»). Но изображение двойного топора указывает, что изготовитель тессеры понимал сие божество не в чисто римско-италийском виде, а синкретическом, отождествляя с тем Зевсом или Юпитером, иконографии которого свойственно это оружие. В частности, таков Зевс Лабраундский, почитавшийся в карийском городе Лабраунда с IV в. до н.э. – он изображался со скипетром и двойной секирой. Но это локальный династический культ эллинистического времени, так что нет особых оснований искать его в Артезиане. Другое дело культ Зевса-Юпитера Долихена: он возник в среде римских солдат, стоявших в Коммагене, испытал сильное воздействие сирийского культа Ваала, изображался с мечом в левой руке и двойным топором на правом плече¹⁰¹. Как солдатский, культ получил широкое распространение в римской армии во II в. н.э., а при Северах (193–235), происходивших из Сирии, был провозглашен государственным. Распространен во II–III вв. также в Причерноморских регионах, где стояли римские части, например, во Фракии¹⁰²; в Крыму, в Балаклаве, открыто его святилище с латинскими надписями, упоминающими Юпитера Долихена¹⁰³. Эти обстоятельства позволяют, во-первых, датировать артезианскую тессеру II–III вв. н.э., во-вторых, связать ее с солдатской средой местного гарнизона. Ее изготовитель не римлянин – он перевел эпитет римского божества в греческую графику, и это свидетельство его греческой культурной ориентации; стало быть, скорее всего он местного боспорского происхождения¹⁰⁴.

2. Эпитафия Дейдаса

Обломок плиты серо-белого известняка с трехстрочной эпитафией (рис. 9, 2)¹⁰⁵. Она располагалась под рельефом, который отбит (видны лишь небольшие следы основания). Размер поля 23 x 11 см, высота букв 4 см, ширина 4–6 см, расстояние между строками до 0,9 см. Лицевая сторона покрыта соевыми отложениями, но текст читаем:

Δείδα[ς] | Ἰρακλίδ[ου] | χα[ίρε] «Дейдас, сын Гераклида, прощай».

Письмо эпитафии четкое, линии прямые, буквы крупные, их концы аккуратно апицированы. Можно сказать, это солидная манера письма. Текст стк. 1 и 3 невелик, поэтому буквы тут широко расставлены, и в целом им свойственны уширенные пропорции, в том числе и в стк. 2. Первая дельта высокая, с зауженным основанием, остальные, напротив, с уширенным основанием и по пропорциям невысоки. Альфа с ломаной гостой, язычок Е слегка отстоит от мачты, все три язычка апицированы. Каппа элегантна своими усиками – их подъем невелик относительно вертикали мачты, верхний удлинен, нижний укороченный. Такую форму встречаем, к примеру, в эпитафии КБН-альбом 287, отчасти 286, обе I в. до н.э. Хотя наиболее показательные для датировки буквы (сигма, омега) тут отсутствуют, это и в целом хорошее письмо I в. до н.э. – I в. н.э. Артезианскому надгробию

¹⁰¹ Der neue Pauly 6, 83.

¹⁰² Mihailov 1961, 258, № 1527.

¹⁰³ Зубарь 1999, 231–233 (с литературой).

¹⁰⁴ На оборотной стороне, кажется, двухстрочная надпись, но прочесть ее трудно, лишь в начале стк. 2 можно усмотреть букву Ν.

¹⁰⁵ К.о. 71/2023. Место хранения: ВКИКМЗ. Толщина плиты: 17,3/17,5 см, максимальная длина 34 см, высота 11/32 см. Размер поля 23/28x11/28 см.

Рис. 9. 1 – tessera с посвящением Зевсу (к.о. 9/1991); 2 – эпитафия Дейдаса, сына Гераклида, из ямы 785 и погребения 20/2023

Fig. 9. 1 – tessera with a dedication to Zeus (9/1991); 2 – epitaph of Deidas, son of Heraclides, from Pit 785 and Grave 20/2023

близки в той или иной мере по манере письма эпитафии КБН-альбома 295, 311, 323, 324, 326, 328, 364, они преимущественно второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., это и его дата.

Имя Δείδας «детское», это озвонченная версия основы *ta(t)- со значениями «отец» etc., распространенная с древности поныне у множества народов Евразии (подробности: ТБР, 130–131). На Боспоре весьма популярно в I–III вв. н.э. имя Δάδας, также в Ольвии, Фракии, Македонии с единичными примерами позднеэллинистического времени, но в основном римской эпохи (LGPN IV, 84; КБН, индекс, с. 861)¹⁰⁶. Его апофоническая форма (т.е. с аблаутом корневой гласной) Δείδас, на Боспоре ее нет, зона ее распространения, включая формы Δείδης, Δείδος, Δείδις, во II–III вв. н.э. Фракия, Македония (LGPN IV, 88). Хотя артезианский Дейдас жил столетием раньше, эти данные позволяют думать о его фракийском происхождении. На Артезиане засвидетельствованы фракийские имена школяров Σαλας, Δολης, и понятно, что они дети тамошних солдат-фракийцев.

Показательно также отчество Дейдаса Ήρακλίδης. Культ Геракла популярен в солдатской среде¹⁰⁷, отсюда распространенность имени Гераклид у них. На Боспоре оно весьма часто (КБН, индекс, с. 871), укажем надгробные стелы с именем Гераклид и изображением вооруженного воина или всадника¹⁰⁸. Особенно интересна двусторонняя семейная стела КБН 528+567 с рельефными изображениями всадника (528) да солдата (567), и эпитафиями I в. н.э. с именем Гераклид: это семья наследственных воинов. Потому вряд ли ошибемся, заключив, что и Дейдас солдат, сын солдата.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И. 2016: Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 712–743.
- Анохин, В.А. 1975: О местоположении Ктенунта. В сб.: *Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции, посвященной 250-летию АН СССР*. Ч. 2. Киев, 105.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев, 184.
- Блаватская, Т.В. 1965а: Рескрипты царя Аспурга. *СА* 2, 197–209.
- Блаватская, Т.В. 1965б: Аспург и Боспор в 15 г. н.э. *СА* 3, 28–37.
- Блаватский, В.Д. 1977: Землетрясение 63 года до н.э. на Керченском полуострове. *Природа* 8, 55–59.
- Винокуров, Н.И. 2012: *Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011)*. Тюбинген, 632.
- Винокуров, Н.И. 2021: Раскопочные работы Артезианской археологической экспедиции Московского Педагогического Государственного Университета (МПГУ) в 2020 году. В сб.: *История и археология Крыма XV. Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2020 года на Крымском полуострове*. Симферополь, 216, 14–26.

¹⁰⁶ Detschew 1957, 110

¹⁰⁷ Херсонес: Соломоник 1973, 233–234, с примерами из Фракии. В Ольвии Гераклу посвящена башня оборонительной системы города (IOSPE I², 179, IV в. до н.э.).

¹⁰⁸ КБН 308 (I в. до н.э. – I в. н.э.), 502 (I в. н.э.), 757 (II в. н.э.).

- Винокуров, Н.И. 2022: Опыт изучения археологических памятников урочища Артезиан в Крымском Приазовье. *Thracia Balcanica* 1, 9–34.
- Винокуров, Н.И., Корженков, А.М., Родкин, М. В. 2015: К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии. *Вопросы инженерной сейсмологии* 42/2, 51–66.
- Винокуров, Н.И., Никонов, А.А. 2004: Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер. В сб.: *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. 1. СПб., 95–103.
- Винокуров, Н.И., Яйленко, В.П. 2022а: Вторая эпитафия с городища Артезиан в Восточном Приазовье. *ПИФК* 2, 31–52.
- Винокуров, Н.И., Яйленко, В.П. 2022б: Третья эпитафия с городища Артезиан в Восточном Приазовье. *ПИФК* 3, 95–134.
- Внуков, С.Ю. 2022: О времени размещения войск Митридата Евпатора в Северо-Западном Крыму по данным нумизматики. *ПИФК* 4, 77–83.
- Гаврилов, А.К. 1992: Скифы Савмака – восстание или вторжение? В сб.: А.К. Гаврилов (ред.). *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 53–73.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Грацианская, Л.И. 1988: «География Страбона». Проблемы источниковедения. В сб.: *Древнейшие государства на территории СССР 1986*. М., 6–175.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: *КБН*, 797–831.
- Завойкина, Н.В. 2023: О войне царя Аспурга против скифов и тавров. *ПИФК* 3, 252–271.
- Зайцев, Ю.П. 2018: У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований. В сб.: *Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 2. СПб, 206–211.
- Зубарь, В.М. 2000: Новые латинские эпиграфические памятники II – середины III вв. из Херсонеса, Балаклавы и Харакса. *Stratum plus* 6, 220–238.
- Иванчик, А.И. 2017: Крымская Скифия III–II вв. до н.э. и ее отношения с греческими государствами Северного Причерноморья. В сб.: В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Симферополь–М., 34–55.
- Лебедев, А.В. 2021: Индоарийские имена в саге об аргонавтах, ономастике Колхиды и надписях Северного Причерноморья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV/1. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 21–23 июня 2021 г.* М., 728–782.
- Макаров, И.А. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского. В сб.: *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Симферополь–М., 56–78.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены*. М.
- Масленников, А.А. 2010: *Царская хора Боспора*. Т. 1. М.
- Мордвинцева, В.И. 2017: «Крымская Скифия» и «Позднескифская культура Крыма»: формирование и развитие понятий. В сб.: *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Симферополь–М., 15–33.
- Никонов, А.А. 2000: Сейсмический потенциал крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий. *Физика Земли* 7, 53–62.
- Павличенко, Н.А. 2007: Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, из Гермонассы. В сб.: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. СПб., 304–306.
- Сапрыкин, С.Ю. 2022: К публикации новой эпитафии с городища Артезиан в Крыму. *ПИФК* 4, 175–183.

- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И. 2024: Стол-трапеза с остатками двух греческих надписей из поселения Артезиан на Европейском Боспоре. *ВДИ* (в печати).
- Сидоренко, В.А. 2005: Эпитафия скифского царя Аргота. *МАИЭТ*. 11, 59–70.
- Соломоник, Э.И. 1973: *Новые эпиграфические памятники Херсонеса*. Киев.
- Федосеев, Н.Ф. 2018: Скифы на Боспоре. В сб.: *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. СПб., 176–188.
- Функ, Б. 1992: Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей. В сб.: А.К. Гаврилов (ред.), *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 74–93.
- Чилтон, Л., Дабин, М., Эдвардс, Н. 2009: *Греция*. М.
- Яйленко, В.П. 2006: Посвятельные граффити Пантикапея и округи. *ДБ* 9, 355–428.
- Яйленко, В.П. 2013: *Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н.э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ. *БИ* 39, 117–209.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Detschew, D. 1957: *Die thrakischen Sprachreste*. Wien.
- Guarducci, M. 1970: *Epigrafia greca*. Т. 2. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Jessen, O. 1910: Genarches. *RE* VII/1, 1129–1130.
- Liddell, H. G., Scott, R., Jones, H. S. 1968: *A Greek–English Lexicon. With a Supplement*. Oxford.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin.
- Michel, Ch. 1900 : *Recueil d'inscriptions grecques*. Bruxelles.
- Mihailov, G. 1961: *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Vol. 3. Serdicae.
- Nawotka, K. 1989: The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs. *Latomus* 48, 326–338.
- Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Wissowa, G. 1903: Diespiter. *Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. V. Hft. 1, 478–479.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016: Gold Staters of Aspurgus and Mithridates III and New Complexes with Coins and Jewelry from the Artesian Rettlement. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 712–743.
- Anokhin, V.A. 1975: О местоположении Ktenunta [On Ktenus localization]. In: *Noveyshie otkrytiya sovetskikh arkeologov. Tezisy dokladov konferentsii, posvyashchennoy 250-letiyu AN SSSR [The Recent Discoveries of Soviet Archaeologists. Abstracts of Papers of the Conference Dedicated to the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences]*. Pt. 2. Kiev, 105.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosporus]*. Kiev.
- Blavatskaya, T.V. 1965: Reskripty tsarya Aspurga [Rescripts of king Aspurgus]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]* 2, 197–209.

- Blavatskaya, T.V. 1965a: Aspurg i Bospor v 15 godu nashey ery [Aspurgus and Bosphorus in AD 15]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archeology*] 3, 28–37.
- Blavatsky, V.D. 1977: Earthquake of 63 BC on the Kerch Peninsula. *Priroda* [*Nature*] 8, 55–59.
- Chilton, L., Dubin, M., Edwards, N. 2009: Gretsia [Greece]. Moscow.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Detschew, D. 1957: *Die thrakischen Sprachreste*. Wien.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [A Brief Essay on the Grammar of Bosporan Inscriptions]. In: V.V. Struve (ed.), *Korpus bosporskikh nadpisey* [*Corpus of the Bosporan Inscriptions*]. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Fedoseev, N.F. 2018: Skify na Bospore [The Scythians on the Bosphorus]. In: Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan Phenomenon. General and Specific in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, 176–188.
- Funk, B. 1992: Prorimskaya orientatsiya v titulature bosporskikh tsarey [Pro-Roman orientation in the titlature of the Bosporan kings]. In: A.K. Gavrilov (ed.), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [*Studies on the Ancient History and Culture of the Northern Black Sea Region*]. Saint Petersburg, 74–93.
- Gavrilov, A.K. Skify Savmaka – vosstanie ili vtorzhenie? [Saumakus' Scythians – Rebellion or Invasion?]. In: A.K. Gavrilov (ed.), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [*Studies on the Ancient History and Culture of the Northern Black Sea Region*]. Saint Petersburg, 53–73.
- Gaydukevich, V.F. 1949: Bosporskoe tsarstvo [*The Bosporan Kingdom*]. Moscow–Leningrad.
- Gratsianskaya, L.I. 1988: «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya [Strabo's "Geography". Problems of Source Studies]. In: *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR 1986* [*The Oldest States on the Territory of the USSR 1986*]. Moscow, 6–175.
- Guarducci, M. 1970: *Epigrafia greca*. T. 2. Roma.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Ivantchik, A.I. 2017: Krymskaya Skifiya III–II vekov do nashey ery i ee otnosheniya s grecheskimi gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya [Crimean Scythia of the 3rd–2nd cc. BC and Her Relations with Northern Pontic Greek States]. In: V.I. Mordvintseva et al. (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdru Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v. n.e.)* [*Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West (3rd century BC – 7th century AD)*]. Simferopol–Moscow, 34–55.
- Jessen, O. 1910: Genarches. In: *RE* VII/1, 1129–1130.
- Makarov, I.A. Epigraficheskie pamyatniki Neapolya Skifskogo [Epigraphical Documents of Neapolis the Scythian]. In: V.I. Mordvintseva et al. (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdru Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v. n.e.)* [*Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West (3rd century BC – 7th century AD)*]. Simferopol–Moscow, 56–78.
- Lebedev, A.V. 2021: Indoariyskie imena v sage ob argonavtakh, onomastike Kolkhidy i nadpisyakh Severnogo Prichernomor'ya [Indo-Aryan Names in the Myth of the Argonauts, Onomastics of Colchis and Inscriptions of the Northern Black Sea Region]. *Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XXV/1. Materialy chteniy, posvyashchennykh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo, 21–23 iyunya 2021 g.* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology XXV/1. Materials of the Readings dedicated to the Memory of Professor Joseph Moiseevich Tronskiy, June 21–23, 2021*]. Moscow, 728–782.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S. 1968: *A Greek–English Lexicon. With a Supplement*. Oxford.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu oikumeny* [*Hellenic Chora on the Edge of Oikumene*]. Moscow.

- Maslennikov, A.A. 2010: *Tsarskaya khora Bospora* [Royal Chora of the Bosporus]. Vol. 1. Moscow.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin.
- Michel, Ch. 1900: *Recueil d'inscriptions grecques*. Bruxelles.
- Mordvintseva, V.I. 2017: «Krymskaya Skifiya» i «Pozdneskifskaya culture Kryma»: formirovanie i razvitiye ponyatiy [“Crimean Scythia” and the “Late-Scythian Culture”: A Formation of Concepts]. In: V.I. Mordvintseva et al. (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdru Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.)* [Crimean Scythia in the System of Cultural Relations between East and West (3rd century BC – 7th century AD)]. Simferopol–Moscow, 15–33.
- Nawotka, K. 1989: The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs. *Latomus* 48, 326–338.
- Nikonov, A.A. 2000: Seysmicheskiy potentsial krymskogo regiona: sravnenie regional'nykh kart i parametrov vyyavlennykh sobyitiy [Seismic Potential of the Crimean Region: Comparison of Regional Maps and Parameters of Identified Events]. *Fizika Zemli* [Physics of the Earth] 7, 53–62.
- Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Pavlichenko, N.A. 2007: Novaya nadpis' epokhi Farnaka, syna Mitridata VI Evpatora, iz Germonassy [A New Inscription of the Age of Mithradates VI from Hermonassa]. In: *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon: Sacred Meaning of the Region, Sites, Findings. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, 304–306.
- Saprykin, S.Yu. 2022: K publikatsii novoy epitafii s gorodiscsha Artezian v Krymu [On the Publication of the New Epitaph from Artezian Settlement, Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 175–183.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I. 2024: Stol-trapeza s ostatkami dvukh grecheskikh nadpisey iz poseleniya Artezian na Evropeyskom Bospore [Dining Table with Remains of two Greek Inscriptions from the Artezian Settlement, European Bosporus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] (forthcoming).
- Sidorenko, V.A. 2005: Epitafiya skifskogo tsarya Argota [An Epitaph of Argotes, the Scythian King]. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavriki* [Materials in History, Archaeology and Ethnography of Tauria] 11, 59–70.
- Solomonik, E.I. 1979: *Novye epigraficheskie pamyatniki Chersonesa* [New Epigraphical Monuments from Chersonesus]. Kiev.
- Vinokurov, N.I. 2012: *Arkheologicheskie pamyatniki v Krymskom Priazov'e (po materialam AAE 1988–2011)* [Archaeological Sites in the Crimean Azov Region (Based on Materials of the Artezian Archaeological Expedition 1988–2011)]. Tubingen.
- Vinokurov, N.I. 2021: Raskopochnye raboty Artezianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Moskovskogo Pedagogicheskogo Gosudarstvennogo Universiteta (MPGU) v 2020 godu. Excavations by the Artezian Archaeological Expedition of the Moscow Pedagogical State University (MPSU) in 2020. In: *Istoriya i arkheologiya Kryma XV. Sbornik kratkikh soobshcheniy po itogam polevogo arkheologicheskogo sezona 2020 goda na Krymskom poluostrrove* [History and Archaeology of the Crimea XV. Collection of Brief Reports on the Results of the 2020 Field Archaeological Season on the Crimean Peninsula]. Simferopol, 216, 14–26.
- Vinokurov, N.I. 2022: Opyt izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e [Experience of Studying Archaeological Sites in the Artesian Tract, the Crimean Azov Region]. *Thracia Balcanica* 1, 9–34.
- Vinokurov, N.I., Korzhenkov, A.M., Rodkin, M.V. 2015: K otsenke seismicheskoy opasnosti rayona Kerchenskogo proliva po dannym arkheoseysmologii [Towards an Assessment

- of the Seismic Hazard of the Kerch Strait Region based on Archeoseismological Data]. *Voprosy inzhenernoy seismologii [Problems of Engineer Seismology]* 42/2, 51–66.
- Vinokurov, N.I., Nikonov, A.A. 2004: Totalnye razrusheniya vtoroy poloviny III veka nashey ery na Bospore kak khronologicheskii reper [Complete Destructions of the Second Half of the 3rd c. AD in the Bosphorus as a Chronological Indicator]. In: *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov [Bosporan Phenomenon: Problems of Chronology and Dating of Monuments]*. Pt. 1. Saint Petersburg, 95–103.
- Vinokurov, N.I., Yaylenko, V.P. 2022a: Vtoraya epitafiya s gorodishcha Artezian v Krymskom Priasovye [The Second Epitaph from the Artezian Settlement (the Crimean Azov Region)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 31–52.
- Vinokurov, N.I., Yaylenko, V.P. 2022b: Tretaya epitafiya s gorodishcha Artezian v Krymskom Priasovye [The Third Epitaph from the Artezian Settlement (the Crimean Azov Region)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 95–134.
- Vnukov, S.Yu. 2022: O vremeni razmeshcheniya voisk Mitridata Evpatora v Severo-Zapadnom Krymu po dannym numizmatiki [About the Period of Deployment of the Troops of Mithradates Eupator in the Northwestern Crimea (according to Numismatic Data)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 77–83.
- Yaylenko, V.P. 2006: Posvyatitelnye graffiti Pantikapeya i okruzi [Dedicatory Graffiti from Pantikapaeum and Suburbs]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosphorus]* 9, 355–428.
- Yaylenko, V.P. 2013: Ocherki etnicheskoy, politicheskoy i kulturnoy istorii Skifii VIII–III vekov do nashey ery [Essays on Ethnic, Political and Cultural History of Scythia 8th–3rd cc. BC]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII veka do nashey ery – VII veka nashey ery* [History and Epigraphy of Olbia, Chersonesus and Bosphorus from the 7th c. BC to 7th c. AD]. Saint Petersburg.
- Yaylenko, V.P. 2019: Epigraficheskie zametki [Epigraphical notes]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* 39, 117–209.
- Zaytsev, Yu.P. 2018: U zapadnykh granits Bospora. Varvary Tsentralnogo Kryma po rezultatam noveyshikh issledovaniy [At the Western Borders of Bosphorus. Barbarians of Central Crimea Based on the Results of the Recent Research]. In: *Bosporskiy fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira [Bosporus Phenomenon: General and Specific in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]*. Pt. 2. Saint Petersburg, 206–211.
- Zavoykina, N.V. 2023: O voyne tsarya Aspurga protiv skifov i navrov [The War of King Aspurgus against the Scythians and Taurians]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 252–271.
- Zubar, V.M. 2000. Novye latinskie epigraficheskie pamyatniki II – serediny III vv. iz Khersonesa, Balaklavy i Kharaksa [New Latin Epigraphical Records of the 2nd – middle 3rd c. AD from Chersonesus, Balaklava and Charax]. *Stratum plus* 6, 220–238.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

TEMPLE OF ZEUS GENARCH WITH DEDICATION INSCRIPTION OF
KING PHARNACES AT THE ARTEZIAN SETTLEMENT
(THE CRIMEAN AZOV REGION)

Nikolay I. Vinokurov¹, Valeriy P. Yaylenko²

¹ *Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

² *Independent Researcher, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru* ² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

In 2023, the remains of the Temple of Zeus Genarch were discovered on the southern temenos of the Artezian settlement. According to the dedicatory inscription on the architrave, it was built by Pharnaces (63–51/50 BC). The details of the order have been preserved in good condition due to their secondary use in a 4th-century AD grave and the sacrificial pits around it. All that remains of the temple is its massive foundation; it rests on the foundations of a slightly larger previous temple, built under Mithridates Eupator and destroyed by an earthquake of 63 BC. Perhaps, after Pharnaces' victory over the Crimean Scythians near Artezian, he built a new temple in honor of Zeus Genarch. Along with the temple, the southern temenos included two altars, western and eastern. The head and fragments of a large white-marble statue of Zeus were also found here. The dedicatory inscription is written on temple architrave, a little but important part of the text is lost, nevertheless its content is understandable. It permits make some conclusions on Pharnaces' military actions against the Crimean Scythians, also about ancient name of the Artezian settlement.

Keywords: Bosporan Kingdom, Artezian settlement, Mithridates VI, Pharnaces, dedicatory inscription, Temple of Zeus Genarch, statue of Zeus, altars

В МУЗЕЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 272–282
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 272–282
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-272–282

НЕРАЗРУШАЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШЛЕМА XII–XIII ВВ. ИЗ ГОРОДЦА

А.Е. Негин¹, М.С. Шестакова²

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ E-mail: negin@imomi.unn.ru ² E-mail: shestakova.marimysa@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-4945-4452 ² ORCID: 0009-0003-4941-6496

Публикуются результаты неинвазивных исследований средневекового шлема из Городца в собрании Городецкого историко-художественного музейного комплекса (инв. № ГРМ 3397). Шлем относится к т.н. «крутобоким» шлемам типа IV, по классификации А.Н. Кирпичникова, традиционно датируемым XII–XIII вв. На посеребренной поверхности шлема частично сохранились остатки изображений, наведенных позолотой, но некоторые участки до сих пор покрывает толстый слой укрепленных продуктов коррозии, не удаленных в ходе реставрационных работ. Полумаска шлема фрагментирована в нижней части (обломан наносник), также значительно повреждена тулья. С целью экспертизы состояния поверхности шлема, выявления его конструктивных особенностей и уточнения сохранившихся элементов декоративного украшения авторами статьи была произведена его фотофиксация в режиме макросъемки, что позволило уточнить остатки изображений на поверхности тульи. Проводились цифровая фотосъемка в инфракрасном и ультрафиолетовом свете и рентгенография в нескольких проекциях. Полученные данные позволяют оценить корректность проведенной реставрации и консервации шлема, а также степень его современного состояния.

Ключевые слова: шлем, доспех, Древняя Русь, Золотая орда, естественно-научные методы исследования в археологии, УФ-флуоресценция, рентгенография, макрофотография

Данные об авторах: Андрей Евгеньевич Негин – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков ИМОМИ ННГУ; Мария Сергеевна Шестакова – младший научный сотрудник кафедры истории Древнего мира и средних веков ИМОМИ ННГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (№ 24-28-00083). <https://rscf.ru/project/24-28-00083>.

В фондах Городецкого историко-художественного музейного комплекса (далее – ГИХМК) хранится уникальная находка – богато украшенный позолотой и серебрением средневековый шлем¹. Он был случайно найден в середине 1980-х гг. местным жителем на своем приусадебном участке при рытье компостной ямы. Первое сообщение о находке было сделано нижегородским археологом Т.В. Гусевой, которая договорилась о передаче находки в Городецкий краеведческий музей². В 1993 г. шлем прошел реставрацию³. Журнал «Вокруг света» посвятил находке небольшую популярную заметку, осторожно связав шлем с именем Александра Невского⁴. Следует отметить, что в данных публикациях не проводился комплексный анализ этой важной находки. Между тем дискуссионные вопросы, связанные с датировкой и местом изготовления данного шлема, требовали проведения сравнительного анализа с другими известными его аналогиями, а также изучения имеющегося иконографического материала. Такая попытка была предпринята А.Е. Негиным в небольшой брошюре «Шлем из Городца: тайны, факты, гипотезы» (Саратов, 2001 г.)⁵, содержащей расширенное описание находки и прорисовки шлема. Выдвинутые гипотезы о происхождении шлема и обстоятельствах его утраты породили многочисленные дискуссии⁶. В дальнейшем изучение шлема из Городца нами было продолжено, опубликованы результаты уточненных и более развернутых исследований⁷.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для комплексного определения состояния городецкого шлема после проведенных реставрационных работ потребовался ряд исследований междисциплинарного характера, включая неразрушающие естественнонаучные методы. Следует учесть, что шлем длительное время пролежал в земле, а в момент находки был поврежден ударом лопаты и перед реставрацией выглядел плачевно⁸. Поверхность его покрывал толстый слой ржавчины, в ряде мест имелись повреждения. В частности, тулья шлема была расколота сбоку почти по всей высоте. Плохо сохранилась полумаска, приклепанная к налобному вырезу: она полностью запылилась коррозией и распалась на две части, одна из которых отвалилась вместе с нижней частью тульи шлема. По словам находчиков, наносник шлема также был найден, но утрачен впоследствии⁹. На лобной части тульи имелась большая глубокая круглая вмятина, а наверх шлема было развернуто в обратную сторону, к передней части шлема, и погнуто. Состояние металла было неудовлетворительным, так как коррозия практически полностью местами его разрушила и вызвала вспучивание, что привело к сдвигу слоев железа, серебрения и позолоты относительно

¹ ГИХМК. Инв. № ГРМ 3397.

² Гусева 1992, 37–38.

³ Степанов 1993.

⁴ Кириллов 1996, 29–31.

⁵ Негин 2001.

⁶ Каинов, Кулешов, 2014; Кулешов 2014, 140–143; Нестеров 2021.

⁷ Негин 2013; 2024.

⁸ Негин 2024, 10–13, рис. 1–4

⁹ Негин 2024, 25.

Рис. 1. *a* – остатки налобного золоченого декора шлема из Городца; *b* – макрофотография «символа» на поверхности шлема. Фото А.Е. Негина
 Fig. 1. *a* – traces of gilded forehead decoration of the Gorodets helmet; *b* – macrophotography of the “symbol” on the surface of the helmet. Photo by A.E. Negin

друг друга. По этой причине целые фрагменты слоя серебрения попросту отвалились от шлема, разрушив часть его декоративного украшения.

Реставрация проведена в 1993 г. О.В. Степановым, студентом Суздальского художественно-реставрационного училища в рамках его дипломной работы. Несмотря на усилия в ходе реставрации и консервации не всю поверхность шлема удалось расчистить должным образом (особенно это касается затылочной части, где утрата верхнего слоя серебрения и позолоты самая значительная). Для оценки количества утрат поверхности в результате коррозии, а также состояния шлема в целом после проведенной реставрации нами было предпринято его исследование при помощи различных методов неразрушающего исследования археологического артефакта: фотофиксации шлема в режиме макросъемки, фотосъемки в ультрафиолетовом свете, а также рентгенографии.

Техническая фотография, применяемая при исследовании археологических артефактов, представляет собой набор спектральных изображений, полученных с помощью цифровой камеры и различных источников освещения¹⁰. Эти изображения также могут предоставить предварительную информацию для идентификации материалов, которые по-разному выглядят в различных диапазонах волн излучения. Но даже если выводы, которые можно сделать на основе полученных изображений, не всегда являются окончательными, эта методика все равно имеет важное значение в области реставрации артефактов в силу своей простоты и относительной доступности: если человеческий глаз способен воспринимать очень узкий спектральный диапазон длин волн от 400 до 720 нм (видимый свет)¹¹, то получаемая с помощью фотографирования информация выходит за эти рамки и может передаваться как в коротком ультрафиолетовом (400–10 нм)¹², рентгенов-

¹⁰ Cosentino 2015, 54.

¹¹ Гагарин 1994, 460.

¹² Рябцев 1998, 221.

ском (100 до 10–3 нм)¹³, так и в длинноволновом инфракрасном диапазоне (от 1–2 мм до 0,74 мкм)¹⁴. Исследование городецкого шлема с комплексным применением исторических и естественно-научных методов позволяет расширить представление не только о текущем состоянии артефакта, но и выявить технологические особенности изготовления шлема.

Прежде всего, была произведена детальная макросъемка всей поверхности шлема, необходимая для уточнения декоративных элементов, наведенных позолотой (рис. 1, *а*). Фотографии накладывались на данные калькирования, проведенного О.В. Степановым в ходе реставрации шлема. В ряде случаев это помогло дополнить некоторые элементы, которые не были отражены при калькировании. Например, макросъемка прояснила следующий момент. При визуальном изучении шлема на поверхности одного из боковых элементов вертикального деления нижней части тульи было выявлено нечто похожее на очень мелкие непонятные символы (рис. 1, *б*). Но при макросъемке стало очевидно, что это не более чем результат коррозионного процесса и особенностей расчистки поверхности, при которых совершенно неожиданно на полностью разрушенной коррозией посеребренной и позолоченной поверхности с изображением цветка лилии сохранилось несколько тонких линий серебрения, представляющимися тамгаобразными символами. Таким образом, макросъемка выявила мельчайшие детали на поверхности шлема.

Для получения изображения во всем спектральном диапазоне длин волн излучения была произведена фотосъемка в инфракрасном диапазоне с использованием модифицированного фотоаппарата Canon EOS 600D, снабженного светофильтром, пропускающим лучи с длиной волны от 850 нм и более (рис. 2, *а*). Инфракрасную фотографию обычно применяют реставраторы картин и икон, поскольку инфракрасные лучи имеют способность проникать вглубь слоя краски¹⁵. Считается, что для металлических артефактов применение инфракрасной фотографии неэффективно. Однако фотофиксация в данном спектральном диапазоне также была нами произведена.

Ультрафиолетовая фотография представляет собой процесс получения изображений с использованием излучения только ультрафиолетового (УФ) спектра. Такие изображения могут выявить ухудшение качества артефактов, проанализировать результаты их реставрации¹⁶. С этой целью производилась фотофиксация в ультрафиолете с использованием ультрафиолетового фонаря Convoy S2+ UV 365nm со светодиодной лампой Nichia с длиной волны 365 нм с высоким потоком. Именно длинноволновое излучение (УФ 365 нм) применяется для анализа повреждений артефакта, проведенной реставрации и внесенных в структуру предмета изменений¹⁷. Фотосъемка производилась цифровой камерой в формате RAW, полученные изображения были обработаны с целью их цветовой коррекции с применением программного обеспечения Adobe Camera RAW. УФ-флуоресценция фиксирует излучение, которое наблюдается, когда электрон молекулы или атома,

¹³ Блохин 1994, 375.

¹⁴ Малышев 1990, 181.

¹⁵ Delaney, Walmsley, Barrie, Fletcher, Delaney 2005, 120–136.

¹⁶ Rorimer 1931.

¹⁷ Mairinger 2000, 56; Cosentino 2015, 55.

Рис. 2. *a* – фотографии шлема из Городца, сделанные с помощью инфракрасного фильтра; *б* – фотографии шлема в ультрафиолете. Фото А.Е. Негина

Fig. 2. *a* – photographs of the Gorodets helmet taken with an infrared filter; *b* – photographs of the helmet in ultraviolet light. Photo by A.E. Negin

будучи возбужден УФ-излучением в более высокое энергетическое состояние, возвращается в свое обычное состояние, испуская при этом фотон с энергией, которая соответствует разнице между двумя состояниями¹⁸. В случае с металлическими произведениями искусства ультрафиолетовые лучи редко бывают пригодны для информативного исследования, так как флуоресценции в данном случае не возникает, металлические поверхности хорошо отражают лучи¹⁹. Но если металлические поверхности были обработаны лаками или другими органическими материалами при реставрации предмета, это можно выявить с помощью ультрафиолетовых лучей благодаря флуоресценции обычно невидимых веществ. Результатом этого становится визуализация состояния поверхности с различными загрязнениями, что способствует оценке текущего состояния артефакта и точному документированию предыдущей реставрации предмета.

Флуоресценция под действием УФ-излучения нами использовалась с целью выявить весь массив утраченных участков поверхности шлема, замещенных при реставрации, поскольку флуоресценция не требует отбора пробы с поверхности образца, являясь неразрушающей методикой исследования, и при этом позволяет достаточно информативно проследить предыдущие реставрационные работы и другие вмешательства в объект. Ультрафиолетовый свет делает видимыми главным образом органические вещества – связующие материалы, клей и их остатки, применявшиеся при реставрационных работах. На представленных фотоснимках (рис. 2, б) можно хорошо проследить участки, окрашенные в голубой цвет, что маркирует эпоксидный клей, которым реставратор приклеивал к куполу шлема отдельные куски полумаски. Также видны участки, заполненные синтетическим клеем ПБМА, которым укреплялись отдельные нестабильные кусочки на поверхности тульи. В дополнение к этому проявился эпоксидный клей с дублировочной массой, изготовленной из оксида железа, который обрабатывался танином. Этой субстанцией укреплялись трещины как на внутренней, так и на внешней поверхности тульи шлема. Полученные данные показали неутешительные результаты в оценке нынешнего состояния поверхности шлема, количества и площадей утрат слоя серебрения и позолоты. Серебряное покрытие почти всей лобной части тульи выкрошилось, стерев часть орнаментального украшения шлема, а также «надписи» (если таковая там когда-то присутствовала). Нами была изготовлена графическая схема на основе фотофиксации состояния шлема в ультрафиолетовом свете (рис. 3). Голубым цветом отмечены следы реставрации шлема, а черный цвет маркирует утраты слоя серебрения с наведенным по его поверхности золоченым орнаментом. В результате анализа сохранившихся элементов декора следует констатировать бесперспективность возможности восстановления орнаментального убранства и гипотетической надписи, по крайней мере, при помощи имеющихся на данный момент технологий.

С целью уточнения конструктивных особенностей и состояния шлема было проведено рентгенографическое исследование (рис. 4). Рентгенография является неразрушающим методом исследования, позволяющим выявить незаметные под слоем коррозии различные элементы декора – следы чеканного или гравированного рисунка. Рентгенография особенно важна для работы с очень ценными и

¹⁸ Cosentino 2015, 58.

¹⁹ Rorimer 1931, 42.

Рис. 3. Графическая схема утрат поверхности шлема, созданная на основе фотофиксации состояния шлема в ультрафиолетовом свете. Графика А.Е. Негина
 Fig. 3. Graphic diagram of the losses of the helmet surface, created on the basis of photographic recording of the helmet's condition in ultraviolet light. Graphics by A.E. Negin

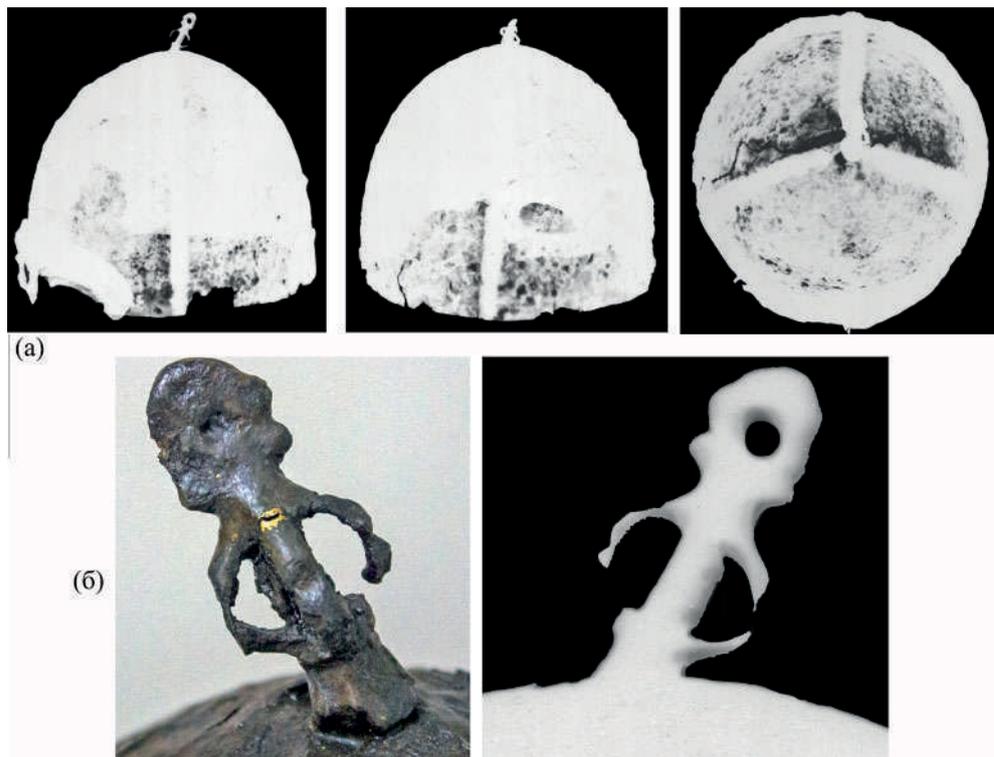

Рис. 4. *a* – рентгенография шлема из Городца; *b* – фото и рентген навершия шлема
 Fig. 4. *a* – X-ray analysis of the Gorodets helmet; *b* – photo and X-ray analysis of the top of the helmet

хрупкими предметами. К сожалению, рентгенография не выявила четких следов разметки под декоративное золочение шлема, хотя все же в некоторых местах лобной части стали различимы отдельные вертикальные гравированные линии на поверхности, которые наносились на металл в качестве разметки перед позолотой. Вместе с тем рентгенография шлема позволила уточнить его конструкционные особенности. На рентгеновских снимках можно рассмотреть шесть технологических отверстий для крепления бармицы на полумаске, ныне частично скрытых под толстым слоем ржавчины. Такие же отверстия стали видны на стыках пластин купола шлема, в местах их соединения потайными заклепками. Еще одно технологическое отверстие на навершии шлема, заплывшее продуктами коррозии, также проявилось благодаря рентгеновскому излучению (рис. 4, б). Рентген показал имеющиеся дефекты купола шлема – степень коррозированности металла, его разрывы и трещины. На рентгеновских снимках достаточно отчетливо просматриваются самые минерализованные участки с полностью окислившимся металлом, попадающие в категорию стативной коррозии²⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изучении особо ценных и хрупких объектов культурного наследия, к которым относится городецкий шлем, очевидна важность применения именно неразрушающих методов для анализа внутренних и скрытых деталей артефакта. Так, использованные фотографические техники позволили, насколько это возможно в их рамках, исследовать шлем из ГИХМК в различных аспектах. Благодаря им получено более детальное представление о декоре шлема в его современном состоянии, уточнены его конструкционные особенности, оценены результаты проведенной реставрации и консервации шлема. Однако требуется дальнейшее исследование артефакта в аспекте постоянно совершенствующихся методов естественнонаучных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Блохин, М.А. 1994: Рентгеновское излучение. В кн.: А.М. Прохоров (ред.), *Физическая энциклопедия*. Т. 4. *Пойнтинга – Робертсона – Стримеры*. М., 375–377.
- Буршнева, С.Г., Сенаторова, О.Ю. 2021: Активная коррозия музейных предметов из металла и методы ее диагностирования. *Археология Евразийских степей* 6, 242–253.
- Гагарин, А.П. 1994: Свет. В кн.: А.М. Прохоров (ред.), *Физическая энциклопедия*. Т. 4: *Пойнтинга – Робертсона – Стримеры*. М., 460.
- Горелик, М.В. 2002: *Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие*. М.
- Гусева, Т.В. 1992: Итоги и перспективы археологического изучения Городца на Волге. В сб.: Т.В. Гусева (ред.), *Городецкие чтения. Материалы научной конференции. Городец, 24–26 апреля 1991*]. Городец, 37–38.
- Каинов, С.Ю., Кулешов, Ю.А. 2014: Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований. *Stratum Plus* 6, 83–98.
- Кириллов, Ю. 1996: Шлем Александра Невского? *Вокруг света* 11, 29–31.

²⁰ Буршнева, Сенаторова 2021, 244.

- Кулешов, Ю.А. 2014: Место «шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной палаты в ряду поздневизантийских боевых наголовий Восточной Европы. *Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования* 22, 134–152.
- Малышев, В.И. 1990: Инфракрасное излучение. В кн.: А.М. Прохоров (ред.), *Физическая энциклопедия*. Т. 2. *Добротность – Магнитооптика*. М., 181–184.
- Негин, А.Е. 2001: *Шлем из Городца: тайны, факты, гипотезы*. Саров.
- Негин, А.Е. 2013: *Шлем из Городца*. Нижний Новгород.
- Негин, А.Е. 2024: *Шлем из Городца*. 2-е изд. Нижний Новгород.
- Нестеров, И.В. 2021: Надпись на шлеме из Городца. В сб.: Д.А. Антонов (ред.), *Городецкие чтения. Материалы научной конференции, Городец, 26 октября 2018 года*. Вып. 9. Городец, 75–77.
- Рябцев, А.Н. 1998: Ультрафиолетовое излучение. В кн.: А.М. Прохоров (ред.), *Физическая энциклопедия*. Т. 5. *Стробоскопические приборы*. М., 221.
- Степанов, О.В. 1993: *Реставрация археологических предметов из краеведческого музея города Городца: дипломная работа. Суздальское художественно-реставрационное училище*. Суздаль.
- Cosentino, A. 2015: Practical Notes on Ultraviolet Technical Photography for Art Examination. *Conservar Património* 21, 53–62.
- Delaney, J.K., Walmsley, E., Barrie, B.H., Fletcher, C.F., Delaney, J.K. 2005: Multispectral Imaging of Paintings in the Infrared to Detect and Map Blue Pigments. In: *Scientific Examination of Art: Modern Techniques in Conservation and Analysis*. Washington, 120–136.
- Mairinger, F. 2000: The Ultraviolet and Fluorescence Study of Paintings and Manuscripts. In: D.C. Creagh, D.A. Bradley (eds.), *Radiation in Art and Archeometry*. Amsterdam, 56–75.
- Rorimer, J.J. 1931: *Ultraviolet Rays and Their Use in the Examination of Works of Art*. New York.

REFERENCES

- Blokhin, M.A. 1994: Rentgenovskoe izluchenie [X-rays]. In: A.M. Prokhorov (ed.), *Fizicheskaya entsiklopediya*. Т. 4. *Poyntinga – Robertsona – Strimery [Physical Encyclopedia. Vol. 4. Poynting – Robertson – Streamers]*. Moscow, 375–377.
- Burshneva, S.G., Senatorova, O.Yu. 2021: Aktivnaya korrozija muzejnykh predmetov iz metalla i metody ee diagnostirovaniya [Active Corrosion of Museum Metal Objects and Methods for Diagnosing]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian Steppes]* 6, 242–253.
- Cosentino, A. 2015: Practical Notes on Ultraviolet Technical Photography for Art Examination. *Conservar Património* 21, 53–62.
- Delaney, J.K., Walmsley, E., Barrie, B.H., Fletcher, C.F., Delaney, J.K. 2005: Multispectral Imaging of Paintings in the Infrared to Detect and Map Blue Pigments. In: *Scientific Examination of Art: Modern Techniques in Conservation and Analysis*. Washington, 120–136.
- Gagarin, A.P. 1994: Svet [Light]. In: A.M. Prokhorov (ed.), *Fizicheskaya entsiklopediya*. Т. 4. *Poyntinga – Robertsona – Strimery [Physical Encyclopedia. Vol. 4. Poynting – Robertson – Streamers]*. Moscow, 460.
- Gorelik, M.V. 2002: *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie [Armies of the Mongol-Tatars of the 10th–14th Centuries. Martial Art, Equipment, Armament]*. Moscow.
- Guseva, T.B. 1992: Itogi i perspektivy arkheologicheskogo izucheniya Gorodtsa na Volge [Results and Prospects of the Archaeological Study of Gorodets on the Volga]. In: T.V. Guseva (ed.), *Gorodetskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii [Gorodets Readings. Materials of the Scientific Conference. Gorodets, April 24–26, 1991]*. Gorodets, 37–38.

- Kainov, S. Yu., Kuleshov, Yu. A. 2014: Boevye polumaski Vostochnoy Evropy v svete poslednikh nakhodok i novykh issledovaniy [Combat Half-Masks of Eastern Europe in the Light of the Latest Finds and Recent Studies]. *Stratum Plus* 6, 83–98.
- Kirillov, Yu. 1996: Shlem Aleksandra Nevskogo? [A Helmet of Alexander Nevsky?]. *Vokrug sveta [Around the World]* 11, 29–31.
- Kuleshov, Yu. A. 2014: Mesto «shapki grecheskoy s Deisusom» iz sobraniya Oruzheynoy palaty v ryadu pozdnevizantiyskikh boevykh nagoloviy Vostochnoy Evropy [Place of the “Greek cap with Deesis” in the Armory Chamber among the Late-Byzantine Helmets of Eastern Europe]. *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya [Museums of the Moscow Kremlin. Materials and Research]* 22, 134–152.
- Mairinger, F. 2000: The Ultraviolet and Fluorescence Study of Paintings and Manuscripts. In: D. C. Creagh, D. A. Bradley (eds.), *Radiation in Art and Archeometry*. Amsterdam, 56–75.
- Malyshev, V. I. 1990: Infrazrasnoe izluchenie [Infrared Radiation]. In: A. M. Prokhorov (ed.), *Fizicheskaya entsiklopediya. T. 2. Dobrotnost' – Magnitooptika [Physical Encyclopedia. Vol. 2. Quality Factor – Magneto-optics]*. Moscow, 181–184.
- Negin, A. E. 2001: *Shlem iz Gorodtsa: tayny, fakty, gipotezy [Helmet from Gorodets: Secrets, Facts, Hypotheses]*. Saratov.
- Negin, A. E. 2013: *Shlem iz Gorodtsa [Helmet from Gorodets]*. Nizhny Novgorod.
- Negin, A. E. 2024: *Shlem iz Gorodtsa [Helmet from Gorodets]*. 2nd ed., revised. Nizhny Novgorod.
- Nesterov, I. V. 2021: Nadpis' na shleme iz Gorodtsa [Inscription on the Helmet from Gorodets]. In: D. A. Antonov (ed.), *Gorodetskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii, Gorodets, 26 oktyabrya 2018 goda [Gorodets Readings. Proceedings of the Scientific Conference, Gorodets, October 26, 2018]*. Vol. 9. Gorodets, 75–77.
- Rorimer, J. J. 1931: *Ultraviolet Rays and Their Use in the Examination of Works of Art*. New York.
- Ryabtsev, A. N. 1998: Ul'trafiol'etovoe izluchenie [Ultraviolet radiation]. In: A. M. Prokhorov (ed.), *Fizicheskaya entsiklopediya. T. 5. Stroboskopicheskie pribory [Physical Encyclopedia. Vol. 5. Stroboscopic Devices]*. Moscow, 221.
- Stepanov, O. V. 1993: *Restavratsiya arkhologicheskikh predmetov iz kraevedcheskogo muzeya goroda Gorodtsa: diplomnaya rabota. Suzdal'skoe khudozhestvenno-restavratsionnoe uchilishche [Restoration of Archaeological Objects in the Local History Museum of Gorodets: Diploma Work. Suzdal Art and Restoration School]*. Suzdal.

NON-DESTRUCTIVE RESEARCH OF THE 12TH–13TH CC. HELMET FROM GORODETS

Andrey E. Negin¹, Maria S. Shestakova²

¹ E-mail: negin@imomi.unn.ru ² E-mail: shestakova.marimysa@yandex.ru

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The paper discusses the results of non-invasive studies of a medieval helmet from Gorodets in the collection of the Gorodets Historical and Art Museum Complex (inv. No. GRM 3397). The helmet belongs to the so-called “steep-sided” helmets of type IV, according to the classification of A. N. Kirpichnikov, traditionally dating to the 12th–13th cc. The silver-plated surface of the helmet partially preserves the remains of gilded images, but some areas are still covered with a thick layer of reinforced corrosion products that were not removed during restoration work. The

half-mask of the helmet is fragmented at the bottom (the nasal is broken off), and the crown is also significantly damaged. In order to examine the condition of the helmet surface, identify its design features and clarify the surviving elements of decorative ornamentation, the authors of the article photographed it in macro mode, which made it possible to clarify the remains of images on the surface of the crown. Digital photography in infrared and ultraviolet light and radiography in several projections were carried out. The data obtained allow us to assess the correctness of the restoration and conservation of the helmet, as well as the degree of its current condition.

Keywords: helmet, armor, Old Russia, Golden Horde, natural science methods in archaeology, UV fluorescence, radiography, macrophotography

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 283–296
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 283–296
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-283–296

ПАМЯТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО АНТИКОВЕДА КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА ЛАМПСАКОВА (1914–1941)

А.К. Нефёдкин

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

E-mail: alexander-nefedkin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9033-6864

Статья проливает свет на биографию ленинградского антиковеда Константина Павловича Лампсакова (1914–1941), внесшего важный вклад в отечественную науку о древности. Основные источники: его дело – студента и аспиранта ЛГУ (1937–1941 гг.) – в ОА СПбГУ, а также дело о присвоении ему ученой степени кандидата исторических наук в ЦГА СПб (1941 г.). К.П. Лампсаков участвовал в проекте кафедры истории Греции и Рима во главе с С. Я. Лурье по переводу основных биографий Плутарха. Он, в частности, перевел и прокомментировал биографии Агесилая и Цезаря (последнего – совместно с Г.А. Стратановским) для издания 1941 г. 18 июня 1941 г. на заседании ученого совета исторического факультета ЛГУ он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политическая борьба в Беотии в IV в. до н.э. (период фиванской гегемонии)», написанную под научным руководством С.Я. Лурье. К сожалению, К.П. Лампсаков умер от голода в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г.

Ключевые слова: К.П. Лампсаков, ЛГУ, кафедра истории Греции и Рима

Данные об авторе. Александр Константинович Нефедкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской Лаборатории исторической антропологии БелГУ.

Рис. 1. К.П. Лампсаков. Фото 1937 г.
Fig. 1. K.P. Lampsakov. Photo 1937

В марте 2024 г. исполнилось 110 лет со дня рождения ленинградского антиковеда Константина Павловича Лампсакова (1914–1941). Еще профессор Э.Д. Фролов, занимаясь изучением отечественной историографии античности, в устных разговорах замечал, что из ленинградских антиковедов лишь двое оказались забытыми: исследователь позднеимперской армии В.И. Холмогоров (1903–1942) и специалист по древнегреческой истории К.П. Лампсаков. Материал по биографии В. И. Холмогорова уже опубликован¹, и лишь жизненный путь К.П. Лампсакова оставался практически неизвестным. Настоящая статья призвана пролить свет на биографию антиковеда, прожившегося всего лишь 27 лет, но успевшего внести свой заметный вклад в отечественную науку о древности.

Знакомство с К.П. Лампсаковым обычно начинается, когда, читатель биографий Плутарха на русском обращает внимание на необычную фамилию переводчика, образованную от названия древнегреческого города. Будучи старшим школьником и читая жизнеописания, я также заметил эту фамилию, но далее этого мое любопытство не простиралось. Представить человека как личность без воспоминаний, устных либо письменных, достаточно сложно, между тем жизненный путь Лампсакова восстанавливается по двум (а фактически трем) делам: по сшитым документам его как студента и аспиранта ЛГУ (1937–1941 г.) в ОА СПбГУ и по делу о присвоении ему ученой степени кандидата исторических наук (1941 г.) в ЦГА СПб². На материале этих сухих административных документов и построено данное изложение.

Константин Павлович родился 17 марта 1914 г. в семье участкового врача и медсестры на станции Новосержевская Бузулукского уезда Самарской губернии

¹ Банников 2008, 529–540.

² ОАУ. Ф. 1. Личные дела стажеров, аспирантов, соискателей. Св. 38. Д. 1012. Л. 1–44; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12-2. Д. 1552. Л. 1–41. На другие архивные документы даются ссылки.

(ныне Оренбургская область). В 1920 г. семья переехала на станцию Дарьевка Донецкой железной дороги, где Лампсаков поступил в среднюю школу-семилетку. В 1924 г. семья перебралась на станцию Дебальцево на Донбассе, затем, в 1927 г. в Таганрог, где еще в 1941 г. проживали родители Константина Павловича: отец работал терапевтом в железнодорожной поликлинике, а мать – медсестрой в городской амбулатории. В 1929 г. Константин Павлович закончил восемь классов девятилетки, которая была преобразована в Таганрогский механический техникум ЮЖД, куда он поступил сразу на второй курс. Тут в апреле 1930 г. он вступил в ряды ВЛКСМ. И сразу, как было принято у комсомольцев, начал вести активную общественную работу: стал секретарем комсомольской ячейки в техникуме, но из-за своих троцкистских взглядов был снят с руководства. В 1932 г за хорошую успеваемость и участие в общественной работе Лампсаков был награжден грамотой.

Закончив техникум в 1932 г., он 15 месяцев проработал по полученной специальности – техником-механиком в депо по ремонту паровозов в Таганроге (в апреле 1932 – августе 1933 г.). В 1933 г. был даже премирован ценным подарком как ударник производства. Тут Константин Павлович опять проводил активную общественную работу в комсомольской культпроп-ячейке депо, руководя политкружком. Впрочем, согласно информации спецотдела ставшего к этому времени из техникума Институтом механизации, которая была направлена в ЛИФЛИ/ЛГУ 27 декабря 1936 г., Ламсаков, выкрыв свое личное дело комсомольца в депо и не уволившись оттуда, уехал поступать в институт в Ленинград. Эти сведения Константин Павлович, будучи уже в ЛГУ, решительно отрицал, как и свои троцкистские взгляды. Для верификации этих данных 11 февраля 1937 г., т.е. незадолго до выпуска Ламсакова из ЛГУ, деканат истфака запросил начальника спецотдела Таганрогского института социалистического сельского хозяйства о деталях и свидетелях этого казавшего бы странного происшествия, ведь таганрогский горком 29 июня 1933 г. дал Константину Павловичу для поступления в институт положительную характеристику. Партком же института, в свою очередь, подал запрос в горком Таганрога в марте 1937 г. о происхождении данной характеристики, откуда в ответ были присланы копии справки, свидетельства и характеристики Лампсакова (июль 1930 – июль 1933 г.), которые оказались аутентичными. Никаких последствий для К.П. Ламсакова после этой переписки не наступило³.

В 1933 г., сдав экзамены, Константин Павлович поступил на историческое отделение Ленинградского государственного института истории, философии и литературы (ЛИФЛИ) на цикл античного общества, возглавляемый С.И. Ковалевым. В частности, он посещал семинар С.И. Ковалева на 4-ом курсе, где сделал доклад ««Тридцать тиранов» и революционный кризис III в.», который был даже рекомендован к печати в *Ученых записках ЛГУ*, но так и не был опубликован. По-прежнему Константин Павлович вел в институте активную общественную работу как комсорг группы, как член профкома, бюро культмассовой комсомольской ячейки и сектора соцсоревнования при комитете ВЛКСМ. В 1934 г. он был в очередной раз награжден грамотой за хорошую учебу и общественную работу. Впрочем, в феврале 1935 г. ему был вынесен выговор от комитета комсомола

³ ОАУ. Ф. 1. Личные дела стажеров, аспирантов, соискателей. Св. 38. Д. 1012. Л. 8–12.

института без занесения в личное дело за то, что не сигнализировал вовремя о «классовочуждом» происхождении некоего студента М. Кугеля, исключенного из комсомола⁴.

В сентябре 1936 г. после слияния исторических факультетов ЛИФЛИ и ЛГУ, Лампсаков был зачислен на 5-й курс ЛГУ и должен был сдавать в течение года экзамены за 3-й и 4-й курсы. Он был отличником учебы, специализируясь по кафедре истории древнего мира под научным руководством заведующего кафедрой С.И. Ковалева. В июне 1937 г. Константин Павлович окончил обучение на историческом факультете с дипломом первой степени (= с отличием) и был рекомендован в аспирантуру истфака.

2 июля 1937 г. С.И. Ковалев дал ему такую краткую характеристику-рекомендацию: «Декану Истор. фак-та ЛГУ. Кафедра древней истории просит оставить при ней для прохождения аспирантуры тов. Лампсакова К.П., окончившего ныне историч. факультет. Тов. Лампсаков проявил себя как прекрасный студент, обладающий всеми данными для подготовки к научной деятельности. Он в достаточной степени владеет древними языками, а уровень его знаний по древней истории таков, что дает основание кафедре просить деканат об освобождении его от испытаний по специальности в аспирантуру. Еще будучи студентом IV к. ЛИФЛИ, тов. Лампсаков написал в моей семинарии по кризису III в. в Риме доклад ««Тридцать тиранов» и революционный кризис III в.», который был заслушан осенью 1936 г. кафедрой древней истории и одобрен к напечатанию в «Записках» историч. фак-та»⁵.

Таким образом, с 1 сентября 1937 г. Константин Павлович был зачислен в аспирантуру, где получал стипендию 400 руб. – больше средней зарплаты в СССР! В начале его научным руководителем стал С.И. Ковалев. На 1-м курсе аспирантуры Лампсаков изучал оба древних и английский языки; слушал курсы греческой и латинской эпиграфики; прорабатывал литературу по истории Греции; читал «Пир» Платона, «Лисистрату» Аристофана, биографию Цезаря у Светония; занимался в семинаре профессора С.Я. Лурье по истории Греции IV в. до н.э., где сделал доклад «Из истории Фив в IV в. до н.э.», откуда впоследствии явно возникла и тема его кандидатской диссертации. За первый год аспирантуры он сдал два экзамена по кандидатскому минимуму на «отлично»: 7 июня 1938 г. сдал С.Я. Лурье коллоквиум по истории Греции по трем томам «Греческой истории» Густава Глотца. Полностью же сдал кандидатский минимум Константин Павлович к 20 мая 1940 г., также на «отлично».

Константин Павлович оказался способным к изучению языков, хотя никогда и не был за границей. Он хорошо знал лишь немецкий язык, похуже – французский, латынь, древнегреческий и украинский. Английский же язык выучил как второй иностранный на 1-м курсе аспирантуры.

В ЛГУ К.П. Лампсаков по-прежнему вел активную общественную работу: он был комсоргом группы, членом профкома, пропагандистом: в 1937/1938 уч. году он вел занятия кружка по истории ВКП(б) на третьем курсе математическо-механического факультета ЛГУ. В июле 1938 г. был секретарем экзаменационной ко-

⁴ ОАУ. Ф. 1. Личные дела стажеров, аспирантов, соискателей. Св. 38. Д. 1012. Л. 3, 12, 14об.

⁵ ОАУ. Ф. 1. Личные дела стажеров, аспирантов, соискателей. Св. 38. Д. 1012. Л. 2–2об.

миссии на истфаке, которая приняла экзамены у 70 студентов, за что Константин Павлович получил почасовую оплату – 367,5 руб.⁶

В первом полугодии 1937/1938 уч. года одновременно по совместительству Константин Павлович преподавал историю нового времени в Индустриальном торфяном техникуме в Ленинграде, что рассматривалось ЛГУ как прохождение педагогической практики. Со второго полугодия того же года он читал курс, консультировал и принимал зачеты по истории древнего мира в Заочном педагогическом институте ЛГУ в среднем по 6–8 часов в неделю, получая обычную почасовую оплату за час – 10–12,5 руб. Тут он уже работал ассистентом с октября 1937 по декабрь 1940 г.⁷

После ареста С.И. Ковалева в июне 1938 г. по делу «Ленинградского меньшевистского центра» был лишен свободы и его ученик. 24 октября 1938 г. Константин Павлович был арестован и помещен на время следствия во внутреннюю тюрьму Управления госбезопасности при Управлении НКВД по Ленинградской области (УГБ УНКВД ЛО). Тогда же с 29 октября 1938 г. он был отчислен из ЛГУ как не приступивший к занятиям. Однако во время «бериевской оттепели» в связи «прекращением дела» он был освобожден 14 октября 1939 г., восстановлен в ЛГУ на 2-м курсе аспирантуры с 16 октября 1939 г. и вновь принят в ряды ВЛКСМ.

Константин Павлович вернулся к научной деятельности и стал активно прорабатывать литературу по специальности в библиотеках. С 11 по 16 ноября 1940 г. он был направлен в командировку в столицу для сбора материала в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина и в коллекции книг Института Маркса–Энгельса–Ленина.

Принимал Лампсаков активное участие и в научной работе античной кафедры. В 1940 г. он трудился над старой своей темой по римской империи: «Император Галлиен и революционный кризис III в.», однако и эта работа также не была опубликована⁸. Также Константин Павлович по предложению С.Я. Лурье просмотрел и переработал главу XI («Кризис IV века») второй части «Истории Греции», вышедшей из печати лишь в 1993 г.⁹ Он участвовал и в проекте античной кафедры во главе с С.Я. Лурье по переводу основных биографий Плутарха, что было необходимо для проведения университетских семинарских занятий. Он, в частности, перевел и прокомментировал биографии Агесилая и Цезаря (последнего – совместно с Г.А. Стратановским) для издания Плутарха 1941 г. Причем в первой, греческой, части издания были опубликованы лишь примечания Лампсакова – к остальным биографиям эллинов комментарии написал сам С.Я. Лурье¹⁰. Тем самым Константин Павлович внес свой вклад в отечественные источниковедческие исследования античной культуры.

В мае 1940 г. Константин Павлович был определен кафедрой для научного шефства над вновь организованным Карело-финским государственным университетом (КФГУ) в Петрозаводске. 5–25 сентября 1940 г. он был командирован в КФГУ для чтения лекций по всеобщей истории, что рассматривалось в аспиранту-

⁶ ОАУ. Ф. 1. Приказы, август 1938. Л. 91.

⁷ ОАУ. Ф. 1. Приказы, август 1938. Л. 62; ноябрь 1938. Л. 27.

⁸ Отчет 1941, 147.

⁹ Фролов 1993, 24.

¹⁰ Плутарх (1941).

Рис. 2. Объявление о защите диссертации К.П. Лампсакова 18 июня 1941 г.
Fig. 2. Announcement of the defense of K. P. Lampsakov's PhD at 18 June 1941

ре ЛГУ как педпрактика. Повторно Лампсаков поехал в КФГУ на педпрактику с 1 до 16 января 1941 г. А еще 20 декабря 1940 г. КФГУ направил заявку в Наркомпрос РСФСР, ведавший распределением аспирантов, для последующего направления к ним Лампсакова преподавателем древней истории.

В Петрозаводске Константин Павлович обустроил и свою личную жизнь, женившись во второй половине 1940 г. на Екатерине Зиновьевне Серебрянской – доценте кафедры истории историко-филологическом факультета КФГУ, которая была распределена сюда в 1940 г. для преподавания новой истории из Московского института философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ), но недолго тут преподавала.

Между тем, кандидатскую диссертацию Лампсаков представил на кафедру досрочно. На заседании кафедры 14 мая 1941 г. было решено вынести работу на защиту. Тезисы диссертации были утверждены к печати 19 мая 1941 г. Университетская типография под редакцией С.Я. Лурье издала тезисы объемом в 4 страницы тиражом 130 экз.¹¹

В среду 18 июня 1941 г. в 17 ч в аудитории № 75 исторического факультета на заседании ученого совета истфака состоялась публичная защита трех кандидатских диссертаций, первой из которых по хронологии шла работа К.П. Лампсакова «Политическая борьба в Беотии в IV в. до н.э. (период фиванской гегемонии)», написанная под научным руководством С.Я. Лурье. Работа состояла из обширного «Введения» (с. 1–29) и четырех глав, первая из которых – «Экономика Беотии в IV в. до н.э.» (с. 30–106), вторая – «Борьба демократии и олигархии и организация Беотийского союза (382–371 гг. до н.э.)» (с. 107–163), третья – «Эпаминонд и Менеклид: Борьба радикальной демократии с умеренными» (с. 164–231), четвер-

¹¹ Лампсаков 1941а.

тая – «Основные черты внешней политики Фив» (с. 232–285). Заключение нет. Завершается диссертация списком источников и литературы с отдельной пагинации. Текст диссертации, напечатанный на машинке с вписанными словами латинского и греческого шрифта, был передан в Фундаментальную библиотеку им. М. Горького¹².

Оппонентами выступили С.И. Ковалев и известный филолог-классик И.И. Толстой. Отзывы обоих были положительные. Рецензия первого была более общая: «В рецензируемой работе мы имеем дело с научным произведением, удовлетворяющим самым строгим требованиям, которые могут быть предъявлены к кандидатской диссертации. Автором использован весь материал источников и вся технически доступная ему научная литература. В использовании этих материалов им проявлено много критического чутья, умения самостоятельно подойти к разбираемым вопросам»¹³.

Отзыв И.И. Толстого более детален. В частности, он отмечал: «Автор основательно изучил громадную литературу по Эпаминонду, причем сумел дать в своей диссертации совершенно самостоятельный исследовательский труд, основанный на изучении материала фактов. Выводы т. Лампсакова документированы, построены им по данным преимущественно добытых либо из текста древних писателей, либо из надписей. К.П. Лампсаков – филолог; и не берет свой материал из вторых рук; он хорошо владеет и латинским, и греческим языком и свободно поэтому оперирует с первоисточником». Заканчивается отзыв рекомендацией издать работу¹⁴.

На заседании ученого совета факультета, где происходила защита, из 17 членов присутствовало 12, и все проголосовали «за». 20 июня ученый совет ЛГУ утвердил это решение. Константин Павлович получил искомую научную степень кандидата исторических наук. Его работа по истории Беотии классического периода была явно навеяна научными интересами его второго научного руководителя С.Я. Лурье, изучавшего эту тему еще в бытность студентом¹⁵. Она выполнена традиционным историко-филологическим методом анализа источников, но с акцентом на господствующие в то время социально-экономическое направление исследования с целью выяснить классовую сущность интересов отдельных социальных групп и партий¹⁶. Автор, в частности, указывает, что процесс возвышения Фив приходится на время кризиса полиса как традиционной государственной формы греков и тут на основе развития ремесла и торговли возникает беотийская демократия, опирающаяся на массы народа. Развитие же ремесла и торговли приводит демократическую группировку Пелопида, выдвигаемому автором на первый план, и Эпаминонда к поддержке внешней экспансии. Константин Павлович рассматривает внутривнутриполитическую борьбу в Фивах на фоне внешнеполитических событий гегемонии Беотии во второй четверти IV в. до н.э.¹⁷ Этот труд оставался в отечественной историографии единственной работой монографического жанра по теме вплоть до появления диссертации В.Ф. Кутергина в 1970 г.¹⁸

¹² Лампсаков 1941б.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12-2. Д. 1552. Л. 23.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12-2. Д. 1552. Л. 31–32.

¹⁵ Лурье 1914.

¹⁶ Скворцов 2023.

¹⁷ Лампсаков 1941, 1–4.

¹⁸ Кутергин 1970; подробнее см.: Нефёдкин 2020, 61.

1 июля 1941 г. К.П. Лампсаков официально окончил свое обучение в аспирантуре ЛГУ. По распределению он был направлен по путевке Наркомпроса № 11 084 доцентом в КФГУ, но туда не смог выехать из Ленинграда из-за начала войны¹⁹. По состоянию здоровья (плохое зрение?) Константин Павлович не служил в армии и даже был снят с воинского учета (1937 г.). Поэтому он не был призван в армию и не пошел в народное ополчение. До 1 сентября он получал стипендию. А 2 сентября 1941 г. Константин Павлович подал заявление в отдел аспирантуры ЛГУ с просьбой выдать ему карточки на сентябрь, так как КФГУ, куда он определен, выезжает в эвакуацию (как оказалось впоследствии, в Сыктывкар). Просьбы была удовлетворена. Через месяц, 7 октября, Константин Павлович подал декану В.В. Мавродину заявление с указанием на то, что ему будет прислан вызов уже с места эвакуации КФГУ, а пока он остался без средств к существованию и не имеет права устраиваться на постоянную работу; поэтому он просит временно, до вызова из КФГУ, выплачивать ему аспирантскую стипендию. Оперативно в тот же день В.В. Мавродин поставил на заявлении следующую резолюцию: «Ректору ЛГУ проф. Вознесенскому. Со своей стороны считаю возможным ходатайствовать об оставлении на аспирантской стипендии К. Лампсакова. Факультет может использовать его на работе в качестве руководителя групп практ. занятий, консультанта или ст. лаборанта кабинета истории античности (место вакантно)»²⁰. Неясно, был ли Лампсаков оставлен при истфаке. По крайней мере, в приказах ректората за вторую половину 1941 г. распоряжений о его зачислении и увольнения не обнаружено²¹.

В результате Константин Павлович остался в блокадном городе. Он не пережил страшную голодную зиму 1941/1942 гг. и умер от голода в декабре 1941 г. Смерть наступила по адресу – Университетская набережная, 7–9²². Однако, согласно последней регистрации 1941 г., он проживал в Ленинграде по адресу: ул. Чайковского, д. 44, т.е. примерно 5 км от ЛГУ, что при вставшем городском транспорте и не убиравшихся от снега улицах было практически непроходимым расстоянием для изможденных горожан. Поэтому, кажется, что Константин Павлович пребывал какое-то время в здании ЛГУ. Можно полагать, что он скончался в университетском стационаре для оголодавших сотрудников на втором этаже здания Двенадцати коллегий, который как раз и был создан в декабре 1941 г. Место захоронения его неизвестно.

К.П. Лампсаков справедливо считается одним из наиболее талантливых учеников С.Я. Лурье²³. Он – один из двух аспирантов профессора, успевших защититься до Великой Отечественной войны. Учитывая его учебную загруженность и представление диссертации раньше срока, ясно, что научный потенциал Константина Павловича был значительным. Он сумел оперативно перейти от позднеримских сюжетов, предложенных С.И. Ковалевым, к классическим греческим у С.Я. Лурье, от одного научного руководителя к другому, выбрав при этом не столь разработанные в историографии беотийские сюжеты для своей диссертации. К

¹⁹ ОАУ. Ф. 1. Приказы, сентябрь 1941. Л. 46.

²⁰ ОАУ, Ф. 1. Личные дела стажеров, аспирантов, соискателей. Св. 38. Д. 1012. Л. 42об.

²¹ ОАУ. Ф. 1. Приказы ректора по ЛГУ, июль-декабрь 1941.

²² Рабинович 1996, 153, 181; Щербаков 2005, 355.

²³ Калесник 1948, 309.

сожалению, диссертация и статьи К.П. Лампсакова не были опубликованы; из его работ были напечатаны лишь тезисы диссертации и перевод двух биографий Плутарха, который мы используем и по сей день, отдавая дань мастерству переводчика.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В данном приложении приводится единственная опубликованная научная работа К.П. Лампсакова – тезисы к его диссертации, краткий аналог современного автореферата. Две другие написанные им статьи так и не появились. Более новую интерпретацию описываемых событий в отечественной историографии можно найти, в частности, в книге В.Ф. Кутергина 1991 г.²⁴

Лампсаков К.П. Политическая борьба в Беотии в IV в. до н.э. (период фиванской гегемонии): Тезисы к диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук²⁵.

1. История Фив периода их гегемонии представляет несомненный интерес. Фивы являлись старым греческим городом, который переживал свой расцвет только в IV веке, в обстановке общего кризиса греческого полиса. Изучение внутренней истории Фив должно помочь выяснению причин их неожиданного возвышения и упадка. История политической борьбы в Фивах должна дать новый материал для установления закономерностей классовой борьбы в греческом полисе. Между тем, именно эти вопросы мало исследованы в научной литературе.

2. Воссоздание внутренней истории Беотии в IV веке связано с рядом трудностей, прежде всего, вследствие крайне скудного материала документальных источников по этому периоду. Литературные источники представлены, в основном, двумя традициями: антифиванской (произведения Ксенофонта) и беотийской, сохранившейся в измененном виде в сочинениях Непота и Плутарха. Анализ обеих традиций показывает, что версия Ксенофонта не заслуживает предпочтения по сравнению с беотийской. Основные сведения по внутренней истории Фив сосредоточены в произведениях Непота, Плутарха и Диодора.

3. Исследование беотийской экономики должно облегчить выяснение социальной базы и программы отдельных политических группировок. Вопреки общераспространенному мнению Беотия в IV веке не была типично земледельческой областью. В течение Пелопоннесской войны в экономике Беотии происходит коренной перелом, связанный с ростом городского населения и притоком в Беотию рабов и материальных ценностей.

4. IV век – время наибольшего расцвета экономики Беотии. Наряду с появлением новых отраслей ремесла, старые отрасли получают более широкие возможности для своего развития. Особенный расцвет переживают строительное искусство, керамика, скульптура, живопись. Фивы обеспечивают себе выход к морю, что связано с ростом беотийской торговли. В Беотии появляется много иноземцев-ремесленников и торговцев (метэков).

²⁴ Кутергин 1991, 28–130.

²⁵ Текст тезисов приводится по: Лампсаков 1941, 1–4.

5. Расцвет беотийской экономики происходил в условиях кризиса IV века, и это привело к тому, что потенциальные возможности развития не были полностью осуществлены. Зато гипертрофированных размеров достигли непродовольственные отрасли экономики (денежные операции, ростовщичество). Это привело Беотию к острому социально-экономическому кризису в конце III в. до н.э.

6. С ростом беотийского ремесла и торговли в начале IV века связано возникновение в Фивах демократии городского типа. Умеренная цензовая демократия, возглавлявшаяся Исмением, была низвергнута в 382 г. олигархами с помощью спартанцев. Фиванские демократы, укрывшиеся в Афинах, выдвигают новую программу: объединение Беотии, ликвидация имущественного ценза, беспощадная борьба с олигархами. Все эти требования характерны для демократии городского типа. Фиванская демократия во главе с Пелопидом, начинает осуществлять свою программу после переворота 379 г.

7. Переворот 379 г. был тщательно подготовлен демократами и проведен с помощью широких слоев фиванского демоса. С 379 по 371 г. происходит борьба за объединение Беотии, за изгнание из Беотии спартанцев и олигархов. В этой борьбе фиванские демократы опираются на демократию других городов Беотии. Борьба с олигархами под давлением широких демократических масс приобретает социальную окраску; демократическое правительство Беотии проводит массовое изгнание олигархов, не останавливаясь перед уничтожением центров их сопротивления (Платеи, Орхомен), земли и имущество изгнанных и казненных олигархов конфискуются, и, может быть, переделываются между беднейшими гражданами. В целях ликвидации новых возможностей выступления олигархов Беотия реорганизуется в единый полис по образцу Аттики, с уничтожением автономии отдельных городов²⁶.

8. Подлинным руководителем фиванской демократии был не Эпаминонд, а Пелопид. Эпаминонд, аристократ по воспитанию и убеждениям, примкнул к демократическому движению, так как видел в нем путь к процветанию родного города.

Только через семь лет после демократического переворота Эпаминонд, благодаря своей дружбе с Пелопидом, получил доступ к высшим государственным должностям. В дальнейшем, в ходе непосредственной борьбы Фив за гегемонию, значение Эпаминонда, величайшего полководца своего времени, все более возрастает.

Эллинистическая историография создала канонизированный образ Эпаминонда героя и руководителя Фив, и старательно затушевала роль Пелопида. Начало этой традиции положили произведения Эфора. Под влиянием этой традиции находились в XIX веке и ученые, писавшие биографии Эпаминонда.

9. После окончания борьбы с олигархами в Беотии фиванская демократия раскалывается на две группы. Одна из них, представлявшая интересы богатых торгово-ремесленных слоев, объединяется вокруг Пелопида. Во главе второй группы, объединявшей крайние элементы фиванской демократии, находится оратор Менеклид²⁷, один из руководителей переворота 379 г. Группа Менеклида выступает

²⁶ Все-таки города Беотийского союза обладали определенной автономией.

²⁷ Как заметил в своем отзыве И.И. Толстой, Менеклид мог быть и представителем правой группировки, а не левой демократической (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12-2. Д. 1552. Л. 34).

за решительную борьбу со Спартой и олигархами в греческих городах. Основной мишенью для нападений крайних элементов становится Эпаминонд.

10. Так называемый «процесс Эпаминонда» был одним из этапов борьбы крайних демократов с Эпаминондом и Пелопидом. Воспользовавшись неудачей Эпаминонда под Коринфом в 369 году, оппозиция предъявила ему обвинение в государственной измене. Обвинение мотивировалось тем, что Эпаминонд пощадил лакедемонян под Коринфом, а еще до этого выпустил на волю захваченных в Пелопоннесе беотийских беглецов-олигархов и сохранил олигархический строй в занятых фиванцами городах. Пелопид был обвинен в том, что, находясь в Фессалии, он создал там сильный Фессалийский союз, возглавлявшийся аристократией (Алевадами).

Пелопиду удалось добиться оправдания для себя и своего друга, но Эпаминонд был смещен с должности беотарха. Впоследствии возвеличивающая Эпаминонда традиция создала легенду о привлечении фиванских полководцев к ответственности за самовольное продление своих полномочий и об оправдании Эпаминонда благодаря его блестящей защитительной речи. Эта версия должна была скрыть истинное содержание процесса.

11. Следующим этапом борьбы Менеклида с Эпаминондом были события 367 г. Во время третьего похода в Пелопоннес Эпаминонд оставил нетронутыми олигархический строй в Ахайе. Менеклид добился отмены распоряжений Эпаминонда, и в коллегию беотархов 366 года прошли представители крайних демократов. Только возвращение Пелопида из Персии с выгодными для фиванцев условиями мира снова обеспечило перевес группе Пелопида.

12. В 364 г. крайние элементы одержали свою последнюю победу. Во время отсутствия Эпаминонда Менеклид провел решение о разрушении Орхомена, где был открыт центр большого олигархического заговора. Представители крайних демократов прошли в коллегию беотархов на 363 г. и возглавили экспедицию в Фессалию, снаряженную с целью отомстить за гибель Пелопида. Последняя схватка между Менеклидом и Эпаминондом произошла после возвращения последнего из морского похода. В этой схватке Эпаминонд одержал верх над своим противником, Менеклид погиб при неизвестных обстоятельствах.

13. Общепринятый взгляд на группу Менеклида, как на «мирную партию» в Фивах, неправилен. Программой Менеклида в области внешней политики была борьба со Спартой и олигархами других городов и союз с демократическими полисами Греции. Менеклид выступает против борьбы Фив за гегемонию там, где эта борьба не была направлена непосредственно против олигархов.

14. Единственным государством, по отношению к которому Менеклид требовал мирной политики, были демократические Афины. В самих Афинах радикальные демократы, представители беотийской группировки, выступали за союз с Фивами. Таким образом, обе группы крайних демократов действовали в одном направлении, каждая в своем городе. Умеренные демократы в Афинах во главе с Каллистратом, пропагандировали беспощадную борьбу с Фивами. Эпаминонд и Пелопид, стремясь к гегемонии Фив, пытались нанести Афинам решающий удар (морской поход Эпаминонда).

15. Борьба Пелопида с Александром Ферским идеализирована беотийскими источниками, которые изображают ее, как борьбу фиванцев за свободу всех гре-

ков. Действительной целью походов Пелопида в Фессалию и Македонию было распространение гегемонии Фив на север Греции. Пелопид стремился осуществить преобладание Фив в Фессалии путем создания двух враждебных лагерей: Фессалийского союза и владений Александра Ферского. Группа Менеклида выступала против помощи фессалийским аристократам. Приверженцы Менеклида были противниками Александра Ферского. Цель политики Менеклида в Фессалии - включение как Фессалийского союза, так и владений Александра Ферского в состав среднегреческого союза.

16. Попытка Фив осуществить свою гегемонию в Греции потерпела крушение вследствие общего кризиса греческого полиса. Греческое рабовладельческое общество не могло продолжать свое существование в рамках полисного строя. Разрешение противоречий кризиса IV века могло быть достигнуто только насильственным покорением гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом) (Энгельс).

ЛИТЕРАТУРА

- Банников, А.В. 2008: В. И. Холмогоров и начало изучения позднеимперской военной организации в отечественной историографии. *Мнемон* 7, 529–540.
- Кутергин, В.Ф. 1970: *Беотийский союз и его борьба со Спартой в первой половине IV в. до н.э.: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук.* М.
- Кутергин, В.Ф. 1991: *Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э.: Исторический очерк.* Саранск.
- Лампсаков, К.П. 1941а. *Политическая борьба в Беотии в IV веке до н.э. (период фиванской гегемонии): Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук.* Л.
- Лампсаков, К.П. 1941б. *Политическая борьба в Беотии в IV в. до н.э. (период фиванской гегемонии): Тезисы к диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Л.*
- Калесник, С.В. (ред.). 1948: *Ленинградский университет за советские годы 1917–1947: Очерки.* Л.
- Лурье, С.Я. 1914: *Беотийский союз.* СПб.
- Нефёдкин, А.К. 2020: *Изучение древнего военного искусства в России и странах СНГ (XVIII – начало XXI в.). Библиография.* СПб.
- Отчет 1941 – *Отчет о деятельности Ленинградского государственного университета за 1940 год: Научно-исследовательская работа.* Л., 1941
- Плутарх. Избранные биографии* (пер. под ред. С.Я. Лурье). М.–Л., 1941
- Рабинович, М.Б. 1996: *Воспоминания долгой жизни.* СПб.
- Скворцов, А.М. 2023: Первые кандидатские диссертации по античной истории в ЛГУ (1938–1941 гг.): к вопросу о формировании советской диссертационной культуры. *История* 14/2 (124). 2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840024836-8-1/>.
- Фролов, Э.Д. 1993: Тернистый путь ученого: С.Я. Лурье и его «История Греции». В кн.: Лурье, С.Я. *История Греции: Курс лекций.* Л., 3–24.
- Щербаков, В.Н. (ред.). 2005: *Блокада, 1941–1944. Ленинград: Книга памяти.* Т. 17. СПб.

REFERENCES

- Bannikov, A. V. 2008: V. I. Kholmogorov i nachalo izucheniya pozdnerimskoy voennoy organizatsii v otechestvennoy istoriografii [V. I. Kholmogorov and the Beginning of the Studies on the Late Roman Military Organization in the Russian Historiography]. *MNEMON* 7, 529–540.

- Frolov, E.D. 1993: Ternisty put' uchenogo: S.Ya. Lur'e i ego «Istoriya Gretsii». [Thorny Path of the Scholar: S.Ya. Lurye and his «History of Greece»]. In: Lurye, S.Ya. *Istoriya Gretsii: Kurs lektsyy*. [History of Greece: Course of Lectures]. Leningrad, 3–24.
- Kalesnik, S.V. (ed.). 1948: *Leningradskiy universitet za sovetskie gody 1917–1947: Ocherki*. [Leningrad University in the Soviet years 1917–1947: Essays]. Leningrad.
- Kutergin, V.F. 1970: *Beotiyskiy soyuz i ego bor'ba so Spartoy v pervoy polovine IV v. do n. e.: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni k. kh. s.* [The Boeotian League and its Struggle Against Sparta in the First Half of the 4th Century BC: PhD Thesis]. Moscow.
- Kutergin, V.F. 1991: *Beotiyskiy soyuz v 379–335 gg. do n.e.: Istoricheskiy ocherk*. [The Boeotian League in 379–335 BC: Historical Essay]. Saransk.
- Lampsakov, K.P. 1941a: *Politicheskaya bor'ba v Beotii v IV v. do n.e. (period fivanskoй gegemonii): Tezisy k dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni k. kh. s.* [Political Struggle in Boeotia in the 4th Century BC (Period of Theban Hegemony): PhD Diss]. Leningrad.
- Lampsakov, K.P. 1941b. *Politicheskaya bor'ba v Beotii v IV veke d. n. e. (period fivanskoй gegemonii): Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. [Political Struggle in Boeotia in the 4th Century BC (Period of Theban Hegemony): PhD Diss.]. Leningrad.
- Lurye, S.Ya. 1914: *Beotiyskiy soyuz*. [The Boeotian League]. Saint Petersburg.
- Nefedkin, A.K. 2020: *Izuchenie drevnego voennogo iskusstva v Rossii i stranakh SNG (XVIII – nachalo XXI v.). Bibliografiya* [Study of Ancient Military Art in Russia and the UIS Countries (18th – early 21st Century). Bibliography]. Saint Petersburg.
- Otchet [Report] 1941 – *Otchet o deyatel'nosti Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta za 1940 god: Nauchno-issledovatel'skaya rabota* [Report on the Activities of Leningrad State University in 1940: Research Work]. Leningrad, 1941
- Plutarch. Izbrannye biografii* [Select Biographies]. Ed. by S.Ya. Lurye. Moscow–Leningrad, 1941
- Rabinovich, M.B. 1996: *Vospominaniya dolgoy zhizni*. [Memories of a Long Life]. Saint Petersburg.
- Shcherbakov, V.N. (ed.). 2005: *Blokada, 1941–1944. Leningrad: Kniga pamyati*. [The Blockade, 1941–1944. Leningrad: The Book of Memory]. 17. Saint Petersburg.
- Skvortsov, A.M. 2023: *Pervye kandidatskie dissertatsii po antichnoy istorii v LGU (1938–1941 gg.): k voprosu o formirovaniі sovetskoy dissertatsionnoy kul'tury* [The First PhD Dissertations on Ancient History at the Leningrad State University (1938–1941): on the Formation of Soviet Dissertation Culture]. *Istoriya* [History] 14/2 (124), <https://history.jes.su/s207987840024836-8-1/>.

IN MEMORY OF THE LENINGRAD CLASSICAL SCHOLAR
KONSTANTIN PAVLOVICH LAMPSAKOV (1914–1941)

Aleksandr K. Nefedkin

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: alexander-nefedkin@yandex.ru

The article sheds light on the biography of Leningrad classical scholar Konstantin Pavlovich Lampsakov (1914–1941), who made an important contribution to Russian classical studies. The main sources are his file as a student and postgraduate student at Leningrad State University (1937–1941) in the United Archives of St. Petersburg State University, as well as the file on

awarding him the academic degree of candidate of historical sciences in the Central State Archive of St. Petersburg (1941). Konstantin Lampsakov participated in the project of the Department of the History of Greece and Rome, headed by S.Ya. Lurye, to translate the main biographies of Plutarch. In particular, he translated and commented on the biographies of Agesilaus and Caesar (the latter together with G.A. Stratanovsky) for the 1941 edition. On June 18, 1941, at a meeting of the Academic Council of the History Faculty of Leningrad State University, he defended his candidate's dissertation on the topic "Political Struggle in Boeotia in the 4th Century BC (the Period of Theban Hegemony)", written under the scientific supervision of S.Ya. Lurye. Unfortunately, K.P. Lampsakov died of starvation in besieged Leningrad in December 1941.

Keywords: Konstantin P. Lampsakov, Leningrad State University, Department of the History of Greece and Rome

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 297–307
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 297–307
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-297–307

КОРИЧНЕВОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В.В. Герасимова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

E-mail: gerasimowa.viktoria1993@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0861-0797

В статье рассматриваются исследования, посвященные коричневоглиняным амфорам: их типологии и археологической локализации производственного центра, в том числе и при помощи естественно-научных методов. Значительных успехов в этом направлении добились С.Ю. Внуков и исследовательская группа польско-грузинской археологической экспедиции в г. Гонио (Апсарос). Однако вопрос определения производственного центра по-прежнему остается открытым. Статья отражает основные этапы исследования данных амфор и современное состояние проблемы.

Ключевые слова: классическая археология, колхидские амфоры, коричневоглиняные амфоры, петрография, Северное Причерноморье, Колхида, Синопа, Трапезунд, Горгииппия

Планомерное изучение коричневоглиняных амфор начинается в конце 1940-х гг. К этому времени было накоплено значительное количество материала как с территории Юго-Восточного, так и Северного Причерноморья. что поставило перед исследователями вопрос об определении центра их производства.

В 1949 г. Б.А. Куфтин, проанализировав материалы из раскопок античных поселений в Грузии, впервые выдвинул предположение о «колхидском» происхождении этих амфор, основываясь на данных статистики: большая часть зарегистрированных находок происходила из данного региона¹. Противоположной точки зрения придерживалась И.Б. Зеест, которая в своих ранних работах локализовала производственный регион в районе Гераклеи Понтийской. Свою точку зрения она объясняла «спецификой керамического теста, изобилующего частыми включениями черных блестящих частиц, а также технологически-

Данные об авторе. Виктория Валерьевна Герасимова – аспирант Центра античной и восточной археологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШУ.

Работа подготовлена в рамках проведения исследования № 24–00–048 «Междисциплинарное исследование торгово-экономических связей античных городов Северного Причерноморья и Колхиды в III в до. н.э. – II в. н.э. по программе «Научный фонд НИУ ВШЭ».

¹ Куфтин 1949, 5–18

ми приемами, которые свойственны изделиям из Синопы и Гераклеи»². Позже, в монографии «Керамическая тара Боспора» (1960) она отказалась от точной локализации, определив производящий регион шире – Южный Понт³. Именно тогда И.Б. Зеест ввела в научный оборот понятие «амфоры из коричневой глины» и предложила в качестве основной характеристики формовочной массы включения пироксена. Состав был определен О.Ю. Круг с помощью оптического микроскопа⁴ (на тот момент – передовой метод исследования). Следует отметить, что впоследствии только в исследованиях С.Ю. Внукова заключение о наличии включений пироксена в формовочных массах ряда коричневоглиняных амфор было подтверждено лабораторно; однако пироксен был обнаружен лишь в части образцов, хотя все они имели сходные включения мелких черных частиц.

Обе гипотезы на момент их выдвижения были весьма убедительны. Тем не менее, широкое распространение в науке получила точка зрения Б.А. Куфтина, как более доказанная. Начался, как подметил Н.В. Ефремов, «целенаправленный поиск сохранившихся следов локального амфорного производства на территории Колхиды»⁵. Долгое время полевые исследования не давали результатов, отсюда доказательства принадлежности этих амфор к колхидскому региону зиждились на сравнительно-статистическом методе. В 1966 г. А.Д. Лордкипанидзе впервые сопоставил формовочную массу коричневоглиняных амфор с бытовой керамикой местного (колхидского) производства. Полученные результаты исследователь подкрепил сравнительно-статистической выборкой граффити на стенках амфор и колхидских пифосов⁶.

В 1969 г. М.М. Трапш опубликовал керамический комплекс из своих раскопок 1959 г. у пос. Красный маяк, включавший фрагменты амфорной тары, черепицы, кухонной посуды, очажные подставки, порции ошлакованной формовочной массы и керамический брак. Несмотря на обилие производственного материала М.М. Трапш не атрибутировал комплекс как место амфорного производства⁷.

В 1974 г. Б.Ю. Михлин впервые разделил коричневоглиняные амфоры по типам и группам, основываясь на материалах Северо-Западного Крыма. Типы были выделены по цвету и структуре формовочной массы и разделены на две большие хронологические группы: «раннюю» и «позднюю». Все типы выделенных амфор бытовали одновременно во II–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э. по всему Северному Причерноморью. Это, по мнению Б.Ю. Михлина, могло свидетельствовать об их параллельном выпуске тремя разными центрами. Сравнительно-статистический анализ ранее опубликованных материалов позволил ему отнести типы I–II к региону Гераклеи Понтийской и Амастрии, а тип III – к Колхиде⁸. Типология Б.Ю. Михлина вызвала много замечаний, в основном – из-за ограниченности источниковой базы. При проведении сравнительно-статистического анализа исследователь привлек материалы Донузлавской археологической экспедиции АН СССР с городищ Беляус, Кульчук и Южно-Донузловское. Самыми

² Зеест 1951, 114.

³ Зеест 1960, 80.

⁴ Круг 1960, 38.

⁵ Ефремов 2011, 284.

⁶ Лордкипанидзе 1966, 137–140.

⁷ Трапш 1969, 225.

⁸ Михлин 1974, 60.

распространенными на этих поселениях были типы I и II, что ставило под сомнение правильность сделанных выводов. Это дало начало новому этапу полемики вокруг проблемы.

Очевидной стала необходимость комплексного подхода к решению вопроса о локализации мест производства коричневоглиняных амфор, в том числе – с привлечением письменных источников. Примером такого направления исследования является статья Ю.Г. Виноградова и Н.А. Онайко 1975 г., в которой исследователи, сопоставив данные письменных источников с малой эпиграфикой, пришли к выводу, что основным производящим центром коричневоглиняных амфор могла быть Гераклея Понтийская⁹. Тем не менее, как верно отметил Н.В. Ефремов, не все аргументы представлялись убедительными. Основной корпус граффити, анализируемых в работе, составляют надписи, которые в силу специфики их нанесения и неполноты текста можно трактовать по-разному, в зависимости от исследовательской задачи¹⁰. Отсюда считать их объективным источником было не совсем справедливо. Тем не менее именно в работе Ю.Г. Виноградова и Н.А. Онайко актуализируется до этого малоизвестная гипотеза И.Т. Кругликовой о «горгиппийском» центре производства коричневоглиняных амфор в I–II вв. н.э. Основанием для таких выводов стали открытие нескольких керамических печей и производственных площадок на территории города и сравнительно-статистический анализ амфорного материала. И.Т. Кругликова полагала, что горгиппийские коричневоглиняные амфоры – это подражание коричневоглиняным амфорам I в. до н.э. – I в. н.э. с кавказского побережья Черного моря. Единственным отличием «горгиппийского» варианта от «кавказского» была глина. Анапские формовочные массы имели, наряду с обилием черных частиц, частые включения шамота и мелкие белые частицы¹¹. Гипотеза И.Т. Кругликовой была охарактеризована специалистами как «неправдоподобная» и широкого распространения не получила. Однако ни один из ее противников не привел сколько-нибудь весомых контраргументов¹².

В 1977 г. в окрестностях Сухума Ю.Н. Воронов открыл керамические печи и производственные площадки эллинистического времени, опубликовав их в совокупности с материалами из Гульрипша, Красного маяка и с Лечкопского плато. Несмотря на значимость находок, убедительно соотнести их с амфорным производством не представлялось возможным. На памятнике не было обнаружено ни амфорного брака¹³, ни иных археологических материалов, убедительно подтверждающих гипотезу¹⁴. Однако число публикаций, доказывающих колхидское производства этого типа амфор, продолжило расти. Центральное место в них уделялось технологическим особенностям изготовления сосудов. Так, например, Р.В. Путуридзе в 1977 г., исследуя амфорный материал из Вани, применив трасологический метод, убедительно доказал совпадение способов

⁹ Виноградов, Онайко 1975, 88.

¹⁰ Ефремов 2011, 286.

¹¹ Кругликова 1966, 150–151.

¹² Виноградов, Онайко 1975, 89.

¹³ Трапш 1969, 225.

¹⁴ Воронов 1977, 162–177.

обработки поверхности коричневоглиняных амфор из Вани и колхидских пифосов¹⁵.

Главным апологетом «колхидской гипотезы» стал Г.Р. Цецхладзе, сделавший основными доказательствами своей точки зрения, вслед за О.Д. Лордкипанидзе, сравнительно-статистические данные и факт непрерывного производства коричневоглиняных амфор в течение долгого времени. Если следовать принятым в настоящее время хронологическим определениям, амфоры этого типа поступали на рынок практически без перерыва примерно с середины IV в. до н.э. до средневековья. Примеры непрерывного производства амфорной тары одним центром в течение продолжительного времени известны и в большинстве случаев подкреплены археологически – обнаружены печи и производственные площадки, инструменты гончарного ремесла, амфорный брак, штампы для клеймения и т.д. К концу XX в. на памятниках Колхиды ничего из перечисленного, что неоспоримо указывало бы на амфорное производство, найдено не было¹⁶. Тем не менее Г.Р. Цецхладзе настаивал на исключительно «колхидской» родине коричневоглиняных амфор. Для доказательства развитой производственно-ремесленной традиции в Колхиде III в. до н.э. – начала I в. н.э. исследователь пересмотрел результаты работ М.М. Трапша и Ю.Н. Воронова¹⁷, трансформировав их в неоспоримые факты¹⁸. Многие специалисты усомнились в таких беспелляционных выводах. Первым обратил внимание на это В.И. Кац, выразивший сомнение в самом факте существования «колхидских» амфор и попытавшийся в очередной раз вывести вопрос в дискуссионное поле¹⁹, но, к сожалению, открытой научной полемики так и не состоялось. Термин «колхидские» прочно закрепился за коричневоглиняными амфорами, а далее от вопроса о месте производства коричневоглиняных амфор исследователи перешли к разработке их типологии и датировке.

В 2002 г. М. Халваши на материалах римской крепости Апсарос (г. Гонио, Грузия) предложил четырехчастную типологию коричневоглиняных амфор²⁰. Несмотря на то, что работа была выстроена на ранее не известном материале, что уже представляло большую ценность, она не получила широкого распространения из-за языкового барьера – публикации ее на грузинском языке и небольшим тиражом.

Ведущую роль в разработке типологии коричневоглиняных амфор заняли С.Ю. Внуков и Г.Р. Цецхладзе. Их типология значительно отличалась от разработок Б.Ю. Михлина и М. Халваши и основывалась на материалах из Северного Причерноморья и Колхиды²¹. С.Ю. Внуков определил основные типобразующие признаки для сосудов с разных территорий. Затем, на их основе, он выделил три сменяющих друг друга морфологических варианта с подвариантами²². Технологические особенности вариантов эллинистического

¹⁵ Путуридзе. 1977, 68–71.

¹⁶ Воронов 1977, 139; Шамба 1977, 23–29.

¹⁷ Воронов 1977, 162–171; Трапш 1969, 226.

¹⁸ Цецхладзе 1991, 62.

¹⁹ Кац 2001, 51–53.

²⁰ Khalvashi 2002, 90.

²¹ Внуков, Цецхладзе 1991, 170–185.

²² Tsetskhladze, Vnukov 1992, 357–386.

времени исследователи объясняли преемственностью ремесленных традиций Синопы колхидскими мастерами несмотря на то, что убедительных доказательств для этого не было²³. Затруднения возникли и с анализом амфор римского времени. Невзирая на тщательный отбор материала, выстроить четкую хроно-типологическую систему не удалось, что отмечал сам С.Ю. Внуков, связывая допущенные неточности, особенно в отношении амфор II–III вв. н.э., с «возможным расширением ареала производства коричневоглиняных амфор и, как следствие, появлением локальных морфологических вариантов»²⁴. Это противоречие побудило С.Ю. Внукова вновь обратиться к вопросу определения места их производства. В своей статье 1992 г., посвященной этому вопросу, он впервые использует данные естественно-научных методов (сравнительной петрографии). Аналитическая группа амфор из Северного Причерноморья включала 28 образцов, главным образом из Западного Крыма. Они охватывали широкий хронологический отрезок: от IV в. до н.э. по II в. н.э. Для сравнения был взят 81 образец из Юго-Западной и Северо-Западной частей Грузии IV в. до н.э. – III в. н.э., а также образцы из Гераклеи Понтийской. Выявить устойчивые закономерности при сопоставлении образцов из Западного Крыма и Грузии С.Ю. Внукову не удалось. Тем не менее, он, основываясь на минералогических отличиях «коричневой глины» от иных видов формовочной массы, пришел к выводу, что местом производства коричневоглиняных амфор с IV в. до н.э. по II в. н.э. была именно Колхида²⁵.

Такое заключение выглядело не вполне обоснованным, поэтому автор отметил, что выводы предварительные и требуют дополнительного исследования. К разрешению поставленного вопроса С.Ю. Внуков возвращался неоднократно. В работе 2001 г., исследовав амфорный материал из Севастополя (Сухум), он, на данных петрографии, выдвинул гипотезу о двух производственных центрах античной Колхиды²⁶ и планомерно ее доказывал в последующих статьях²⁷. При этом С.Ю. Внуков признавал, что регион производства этих амфор может быть значительно шире, и, как минимум до конца III в. н.э., охватывать Восточное или Юго-восточное Причерноморье²⁸. Это, по мнению исследователя, заставляет говорить о них как об «амфорах колхидского круга производства»²⁹.

Одновременно с работами С.Ю. Внукова выходят статьи Е.М. Алексеевой, которые в очередной раз актуализируют гипотезу И.Т. Кругликовой о горгиппийском происхождении ряда коричневоглиняных амфор. Впервые к этому вопросу Е.М. Алексеева обратилась в 1992 г., изучая виноделие в Горгиппии. В отличие от И.Т. Кругликовой, выстраивавшей свою доказательную базу на анализе керамики и найденных производственных площадок, Е.М. Алексеева в первую очередь обращает внимание на количество и производственные мощности виноделен Горгиппии в I в. до н.э. – I в. н.э. Их высокая производительность объяснялась возможным экспортом сырья, для транспортировки которого

²³ Брашинский 1973, 187.

²⁴ Внуков 2006, 160, 164.

²⁵ Внуков 1992, 75, 89.

²⁶ Внуков 2001, 144–164.

²⁷ Vnukov 2010, 29–37.

²⁸ Внуков 2012, 11.

²⁹ Vnukov 2011, 277–278.

требовалась собственная амфорная тара³⁰. Весомым аргументом в пользу этого предположения были результаты подробного сравнительно-статистического анализа амфорной тары из городских слоев и закрытых комплексов (подвалов) I в. н.э. Он показал типологическую однородность материала, что весьма характерно для производящего центра³¹. Однако на фоне результатов естественно-научных исследований С.Ю. Внукова, работы Е.М. Алексеевой, для большинства исследователей не выглядели убедительными и поэтому, к сожалению, остались без должного внимания.

В 2011 г. Н.В. Ефремов на основании анализа керамических клейм, амфорного и производственного материала и опираясь на исторический контекст, предложил гипотезу о «трапезундской родине» части коричневоглиняных амфор. Н.В. Ефремов, как и Е.М. Алексеева, предполагал, что для производства этих амфор характерна полицентричность. Автор не единожды подвергал сомнению концепцию производственной гегемонии Колхиды. Результаты естественно-научных исследований он не считал убедительными. По его мнению, во II–III вв. н.э. Трапезунд и Колхида одновременно производили морфологически идентичную амфорную тару. Вопрос о месте изготовления более ранних эллинистических форм исследователь оставил открытым, осторожно предложив в качестве возможного центра Амастрию³². К похожим выводам пришли М. Халваши и Э. Кахизде. В начале 2000-х гг. в крепости Апсарос М. Халваши открыл гончарную печь, производственные площадки и многочисленный амфорный брак II–III вв. н.э.³³. Сравнив полученный материал с амфорами из музеев Южного Причерноморья, исследователь пришел к двум интересным выводам. С одной стороны, форма сосудов II в. н.э. из Апсароса была близка амфорам Синопы, с другой – на ножках ряда амфор из Южного Причерноморья были ремесленные следы, характерные для колхидской амфорной тары Апсароса II–III вв. н.э. Это, по мнению исследователей, свидетельствовало о преемственности ремесленных традиций вследствие тесных торговых связей регионов. По причине возможной полицентричности производства, вслед за Д. Кассаб-Тезгёр, М. Халваши и Э. Кахизде предложили называть коричневоглиняные амфоры II–III вв. н.э. «псевдоколхидскими»³⁴. Однако, несмотря на множество доказательств в пользу полицентричности производства коричневоглиняных амфор в науке укрепилась «колхидская» идея Г.Р. Цецладзе–С.Ю. Внукова.

Следуя ее основным положениям, сотрудники польско-грузинской экспедиции в 2018 г. провели естественно-научные исследования керамики из крепости Апсарос. Главной задачей было установить факт амфорного производства на памятнике. Методику была комплексная, сочетавшая рентгенофазовый и структурно-химический анализы и метод археологической петрографии. Аналитическая выборка включала 49 образцов керамики и природных глин³⁵. Керамическая часть состояла из фрагментов клейменной черепицы,

³⁰ Алексеева 1995, 7–44.

³¹ Алексеева 2008, 19.

³² Ефремов 2011, 324.

³³ Khalvashi 2002, 10–15.

³⁴ Khalvashi, Kakhidze 2014, 192.

³⁵ Karasiewicz-Szczypiorski et al. 2018, 503.

амфорной тары и кухонной посуды местного производства. Таким образом исследователи надеялись решить главную материаловедческую задачу: определение преемственности между местной ремесленной продукцией и «условно» импортируемой керамикой. Принцип отбора, место забора природных образцов и систему глиноподготовки исследователи не пояснили. Несмотря на впечатляющий объем проделанной работы, ее результаты оказались весьма скромными: уверенно соотнести данные керамики местного производства с амфорной тарой и формовочными массами из природных глин не удалось³⁶.

В 2020 г. петрографические исследования формовочных масс коричневоглиняных амфор из Фатса (Чингирт-Каясси) провели турецкие исследователи. При классификации материала они пользовались типологией С.Ю. Внукова. Большая часть материала была сильно фрагментирована, поэтому некоторые атрибуты ставились под вопрос. Это, впрочем, не помешало исследователям выделить несколько типов формовочных масс и сравнить их с данными С.Ю. Внукова. Показатели некоторых из них качественно отличались, что заставило турецких археологов усомниться в правильности «колхидской гипотезы». Вновь был поднят вопрос о возможной «полицентричности» амфорного производства³⁷, однако, как и раньше, его актуализация не привела к началу дискуссии. По-прежнему самой популярной гипотезой оставалась «колхидская».

В 2022 г. А. Рогава предпринял попытку усовершенствовать и дополнить типологию «колхидских амфор» С.Ю. Внукова. К уже имеющимся типам был добавлен еще один, под литерой G. Весь материал происходил из римской крепости Апсарос и насчитывал 419 образцов. Типология А. Рогавы состояла из пяти типов: G1–G5. Многие из них сочетались с типами С.Ю. Внукова. Единственным отличием стали четыре подварианта типа G1³⁸. Несмотря на оригинальность и многочисленность материалов, представленная типология методически не совсем удачна. Большая часть амфорного материала была представлена фрагментами, что не дает полного представления о форме сосуда и его метрических показателях и затрудняет дальнейшее определение и датирование. Тем не менее работа не получила широкого признания из-за ее публикации на грузинском языке, что значительно сузило круг читателей.

В том же году к вопросу изучения коричневоглиняных амфор вернулась П. Комар (Польша). Как и в 2018 г., объектом ее исследований стал материал из крепости Апсарос. При помощи археометрических методов было проанализировано 455 фрагментов керамики. Большая часть из них датировалась римским временем. По формовочным массам изделий, основываясь на данных макроскопического анализа, было предположено три производственных зоны: синопская, абхазо-аджарская колхидская и не уточненная географически зона, производившая «оранжевоглиняную с включениями пироксена, белых и неопределенных частиц» керамику. Напомним, что первыми наличие пироксеновых включений установили в 1960 г. И.Б. Зеест и О.Ю. Круг методом оптической микроскопии, что лабораторно подтвердил лишь для части образцов С.Ю. Внуков в 2010 г. С неоднородностью «мелких черных частиц» столкнулись и польские археологи при

³⁶ Karasiewicz-Szczypiorski et al. 2018, 511.

³⁷ Erol, Tamer 2022, 538–539.

³⁸ Rogava 2022, 163–164.

макроскопическом исследовании. Фракции, которые не могли быть охарактеризованы как пироксен, указывались обобщенно как «включения обломочных пород». В заключение П. Комар отнесла большую часть коричневоглиняных амфор Апсароса, несмотря на видовое разнообразие, к абхазо-аджарской «колхидской» группе и лишь небольшую часть – гипотетически к Трапезунду, отметив необходимость для уверенной атрибуции дополнительных исследований³⁹.

Такое исследование представляет коллективная работа польских и грузинских археологов 2024 г. Объектами изучения на этот раз стали как коричневоглиняные амфоры, так и амфоры других производственных центров из раскопок Апсароса. Большая часть коричневоглиняных амфор была представлена археологически целыми формами и фрагментами. Она охватывала все основные типы по типологии С.Ю. Внукова: Ch1A, Ch1B, Ch1C, Ch1D. Значительная часть приходилась на римский период. Формовочные массы, как и прежде, были разделены на три группы. Однако в этой работе исследователи отказались от региональных названий. Группы получили свои наименования по характеристикам массы: цвет, структура, включения. Полученная статистика была сопоставлена с аналитикой амфорной тары других производственных центров. В результате основным импортирующим регионом для Апсароса был назван юго-восточный берег Черного моря⁴⁰. Коричневоглиняные амфоры по традиции были отнесены к региональному «абхазо-аджарскому» производству⁴¹. Однако для такого вывода не было приведено никаких веских оснований кроме макроскопического анализа формовочных масс.

Таким образом, на данный момент все исследования можно условно объединить в три крупных историко-археологических направления: «южнопонтийское» (И.Б. Зеест, Ю.Г. Виноградов, Н.А. Онайко), «колхидское» (Б.А. Куфтин, О.Д. Лордкипанидзе, Р.В. Путуридзе, Ю.Н. Воронов, Т.К. Шамба, Г.Р. Цецхладзе, С.Ю. Внуков, М. Дашкевич, Ш. Мамуладзе, П. Комар, А. Рогава) и «полицентричное» (Б.Ю. Михлин, И.Т. Кругликова, Е.М. Алексеева, Н.В. Ефремов, Д. Кассаб-Тезгёр, М. Халваши, Э. Кахизде, А.Ф. Erol, D. Tamer). Аргументы каждого из них весьма убедительны, но не приближают к решению вопроса. Усугубляет ситуацию запутанность терминологической традиции. Амфоры в публикациях получают свое название в зависимости от концептуальных взглядов авторов: «коричневоглиняные», «колхидские», «колхидского круга производства», «коричневоглиняные колхидские», «псевдоколхидские». Это осложняет работу как с литературой, так и с материалом: трудно установить, когда и кем был введен в научный оборот новый материал и насколько он актуален. Решить этот вопрос, на наш взгляд, можно лишь отказавшись от приверженности к какой-либо из существующих гипотез. Основой исследования должен стать принцип объективности. Главным методологическим подходом – междисциплинарный, методом – естественно-научный эксперимент, результаты которого могут быть проверены и в случае необходимости подвергнуты критике.

³⁹ Komar 2022, 45.

⁴⁰ Komar, Rogava 2024, 72–73.

⁴¹ Komar, Rogava 2024, 87.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1995: Vinodelie v Gorgippii [Winemaking in Gorgippia]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection]* 6, 7–44.
Алексеева, Е.М. 1995: Виноделие в Горгиппии. *БС* 6, 7–44.
- Alekseeva, E.M. 2008: Gorgippiya. Korichnevoglianyane amfory iz kompleksov pervykh vekov nashey ery [Brown-Clay Amphorae from the First Centuries AD Complexes]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 12, 14–43.
Алексеева, Е.М. 2008: Горгиппия. Коричневоглиняные амфоры из комплексов первых веков нашей эры. *ДБ* 12, 14–43.
- Erol, A.F., Tamer, D. 2020: Evaluations on Colchian Amphorae Retrieved from Fatsa/Cingirt Kayasi Excavations. *Rei Critariae Romanae Fautores Acta* 46, 538–539.
- Brashinskiy, I.B. 1973: Sinopa i Kolkhida [Sinope and Colchis]. In: *Voprosy drevney istorii [Issues of the Ancient History]* (Kavkazsko-blizhnevostochnyy sbornik [Caucasian-Middle Eastern Collection] IV). Tbilisi, 187.
Брашинский, И.Б. 1973: Синопа и Колхида. В сб.: *Вопросы древней истории* (Кавказско-ближневосточный сборник IV). Тбилиси, 187.
- Efremov, N.V. 2011: Nekotorye voprosy ekonomicheskoy istorii Yugo-vostochnogo Prichernomor'ya (k probleme lokalizatsii korichnevoglianyanykh amfor) [Some Issues of Economic History of the South-Eastern Black Sea Region (Towards the Problem of Localization of Brown-Clay Amphorae)]. *Antichnyy mir i arkheologiya [Classical World and Archaeology]*, 15. Saratov, 284–331.
Ефремов, Н.В. 2011: Некоторые вопросы экономической истории Юго-восточного Причерноморья (к проблеме локализации коричневоглиняных амфор). *АМА* 15, 284–331.
- Kats, V.I. 2001: Amfory Kolkhidy: mif i real'nost' [Amphoras of Colchis: Myth and Reality]. In: V.P. Kopylov (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka. Materialy X mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 29 maya – 3 iyunya 2001 g. [International Relations in the Black Sea Basin in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the X International Scientific Conference, May 29 – June 3, 2001]*. Rostov-on-Don, 51–53.
Кац, В.И. 2001: Амфоры Колхиды: миф и реальность. В сб.: В.П. Копылов (ред.), *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г.* Ростов-на-Дону. 51–53.
- Karasiewicz-Szczypiorski, R., Mamuladze, S., Aslanishvili, L., Daszkiewicz, M. 2018: Ceramic Building Material from the Roman Forts on the Colchis Coast: Archaeology and Archaeoceramological Analysis. *Polish Archaeology in the Mediterranean* 27/1, 485–526.
- Khalvashi, M. 2002: *Ceramics from the Gonio-Apsarus*, Batumi, 10–15.
- Khalvashi, M., Kakhidze, E. 2014: Concerning to the Relationships between Eastern Black Sea Area and Outside World in the Roman and Early Byzantine Periods. *Phasis* 17, 189–196.
- Komar, P. 2022: The Evolution of “Colchian” Amphorae from Ancient Apsaros: The State of Current Research and Future Perspectives. *Studia Antiquitatis et Medii Aevi Incohantis* VII, 39–51.
- Komar, P., Rogava, A., Motskobili, T. 2024: Transport Containers from the Apsaros Fortress (Modern Gonio), Georgia (1st–7th century AD). A Preliminary Overview of Forms and Fabrics. In: *ŚWIATOWIT Supplement Series C: Pontica et Caucasia*. Vol. IV. Warsaw, 71–92.

- Krug, O.Yu. 1960: Opticheskoe issledovanie bosporskoy keramiki [Optical study of Bosporan ceramics]. In: Zeest, I.B. *Ceramic Containers from the Bosporus* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 83), 128–132.
- Круг, О.Ю. 1960: Оптическое исследование боспорской керамики. В кн.: Зеест, И.Б. *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). М., 128–132.
- Kruglikova, I.T. 1966: *Bospor v pozdneantichnoe vremya* [Bosporus in Late Antiquity]. Moscow.
- Кругликова, И.Т. 1966: *Боспор в позднеантичное время*. М.
- Kuftin, V.A. 1949: *Materialy k arkheologii Kolhidy* [Materials for the Archaeology of Colchis]. Vol. I. Tbilisi.
- Куфтин, В.А. 1949: *Материалы к археологии Колхиды*. Т. I. Тбилиси.
- Lordkipanidze, O.D. 1966: *Antichnyu mir i drevnyaya Kolhida* [The Ancient World and Ancient Colchis]. Tbilisi (In Georgian).
- Лордкипанидзе, О.Д. 1966: *Античный мир и древняя Колхида*. Тбилиси. (на груз. яз.).
- Mikhlin, V.Yu. 1974: Amfory «korichnevoy gliny» iz Severo-Zapadnogo Kryma. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 60–67.
- Михлин, В.Ю. 1974: Амфоры «коричневой глины» из Северо-Западного Крыма. *СА* 2, 60–67.
- Puturidze, R.V. 1977: Kolhidskie amfory iz Vani. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 151, 68–71.
- Путуридзе, Р.В. 1977: Колхидские амфоры из Вани. *КСИА* 151, 68–71.
- Shamba, T.K. 1977: Predvaritel'nye itogi rabot na Esherskom gorodishche. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 151, 23–29.
- Шамба, Т.К. 1977: Предварительные итоги работ на Эшерском городище. *КСИА* 151, 23–29.
- Sozник, V.V., Tsetskhladze, G.R. 1991: Kolkhidskie amfory ellinisticheskogo perioda v Khersonese (K voprosu ob ekonomicheskikh svyazyakh Kolkhidy i Khersonesa) [Colchian Amphorae of the Hellenistic Period in Chersonese (Towards Determining of Economic Relations between Colchis and Chersonese)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 62.
- Созник, В.В., Цецхладзе, Г.Р. 1991: Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе (К вопросу об экономических связях Колхиды и Херсонеса). *ВДИ* 2, 61–67.
- Trapsh, M.M. 1969: *Trudy* [Works]. Vol. 2. Sukhumi.
- Трапш, М.М. 1969: *Труды*. Т. 2. Сухуми.
- Tsetskhladze, G.R., Vnukov, S.Y. 1992: Colchian Amphorae: Typology, Chronology, and Aspects of Production. *Annual of the British School at Athens* 87, 357–386.
- Vinogradov, Yu.G., Onayko, N.A. 1975: Ob ekonomicheskikh svyazyakh Geraklei Pontiyskoy s Severnym Prichernomor'em v ellinisticheskoe i rimskoe vremya [On the Economic Relations of Heraclea Pontica with the Northern Black Sea Region in Hellenistic and Roman Times]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 86–93.
- Виноградов, Ю.Г., Онайко, Н.А. 1975: Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным Причерноморьем в эллинистическое и римское время. *СА* 1, 86–93.
- Vnukov, S.Yu., Seckhladze, G.R. 1990: Kolkhidskie amfory Severo-Zapadnogo Kryma [Colchian Amphorae from Northwestern Crimea]. In: *Pamyatniki zhelezного века v okrestnostyakh Evpatorii* [Iron Age Monuments in the Vicinity of Yevpatoria]. Moscow, 170–185.
- Внуков, С.Ю., Цецхладзе, Г.Р. 1990: Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма. В сб.: *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 170–185.
- Vnukov, S.Yu. 2010: Problems of “Brown Clay” (Colchean) Amphora Studies. Typology, Chronology, Production Centers, Distribution. In: *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde internat. de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006*. Paris, 29–37.

- Vnukov, S.Y. 2011: «Colchean» Amphorae from Abkhazia. In: *PATABS II. Production and trade of amphorae in the Black Sea: Acts of the Intern. round table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007*. Sofia, 277–278.
- Vnukov, S.Yu. 1992: К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья. In: V.I. Kats, S.Yu. Monakhov (eds.), *Греческие амфоры: проблемы развития ремесла и торговли в античном мире [Greek Amphorae: Problems of Development of Crafts and Trade in the Ancient World]*. Saratov, 68–89.
- Внуков, С.Ю. 1992: К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья. В сб.: В.И. Кац, С.Ю. Монахов (ред.), *Греческие амфоры: проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 68–89.
- Vnukov, S.Yu. 2001: О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* X, 144–164.
- Внуков, С.Ю. 2001: О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор. *ПИФК X*, 144–164.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Pt. 2. Petrografiya, hronologiya, problemy trgovli [Pontic Amphorae of the 1st century BC – 2nd century AD. Pt 2. Petrography, Chronology, Trade Issues]*. Saint Petersburg.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э. Ч. 2. Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Vnukov S.Yu. 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время. *Rossiyskaya arkhologiya [Russian Archaeology]* 4, 5–15
- Внуков, С.Ю. 2012: Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время. *РА* 11, 5–15.
- Voronov, Yu.I. 1977: К изучению керамического производства Dioskuriady . *Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]* 2, 162–171.
- Воронов, Ю.И. 1977: К изучению керамического производства Диоскуриады. *СА* 2, 162–171.
- Rogava, A. 2022: Typo-Chronological Analysis of Hellenistic and Roman Period Colchian Amphoras from Ajara Coastal Region on the Basis of New Data. *Gonio-Apsaros* XII, 163–164. (In Georgian with an English summary).
- Khalvashi, M. 2002: *Ceramic Containers of Gonio-Apsaros. Gonio-Apsaros II*. (In Georgian).

“BROWN-CLAY” AMPHORAE: HISTORIOGRAPHY AND THE STATE OF CURRENT RESEARCH

Victoria V. Gerasimova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

E-mail: gerasimova.viktoria1993@yandex.ru.

The article discusses studies devoted to brown-clay amphorae: their typology and archaeological localization of the production center, including the use of natural science methods. Significant success in this area was achieved by S.Yu. Vnukov and the research group of the Polish-Georgian archaeological Mission in Gonio (Apsaros). However, the issue of determining the production center still remains open. The article reflects the main stages of the study of these amphorae and the current state of the problem.

Keywords: classical archeology, Colchian amphorae, brown-clay amphorae, petrography, Northern Black Sea region, Colchis, Sinope, Trebizond, Gorgippia

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-308–316

ПЕРЕПИСКА В.В. ЛАТЫШЕВА И
К.К. КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧА
В АРХИВАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И СЕВАСТОПОЛЯ

Н.А. Павличенко¹, Т.А. Прохорова²

¹ *Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес
Таврический», Севастополь, Россия*

¹ *E-mail: nat.pavlichenko@gmail.com* ² *E-mail: grejpfirut@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0002-0238-842X* ² *ORCID: 0000-0002-8836-3425*

Эпистолярное наследие академика В.В. Латышева представляет собой важный источник для изучения эпиграфических памятников Северного Причерноморья. Особенный интерес вызывает его переписка с первым заведующим музеем и раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжиничем, которая хранится в личном фонде Латышева в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук и научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (всего 54 письма и две телеграммы).

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Херсонес Таврический, В.В. Латышев, К.К. Косцюшко-Валюжинич, эпиграфика, эпистолярное наследие, переписка

Каждая лишняя строчка ... доставляет
мне живую радость ...¹

Переписка антиковедов XIX–XX вв. всегда привлекала внимание не только историков науки, но и археологов и эпиграфистов. Особый интерес вызывает переписка создателя главного корпуса лапидарных надписей Северного Причерноморья «*Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*» В.В. Латышева (1855–1921)

Данные об авторах. Наталья Андреевна Павличенко – старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН; Татьяна Александровна Прохорова – кандидат исторических наук, заведующий научно-архивным отделом ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 24-18-00202, <https://rscf.ru/project/24-18-00202/> «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» в ИИМК РАН.

¹ Из письма В.В. Латышева К.К. Косцюшко-Валюжиничу от 9 сентября 1890 г. НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

с сотрудниками музеев на юге России – в Севастополе и Керчи. С некоторыми из них взаимоотношения являлись достаточно формальными, с другими официальный обмен письмами превращался со временем в отношения по-настоящему дружеские и коллегиальные. Именно так обстояло дело с К.К. Косцюшко-Валюжиничем (1847–1907).

Их переписка отложилась в нескольких архивах, благодаря чему мы имеем редкую возможность ознакомиться с комплексом регулярной переписки двух ученых на протяжении семнадцати лет, с 1890 по 1907 гг. В хранящемся в СПбФ АРАН личном фонде В.В. Латышева переписка составляет опись 2, в нее входят письма за 1887–1919 гг. (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2). Среди корреспондентов Латышева присутствовали многие занимавшиеся причерноморскими древностями антиковеды, и в их числе крымские археологи и нумизматы, например, А.Л. Бертье-Деллагард и Э.Р. Штерн, а также заведующие музеями древностей в Севастополе и Керчи К.К. Косцюшко-Валюжинич, Л.А. Моисеев, К.Е. Думберг и В.В. Шкорпил. Всего в личном фонде Латышева в СПбФ АРАН сохранилось 22 письма Косцюшко-Валюжинича за 1890–1901 гг. (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23)².

Еще одним важнейшим архивным собранием являются материалы из фонда дореволюционных документов в ГИАМЗ «Херсонес Таврический», включающего материалы по деятельности трех первых заведующих музеем и раскопками в Херсонесе – К.К. Косцюшко-Валюжинича, Р.Х. Лепера и Л.А. Моисеева (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1–3). Документы, касающиеся деятельности Косцюшко-Валюжинича, объединены в Описи 1 этого фонда и представлены 82 единицами хранения за 1888–1908 гг.

Отдельного упоминания заслуживает дореволюционный фонд иллюстративных и картографических материалов, сделанных также при жизни К.К. Косцюшко-Валюжинича (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2). Особую коллекцию среди них составляют эстампажи надписей, рельефов и керамических клейм, которые изготавливались собственноручно Косцюшко-Валюжиничем или чертежником музея М.И. Скубетовым в качестве приложения к отчетам о раскопках. Общее число эстампажей составляет 581 единиц.

Систематизацией собственного научного архива Косцюшко занимался лично, он еще при жизни выделил переписку с Латышевым в отдельный блок. То ли по причине многочисленности писем, то ли придавая этим письмам особое значение, он сформировал из них отдельное дело (в настоящее время – НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50), в то время как прочая переписка (даже с представителями Императорской Археологической комиссии) была оформлена без какой-либо систематизации, а документы были сшиты просто в хронологическом порядке – по годам.

Собранная Косцюшко переписка с Латышевым по служебным, научным и личным вопросам представлена корпусом из 37 документов за 1890–1907 гг.: 29 писем и две телеграммы Латышева к Косцюшко-Валюжиничу, черновики трех обратных писем к В.В. Латышеву, выполненный Косцюшко-Валюжиничем рисунок обломка с греческой надписью (IOSPE I² 273) и оттиски двух публикаций Латышева о херсонесских памятниках³.

² К некоторым из них приложены эстампажи керамических клейм.

³ Латышев 1892, 1–45; 1895, 1–25.

Несколько писем Косцюшко-Валюжинича к Латышеву отложились в других архивах, например, в Научном архиве ИИМК РАН в фонде Императорской археологической комиссии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1) среди документов, связанных с производством раскопок в Херсонесе⁴. В этом же архиве, в фонде эстампажей (РО НА ИИМК РАН. Р-II) хранятся эстампажи херсонесских лапидарных надписей, которые Косцюшко-Валюжинич отправлял в Археологическую комиссию.

В Отделе рукописей РНБ хранятся письма Латышева к И.В. Помяловскому⁵, а в Отделе письменных источников ГИМ'а – письма к А.В. Орешникову⁶, в которых можно найти важную информацию о работе с херсонесскими памятниками и взаимоотношениях Латышева и Косцюшко-Валюжинича.

Впервые Латышев побывал в Херсонесе в 1883 г., когда он был командирован РАО в южные регионы России для сбора эпиграфического материала для IOSPE. В Севастополе он пробыл всего три дня – 27–29 мая 1883 г. В письме к Помяловскому (из Одессы от 10 июня 1883 г.) он рассказывал, что в Херсонесском монастыре, в «старой оранжерее, слывущей под громким названием “музеума”», он нашел почти все надписи, изданные ранее В.Н. Юргевичем в ЗООИД, «в том числе и прелестный документ Диофанта, в который я положительно влюбился» (IOSPE I² 352)⁷.

Не смотря на молодость, Латышев к этому времени был уже вполне сложившимся исследователем. Когда через несколько лет после окончания Петербургского историко-филологического института он был командирован в Афины в качестве стипендиата Министерства народного просвещения (1880–1882 гг.), он, по словам А.В. Никитского, выступил «как равный среди работавших там тогда западноевропейских и греческих ученых с честью для себя и для русского имени»⁸. Его знания, выдающийся талант и редкостная организованность в полной мере проявились в работе над I томом IOSPE, куда вошли надписи Тиры, Ольвии и Херсонеса. Латышев сумел собрать материал и опубликовать его менее чем за три года⁹.

После 1885 г. параллельно с работой над вторым, боспорским, томом IOSPE Латышев продолжает собирать материал по херсонесским лапидарным памятникам. И, судя по его письму А.В. Орешникову, осенью 1888 г. он знакомится с Косцюшко-Валюжиничем, известным ему до того только по публикациям, когда тот приезжал в Петербург для обсуждения дальнейших раскопок в Херсонесе¹⁰.

⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 149. Л. 73–74 об.

⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 928. Л. 17 об.–18; Д. 929. Л. 35–35 об.

⁶ Гайдуков, Павличенко 2023, 28, 30, 55–58, 60, 64, 71, 107, 108, 110.

⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 928. Л. 17 об. – 18. Речь идет о декрете в честь полководца Митридата Евпатора Диофанта, сына Асклепиодора (ок. 110 г. до н.э.), найденном в Херсонесе в 1878 г. (Гос. Эрмитаж, инв. № X.1878.1). Этот декрет повествует о событиях в Херсонесе и на Боспоре в конце II в. до н.э. и является основным источником о восстании Савмака. После его публикации В.Н. Юргевичем (Юргевич 1880, 1–48) он вызвал большой интерес у российских и иностранных ученых. П.-Ф. Фукар (Paul-François Foucart, 1836–1926), директор Французской археологической школы в Афинах в 1879–1890 гг., в своей статье о находке в Херсонесе этого декрета упоминает, что на французский язык эту статью для него перевел В.В. Латышев (Foucart 1881, 71). Декрет в честь Диофанта неоднократно упоминается в письмах Ф.Ф. Соколова к В.К. Эрнштедту и А.В. Никитскому в Афины, где начиная с 1880 г. находились стипендиаты министерства народного просвещения (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 194; Ф. 84. Оп. 1. Д. 55).

⁸ Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев. 1855–1921 [некролог] / Гайдуков, Павличенко 2023, 187.

⁹ IOSPE I¹.

¹⁰ Гайдуков, Павличенко 2023, 28–30; Стоянов 2019, 752–753.

В это время раскопки Херсонеса Таврического перешли в ведение Императорской археологической комиссии, и Косцюшко-Валюжинич, по рекомендации вице-президента Одесского общества В.Н. Юргевича, стал производителем работ в Херсонесе. Первоначально раскопки проводились под формальным руководством Н.П. Кондакова, а с 1891 г. и до 1907 г., то есть вплоть до своей смерти, он являлся заведующим музеем и раскопками в Херсонесе.

Первое из сохранившихся писем относится к 31 июля 1890 г., когда Косцюшко-Валюжинич прислал Латышеву эстампаж надписи о продаже земельных участков 2-й четверти III в. до н.э. (IOSPE I². 403).¹¹ В следующих письмах речь идет об отправке фотографий и копий еще двух знаменитых херсонесских лапидарных памятников – Херсонесской присяги 2-й половины IV – начала III в. до н.э. (IOSPE I². 401) (рис. 1) и надписи на греческом и латинском языках, содержащей переписку наместника провинции Нижняя Мезия и граждан Херсонеса по поводу проституционной подати конца II – 1-й половины III в. н.э. (IOSPE I². 404)¹². Впоследствии присяга граждан Херсонеса вошла в экспозицию открывшегося в Херсонесе 9 (21) августа 1892 г. «Склада местных древностей», там же был помещен перевод ее текста, выполненный Латышевым¹³.

12 сентября 1890 г. Латышев был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа, так что отчеты о раскопках, эстампажи и фотографии, которые Косцюшко-Валюжинич отправлял для него в Археологическую комиссию, проделывали длительный путь, прежде чем попадали к нему в руки. Поэтому уже в конце 1891 г. В.В. Латышев пишет: «Я был бы сердечно Вам признателен, если бы Вы сочли возможным непосредственно от себя сообщ[а]ть¹⁴ мне копии, фотографии или эстампажи вновь находимых Вами надписей. Таким образом, дело их обработки и прочтения пошло бы скорее, нежели при пересылке ч[е]рез Комиссию. При этом я покорнейше просил бы Вас прилагать описание вида и величины камней (если можно, в сантиметрах) и указание места находки каждого, фотографии снимать прямо с камней, не покрытых бумагой (как напр[имер], были они сняты с обломка декрета, найденного Айналовым¹⁵) и не подрисованных для ясности, эстампажи также не подрисовывать. Вместо подрисовки лучше было бы прилагать просто копии, сделанные карандашом, которые могли бы служить для контроля эстампажей. Впрочем, если надпись хорошо сохранилась и эстампаж выйдет удачно, то его одного совершенно достаточно для меня. С[о] своей стороны я готов немедленно по получении копии, или эстампажа, или фотографии уведомлять Вас, если Вам будет угодно, о содержании каждой надписи»¹⁶.

Это свое обещание Латышев методично выполнял и в ответных письмах постоянно информировал Косцюшко-Валюжинича о содержании и датировке новых надписей.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 1; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–3 об.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 2–2 об.; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 30.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 9–10.

¹⁴ В оригинальном тексте письма читаем «сообщить». Исправлено нами.

¹⁵ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) – историк искусства. В 1890–1903 гг. преподавал историю античного и древнерусского искусства в Казанском университете. Упомянутая надпись – фрагмент мраморной плиты с декретом о награждении венком и установке статуи в честь гражданина Херсонеса (IOSPE I². 355), была обнаружена Д.В. Айналовым в 1890 г. в стене одного из херсонесских жилых помещений, открытых раскопками ООИД.

¹⁶ НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 31 об.

Рис. 1. Херсонес Таврический. Экспозиция «Склада местных древностей». Раздел античной эпиграфики. Слева – «Присяга граждан Херсонеса» с переводом В.В. Латышева. Фотография В.И. Заварова. 1899 г.

Fig. 1 Chersonesus Taurica. Exposition of the “Warehouse of Local Antiquities”. Section of ancient epigraphy. Left – “Oath of the citizens of Chersonesos” with translation by V.V. Latyshev. Photo by V.I. Zavarov. 1899.

26 марта 1892 г. херсонесский исследователь посылает Латышеву эстампажи трех эпитафий, найденных при раскопках херсонесского некрополя у южной оборонительной стены. Латышев сразу же отвечает ему – это были эпитафии Аврелия Виатора III (?) в. н.э. (IOSPE I². 566), первого архонта Газурия, сына Метродора I в. н.э. (IOSPE I². 471) и «прекрасного юноши и доблестного воина» Ксанфа, сына Лагорина конца I в. до н.э. – I в. н.э. (IOSPE I². 482)¹⁷. В одном из следующих писем он прислал и стихотворный перевод метрической эпитафии Ксанфа, сына Лагорина, несколько отличающийся от опубликованного впоследствии в «Материалах по археологии России»¹⁸.

В целом, можно сказать, что в переписке Латышева и Косцюшко-Валюжинича так или иначе обсуждаются или хотя бы упоминаются все надписи, состав-

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 3–4 об.; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 32–32 об.

¹⁸ Латышев 1985, 13–14.

ляющие в настоящее время основу корпуса лапидарных памятников Херсонеса Таврического.

Среди них можно упомянуть, например, находки 1893 г.: проксению судовладельца Г. Кая Евтихиана из Синопы II в. н.э. (IOSPE I². 364)¹⁹, фрагмент плиты с декретом в честь «отцов-гераклеотов» 2-й четверти II в. н.э., найденный в ходе раскопок Косцюшко-Валюжинича на границе северного и северо-восточного района городища, возле Уваровской базилики (IOSPE I². 362)²⁰, и мраморный пьедестал с посвящением (?) царя Аспурга 14–38 гг. н.э. (IOSPE I². 573)²¹.

В письмах упоминаются также надгробные памятники в виде небольших мраморных или известняковых вставок с именем и патронимиком умершего, которые помещались в известняковые стелы III–II вв. до н.э. (IOSPE I². 466, 481, 492)²². Надгробные памятники такого типа в Причерноморье встречаются только в Херсонесе.

Помимо лапидарных надписей, в письмах упоминаются и керамические клейма, которые должны были войти в III том IOSPE²³. К письму от 28 ноября 1892 г. Косцюшко прикладывает сделанные им маленькие эстампажи керамических клейм и благодарит Латышева, который одобрил этот метод копирования. Он сообщает, что благодаря положительному отзыву Латышева, Археологическая комиссия рекомендовала К.Е. Думбергу использовать такой же способ копирования для клейм из Керченского музея²⁴. Керамические клейма были среди экспонатов «Склада древностей», и Косцюшко-Валюжинич, описывая посещение Херсонеса Александром III, рассказывает, что «ни одной древности государь не оставил без внимания и даже о надписях на амфорных ручках, выслушав мое объяснение, отозвался, что это очень интересный вопрос»²⁵.

Большая часть переписки Латышева и Косцюшко-Валюжинича посвящена обсуждению новых памятников, но иногда по письмам можно судить и о их личных взаимоотношениях. После 1883 г. Латышев побывал в Севастополе дважды – в июне 1892 г. и в мае 1900 г., когда он еще раз посещает Херсонес, чтобы, как он писал Косцюшко-Валюжиничу, «познакомиться с результатами Ваших раскопок за последние годы и лично пересмотреть и проверить вновь найденные надписи». Очевидно, что после этого визита отношения между двумя исследователями стали еще более теплыми и дружескими, что подтверждают фразы в письмах о младшей дочери Карла Казимировича – «прошу поцеловать милую Ксенечку» и «искренний привет Ксенечке»²⁶.

Косцюшко пишет и о злободневных политических событиях. 26 декабря 1905 г. он сообщает о событиях и настроениях в Севастополе во время революции-

¹⁹ НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 34, эст. № 91; Д. 22. Л. 3, № 91; Д. 50. Л. 36–36 об.; СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 15–15 об.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 16; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 2, № 90.

²¹ НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 40–40 об., 41.

²² НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 58–59.

²³ Первоначально этот том должен был готовить также Латышев, и только в 1897 г. работу над ним передали Е.М. Придику. См. Тункина 1999, 190–191; Гайдуков, Павличенко 2023, 52–55).

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 23. Л. 11–14; РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1 1892. Д. 4. Л. 78–78 об.; Д. 214. Л. 109 об. (Отчет об археологических раскопках в Херсонесе за 1892 г.).

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19. Л. 19.

²⁶ НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 65 об., 66.

онных перемен 1905 г.: «*Не браните меня за то, что отчет за 1904 г. доставлю не ранее конца февраля. Истекающий год был ужасный, беспримерный как для истерзанной внешними и внутренними врагами России, так и для нас, принимающих близко к сердцу как ее горе, так и ее радости. Печать и учащаяся молодежь заявили себя при этом весьма неразумно, заявляя без всяких полномочий от имени народа такие требования, которые ему никогда не приходили в голову. Это была революция по внушению, гипноз, и народ был просто одурачен, был в роли «подставного болвана» разных Шмитов и иных «продуктов местных нечистот», по выражению Салтыкова»²⁷.*

Последнее письмо, отправленное Латышеву Косцюшко-Валюжиничем, датировано 22 сентября 1907 г., в нем содержалось описание, фотографии и эстампажи 29 эпиграфических памятников. В декабре этого же года Косцюшко-Валюжинич ушел из жизни, и с ним завершилась целая эпоха в исследовании Херсонеса. После его смерти В.В. Латышев не терял связи с последующими руководителями Херсонесского музея – Р.Х. Лепером и Л.А. Моисеевым, продолжая начатую К.К. Косцюшко-Валюжиничем работу по публикации эпиграфических материалов из раскопок Херсонеса Таврического. Ход этой работы позволяет проследить переписка, продолжавшаяся между «милостивым государем Карлом Казимировичем» и «мноغوважаемым г. академиком Василием Васильевичем» на протяжении 17 лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдуков, П.Г., Павличенко, Н.А. 2023: Переписка А.В. Орешникова и В.В. Латышева. 1886–1920 / Вступительные статьи, составление, ред. П.Г. Гайдукова и Н.А. Павличенко; автор комментариев Н.А. Павличенко, при участии Е.В. Захарова. М. (Алексей Васильевич Орешников. Переписка. Вып. 1).
- Латышев, В.В. 1892: Херсонесские надписи. В кн.: *Материалы по археологии России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах* 9. СПб., 1–45.
- Латышев, В.В. 1895: Надписи из Херсонеса Таврического. В кн.: *Материалы по археологии России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах* 17. СПб., 1–25.
- Стойнов, Р.В. 2019: Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического. В кн.: А.Е. Мусин, М.В. Медведева (ред.-сост.), *Императорская археологическая комиссия (1859–1917)*. Т. 1. СПб., 743–782.
- Тункина, И.В. 1999: В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия). В кн.: И.П. Медведев (ред.), *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 171–288.
- Юргевич, В.Н. 1881: Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора. *ЗООИД* 12, 1–48.
- Foucart, P.-Fr. 1881: Décret de la ville de Chersonésos en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate. *BCH* 5, 70–87.

²⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 149. Л. 73–74 об.

REFERENCES

- Foucart, P.-Fr. 1881: Décret de la ville de Chersonésos en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate. *BCH* 5, 70–87.
- Gaydukov, P.G., Pavlichenko, N.A. 2023: Perepiska A.V. Oreshnikova i V.V. Latysheva. 1886–1920 [Correspondence of A.V. Oreshnikov and V.V. Latyshev. 1886–1920] / Introductory articles, compilation, ed. by P.G. Gaydukov and N.A. Pavlichenko; comments by N.A. Pavlichenko, with the participation of E.V. Zakharov. Moscow. (Alexey Vasilyevich Oreshnikov. Correspondence. Iss. 1).
- Latyshev, V.V. 1892: Chersonesskie nadpisi [Chersonesus inscriptions]. In: *Materialy po arkhologii Rossii. Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v Yuzhnoy Rossii v 1889–1891 godakh* [Materials on the Archaeology of Russia. Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1889–1891] 9. Saint Petersburg, 1–45
- Latyshev, V.V. 1895: Nadpisi iz Chersonesa Tavricheskogo [Inscriptions from Tauric Chersonesus]. In: *Materialy po arkhologii Rossii. Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v Yuzhnoy Rossii v 1892–1894 godakh* [Materials on the Archaeology of Russia. Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1892–1894] 17. Saint-Petersburg, 1–25
- Stoyanov, R.V. 2019: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo [The Imperial Archaeological Commission and Archaeology of the Tauric Chersonesus]. In: A. Musin, M. Medvedeva (eds.), *Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859–1917)* [The Imperial Archeological Commission (1859–1917)]. Vol. 1. Saint Petersburg, 743–782.
- Tunkina, I.V. 1999: V.V. Latyshev: zhizn' i uchenye trudy (po materialam rukopisnogo naslediya) [Life and Academic Works (based on the manuscript heritage)]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Rukopisnoe nasledie rysskikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [Handwritten Heritage of the Russian Byzantinists in the Archives of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 172–288.
- Yurgevich, V.N. 1881: Psefizm drevnego goroda Khersonesa o naznachenii pochestey i nagrad Diofantu, polkovodtsu Mitridata Evpatora [Psefizm of the Ancient City of Chersonesus on the Appointment of Honours and Awards of Diophantus, General of Mithridates Eupator]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society for History and Antiquities] 12, 1–48.

CORRESPONDENCE BETWEEN V.V. LATYSHEV AND
K.K. KOSTSYUSHKO-VALYUZHINICH IN THE ARCHIVES OF
SAINT PETERSBURG AND SEVASTOPOL

Nataliya A. Pavlichenko¹, Tatyana A. Prokhorova²

¹ Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

² State Historical and Archaeological Museum-Preserve “Chersonesus Taurica”, Sevastopol,
Russia

¹ E-mail: nat.pavlichenko@gmail.com ² E-mail: grejpfrut@mail.ru

The epistolary legacy of Academician V.V. Latyshev is a significant source for the study of epigraphic monuments of the Northern Black Sea region and the history of research on

these inscriptions. Of particular importance is his correspondence with K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich, the first director of the museum and excavations at Chersonesus. It is kept in Latyshev's personal collection at the Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and in the Kostsyushko-Valyuzhinich's personal collection in the Scientific Archive of the State Historical and Archaeological Museum-Preserve "Chersonesus Taurica" (a total of 54 letters and two telegrams).

Keywords: Northern Black Sea region, Chersonesus Taurica, V.V. Latyshev, K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich, epigraphy, epistolary heritage, correspondence

Материалы Круглого стола
«Изучение памятников наскального искусства»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 317–337
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 317–337
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-317–337

ОРНИТОМОРФНЫЕ МОТИВЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА САЯНО-АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Г.Г. Король

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: ggkorol08@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4331-5980

В статье рассмотрены наиболее яркие орнитоморфные мотивы художественного металла Саяно-Алтая с прилегающими территориями и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс. Это распространенные изделия ременных украшений всадника, а также некоторые женские атрибуты, в декоре которых присутствуют образы фантастической птицы феникс и летящей утки. Первый образ известен в двух основных иконографических вариантах, указывающих на их истоки: искусство Китая и Средней Азии/Среднего Востока. Оба варианта используются в двух устойчивых композициях с парными (противостоящими) птицами: у центрального древа и без него. Изображения одиночных птиц-фениксов, не имеющие аналогий, известны в Саяно-Алтае. Условные аналогии им найдены в наскальном искусстве Центральной Азии. Фигурки фениксов в виде наверший булавок преобладают в Саяно-Алтае. Образ летящей утки в его пластическом воплощении на примере двусоставных застежек, распространенный в Саяно-Алтае с прилегающими территориями, рассмотрен в качестве точечного примера отсутствия конкретного культурного импульса-влияния на Северный Тянь-Шань. Общее для обоих регионов – популярность

Данные об авторе: Галина Георгиевна Король – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра палеоискусства ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКТР 122011100061-5).

малых форм художественного металла и характерный для конкретного времени облик декоративного стиля, его синкретизм. Особенное для каждого региона – преобладание тех или иных вариантов иконографии, связанное в первую очередь с приоритетными направлениями культурных влияний и особенностями восприятия образов. Центры производства городской культуры Северного Тянь-Шаня, по-видимому, не были источниками проникновения художественного металла в регион Саяно-Алтая. Рассмотренные композиции свидетельствуют скорее об общих направлениях культурного влияния средневосточного/среднеазиатского искусства в целом, в первую очередь через расселившихся к востоку согдийских мастеров. При этом сугубо китайская стилистика образа феникса зафиксирована лишь на единичных саяно-алтайских находках, ее трансформация шла под «западным» влиянием. Вероятный обратный культурный импульс (из западной части Саяно-Алтая) можно отметить лишь на одном варианте композиции противостоящих фениксов. Влияние из восточной части Саяно-Алтая на рассмотренных материалах не прослежено.

Ключевые слова: Саяно-Алтай и прилегающие территории, Северный Тянь-Шань, тюрветика малых форм, декор, орнитоморфные мотивы, наскальные изображения, средневековье

ВВЕДЕНИЕ

Художественный металл Саяно-Алтая в конце I – начале II тыс. представлен единичными экземплярами тюрветики (сосудами) из драгоценных и цветных металлов; в основном – бронзовыми ременными и прочими деталями снаряжения всадников, а также женскими украшениями¹. Предметы с характерным декором получили широкое распространение в Кыргызском каганате (Средний и Верхний Енисей) IX–X вв. На территории западных соседей енисейских кыргызов – кимако-кыпчакского этнополитического объединения на Северном Алтае и Верхнем Прииртышье – подобные изделия представлены также широко вплоть до середины XI в., в Кузнецкой котловине, возможно, сохранились и в XII в.

Достоверные места производства изделий, находимых в регионе Саяно-Алтая, пока не известны. Единичные находки матриц для изготовления отдельных категорий украшений (например, личин) свидетельствуют о вероятном изготовлении наиболее популярных украшений на месте, возможно, мастерами-инородцами (согдийцами?) с опытом в основном литья мелких художественных изделий из цветного металла, хороших художников среди них в основном не было. Некоторые предметы из Кузнецкой котловины с оригинальным «народным» декором свидетельствуют о попытке художественных опытов, возможно, местных мастеров. Выявленные остатки средневековых храмовых городских центров в Минусинской котловине также не дали никакой информации о местном производстве².

На Тянь-Шане, в разных его регионах и в первую очередь в Чуйской долине Северного Тянь-Шаня (Притяньшанья), напротив, развивалась городская раннесредневековая культура, отдельные памятники которой частично исследованы (наиболее изучены городища Ак-Бешим и Красная Речка). В конце I – начале II тыс. в регионе размещались центры Карлукского (VIII–X вв.) и Караханидского (X–XIII вв.) государств. Население с давних времен было связано с жителями земледельческих оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана. Для раннего средневековья (до середины X в.) отмечены массовые миграции иранского населения на восток в связи с арабскими завоеваниями в Средней Азии, создание согдийских колоний в зоне традиционных кочевых центров, развитие ре-

¹ См., например: Король 2008; Горбунова и др. 2009; Тишкин 2010; Король, Наумова 2017.

² См.: Кызласов Л.Р. 1998, 1999; Кызласов И.Л. 2021.

месел и торговли вдоль трасс Великого Шелкового пути. В городах Чуйской долины также зафиксировано бронзолитейное производство, в том числе изделий торевтики, включая и малые художественные формы, среди которых большое место занимают, как и в регионе Саяно-Алтая, ременные и другие детали снаряжения всадника, а также женские украшения³.

Задача настоящего исследования – на примере некоторых наиболее ярких орнитоморфных мотивов декора художественного металла, представленного торевтикой малых форм, Саяно-Алтая и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс., выявить общее и особенное этого аспекта декоративного искусства, определить наличие или отсутствие взаимовлияний.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕКОРА

Популярный с последней четверти I тыс. н.э. в горно-степной Евразии и на сопредельных территориях новый для прикладного искусства стиль представлен характерной декоративностью, основанной на господстве геометризованной растительной орнаментации, в первую очередь наиболее массовых и широко распространенных изделий воинского снаряжения. Растительному орнаменту обычно подчинены другие виды декора. К концу I тыс. н.э. стиль достигает своего расцвета, что проявилось в комплексах торевтики как Саяно-Алтайского региона, так и Северного Тянь-Шаня.

Базой для формирования нового стиля были в первую очередь интенсивные контакты разного уровня населения этих регионов с крупными государствами, с мастерами и искусством оседлых земледельческих народов. При всем многообразии мотивов, сюжетов в их искусстве очевиден «отбор» в соответствии с запросами конкретных «заказчиков». Питательной средой этих запросов была традиционная духовная и материальная культура тюркских и других кочевых и оседлых племен раннего средневековья. Отсюда и значительное своеобразие комплексов торевтики малых форм в пределах каждого каганата.

При этом все же общий стиль эпохи хорошо прослеживается в декоре художественного металла Саяно-Алтайского региона и Северного Тянь-Шаня. Общее – не только принадлежность декора к одному стилю, но и сходная структура с основными орнаментальными типами. Доминирует растительный, остальные – геометрический, зооморфный, включающий орнитоморфные мотивы, и антропоморфный – составляют в целом меньший процент. В Саяно-Алтае он совсем незначителен, хотя есть микрорегионы (например, Рудный Алтай), где популярен зооморфный декор.

Особенностью художественного металла Северного Тянь-Шаня и в первую очередь Чуйской долины можно назвать несколько больший репертуар зооморфных мотивов, включая орнитоморфные. Это связано с разнообразными потоками культурного влияния в регионе, близком крупным земледельческим, с развитой традицией художественной металлообработки, через который проходили также торговые пути в разных направлениях. Отмечено, что на базе привнесенных различных традиций был выработан свой стиль, проявленный в иконографии наиболее популярных мотивов⁴.

Орнитоморфные мотивы в обоих регионах представлены различными птицами. Для настоящего исследования интересны два наиболее ярких образа. В первую очередь фантастическая птица феникс. Все реальные варианты образа (включая разные виды отряда курообразных – павлинов, фазанов, петухов) условно можно объединить названием «феникс», ибо в их иконографии есть некоторое сходство. Второй образ – утки в виде «летающих» птиц с распахнутыми крыльями, наиболее оригинальным образом представлен в составных застежках особой формы.

³ Подробней см.: Горячева 2010; Байпаков и др. 2007; Торгоев 2011; Камышев 2012, 2020, 2023.

⁴ Торгоев 2004, 341; Камышев 2023, 56.

Рис. 1. Мотив парных птиц у «древа» в искусстве Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–6) и Северного Тянь-Шаня (7–14). 1 – Копенский чаатас, фрагмент композиции; 2, 4 – собрание П.К. Фролова с Алтая; 3 – Калы; 5 – Ближние Елбаны VIII; 6 – Басандайка; 1, 3 – по: Кызласов, Король 1990; 2, 4 – по: Король 2008; 5 – по: Грязнов 1956; 6 – по: Басандайка 1947; 7, 8, 11–14 – по: Камышев 2023, прорисовки по фото: С.Л. Богаченко; 9 – по: Байпаков и др. 2007; 10 – по: Торгоев 2003

Fig. 1. The motif of paired birds near a “tree” in the art of the Sayan-Altai with the adjacent territories (1–6) and the Northern Tien Shan (7–14). 1 – Kopensky *chaatas*, composition fragment; 2, 4 – the collection of P.K. Frolov from Altai; 3 – Kaly; 5 – Blizhnie Elbany VIII; 6 – Basandaika; 1, 3 – after Kyzlasov, Korol 1990; 2, 4 – after Korol 2008; 5 – after Gryaznov 1956; 6 – after Basandaika 1947; 7, 8, 11–14 – after Kamyshev 2023, drawings from a photo by S.L. Bogachenko; 9 – after Baipakov et al. 2007; 10 – after Torgoev 2003. Not to scale

ОРНИТОМОРФНЫЕ МОТИВЫ

Образ феникса – один из известнейших в китайском искусстве. Его «классическая» иконография подчеркивает суть хищной (в первую очередь с мощным острым загнутым клювом) птицы. Общие черты изображения феникса разных периодов – гребешок (хохолок), длинный хвост, пышное оперенье. Детальное исследование происхождения и эволюции образа феникса в культуре Китая показало, что с конца периода Хань (начало III в.) птицы становятся больше похожими на павлинов⁵.

Фениксы в танском (618–907) искусстве приобретают свою характерную иконографию «танцующих» птиц с чертами хищной птицы, часто с некими предметами в клюве или окруженными цветами⁶. В сунское время (960–1279) как один из вариантов изображения пары фениксов отмечена композиция из двух противостоящих птиц, соприкасающихся клювами, продолжающая танскую традицию⁷.

Парные (противостоящие) птицы у «древа». Саяно-Алтай и прилегающие территории. Классический китайский образ феникса как хищной птицы представлен на высокохудожественных золотых изделиях тюркитики⁸ из погребального комплекса енисейских кыргызов (около середины IX в.) в Минусинской котловине Саяно-Алтая (рис. 1, 1)⁹. Парные фениксы с растительными элементами в композиции (условно у древа – разделяющей их вертикальной полосы) украшают железную накладку на поясную сумочку всадника. Эта случайная находка из Минусинской котловины, по-видимому, относится к рубежу X–XI вв., когда уже шел процесс замещения подобных бронзовых предметов железными, изготовлена искусным мастером (рис. 1, 3)¹⁰.

На Алтае и прилегающих территориях, в том числе в Верхнем Прииртышье, мотив феникса известен в разных вариантах. Наиболее близок по замыслу композиции парным фениксам у условного древа на копенском блюде предмет из района Змеиногорска Рудного Алтая (рис. 1, 2). Он выполнен в стилизованной манере, по-видимому, характеризующей более поздний период (рубеж I–II тыс.). Практически идентичная композиция, но более схематичная и с другими элементами «древа» – на маленькой Т-образной накладке из той же коллекции (рис. 1, 4). Основание, на котором стоят птицы, превратилось в две волнистые линии, между клювами птиц – кружок. Возможно, этот предмет более поздний, чем предыдущий, или одновременный ему. Он очень затерт, некоторые детали неразличимы.

Остальные известные композиции представляют некую цепочку стилизаций, когда характерные черты феникса нивелируются и он все больше напоминает фазана (с относительно короткой шеей), иногда павлина (с более длинной шеей), чрезвычайно распространенный мотив в средневековом искусстве Среднего Востока (как наследие сасанидского искусства), популярный и в Средней Азии¹¹. В средневековом искусстве Китая феникс, как уже упомянуто выше, похож на павлина, кроме того, от «западных» (среднеазиатских) образцов его отличает значительная экспрессия в передаче образа, хотя именно «западное» влияние во многом и сформировало особый стиль танского искусства¹².

⁵ Чистякова 2007.

⁶ Gyllensvärd 1958, fig. 57.

⁷ Чистякова 2007, 24, 30.

⁸ Эти уникальные блюдо и кружка изготовлены искусными мастерами, а попали они к енисейским кыргызам, возможно, как военная добыча после разгрома уйгуров в 940 г.

⁹ Здесь и на следующих рисунках предметы даны без масштаба. Почти всегда их реальные размеры можно найти в первичных публикациях, на которые есть ссылки в подписях.

¹⁰ Подробно обо всех находках из Саяно-Алтая и прилегающих территорий, с подробными источниками и описанием деталей иконографии см.: Король 2013.

¹¹ См., например: Harari 1938; Dowlatshahi 1979; Вишневская 2007.

¹² См., например: Qi Dongfang, Zhang Jing, 1994; Qi Dongfang, 2005.

Сравнить с декором на нашивной бляхе из Рудного Алтая (рис. 1, 2) можно парных фениксов у древа в виде пальметты на высоком стебле с крупным центральным бутонем, украшающих фигурные ажурные бляхи-подвески (рис. 1, 5) из могильника на Верхней Оби, Северный Алтай, IX–X вв.; а также композиции на круглых ажурных подвесках (рис. 1, 6) из могильника X–XII вв. в Томском Приобье. На более поздних бляхах рисунок крайне геометризван: птицы с угловатыми очертаниями, древо в виде прямого ствола, завершающегося ромбом – «бутонем» свисающего сверху трилистника, в боковые листья которого клювами упираются птицы.

Северный Тянь-Шань. Птицы характерной иконографии, не во всем, но все же сравнимые с фениксами, стоят на лотосе-основании и держат ветвь в клюве. Вертикальная композиция из двух птиц украшает характерную по форме для рассматриваемого времени ремennую концевую накладку из Чуйской долины (рис. 1, 7). Элементы мотива условно сопоставимы с находками из Саяно-Алтая (ср. рис. 1, 1, 2, 4), но все же в целом по-своему оригинальны, отражая и «западное» влияние.

Птицы на ажурной накладке из цветного металла (рис. 1, 8) на сумочку всадника по композиции и пышности оперения птиц сопоставимы с накладкой из Минусинской котловины (ср. рис. 1, 3). При этом, как и в первом случае, это птицы с ветвью в клюве, хохолки переданы также растительным элементом – пальметтой с центральным бутонем¹³. Отметим, что в качестве матриц для создания общей композиции использовались определенно разные фигурки птиц, они по многим иконографическим деталям значительно отличаются друг от друга. Технология изготовления торевтики малых форм в рассматриваемое время позволяла использовать в качестве матриц бляшки (в данном случае фигурки) для изготовления нового предмета.

Птицы средних пропорций, композиционно напоминающие фениксов у условного древа на Т-образной накладке из района Змеиногорска (рис. 1, 4), известны на небольшой концевой накладке с городища Красная Речка в Чуйской долине, датированной первой половиной IX в. Древо (по центральной вертикальной оси) можно предположить в двух шевроноподобных фигурах разных размеров, расположенных одна над другой над птицами (рис. 1, 10). Оттуда же происходит ремennая накладка (рис. 1, 9), на которой парные фениксы очертаниями (ср. клювы, хохолки, приземистость и короткие лапы) напоминают птиц на змеиногорской находке (ср. рис. 1, 4). Между ними – схематичное изображение «древа», правда, другими авторами мотив описан, как фигура человека (насколько точен рисунок, трудно судить)¹⁴.

Нашивки, подвески с мотивом парных птиц у древа распространены среди находок с Северного Тянь-Шаня (в отличие от Саяно-Алтайского региона), чаще всего на них изображены утки с приподнятыми крыльями (рис. 1, 12, 13), имеются и, по-видимому, более поздние чрезвычайно стилизованные изображения (рис. 1, 14)¹⁵. При этом на очень затертом декоре нашивки, возможно тоже чуть более позднем артефакте, можно видеть пышный хвост феникса с оформлением концов растительными элементами (рис. 1, 11).

Таким образом, при общем для рассматриваемых двух крупных регионов распространении композиции с фениксами в художественном металле следует отметить крайне редкие находки артефактов с такими композициями в Саяно-Алтайском регионе с прилегающими территориями и не намного, но все же в большем количестве подобных находок в Северном Тянь-Шане. Идентичные аналогии в обоих регионах не выявлены. При этом в последнем очевидна тенденция замены фениксов уточками с приподнятыми крыльями. А в Саяно-Алтае, наоборот, все известные композиции в той или иной степени следуют китайской средневековой традиции изображения феникса.

Парные (противостоящие) птицы (без древа) и одиночные. В Саяно-Алтае с прилегающими территориями все остальные известные нам по материалам торевтики малых

¹³ Следует сказать о не точной в деталях иконографии птиц на реконструкции сумочки – Камышев 2023, 48.

¹⁴ Байпаков и др. 2007, 33, 34.

¹⁵ Также максимально стилизованные мотивы см.: Камышев 2023, табл. VIII, 21–23.

Рис. 2. Мотив противостоящих птиц и одиночные фигурки в искусстве Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–10) и Северного Тянь-Шаня (11–14). 1 – Ур-Бедари; 2, 6, 9, 10 – «из сибирских курганов», Алтай?; 3 – Сандыккала; 4 – из «могил между Обью и Иртышом»; 5 – сборы И.А. Лопатина в Минусинском крае; 7 – Корболиха II; 8 – Алтай, из альбома В.В. Радлова 1861 г. 1 – по: Елькин 1970; 2, 6, 9, 10 – по: Формозов 1986; 3 – по: Акишев 1987; 4 – по: Миллер 1937; 5 – по: Король 2013; 7 – по: Могильников 2002; 8 – по: Король 2008; 11–14 – по: Камышев 2023

Fig. 2. The motif of confronting birds and single figurines in the art of the Sayan-Altai region with the adjacent territories (1–10) and the Northern Tien Shan (11–14). 1 – Ur-Bedari; 2, 6, 9, 10 – “from Siberian burial mounds”, Altai?; 3 – Sandykkala; 4 – from “graves between the Ob and the Irtysh rivers”; 5 – collections of I.A. Lopatin in Minusinsk region; 7 – Korbolikha II; 8 – Altai, from the album of V.V. Radlov, 1861. 1 – after Elkin 1970; 2, 6, 9, 10 – after Formozov 1986; 3 – after Archaeological... 1987; 4 – after Miller 1937; 5 – after Korol 2013; 7 – after Mogil’nikov 2002; 8 – after Korol 2008; 11–14 – after Kamyshev 2023. Not to scale

форм конца I – начала II тыс. парные фениксы представляют композиции без центральной оси древа. Это разные варианты птиц со сложенными крыльями и пышными хвостами. Единичные экземпляры одной композиции пышным поднятым хвостом с проработанными перьями напоминают классических китайских фениксов, но имеют оригинальную иконографию (рис. 2, 1, 2).

На остальных композициях фигуры мало похожи на классических фениксов. При этом некоторые все же сохраняют характерный хвост (рис. 2, 3–6), а другие напоминают уток с хвостами павлинов (?), а также с небольшим хохолком (рис. 2, 7, 8). Известны накладки в виде фигурок одиночных птиц с трехчастным хохолком-гребешком, сложенными крыльями, пышным с округлым завершением поднятым хвостом, проработанными чешуйками или кружочками (рис. 2, 9, 10). Такой формы хвосты и проработка оперения характерны для павлинов в раннесредневековом декоративном искусстве, в том числе тюркестанской, Средней Азии и Среднего Востока¹⁶.

Следует отметить, что находки этой группы предметов происходят преимущественно с Алтая и Верхнего Прииртышья, как из памятников IX–X вв., так и случайные. Единственная случайная находка из Минусинской котловины (рис. 2, 5) – затертая подвеска, возможно, реплика начала XI в. по давно изношенному образцу, или схематизированный вариант, изготовленный по «мотивам» некоей копии, при этом сделана попытка придать ажурность изделию, что отличает его от остальных. Облик птиц и на других предметах – свидетельство «западного» влияния (Средняя Азия, Средний Восток).

Северный Тянь-Шань. Именно такого облика птицы, мало похожие на классических фениксов, преобладают и в этом регионе. Среди находок известна пока одна подвеска с противостоящими птицами (рис. 2, 11), идентичная рассмотренным выше (ср. рис. 2, 3, 4). Зато накладок в виде одиночных фигурок птиц (рис. 2, 12), в том числе идентичных образу на подвеске (рис. 2, 11), известно немало. Они разного качества изображения, как хорошего, со многими деталями, так и сильно затертые¹⁷. Такие же изображения птиц (но очень плохого качества) как часть зоо-орнитоморфного декора украшают зеркало, найденное на упомянутом выше Краснореченском городище¹⁸, предположительно местного производства, как и многие другие находки тюркестанской культуры малых форм с памятников Чуйской долины. О технологии их изготовления, позволявшей создавать такие оригинальные композиции, как на зеркале, сказано выше. Отметим определенную креативность местных мастеров, что отмечалось нами ранее¹⁹.

Таким образом, в обоих рассматриваемых регионах известны как композиции в виде противостоящих птиц, так и фигурки одиночных. При этом имеются и практически идентичные (один вариант подвесок, рис. 2, 3–5, 11), и условно близкие по иконографии (один вариант одиночных фигурок, рис. 2, 9, 10, 14). В Северном Тянь-Шане можно отметить названную выше тенденцию замены фениксов на уток с разными хвостами. В Саяно-Алтае с прилегающими территориями тоже доминирует такая тенденция, а находки, напомним, происходят в основном из западной части региона. Это свидетельствует, с одной стороны, о направлении культурных импульсов на регион в целом, а с другой стороны, и об обратном влиянии. Последнее проявилось в большем распространении подвесок с парными птицами одной композиции в западной части Саяно-Алтая и пока единственной известной нам находкой идентичной подвески с Северного Тянь-Шаня.

Оригинальные варианты иконографии и композиции. Среди одиночных изображений и фигурок птиц-фениксов Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I – начала II тыс. отметим оригинальные варианты, не имеющие аналогий (рис. 3, 1–4). Птица на подвеске из Кузнецкой котловины (рис. 3, 1) стоит, видимо, на лотосовидном основании, в маленьком клюве держит ленту с петлей. Обе эти черты характерны для искусства танско-

¹⁶ См.: Маршак 1971. Т43; Даркевич 1976, 25, 26, табл. 27, 2; Вишневецкая 2007, 126, рис. 7.

¹⁷ Камышев 2023, табл. VIII, 1–9.

¹⁸ Камышев 2023, табл. VIII, 10.

¹⁹ Король 2020, 158, 159; Наумова, Король 2020, 49.

Рис. 3. «Фениксы» оригинальной иконографии и композиции в искусстве Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–4) и «аналогии» (5–11). 1 – Шанда (контактная копия); 2 – Совхоз 499; 3 – Решетниково; 4 – Хемчик Бом II. 1–4 – по: Король 2013; 5, 6 – по: Вишневская 2007; 7–10 – по: Vernier, Bruneau 2016; 11 – по: Дэвлет 2013

Fig. 3. “Phoenixes” of the original iconography and composition in the art of the Sayan-Altai with the adjacent territories (1–4) and some “analogies” (5–11). 1 – Shanda (a contact copy); 2 – Sovkhoz 499; 3 – Reshetnikovo; 4 – Khemchik Bom II. 1–4 – after Korol 2013; 5, 6 – after Vishnevskaya 2007; 7–10 – after Vernier, Bruneau 2016; 11 – after Devlet 2013. Not to scale

го Китая, первая появилась там под влиянием буддийского искусства, а вторая – сасанидского искусства Среднего Востока, где были популярны птицы с жемчужным ожерельем или веточкой в клюве²⁰. Подобные изображения известны и в средневековом Согде²¹.

Два других оригинальных (с сидящими птицами) варианта происходят из Павлодарского и Омского Прииртышья. Птица, как и другие образы, среди винограда (рис. 3, 2) – известный сюжет согдийского искусства²². Фигурная нашивная накладка в виде сидящего (?) феникса (рис. 3, 3) со стилизованными, но все же очевидными характерными чертами феникса, по-видимому, результат влияния на регион культуры тюркского населения южных степей.

Интересен упрощенный образ феникса (рис. 3, 4), но с подчеркнутыми характерными чертами хищной птицы, в композиции с лежащей ланью на ременных накладках из Тувы

²⁰ Сравнительную таблицу см.: Gyllensvärd 1958, fig. 69.

²¹ Маршак 1971, Т43; Вишневская 2007, рис. 7.

²² Маршак 1971, 62, Т43.

(Верхний Енисей). В средневековой торевтике малых форм обоих рассматриваемых регионов аналогий этим оригинальным решениям образа нет.

Как сказано выше, павлины с разной формы пышными с округлым завершением хвостами, с детальной проработкой оперения особым образом, известны в раннесредневековом декоративном искусстве, в том числе торевтике, Средней Азии и Среднего Востока. Добавим к названным иконографическим деталям предметы в клюве птицы²³.

Образ феникса в наскальном искусстве средневековья. Саяно-Алтай и Тянь-Шань известны памятниками такого искусства разных эпох. В репертуаре петроглифов хорошо изучена и орнитофауна, в том числе средневековая. Для этой эпохи отмечены сцены охоты с помощью ловчих птиц²⁴, редко – птицы, возможные объекты охоты (Сулекская писаница в Минусинской котловине, где птицы (дрофы?) изображены с чрезвычайно тщательностью передачи деталей)²⁵. Особый интерес представляют «всадники Кочкорской долины» из Центрального Тянь-Шаня. Это четыре повторяющихся сюжета с всадниками, которые держат в руках разные виды птиц. Три из них – большие птицы с длинными пышными опущенными хвостами, напоминающими хвост павлина, при этом одна с длинной шеей, хохолком и подчеркнута крупным длинным клювом²⁶. Исследователи отмечают, что изображения всадников с птицами из Кочкорской долины могут быть связаны не только с образом воина-победителя, но и с представлениями о пути после смерти²⁷. Недаром на некоторых древнетюркских изваяниях персонаж держит в руках птицу (вспомним и знаменитый мемориальный памятник, посвященный Тегешу, VII–VIII вв. в Монголии имеет изображение птицы в углу плиты)²⁸. Но это все небольшие обычные птицы типа сокола или голубя. На одном изваянии из урочища Кой-Сары в Северном Тянь-Шане плохо сохранившееся изображение напоминает птицу с длинной шеей и поднятым пышным хвостом с выделенными перьями, отмечено, правда, что, возможно, это сосуд в руках²⁹. Ритуально-мифологический аспект образа птицы сохраняется, по-видимому, и у поздних кочевников в этнографическое время³⁰.

Птицы разной иконографии, но с обязательно выделенными хохолками и перьями длинных, иногда поднятых, хвостов (рис. 3, 7–10), составляют отдельную группу орнитофауны в наскальных изображениях Ладакха³¹, называемого Малым Тибетом. Считается, что это изображения павлинов, связанные с буддийским культурным контекстом. Отмечается, что, возможно, мелкие металлические предметы, в том числе в форме птицы (в нашем понимании торевтика малых форм), как вид мобильного искусства могли служить образцами художественного изображения птиц на скалах. При этом не исключается и экологическая обусловленность этих образов, связанная с изменениями климата³².

Исследователи петроглифов всегда отмечают не только культурно-мифологический, но и экологический (природный) контекст орнитофауны, отражающий видовой состав птиц в определенный исторический период³³. Заметим, что относительно упомянутой выше Кочкорской долины Центрального (Внутреннего) Тянь-Шаня орнитологи отмечают

²³ Подборку изображений на разных материалах – керамике, дереве (рис. 3, б), серебре (рис. 3, в), в настенной росписи, см.: Вишневецкая 2007, рис. 7, А.

²⁴ См.: Кубарев, Забелин 2006, 99, 100; Черемисин 2022, 797, 798, рис. 5.

²⁵ Евтюхова 1948, 90, 91, рис. 180.

²⁶ Иконографически этих птиц никак нельзя сопоставить с рассмотренными выше образами условных фениксов, некоторые из которых отдельными элементами тоже напоминают павлинов.

²⁷ Кляшторный 2001, 214; Табалдиев 2011, 102–104, 107.

²⁸ См.: Кубарев, Забелин 2006, рис. 23; Дробышев 2023.

²⁹ Дробышев 2023, 30, № 13.

³⁰ В этом отношении интересна гравюра на скалах в Мангышлаке, Казахстан, на которой изображена птица (петух?) с хохолком (гребешком) и поднятым хвостом с выделенными на его краю перьями, стоящая у памятной стелы-мемориала. См.: Медоев 1979, 161, рис. 100.

³¹ Центральнаяазиатский регион на севере Индии, граничащий на западе с Пакистаном, на востоке – с Тибетом.

³² Vernier, Bruneau 2016, 325, 328, 330, 331, fig. 21.3, F.

³³ Кубарев, Забелин, 2006; Мартынов, Чигаева 2006; Чигаева 2007; Черемисин 2022.

особое разнообразие и значительное число видов птиц³⁴. Именно здесь в раннем средневековье появились уникальные композиции с птицами, среди которых есть даже фламинго³⁵.

Что касается Саяно-Алтая, отметим уникальную находку на скалах в Саянском каньоне Верхнего Енисея, кардинально отличающую ее от реальной орнитофауны региона. Это чрезвычайно схематичное изображение небольшой птички с хохолком и, возможно, поднятым хвостом с перьями, переданным двумя-тремя штрихами, в композиции с хищником (рис. 3, 11). Птичку невозможно идентифицировать ни с одним реальным видом, поэтому высказано предположение о том, что, возможно, это чудесная птица-феникс, на что указывают некоторые иконографические детали³⁶. Идею композиционного сочетания птицы с зооморфным образом условно можно соотнести с подобным сочетанием на торевтике малых форм из этого же микрорегиона (рис. 3, 4).

Таким образом, материалы наскального искусства Саяно-Алтая и Тянь-Шаня (шире – Центральноазиатского региона) раннего средневековья свидетельствуют о незначительном распространении орнитофауны в нем и невозможности найти реальные аналогии декору торевтики малых форм. Что касается зооморфных образов, которые, безусловно, преобладают в репертуаре петроглифов, то отмечено значительное влияние сасанидского художественного металла на наскальное искусство³⁷.

Птицы – навершия. Фигурки небольших птиц в качестве наверший утилитарных предметов, в том числе булавок, известны в средневековье в разных регионах горностепной Евразии³⁸. Что касается булавок с фениксами китайской художественной традиции, упомянем изображения знатных уйгурских дам в росписях IX–X вв. храмов Турфанского оазиса в Восточном Туркестане³⁹.

В Саяно-Алтае (кроме Верхнего Енисея) с прилегающими территориями распространены фигурки хищных (с характерными иконографическими чертами) птиц-фениксов в качестве наверший булавок. Известны (в Верхнем Прииртышье) и немногочисленные отдельные фигурки на специальном основании, которые тоже, по-видимому, служили навершиями, в том числе, возможно, женских головных уборов⁴⁰. Находки подобных и других орнитоморфных декоративных предметов (часть из них – из женских и детских погребений) вызывают особый интерес у исследователей в плане выяснения их семантики и культового характера самих предметов, которые связывают с культом богини Умай и ритуальной обрядностью⁴¹.

Средневековые навершия булавок из Саяно-Алтайского региона подробно исследованы И.Л. Кызласовым⁴². Единичные из них (рис. 4, 1) тщательно проработаны, можно даже узнать лотосовидное основание, на котором стоит птица. Но по мере стилизации (рис. 4, 2–9) феникс с характерными чертами хищной птицы на них становится все больше похожим на петушка (рис. 4, 3, 4), цветочное основание также постепенно превращается просто в круглый стержень.

Сложенные крылья – иконографическая деталь изображений петушков, фазанов (павлинов) среднеазиатского и средневосточного происхождения, восходящих к сасанидской традиции. По мнению И.Л. Кызласова, сложенные крылья (вместе со «сросшимися» хвостом-гребнем) характеризуют стилизацию и упрощение фениксов – наверший булавок⁴³.

³⁴ Шаршеева и др. 2024.

³⁵ Табалдиев 2011, 104.

³⁶ Дэвлет 2013, 205, 206, 221, 222.

³⁷ Миклашевич 2010, 142.

³⁸ Подробно см.: Король 2013; Камышев 2023, 34, 35, табл. V, VI.

³⁹ Литвинский 2000, 287.

⁴⁰ Подробней см.: Король 2013.

⁴¹ Арсланова 1989; Кызласов, 2001.

⁴² См.: Кызласов 1977.

⁴³ Кызласов 1977, 100, 101.

На наш взгляд, сложенные крылья (особенно когда они отчетливо выделены) – результат культурных влияний «западного» направления, в первую очередь, среднеазиатского. Рассмотренные выше образы некоторых парных птиц (см. рис. 2), среди которых есть и нестилизованнные изображения хорошего качества исполнения, свидетельствуют в пользу такого мнения.

В Северном Тянь-Шане на булавках преобладают фигурки обычных птиц, включая петушков, уток и пр. Фигурки стилизованного феникса, в том числе напоминающие петушка с поднятым хвостом с округлым окончанием, единичны (рис. 4, 10, 11)⁴⁴.

Таким образом, фигурки птиц – наверший булавок не имеют идентичных аналогий в двух рассматриваемых регионах. При этом образ хищной птицы феникса китайской традиции характерен для Саяно-Алтая с прилегающими территориями, хотя в его стилизации заметно среднеазиатское влияние в целом. А в Северном Тянь-Шане, наоборот, тотально преобладает характерная для Средней Азии традиция при явном отсутствии влияния с востока на этот аспект декоративного искусства.

Отсутствие такого влияния со стороны Саяно-Алтайского региона интересно проследить и на другом утилитарном художественном предмете, связанном с образом совершенно другой птицы.

Образ «летающей» утки. Речь здесь идет лишь о двусоставных застежках оригинального декоративного воплощения в виде фигурок летящих (с распахнутыми крыльями) уток. Необходимо, однако, отметить, что мотив утки в средневековом искусстве Саяно-Алтая и сопредельных территорий известен также и как вариант декора поверхности ременных украшений. Это изображения уток с распахнутыми крыльями, иногда с цветами по сторонам головы. Представляется, что именно этот мотив, популярный в искусстве Китая, с зеркалами танского времени мог попасть на территорию Саяно-Алтая и послужить прообразом подобных изображений на ременных украшениях рубежа I–II тыс. Мотив утки с цветами (особенно его иконография) мог быть основой оригинального пластического решения застежек с реалистичной передачей фигурок.

Местные истоки мотива, реализация в виде застежек с узнаваемой фигуркой утки с проработанным оперением, в том числе крыльев (рис. 4, 12), этапы стилизации через растительный декор (рис. 4, 13), инородные популярные мотивы вроде «пламенеющей жемчужины» (рис. 4, 14) и ажурное исполнение, региональные предпочтения подробно рассмотрены в отдельной работе⁴⁵. Исследование застежек в сроткинской культуре Алтая с привлечением аналогий показало, что такие предметы бытовали в IX–XII вв. от Прииртышья до Приангарья. Отмечены их принадлежность женскому костюму и высокий статус обладательниц таких утилитарных предметов-украшений⁴⁶. Уникальное изображение летающей утки (рис. 4, 16) с проработкой оперения тулова, подобной некоторым образцам тюркитики малых форм⁴⁷, обнаружено на каменной плитке со средневекового поселения в Центральном (Горном) Алтае⁴⁸.

Популярность подобного вида изделий с орнитоморфным мотивом на огромной территории Саяно-Алтая с прилегающими территориями никак не повлияла на регион Северного Тянь-Шаня. Из Чуйской долины известна лишь одна фигурка, напоминающая деталь такой застежки (рис. 4, 15), но она выполнена в собственной манере и сопоставима с саяно-алтайскими находками лишь условно. Можно предположить, что известность декоративного образа в средневековом художественном металле Тянь-Шаня основывалась на иной глубинной (мировоззренческой, религиозной) основе его понимания и восприятия как символа, а посему и декоративные варианты его воплощения тяготели к общим среднеазиатским, а также средневосточным истокам.

⁴⁴ Камышев 2023, табл. VI.

⁴⁵ Король 2019.

⁴⁶ Тишкин, Горбунов 2022.

⁴⁷ Ср.: Король 2019, 188–190.

⁴⁸ Константинов, Урбушев 2023.

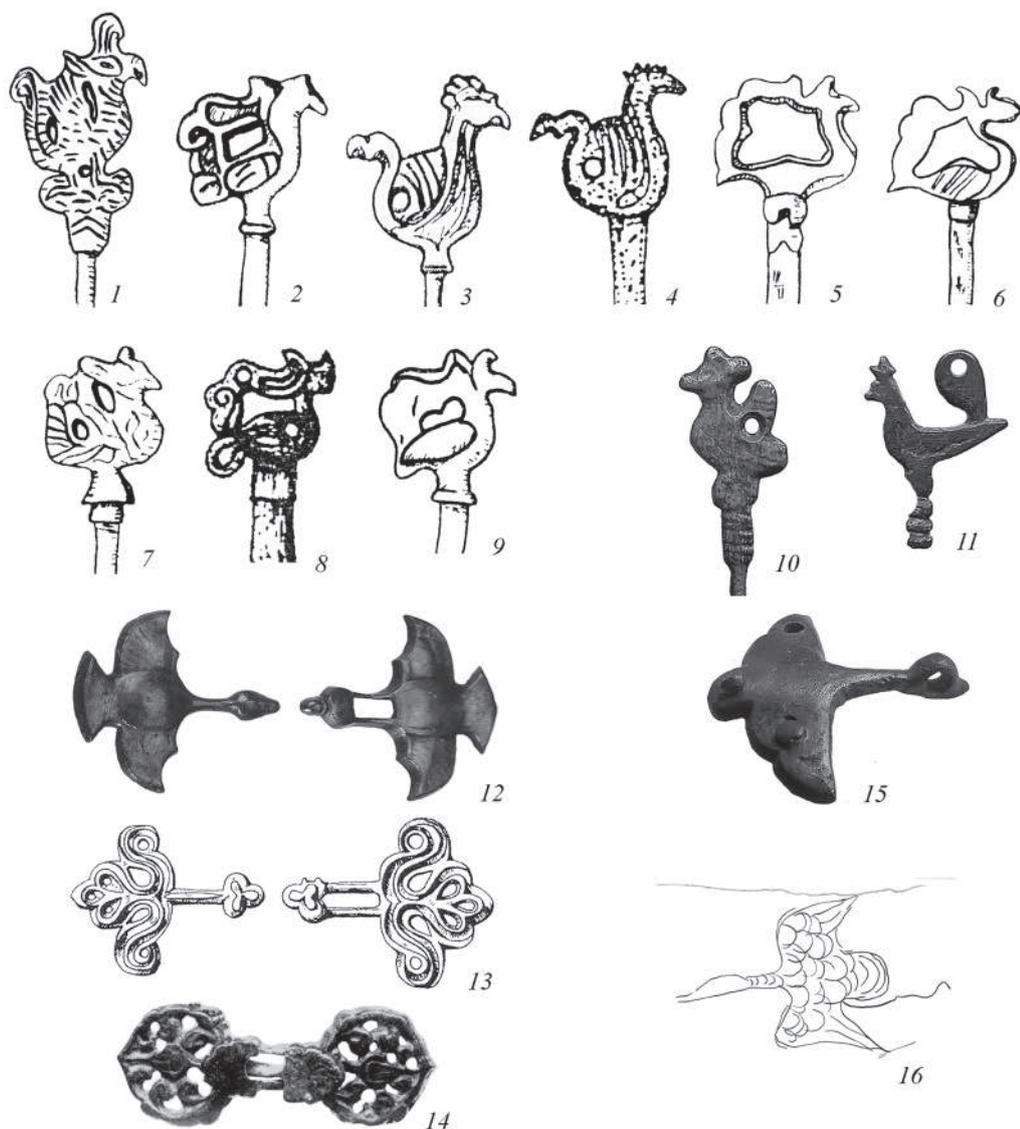

Рис. 4. Образы «феникса» на булавках и летящей утки на застежках из Саяно-Алтая с прилегающими территориями (1–9, 12–14; 15 – аналогия на камне) и Северного Тянь-Шаня (10, 11, 16). 1–9 – по: Король 2013; 10, 11, 16 – по: Камышев 2023; 12–14: по: Король 2019; 15 – по: Константинов, Урбушев 2023

Fig. 4. Images of “phoenix” on pins and flying duck on clasps from the Sayan-Altai with the adjacent territories (1–9, 12–14; 15 – analogy on a small stone plate) and the Northern Tien Shan (10, 11, 16). 1–9 – after Korol 2013; 10, 11, 16 – after Kamyshev 2023; 12–14 – after Korol 2019; 15 – after Konstantinov, Urbushev 2023. Not to scale

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один из рассмотренных орнитоморфных мотивов – образ фантастического феникса. Он в средневековом художественном металле Саяно-Алтая и прилегающих территорий, а также Северного Тянь-Шаня представлен в двух основных иконографических вариантах. Первый характерен для синкретичного искусства средневекового Китая: образ с мощным клювом хищной птицы, хохолком, с приподнятыми или распахнутыми крыльями, а также поднятым хвостом павлина с длинными перьями. Второй присущ искусству Средней Азии и Среднего Востока: образ со сложенными крыльями и поднятым пышным хвостом с округлым завершением птиц семейства фазановых. Оба варианта (с разной степенью преобладания того или иного иконографического элемента передачи образа) представлены в двух устойчивых композициях с парными (противостоящими) птицами: у центрального древа и без него. Изображения одиночных птиц-фениксов, не имеющие аналогий, известны в единичных экземплярах и лишь в Саяно-Алтае с прилегающими территориями. Условные аналогии им в незначительном числе найдены в наскальном искусстве Центральной Азии.

Больше находок фигурок птиц в виде наверший булавок. Они имеются в обоих рассматриваемых регионах. Среди них первичный пласт – определенно китайской иконографии феникса, варианта преимущественно с довольно короткой и мощной шеей, но есть отдельные экземпляры с более длинной изогнутой шеей.

Образ летящей утки в его пластическом воплощении на примере двусоставных застежек, распространенный в Саяно-Алтае с прилегающими территориями, рассмотрен в качестве точечного примера отсутствия конкретного культурного импульса-влияния на Северный Тянь-Шань.

Исследование наиболее ярких орнитоморфных мотивов декора средневекового художественного металла, представленного торевтикой малых форм, Саяно-Алтая и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс., показало, что общее для обоих регионов – популярность малых форм художественного металла и характерный облик декоративного стиля эпохи, его синкретизм. Особенное для каждого региона – преобладание тех или иных вариантов иконографии, связанное в первую очередь с приоритетными направлениями культурных влияний и особенностями местного восприятия образов, основанного на мировоззренческих и религиозных предпочтениях.

Кроме того, в Северном Тянь-Шане развивалась городская культура, зафиксированы центры производства в Чуйской долине. Но при этом говорить о непосредственном влиянии или потоках художественного металла в регион Саяно-Алтая не приходится. Рассмотренные композиции с яркими орнитоморфными мотивами свидетельствуют скорее об общих направлениях культурного влияния в первую очередь через согдийских мастеров, которые, как известно, расселились далеко на восток, включая территорию Китая⁴⁹. При этом сугубо китайская стилистика образа феникса зафиксирована лишь на единичных саяно-алтайских находках, а стилизация образа шла под очевидным влиянием средневосточного/среднеазиатского искусства в целом.

Отмечено появление в X в. в Северном Тянь-Шане изделий, имеющих много общего с образцами из западной части Саяно-Алтайского региона (сросткинская археологическая культура), включая кимакские памятники Прииртышья, и сделан вывод о новых веяниях со стороны каганата кимаков⁵⁰. Рассмотренная нами композиция противостоящих парных птиц «без древа» в некоторой степени подтверждает это наблюдение, зафиксирована даже идентичная аналогия одному из вариантов (рис. 3). Но при этом «новые веяния» никак не коснулись образа летящей утки в рассмотренном нами пластическом решении в виде

⁴⁹ См., например: Чжао Сяоцзя 2018.

⁵⁰ Торгоев 2011, 19, 20.

застежки особой конструкции, хотя часть из них в значительно упрощенном и трансформированном виде происходит именно из памятников сросткинской культуры⁵¹.

Образ летящей утки, первоначально, как и образ феникса, по-видимому, восходивший к китайской иконографии, претерпел в Саяно-Алтайском регионе с прилегающими территориями многоэтапный путь трансформации и стилизации, связанный в первую очередь с местной традицией, и практически никак не сказался на иконографическом облике образа утки в Северном Тянь-Шане, где он был связан с иной культурной традицией.

Таким образом, отмеченное исследователями влияние со стороны народов Сибири, «особенно тюхтятской культуры хакасов середины IX–X вв.»⁵² (восточная часть Саяно-Алтайского региона) в художественном оформлении тюркитики малых форм на рассмотренном нами материале ярких орнитоморфных мотивов прослеживается лишь условно, хотя наличие такого влияния на других примерах декора (некоторые растительные композиции, личины) вполне вероятно.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К.А. (ред.). 1987: *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата.
- Арсланова, Ф.Х. 1989: Образ птицы на головных уборах кимацких женщин. В сб.: К.М. Байпаков (отв. ред.), *Маргулановские чтения*. Алма-Ата, 156–160.
- Байпаков, К.М., Терновая, Г.А., Горячева, В.Д. 2007: *Художественный металл с городища Красная Речка (VI – начало XIII века)*. Алматы.
- Басандайка* (Труды Томского гос. ун-та 98). 1947. Томск.
- Вишневская, Н.Ю. 2007: Штампованные фигуративные изображения на среднеазиатской керамике X–XIII вв. (из коллекции Государственного музея Востока). *РА* 2, 120–129.
- Горбунова, Т.Г., Тишкин, А.А., Хаврин, С.В. 2009: *Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов*. Барнаул.
- Горячева, В.Д. 2010: *Городская культура тюркских каганов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII века)*. Бишкек.
- Грязнов, М.П. 1956: *История древних племен Верхней Оби* (МИА 48). М.–Л.
- Даркевич, В.П. 1976: *Художественный металл Востока VIII–XIII вв.* М.
- Дробышев, Ю.И. 2023: Семантика изображений птиц на древнетюркских изваяниях. *Народы и религии Евразии* 28 (2), 24–70.
- Дэвлет, М.А. 2013: Петроглифы раннего средневековья в Саянском каньоне Енисея. В сб.: Д.Г. Савинов (отв. ред.), *Древние тюрки в Центральной Туве*. СПб., 187–222.
- Евтюхова, Л.А. 1948: *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан.
- Елькин, М.Г. 1970: Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур. В сб.: И.А. Мартынов (отв. ред.), *Известия лаборатории археологических исследований* 2. Кемерово, 81–93.
- Камышев, А.М. 2012: Кыргызстан. В сб.: К.М. Байпаков и др. (отв. ред.), *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана. Тюркитика*. Самарканд–Ташкент, 97–118.
- Камышев, А.М. 2020: Литейные и ювелирные ремесла на средневековом городище Кен-Булун. В сб.: *Abstracts. International Workshop “Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan” 13 February 2020*. Bishkek, 77–83.
- Камышев, А.М. 2023: *Зооморфные сюжеты в тюркитике Притяньшанья*. Бишкек.
- Кляшторный, С.Г. 2001: Всадники Кочкорской долины. В сб.: И.Я. Фроянов, С.Н. Астахов (отв. ред.), *Евразия сквозь века. Сб. к 60-летию Д.Г. Савинова*. СПб., 213–215.

⁵¹ Тишкин, Горбунов 2022.

⁵² Байпаков и др. 2007, 213.

- Константинов, Н.А., Урбушев, А.У. 2023: Изображение птицы на каменной плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай). *ПИФК* 2 (80), 95–109.
- Король, Г.Г. 2008: *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки* (Тр. САИПИ V). М.–Кемерово.
- Король, Г.Г. 2013: Фантастические птицы в декоре художественного металла Саяно-Алтая. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (5), 159–175.
- Король, Г.Г. 2019: Составные украшения застежки с территории Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. В сб.: М.А. Дэвлет (отв. ред.). *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства* (2) (Тр. САИПИ XII). М.–Кемерово, 175–195.
- Король, Г.Г. 2020: Новые находки блях в виде всадников «тюркской» традиции (раннесредневековая металлическая пластика Центральной Азии). *ПИФК* 2 (68), 149–165.
- Король, Г.Г., Наумова, О.Б. 2017: *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.)*. М.
- Кубарев, В.Д., Забелин, В.И. 2006: Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (26), 87–103.
- Кызласов, И.Л. 1977: Булавки древних хакасов. В сб.: А.И. Мартынов и др. (ред.). *Археология Южной Сибири* (Известия лаборатории археологических исследований 9). Кемерово, 87–104.
- Кызласов, И.Л. 2001: О свадебном наряде средневековых хакасов. В сб.: Д.А. Сташенков (отв. ред.). *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)* 1. Самара, 152–168.
- Кызласов, И.Л., 2021. Храмовый городской центр на Уйбате (вторая половина VIII – начало XIII в., Хакасия). *КСИА* 265, 201–209.
- Кызласов, Л.Р., 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. *ВМУ, сер. 8, История* 3, 8–35.
- Кызласов, Л.Р., 1999. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия). *РА* 2, 181–206.
- Кызласов, Л.Р., Король, Г.Г. 1990: *Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник*. М.
- Литвинский Б.А. (ред.). 2000: *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм*. М.
- Мартынов, А.И., Чигаева, В.Ю. 2006: К вопросу о видовой принадлежности изображений птиц на писаницах Северной Азии. В сб.: В.В. Бобров (отв. ред.). *Археология Южной Сибири* 24. Кемерово, 94–101.
- Маршак, Б.И. 1971: *Согдийское серебро*. М.
- Медоев, А.Г. 1979: *Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Часть первая*. Алма-Ата.
- Миклашевич, Е.А. 2010: Влияние торевтики на формирование стилей наскального искусства Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. В сб.: А.А. Тишкин (отв. ред.). *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Барнаул, 135–144.
- Миллер, Г.Ф. 1937: *История Сибири* 1. М.–Л.
- Могильников, В.А. 2002: *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках*. М.
- Наумова, О.Б., Король, Г.Г. 2020: Личность мастера как фактор вариативности художественного металла. *Вестник антропологии* 2 (50), 47–67.
- Табалдиев, К.Ш. 2011: *Древние памятники Тянь-Шаня*. Бишкек.
- Тишкин А.А. (ред.). 2010: *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Барнаул.
- Тишкин, А.А., Горбунов, В.В. 2022: Двухсоставные застежки в сротскинской культуре. *РА* 3, 94–106.
- Торгоев, А.И. 2003: О хронологии наременных украшений Семиречья. В сб.: Ю.Ю. Пинотровский (отв. ред.). *Степи Евразии в древности и Средневековье. Матер. междунар. конф., посвящ. 100-летию М.П. Грязнова* II. СПб., 285–289.

- Торгоев, А.И. 2004: Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья, в сб.: Д.Г. Савинов (отв. ред.). *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции*. СПб., 338–341.
- Торгоев, А.И. 2011: *Ременные украшения Семиречья V – начала XIII века (вопросы хронологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук*. СПб.
- Формозов, А.А. 1986: *Страницы истории русской археологии*. М.
- Черемисин, Д.В. 2022: Птицы на скалах (еще раз об изображениях птиц в петроглифах Алтая). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVIII*. Новосибирск, 795–799.
- Чигаева, В.Ю. 2007: *Образы птиц в наскальном искусстве Северной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Кемерово.
- Чистякова, А.Н. 2007: *Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Новосибирск.
- Чжао Сяоцзя. 2018: Переселение согдийцев в Китай и их влияние на культурную и бытовую жизнь династии Тан. В сб.: Т.В. Котюкова (отв. ред.). *Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: к 100-летию д-ра ист. наук Б.Х. Кармышевой*. М., 105–110.
- Шаршеева, Б.К., Кадырова, Б.К., Раимкулов, Л.М., Нурлан уулу Тилебалды. 2024: О птицах Кочкорской долины Внутреннего Тянь-Шаня. *Русский орнитологический журнал* 33 (2418), 2144–2152.
- Dowlatsahi, A. 1979: *Persian Designs and Motifs for Artists and Craftsmen*. New York.
- Gyllensvärd, B. 1958: *T'ang Gold and Silver*. Göteborg.
- Harari, R. 1938: Metalwork after the Early Islamic Period. In: A.U. Pope et al. (eds.), *A Survey of Persian art* 6. London–New York, 2466–2500.
- Qi Dongfang. 2005: The Hejiacun Treasure and Sogdian Culture. In: È. de la Vaissière, È. Tromber (eds.), *Les Sogdiens en Chine* (Études thématiques: École française d'Extrême-Orient 17). Paris, 107–121.
- Qi Dongfang, Zhang Jing. 1994: Relationship between the Gold and Silver Vessels of Tang China and Those of Westerns Cultures. *Acta Archaeologica Sinica (Kaogu Xuebao)* 2, 173–190.
- Vernier, M., Bruneau, L. 2016: Evidence of Human Presence in The Himalyan Mountains: New Insights from Petroglyphs. In: H.H.T. Prins, T. Namgail (eds.). *Bird Migration across the Himalayas*. Cambridge, 319–332.

REFERENCES

- Akischev, K.A. (ed.), 1987: *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES* [Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya Hydroelectric Power Station]. Alma-Ata.
- Arslanova, F.Kh. 1989: *Obraz ptitsy na golovnykh uborakh kimakskikh zhenshchin* [The Image of a Bird on the Headdresses of Kimak Women]. In: K.M. Baypakov (ed.), *Margulanovskiyechteniya* [Margulan Readings]. Alma-Ata, 156–160.
- Basandayka* [Basandaika] (Trudy Tomskogo gos. un-ta 98) [Proceedings of the Tomsk State University 98]. 1947. Tomsk.
- Baypakov, K.M., Ternovaya, G.A., Goryacheva, V.D. 2007: *Khudozhestvennyy metall s gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII veka)* [Artistic Metal from the Krasnaya Rechka Fortified Settlement (6th – Early 13th Century)]. Almaty.
- Cheremisin, D.V. 2022: *Ptitsy na skalakh (yeshche raz ob izobrazheniyakh ptits v petroglifakh Altaya)* [Birds on the Rocks (Once Again about the Images of Birds in the Petroglyphs of the Altai)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories] XXVIII. Novosibirsk, 795–799.

- Chigayeva, V.Yu. 2007: *Obrazy ptits v naskal'nom iskusstve Severnoy Azii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Images of Birds in Rock art of Northern Asia: Author's abstract PhD]. Kemerovo.
- Chistyakova, A.N. 2007: *Proiskhozhdeniye i evolyutsiya obraza feniksa v kul'ture Kitaya po dannym arkheologii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Origin and Evolution of the Image of Phoenix in the Culture of China Based on Archaeology: Author's Abstract PhD]. Novosibirsk.
- Chzhao Syaotszyay [Zhao Xiaojia]. 2018: Pereseleniye sogdiytsev v Kitay i ikh vliyaniye na kul'turnuyu i bytovuyu zhizn' dinastii Tan [Relocation of Sogdians to China and Their Influence on the Cultural and Everyday Life of the Tang Dynasty]. In: T.V. Kotyukova (ed.), *Oazisy Shelkovogo puti: sovremennyye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya narodov Tsentral'noy Azii: k 100-letiyu d-ra ist. nauk B.Kh. Karmyshevoy* [Oases of the Silk Road: Modern Problems of Ethnography, History and Source Study of the Peoples of Central Asia: to the 100th Anniversary of Dr. B.Kh. Karmysheva]. Moscow, 105–110.
- Darkevich, V.P. 1976: *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv.* [Artistic Metal of the East of the 8th–13th Centuries]. Moscow.
- Devlet, M.A. 2013: Petroglify rannego srednevekov'ya v Sayanskom kan'one Yeniseya [Early Medieval Petroglyphs in the Sayan Canyon of the Yenisei]. In: D.G. Savinov (ed.), *Drevniye tyurki v Tsentral'noy Tuve* [Ancient Turks in Central Tuva]. Saint Petersburg, 187–222.
- Dowlatshahi, A. 1979: *Persian Designs and Motifs for Artists and Craftsmen*. New York.
- Drobyshev, Yu.I. 2023: Semantika izobrazheniy ptits na drevnetyurkskikh izvayaniyakh [Semantics of Bird Images on Ancient Turkic Sculptures]. *Narody i religii Yevrazii* [Peoples and Religions of Eurasia] 28 (2), 24–70.
- Elkin, M.G. 1970: Kurgannyy mogil'nik pozdnego zheleznogo veka v doline reki Ur [A Burial Mound of the Late Iron Age in the Valley of the Ur River]. In: I.A. Martynov (ed.), *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [News of the laboratory of archaeological research] 2. Kemerovo, 81–93.
- Evtukhova, L.A. 1948: *Arkheologicheskiye pamyatniki yeniseyskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan.
- Formozov, A.A. 1986: *Stranitsy istorii russkoy arkheologii* [Pages of the History of Russian Archaeology]. Moscow.
- Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A., Khavrin, S.V. 2009: *Srednevekovyye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altaye: morfologicheskiy analiz, tekhnologiya izgotovleniya, sostav splavov* [Medieval Decorations of Horse Equipment in the Altai: Morphological Analysis, Manufacturing Technology, Alloy Composition]. Barnaul.
- Goryacheva, V.D. 2010: *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII veka)* [Urban culture of the Turkic Khagans in the Tien Shan (Mid-6th – Early 13th Century)]. Bishkek.
- Gryaznov, M.P. 1956: *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi* [History of the ancient tribes of the Upper Ob] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 48. Moscow–Leningrad.
- Gyllensvärd, B. 1958: *T'ang Gold and Silver*. Göteborg.
- Harari, R. 1938: Metalwork after the Early Islamic Period. In: A.U. Pope et al. (eds.), *A Survey of Persian Art* 6. London–New York, 2466–2500.
- Kamyshev, A.M. 2012: Kyrgyzstan [Kyrgyzstan]. In: K.M. Baypakov et al. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana. Torevtika* [Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan. Toreutics]. Samarkand–Tashkent, 97–118.
- Kamyshev, A.M. 2020: Liteynyie i yuvelirnyie remesla na srednevekovom gorodishche Ken-Bulun [Foundry and Jewelry Crafts at the Medieval Fortified Settlement of Ken-Bulun]. In: *Abstracts. International Workshop "Status of Contemporary Research on Islamic History, Art and Culture in Kyrgyzstan" 13 February 2020*. Bishkek, 77–83.
- Kamyshev, A.M. 2023: *Zoomorfnyie syuzhety v torevtike Prityan'shan'ya* [Zoomorphic Plots in the Toreutics of the Tien Shan region]. Bishkek.

- Klyashtornyy, S.G. 2001: Vsadniki Kochkorskoj doliny [Horsemen of the Kochkor Valley]. In: I.Ya. Froyanov, S.N. Astakhov (eds.). *Yevraziya skvoz' veka. Sbornik k 60-letiyu D.G. Savinova* [Eurasia through the Ages. Collection for the 60th Anniversary of D.G. Savinov]. Saint Petersburg, 213–215.
- Konstantinov, N.A., Urbushev, A.U. 2023: Izobrazheniye ptitsy na kamennoy plitke s poseleniya Kupchegen'-1 (Tsentral'nyy Altay) [Image of a Bird on a Stone Slab from the Kupchegen-1 Settlement (Central Altai)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (80), 95–109.
- Korol, G.G. 2008: *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [The art of medieval nomads of Eurasia. Essays] (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric art Researchers] V). Moscow–Kemerovo.
- Korol, G.G. 2013: Fantasticheskiye ptitsy v dekore khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya [Fantastic Birds in the Décor of Artistic Metal of the Sayan-Altai]. *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1 (5), 159–175.
- Korol, G.G. 2019: Sostavnyye ukrasheniya zastezhki s territorii Sayano-Altaya kontsa I – nachala II tys. [Decorated Composite Clasps from the Sayan-Altai of the Late 1st – Early 2nd Millennia.]. In: M.A. Devlet (ed.), *Izobrazitel'nyye i tekhnologicheskiye traditsii rannikh form iskusstva* (2) [Iconographic and Technological Traditions of Early Forms of Art (2)] (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric art Researchers] XII). Moscow–Kemerovo, 175–195.
- Korol, G.G., 2020: Novyye nakhodki blyakh v vide vsadnikov «tyurkskoy» traditsii (rannesrednevekovaya metallichesкая plastika Tsentral'noy Azii) [New Finds of Plaques Shaped as Horsemen of the “Turkic” Tradition (Early Medieval Metalworking Art of Central Asia)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2 (68), 149–165.
- Korol, G.G., Naumova, O.B. 2017: *Khudozhestvennyy metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.)* [Artistic Metal among Nomads (Central Asia of the Turn of the 1st–2nd Millennia)]. Moscow.
- Kubarev, V.D., Zabelin, V.I. 2006: Avifauna Tsentral'noy Azii po drevnim risunkam i arkheologo-etnograficheskim istochnikam [Avifauna of Central Asia according to Ancient Drawings and Archaeological and Ethnographic Sources]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 2 (26), 87–103.
- Kyzlasov, I.L. 1977: Bulavki drevnikh khakasov [Pins of ancient Khakassians]. In: A.I. Martynov et al. (eds.), *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia] (Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy [Bulletin of the Laboratory of Archaeological Research] 9). Kemerovo, 87–104.
- Kyzlasov, I.L. 2001: O svadebnom naryade srednevekovykh khakasok [On the wedding dress of medieval Khakass women]. In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD (from the History of Costume)] 1. Samara, 152–168.
- Kyzlasov, I.L., 2021. Khramovyy gorodskoy tsentr na Uybate (vtoraya polovina VIII – nachalo XIII v., Khakasiya) [The Temple Urban Center in Uybat (Second Half of the 8th – early 13th Centuries, Khakassia)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 265, 201–209.
- Kyzlasov, L.R., 1998. Severnoye manikheystvo i yego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 8, istoriya* [Bulletin of Moscow University, Series 8, History] 3, 8–35.

- Kyzlasov, L.R., 1999. Manikheyskiy khram v kotlovine Sorga (Respublika Khakasiya) [Manichaean Temple in the Sorga Basin (Republic of Khakassia)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 181–206.
- Kyzlasov, L.R., Korol, G.G. 1990: *Dekorativnoye iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik* [*Decorative Art of the Medieval Khakass as a Historical Source*]. Moscow.
- Litvinskiy, B.A. (ed.) 2000: *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'ye: Arkhitektura. Iskusstvo. Kostyum* [*Eastern Turkestan in Ancient Times and the Early Middle Ages: Architecture. Art. Costume*]. Moscow.
- Marshak, B.I. 1971: *Sogdiyskoye srebro* [*Sogdian Silver*]. Moscow.
- Martynov, A.I., Chigayeva, V.Yu. 2006: K voprosu o vidovoy prinadlezhnosti izobrazheniy ptits na pisanitsakh Severnoy Azii [On the Species Affiliation of Bird Images in Northern Asian Rock Art.]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [*Archaeology of Southern Siberia*] 24. Kemerovo, 94–101.
- Medoyev, A.G. 1979: *Gravyury na skalakh. Sary-Arka, Mangyshlak. Chast' pervaya* [*Rock Engravings. Sary-Arka, Mangyshlak. Part one*]. Alma-Ata.
- Miklashevich, Ye.A. 2010: Vliyaniye torevtiki na formirovaniye stiley naskal'nogo iskusstva Yuzhnoy Sibiri, Sredney i Tsentral'noy Azii [The Influence of Toreutics on the Formation of Rock Art Styles in Southern Siberia, Middle and Central Asia]. In: A.A. Tishkin (ed.), *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Yevrazii* [*Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia*]. Barnaul, 135–144.
- Miller, G.F. 1937: *Istoriya Sibiri* [*History of Siberia*] 1. Moscow–Leningrad.
- Mogilnikov, V.A. 2002: *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [*Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries*]. Moscow.
- Naumova, O.B., Korol, G.G. 2020: Lichnost' мастера kak faktor variativnosti khudozhestvennogo metalla [The Personality of a Craftsman as a Factor in the Variability of Decorated Metal Artefacts]. *Vestnik antropologii* [*Bulletin of Anthropology*] 2 (50), 47–67.
- Qi Dongfang. 2005: The Hejiacun Treasure and Sogdian Culture. In: È. de la Vaissière, È. Tromber (eds.), *Les Sogdiens en Chine* (Études thématiques: École française d'Extrême-Orient 17). Paris, 107–121.
- Qi Dongfang, Zhang Jing. 1994: Relationship between the gold and silver vessels of Tang China and those of westerns cultures. *Acta Archaeologica Sinica (Kaogu Xuebao)* 2, 173–190.
- Sharsheeva, B.K., Kadyrova, B.K., Raimkulov, L.M., Nurlan uulu Tilebaldy. 2024: O ptitsakh Kochkorskoj doliny Vnutrennego Tyan'-Shanya [About the Birds of the Kochkor Valley of the Inner Tien Shan]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal* [*Russian Journal of Ornithology*] 33 (2418), 2144–2152.
- Tabaldiyev, K.Sh. 2011: *Drevniye pamyatniki Tyan'-Shanya* [*Ancient Sites of the Tien Shan*]. Bishkek.
- Tishkin A.A. (ed.), 2010: *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Yevrazii* [*Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia*]. Barnaul.
- Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. 2022: Dvukhsostavnyye zastezhki v srostkinskoy kul'ture [Two-Piece Clasps in the Srostki Culture]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 3, 94–106.
- Torgoyev, A.I. 2003: O khronologii naremennykh ukrasheniy Semirech'ya [On the chronology of belt decorations in Semirechye]. In: Yu.Yu. Piotrovskiy (ed.), *Stepi Yevrazii v drevnosti i Srednevekov'ye. Mater. mezhd. konf., posvyashch. 100-letiyu M.P. Gryaznova* [*The steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of M.P. Gryaznov*] II. Saint Petersburg, 285–289.
- Torgoyev, A.I. 2004: Zverinyye obrazy na remennoy garniture Semirech'ya [Animal images on the belt fittings of Semirechye]. In: D.G. Savinov (ed.), *Izobrazitel'nyye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii* [*Monuments of Imitative Art: Style, Era, Compositions*]. Saint Petersburg, 338–341.

- Torgoyev, A.I. 2011: *Remennyye ukrasheniya Semirech'ya V – nachala XIII veka (voprosy khronologii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Belt Decorations of Semirechye from the 5th to the Early 13th Century (Questions of Chronology): Author's Abstract PhD]. Saint Petersburg.
- Vernier, M., Bruneau, L. 2016: Evidence of Human Presence in the Himalyan Mountains: New Insights from Petroglyphs. In: H.H.T. Prins, T. Namgail (eds.), *Bird Migration across the Himalayas*. Cambridge, 319–332.
- Vishnevskaya, N.Yu. 2007: Shtampovannyye figurativnyye izobrazheniya na sredneaziatskoy keramike X–XIII vv. (iz kollektzii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka) [Stamped Figurative Images on Central Asian Ceramics of the 10th–13th Centuries (from the Collection of the State Museum of the East)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 120–129.

ORNITHOMORPHIC MOTIFS OF MEDIEVAL ARTISTIC METAL FROM THE SAYAN-ALTAI AND TIEN SHAN

Galina G. Korol

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: ggkorol08@rambler.ru

The article examines the most salient ornithomorphic motifs of artistic metalwork from the Sayan-Altai region with the adjacent territories and the Northern Tien Shan of the late 1st – early 2nd millennium AD. The artefacts include most common items of horseman's belt decorations, as well as some female attributes whose decor features images of fantastic phoenix bird and flying duck. The first image is known in two main iconographic variants indicating their origins: the art of China and that of Central Asia/Middle East. Both variants are used in two stable compositions with paired (confronting) birds either near the central tree or without it. Images of single phoenixes, which have no analogies, are known only in the Sayan-Altai region. Conditional analogies to them have been found in the rock art of Central and Inner Asia. Phoenix figurines decorating pin tops predominate in the Sayan-Altai region. The author considers the image of a flying duck in its plastic embodiment based on the case of two-piece clasps, widespread in the Sayan-Altai with the adjacent territories. This image provides a particular example of the absence of a specific cultural impulse-influence on the Northern Tien Shan. Both regions share the popularity of small forms of artistic metal and the time-specific appearance of the decorative style with its syncretism. What was specific for each of the regions is the predominance of certain variants of iconography associated primarily with the key directions of cultural influences and peculiarities of the perception of images. Apparently, the centres of production of urban culture in the Northern Tien Shan were not the sources of penetration of artistic metal into the Sayan-Altai region. The considered compositions testify rather to the general directions of the cultural influence of Middle Eastern/Central Asian art as a whole, primarily through the Sogdian masters who settled to the east. At the same time, the purely Chinese style of the phoenix image is recorded only on single Sayan-Altai finds and its transformation took place under the “western” influence. A probable reverse cultural impulse (from the western part of the Sayan-Altai) can be noted only on one version of the composition of phoenixes facing each other. The influence from the eastern part of the Sayan-Altai cannot be traced in the examined materials.

Keywords: Sayan-Altai and adjacent territories, Northern Tien Shan, small artistic metalwork, décor, ornithomorphic motifs, rock images, Middle Ages

Материалы Круглого стола

«Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»
(Магнитогорск, 11–12 ноября 2024 г.)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2024), 338–364
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2024), 338–364
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-338–364

СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ – ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАГАЙБАКСКОГО ЭТНОСА

А.А. Осипова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

E-mail: osashenka@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1072-696X

Нагайбаки занимают 10 место среди представителей 132 народностей, проживающих в Челябинской области. Говоря на тюркском языке, они проповедуют православие. К сожалению, нагайбаков в области становится все меньше. Как и многим малочисленным коренным народам, их уникальному языку и богатой культуре грозит исчезновение. Регион может лишиться этноса, внесшего огромный вклад в охрану границ России, начиная с XVIII в., этноса, создавшего оригинальную культуру. А отсутствие письменности – один из важнейших негативных факторов, который ускоряет этот процесс. Наш проект призван помочь нагайбакам выстоять в глобализационных условиях. Постановлением Правительства РФ от 09.02.2022 2022–2032 гг. в стране объявлены: «Международным десятилетием языков коренных народов». Это распоряжение имеет отношение и к нам – лингвистам, которые должны обратить внимание на процессы вымирания языков малых коренных народов в нашей стране.

Своеобразный тюркский язык нагайбаков существенно отличается от других тюркских языков, в том числе от татарского. Существуют фонетические, грамматические и лексические признаки, позволяющие считать нагайбакский язык самостоятельным языком, а не говором среднего диалекта татарского языка, как считает большинство отечественных тюркологов. В настоящее время наш научный коллектив создал первый «Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами»¹, в основу которого были положены записи живой устной речи нагайбаков, а также коллекции слов и выражений, собранные

Данные об авторе: Александра Анатольевна Осипова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ и Правительства Челябинской области № 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»): <https://rscf.ru/project/23-18-20045/>.

¹ Барышникова, Шулежкова 2023.

любителями, свободно владеющими нагайбакским языком; первый «Русско-нагайбакский разговорник»², составленный на основе сопоставления с русским языком.

В настоящее время ведется очень сложная работа по созданию азбуки нагайбакского языка. Исторически сложилось так, что в дореволюционной России дети нагайбаков учились в православных школах, где преподавание велось на нагайбакском языке по системе Н.И. Ильминского³. Однако полувековая письменная традиция после закрытия православных школ с преподаванием на нагайбакском языке прервалась. Дети нагайбаков стали получать образование либо на русском, либо на татарском языке. Книги, напечатанные с использованием алфавита Н.И. Ильминского, были изъяты и уничтожены. Их поиски не увенчались успехом. Остро встал вопрос об алфавите. Мы обратились к опыту Н.И. Ильминского, и образцом для нагайбакского алфавита стала обрешившая кириллица. Предлагаемый нами алфавит, состоящий из 31 буквы, отражает состояние звуковой системы современного нагайбакского языка. Он отличается и от современного русского алфавита, и от алфавита Н.И. Ильминского. В нем нет ни букв В, Ф, Ц, Ч, Х, Ё, ни Ъ и Ь, зато есть буквы, характеризующие специфические нагайбакские звуки, – Ғ, Қ, Ж, Ң, Ү, Ә, Ө⁴. В соответствии с предложенным нами алфавитом готовится азбука, которая в 2025 г. будет внедряться в преподавание в нагайбакские школы. Встал вопрос о наполняемости этой азбуки. Нами решено было, кроме описания каждой буквы и звука, который она обозначает, упражнений по чтению отдельных слов, поместить в данной книге в виде приложения различные оригинальные нагайбакские тексты – сказки, небылички, считалочки и т.п. для того, чтобы дети могли отрабатывать навык чтения на родном языке. В конце азбуки будет предложен краткий толковый словарь, а также QR-код, позволяющий в интерактивном режиме посмотреть азбуку и прослушать произношение звуков и слов, содержащихся на каждой странице азбуки.

В дальнейшем планируется издание «Граматики нагайбакского языка», где предполагается описать его морфологическую систему, процессы формо- и словообразования, дать общую характеристику нагайбакской синтаксической системы. Выражаем надежду, что результаты нашей работы позволят укрепить позиции нагайбакского языка, возбудят к нему интерес молодежи. Но главное – нагайбаки обретут письменность (что укрепит его позиции в условиях глобализации), а их дети смогут изучать свой родной язык по разработанному нашим научным коллективом совместно с педагогами-нагайбаками программ, что позволит нагайбакам сохранить и свой родной язык, и свою самобытную культуру, и свою историю.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышникова, О.И. Шулежкова, С.Г. 2023: *Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами*. М.
- Гупало, А.Г. 2023: *Нагайбакская миссия в XIX – нач. XX в.* Челябинск.
- Шулежкова, С.Г., Барышникова, О.И. 2023: *Русско-нагайбакский разговорник*. М.
- Шулежкова, С.Г. 2024: Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса. *Научный диалог* 13/5, 140–159.

REFERENCES

- Baryshnikova, O.I. Shulezhkova, S.G. 2023: *Nagaybasko-russkiy slovar' s grammaticheskimi pometami* [Nağaybäk-Russian Dictionary with Grammar Notes]. Moscow.
- Gupalo, A.G. 2023: *Nagaybaskaya missiya v XIX – nach. XX v.* [The Nağaybäk Mission in the 19th – early 20th Century]. Chelyabinsk.

² Шулежкова, Барышникова 2023.

³ См. об этом: Гупало 2023; Шулежкова 2024.

⁴ Барышникова, Шулежкова 2023, 3–11.

Shulezhkova, S.G., Baryshnikova, O.I. 2023: *Russko-nağaybakskiy razgovornik* [Russian-Nağaybäk Phrasebook]. Moscow.

Shulezhkova, S.G. 2024: *Pravoslavie i pis'mennost' kak faktory sokhraneniya nağaybakskogo etnosa* [Orthodoxy and Literature as Factors in Preserving the Nağaybäk Ethnic Group]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue] 13/5, 140–159.

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-340-344

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА КАЗАКА-НАГАЙБАКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ СОБИРАТЕЛЯ Н.П.
ВАСИЛЬЕВА)

А.Н. Михин¹, С.Г. Шулежкова²

¹ E-mail: mikhin2000@yandex.ru ² E-mail: shulezkova@gmail.com

¹ ORCID: 0000-0001-8820-9252 ² ORCID: 0000-0002-0314-6721

Нагайбаки относятся к числу малых этносов России, которые не были обойдены вниманием историков, этнографов, религиоведов в дореволюционной России и активнейшим образом изучаются специалистами самых разных направлений в наши дни¹. Однако, несмотря на поддержку государственными структурами краеведческих музеев, общественных организаций и нагайбакских фольклорных коллективов, на регулярное проведение масштабных культурных и спортивных мероприятий в Нагайбакском районе, на поддержку этнических инициатив через региональные гранты, число лиц, знающих язык своих предков и считающих себя нагайбаками, неуклонно сокращается, что служит доказательством уязвимости этноса, находящегося на пути к исчезновению. Наиболее эффективный путь реального спасения нагайбаков от утраты собственной идентичности, которая зиждется на православном исповедании, памяти о принадлежности к казачьему сословию и оригинальном тюркском языке, – создание условий, в которых все три фактора вновь стали бы надёжной опорой для менталитета современной нагайбакской молодёжи.

Данные об авторах. Артем Николаевич Михин – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Светлана Григорьевна Шулежкова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ и Правительства Челябинской области (№ 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»).

¹ См. Атнагулов 2007; 2021; Белоруссова 2016; 2023; Гупало 2023; Михин 2023; Тептеев 2015; Шулежкова 2024 и др.

В Российской Федерации делаются важнейшие шаги в государственной политике, которые реально способствуют и поддержке нагайбаков как особого этноса: казачество из гонимого сословия превратилось в опору государственной целостности; возрождаются православные храмы (торжественное богослужение 17 июля 2024 г. в главном храме Нагайбакского района Покрова Бржжэй матери, на котором присутствовали епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Зосима и высшие православные иерархи Татарстана), – реальное тому доказательство. Коллектив Научно-исследовательской словарной лаборатории Научно-исследовательского института истории, археологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова вносит свой скромный вклад в это чрезвычайно важное для спасения малого народа дело, поставив перед собой цель – создание письменности для нагайбаков. С некоторыми результатами нашей работы можно познакомиться в публикациях².

Предлагаемый фрагмент приоткрывает часть кропотливой научной работы над языком этого удивительного народа, в которую вовлечены и студенты. В число источников наших исследований входят не только записи интервью лиц, владеющих нагайбакским языком, тексты песен, частушек, сказок, легенд этноса, но и труды инициаторов из числа нагайбакской интеллигенции³. Настоящей жемчужиной среди них следует признать «Коллекцию слов и этнографических заметок о нагайбаках» Николая Павловича Васильева⁴, проживающего в посёлке Остроленский, Нагайбакского р-на, Челябинской области. Из всех блоков этой рукописи, любезно предоставленной нам автором, мы для небольшого очерка о языке нагайбаков обратили внимание на раздел под названием «Одежда».

«Одежда», – один «из главных способов самовыражения любой этнической общности» <...> Но для нагайбаков это не просто “способ” индивидуального самовыражения. Одежда для них – неотъемлемая часть культуры и традиций. Каждая деталь, каждый элемент традиционной одежды нагайбаков обладает символическим смыслом. Форма, покрой, вышивка, цветовое решение, украшения связаны с многогранной историей этноса⁵. Автор этих строк, студентка, опираясь на лексикографические источники, описывает женскую одежду. В коллекции же Н.П. Васильева представлен мужской взгляд на нагайбакскую одежду.

За плечами Николая Павловича солидный житейский опыт. Десятый сын вдовы председателя сельсовета, потомственного казака, умершего, когда матери нашего собирателя, было 32 года, Николай с детства знал, что такое сельский труд. Одновременно его не покидала тяга к знаниям. Защитив диплом Троицкого сельскохозяйственного института, «отслужил в армии, и затем в родном посёлке работал ветеринарным врачом, зоотехником, парторгом; уезжал на заработки “на севера”»⁶. Оттого его записи так точны и информативны. Десятый сын, каждую названную деталь он оценивает с точки зрения удобства, целесообразности, соответствия изменчивой, резко континентальной погоде родного Урала, характеру выполняемой работы. При этом он не забывает указывать на материалы, способы и место изготовления вещи, будь то нательное бельё служивого казака, зимний тулуп хозяина дома или нарядные сапожки нагайбакской модницы.

В коллекции раздел «Одежда – нагайб. *Кеем салым*» и «Обувь нагайб. *Аяқ кеене*» занимает 6 объёмных страниц. Остановимся только на наименованиях одежды, которая предназначалась для мужчин. Её можно представить как две группы: постоянная и сезонная (зимняя и летняя) одежда. Из постоянной одежды называются а) нательное, или нижнее мужское бельё и б) верхняя мужская одежда. В исподнее бельё входят нательная рубашка – нагайб. *кулмәк* и нательные штаны – нагайб. *ыштан*. Комплект же нательного (исподнего) белья в целом нагайбаки называют *ақ ыштан*, что буквально означает ‘белые

² См. Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019; Барышникова, Шулежкова 2020; 2023; Теряков, Шулежкова 2024 и др.

³ Вдовина 2008; Минеев, Минеева 2017 и др.

⁴ Васильев 2023.

⁵ Орликова 2024, 98.

⁶ Новиков, Шулежкова 2023, 207.

рубашка и штаны'. Автор сопровождает этот оборот пояснением: «шитые из белого тонкого материала».

К верхней мужской одежде казаков-нагайбаков относились рубашки (*күлмәкләр*) обычного покроя с воротом и без ворота, а также косоворотки. При этом автор делает попутное замечание: «В большинстве использовали гимнастёрки». Глава современного сообщества нагайбакских казаков И.Ю. Батраев называет этот вид казачьей одежды *гимнастёркы* (с ударением на последнем слоге. При выполнении хозяйственных работ нагайбакские мужчины надевали простые рабочие брюки, получившие название *щалбар*. Но «на выход» всё же приличнее было надевать галифе (в других нагайбакских записях (не у Н.П. Васильева) нам встречалось написание *галифе*: они лучше сочетались с гимнастёрками).

Непременным атрибутом верхней одежды мужчины-казака признавался ремень – *нагайб. қаеш*. Но, помимо ремня, у каждого уважающего себя казака был ещё пояс – *нагайб. эзәр*. О нём должна была позаботиться либо жена казака, либо невеста. Автор замечает: «эзәр делался либо из длинной полосы материи, либо был выткан на станке. Он заматывался мужчиной на пояс с двух сторон».

Из летней мужской обуви составитель коллекции упоминает лапти – *нагайб. шабата*, плетёные из лыка. Поскольку липа (*жүкә*) в окрестностях станиц не росла, за лыком ездили в Башкирию и сами плели лапти для работы на сенокосе и ухода за скотиной. Но для службы и «на выход» надевали кожаные сапоги – *нагайб. итек*, противопоставленные мягким женским сапожкам – *щитек* с каблуками и без каблуков, которые делались из козлиной кожи. Сапоги нужно было надевать с портянками – *нагайб. урауыш*. Их нужно было делать из тонкой плотной мануфактуры.

Довольно много внимания в коллекции уделяется зимней одежде мужчин. И первой в этом ряду названа шуба (*нагайб. тун*) и её разновидность – большая шуба (*нагайб. олы тун*), которая представляла собой дорожную шубу-дублёнку с большим воротником. Когда же морозы были не так суровы, а дорога не очень долгая, мужчина-нагайбак надевал армяк (*нагайб. щикмән*) – приталенное пальто, сшитое из войлока или из плотного материала с воротом или без ворота, или полушубок = лёгкую шубу (*нагайб. жиңел тун*). Каждому казаку-нагайбаку жена должна была связать рукавицы (*нагайб. беялей*) – одни из козьего пуха («на выход») другие – из овечьей шерсти (на работу). Кроме того, отправляя на службу, она вязала мужу «трёхпальцевые» рукавицы из пуха и овечьей шерсти и длинный (до двух метров шарф (*нагайб. шарп*). Холостым парням всё это вязали невесты или матери.

На ноги зимой мужчина-нагайбак надевал *кисқата* – ‘валенки’ (*нагайб. кез қата* – букв. ‘войлочные туфли’), на голову – шапку (*нагайб. бүрек*), малахай = треух (*нагайб. тымақ*), а на службе – папаху (*нагайб. папахы*).

Значительная часть языковых единиц, которые представлены в данной статье, не попали пока ни в один из изданных словарей нагайбакского языка. Тем важнее представляется изучение и анализ «Коллекции слов и этнографических заметок» Н.П. Васильева, сохранившей немало важнейших сведений об уникальном этносе.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2007. *Нагайбаки: Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века*. Магнитогорск.
- Атнагулов, И.Р. 2021: Феномен нагайбакской идентичности как результат политико-административных реформ и русских культурных влияний второй половины XVI – начала XX в. *Вестник ТГУ* 69, 86–92.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. 2023. *Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами*. М.

- Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. 2019: *Әтем тиктәнәй телмей. Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. 2020: *«О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык*. Магнитогорск.
- Белоруссова, С.Ю. 2016: Нагайбаки на перекрёстке православных и мусульманских миссий. *Религиоведение* 3, С. 43–53.
- Белоруссова, С.Ю. 2023: Исчезают ли нагайбаки? *Этнография* 1(19), 203–224.
- Васильев, Н.П. 2023: *Коллекция слов и этнографических заметок о нагайбаках*. Посёлок Остроленский, Нагайбакского р-на, Челябинской области (Рукопись).
- Вдовина, С.И. 2008: *Соты памяти народной*. Челябинск.
- Гупало, А.Г. 2023: *Нагайбакская миссия в XIX – нач. XX в.* Челябинск.
- Минеев, П.М., Минеева, В.А. 2017: *Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь*. Челябинск.
- Михин, А.Н. 2023: Кладовая нагайбакских слов в коллекции собирателя Н.П. Васильева. *ПИФК* 4, 217–221.
- Новиков, Д.А., Шулежкова, С.Г. 2023: Ветврач, тюрколог, краевед (коллекция Николая Павловича Васильева). В сб.: *«Благословенны первые шаги...»*. Вып. 17, Магнитогорск, 207–209.
- Орликова А.А. 2023: Наименования видов одежды нагайбаков: красота и практичность. В сб.: *«Благословенны первые шаги...»*. Вып. 18. Магнитогорск, 197–200.
- Тептеев, А.Г. 2015: Страницы из истории Нагайбакской станицы. В сб.: *Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона*. Оренбург, 40–51
- Теряков, И.Г., Шулежкова, С.Г. 2024: *Русско-нагайбакский словарь (по материалам диалекта села Фершампенуаз)*. М.
- Шулежкова, С.Г. 2024: Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса. *Научный диалог* 13/5, 140–159.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2007. *Nagaybaki: Opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaystva i material'noy kul'tury vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Nağaybäks: Experience of a Comprehensive Historical and Ethnographic Study of the Economy and Material Culture of the Second Half of the 19th – Early 20th cc.]. Magnitogorsk.
- Atnagulov, I.R. 2021: *Fenomen nagaybaskoy identichnosti kak rezul'tat politiko-administrativnykh reform i russkikh kul'turnykh vliyaniy vtoroy poloviny XVI – nachala XX v.* [The Phenomenon of Nağaybäk Identity as a Result of Political and Administrative Reforms and Russian Cultural Influences of the Second Half of the 16th – Early 20th cc.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University] 69, 86–92.
- Baryshnikova, O.I. Shulezhkova, S.G. 2023: *Nagaybasko-russkiy slovar' s grammaticheskimi pometami* [Nağaybäk-Russian Dictionary with Grammar Notes]. Moscow.
- Baryshnikova, O.I., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G. 2019: *Әтем тиктәнәй телмей. Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского Народа* [Why the Proverb Says So? It Is Not for Nothing That It Is Said: An Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Nağaybäks]. Magnitogorsk.
- Gupalo, A.G. 2023: *Nagaybaskaya missiya v XIX – nach. XX v.* [The Nağaybäk Mission in the 19th – early 20th Century]. Chelyabinsk.
- Mineev, P.M., Mineeva, V.A. 2017: *Russko-nagaybaskiy slovar'. Nagaybasko-russkiy slovar'. Russko-nagaybaskiy tematicheskii slovar'* [Russian- Nağaybäk Dictionary. Nağaybäk-Russian Dictionary. Russian- Nağaybäk Thematic Dictionary]. Chelyabinsk.

- Mikhin, A.N. 2023: Kladovaya nagaybaskikh slov v kollektzii sobiratelya N.P. Vasil'eva [A Library of Nağaybäk Words in the Collection of the Collector N.P. Vasilyev]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 217–221.
- Novikov, D.A. 2023: Vetvrach, tyurkolog, kraeved (kolleksiya Nikolaya Pavlovicha Vasil'eva) [Veterinarian, Turkologist, Local Historian (Collection of Nikolay Pavlovich Vasiliev). In: «Blagoslovenny pervye shagi...» [“Blessed are the first steps...”] 17, Magnitogorsk, 207–209.
- Orlikova A.A. 2023: Naimenovaniya vidov odezhdy nagaybakov: krasota i praktichnost' [Names of the Nağaybäk Clothing: Beauty and Practicality]. In: «Blagoslovenny pervye shagi...» [“Blessed are the first steps...”] 18. Magnitogorsk, 197–200.
- Tepteev, A.G. 2015: Stranitsy iz Istorii Nagaybaskoy Stanitsy [Pages from the History of the Nağaybäk Village]. In: *Etnokul'turnoe i religioznoe mnogoobrazie Uralo-Povolzhskogo regiona* [Ethnocultural and Religious Diversity of the Ural-Volga Region]. Orenburg, 40–51
- Teryakov, I.G., Shulezhkova, S.G. 2024: *Russko-nagaybaskiy slovar' (po materialam dialekta sela Fershampenuaz)* [Russian- Nağaybäk Dictionary (Based on the Dialect of the Village of Fershampenuaz)]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Baryshnikova, O.I. 2023: *Russko-nagaybaskiy razgovornik* [Russian-Nağaybäk Phrasebook]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G. 2024: Pravoslavie i pis'mennost' kak faktory sokhraneniya nagaybaskogo etnosa [Orthodoxy and Literature as Factors in Preserving the Nağaybäk Ethnic Group]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue] 13/5, 140–159.
-
-
-

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАГАЙБАКОВ О ЖЕНЩИНЕ И ЕЕ РОЛИ В СЕМЬЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Н.В. Позднякова¹, С.А. Анохина²*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*¹ E-mail: nvp2018@bk.ru ² E-mail: asa.06@inbox.ru¹ ORCID: 0000-0001-5680-6298 ² ORCID: 0000-0002-9174-3584

Важной частью при характеристике любого этноса является семья и отношения в ней, т.к. именно родственные отношения аккумулируют нравственные устои, отражающие общество в целом. Для нагайбаков, особой этнорелигиозной группы, в основе самосознания которой, наряду с принадлежностью к тюркским народам, заложено православие и казачество, семейные отношения – один из столпов, на котором зиждется этнос.

В данной статье предпринята попытка на основе данных толкового словаря пословиц и поговорок нагайбакского народа¹ выявить важные, с точки зрения носителей нагайбакского языка, представления о женщине и ее роли в семье.

Отношение с женщиной и создание семьи в нагайбакских поговорках представлены как важный этап жизни любого нагайбака. Сословные и религиозные особенности изучаемого этноса, несомненно, накладывают отпечаток «на устройство семьи и распределение ролей внутри неё и, как следствие, на положение женщины не только в кругу родных, но и в обществе в целом»².

Состав тематической группы обозначений женщин по их статусу в семье, отмеченных в нагайбакских пословицах и поговорках, позволяет получить представление о том, какие роли воспринимаются в нагайбакской языковой картине мира как наиболее важные. На первом месте по частотности в пословицах и поговорках, безусловно, лексема *қатын*, имеющая два значения – «1. Женщина. 2. Жена»³.

По данным нагайбакских поговорок, предназначение женщины раскрывается в семье, благополучие которой не в последнюю очередь зависит от жены (*Жүнне қатын өен сақлы, ә жүнсезе жіңе белән шәщеп бетерә // Добрая жена дом сбережёт, а худая рукавом растрясёт; Жүнне тормыш қатыннан тора // Мир в семье женой держится*). При этом положительными качествами признаются лишь доброта и хозяйственность (*Өлешең күрә көмешең // Добрая жена – мужней голове корона; Үнне қатын өен сақлы, ә жүнсезе шіңе белән шәщеп бетерә // Добрая жена дом сбережёт, а худая рукавом растрясёт*;

Данные об авторах. Наталья Викторовна Позднякова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова; Светлана Анатольевна Анохина – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ ИАФ МГТУ им. Г.И. Носова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Челябинской области (№ 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как база для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала»).

¹ Барышникова и др. 2019.² Босова, Позднякова 2024, 187.³ Барышникова, Шулежкова 2023, 140.

Әйбәт қатын да майлы (итле) аш – шуннан да әйбәтне эзләмә // Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Қатын ууса – қазна, уумаса – қаза // Умелая жена – богатство, а неумелая – горе).

В отличие от немногочисленных положительных качеств жены, зафиксированных в нагайбакских пословицах и поговорках, спектр отрицательных очень разнообразен. В первую очередь порицается злость (*Жаман қатын – шайтан қамшысы (таяғы) // Злая жена – та же змея (Злая жена злее зла); Усал қатын белән торғыншы, аша ипей сыу белән // Лучшие есть хлеб с водою, чем жить со злою женою*) и болтливость (*Ике әбей (қатын) – базар, өиц – жәрминкә // Где две бабы, там суем (сходка), а где три – содом; Ирнең сузе – бер булыр, қатынныңы жәз булыр // Мужское слово – одно, женское – сто*). Ну и, конечно, нагайбаки осуждают ревность (*Әйбәт қатын да, бик көңиңән // Хороша жена, да ревнива*); неумение вести домашнее хозяйство, лень (*Энә тоға белмәгән кеше – қатын төгел, балта тоға белмәгән кеше – ир төгел // Если иголку держать не умеет – не женщина, если топор держать не умеет – не мужчина; Қатыннар шома (жирдә) өйдә, кисмәктә сыу жуқ // Где бабы гладки, там воды нет в кадке*); глупость (*Қатын – қызның иңиңе озын, ақылы қысқа // У женщин волосы длинные, ум короткий // У бабы волос долог, да ум короткий*).

При этом, по народным представлениям, «нагайбак несвободен в выборе спутницы жизни – жена (как и смерть) предопределена Богом»⁴: *Үлем дә қатын – қодай биргәннәц // Смерть да жена Богом суждена*).

Вторая важнейшая роль женщины в семье, отражённая в пословицах и поговорках нагайбаков, – *инәй, инә, нәнәү⁵ (мать)*. Мать в семье – средоточие любви, заботы и защиты (*Ата – беләк, инә – жәрәк // Отец – плечо, мать – душа (сердце); Жүнне (әйбәт) инә – таи қойма // Мать праведна – ограда каменна; Атасыз жәрты жәңгыз, ә инәсез бәтәннәй/бәтә жәңгыз // Ребёнок без отца – полсироты, а без матери – полный сирота*). Связь матери с детьми неразрывна (*Улының бармағы ауыртса, инәсенең жәрәге ауырта // Если у сына палец болит, у матери сердце болит; Инәгә бар бала да бер, жәрәкне жара // Матери все дети равны – одинаково сердцу больны*).

В пословицах и поговорках нагайбакского народа отмечены обозначения младшего поколения женщин в семье – *қыз⁶ (дочь)* и *жиңгей, килен⁷ (сноха)*.

Дочь в пословицах и поговорках нагайбаков в основном представлена как временный член семьи: она, в отличие от сына, должна уйти в другую семью, выйдя замуж (*Ата – инәмне қарыем – аларға түлеем, улымны үстерәм – үзем өицен, қызымны үстерәм – жәилгә жибәрәм // Отца-мать кормлю – долг плачу, сыновей в люди вывожу – взаимы даю, дочь снабжаю – за окно бросаю; Улының үстер – үзең өицен, қызыңны үстер – берәу өицен // Сына расти – для себя, дочь расти – для чужого человека // Сына корми – себе пригодится, дочь корми – людям сгодится*). Однако это не означает, что воспитанию дочерей не уделяется должного внимания, ведь именно из дочерей вырастают хорошие жены и матери, и эти качества проявляются уже в семье родителей (*Қызлы кеше – қадерле кеше // Человек с дочерью – ухоженный человек*).

Лексемы *жиңгей, килен (сноха)* в нагайбакских пословицах и поговорках функционируют неоднократно, причём чаще всего в негативном контексте. Сноху осуждают за злость, лень, капризы (*Көйсез (жәлқау) килен уқылау, қуна сайлаған // Капризная (ленивая) сноха не могла выбрать скалку и доску; Ике килен – килендәи: берсе жәлқау, берсе жәғш // Две снохи – сношеницы: одна – лентяйка, другая – молодая*). Положение снохи в семье, согласно нагайбакским пословицам и поговоркам, весьма незавидное: *Килен кеше ким кеше, алабай белән тиң кеше (букв. ‘Сноха унижена до уровня собаки’)*. При подобном отношении к снохам понятен наказ родителей перед свадьбой дочери: *Киткән*

⁴ Анохина, Позднякова 2023, 230.

⁵ Барышникова, Шулежкова 2023, 103; Теряков, Шулежкова 2024, 106.

⁶ Барышникова, Шулежкова 2023, 149.

⁷ Барышникова, Шулежкова 2023, 84, 114; Теряков, Шулежкова 2024, 194.

жирендә таи бул // Выйдешь замуж – стань камнем. Отрицательный образ снохи в пословицах и поговорках нагайбаков сложился, конечно, под влиянием отношения к снохам их антагонистов – свекровей (*Балдан татлы баласы, қотырған эт анасы // букв. ‘Слаще мёда – детка, сумасшедшая собака – мать’ – так свекровь говорит о своём внуке и о его матери – своей снохе*). Показательно, что народная мудрость фиксирует и своеобразную диалектику отношений в семье (*Мин жәши цагында беемнәр усал булды, қартайғаным – киленнәр усал // Когда я была молодая, свекровь была злая, постарела – снохи злые*).

Употребление единицы *беем*⁸ (свекровь), а также других обозначений статуса женщины в семье *ирсез қатын*⁹ (вдова), *сеңне*¹⁰ (сестра) в исследуемых пословицах и поговорках носят единичный характер, но даже по ним можно сделать некоторые выводы о представлениях нагайбаков об этих социальных ролях женщины. В пословице *Жәши килен жылыый иртәнге сықыга цақлы, сеңнең жылыый алтын балдаққа цақлы, инәң гүмергә (гүмер бие) // Молода жена плачет до росы утренней, сестрица – до золота кольца, мать – до веку сестрица* (вероятно, с точки зрения брата) предстаёт как легкомысленная и падкая до украшений особа, противопоставленная как молодой жене, так и матери.

В пословице *Қурқақың қолы булғынцы, батырның толы бул (Лучше быть вдовой героя, чем женой труса)* проявляется связь нагайбакского народа с воинской службой. Нагайбачки, жены казаков, принимают готовность своих мужей защищать Родину даже ценой жизни. Данное убеждение приобретает особую значимость на фоне других пословиц, отражающих важность семьи для нагайбакской женщины: *Ир бағыты ил белән, қатын бағыты ир белән // Счастье мужчины с Отчиной, счастье женщины – с мужем; Ирле қатын диңгез кицәр, ирсез қатын ақырып – бақырып қалыр // Жена с мужем море пересечёт, а без мужа останется – наплачется*.

Таким образом, нагайбакские паремии позволяют воссоздать фрагмент языковой картины мира нагайбаков, центром которого является женщина как жена, мать, дочь, сноха в традиционной казачьей семье.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохина, С.А., Позднякова, Н.В. 2023: Представления нагайбаков о Боге на материале пословиц и поговорок с компонентом Қодай (Бог). *ПИФК* 4, 228–232.
- Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. 2023: *Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами*. Москва.
- Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. 2019: *Әйтем тиктән әйтелмей. Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск.
- Босова, А. Ю., Позднякова, Н. В. 2024: Феминитивы в языке нагайбаков. В сб.: «Благословенны первые шаги...»: сборник работ молодых исследователей. 18. Магнитогорск, 187–191.
- Теряков, И.Г., Шулежкова, С.Г. 2024: *Русско-нагайбакский словарь (по материалам диалекта села Фершампенуаз)*. М.

REFERENCES

- Anokhina, S.A., Pozdnyakova, N.V. 2023: Predstavleniya nagaybakov o Boge na materiale posloviits i pogovorok s komponentom Kodai (Bog) [Nağaybäk Concepts about God Based on Proverbs and Sayings with the Kodai (God) Component]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 228–232.

⁸ Теряков, Шулежкова 2024, 185.

⁹ Барышникова, Шулежкова 2023, 106.

¹⁰ Барышникова, Шулежкова 2023, 187.

-
- Baryshnikova, O.I., Shulezhkova, S.G. 2023: *Nagaybasko-russkiy slovar' s grammaticeskimi pometami* [Nağaybäk-Russian Dictionary with Grammar Notes]. Moscow.
- Baryshnikova, O.I., Osipova, A.A., Shulezhkova, S.G. 2019: *Әтем тиктәнәй телмәй. Poslovitsa nedarom molvitsya: tolkovyy slovar' poslovits i pogovorok nagaybaskogo Naroda* [Why the Proverb Says So? It Is Not for Nothing That It Is Said: An Explanatory Dictionary of Proverbs and Sayings of the Nağaybäks]. Magnitogorsk.
- Bosova, A. Yu., Pozdnyakova, N. V. 2024: Feminitivy v yazyke nagaybakov [Female Gender Marking in the Nağaybäk Language]. In: «*Blagoslovenny pervye shagi...*» [“Blessed are the first steps...”] 18. Magnitogorsk, 187–191.
- Teryakov, I.G., Shulezhkova, S.G. 2024: *Russko-nagaybaskiy slovar' (po materialam dialekta sela Fershampenuaz)* [Russian-Nağaybäk Dictionary (Based on the Dialect of the Village of Fershampenuaz)]. Moscow.
-
-
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – *Античный мир и археология*. Саратов
БИ – *Боспорские исследования*. Керчь–Симферополь
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
ВИ – *Вопросы истории*. Москва
ДБ Suppl. III – *Древности Боспора. Suppl. III. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Москва
ДБ – *Древности Боспора*. Москва
ЗООИД – *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса
ИГАИМК – *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. Москва– Ленинград
КБН-альбом – Гаврилов, А.К. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом)*. СПб., 2004
КБН – Струве, В.В. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. М.–Л., 1965
КСИА – *Краткие сообщения Института археологии*. Москва
КСИИМК – *Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР*. Москва
МАИЭТ – *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь
МИА – *Материалы и исследования по археологии СССР*. Москва
Мнемон – *МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира*. Санкт-Петербург
НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь
НО – *Надписи Ольвии*. Л., 1968
НЭ – *Нумизматика и эпиграфика*. Москва
ОА СПбГУ – Объединенный архив СПбГУ. Санкт-Петербург
ООИД – *Одесское общество истории и древностей*. Одесса
ПИФК – *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – *Российская археология*. Москва
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
САИ – *Свод археологических источников*. Москва
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Санкт-Петербург
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург
AJA – *American Journal of Archaeology*. New York
AS – *Ancient Society*. Leuven
BAR IS – *British Archaeological Reports International Series*. Oxford
BSH – *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris
BSS – *Black Sea Studies*. Aarhus
CQ – *Classical Quarterly*. Oxford–London–New York
Der neue Pauly 6 – *Der neue Pauly Enzyklopädie der Antike*. Bd. 6. Stuttgart, 1999
IG – *Inscriptiones Graecae*. Berolini

- IOSPE II – Latyshev, B. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Vol. II. Petropoli, 1890
- IOSPE P² – Latyshev, B. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1915
- IOSPE – *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1885–1916
- JHS – *Journal of Hellenic Studies*. London
- LGPN IV – Fraser, P.M., Matthews, E. *A Lexicon of Greek personal names*. Vol. IV. Oxford, 2005
- OGIS – Dittenberger, G. *Orientalis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. 2. Lipsiae, 1905
- RE – *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly – Wissowa*. Neue Bearbeitung. Stuttgart–München
- Syll.³ – Dittenberger, G. et al. *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Vol. 1–4. Lipsiae, 1914–1924
- TBR – Яйленко, В.П. *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковальчук А.В., Масленников А.А.</i> (Москва) – Керамические клейма и хронология поселения «Пустынный берег III» в Крымском Приазовье	5
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – Трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» как источник по истории Херсонеса Таврического.....	26
<i>Растегаева М.Н.</i> (Саратов) – К вопросу об участии Ольвии в римско-боспорской войне 45–49 гг. н.э.	58
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула) – Столкновение Филиппа II с трибаллами (339 г. до н.э.)	76
<i>Холод М.М.</i> (Санкт-Петербург) – Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (Часть III).....	89
<i>Энзельдт О.С.</i> (Ярославль) – Проблемы органологии в изучении древнегреческих струнных музыкальных инструментов семейства лир	103
<i>Конопаткин В.А.</i> (Москва) – Власть римского императора и публичные празднества в конце IV–V вв.	115
<i>Шмелева Л.М.</i> (Казань) – Первый римско-карфагенский договор в контексте международных отношений в Западном Средиземноморье во второй половине VI в. до н.э.	126
<i>Васильев А.В.</i> (Санкт-Петербург) – К вопросу об историчности ритуала <i>evocatio deorum</i> в случае с Юноной Региной из Вей.....	141
<i>Кудрявцева Т.В.</i> (Санкт-Петербург) – Эмилия Пудентилла: скромное обаяние провинциальной матроны.....	153
<i>Сухова Ж.М.</i> (Нижний Новгород) – Религиозное многообразие и особенности религиозных учений городов позднеантичной Палестины	166

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Бейлин Д.В., Яйленко В.П.</i> (Москва) – Иудейские эпитафии из некрополя близ Павловского мыса в окрестности Пантикапея	183
<i>Егорова Т.В., Чебышев Г.С.</i> (Москва) – Погребение с двумя подбоями некрополя Танаиса (раскопки 2022 г.).....	212

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Винокуров Н.И., Яйленко В.П.</i> (Москва) – Храм Зевса Генарха с посвятительной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье.....	231
---	-----

В МУЗЕЯХ МИРА

<i>Негин А.Е., Шестакова М.С.</i> (Нижний Новгород) – Неразрушающие исследования шлема XII–XIII вв. из Городца	272
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Нефедкин А.К.</i> (Санкт-Петербург) – Памяти ленинградского антиковеда Константина Павловича Лампсакова (1914–1941).....	283
<i>Герасимова В.В.</i> (Москва) – Коричневоглиняные амфоры: история изучения и современное состояние проблемы.....	297
<i>Павличенко Н.А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Прохорова Т.А.</i> (Севастополь) – Переписка В.В. Латышева и К.К. Косцюшко-Валюжинича в архивах Санкт-Петербурга и Севастополя	308

Материалы Круглого стола «Изучение памятников наскального искусства»

<i>Король Г.Г.</i> (Москва) – Орнитоморфные мотивы средневекового художественного металла Саяно-Алтая и Тянь-Шаня.....	317
--	-----

Материалы Круглого стола «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии» (Магнитогорск, 11–12 ноября 2024 г.)

<i>Осипова А.А.</i> (Магнитогорск) – Создание письменности – единственный способ сохранения нагайбакского этноса	338
<i>Михин А.Н., Шулержкова С.Г.</i> (Магнитогорск) – Традиционная одежда казака-нагайбака (по материалам коллекции собирателя Н.П. Васильева).....	340
<i>Позднякова Н.В., Анохина С.А.</i> (Магнитогорск) – Представления нагайбаков о женщине и ее роли в семье на материале пословиц и поговорок.....	345

CONTENTS

<i>A.A. Maslennikov</i> (Moscow) – Ceramic Stamps and Chronology of the Pustynny Bereg III Settlement, the Crimean Azov Region	5
<i>S.Ju. Saprykin</i> (Moscow) – Euripides' Tragedy "Iphigenia among the Taurians" as a Source on the History of Chersonesus Taurica.....	26
<i>M.N. Rastegaeva</i> (Saratov) – On the Question of Olbia Participation in the Roman-Bosporan War of AD 45–49	58
<i>A.A. Kleymenov</i> (Tula) – Philip II's Conflict with the Triballi in 339 BC	76
<i>M.M. Kholod</i> (Saint Petersburg) – Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 3)	89
<i>O.S. Enz-eldt</i> (Yaroslavl) – Problems of Organology in the Study of Ancient Greek String Musical Instruments from the Lyre Family.....	103
<i>V.A. Konopatkina</i> (Moscow) – Roman Emperor's Power and Public Festivities in the Late Fourth and Fifth Centuries	115
<i>L.M. Shmeleva</i> (Kazan) – The First Roman-Carthagian Treaty in the Context of International Relations in the Western Mediterranean in the Second Half of the Sixth Century BC....	126
<i>A.V. Vasilyev</i> (Saint Petersburg) – On the Historicity of the evocatio deorum and its Use in the Case of Juno Regina from Veii.....	141
<i>T.V. Kudryavtseva</i> (Saint Petersburg) – Aemilia Pudentilla: the Modest Charm of a Provincial Matron.....	153
<i>Zh.M. Sukhova</i> (Nizhny Novgorod) – Religious Diversity and Features of Religious Teachings in Palestine Cities in Late Antiquity	166

PUBLICATIONS

<i>D.V. Beylin</i> (Kerch), <i>V.P. Yaylenko</i> (Moscow) – Jewish Epitaphs from the Pavlovsky Cape Necropolis near Panticapaeum	183
<i>T.V. Egorova</i> , <i>G.S. Chebyshev</i> (Moscow) – A Shaft-Bi-Chamber Grave in the Tanais Necropolis (2022).....	212

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>N.I. Vinokurov</i> , <i>V.P. Yaylenko</i> (Moscow) – Temple of Zeus Genarch with Dedication Inscription of King Pharnaces at the Artezian Settlement (the Crimean Azov Region) ..	231
--	-----

IN WORLD MUSEUMS

<i>A.E. Negin</i> , <i>M.S. Shestakova</i> (Nizhny Novgorod) – Non-Destructive Research of the 12th–13th cc. Helmet from Gorodets	272
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

A.K. Nefedkin (Belgorod) – In Memory of the Leningrad Classical Scholar Konstantin Pavlovich Lampsakov (1914–1941)..... 283
V.V. Gerasimova (Moscow) – “Brown-Clay” Amphorae: Historiography and the State of Current Research..... 297
N.A. Pavlichenko, T.A. Prokhorova (Moscow) – Correspondence between V.V. Latyshev and K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich in the Archives of Saint Petersburg and Sevastopol.... 308

Materials of the Round Table “Rock Art Studies”

G.G. Korol (Moscow) – Ornithomorphic Motifs of Medieval Artistic Metal from the Sayan-Altai and Tien Shan..... 317

*Materials of the Round Table
“Current Research in Ethnoarchaeology and Historical Ethnology
(Magnitogorsk, November 11–12, 2024)”*

A.A. Osipova (Magnitogorsk) – Creation of Writing is the Only Way to Preserve the Nağaybäks Ethnos..... 338
A.N. Mikhin, S.G. Shulezhkova (Magnitogorsk) – Traditional Clothes of the Cossak-Nağaybäks (Based on N.P. Vasilyev’s Collection Materials) 340
N.V. Pozdnyakova, S.A. Anokhina (Magnitogorsk) – Nağaybäks' Ideas about Woman and her Role in the Family (Based on Proverbs and Sayings)..... 345

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

16+

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2024

Сдано в набор 10.11.2024. Подписано в печать 15.12.2024.

Дата выхода 30.12.2024.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.